

Архангельский центр
Русского географического общества

ТРУДЫ
АРХАНГЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА

Сборник научных статей

Выпуск 2

Архангельск
2014

УДК 91:001.32(082)+94(470.11)(082)
ББК 26.8л5я43+63.3(2Рос-4Арх)я43
Р 89

*Печатается по решению Учёного совета Архангельского центра
Русского географического общества*

Составители: Г.А. Лепин, В.А. Любимов, Л.Д. Попова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

канд. геогр. наук **Н.М. Бызова**, канд. геогр. наук **Л.Ю. Васильев**,
В.В. Брызгалов, канд. геогр. наук **В.С. Кузнецов**, **Г.А. Лепин**,
В.А. Любимов (отв. ред.), д-р геогр. наук **Иг.В. Мискевич**,
д-р культурологии **Л.Д. Попова**, д-р с.-х. наук **В.Ф. Цветков**

Статьи представлены в авторской редакции

Русское географическое общество (Санкт-Петербург). Архангельский
Р 89 центр.

Труды Архангельского центра Русского географического общества:
сборник научных статей / [редкол.: В.А. Любимов (отв. ред.) и др.]. –
Архангельск, 2013. – Вып. 2 / [сост.: Г.А. Лепин и др.]. – 2014. – 374 с.:
ил., фот., рис., табл. ISBN 978-5-7536-0433-0.

Агентство СІР Архангельской ОНБ

Предлагаемый читателю сборник состоит из двух разделов. Открывают его материалы о председателях Архангельского центра РГО и освещающие деятельность Арктического плавучего университета. В первый раздел входят работы действительных членов Русского географического общества. Во второй раздел входят материалы научных чтений, посвященных 120-летию со дня рождения Ксении Петровны Гемп «РУССКИЙ СЕВЕР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ», прошедшие 20 декабря 2014 г. в городе Архангельске.

Финансирование издания осуществлялось за счет средств, полученных от Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» в рамках проекта по Договору № 04/2014-П1 о безвозмездной помощи (пожертвовании) от 26 мая 2014 г. (руководитель к.г.н. Л.Ю. Васильев).

УДК 91:001.32(082)+94(470.11)(082)
ББК 26.8л5я43+63.3(2Рос-4Арх)я43

ISBN 978-5-7536-0433-0

© Арханг. центр Всерос. общест. орган.
«Русское географическое общество», 2014
© ОАО «Соломбальская типография», 2014

ПРЕДСЕДАТЕЛИ АРХАНГЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

*Васильев Л.Ю., *Иляхунова Е.И.*

Архангельский центр РГО, Архангельск, fregat128@rambler.ru

*Северное УГМС, novapogoda@yandex.ru

Своими успехами Архангельский центр Русского географического общества признательно своим председателям: Б.Е. Райкову (1944-1945 гг. – отозван в город Ленинград), Г.О. Голято (1945-1948 гг.), Г.Я. Наливайко (1949-1968 гг.), К.П. Гемп (1969-1972 гг.), В.Г. Чертовскому (1972-1983 гг.), Н.Н. Колесниченко (1983-1985 гг.), М.Н. Белогубовой (1985-2000 гг.), В.Ф. Цветкову (2000-2005 гг.), Иг.В. Мискевичу (2005-2010 гг.), Л.Ю. Васильеву (2010 г.- по наст. время).

РАЙКОВ Борис Евгеньевич (21.09.1880, Москва – 01.08.1966, поселок Лисий Нос Ленинградской области), биолог, географ, медик, педагог-методист, историк науки, профессор (1918 г.), доктор педагогических наук (1944 г.), академик Академии педагогических наук РСФСР (1945 г.), заслуженный деятель науки РСФСР (1961 г.). В 1899 г. поступил на естественное отделение физико-математический факультет Петербургского университета, но 16 декабря 1900 г. был арестован за председательствование на студенческих сходках 25-28 ноября. В 1905 г. сдал государственные экзамены экстерном в Санкт-Петербургском университете. Проректор, профессор Психоневрологического института (1916–1920 гг.). Он был инициатором созыва в 1921 г. 1-го съезда преподавателей естествознания Северной области. Председатель общества распространения естественно-научных знаний (1921–1930 гг.). Профессор, заведующий кафедры Методики естествознания педагогического института (ныне Российский государственный

педагогический университет) им. А.И. Герцена (1922–1930 гг.). После ареста 1 июня 1930 г. органами ОГПУ он был осужден «за вредительскую деятельность» и направлен на строительство Беломорско-Балтийского канала. Заведовал санитарно-биологической лабораториями на Беломорско-Балтийском канале, в туберкулёзной санатории Медвежьегорска. Райков Б.Е. был реабилитирован 13 августа 1940 г. Переехал в Архангельск. С 15 ноября 1941 г. заведовал кафедрой естественно-географических дисциплин, профессор, создатель и первый декан с 1 августа 1943 г. естественно-географического факультета Архангельского государственного педагогического института. Организатор двух первых научных конференций АГПИ (1943 и 1944 гг.). Он организатор и первый председатель Архангельского отделения (30 августа 1944 г.) Географического общества СССР. Райков Б.Е. первый на Архангельском Севере доктор педагогических наук и академик АПН РСФСР. Консультант санитарно-биологической лаборатории городской больницы им. Н.А. Семашко и поликлиники водников (1944–1945 гг.). С октября 1945 г. работал в Ленинграде. Автор 655 трудов в области физической географии, истории

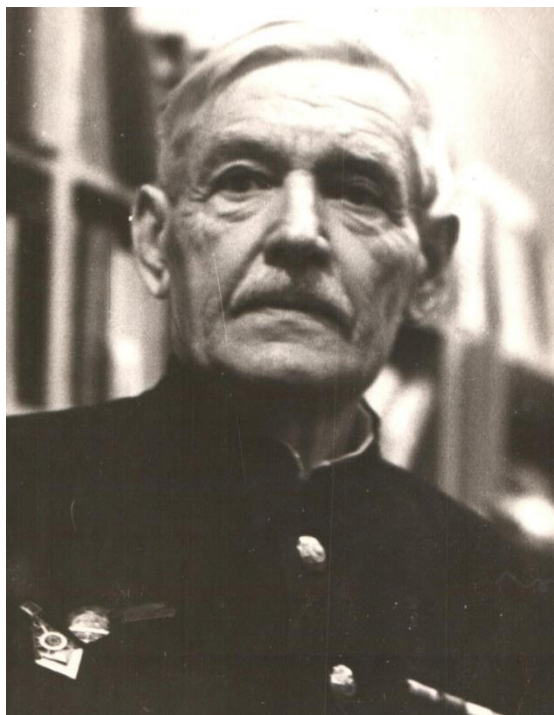
естествознания в России, методики преподавания биологии. С 1944 г. по 1945 г. был председателем Северного отделения Всесоюзного географического общества при АН СССР.

Ист.: На жизненном пути: Автобиографические очерки. Архив С.-Петер. Отд. РАН. Ф. 893. Оп. 2 № 26 (1962). С. 89–209; Райков Борис Евгеньевич. Архив Поморского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова. Ф. 1. Оп. 6-а. Д. 288а. С. 1–8.

Соч.: Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.; Л., 1937; Общая методика естествознания. М.-Л., 1947; Русские биологи-эволюционисты по Дарвину. М.-Л., 1947–1959; Пути и методы натуралистического просвещения. М., 1960; Карл Бэр, его жизнь и труды. М., 1961.

Лит.: *Лукина Т.А.* Борис Евгеньевич Райков. Л., 1970; *Колбасенко М.К.* Архангельский период жизни и деятельности профессора Б.Е. Райкова // Слово о людях и земле Поморской. Архангельск, 1993. С. 48–65; *Она же.* Первый декан естественно-географического факультета Архангельского педагогического института профессор Б.Е. Райков // Вестник Поморского университета. Сер. естеств. и точных наук. 2002. № 3. С. 85–90; *Краснопольский А.В.* Отечественные географы (1917–1922). СПб., 1993. Т. 2. С. 231–232; *Макаров Н.А.* Райков Борис Евгеньевич // Знаменитые люди Севера: от М.В. Ломоносова до наших дней. Архангельск, 2006. С. 172–174.; *Копылова М.Б.* Развитие идей Б.Е. Райкова в современной теории и методике обучения биологии // Знаменитые люди Севера: от М.В. Ломоносова до наших дней. Архангельск, 2006. С. 175–178.; *Булатов В.Н.* Райков Борис Евгеньевич // Природа Архангельского Севера: Поморская энциклопедия. Архангельск, 2007. Т. 2. С. 438; и др.

ГОЛЯТО Г. О. кандидат биологических наук, работал директором Стационара Академии наук СССР в Архангельске. С 1945 г. по 1948 г. был председателем Северного отделения Всесоюзного географического общества при АН СССР.

НАЛИВАЙКО Георгий Яковлевич – (1891–1973 гг.), инженер, начальник Управления северных портовых изысканий (1924–1957 гг.), участник изыскательских работ по строительству Херсонского, Николаевского и Архангельского портов, почетный полярник, почетный работник морского флота.

В 1915 году выпускник Петербургского института путей сообщения Георгий Наливайко прибыл в Архангельск в изыскательскую партию, работавшую в районах Северной Двины и Двинского залива. Приехал на два года, а остался на всю жизнь. Партия изыскателей, возглавляемых Наливайко, определила место для строительства аванпорта, расположенного ближе к морю, чем Бакарица: изыскания эти легли в основу проекта порта Экономия. Потом Наливайко искал не замерзающую круглый год гавань. Были разные варианты, но остановились на устье реки Колы, где в это время стоял маленький посёлок Романов на

Мурмане. На этом месте впоследствии был построен город Мурманск.

В 1919 году Наливайко получил от Советской власти мандат начальника изыскательской партии, и с тех пор начались его многолетние экспедиции по Крайнему Северу. И вполне естественно, что не было не только в Архангельске, но и на всём Севере

человека, который так превосходно знал бы гидрологию северных рек и морей, характеристику их побережий, столь необходимые для гидротехнического строительства. Много лет Наливайко был председателем Северного отделения Географического общества СССР и даже в 80 лет оставался в строю — работал неутомимо и самозабвенно.

В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. был непосредственным организатором ледовых переправ на акватории порта через Северную Двину и Кузнечиху в Архангельске наряду с океанологами Н.Н. Зубовым и М.М. Сомовым. Начальник архангельского отдела «Водпуть» Г.Я. Наливайко взял на себя важнейшую часть работы — он должен был выбрать место для ледовой переправы и разработать техническое задание. Н.Н. Зубову с его помощниками были поручены исследования свойств льда на трассе переправы.

Наливайко Г.Я. проводил капитальные исследования гидрологического режима устья Северной Двины. Работы включали в себя наряду с портовыми изысканиями съемки и промеры важных участков дельты, наблюдения за уровнем воды, измерение течений и расходов воды (в том числе, и приливных расходов), изучение мутности, солености и температуры воды. Он действительный член Русского географического общества с 1923 г. С 1949 г. по 1968 г. избирался председателем Северного отделения Географического общества СССР при АН СССР. В 1961 г. Академия наук СССР вручила Северному отделению Географического общества бронзовую медаль М.В. Ломоносова в ознаменовании 250-летия со дня рождения основоположника отечественной науки М.В. Ломоносова.

Лит.: *Славин С.В., Тузлукова В.И.* Георгий Яковлевич Наливайко, 1891-1973 // *Летопись Севера*. М., 1975. Т.7. С. 163-164; *Титова Т.В.* Наливайко Георгий Яковлевич // *История Архангельского Севера: Поморская энциклопедия*. Архангельск, 2001. Т. 1. С. 255.

ГЕМПИ Ксения Петровна [5(17).12.1894 г., Санкт-Петербург — 03.02.1998 г., Архангельск], учёный-биолог, альголог (водорослевед), географ, историк, этнограф, краевед; почётный гражданин города Архангельска (1984 г.), почётный член Географического общества СССР (1976 г.), почётный член Всесоюзного Пушкинского общества (1990 г.), почётный доктор Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Северного государственного медицинского университета, почётный член Ломоносовского фонда (1994 г.). В 1912 г. окончила Архангельскую Мариинскую женскую гимназию, в 1917 г. — Высшие женские курсы (Бестужевские) в Санкт-Петербурге. С 1917 по 1925 гг. работала преподавателем истории в школах Петрограда и Архангельска. С 1925 по 1930 гг. заведовала научно-технической библиотекой, с 1930 г. учёный секретарь Института промышленных изысканий, который в 1937 г. преобразован в Центральную Водорослевую

научно-исследовательскую лабораторию. В 1943 г. возглавила лабораторию, вошедшую в 1958 г. в состав Северного научно-исследовательского института промышленности. С 1963 г. и до выхода на пенсию (1974 г.) заведовала лабораторией морских водорослей Северного отделения ПИНРО им. Н.М. Книповича. В 1927 г. начала заниматься исследованиями морских водорослей. Под её руководством проведён ряд фундаментальных исследований флоры и запасов промысл. водорослей Белого, Баренцева и Балтийского морей, позволивших

дать качественную и количественную оценку запасов и разработать рекомендации по их рациональному использованию. В ноябре 1943 г. выезжала в блокадный Ленинград, где наладила производство из водорослей витаминных питательных масс. Важное государственное значение имеют выполненные при участии и под руководством Гемп К.П. исследования водорослей-обрастателей в заливах Белого и Баренцева морей, перспективных для строительства приливных электростанций. Эта работа была использована при проектировании и строительстве первой в СССР Кислогубской приливной электростанции и получила высокую оценку гидростроителей. В 1971 г. закончила работы, позволившие дать биотехнические обоснования искусственного разведения в Белом море водорослей-агароносов. В 1972 г. разработан и составлен атлас распределения промысловых водорослей Белого м. Автор более 70 печатных и рукописных работ по вопросам альгологии, истории и географии Северного края. Награждена орденом Трудового Красного Знамени (1963 г.), медалью «За оборону Ленинграда» (1944 г.), Почётной грамотой Верховного Совета РФССР (1946 г.), знаком «Отличник соцсоревнования рыбной промышленности СССР», почётными грамотами Министерства рыбного хозяйства СССР. Действительный член Русского географического общества с 1945 г. С 1969 г. по 1972 г. была председателем Архангельского отдела Северного филиала Географического общества СССР при АН СССР.

Соч.: Водоросли Белого моря. Петрозаводск, 1956 (в соавт.); Результаты применения методов подводных исследований в изучении водорослей северных морей // Морские подводные исследования. М., 1969. С. 127–130; Новые методы исследования зарослей водорослей в Белом море // Проблемы использования промысловых ресурсов Белого моря и внутренних водоёмов Карелии. М.; Л., 1963. Вып. 1. С. 140–142; Сказ о Беломорье, Архангельск, 1983; То же. 2-е издание, доп. М.-Архангельск, 2004.

Лит.: Кошечкин Б. Уроки родиноведения: История Русского Севера в исследованиях К.П. Гемп // Север. 1989. № 5. С. 98-105; *Волынская В.А.* Ксения Петровна Гемп: К 100-летию со дня рождения // Памятные даты Архангельской области, 1994 г. Архангельск, 1994. С. 32-34; *Волынская В.А.* Гемп Ксения Петровна // История Архангельского Севера: Поморская энциклопедия. Архангельск, 2001. Т. 1. С. 117-118; *Пронина О.А.* Гемп Ксения Петровна // Природа Архангельского Севера: Поморская энциклопедия. Архангельск, 2007. Т. 2. С. 122-123.

ЧЕРТОВСКОЙ Вячеслав Гаврилович (25.10.1927, г. Вельск Архангельской области – 13.01.1985, Архангельск), лесовод. Окончил Архангельский лесотехнический институт (1950 г.), работал в Архангельском научно-исследовательском стационаре АН СССР. В Архангельском институте леса и лесохимии прошёл путь от научного сотрудника до заведующего лабораторией лесоводства и лесоведения, а затем – заместителя директора по научной работе. Результаты многочисленных исследований, выполненных под его руководством, внедрены в производство. Состоял членом Научного совета по проблеме биогеоценологии и охраны природы АН СССР, секции лесоводства и агролесомелиорации ВАСХНИЛ. Участник всесоюзных и республиканских симпозиумов, совещаний и конференций, 13-го конгресса Международного союза научно-исследовательских организаций в

Вене, 12-го международного ботанического конгресса в Ленинграде. Награждён медалью «За трудовую доблесть», бронзовой медалью ВДНХ и др. Автор свыше 150 опубликованных работ. С 1972 г. по 1983 г. избирался председателем Архангельского отдела Северного филиала Географического общества СССР при АН СССР.

Соч.: Долгомошные вырубki, их образование и облесение. М., 1963. 134 с.; Вопросы таежного лесоводства на Европейском Севере. М., 1967. 320 с.; Еловые леса Европейской части СССР. М., 1978. 176 с.; в соавторстве: Предтундровые леса. М., 1987. 168 с.

Лит.: *Аникеева В.А.* Вячеслав Гаврилович Чертовской – видный ученый, лесовод Севера // Знаменитые люди Севера: от М.В. Ломоносов до наших дней. Архангельск, 2006. С. 234-238; *Кашин В.И.* Чертовской Вячеслав Гаврилович // Природа Архангельского Севера: Поморская энциклопедия. Архангельск, 2007. Т. 2. С. 547-548.; Вячеслав Гаврилович Чертовской. Библиографический указатель. Архангельск, 2010. 26 с.

КОЛЕСНИЧЕНКО

Николай

Николаевич (23.11.1923 г., Сумская область, Украина – 08.02.2006 г., Архангельск), гидрометеоролог, заслуженный метеоролог РФ (1998 г.). Из крестьянской семьи. В 1941 г. поступил в Харьковский государственный университет, но учёбу прервала война. В 1945–1947 гг. служил в армии. В 1952 г. окончил с отличием Ленинградский гидрометеорологический институт по специальности «океанология». С 1952 г. работал в Северном УГМС: до 1962 г. заместитель начальника и начальник отдела гидрометеорологической сети, до 1975 заместитель начальника управления, до 2000 г. начальник управления. Под его руководством разработаны и осуществлены мероприятия по гидрометеорологии. Обеспечению развития Тимано-Печорского территориально-производственного комплекса, операций «Ледовый причал», геолого-разведочных работ и промышленной добычи нефти на шельфе

Баренцева моря и острова Колгуев, освоения месторождения алмазов имени М.В. Ломоносова. Колесниченко Н.Н. внёс большой вклад в изучение гидрометеорологии, режима и мониторинг загрязнения природной среды на территории Архангельской и Вологодской областей, Республики Коми, на акваториях Белого и Баренцева морей. В сложных условиях экономических реформ 1990-х годов обеспечил устойчивую работу Северного УГМС и надёжное гидрометеорологическое обслуживание полётов гражданской авиации, судоходства, лесопромышленного комплекса, других отраслей экономики Европейского Севера. Награждён орденами Ленина (1986 г.), Трудового Красного Знамени (1981 г.), многими медалями. Отличник гидрометеослужбы СССР (1967 г.). Почётный работник гидрометеослужбы России (1994 г.). С 1983 г. по 1985 г. был председателем Архангельского филиала Географического общества СССР при АН СССР.

Соч.: Океанографические исследования Белого моря в 1986-1990 годы // Проблемы изучения, рационального использования и охраны природных ресурсов Белого моря. Архангельск, 1990. С. 19-23.

Лит.: *Садков В.* Человечество скоро вылетит в дыру. Озоновую: Опыт неформальной автобиографии // Газета АТК. 1996. 27 января; *Катин Ю.Н.* Колесниченко Николай

БЕЛОГУБОВА Марина Николаевна

родилась 8 декабря 1948 г. в городе Архангельске, окончила Архангельский государственный педагогический институт (1966-1971 гг.) по специальности «география» в 1971-1974 гг., училась в аспирантуре кафедры экономической географии Ленинградского государственного института им. А.И. Герцена. Белогубова М.Н. кандидат географических наук (1974 г.), доктор социологических наук (2000 г.); работала преподавателем кафедры географии, доцентом, деканом естественно-географического факультета АГПИ. В конце 1980-х годов была одним из инициаторов создания ассоциации «Экология Севера», была избрана членом ее правления. В 1989-1990 гг. работала заведующим сектором проблем обучения и воспитания молодежи идеологического отдела Архангельского обкома КПСС, в 1990-1991 гг. заместителем председателя Архангельского облисполкома. В 1991-1993 гг. она

государственный советник по взаимодействию с общественными организациями администрации Архангельской области; с 26.11.1993 г. заместитель главы администрации Архангельской области по вопросам культуры, науки, взаимодействия с общественными организациями. Белогубова М.Н. избиралась председателем областного женского совета, председателем регионального координационного совета общественно-политического движения «Женщины России». С 11 мая 1994 г. она заместитель главы администрации Архангельской области, а с 02.12.1994 г. заместитель председателя правительства Архангельской области по вопросам социально-культурной сферы. Указом Президента РФ № 1683 от 14.12.1996 г. назначена полномочным представителем Президента Российской Федерации в Архангельской области, исполняла свои обязанности по 01.08.2000 г. Марина Николаевна защитила докторскую диссертацию по теме «Безопасность региона Европейского Севера РФ». Работает начальником отдела по работе с общественными организациями и религиозными объединениями аппарата полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе. Действительный член Русского географического общества с 1969 г. С 1985 г. по 1995 г. выбиралась председателем Архангельского филиала Географического общества СССР АН СССР, а с 1995 г. по 2000 г. Архангельского центра Русского географического общества. На X съезде РГО (1995 г.) Архангельская организация Географического общества была признана лучшей в стране и решено следующий съезд Русского географического общества провести в городе Архангельске. Белогубова М.Н. с 1995 г. по 2000 г. была вице-президентом РГО, а в 2000 г. в Архангельске был успешно проведен XI съезд Русского географического общества. Она автор ряда научных работ.

Лит.: Кто есть кто в Архангельске. Архангельск, 1992. Вып. 1. С. 11; Булатов В.Н. Белогубова Марина Николаевна // История Архангельского Севера: Поморская энциклопедия. Архангельск, 2001. Т. 1. С. 71.

ЦВЕТКОВ Василий Фролович родился 28 декабря 1935 г. в деревне Решатиха Шахунского района Горьковской области, лесовед, лесовод, доктор сельскохозяйственных наук (1988 г.), профессор (1996 г.). В 1956 г. окончил лесохозяйственный факультет Архангельского лесотехнического института. Работал лесничим в Горьковской области. С 1960 г. по 1989 г. в Мурманском стационаре Архангельского института леса и лесохимии работал: старшим лаборантом (с 1960 г.), младшим научным сотрудником (с 1961 г.), заведующим стационаром (с 1965 г.), заведующим научно-исследовательской лабораторией (1971–1989 гг.). Цветков В.Ф. изучал сосновые леса Кольской лесорастительной провинции, биологию и экологию кольской разновидности сосны, лесовосстановление, формирование молодых лесов после рубок и лесных пожаров, рубки ухода, системы

лесоводства различного назначения и др. Тема кандидатской диссертации – «Роль подроста сосны в формировании насаждений на вырубках в Мурманской области» (1971 г.), докторская диссертация – «Сосновые леса Мурманской области и система ведения в них хозяйства» (1988 г.). В 1980-х исследовал состояние лесов в зонах промышленного загрязнения: нормирование влияния загрязняющих веществ на лесные экосистемы, изменение состояния, устойчивости, структуры и роста насаждений. С 1989 г. в Архангельске: заместитель директора по научной работе Архангельского института леса и лесохимии, с 1993 г. по 2004 г. зав. кафедрой лесоводства и почвоведения Архангельского государственного технического университета. Читал курсы «Лесоведение», «Лесоводство», «Экологические проблемы лесозексплуатации», «Ландшафтоведение» и др. С участием Цветкова В.Ф. проводятся исследования притундровых лесов, антропогенной динамики насаждений, глобального изменения климата. Разрабатывается программа многоуровневого лесного мониторинга для Европейского Севера, изучается потенциал лесовозобновления на сплошных вырубках. Отмечен поощрительной премией конкурса имени М.В. Ломоносова научно-исследовательских и внедренческих работ по проблемам охраны окружающей среды Архангельской области, формированию экологической культуры населения за работу «Влияние лесопромышленного производства и лесовозобновления на сток реки Северной Двины» (2000 г.). Цветков В.Ф. действительный член Русского географического общества с 1968 г. С 2000 г. по 2005 г. был председателем Архангельского центра Русского географического общества. Автор свыше 180 научных работ.

Соч.: Сосняки Крайнего Севера. М., 1985 (в соавт.); Притундровые леса Европейской части России. Архангельск, 1998 (в соавт.); Камо грядеши: (Некоторые вопросы лесоведения и лесоводства на Европейском Севере). Архангельск, 2000; Лес в условиях аэротехногенного загрязнения. Архангельск, 2003 (в соавт.).

Лит.: Наука Поморья: Справочник. Архангельск, 2002. С. 184; Выпускники АЛТИ–АГТУ. Нам есть кем гордиться. Архангельск, 2004. С. 114; *Бабич Н.А.* Цветков Василий Фролович // Природа Архангельского Севера: Поморская энциклопедия. Архангельск, 2007. Т. 2. С. 540.

МИСКЕВИЧ Игорь Владимирович

родился 21 апреля 1953 г. в городе Архангельске, океанолог, эколог; доктор географических наук (2005 г.). Окончил арктический факультет Ленинградского высшего инженерного училища им. адмирала С.О. Макарова по специальности «океанология» (1975 г.). Работал в Тиксинском управлении гидрометслужбы инженером-гидрохимиком (1975–1979 гг.). С 1979 в Северном УГМС. В 1985 защитил кандидатскую диссертацию, посвященную вопросам моделирования гидрохимических условий устьев рек юго-восточной части Баренцева моря. С 1987 г. зав. лаборатории вод севера в Институте водных проблем АН СССР. В 1989–1999 гг. работал в различных организациях научного профиля в Архангельске. С 1999 г. зав. лаборатории промысловой океанологии Сев ПИНРО. Тема докторской диссертации – «Гидрохимия приливных устьев рек: методы расчётов и прогнозирования». Мискевич И.В. специализируется на экологии водных объектов

северных регионов России и является одним из ведущих специалистов страны по гидрохимии приливных эстуариев (устьев рек). Автор более 80 науч. публикаций, в т. ч. 5 монографий и учебно-методического пособия. Участвовал в подготовках проектов освоения Приразломного нефтяного месторождения, разработки алмазов на шельфе Баренцева моря, строительства железной дороги Пермь – Архангельск и ряда других проектов федерального уровня. Действительный член Русского географического общества с 1980 г. Награждён дипломом Русского географического общества за выдающиеся успехи в области географии (1994 г.). С 2005 г. по 2010 г. был выбран председателем Архангельского центра Русского географического общества.

Соч.: Гидрохимическая характеристика крупных рек бассейна Северной Двины. Л., 1991 (в соавт.); Гидрохимия устьев рек юго-восточной части Баренцева моря // Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР. СПб., 1992. Т. 1. Вып. 2. С. 87–113; Гидрохимия приливных устьев рек: методы расчётов и прогнозирования. Архангельск, 2001 (в соавт.); Острова Петуховского архипелага на Новой Земле в проливе Карские ворота: История. Природа. Экология. Комплексная экспедиция «По следам поморов». Архангельск, 2011. 76 с. Ил (в соавт.).

Лит.: Наука Поморья: Справочник. Архангельск, 2002. С. 306–307. *Новосёлов А.П.* Мискевич Игорь Владимирович // Природа Архангельского Севера: Поморская энциклопедия. Архангельск, 2007. Т. 2. С. 326.

ВАСИЛЬЕВ Леонид Юрьевич родился 29 февраля 1952 г. в городе Саратове, метеоролог, кандидат географических наук (2006 г.). Окончил географический факультет Саратовского государственного университета по специальности «метеорология» (1974 г.). С 1974 по 2014 гг. работал в Северном управлении по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды Росгидромета: инженер, старший инженер, начальник отдела (1974–1981 гг.); заместитель начальника управления (1981–2000 гг.); начальник управления (с 2000 г.). Внёс большой вклад в развитие и совершенствование наблюдательной сети, изучение гидрометеорологического режима, контроль загрязнения природной среды на территории

Архангельской, Вологодской областей, Республики Коми, на акваториях Белого, Баренцева и Карского морей. Под его руководством проведена работа по восстановлению и обеспечению надёжного функционирования полярных гидрометстанций в Арктике: восстановлены станции им. М.В. Попова на о. Белый (2002 г.); им. Э.Т. Кренкеля на о. Хейса Земли Франца-Иосифа (2004 г.). По предложению Васильева Л.Ю. и при его непосредственном участии разработана и внедрена программа технического перевооружения системы сбора и распространения гидрометеорологической информации, которая способствует обеспечению безопасности полётов гражданской авиации, судоходства по рекам Севера и в морях Арктики, защите населенных пунктов от наводнений, работе лесопромышленного комплекса, коммунальной службы, геологоразведки и промышленной добычи нефти, освоению месторождения алмазов в Архангельской области, развитию других отраслей экономики Европейского Севера. Сфера научных

интересов – климатические исследования на территории ответственности Северного УГМС. Тема кандидатской диссертации – «Климатическое районирование Архангельской области». С 2002 г. руководитель и непосредственный исполнитель научно-исследовательской работы «Климатическое районирование и ресурсы Архангельской области». Автор ряда статей по вопросам гидрометеорологического обеспечения отраслей экономики северных регионов России. Руководил исследованиями по истории развития гидрометслужбы на Европейском Севере России, вошедшими в монографию к 90-летнему юбилею организации (2002 г.). Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени (2002 г.). Почётный работник гидрометслужбы России (1997 г.), за большой личный вклад в совершенствование гидрометеорологического обеспечения отраслей экономики северных регионов Российской Федерации, эффективное решение вопросов жизнеобеспечения полярных гидрометеорологических станций удостоен медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» I степени (в 2007 г.). Действительный член Русского географического общества с 1978 г. В 2010 г. выбран председателем Архангельского центра Русского географического общества.

Соч.: Гидрометеорологическое обеспечение и изучение гидрометрежима районов Арктики, прилегающих к трассе Северного морского пути: Доклад на 28 Ломоносовских чтениях. Архангельск, 1999; Гидрометеорологическое обслуживание транспортных отраслей Северным УГМС // Метеоспектр. 2004. № 4. С. 60–63; О внедрении системы пакетной передачи данных на ТДС Северного УГМС // Метеоспектр. 2005. № 1. С. 85–92; История открытия полярных станций на Земле Франца-Иосифа. Архангельск, 2005. С. 5–9 (в соавт.); Вековая летопись гидрометслужбы Европейского Севера России (1912 – 2012). Архангельск, 2014 (в соавт.).

Лит.: Катин Ю.Н. Васильев Леонид Юрьевич // Природа Архангельского Севера: Поморская энциклопедия. Архангельск, 2007. Т. 2. С. 97.

СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ЭКСПЕДИЦИЙ «АРКТИЧЕСКИЙ ПЛАВУЧИЙ УНИВЕРСИТЕТ 2014»

Н.М. Бызова

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Архангельск, bnmgeo@yandex.ru

Для работы в Арктике большое значение имеет профессиональный уровень кадров, их конкурентноспособность на современном рынке труда. Компетентность, определенные личностные качества позволяют молодым специалистам свободно ориентироваться в сложных современных информационных потоках и технологиях для успешного решения возникающих научных и практических задач.

Проект «Арктический плавучий университет» - интеграция инновационных образовательных программ высшего профессионального образования и современных фундаментальных и прикладных междисциплинарных научных исследований [1, 2]. Разработка образовательной программы экспедиций «Арктический плавучий университет 2014» («АПУ 2014») осуществлялось после утверждения Научной программы экспедиций, в соответствии с которой и учетом научных интересов руководителей научных блоков разработаны все виды учебных занятий.

Цель образовательной программы «АПУ 2014»: усвоение бакалаврами, магистрантами и аспирантами комплекса теоретических и практических знаний основных принципов и законов пространственно-временной организации, динамики, функционирования арктических морских и наземных природных и природно-техногенных систем локального и регионального уровней, знакомство с основами арктического права и прав коренных народов, политической ситуации в Арктике, особенностями морского культурного наследия и культурной антропологии арктических территорий; овладение практическими навыками естественно-научных и социально-гуманитарных исследований.

Образовательная программа «АПУ 2014» предусматривала проведение обязательных занятий до начала экспедиций в мае 2014 года. В учебный план первого рейса включен подготовительный модуль, представленный курсом лекций и самостоятельной работой студентов для формирования общих представлений по основным направлениям научно-исследовательской и образовательной деятельности.

Образовательная программа состояла из естественно-научных и социально-гуманитарного модулей. Наряду с лекционными, практическими и лабораторными видами работ, было запланировано прохождение учебных практик. Модули образовательной программы были доступны для выбора всем участникам экспедиции любого уровня и направления подготовки. Обучающиеся выбирали обязательный модуль, а по желанию дополнительные модули вариационного характера.

Отличительной особенностью образовательной программы был междисциплинарный характер модулей естественно-научного направления подготовки. Студенты прослушали теоретический курс лекций по основам метеорологии, океанологии, географии, геологии, геоморфологии, химии, ГИС с целью усвоения комплекса понятий об основных законах развития природных процессов и явлений в Арктике. На практических и лабораторных занятиях, которые проходили в лабораториях НИС «Профессор Молчанов», они познакомились с методикой метеорологических, океанологических, географических, химических исследований и обработки полученных данных. Помимо приобретения теоретических знаний будущие специалисты приобрели практические умения и навыки научных исследований: сбора, обработки и анализа проб воды, воздуха, горных пород, почв и растений, визуальных наблюдений природных объектов, их фотографирования и киносъемки.

Учебно-методической подготовкой молодых исследователей занимались руководители научных блоков из числа участников экспедиции, среди которых были

преподаватели САФУ имени М.В. Ломоносова, научные сотрудники Арктического и Антарктического научно-исследовательского института, Института экологических проблем Севера Уральского отделения Российской академии наук, работники Северного управления по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды.

Для бакалавров, магистрантов и аспирантов естественного направления подготовки по выбору в первом рейсе предложены метеорологический, океанологический, гидрохимический, географический, геолого-геоморфологический, геоинформационный модули, во втором рейсе – метеорологический, географический, биологический модули; для обучающихся гуманитарного направления подготовки - социально-гуманитарный модуль.

Для освоения образовательной программы «АПУ 2014» обучающиеся - участники экспедиции должны:

Знать:

- основы географии, биологии, химии, экологии в объеме, необходимом для освоения геоэкологических основ природопользования;
- основы истории, правоведения, политологии, культурологии, антропологии в объеме, необходимом для освоения правовых основ коренных малочисленных народов Российской Федерации, геополитических тенденций в Арктике, культурного наследия как ресурсов устойчивого развития территории;
- научные термины и понятия в области географии, биологии, химии, метеорологии, климатологии, океанологии, биогеографии, ГИС, экологии;
- научные термины и понятия в области истории, правоведения, политологии, культурологии, антропологии;
- принципы полевых научных исследований.

Уметь:

- использовать теоретические знания на практике;
- свободно ориентироваться в современных компьютерных технологиях, применяемых при сборе, хранении, обработке, анализе и передаче информации.

Владеть:

- навыками полевых исследований;
- основами безопасности при проведении полевых, лабораторных и практических исследований;
- навыками прогнозирования последствия своей профессиональной деятельности с точки зрения глобальных и региональных процессов, как и государственного, регионального, местного) масштаба.

В результате освоения океанологического модуля студенты овладели методами проведения судовых океанологических наблюдений и их обработки, а также научились анализировать данные дистанционного зондирования океана, освоили методы океанографического анализа водных масс, их классификации, районирования акваторий и поиска основных географических закономерностей формирования структуры вод Мирового океана.

Во время занятий по метеорологии студенты осуществляли сбор и обработку первичной гидрометеорологической информации, приобрели навыки определения основных количественных характеристик и проведения метеорологических расчетов, с использованием известных методов и приемов решения задач; научились делать заключения, выводы, проверять точность расчетов при обработке и обобщении фондовых гидрометеорологических данных, составлять карты, схемы, таблицы и графики.

В ходе освоения географического модуля студенты научились определять и сравнивать по разным информационным источникам географические тенденции развития природных и социально-экономических объектов, процессов и явлений, составлять комплексную географическую характеристику объектов исследования, выявлять природные и социально-экономические предпосылки развития региона, сопоставлять и анализировать географические карты различной тематики.

При описания морских побережий студенты овладели геологическими и геоморфологическими, геофизическими методами исследований берегов для анализа и синтеза информации о строении, происхождении и динамике, познакомились с методикой составления и анализа стратиграфических, литологических колонок, геологических и палеогеографических карт.

Формирование умений и навыков, позволяющих применять химические и физико-химические методы анализа, осуществлять аналитический контроль за состоянием морских вод, почв, донных отложений были сформированы у студентов при освоении гидрохимического модуля. Они научились использовать основные гидрологические и гидрохимические справочные материалы, дополнительную литературу по теме исследования, анализировать результаты выполненных оценок и расчетов.

Владея базовыми знаниями в области информатики, геоинформатики и современных геоинформационных технологий, студенты в процессе освоения геоинформационного модуля научились применить ГИС-технологии для ознакомление с природными, антропогенными, природно-хозяйственными, эколого-экономическими, производственными, социальными, рекреационными, общественно территориальными системами и структурами на глобальном, национальном, региональном и локальном уровнях.

Помимо обучения на НИС «Профессор Молчанов» в первом рейсе «АПУ 2014» были проведены учебная практика по геологии и геоморфологии на архипелаге Шпицберген и учебная практика по географии на островах архипелагов Кемские шхеры и Шпицберген, в ходе которых участники экспедиции приобрели умения и навыки описания берегов и форм рельефа островов в Белом и Баренцевом морях. Также в рамках первого рейса впервые был организован отдельный научно-образовательный отряд, который с 6 по 13 июня 2013 года проводил исследования в районе Баренцбурга на архипелаге Шпицберген, а в дальнейшем продолжил свою работу на НИС «Профессор Молчанов». Его участники провели не только научные геолого-геоморфологические исследования с использованием современного оборудования, но студенты и магистранты прошли учебную практику, в ходе которой приобрели навыки исследований для анализа и синтеза информации о строении, происхождении и динамике рельефа, интенсивности современных экзогенных и эндогенных процессов формирования земной поверхности арктических островов.

Во втором рейсе экспедиции «АПУ 2014» интеграция инновационных образовательных программ высшего профессионального образования и результатов фундаментальных и прикладных междисциплинарных научных исследований нашла свое отражение в расширении направлений подготовки студентов. Наряду с естественно-научными модулями был разработан социально-гуманитарный модуль, где комплексно раскрываются вопросы исследования морского культурного наследия и культурной антропологии Арктических территорий, а также основы правового регулирования Северного морского пути, правового статуса континентально шельфа, коренных малочисленных народов и геополитической ситуации в Арктике.

В ходе его освоения, обучающиеся овладели как общекультурными, так и общепрофессиональными компетенциями: способностью использовать знание фундаментальных наук для решения профессиональных задач в своей научно-исследовательской и научно-практической деятельности. Они научились самостоятельно ставить и находить варианты решения проблем в области изучения, сохранения и актуализации культурного наследия Арктики, изучили современные геополитические тенденции в Арктике, познакомились с основами международного законодательства Арктического региона.

«Арктический плавучий университет» - новая модель межкультурного обучения, способная подготовить молодых людей к жизни и работе в условиях процесса глобализации, научить их легко адаптироваться в динамично меняющихся политических, культурных и деловых ситуациях. Впервые во втором рейсе, наряду со студентами российских вузов, принимали участие иностранные студенты из университетов Швеции, Дании, Норвегии. К

проведению учебных занятий, кроме преподавателей российских вузов и научно-исследовательских институтов, были привлечены преподаватели и научные сотрудники из Канады и Франции. Международный характер образовательной программы на борту НИС «Профессор Молчанов» помог студентам в процессе обучения и общения совершенствовать знания иностранных языков, познакомиться с культурой и обычаями других народов, заложил основы создания на НИС «Профессор Молчанов» интернационального плавучего кампуса.

Маршрут 2 рейса «АПУ 2014» по трассе Северного морского пути оказал влияние на разработку программ учебных практик на арктическом побережье и островах. Студенты по программе биологического модуля научились оценивать видового разнообразия и экологические особенности растительного покрова и почв на островах Северный архипелага Новая Земля, Вайгач, Колгуев, Сосновец, в окрестностях поселений Диксон и Нижняя Золотица, метеостанций Белый Нос и Индига, освоили методику проведения геоботанических описаний растительных сообществ и структуры растительных сообществ в условиях Арктики.

В процессе учебной практики географического модуля была продолжена работа по формированию у студентов умений и навыков изучения динамики берегов методом сопоставления результатов экспедиционных исследований с историко-географическими данными и современными космическими снимками ключевых участков. Кроме того, заложены основы знаний экспертно-аналитической деятельности и выполнения исследований с использованием современных подходов и методов по оценке состояния гидрометеорологических станций, расположенных на арктическом побережье Российской Федерации, как ключевых элементов мониторинга состояния и загрязнения окружающей среды Арктики.

Учебная практика по программе социально-гуманитарного модуля позволила овладеть методикой проведения историко-антропологических полевых исследований на островах Баренцева и Карского морей по поиску следов поморской культуры, мониторингу состояния объектов природного и культурного наследия. На основе видео- и фото- фиксации объектов природного и культурного наследия, описания современного состояния памятников и окружающей их среды, обучающиеся приобрели умения и навыки комплексного исследования морского культурного наследия для разработки предложений для арктической стратегии сохранения объектов историко-культурного наследия и возможных арктических туристических маршрутов. Проводя опрос местного коренного и русского населения, проживающих в условиях Арктики, были выявлены и проанализированы современные потребности и сложности в реализации права на традиционный образ жизни.

Разработка образовательной программы «АПУ 2014» на основе компетентного подхода обеспечила интеграцию учебных дисциплин, где предметные области были соотнесены с различными компетенциями. Расширение в структуре учебных программ позволяло существенно увеличить межпредметный компонент. В приоритете оказалась не традиционная передача готовых знаний, а приобретение их путем активной мыслительной деятельности, решения возникающих проблемных ситуаций. В результате учебная деятельность по новой образовательной программе приобрела исследовательский и практико-преобразовательный характер.

В результате реализации образовательной программы «АПУ 2014» обучающиеся по выбранным модулям овладели:

- базовыми общепрофессиональными теоретическими знаниями основ метеорологии и климатологии, океанологии, гидрохимии, географии, геологии, геоморфологии, биологии, биогеографии, ГИС;
- базовыми общепрофессиональными теоретическими знаниями по вопросам арктического права, правам коренных народов, политической ситуации в Арктике, основ морского культурного наследия и культурной антропологии арктических территорий;
- методикой космического мониторинга и дешифрирования космических снимков;

навыками составления разделов научно-технических отчетов, пояснительных записок, подготовкой обзоров, аннотаций;

- навыками написания рефератов и библиографии по тематике проводимых исследований, участия в работе семинаров, научных конференций, подготовки публикаций;

- методами оценки репрезентативности материала, объема выборок при проведении количественных исследований, статистическими методами, методами сравнения полученных данных и определения их закономерностей;

- основами проектирования, экспертно-аналитической деятельности и выполнения исследований с использованием современных подходов и методов, аппаратуры и вычислительных комплексов в соответствии с профильной направленностью образовательных программ;

- навыками проведения оценки воздействия планируемых форм хозяйственной деятельности на окружающую среду;

- диагностикой проблем охраны природы, разработкой практических рекомендаций по охране природы и мониторингу окружающей среды для обеспечения устойчивого развития Арктического региона.

Обучающиеся, успешно освоившие модули образовательной программы получили образовательный сертификат - именной документ установленного образца, подтверждающий успешное освоение выбранных модулей образовательной программы экспедиции «АПУ 2014», с указанием названия модуля, его трудоемкости, результатов обучения (компетенции), формы и результатов контроля по модулям программы.

1. Бызова Н.М. Арктический плавучий университет как инновационная образовательная программа // Рациональное природопользование: традиции и инновации. Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, МГУ, 23–24 ноября 2012 г. / Под общ. ред. проф. М.В. Слипенчука. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 32-34.

2. Бызова Н.М. Арктический плавучий университет // Труды архангельского центра Русского географического общества: Сборник научных статей. Выпуск 1. Архангельск: Архангельский центр Русского географического общества, 2013. С. 3-9.

УДК630 *574

К ИЗУЧЕНИЮ ОЦЕНОК АНТРОГЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛЕСОВ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ

В.В. Анриянов, В.Ф. Цветков

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Архангельск, avvoldemar@gmail.com, vftsvetkov@yandex.ru

Аннотация

Обоснована актуальность и представлена программа-методика исследований по выявлению масштабов и глубины антропогенной трансформации лесов левобережья средней части бассейна реки Северная Двина – полосы ландшафтов Субарктики по границе с ландшафтами средней тайги. Основу методологии составляет комплексная синтетическая систематизация насаждений с выявлением структуры категорий генезиса насаждений, определяемых характером, масштабами и интенсивностью антропогенных факторов. Материальной (физической) основой исследований взяты массовые материалы последнего лесоустройства. Охарактеризованная по этим материалам, на основе принципа ключевых

участков (географических типов лесных местностей), картина в целом с достаточной достоверностью, объективно отражает сложившегося к началу 21 столетия ситуацию.

Ключевые слова

Категории генезиса насаждений (коренные, производные разных типов), формационная и лесотипологическая структура, вероятные динамические ряды развития, восстановительно-возрастной закон

Концептуальные соображения

Сохраняют актуальность вопросы изучения закономерностей и последствий антропогенной трансформации лесов более чем двухсотлетней промышленной эксплуатации лесов Европейского Севера. Несмотря на известные серьезные ошибки, перекосы в стратегии освоения ресурсов российских лесов нельзя не видеть нарастающего роста интереса к лесопользованию, к самому традиционному и одному из самых эффективных среди малозатратных направлений использования природных ресурсов. Понятно, что восстановление эффективности лесопользования на европейском Севере по всем его направлениям – важнейшее условие оздоровления нормальной экономики региона. Традиционно освоение природных ресурсов, в том числе богатств ресурсов лесов, осуществлялось на типично колониальных принципах, на представлениях стереотипа о неисчерпаемости природных богатств Севера России. Близорукость подобной стратегии существенно осложнила положение лесного комплекса страны конца XX - начала XXI столетий. Отказ от обеспечения лесовозобновления после рубки первичных насаждений привел к разбалансированию сырьевой базы Лесного Комплекса страны. Большие запасы ресурсов первичных лесов оказались сегодня недоступными, в то время как сформировавшиеся на вырубках прошлых десятилетий березняки и осинники, хотя и доступны по большей части, но не только мало востребованы, но еще тормозят на десятки лет «возвращение» на свои местообитания производных (вторичных) хвойных лесов.

В связи с изменениями во времени стратегий лесопользования, способов и технологий рубок, систем машин, сортиментной востребованности древесных материалов, лесные экосистемы в процессе лесопользования претерпевали разные по характеру и интенсивности воздействия. Существенно множились различия в условия лесовозобновительных процессов.

В результате производные леса характеризуются огромным разнообразием «траекторий» развития, прохождения производными лесными сообществами свойственных им биологических этапов [12-14, 16].

В большинстве случаев, вследствие пренебрежения лесоводственными правилами, складывающиеся «сценарии» развития событий при лесозаготовке не отвечают интересам лесоводов. Вторичные леса характеризуются преобладанием или высоким участием мелколиственных пород, не имеющих спроса. В ряде районов имеет место потери продуктивности вследствие пожаров, спровоцированного человеком заболачивания. В числе многих причин, мешающих устранению нежелательной динамики осваиваемых лесов, мешает отсутствие информации о закономерностях формирования насаждений.

Формализацию предлагаемой концепции представляет перечень основных параметров программы: целей, методологии и используемых методических приемов исследований.

Цель исследований – охарактеризовать представительные динамические ряды трансформации насаждений основных формаций в системе промышленного лесопользования и предложить комплекс мероприятий по оптимизации и повышению эффективности лесовыращивания, в т.ч. на основе актуализации действующих разработок.

Объекты исследований – лесные экосистемы на землях исходных сосновой и еловой формаций (условно коренные и весь спектр производных в условиях северной подзоны тайги (междуречье притоков Северной Двины р. Обокши и р. Солзы) в системе лесопользования последнего столетия).

Предмет исследований – комплексы экосистем, представляющих гомогенные («однонаправленные») динамические ряды: от возникновения производных сообществ на

вырубках, гарях до их поспевания (5-6 лесоводственно-биологических восстановительно-возрастных этапов). Стартовыми ситуациями служат экосистемы условно коренных и квазикоренных насаждений типа сосняк черничный.

Результаты исследований – динамические модели (эскизы таблиц хода роста) представительных рядов развития, а также предложения по оптимизации формирования насаждений на основе имеющихся и действующих разработок, актуальность исследований последствий антропогенной трансформации лесов.

В лесоводственной литературе сегодня имеется множество достаточно достоверных результатов оценки естественных возобновительных и лесокультурных процессов воспроизводства лесной растительности на вырубках и гарях. Эти материалы могут служить основой для выстраивания параметров представительных динамических рядов лесных БГЦ.

Важнейшей задачей осуществляемых исследований является актуализация разработанных и уже освоенных практических рекомендаций по реконструкциям, мелиорации по различным видам рубок ухода на фоне выявленных проанализированных представительных динамических рядов развития событий.

Методологическая база

В основу методологии положены традиционные лесоводственно-геоботанические, лесоводственно-ландшафтные, лесо-экологические и лесотаксационные подходы. При разработке программы исследований основывались на методических материалах по лесоведению и лесоводству кафедры (монографии и статьи И.С. Мелехова, П.Н. Львова, А.А. Плохова, Р.Н. Климова, В.Ф. Цветкова, Н.С. Минина). На богатом опыте кафедры изучались закономерности лесовозобновления и формирование насаждений. В основе материалы учебных пособий и монографий, разработанных в последнее время («Самовозобновление леса», «Лесовозобновление: природа, закономерности, оценка, прогноз», комплекс статей и тексты лекции по направлению «Типы формирования насаждений»).

Ландшафтные аспекты в вопросах природы и особенностей трансформации лесных экосистем рассматриваются в представлениях корифеев ландшафтоведения (А.И. Перельман, Г.А. Исаченко, Л.Л. Полюнов), а также специалистов по лесному ландшафтоведению (Д.М. Киреев, А.Д. Волков, А.Н. Громцев).

Решение сформулированных выше задач для достижения поставленной цели требует осуществления достаточно объемных и трудоемких работ. Началом будет сбор поведельных лесотаксационных характеристик условно коренных, квазикоренных сосняков на землях выбранного объекта (лесничества или бассейна водосбора).

Далее требуется составление комплекса диагностических признаков для выделения объектов, представляющих отдельные пункты в динамических рядах формирования производных экосистем. По этим признакам выстраиваются гомогенные возрастные ряды формирования и развития насаждений. Первоначально в качестве признаков гомогенности принимаются категории породного состава и простейшие показатели строения полога (ярусность, соотношение состава пород по ярусам, поколениям, в общем пологе, фитосоциальная структура эдификатора и субэдификатора и их динамика).

Предусматривается выделение нескольких вероятных направлений лесообразования в принятом для рассмотрения (черничном ТЛУ). Исследования одного из авторов статьи [10, 14] убеждают, что в число наиболее представительных «траекторий» формирования производных насаждений оказываются «пакеты» возобновительно-возрастной динамики обозначенных выше направлений трансформации сосняков черничных в северной подзоне тайги европейской части России:

1 - формирование насаждений при последующем возобновлении лиственных пород с малой вероятностью появления признаков обратимости смены пород (явное преобладание березы на протяжении 70-80 лет);

2 - формирование производных насаждений при активном участии ели предварительных генераций (преобладание ели в составе подроста предварительных генераций) и высокой примеси лиственных пород;

3 - формирование производных экосистем при смешанном лесовозобновлении (с участием подроста сосны как предварительных, так и последующих генераций, а также с достаточно высоким (3-4 единицы состава) участием мягколиственных пород и ели, преимущественно последующего происхождения);

4 - формирование сосновых насаждений за счет сохранения при рубках подроста главной породы, а также ряды последующего лесовозобновления сосны с участием мелколиственных пород;

5 - переформирование нарушенных лесоводственно-выборочными, промышленными условно-сплошными и выборочными санитарными рубками насаждений в «сложно-производные» за счет заполнения освобождаемых частей экологических ниш генерациями пород пионеров – главным образом мягколиственных.

Индикаторами указанных направлений предлагается использовать соотношение возрастов древесных пород в молодом поколении древесной растительности. Возраст популяций березы (осины) принимается условным показателем давности рубки. При участии в возобновительном процессе ели или сосны предварительных генераций, возраст их будет больше давности рубки и, соответственно, - возраста лиственных пород. В совокупности рядов лесообразования, основывающихся на смешанном по составу последующем лесовозобновлении возраст сосны будет примерно равными возрастам березы (осины). В такой же ситуации при обеспеченности семенниками возраст ели будет меньше возраста лиственных на 10-20 лет (в зависимости от способа рубки). При зимних рубках появление ели под пологом березы задерживается. Обычно ель под пологом березы (осины) образует II ярус, сосна находится в одном пологе с лиственными, но отстает в первые 40 лет в росте от лиственных.

Перед исследователями стоит задача: обстоятельно изучить и достоверно охарактеризовать представительные динамические ряды лесной растительности на восстановительном послерубочном периоде истории экосистем. Исходные коренного типа насаждения весьма многообразной природы и продуктивности сегодня заменяются производными еще более разнообразными вследствие неоднозначности влияния хозяйственной деятельности. В преобладающем большинстве случаев эти воздействия человека оборачиваются утратой ценности производных лесных сообществ.

Весьма существенно, что масштабная трансформация коренных лесов при игнорировании мер по эффективному лесовосстановлению достоверно фиксируется лесоустроительными и лесоинвентаризационными материалами. Это позволяет при масштабном рассмотрении проблемы основываться на материалах единовременных специальных обследований т.е. на основе материалов лесоустройства. Заметим, не лишены основания многочисленные свидетельства лесоводов о недостаточной достоверности материалов лесоустройства в последнее время. Чаще эти замечания относятся к разногласиям в оценке материалов конкретных исследований частного характера с оценками, обобщенными специалистами масштабно.

Так или иначе, в целях обеспечения масштабности результатов оценки решено в основу брать материалы лесоустройства. Задача существенно осложняется в связи с исключительным разнообразием процессов дигрессивного и демулационного направлений в постстрессовый период существования трансформированных лесных сообществ. В связи с этим возможно внесение определенных корректив в известные практические разработки по корректированию траекторий развития БГЦ. Одним из путей устранения искажений представляется анализ этих материалов, подкрепленных комплексами выборочных рекогносцировочных натурных обследований.

Вполне оправданным можно признать корректировку лесоинвентаризационных материалов по данным результатов специальных авторитетных исследований

лесовозобновительных процессов. В частности, с изучением литературы, могут выстраиваться параметры направлений формирования производных насаждений. Некоторые динамические ряды формирования лесных БГЦ рассматриваются обстоятельными разработками по выстраиванию Программ и Методических рекомендаций по уходу за насаждениями, по содействию возобновительным процессам, по реконструкции малоценных насаждений и их переформированию.

Методика исследований

В основе методики традиционные лесоводственно-геоботанические, лесоводственно-ландшафтные, лесоводственно-экологические и лесотаксационные подходы. При разработке программы исследований основывались на методических материалах по лесоведению и лесоводству кафедры (монографии и статьи И.С. Мелехова, П.Н. Львова, А.А. Плохова, Р.Н. Климова, В.Ф. Цветкова, Н.С. Минина). На богатом опыте кафедры могут быть охарактеризованы закономерности лесовозобновления и формирования насаждений. В основе материалы учебных пособий и монографий, разработанных в последнее время («Самовозобновление леса», «Лесовозобновление: природа, закономерности, оценка, прогноз», совокупность статей и методических разработок на тему «Типы формирования насаждений»). Детализация методических подходов будет осуществлена в ходе проработки диссертационной работы. Начало работы - анализ повыведельных лесотаксационных материалов последнего лесоустройства. Первая задача обстоятельный анализ структуры земель лесного фонда. При рассмотрении лесных площадей выявляются доля покрытых лесом участков, дифференцированно по формациям преобладающих пород (на момент последней инвентаризации).

Следующий шаг – дифференциация насаждений, реально и предположительно представляющих исходные экосистемы сосняков черничных, по вероятным динамическим рядам за послерубочный период. Выделяются следующие генетические категории насаждений:

Условно коренные - спелые и перестойные (климаксового типа) сосняки черничные свежие;

Квазикоренные - спелые и перестойные сосняки черничные свежие, в разное время испытывавшие слабые воздействия антропогенного происхождения, но восстановившие признаки климаксового биогеоценоза;

Производные насаждения I типа – ряд молодых, средневозрастных и приспевающих насаждений с преобладанием сосны в условиях ТЛУ исходного сосняка черничного свежего. В возрасте приспевания доля сосны должна быть не ниже 60 %;

Производные насаждения II типа – ряд лиственных молодняков и средневозрастных насаждения с участием сосны (3-4 единицы), приспевающие сосновые насаждение с участием главной породы (5 и выше единиц) в исходном ТЛУ сосняка черничного;

Производные насаждения III типа – ряд молодых, средневозрастных и приспевающих лиственных насаждений с участием 3-4 единиц ели, а также средневозрастные ельники с приспевающими и спелыми березой (осиной) с явными признаками местообитания исходного сосняка черничного;

Производные насаждения IV типа - ряд лиственных насаждений всех возрастов без подроста хвойных, включая молодняки лиственных пород с редким подростом ели, средневозрастные березняки и осинники с редким и умеренной густоты подростом ели, а также приспевающие лиственные с подростом ели умеренной густоты;

Насаждения смешанного генезиса - представляющие разные возрастные этапы формирования производных древостоев на участках условно-сплошных(промышленно-выборочных) и выборочных санитарных рубок.

Достижение поставленной исследователями цели обеспечивается **решением следующих задач:**

- изучение природных условий и лесов северной подзоны тайги, детальное знакомство с сосновыми лесами зеленомошной группы ТЛУ, с сосняками черничного типа леса;
- изучение истории вопроса: анализ литературы, источников, характеризующих изменения структуры, лесо-экологических, геоботанических свойств лесных БГЦ, биологическое разнообразие, закономерности строения, фитосоциальной структуры, роста и развития древостоев разного генезиса. Основное внимание указанным выше публикациям;
- разработка критериев и относительных параметров насаждений и лесных группировок, представляющих различные этапы каждой из приведенных категорий динамики экосистем;
- характеристика лесовозобновительных процессов, стартующих после воздействия на коренные или квазикоренные насаждения;
- выстраивание гомогенных динамических рядов формирования, становления и поспевания древостоев после воздействий человека на исходные экосистемы на массовых материалах таксационных выделов насаждений по данным лесоустройства;
- закладка пробных площадей, представляющих насаждения на нескольких ключевых этапах формирования и развития насаждений;
- изучение динамики строения древостоев (древесной растительности) и закономерностей изменений лесоводственных параметров насаждений;
- разработка практических предложений по оптимизации и повышению эффективности лесовыращивания в конкретном лесном фонде лесничества (бассейна реки).

-
1. Колесников Б.П. Состояние советской лесной типологии и проблемы генетической классификации типов леса // [текст] // Изв. СО АН СССР. 1958. С. - 109-122.
 2. Колесников Б.П., Фильрозе Е.М. Применение таксационно- статистического метода и генетической классификации типов леса для изучения продуктивности лесов // [текст] // Лесоведение 1967. № 4 С. 16-25.
 3. Колесников Б.П. Генетический этап в лесной типологии его задачи. [текст] // Б.П. Колесников // Лесоведение. 1974. № 2. С. 3-20.
 4. Маслаков Е.Л. Классификация вырубок и естественное лесовозобновление сосновых лесов среднетаежной подзоны равнинного Зауралья // [текст] / Маслаков, Б.П. Колесников // Леса Урала и хозяйство в них. Свердловск. 1968. Вып. 1. С. 246-279. ельск. 1960. 200 с.]
 5. Мелехов И.С. Рубки и возобновление леса на Севере // [текст] // Архангельск. 1960. 200 с
 6. Мелехов И.С. Динамическая типология леса // [текст] // И.С. Мелехов. // Лесное хозяйство 1968. № 3 С. 15-21.
 7. Мелехов И.С. Лесоводство // М., 1989. 302 с
 8. Сеннов С.Н. Рубки ухода за лесом // [монография] // С.Н. Сеннов./ М., 1977. 160 с.
 9. Смолоногов Е.П. Естественное возобновление на концентрированных вырубках в сосновых лесах восточного склона Ср. Урала // [текст] // Е.П. Смолоногов. // Тр. Ин-та биол. УФАИ СССР. Свердл., 1960. Вып. 16. С. 53-61.
 10. Цветков В.Ф. Динамические ряды лесообразования в связи со сплошными рубками на Европейском Севере // [текст] // Научные труды МГУЛ. № 274. М., 1995. С. 50-57.
 11. Цветков В.Ф. Классификация вырубок и потенциал формирования насаждений в ельнике черничном // [текст] // Лесной журнал. 1997. № 5. С. 30-36.
 12. Цветков В.Ф. Формирование насаждений как генетико-динамические ряды лесообразования и развития лесных биогеоценозов // [текст] // Проблемы лесоведения и лесоводства // Материалы третьих Мелеховских чтений. Архангельск, АГТУ. 2005. С. 36-41.
 13. Цветков В.Ф. Лесовозобновление: природа, закономерности оценка прогноз. // [монография] // В.Ф. Цветков./ Архангельск: АГТУ. 2008. 212 с.
 14. Цветков В.Ф. Формирование производных насаждений в свете динамической типологии леса // [текст] // В.Ф. Цветков // Проблемы таежного лесоводства/ Сб. научн. трудов Архангельск: СевНИИЛХ. 2010. С. 69-83.
 15. Чертовской В.Г. Динамика типа леса // [текст] // В.Г. Чертовской. // Изучение и охрана природы на Севере. Сыктывкар, 1984. С. 43-52.
 16. Чупров Н.П. Березняки европейского Севера России [Монография] Архангельск. СевНИИЛХ. 2008. 386 с.

ЛОЦИЯ И НАТУРА

В.В. Брызгалов (Архангельск, Россия), О.В. Овсянников (Вюрцбург, Германия),
М.Э. Ясински (Тронхейм, Норвегия)

*Голландцы назвали Сосновец «Крестовой» остров,
по видимости на нем многим крестам. Беломорские
жители имеют древнее обыкновение везде, на морских
берегах и в становищах, где им долго стоять случится,
ставить деревянные брусковые кресты, с надписанием,
ежели случится в них грамотный, времени того приключения.
Таким образом, на многих местах множество видно крестов,
кои иностранные почитают за диво, но наши за благочестие».*

Александр Фомин.

Описание Белого моря с его берегами и островами...

Пожалуй, именно К.П. Гемп, во вступительной статье к публикации «Книги мореходной» О.А. Двинина, в краткой форме, но впервые и четко наметила основные исследовательские подходы к изучению поморских лотий. Это – комплексные подходы, в которых необходимо сочетать историко-культурные и экономические аспекты в развитии огромного Поморского региона. Исследовательница обратила внимание на характер становищ и станов, так же на поморские кресты как «персонифицированные» поморские памятники.

В 1982–1987 гг. экспедицией Ленинградского отделения Института Археологии АН СССР (совр. – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук) при участии Архангельского областного краеведческого музея была проведена работа по фиксации сохранившихся на побережье Белого и Баренцева морей старинных поморских крестов. Был осмотрены и обследованы значительные участки Терского берега. Часть прибрежной полосы от реки Оленицы до устья реки Варзуги не попали в сектор экспедиционного осмотра, учитывая низменный характер берега и отсутствие на этом участке возможных становищ, то есть мест узких для захода судов. Кресты были зафиксированы (зарисованы и сфотографированы) при сплошном обследовании побережья горла Белого моря (на побережье Кольского полуострова, от устья реки Варзуга до устья реки Поной, включительно, и на Зимнем берегу Белого моря, от деревни Зимняя Золотица до мыса Орлов). В зону экспедиционного обследования попали так же остров Моржовец, район Долгощельской губы, западный берег полуострова Канин. Кроме того, экспедиция включила в зону обследования нижнее течение реки Мезени (от устья реки до села Азаполье). Экспедицией фиксировались кресты, стоящие или уже упавшие к моменту их фиксации и лежащие на земле на морском побережье, на полях, вблизи деревень, непосредственно у домов (активное участие в этих работах принимал сотрудник Мезенского районного краеведческого музея В.И. Дранников). Производилась так же и выборочная фиксация крестов на кладбищах в указанных регионах.

Своевременность проведенных работ очевидна – этот ценнейший памятник русской культуры фактически находится на грани исчезновения. Естественно разрушение древесины, размыв берегов рек и морского побережья в местах старинных становищ, а также антропогенный фактор (приток временного «пришлого» населения, современное освоение территорий) – все это способствует разрушению рассматриваемой категории памятников. По существу, исчезает одна из важных составляющих старинного культурного ландшафта Русского Поморья.

Вполне естественно, что в поле нашего зрения смогли попасть памятники, как правило, довольно позднего времени – основная масса зафиксированных крестов относится к XIX–началу XX века. Многие из этих памятников поставлены на прежних местах (вместо

утраченных крестов), другие (их меньшая часть) появились в связи с вновь происшедшими событиями. Всего нами в указанных выше местах было зафиксировано около 90 крестов. Наряду с натурными обследованиями экспедиция проводила также архивный поиск и исследовала письменные документы, что дало возможность более определенно судить об общем количестве деревянных и каменных крестов на Поморском Севере преимущественно на период второй половины XX века. Мы полагаем, что имеющийся в нашем распоряжении натуральный материал позволяет объективно интерпретировать сведения письменных источников о северных крестах [1].

Нам представляется, что в настоящее время есть две основные проблемы, связанные со старинными поморскими крестами:

1. оформление базы данных (натурное обследование и фиксация памятников), разработка данных письменных архивных источников.

2. культурно-историческая интерпретация крестов как памятников материальной культуры (крест – памятник архитектуры малых форм памятник поморского мореплавания; памятник русской эпиграфике).

Объемы настоящей статьи не дают возможности представить весь имеющийся экспедиционный и архивный материал в виде реестра или каталога, поэтому на первом этапе мы ограничиваемся лишь анализом обследованных территорий с дополнением архивных сведений. На наш взгляд, вопросы типологии русских крестов уже решены принципиально, например, в работах П.С. Смирнова, И.А. Шляпкина [2].

Крупнейшая река терского берега – Варзуга... Именно здесь на левом берегу р. Варзуги, среди песчаных раздувов в 1888 г., как сообщили «Московские ведомости», крестьянами при сборе ягод в осыпи песчаного холма были найдены старинные серебряные украшения, завернутые в бересту. Клад был доставлен в Архангельск, и по распоряжению губернатора был отправлен в Археологический Институт и вскоре передан в Эрмитаж: семь серебряных шейных гривен (обручей) и сейчас находятся в экспозиции музея. Как любой клад («сокровище», «накопленное богатство»), сокращение песков у Варзуги состояло из украшений различных хронологических периодов, и поэтому датируется довольно широко с конца X – начала XI вв. до конца XII – начала XIII вв. [3]. Характерная черта, когда из Варзуги демонстрируют технические приемы характерные, как для основной территории Руси, так и для территории прибалтийских финнов, а возможно и карельских мастеров. Этот вывод вполне увязывается известием о нахождении в Варзуге «корельского погоста». Наряду с этим известием «Книга Большому Чертежу» перечисляет уже к первой четверти XVII в. большинство устьев рек, впадающих в Белое море, и фиксирует в устьях «лопские погосты» со значительным количеством лопарского населения, например, «на усть реки Варзуги по обоим берегам погоста, лопарские жилища» [4]. Лопские жилища перечислены также в устьях рек Ковда, Нереть (Кереть), Кемь, Сорока, Шуйки, Немеги, в которых лопарское население достигало до 3000 человек [5].

В целом археологические комплексы этой территории свидетельствуют о том, что материальная культура этих племен в XI–XIII вв. складывалась под влиянием торговли и обмена, прежде всего с Двинской землей. Поэтому именно здесь, в районе нижнего течения реки Варзуги в XVI в. оформляется Варзужская волость, как часть Двинского уезда в результате тесных экономических контактов между этими регионами Беломорья. Жители посада Варзуга были «положены» в тягло лишь в 1563 г., а «тягла с них преже сего не было», посад насчитывал в те годы 50 дворов [6]. Попытки варзужцев «отделиться» от Двины побудили жителей Холмогор в 1568 г. пожаловаться в Москву, что жители Варзужской волости завладели их вотчиной и поэтому началась «смута от лета 7076-го году от лихова поветрья и от голоду и от Босаргина правежу и от Двинского иску» [7].

Варзужский клад – не единственное сокровище, найденное в Западной части Беломорского побережья. Около города Кемь в самом начале XX века были найдены шесть старинных серебряных браслетов. Эти вещи были выкуплены у местных крестьян кемским исправником и доставлены в Архангельский Городской Публичный музей [8]. Кемский клад

Архангельского музея опубликовал профессор А.М. Тальгрэн, побывавший в Архангельске в 1909 г. [9].

Наиболее интересные вещи из этого клада:

1. «Серебряный плоский браслет. Орнаментирован посредством давления – листики, точки, линии. Концы к замку в виде завитков суживаются (№ 327);
2. «Серебряный витой шейный обруч, плоский на конце у застежек. Последние орнаментированы точками» (№ 328);
3. «Браслет серебряный витой одна застежка сломана. Надпилен» (№ 329) [10].

Как и клад из Варзуги, Кемский клад может быть отнесен ко времени не позднее начала XI в., то есть к начальному периоду освоения с территории Приладожья и Южной Финляндии западного и северного побережья Белого моря [11].

Письменные источники, относящиеся к концу XIII–XIV вв., содержат первые упоминания о беломорско-мурманском морском промысловом районе. В грамоте великого князя Андрея Александровича фиксируются договоренность «о кормах и подводах» для трех великокняжеских промысловых ватаг и ещё раз подтверждается запрет для новгородцев входить на Терскую сторону (1294–1304), причем подчеркивается сложившаяся ранее практика таких походов «а как пошло при моем отце и при моем брате не ходити на Терскую сторону новгородцем, и ныне не ходят» [12].

В 1969–1982 гг. в районе д. Кузомень на реке Варзуге, недалеко от впадения ее в море, были обнаружены остатки разрушенного могильника конца XI–XII вв., и полностью раскопан небольшой могильник XII–XIII вв., принадлежавшие местному дорусскому населению [13].

В целом, археологические комплексы обнаруженных могильников свидетельствуют об их местном, скорее всего лопарском происхождении. Исследование, на территории Кольского полуострова, средневековых погребальных памятников лопарей предоставило возможность поставить вопрос о сложении саамской средневековой общности в южной части полуострова. Наряду с упомянутыми грунтовыми могильниками, погребальные сооружения в виде каменных оградок, но без фиксируемых костных останков и погребального инвентаря, также относящиеся к лопарским памятникам, были обнаружены на Соловецком архипелаге. Различные типы погребальных памятников указывают на сложность этнокультурных процессов в протосаамском обществе, в котором сильное влияние финских и карельских племен «наложилось» на местную подоснову. Все это происходило на территории, которую можно определить как «лопский рубеж» русских владений в XII–XIII вв. Но, несомненно, и то, что материальная культура этих племен XI–XIII вв. живших на Терском берегу Белого моря, сложилась под влиянием тесных контактов (торговля, обмен) с территорией Двинской земли. Вполне естественно, что именно территории, прилегавшие к берегам Белого моря, были в первую очередь освоены русским населением. В определенной мере этому способствовал и замкнутый характер Белого моря («внутренний бассейн»). Южный берег Кольского полуострова (Терский берег) занимал как бы промежуточное положение между Карельскими землями на западе и Двинской землей на юго-востоке. Не случайно, в русских письменных источниках район «Тре», «Тер» упоминается с 60-х годов XII в. [14]. Можно полагать, что в южном Беломорье с начала II тысячелетия н. э. пролегали важнейшие торговые пути, связавшие «карельские» земли с важнейшими торговыми дорогами на крайний северо-восток и далее – в сибирские земли, по рекам Онеге и Северной Двине, что создавало предпосылки внутренней колонизации северных и северо-восточных территорий. Ладожско-Новгородская колонизация XI–XIII вв. была связана прежде всего с промысловыми районами Северного Поморья, которые давали продукты морского промысла (рыбного и звериного), то есть южное побережье Белого моря с низовьями Северной Двины и прибрежная кромка Канинской и Большеземельской тундр с выходом по этой полосе суши до низовьев реки Оби. Таким образом, археологические и письменные источники свидетельствуют, что с эпохи первоначального освоения этой части побережья Белого моря,

то есть с конца X-начала XI столетий, данный регион играл ведущую роль в процессе экономического становления всего Северного Поморья.

Насколько можно судить по письменным источникам на протяжении XVI в. на юго-восточном и восточном побережье полуострова активную промысловую деятельность вели двинские промышленники. Известно, что в 1581 г. двиняне холмогорцы Василий Степанов сын Скорняков, Василий Иванов сын Кулев, Василий Федоров сын Татауров составили промысловую артель и заключили с представителем Троицко-Сергиева монастыря договор – «запись» на 6 лет [15]. Суть «записи»: монастырь, владеющий половиной реки Поной, разрешил промышленникам «в том пол-реки, рыба ловити красная, за забором» на условиях: половина улова – артели, половина – монастырю, расходы по закупке соли, «судовой наем» тоже поровну, а «ловецкая снасть и сети» и хлеб – артельная. Ретроспективно документы позволяют говорить об активной деятельности двинян на той стадии развития промыслов, когда большинство тонь на Сосновском берегу ещё принадлежало лопарям. По писцовым книгам 1608–1611 гг. Алая Михалкова известно, что лопари владели речками и тонями по морскому берегу от речки Пялицы (владела половиной реки Пялицы) «в Мурманской конец»: речки Пулонга, Бабыя, Снежица, Сосновка, половина реки Поной [16]. В конце XVI–начале XVII вв. двиняне часто скупали у лопарей морские тони или входили в долю этих владений. Однако уже в первой четверти XVII в. началась активная деятельность монастырей в этом районе. Они приобретают морские тони в результате покупок, вкладов, обменов царских пожалований, вытесняя с промысловых угодий владельцев-поморов. После письма князя Василия Звенигородского (1587–1589), Сийский монастырь купил рыбных ловель «для пропитания» у поморянина «Ивана Губина с товарищи да Матигорской волости у крестьянина у Ондрюшки Кокина Пулуской берег и Сосновской с речками да две тони в Орлове: Каменная и Ручьевая, а Полускому берегу межа с половины речки Пялицы от Варзуские межи, а с морскую сторону межа речка Лиходеевка, а Сосновскому берегу межа от речки Лиходеевка до речки до Снежицы» [17]. В 1617 г. двиняне Верещагины дали вклад в Троице-Сергиев монастырь на тоню и избушку на Терской стороне и на часть Пулонского берега, что в свое время «купили у Поноских лопарей на Терской стороне, у Семена Прокофьева с товарищи и с избушкою, а межа той тоне от Лиходеевки реки в Мурманской конец губа, а над губою стоят кресты» [18]. В том же 1621 г. Онцыфор Иванов сын Верещагин по прозвищу Шестой, Понойской волости крестьянин, продал Троице-Сергееву монастырю «рыбные ловли в реках и тонех свою долю» (он владел 10-й долей) «за морем на Терской стороне... с полуреки Пялицы до реки Лиходеевки» [19].

Таким образом, документы XVI–XVII вв. позволяют сделать ряд наблюдений. Несомненно, что на протяжении XVI в. понойские лопари, владевшие речными ловлями и морскими тонями, продают свои промысловые угодья или долю в них двинским крестьянам. Это явление, наряду с арендой монастырских промысловых угодий двинскими крестьянами можно рассматривать как продолжение процесса внутренней колонизации северных земель, вовлечение в процесс производства новых природных ресурсов. Процесс внутренней колонизации идет и в последующее время, но существенно меняется сам характер этого процесса. В середине XVI в. Двинская земля миновала «пик» своего экономического подъема, а в конце XVII в. происходит концентрация промысловых угодий в руках монастырей. Пути укрупнения промысловых владений были различны – скупка, получение в виде вкладов в монастыри, прямые царские пожалования монастырям.

Фиксация старинных имеющихся крестов на побережье Кольского полуострова и на Зимнем берегу имеет важное значение, ибо эта территория лежала на пути поморов при их выходе в открытый Северный океан и, естественно, должна была осваиваться в первую очередь. Нами было обследовано побережье Белого моря, начиная от устья реки Варзуги к северо-востоку, и сплошное обследование было проведено по берегу Кольского полуострова от устья реки Пялица до устья реки Поной, по Зимнему берегу Белого моря от села Золотица до села Долгощелье и по западному берегу полуострова Канин (Рис. 1).

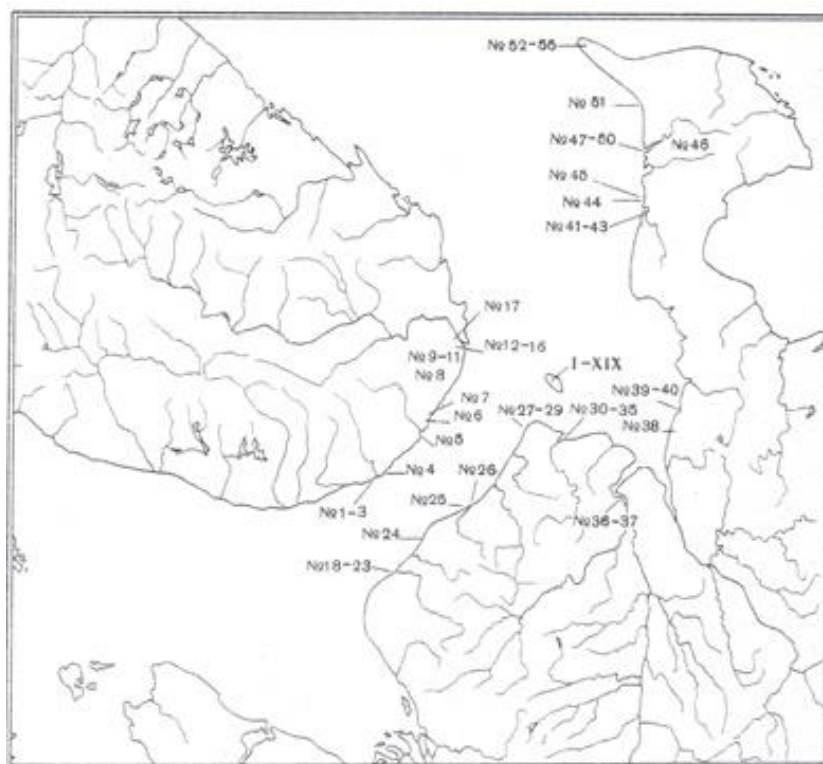

Рис. 1. Карта расположения поморских крестов, зафиксированных экспедицией ЛОИА АН СССР в 1982-1984 гг. **ТЕРСКИЙ БЕРЕГ.** № 1-3 - устье реки Бабья, № 4 - ручей Глубокий, № 5 - остров Сосновец, № 6 - ручей Гурьеватый, № 7 - река Снежница, № 8 - ручей Золотой, № 9-11 -ручей Красные Щелки, № 12-16 -ручей Виловатый, № 17 -ручей Кузьмин. **ЗИМНИЙ БЕРЕГ БЕЛОГО МОРЯ.** № 18-23 - Зимняя Золотица, № 24 - тоня Инцы, № 25 - тоня Подкрасная, № 26 - устье реки Майдицы, № 27-29 - тони становища Кеды, № 30-32 - Койдинская губа, № 33-34 - село Койда, № 35-37 - село Долгощелье, № 38 – село Семжа. **ПОЛУОСТРОВ КАНИН.** № 39-40 – Село Нижняя Мгла, № 41-43 – река Кия, №44 - устье реки Шойны, № 45 - устье реки Месна, на полуострове Ванчей, № 46 - устье реки Торна, № 47-50 - река Большая Бугряница, № 51 - мыс Тарханов, № 52-55 – западный берег.

ТЕРСКИЙ БЕРЕГ. № 1-3 - устье реки Бабья, № 4 - ручей Глубокий, № 5 - остров Сосновец, № 6 - ручей Гурьеватый, № 7 - река Снежница, № 8 - ручей Золотой, № 9-11 -ручей Красные Щелки, № 12-16 -ручей Виловатый, № 17 -ручей Кузьмин.

Деревня Кузомень. Поселение расположено в устье реки Варзуги, в нескольких километрах от впадения её в море, появилось только в 1667 г. и первоначально состояла из 2 дворов [20]. Этот район играл особую роль в жизни Двинской земли – именно здесь находился центр двинского влияния, а позднее образовалась Варзугская волость Двинского уезда (прибрежная полоса от реки Оленицы до реки Пялицы). Сохранились письменные документы, которые свидетельствуют о том, что во второй половине XVI в. чернососшные двинские волости (кроме Пинеги и Мезени) платили «морской оброк с Терские стороны», то есть значительная часть южного побережья Кольского полуострова (известная как «Терский берег») являлась морскими промысловыми угодьями Двинской земли (впоследствии такими угодьями для всего Поморья стало и северное побережье Кольского полуострова – «Мурманский берег»). В окрестностях Кузомени не сохранились памятные или обетные кресты на морском побережье. В настоящее время деревня нежилая, огромные площади, как на деревенской территории, так и около нее превратились в сплошные песчаные выдувы. Это место интересно с другой точки зрения. Некогда обширное поселение в конце XIX – начале XX вв. имело большое кладбище, расположенное на песчаном берегу моря. Кладбище приобрело несколько необычный вид. Ветер обнажил нижние части деревянных надгробных крестов, которые в результате песчаных бурь обнажились и стали как бы выше,

другие упали и разрушаются. Обилие крестов дало возможность выявить наиболее распространенные типы кладбищенских крестов на этой части Кольского полуострова (Фото 1, 2).

Фото 1. Терский берег, устье реки Варзуги. Деревня Кузомень, деревенское кладбище

Фото 2. Деревня Кузомень, Г. Иванов рисует намогильный крест.

Вот как даётся описание захода в реку Варзугу в «Книге мореходной» О.А. Двинина: «З голомени покажитце холмами, а выше оной наволок толстой, а над ней земля невысока, с нижну сторону верст за 10 пески, и лес будет уходить от берегу дальше, а в ней будеш приходить, то лес еще далее и земля кажет сопками. У реки с нижней стороны изб много, земля песчана, заходить по столбам, а столбы смотри у изб. А как устье проидеш вверх, то покажетце церковь, знай, что устье прошел 3 версты вверх, а выше ей в 10 верстах наволок толстой, а от наволока вни к Варзуге берега песчаны и лес от берегу далеко» [21].

Рис. 2. Терский берег Кольского полуострова, селение Пялица. Худ. Редер, 1837.

Пялица. В «Книге мореходной» так описывается вход в Пялицу: «Пялица здали признать: на задней земли бор долгой с седлом, а на нижней с нижну сторону осыпной кряж, на нем кресты, заходить по вехам, усье ежегодно перемывает» [22]. В настоящее время в устье река Пялицы не сохранилось старинных крестов или построек. Однако имеющиеся изобразительные материалы дают уникальную возможность взглянуть на это место глазами художника XIX в. Литография 1837 г., выполненная по акварели горного чиновника Санкт-Петербургского монетного двора Редера, даёт представление о селении Пялица, расположенного на Терском берегу Кольского полуострова (Рис. 2).

Устье реки Бабья. В поморской лоции XVIII в. описывается «ход» от Пулонги к реке Бабьей: «От Пулонги вниз 5 верст наволоок Погорельский нос, от него недалеко есть наволоок з засечкой, гора Лиходейха, пониже ей за губой наволоок, на коем белой мох лежит от моря, прям есть корга в полуверсты, от ней внизу видно наволоок Бабей нос...» [23]. В письменных документах XVI–XVII вв. река Лиходейка при перечислении владений и тонь упоминается часто: «от Лиходейки реки в Мурманской конец губы, а над губою стоят кресты». В настоящее время кресты в этом пункте не сохранились. В «Книге мореходной» XVIII в. описаны координаты Бабьей губы: «Бабья губа признать: на задней земли бор с седлом, нижней конец пониже, а на нижней земли о море, с руску сторону, кряж высокой с сопкой, на нем гурьи, внизу на наволоки избы, ... от Бабьей в руску сторону над первой губой, то есть над Малой Бабьей, есть корги, токмо недалеко от берегу» [24]. Ситуация, описанная в «Книге мореходной» полностью совпадает с характером местности. В районе устья реки Бабья имеются две губы – Малая и Большая. Река Бабья впадает в южную, Малую губу, а в северную, Большую, по лоции, губу впадает ручей. Между двумя заливами находится высокий полуостров (кряж), который в большую воду становится островом, благодаря слиянию нескольких ручьев, впадающих в северную губу. Северная губа, несомненно, представляла собой наиболее благоприятную гавань для захода поморских судов: на протяжении 700 м это вытянутый, почти прямоугольный залив с ровными обрывистыми берегами. Во время отлива мы наблюдали дно залива. Оно ровное песчаное, с небольшим набросом мелкой гальки вдоль русла, впадающего в губу пресноводного ручья, без крупных каменных набросов. Все это давало возможность мореходам спокойно входить в гавань, а когда суда «обсыхали» – производить необходимый ремонт своим судам, если он требовался. Именно здесь, на северном берегу Большой губы, у самого входа в нее были зафиксированы остатки нескольких крестов, несомненно, обозначивших вход в губу с моря. Описанная в Лоции ситуация заставила более подробно «осмотреть окрестности этого комплекса. Дело в том, что на наволоке, на ровной террасе у основания креста согласно сведениям Лоции находились промысловые избы. Осмотр этого участка дал положительные результаты. Были найдены остатки нескольких изб, однако, относились они уже к началу нынешнего столетия. Дело в том, что избы XVIII в. давно уже уничтожены размывом краев террасы. В целом, обследованный комплекс представляет большой интерес с точки зрения ретроспективного изучения топографии древних поморских комплексов: соотношение гавани, изб, крестов.

На наволоке (терраса на южном берегу Большой Бабьей губы у подножья кряжа) были обмерены остатки двух зимовий (Рис. 3). Постройки эти относятся, несомненно, к позднему времени – вероятнее всего, к началу нынешнего столетия, но, поскольку они входят в комплекс «кресты-зимовье», то заслуживают внимания. Однако место это – защищенное высоким кряжем, имеющее удобные доступы к морю и губе, заселялось постоянно. На наволоке сохранились остатки нескольких построек, однако, только два объекта оказалось возможным обмерить.

Зимовье № 1. Сооружение состоит из двух частей – избы и сеней. Изба в плане почти квадратная: 3,25х3,6 м срублена «в лапу», углы для прочности посажены на шипы. Бревна сруба толстые – диаметр около 30 см, часть из них подтесана. Внутри помещения все стенки сильно подтесаны («гладкие») и плотно примыкают друг к другу, продольный паз выбран в нижней части бревна. Северная и южная стены избы сохранились на высоту 1,5 м (6

венцов), восточная стена – на 7 венцов, а западная – на 8 венцов (это полная высота сруба). В южной стене избы имеется оконный проем высотой 80 см и шириной 60 см. Вход в избу располагается с восточной стороны, ширина дверного проема 60 см, высота 80 см. Порог вырублен на втором венце сруба. Стенки сруба в дверном проеме имеют гребень, на который крепилась дверная колода», дверь открывалась наружу. Пол внутри избы

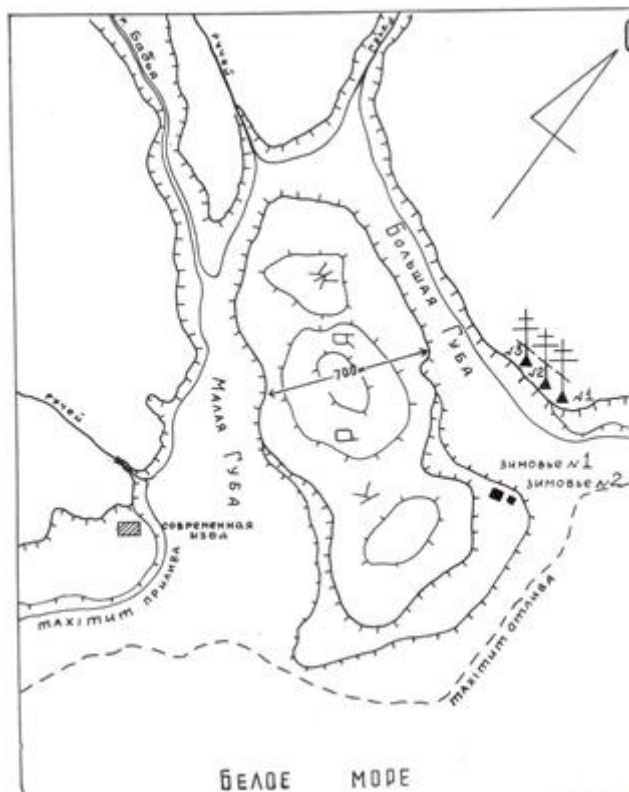

Рис. 3. План становища в устье реки Бабыя.

сохранился фрагментарно, доски настланы «по ходу» – от двери к противоположной входу стенке. Справа от входа располагалась печь – здесь сохранился значительная концентрация булыжных камней. К восточной стенке избы примыкало помещение сеней (3,25 x 2,3 м). Сени примыкали к восточной стене избы, восточная же стенка самих сеней срублена так же, как и изба: углы рублены «в лапу» и скреплены шипами. Помещение сеней не только предохраняло вход в избу, но и могло служить складским помещением. Дверной проем сеней шириной около 80 см, порог вырублен на первом окладном бревне. На один окладной венец сохранилось и все помещение сеней. О покрытии всего комплекса – избы и сеней, можно судить по сохранившимся конструктивным деталям в верхней части избы. В верхние бревна торцевых стен избы (западной и восточной) была врублена матица – мощный прямоугольный брус (20x26 см), который сверху был прижат на торцевых стенах сруба еще одним бревном. Изба, также как и сени имела уплотненную крышу, на которую для лучшего сохранения тепла могли насыпать слой грунта. Плоские избы на севере не редкость, они встречаются и в более обжитых районах русского Севера, хотя, естественно, они более характерны для промысловых избушек и зимовий. Поэтому можно считать зафиксированные нами избу и сени основной частью традиционного для этого района комплекса промыслового становища (Рис. 4, Фото 3).

Зимовье № 2. Постройка, изба сохранилась лишь на два венца, ее размеры 2,7 x 3,5 м. Дверной проем сделан с южной стены, порог сделан на втором венце.

Кресты располагались на северном высоком берегу Большой губы, сохранность древесины различная.

Крест № 1. Обломки креста, довольно плохой сохранности были разбросаны по склону берега. Оставшиеся фрагменты креста удалось собрать и «реставрировать». Вероятно, первоначальная высота креста составляла не менее 3,5 м (фрагменты лишь на 2,2 м). Верхняя малая крестовина имела длину 0,45 м, на ней сохранилась часть буквы «И» (?). Две других крестовины вообще не сохранились. Верхняя часть креста сильно истлела, но довольно отчетливо читались буквы «КТ», «ЛМ», «РБ». Особенно интересной была нижняя часть креста, на которой обычно вырезали даты и фамилии. Но именно эта часть сохранилась очень плохо – можно разобрать отдельные буквы и часть фразы: «шли на М...» (на Мурман?).

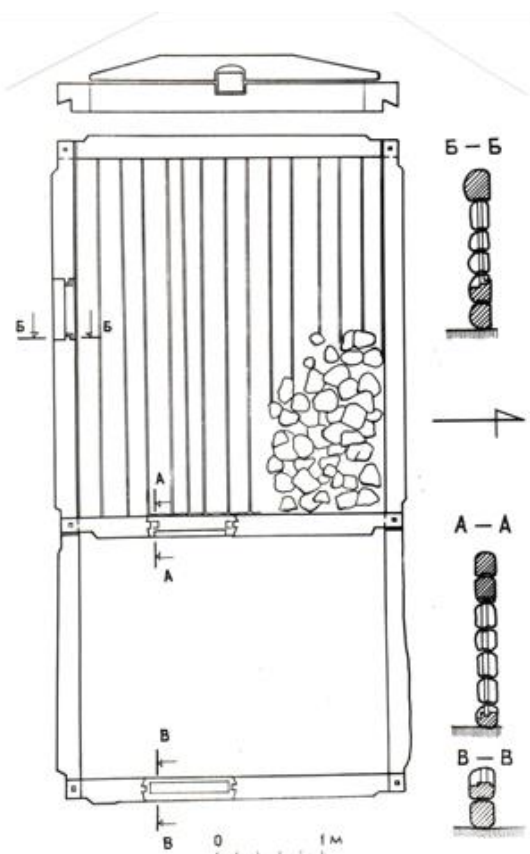

Рис. 4. Река Бабыя. План зимовья № 1.

Фото 3. Река Бабыя. Зимовье № 1, рубка сруба.

Крест № 2. Сохранился ствол креста, в верхней его части два паза для перекрестий, в нижней части сохранилось нижнее, косое перекрестие. В средней части ствола креста видны следы вырезанных двух стрел. На косом перекрестии буквы в медальонах не сохранились.

Крест № 3. Этот крест недавно подвергся «реставрации» – подгнившее его основание поновили – деревянными нагелями нижняя часть креста была набита на новый ствол, который заглубили в землю и обложили камнями. Сохранилась большая крестовина с вырезанной криптограммой «ИСЪ СНЪ БЖЙ ХР» (Иисус сын Божий Христос). Нижняя крестовина утрачена (Рис. 5).

Ручей Глубокий. Следующий пункт, где нами были зафиксирован крест, располагается между ручьем Захарьинским и ручьем Глубоким. Сохранился стоящий ствол креста и нижнее, косое перекрестие, возможно, более поздняя вставка. Следы вырезанных букв почти не прослеживаются.

Качалово. Известно по «Книге мореходной» XVIII в.: «Качалово. Заходить в полводы, в устье есть середыш, ходят по обе стороны, токмо о нижней наволоке лучше, стоят

против крестов» [25]. Однако в Качалове, так же как и в районе современного посёлка Сосновка крестов не сохранилось.

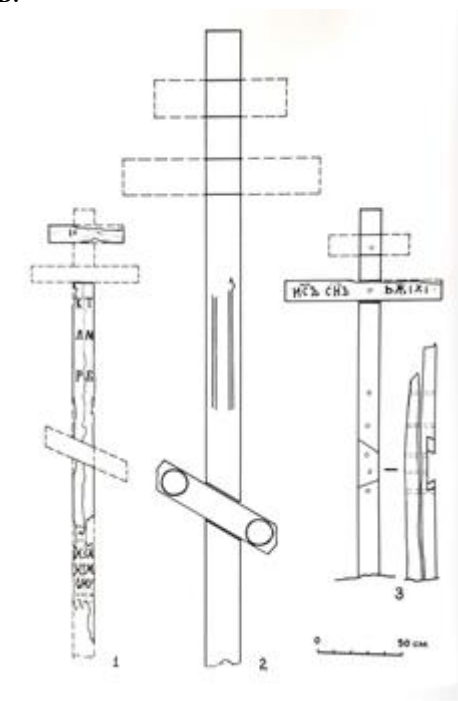

Рис. 5. Река Бабыя, Кресты.

Ручей Гурьеватый. Крест находится на скальном мысу, который в прилив становится островом. Сохранился только ствол креста с двумя пазами для поперечной и крестовин. Около креста была найдена деревянная деталь с пазом. Высота креста – 2,8 м (Рис. 6. 1).

Река Снежница. В 1 км к югу от устья р. Снежницы зафиксирован крест. Сохранился только ствол креста с тремя пазами для прямых и косо крестовин. Высота креста 1,6 м. На стволе креста сохранились буквы криптограмм: «Ф», «СД», «Ц», «П», «Б», в нижней части креста сохранились следы «головы Адама» и под ней следы от букв, которые уже прочесть невозможно (Рис. 6. 2).

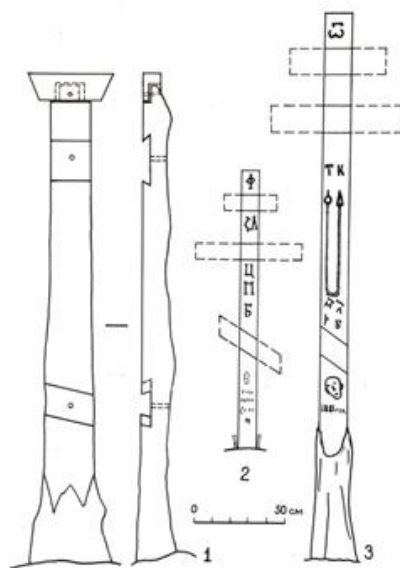

Рис. 6. Терский берег, Горло Белого моря. Кресты. 1. ручей Гурьеватый, 2. река Снежница, 3. ручей Золотой.

Ручей Золотой. К югу от устья р. Золотого обнаружены остатки лежавшего на земле креста. Сохранился только ствол креста, длиной 3,1 м, хорошо видны пазы для трех крестовин. Основной брус – четырехугольный (30х30 см), тыльная сторона ствола не подтесана, овальная. Нижняя часть креста – плохо обработанный комль. На лицевой, фасадной плоскости, на верхней части креста буква «О», а в средней части криптограмма «ТК», ниже две стрелы и под стрелами криптограммы «МЛ» и «РБ». В нижней части креста вырезана голова Адама и дата «1881 год» (Рис. 6. 3).

Ручей Красные Щелки. Так называется теперь и современная рыболовецкая тоня в устье этого ручья. Вероятно, данный пункт можно отождествить с урочищем Красные Лудки, хорошо известным по «Книге мореходной» XVIII в.: «Красные Лудки признать: с русской стороны крутой кряж, а на верхней земли мох рябой, на верхнем наволоке большой гурей... прошед большой гурей, на средине есть одинок, на левой руки есть гурей небольшой, как оной пройдеши, то и одинок минул; стоят прям крестов» [26]. Ручей впадает в море, образуя далеко вдающуюся в сушу губу – длиной около 300 м, шириной около 100 м. Кресты стоят на верхней «русской» стороне губы. Сохранилось три креста, причем один из них уже упал (Рис. 7).

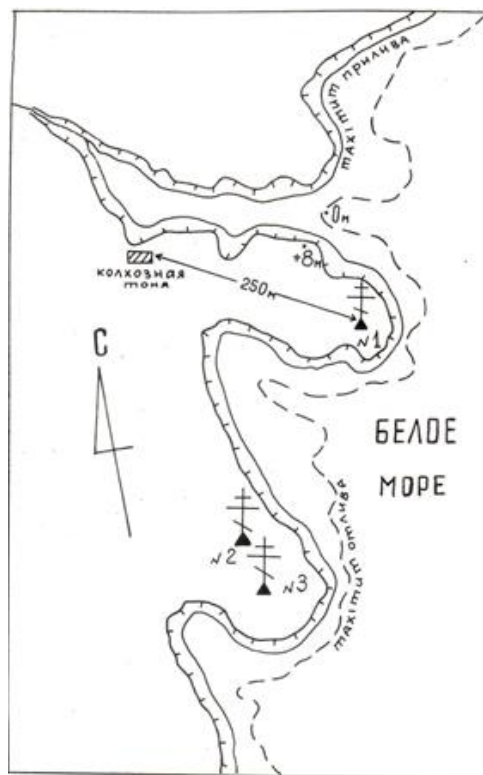

Рис. 7. План становища в устье ручья Красные Щелки (Лудки).

Крест № 1. Крест высотой около 4 м (возвышающаяся над каменной обкладкой часть его — 3,8 м), сечение четырехугольного бруса 20 см. Сохранность памятника хорошая, хорошо читаются все вырезанные на нем криптограммы. Особый интерес представляет текст, вырезанный в нижней части креста: «Федоръ Иванович 1915 года. Апр. 29 д. работали съ Зимнаго Бер. д. Ручьи Я СГ ОФ Ушаковъ ГВГ» (Рис. 8. 1). Известно, что жители поселений Зимнего берега Белого моря постоянно ездили на Кольские промыслы. Пример этому – надпись на кресте о промыслах Федора Ивановича и Степана Федоровича Ушаковых в Красных Щелках. Наша экспедиция в 1982 г. обследовала и некоторые пункты Зимнего берега, побывала, в том числе и в деревне Ручьи (Приморский район, Архангельской области). На деревенском кладбище удалось отыскать деревянные надгробья отца и сына Ушаковых. Федор Иванович Ушаков родился в 1862 г., умер в 1941 г.; Степан Федорович Ушаков родился в 1882 г., умер в 1944 г. Родственники Ушаковых

передали в Архангельский областной краеведческий музей шильный ящик Федора Ушакова, сделанный им самим, о чем свидетельствуют вырезанные на стенках ящика надписи «1890 год месяца февраля 24 числа», «Федора Ивановича Ушакова» (верхний край стенки обломан и сохранились части букв, но прочесть их невозможно) (Рис. 9).

Крест № 2. Сохранность креста довольно хорошая, его высота 3,3 м. Нижняя часть креста – необтесанный комль, основание укреплено каменной наброской. Крест, вероятно, недавно «реставрировали» – упала верхняя, малая крестовина, ее прибили, но по незнанию поместили не на свое место, а ниже – в паз большой крестовины. Крест датирован – в нижней части вырезана дата – «1870 года». Криптограммы сохранились в верхней части креста: «ИНЦИ» – «Иисус Назарет Царь Иудейский», на малой крестовине «ЦРЬ СВЫ» – «Царь славы», на стволе креста – «КТ», «РБ», «ИЛ», «ГГ». На косой крестовине – «голова Адама» и криптограммы: «ГА» – «Голгофа Адама» (Рис. 8.2).

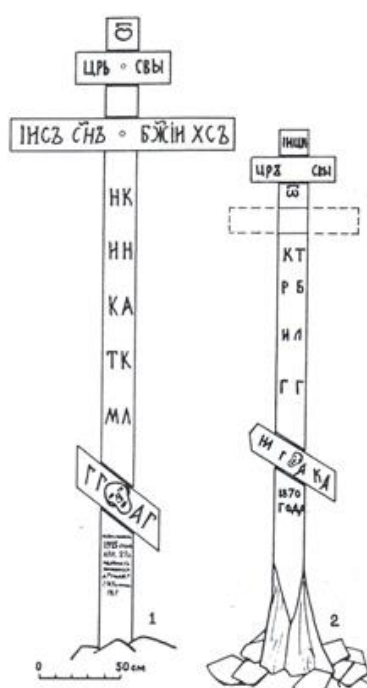

Рис. 8. Становище в ручье Красные Щелки. Кресты

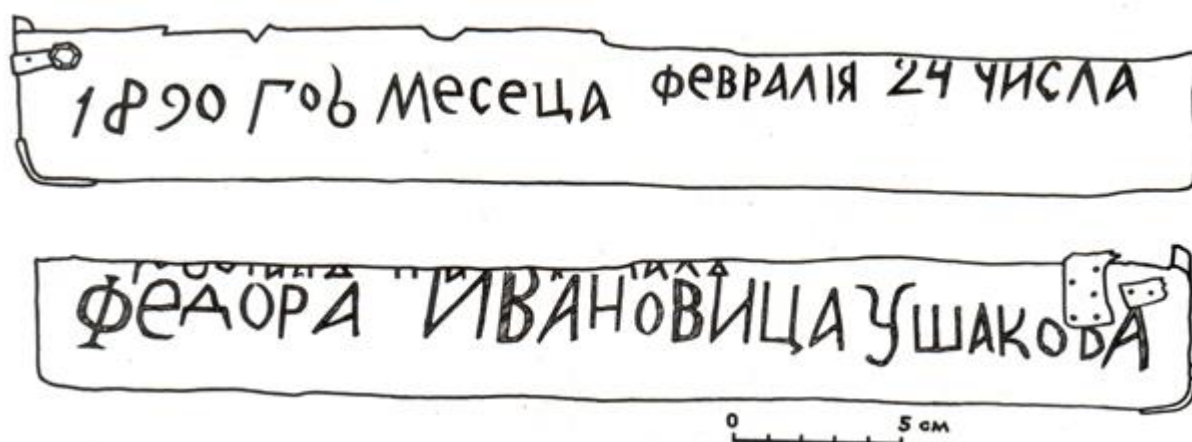

Рис. 9. Шильный ящик Федора Ушакова.

Крест № 3. Крест лежит на земле, однако его мощный ствол (сечение 30х30 см) сохранился хорошо, отчетливо видны отдельные вырезанные буквы. Не сохранилась косая

крестовина и нижняя часть ствола, на которой обычно резали дату постановки креста и имена тех, кто ставил его. Сохранившиеся криптограммы: «ЦРЪ СВЫ» – «Царь славы», «СЪЕНЪ БЖІЙ ХРЪ» – «СЫН БОЖІЙ ХРИСТОС», «НТ», «РВ», «МЛ», «ГГ».

Ручей Виловатый. В устье реки Виловатой зафиксирована группа крестов. В «Книге мореходной» XVIII в. это место так описано: «Виловата от Лудок 10 верст, здали признать: от Лудок о море перва черневь, а в ней в середине белого мху немного – то губа Пустая; от ней вниз другая черневь – то Виловата; а на верхней земли бор невысокой долгой, а пониже ей недалеко губа, крутые кряжи – то Даниловка, заходить меж запад побережник, серединой и о наволоки чисто; стоят прямо и в правой губы. От ней вниз, недошед Потычи, есть корги далекомъко от земли» [27]. Устье ручья заканчивается длинной, около 400 м – губой, ширина которой до 150 м. Высокие каменистые берега губы могли служить надежной защитой во время непогод. Остатки крестов зафиксированы на обоих берегах губы (Рис. 10).

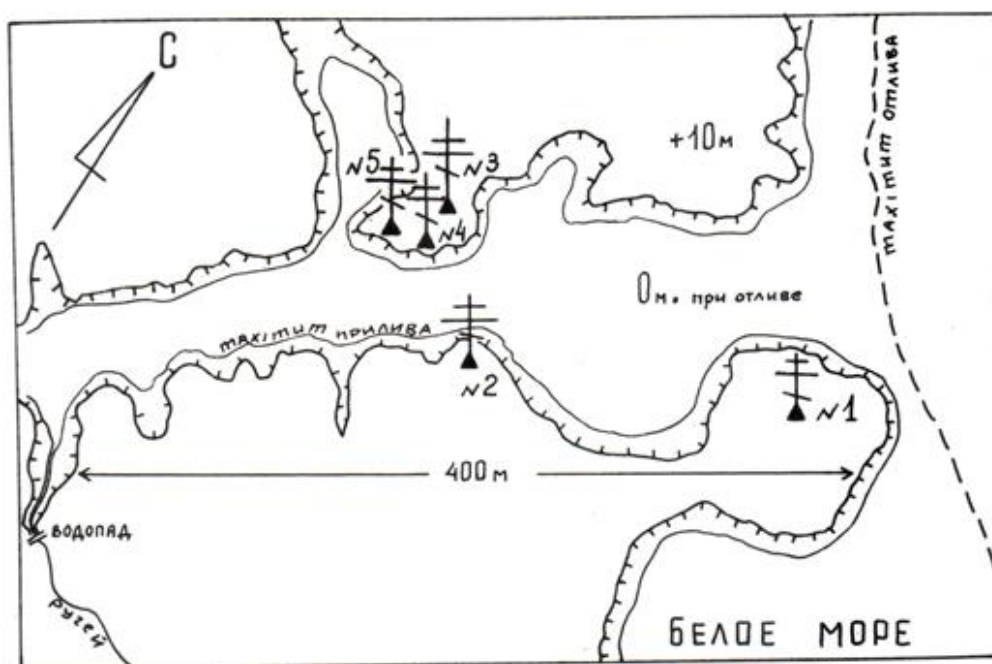

Рис. 10. План становища в губе Виловатой.

Крест № 1. Крест стоит на «верхнем» берегу губы. Вероятно, недавно «реставрировался» – нижняя крестовина сделана из более свежей древесины, вдоль всего креста набита длинная жердь. Высота креста 3,2 м, основание укреплено мощной каменной наброской (Фото 4, Рис. 11).

Крест № 2. Крест стоял приблизительно в 200 м от креста № 1. В настоящее время от него остались лишь основание ствола на высоту до 70 см - и следы каменной наброски у основания.

Группа из трех крестов была обнаружена на «нижнем» берегу губы, в средней ее части.

Крест № 3. Очень высокий крест – высота его 4,4 м. Сохранилось малое перекрестие и нижнее косое перекрестие. Криптограммы в верхней части креста: «О» – «Отче», «ИРЪ О СВЫ» – «Царь отец славы». На стволе креста вырезаны «КТ», под стрелами - «МЛ». На косом перекрестии – «НИ», «КА». Голова Адама была сделана контурной резьбой, поэтому контур рисунка мог не сохраниться (криптограммы читаются хорошо: «ТГ», «ГА»). Большой интерес представляет текст, вырезанный в нижней части ствола креста, но, к сожалению, он сохранился не полностью. Та часть текста, которую можно прочесть: «1893 июня 9 дня Василий Иванов ... Федот Андреев Семенов» (Рис. 12. 1).

Фото 4. Губа Виловатая, крест № 1.

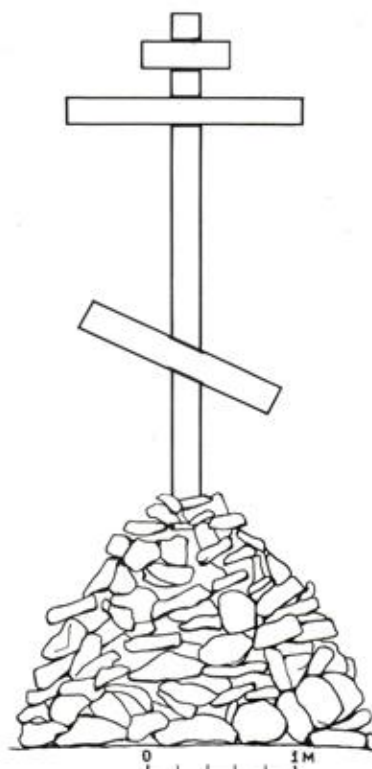

Рис. 11. Губа Виловатая, крест № 1.

Крест № 4. От креста сохранилась часть ствола креста, на котором видны следы трех пазов для крестовин. На сохранившейся средней части ствола креста видны следы вырезанных стрел и в медальонах криптограммы: «ВТ», «МЛ» (Рис. 12. 2).

Крест № 5. Сохранилась лишь истлевшая часть основания креста, обложенная камнями.

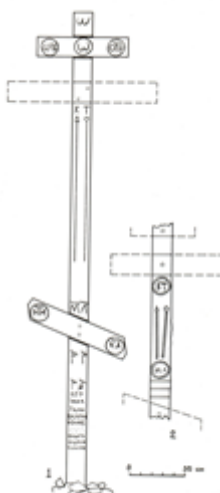

Рис. 12. Губа Виловатая, кресты: 1. крест № 3, 2. крест № 4.

Комплекс крестов в губе Виловатой свидетельствует о том, что это место и в XIX в. так же хорошо было «обжито» промышленниками-поморами, и как в предшествующее время, и регулярно служило местом промыслов.

Становище Девято. Особо отметим судовое становище Девято, которое, по «Книге мореходной», располагалось в 10 верстах к северу от Виловатой губы. По обоим берегам

широкой морской губы (максимальная ширина до 400 м) по высоким каменистым берегам было зарегистрировано до 10 гуриев. Каждый гурий представлял собой конусовидной формы каменную выкладку до 1 м высотой. Вряд ли эти сооружения следует интерпретировать как каменные обкладки оснований деревянных крестов. Скорее всего здесь мы имеем дело ещё с одним памятником поморской архитектуры малых форм, и эти памятники связаны с поморским морским судоходством.

Есть все основания считать юго-восточную часть Терского берега своеобразным промысловым «полигоном» всего Северного Поморья на протяжении значительного промежутка времени, то есть в период начального освоения этих территорий, так и в последующий период внутренней колонизации этого региона. Причем оба этих этапа легли, практически, «на плечи» двинского крестьянства. По-существу, во время петровского «огосударствления» промысловых угодий в 1710 г., письменные документы перечисляют основные места промыслов, известные с XVI в. – тони Лахта, Погорелец, Бабья, Пялица (Пялка – Авт.) и многие другие [28].

ЗИМНИЙ БЕРЕГ БЕЛОГО МОРЯ. № 18-23 - Зимняя Золотица, № 24 - тоня Инцы, № 25 - тоня Подкрасная, № 26 - устье реки Майдицы, № 27-29 - тони становища Кеды, № 30-32 - Койдинская губа, № 33-34 - село Койда, № 35-37 - село Долгощелье, № 38 – село Семжа.

Нижняя Золотица. Следует особо подчеркнуть, что Зимний берег Белого моря также издавна сложился в качестве самостоятельного промыслового района. Монастыри имели значительные вотчинные владения «по морскому берегу в Золотицкой волости, и в Долгощельской слободке строятся для рыбного промысла избы и ямы копают» для хранения рыбы и ворвани трудники Антониева-Сийского монастыря [29]. Соловецкий монастырь владел «слободкой Куя на Зимней стороне» [30].

Известно, что жители поселений Зимнего Берега постоянно ездили на Кольские, Кедовские и Моржовецкие промыслы. «Кеды» или «кедовский путь» у поморских промышленников в системе беломорских, прежде всего, зверобойных промыслов занимал особое место. Понятие «Кеды» включало в себя целый комплекс становищ, в которых в зимний и вешний (весновальный) зверобойные сезоны скапливалось значительное число промышленников из всех северопоморских уездов. «Кеды» включали в себя и целый комплекс рыболовных угодий, из которых основными были «Большая Кедовка», «Малая Кедовка». У устья реки Кедовки, на высоком берегу, можно было заметить остатки нескольких крестов, а один сохранил дату «1923 г.» (Рис. 13).

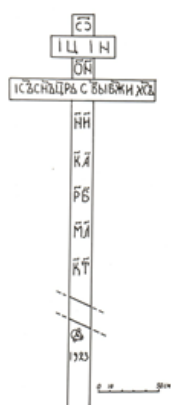

Рис. 13. Крест в устье реки Кедовки

Значительные группы крестов зафиксированы по Зимнему берегу Белого моря в районе Зимней Золотицы (Верхней и Нижней). Кресты, как правило, стоят на тонях и до сих пор имеют владельцев, бережно «реставрируются» (вместо упавших перекладин набиваются новые, упавшие кресты глубоко вкапываются в землю, поэтому «летописи», а главное даты, если они и были, оказываются уже в закопанной части креста). В 2 км к северу от Нижней

Золотицы в тоне Ручей стоит крест с сохранившейся «летописью»: «1927 г. 7 сент. работал Авраам Ф. Голуби(н)» (Рис. 14). Возможно, Авраам Голубин принадлежал к крестьянской семье (или семьям) Голубиных, которые по письменным документам рубежа XVIII-XIX вв. были хорошо известны в Зимнезолотицкой волости. Алексей Голубин сплавлял на своем карбасе хлебные припасы из Архангельского порта в свою волость [31]. Фёдор и Филип Голубины нанимались кормщиками на большие купецкие суда. Только в навигацию 1800 г. они перевозили хлебные припасы из Архангельска на Поной, Мурманский берег и в Онежский порт на кочмаре «Святой апостол Петр», постройки 1780 г.; на кочмаре «Святой Григорий Богослов», постройки 1793 г.; на лодье «Василий Великий», постройки 1783 г. [32].

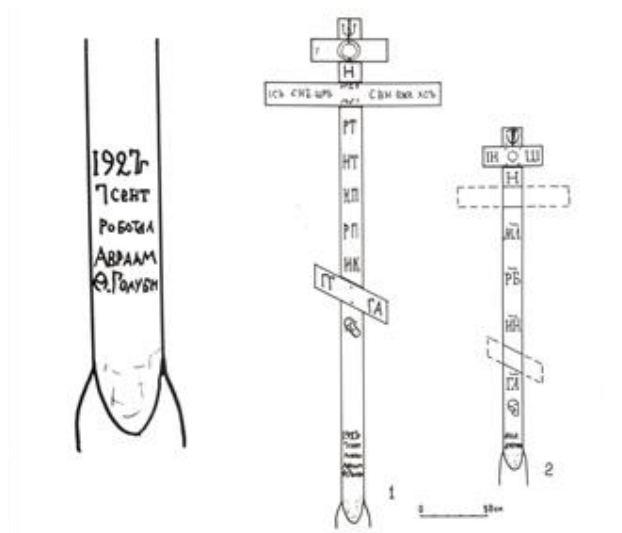

Рис. 14. Тоня Ручей, крест № 1.

В Зимней Золотице сохранились кресты, один из них у Ельника (Рис. 15. 1), а другие принадлежат семьям Ивана Сидоровича Шумилова, Андрея Сидоровича Шумилова и Николая Сидоровича Шумилова (Рис. 15. 2), а также Пономареву Федору Тимофеевичу (Рис. 15. 3).

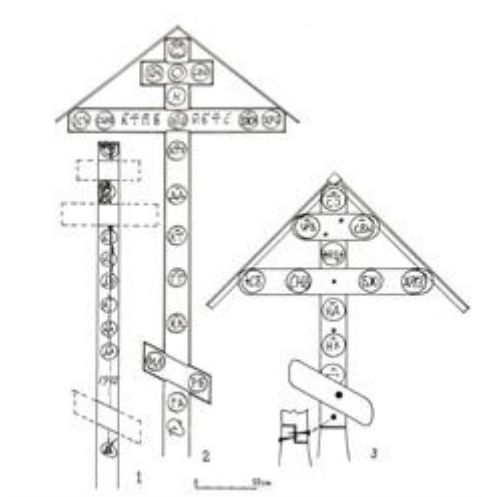

Рис. 15. Кресты в Зимней Золотице

На арктическом побережье ставились и другие кресты, которые стоят и по сей день, это памятные кресты, в память погибших поморов. Один из таких примеров – группа крестов в селе Койда (на западном берегу Мезенской губы). Кресты стоят на правом берегу Койдинской губы, приблизительно 2 км мористее села. На первом кресте надпись («летопись»): «Сей памятник поставлен в честь погибшихъ зверобоев на п. судне Иоанъ

Злотоустъ Капитан Мал. Вас. Але. Анд. Але Мал-вы Ива. Мих. Ан-нъ Ива. Ми-ръ Ал-дръ Анд. Карасов и т. д. по п. стилю 25.5.1910» (Рис. 16. 1). Из упомянутых на кресте погибших зверобоев с парусного судна «Иоанн Злотоуст» местные старожилы могли вспомнить лишь капитана Василия Алексеевича Малыгина, Александра Алексеевича и Андрея Александровича Малыгиных, Александра Андреевича Миллера. Надпись на втором кресте: «Сей крест поставлен в память погибшему в море 1 дек. 1945 году рабу божьему Ивану от роду 64 лет. Вечная память Ивану Алексеевичу Малыгину. В 1952 г.» (Рис. 16. 2). Дело в том, что в декабре 1945 г. колхозный бот «Каганович» погиб во время шторма около Кольского полуострова, вблизи устья реки Восточная Лица. Только в 1952 г. бортовая доска с надписью названия судна была выброшена на берег Койдиновой губы, где сейчас и стоит крест в память о погибшем Иване Малыгине. К кресту прикреплена часть найденной бортовой доски. По-существу, оба креста – это своеобразные кенотафы, памятные кресты на символических могилах поморов. Надмогильных поморских крестов нами при сплошном обследовании на побережье встречалось очень мало. Пожалуй, единственный такой крест зафиксирован в устье реки Поной, с каменной платой и надписью на плите: «Под сим камнем погребено тело раба божьего Александра Никонорова Кочина 18 лет Кольжымской волости утонувшего противу Поною ... застигнутою на шняве сильною бурей с 7 по 8 октября ночи 1880 г. ... да покоится прах в покое...».

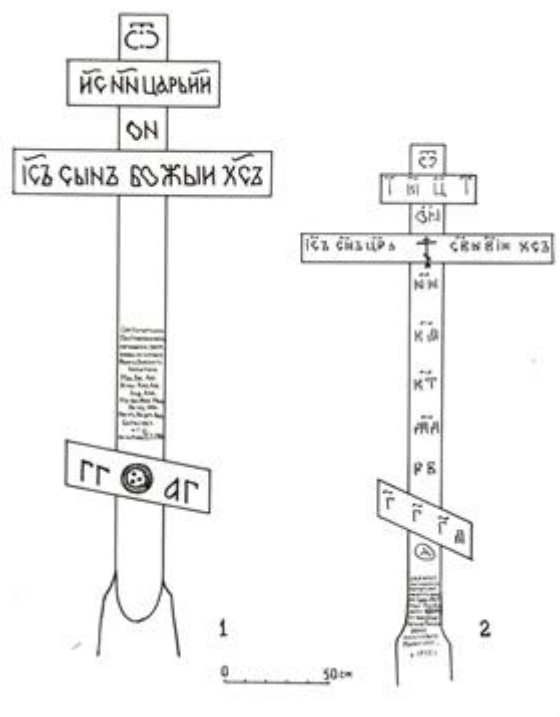

Рис. 16. Кресты в Зимней Золотице

В «Ведомости» о рыбных промыслах Холмогорского архиерейского дома в 1704 г. перечислены тони на Зимнем берегу: «За тем же архиепископлим домом во владенья есть по писцовым книгам у моря на Зимносторонском берегу тони береговые семожья рыба промыслу: тоня Азиц, вниз до Мегры, две тони Болших Ручьев, тоня Вялишной Ручей и с прилучком, тоня под горами Медвежий Ручей, тоня Турачкино, да на Зимной же стороне на Товском берегу тоня Лудушка и с ручейко тоня Быстрица, что за Инцами, тоня меж реками Ицами, и ис тех тонь на три тони лугчие, которая в Вялишном ручью да Турачкина да что меж Инцами, посылаютца из дому на домовом извозном крытом карбасе по шти человек промышленных людей с хлебными запасы и с солью и с промышленными снастями и ловят на тех тонях рыбу семгу тремя неводами. А четыре тони: которая Азиц да в ручьях да под горами, лежат по вся годы издавна в пуге и для того из дому лову рыбы на них не бывало и

никто никогда на оброк их не емлет. А две тони, Лудушка да Быстрица, временно отдаются из оброку; а оброку с них в домовую казну емлетца по 1 рублю и по 1 рублю по 6 алтын 4 деньги и по 1 рублю по 16 алтын 4 деньги с тони в год. А с тех со всех вышеписанных тонь по вся годы платитца из домовой казны на Холмогорах в земскую избу оброку по 1 рублев по 13 алтын 3 денгою. А в улове и в привозе бывает в дом с вышеписанных трех тонь рыбы семги соленой по 4 и по 6 и по 10 бочек в год, а весом бочка по 12 и по 13 пудов и 3 деревом; а бывали-де такие годы толко с тех трех тонь в улове и в привозе рыб по 20 и по 30 в год, а иным годом и ничего не бывало. А в отпуск того промысла отпускается из дому хлебных запасов на извозном крытом карбасе по 30 и по 34 пуда муки ржаной, по 3 и по пол 4 меры муки житной, по 3 и по пол 4 четверика крупы овсяной, по 30 фунт масла коровья, по 3 пуда троски соленой да на соленье тоя рыбы отпускается по 30 и по 35 пуд соли» [33].

Имеется несколько иная версия описания этих тоней в 1704 г.: «Да за тем же архиерейским домом есть во владении по писцовым книгам при мори на Зимной стороне тони рыба сегожья промыслу: тоня на Браницком наволоке, тоня за Инцами Быстрица; тоня Турачкино, тоня от Азиц вниз до Мегры да две тони от Болших ручьев; тоня в Ылавике за Вяличной ручей с при лучком, тоня под горами против Медвежья ручья, тоня Мелешина, тоня меж Инцами, тоня Ручьевская, тоня Погорелой Крест, Лахотная тож, тоня выше домовой Чюхченемской волости середь Двины реки к острову монастырскому берег против Штинного ручья вдоль по полуреки. И из вышеписанных морских зимносторонских тонь на трех тонях на Турачкиной да на Вялишной, да меж Инцами до нынешнего лета промыслили рыбу семгу в дом архиерейской тремя неводами, а достальные тони лежат впусте, толко со всех тех тонь из дому архиерейского на Холмогорах в земскую избу платитца оброку по семи рублев по тринадцати алтын 3 денгою по вся годы. А в нынешнем 1704-м году по указу великого государя те тони ведают городского салного торгу кумпанщики» [34].

В завершении отметим положительный факт. Работы по затронутой нами в 1982-1987 гг. Беломорской тематике продолжаются, и это необходимо приветствовать [35]. Однако вызывает сомнение, что единственно привлекаемый графический материал может служить надежной источниковедческой базой для изучения затронутых проблем, тем более, что само понятие «промысловая культура» требует ещё своего более чёткого определения. В 1982-1987 гг. сборы данных о поморских крестах не являлись основной целью нашей экспедиции, тем не менее, при их фиксации делались попытки фиксировать эти памятники с особенностями их расположения (зимовья, предполагаемые гавани и места стоянок поморских судов). Часть тех материалов не была использована и публикуется только теперь. Учитывая тот колоссальный урон, который понесли эти памятники отечественной культуры за прошедшие столетия, надеемся, что публикуемые материалы представляют интерес для реконструкции деталей «культурного ландшафта» региона.

Любопытную историю креста на кладбище в селе Семжа приводит К.П. Гемп в своей книге: «На некоторых крестах были пометки; например, на срубе креста, стоявшем на Мезенском взглавье, была вырезана дата – 1837 г. Этот крест, на котором был барельеф распятия в натуральную величину, без сруба перенесён в с. Семжа на кладбище» [36]. В 1982 г. этот крест на кладбище зафиксировала экспедиция ЛОИА АН СССР и уточнила историю его появления там. Крест с взглавия был поставлен у дома Поликарпа Ивановича Широкова, а затем перенесён на кладбище. На кресте табличка с надписью: «Здесь покоится тело Филатовой Александры Ивановны, 1874-1959 год» (Фото 5, Рис. 17).

Фото 5. Крест в селе Семжа.

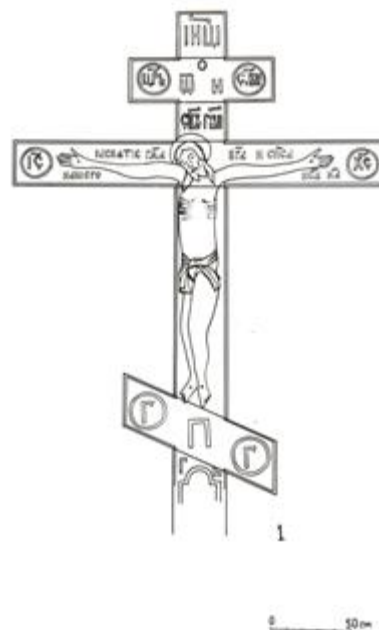

Рис. 17. Прорисовка креста в селе Семжа.

Особо остановимся на значении письменных источников для рассматриваемой проблематики. В 1995 г. О.В. Овсянников и М.Э. Ясински опубликовали значительный объём сведений, собранных в конце XIX в., об имеющихся в приходах многих уездов Архангельской губернии деревянных крестах. Документ 1879 г. озаглавлен: «О часовнях, отдельно устроенных крестах и поставленных иконах, сколько их, в каких селениях и на каком расстоянии от местной церкви находятся, по какому поводу, в воспоминание каких событий и явлений устроены» [37]. В документе приводятся сведения о крестах, собранные священниками в приходах Александровского, Кольского, Онежского, Архангельского, Холмогорского, Пинежского, Мезенского и Шенкурского уездов губернии- всего более 150 деревянных крестов. Документ ценен не только тем, что фиксирует наличие крестов, а еще и потому, что в большинстве случаев дает объяснение обстоятельствам их появления: для освящения воды и окропления этой водой скота и полей, установка крестов на выгонах и пастбищах для охраны от диких животных, по случаю падежа скота, пожара, неурожая и т. д. Трудно, конечно, спорить с мнением: «Труд поморов, промысел, являлся богоугодным делом, должен был быть освящен. Во многом, это было причиной того, что промысловой деятельности поморов везде сопутствует важнейший символ христианства – крест» [38]. Но, судя по документам 1879 г., такое же отношение было ко всем другим сферам деятельности поморов. И следует помнить об этом, делая вывод о том, что... «практически все кресты Беломорья имели непосредственную связь с промыслом» [39]. Почти в то же время, в 1890 г. Императорская Академия Художеств обратилась к Архангельскому губернатору с просьбой «собрать сведения о памятниках древнего искусства в Архангельской губернии» [40]. Для практической реализации сбора такой информации губернатор разослал уездным исправникам «циркулярное предложение о собирании сведений, как личными трудами, так и посредством обращения к сведущим людям, проживающим в уезде» [41]. Собранные таким образом сведения до сих пор представляют не только историографический интерес. Материалы, с одной стороны, как бы отражают уровень «народного знания» местных памятников и их интерпретацию местным населением. С другой стороны, собранные данные содержат целый ряд необычайно интересных и ценных сведений, не повторяющихся больше нигде. Это относится, в том числе, к некоторым деревянным и каменным крестам. Сведения о каменных крестах опубликованы [42].

Безусловно, поморы ставили кресты на промыслах или у своих полей не как «створный знак» или «приметный крест», как навигатор в тумане во время промыслов, ибо они были убеждены: «И почитаем крест Христов с возглавием на престоле, и на просвирах, и на церкви на главе и прочая, идеже положища отцы поклонятися и почитати его честне и сердечне, со усердием облобызаем и поклоняемся, припадающе к нему, милости прося и победы на видимых и невидимых врагов» [43].

Фото 6. Полуостров Канин, река Кия. Остатки крестов.

ПОЛУОСТРОВ КАНИН. № 39-40 – Село Нижняя Мгла, № 41-43 – река Кия, №44 – устье реки Шойны, № 45 – устье реки Месна, на полуострове Ванчей, № 46 – устье реки Торна, № 47-50 – река Большая Бугряница, № 51 – мыс Тарханов, № 52-55 – западный берег.

В селе Нижняя Мгла крест стоял на мысу при впадении реки Мгла в море. Сохранился ствол креста высотой 4 м, две верхних перекладины, на стволе и на перекладинах имеются медальоны, но буквы не видны, древесина сильно выветрена. В нижней части ствола ранее был текст, но его стесали. Рядом с ним стоит другой крест, где сохранились все части, следов аббревиатуры не видно.

На западном побережье полуострова Канин, в районе реки Кия сохранился фрагмент креста (нет верхней и нижней перекладин), находящийся на левом берегу реки, у излучины. Там же, у часовни, фрагментарно сохранился крест, на нижней части, на затёсе дата: «сентября 1 дня 1912», здесь же от третьего креста сохранился лишь «пенёк» (Фото 6).

В устье реки Шойна крест уцелел полностью, сделана новая косая перекладина, в пазах вырезанных букв следы белой и голубой краски.

В устье реки Месна, крест на полуострове Ванчей сохранил «крышу» «домиком», верхней перекладины нет, нижняя закопана в землю. Вероятно, нижняя часть креста сгнила, и он упал, а затем вновь был поставлен.

В устье реки Торна сохранился лишь ствол креста с несколькими буквами.

На правом берегу реки Большая Бугряница сохранился фигурный ствол креста без перекладин. Здесь же сохранился ствол креста и два ствола крестов длиной 3,5 и 4 м трёх крестов высотой.

На мысу Тарханов, на коренном берегу довольно хорошо сохранился крест, отсутствует лишь верхняя малая перекладина, датирован «1912».

На северном берегу мыса Канин Нос (Баренцево море) от четырёх крестов остались неповреждёнными лишь их нижние части.

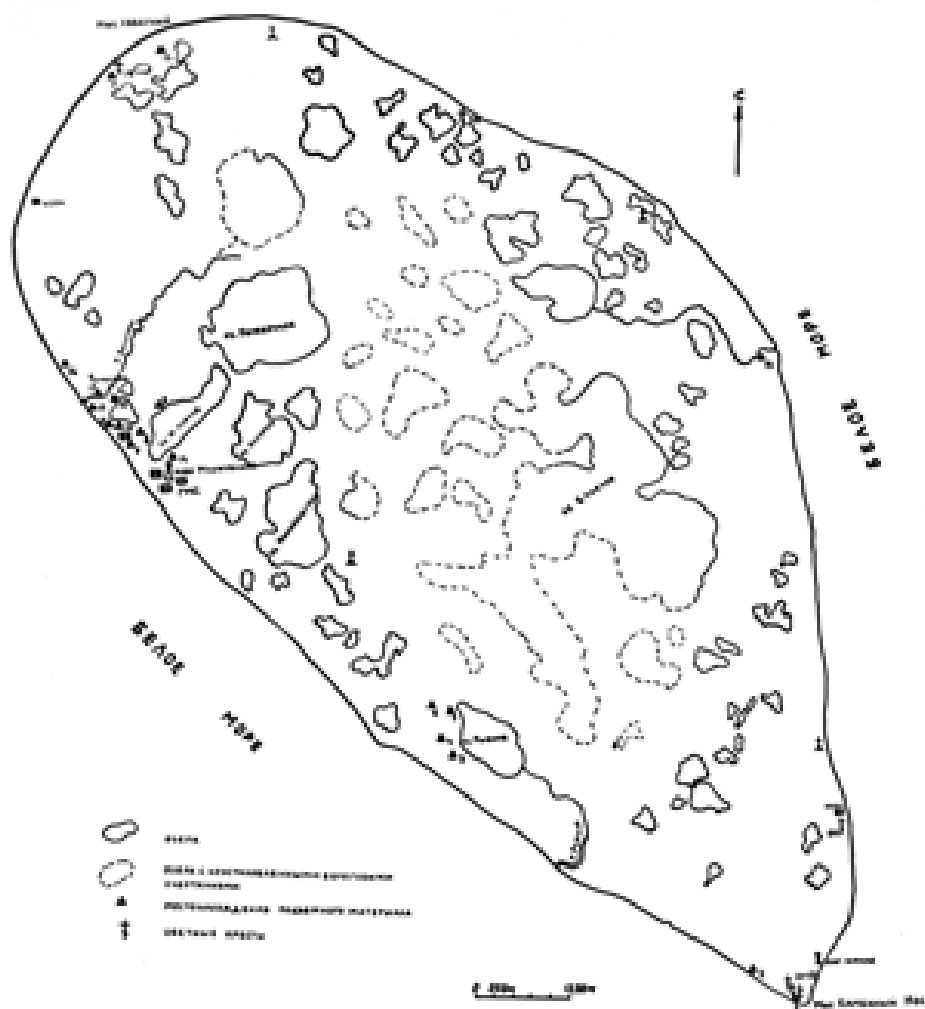

Рис. 18. Остров Моржовец, план расположения крестов.

Остров Моржовец расположен почти в самом «устье» горла Белого моря. С давних пор, об этом свидетельствуют находки кремневой индустрии на стоянках охотников на северного оленя с эпохи мезолита до эпохи раннего металла, остров посещался людьми [44]. Уже само название острова – «Моржовец», свидетельствует о его особой роли в морских зверобойных промыслах населения Северного Поморья. В конце XIX в. этот пункт Арктики воспринимался вот как: «Моржовец, снискавший себе такую печальную славу в летописях крушений на Белом море, имеет в окружности не более 40 верст. В нем есть два небольших озера и две речонки: Золотая и Рыбная» [45]. «Печальная слава» – это многочисленные кораблекрушения у восточного, наиболее опасного для судоходства побережья острова, перед которым расположены так называемые «Моржовские кошки» и где, по сведениям Мурманской научно-промысловой экспедиции и промерам 1905 г., зафиксировано около 6 мест гибели судов. О былой же промысловой славе острова свидетельствуют многочисленные остатки больших деревянных крестов. Этим памятникам и свидетелям активной поморской деятельности в данном районе не повезло. В период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. здесь были размещены советские артиллерийские батареи, огонь которых должен был «закрывать» доступ неприятелю в Белое море. Высокие кресты – прекрасные ориентиры для стрельбы с моря были срублены. Значительная часть из них так и осталась лежать у своих оснований (Фото 7, 8). Конечно, лежащие фрагменты крестов очень плохо сохранились, но в ряде случаев оказалось возможным установить

некоторые даты, вырезанные в свое время на них (большую помощь в этой работе экспедиции оказал В.А. Любимов).

Фото 7. Остров Моржовец,
остатки крестов.

Фото 8. Остров Моржовец,
остатки крестов.

Вот некоторые из этих расшифровок. На мысе Каменный нос удалось найти срубленные кресты вблизи остатков промысловых изб. Наиболее хорошо сохранился фрагмент креста с вырезанным текстом: «1878 года месяца июня 1 дня поставлен сей крест... 21 человеком...». Другие даты в этой группе крестов: «18...», «188...», «1907», «1926 г 26...». Всего на Каменном носу экспедицией было зафиксировано не менее 17 крестов, но, к сожалению, данный уникальный комплекс безвозвратно погиб. В северной части острова (мыс Северный) был зафиксирован фрагмент креста с датой «1919 г апреля...», а в северо-восточной части острова отдельные части креста с частично сохранившимся текстом: «...18..8 года пдл... переноси... иу... крест сей... мца октя... 4 дн...» (Рис. 19, 20).

В фондах Русского отдела Государственного Эрмитажа хранятся несколько предметов, связанных с поморскими морскими промыслами, которые изготовлены именно во время проведения промыслов. Наиболее интересен небольшой ящик (его размеры 0,25 x 0,12 x 0,14 см) с вырезанным текстом: «Сей ящик делан на Моржовчи 1880 г мес стр 7 дня Андрея Арефьева Федотова и пр. Архан губ деренвня Лопшеньга». Вплоть до настоящего времени в Поморье, на местах промыслов, сохраняются «следы» пребывания промышленников, оставляющих свои автографы на мебели, на стенах и дверях зимовий.

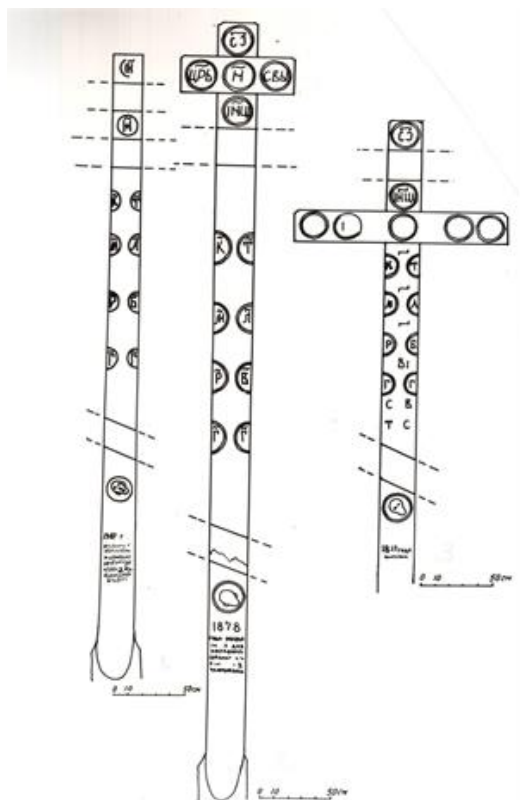

Рис. 19. Остров Моржовец, мыс Каменный, остатки крестов.

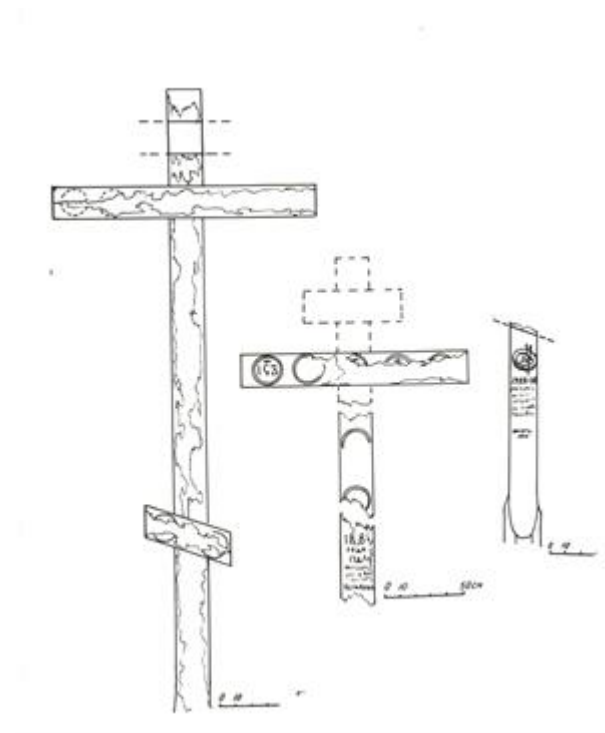

Рис. 20. Остров Моржовец, остатки крестов.

Люди, суда, на которых они плавали, те места промыслов, где они бывали на море и жили на берегу, рубили зимовья и ставили кресты - только все это вместе взятое поможет, хотя бы приблизительно воссоздать натуральную картину давно прожитых жизней. Жизней людей, которые, по-существу, и делали историю. Потому что это – наши герои нашей общей истории.

1. Овсянников О.В., Чукова Т.А. Крест в культуре Русского Севера XVIII– начала XX вв.: функции и семантика // Семиотика и культура. Тезисы докладов Всесоюзной школы-семинара по семиотике культуры 18–20 сентября 1989 г. Архангельск, 1989. С. 43–47; Они же. Северные каменные и деревянные кресты XVIII–XX вв.: К вопросу о типологии // Археология и история Пскова и псковской земли. Псков, 1989 (1990). С. 83–85; Овсянников О.В., Ясински М.Э. О деревянных крестах Русского Севера // Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера. Архангельск, 1995. С. 26–74; Овсянников О.В. Старинные поморские кресты по исследованиям 1982–1984 гг. // Краткие сообщения Института Археологии (КСИА). М.: Наука, 1990. Вып. 200. С. 97–101; Куратов А.А., Овсянников О.В. Археология острова Моржовец и проблемы древнейшего заселения островов Белого моря // КСИА. М.: Наука, 1990. Вып. 200. С. 44–48.

2. Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в XVII века. СПб., 1890, С. 193–194; Шляпкин И.А. Древние русские кресты. I. Кресты новгородские до XV века неподвижные и не церковной службы. СПб., 1906.

3. Горюнова В.М., Овсянников О.В. Клад конца X– начала XIII вв. в устье р. Варзуги (Терский берег Кольского полуострова) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 211–220.

4. Книга Большого чертежа. М.–Л., 1950. С. 183.

5. Там же. С. 183.

6. Сборник грамот Коллегии Экономии (СГКЭ). Пгр., 1922. Т. I. С. 160.

7. СГКЭ. Л., 1929. Т. II. С. 461.

8. Каталог Архангельского Городского Публичного Музея. Архангельск, 1905. С. 81.

9. Tallgren A.M. Biarmia // Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki, 1931. Vol. 1. S. 111. Fig. 2.

10. Архив Архангельского областного краеведческого музея (АОКМ). Книга № 3 с описью находок Северного Краеведческого музея. Сектор общественных функций. Век каменный и бронзовый. Составлена в 1933 г.

11. Горюнова В.М., Овсянников О.В. Клад конца X– начала XIII вв. в устье р. Варзуги ... С. 219.

12. Грамоты Великого Новгорода и Пскова (ГВНП). М.–Л., 1949. С. 141–142.

13. *Гурина Н.Н.* Первые сведения о памятниках XII века на Кольском полуострове // *Природа и хозяйство Севера*. 1981. Вып. 9. С. 65–70; *Овсянников О.В.* Средневековый грунтовый могильник на Терском берегу // *Новое в археологии Северо-Запада*. Л., 1985. С. 84–88; *Ovsyannikov O.V.* On Trade Routes to Zavolochye in the 11-th–14-th centuries. *Fenno-Ugri et Slavi*. 1993. Isk. 4. Helsinki. 1984. P. 98–106; *Гурина Н.Н., Овсянников О.В., Рябинин Е.А.* Средневековые древности Кольского полуострова // *Финны в Европе VI–XV веке*. М., 1990. Ч. II. С. 125–134.
14. ГВНП. С. 9 (1264 г.), С. 11 (1266 г.), С. 12 (1270 г.) и т. д.
15. СГКЭ. Л., 1929. Т. II. С. 464–465.
16. Там же. С. 525.
17. СГКЭ. Т. I. С. 563–564.
18. СГКЭ. Т. II. С. 482.
19. Там же. С. 483.
20. СГКЭ. Т. II. С. 159.
21. *Гемп К.П.* Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия. Л.: Наука, 1980. С. 31.
22. Там же. С. 31.
23. Там же. С. 31–32.
24. Там же. С. 32.
25. Там же. С. 32.
26. Там же. С. 32.
27. Там же. С. 32.
28. Рукописный архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской Академии наук (РА СПб ФИРИ РАН). Ф.10. Оп. 3. Д. 61. Л 2-5, 9-11 об.
29. СГКЭ. Т. II. С. 168.
30. СГКЭ. Т. II. С. 155.
31. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 4. Оп. 9. Д. 78. Л.14.
32. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 87. Л. 13 об, 24, 32 об.; Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 330. Оп. 1. Д. 1711. Л. 5, 9 об, 13 об.
33. Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. Л., 1930. С. 131.
34. РА СПб ФИРИ РАН. Ф. 255. Оп. 1. Д. 15. Л. 6 об.-7.
35. *Филин П.А., Фризин Н.Н.* Крест в промысловой культуре поморов Русского Севера // *Ставрографический сборник*. М., 2001. Кн. 1. С. 166–198.
36. *Гемп К.П.* Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия. Л.: Наука. С. 15.
37. *Овсянников О.В., Ясински М.Э.* О деревянных крестах Русского Севера... С. 26–74.
38. *Филин П.А., Фризин Н.Н.* Крест в промысловой культуре поморов Русского Севера... С. 166.
39. Там же. С. 169–170.
40. Научный архив Института Истории Материальной культуры Российской Академии наук (НА ИИМК РАН). Ф. 1. 1890 г. Д. 25. Часть 1.
41. НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1890 г. Д. 25. Часть 1. Л. 39.
42. *Овсянников О.В.* Каменные кресты Архангельского Поморья // *Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Сборник статей к 75-летию В. Д. Белецкого*. СПб., 1994. С. 171–182.
43. *Аввакум* (протопоп). Из Беседы второй [Об образе креста Христова] // *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие сочинения*. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1990. С. 82.
44. *Куратов А.А., Овсянников О.В.* Археология острова Моржовец и проблема древнейшего заселения островов Белого моря // *КСИА*. М.: Наука, 1990. Вып 200. С 44–48.
45. *Немирович-Данченко В.И.* Страна холода. Виденное и слышанное. СПб.-М., 1877. С. 24.

БЕЛОМОРСКИЕ ЩЕРБОТЫ: «НОВОМАНЕРНЫЕ» СУДА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII СТОЛЕТИЯ

В.В. Брызгалов (Архангельск, Россия), *О.В. Овсянников* (Бюрцбург, Германия),
М.Э. Ясински (Тронхейм, Норвегия)

Восемнадцатого августа 1714 г. был издан первый царский указ, касающийся традиционных русских судов [1]. Этот закон запрещал провозить провиант по Ладожскому озеру в Санкт-Петербург на карбасах и на русских судах других типов. Впредь все перевозки должны были осуществляться только в тятках (тип западноевропейского речного судна). Это был первый государственный юридический документ, запрещавший, правда, с отсрочкой, транспортировку грузов на российских парусниках.

Архангельскому вице-губернатору Петру Ефимовичу Лодыженскому царским указом от 28 декабря 1714 г. предписывалось: «...объявите всем промышленникам, которые ходят на море для промыслов на своих на лодьях и на кочах, дабы они вместо оных судов делали морские суда: галиоты, гукоры, каты, флейты, кто из них какие хочет, и для того (пока они новыми морскими судами исправятся) дается им сроку на старых ходить только два года, а по нужде три года. А по прошествии того сроку, чтоб конечно старые все перевести и для того ныне вновь кочей и лодей делать не вели под штрафом: оное взять судно, а сверх вдвое денег, во что оное стало» [2]. Это первый государственный юридический документ, который регламентировал поморское судостроение в Подвинье и Поморье. Следующий указ о поморском ново-манерном судостроении, дословно повторяющий первый, был издан ровно через год – 28 декабря 1715 г. [3]. В последующие годы, вплоть до июля 1718 г., все соответствующие законодательные акты касались только судостроения на тех реках, по которым шла транспортировка грузов в Санкт-Петербург, а также постройки судов в бассейне реки Волги и её притоков [4].

Именной царский указ от 2 июля 1718 г. потребовал, чтобы «...с сентября месяца нынешняго 718 года на карбусах и на лодьях отнюдь никто не ходил и вновь не делали под разорением всего имения, а делать эверсы. И для того те карбусы и лодьи во всех местах отписать на государя, понеже и наперед сего о том, дабы таких судов не делать, многими указами подтверждено. И о том в Санкт-Петербургскую губернию указ послать» [5]. Этим законом государство запрещало строительство староманерных судов (карбасов и лодей) во всей России. Через несколько месяцев царь издал новый указ, согласно которому с 1719 г. со всех старых типов судов будет взиматься двойная пошлина с перевозимых на них товаров. В следующем, 1720 г., эта пошлина возрастёт втрое по сравнению с пошлинами, которые будут уплачиваться за товары, перевозимые на новоманерных парусниках [6]. Этим же указом все староманерные суда, задержанные в Санкт-Петербурге на основании более ранних указов, отпускались и могли следовать в пункты назначения, а затем свободно приходить в Санкт-Петербург. Однако по прибытии туда, с товаров, которыми будут гружены эти староманерные суда, станут взиматься повышенные таможенные пошлины. Таким образом, государство начинает воздействовать на купечество, кораблестроителей и владельцев судов экономическими мерами, заставляя крестьян и купцов строить и перевозить товары только на морских и речных судах западноевропейских типов.

Царский указ от 2 июля 1718 г. вызвал среди северного крестьянства, морских промышленников и кораблестроителей возражения, которые они высказали в челобитной на имя царя. Правда, этот документ пока ещё не обнаружен в архивах, но основные претензии челобитчиков о том, что такой тип западноевропейского судна как эверс предназначен для мореходства только по рекам, а к плаванию по морям не пригоден – можно понять из текста царского указа от 11 марта 1719 г. [7]. Признав возражения северян обоснованными, Петр I марта 1719 г. издал специальный указ, который касается только северного поморского судостроения и мореплавания. Этот документ очень интересен, и хотя он опубликован, приводим его текст полностью: «Господин вице-губернатор! Били челом нам Соловецкого

монастыря крестьяне, сумляне и других мест, Степан Круглой с товарищи, что по присланному де из Архангелогородской губернии указу на соймах, на лодьях и на карбасах им и ни каким промышленникам на море ходить не велено, а велено де строить эверсы. И понеже такие суды, эверсы, велено делать для ходу только по рекам, а не по морю. И по получении сего объявите указ всем поморским жителям, дабы они впредь для морского ходу делали гальоты, гукоры, краеры, и эверсы делали только для ходу малым морем, от Соловков до города Архангельского и по реке Двине. И для того старые их суда, лодьи, карбасы, соймы, качи и прочия, велите переорлить и дайте им на тех, заорленных, доходить, а вновь отнюдь не делали б. А буде кто станет делать после сего указу новыя, тех с наказанием ссылатъ на каторгу, а суда изрубить. А буде вашим неусмотрением сие будет, то вы такому ж наказанию будете подлежать» [8]. Этот указ подвёл окончательную черту под кораблестроением старых типов северных поморских судов. Однако по вопросам северного речного судостроения царские указы выходили до 1720 г. [9].

В последующие годы северные крестьяне и морские промышленники, недовольные указом от 11 марта 1719 г., начали обращаться в разные правительственные учреждения, вплоть до Сената и даже непосредственно к царю с просьбами о разрешении строить морские суда по-старому манеру, а не по западноевропейским образцам. Ответы государя и Сената звучали одинаково: надо сооружать только парусники западноевропейских типов.

Любопытно, что императорские указы об обязательном строительстве новоманерных судов распространялись не только губернскими «органами», но к этому привлекалась и церковь. В 1726 г. архиепископ Холмогорский и Важеский Варнава издал свой указ о строительстве судов, предназначенных для церковнослужителей. В этом указе, естественно, были повторены все основные положения императорских указов, но были рекомендации: «И как вы священники сей указ получите... вы в своем приходе, сделав копии чинили по вышеписанному непременно» [10].

Однако поморы продолжали обращаться в высокие правительственные инстанции. Ответом на запросы поморов, волжан, псковичей, онежан и жителей других приморских и речных областей, стал именной указ императора Петра II от 31 августа 1728 г. – «О делании новых гекботов, галиотов и плоскодонных судов с назначением, в каких водах какие суда к плаванью могут быть допускаемы» [11]. В параграфе 7 «О судах по Белому морю или Мурманскому морю» записано: «Поморским жителям для ходу малым морем от Соловков до города Архангельского и по реке Двине, кто пожелает, тем делать галиоты, гукоры, краеры и эверсы, а прочим, а особливо рыбным и звериным промышленником, для рыбных промыслов и возки припасов позволяется делать щерботы большия и малыя, такие как в Санкт-Петербурге делаются...» [12].

Что представлял из себя такой тип судна как щербот или современный швербот? Это плоскодонная мелкосидящая яхта, снабжённая швертом и подъёмным пером руля. Шверт – устройство в виде плавника, убирающиеся в корпус яхты на мелкой воде и служащее в опущенном положении средством против дрейфа судна на острых по отношению к ветру курсах [13].

Для изучения поморского крестьянского судостроения особенно важно выявить документы первой половины XVIII в. Этого истинно драматического периода, когда северное судостроение, а точнее всё русское судостроение, **СТОЛКНУЛОСЬ** с очень жестким, особенно, в первые годы, поистине, драконовским законодательством об обязательном строительстве новоманерного типа судов. Введение **СВИДЕТЕЛЬСТВОВАННЫХ ПИСЕМ**, по-существу, судовых паспортов, многочисленные и регулярные проверки, иногда даже с привлечением иностранцев – все это способствовало тому, что в архивах отложился большой, по объёму, и очень важный, по содержанию, пласт письменных источников. Среди таких источников, связанных с постройкой новых или ремонтом старых судов, по своей информативности и значению, следует выделить, прежде всего, архивные собрания северных монастырей и архиепископского дома. Эти

систематизированные документы достаточно полно отражают регулярную хозяйственную деятельность, в том числе и судостроительную, на значительных отрезках времени.

К сожалению, в письменных документах данные о таком «новоманерном» судне как щербот встречаются очень редко. В период 1712-1806 гг. по сведениям отпусков судов из Архангельского порта из 995 вышедших в море судов, числится только 2 щербота [14]. Но самое примечательное, что оба эти щербота имели «родословную» из района Кеми. Один из щерботов «Николай» принадлежал жителю Кемского городка Афанасию Фомину сыну Ратманову, другим щерботом «Гликерия» владел крестьянин Лисестровской волости (окрестности города Архангельска) Иван Игнатьев сын Корела [15]. История второго щербота представляет особый интерес, так как его строительство связано с артелью мастеров-корабелов из Подужемской деревни. Об этом упомянуто и в «паспорте» судна: «КОПИЯ. По указу его величества Петра Второго, императора и самодержца всероссийского и протчия, и протчия, и протчия. Из Архангелогородской Ратуши дано сие свидетелствованное письмо Двинского уезду Лисестровской волости деревни Валдино крестьянину Ивану Игнатьеву сыну Кореле на новопостроенной щербот, именуемый «Гликерия», грузу имеет восемь ластов, длиною по полубам сорок два фута десять палцов, шириною пятнадцать футов десять палцов, глубиною от киля до полуб шесть футов четыре палца, об одной мачты сорок два фута девять палцов аглинских, знак на нем российской. Строен в нынешнем 1728-м году в вотчине Соловецкого монастыря в Подужемской деревни мастером тое ж деревни Матфеем Ивановым сыном Демидовых. А ходить будет к морю в Колской острог и другие приморские места с хлебными припасы и для рыбного и звериных промыслов, на нем работных ныне имеетца пять человек, а впредь по годом больше и меньше, и по силе присланного его императорскаго величества печатного указу втораго пункта ему, Кореле, из Архангелогородской ратуши и сие свидетелствованное письмо дано. А когда тот щербот кому продан будет, то сему писму быть у того купца. И тот щербот от Архангелогородской ратуши свидетелствован и вновь учрежденною печатью гербом заклеямен и для ведома с сим писмом явитца в Архангелогородской губернской канцелярии и в портовой таможне, того ради во уверение при сем писме при подписании рук Архангелогородской ратуши печать. Октября 2 дня 1729 года. У подлинного свидетелствованного писма пишет тако: Бурмистр Гаврило Попов, бурмистр Иван Латышев. Канцелярист Гаврило Пушкин. Печатных пошлин двадцать копеек, на расход половина копеек взято и в книгу записаны. Иван Корела принял. По ево велению росписался сумлянин Алексей Елизаров» [16]. Этот документ убедительное свидетельство тому, что западнопоморский центр судостроения обслуживал не только потребности в судах Соловецкого монастыря, но и нужды крестьян-промышленников, как ближайшей округи, так и более отдаленных районов Поморья. Ведь очень важно отметить такую, существенную, деталь – крестьянин Подвинской Лисестровской волости не просто купил построенный мастером Подужемской деревни Матвеем Ивановым сыном Демидовым щербот, а сделал специальный заказ этому мастеру на постройку нужного ему судна. Если бы история приобретения щербота двинским крестьянином была совсем иной, то это полностью нашло бы отражение в «свидетельствованном писме». Факт строительного заказа на судно, на наш взгляд, свидетельствует об известности корабелов Западного Поморья во всем Поморском регионе. Кроме того, постройки этими мастерами новоманерных судов – щерботов, уже с 1728-1729 гг. показывает возможности самих мастеров этого судостроительного центра, которые могли строить суда любого типа в первой половине XVIII в. Вот такие, конечно, самые предварительные суждения возникают при чтении послания крестьянина Василия Степанова сына Махилева.

Некоторые исследователи, например, В.П. Пузырев предполагал: «В целом, новоманерное судостроение на Белом море в XVIII в. больше характерно не для крестьян, а для государственных и купеческих предприятий, располагающих значительно большими финансовыми возможностями и, кроме того, заинтересованными в заграничных транспортных плаваниях» [17]. Несомненно, это ошибочное мнение, потому что финансовыми

возможностями должны были обладать не производители, а, в первую очередь, покупатели, а точнее говоря, ЗАКАЗЧИКИ на строительство тех или иных судов. Большую часть плавающих в акваториях северных морей парусников составляли суда, связанные с морскими перевозками и промыслами, принадлежавшие крестьянам поморских волостей, которые и выступали такими заказчиками, и строили их, как правило, не на купеческих верфях, а зачастую в своих же волостях, на плотбищах. Несомненная заслуга В.П. Пузырева в том, что он был, по-существу, первым из исследователей, кто обратил серьезное внимание на те документы Соловецкого архива, которые содержат сведения именно о крестьянских корабелях, о крестьянах, Демидовы, Мартыновы, которые строили лоды, щерботы, карбасы для Соловецкого монастыря [18]. Особо хотим отметить важность того, что это направление в исследовании поморского судостроения в настоящее время нашло свое перспективное продолжение [19].

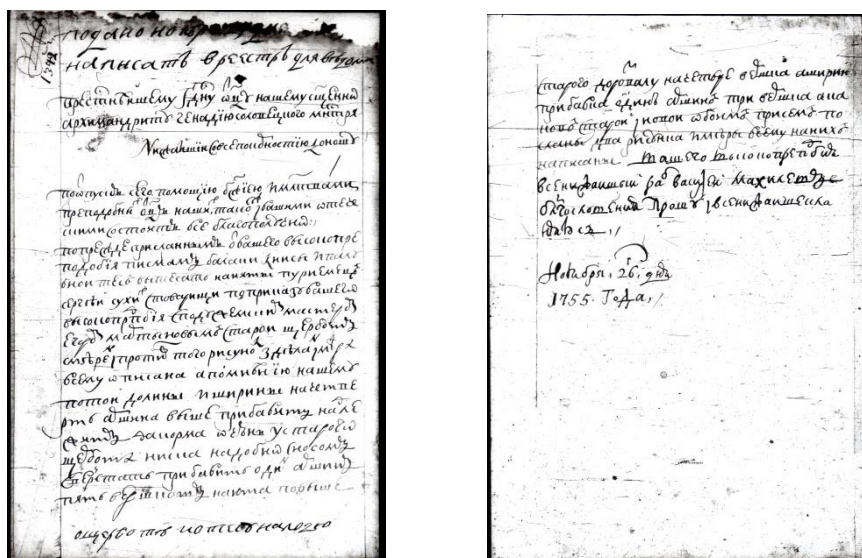

Рис. 1-2. Письмо Василия Махилева архимандриту Соловецкого монастыря Геннадию.
26 ноября 1756 г. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 698. Л. 1-1 об.

Среди документов Соловецкого фонда, на наш взгляд, наиболее интересна история постройки в 1756-1757 гг., по заказу Соловецкого монастыря, щербота вотчинными крестьянами Кемской округи Подужемской деревни. Она заслуживает особого внимания и публикации всех документов, связанных со строительством, в том числе, безусловно, и корабельных чертежей (благодарим проф. В.А. Гордона за помощь в получении этого документа). Это дело храниться в Российском государственном архиве древних актов и называется: «Дело о подряде подужемцев Егора Мартынова с товарищи щербота вицей, а не гладью нову, даче половинного найма 20 ру[блей]. 1756 года» [20]. В структуру дела входят письма Василия Махилева архимандриту Соловецкого монастыря Геннадию, чертежи и обмеры старого и нового щерботов, переписка о строительстве щербота. Первое письмо Василия Степанова сына Махилева, крестьянина, жителя Сумского острога, соловецкому архимандриту Геннадию интересно тем, что это образец делового письма середины XVIII в. (Рис.1, 2). Оно написано самим отправителем письма и являются своеобразным отчётом-рапортом о выполненных им, Махилевым, двух, несомненно, ответственных поручений, которые, как видно из текста, содержались в предыдущих письмах архимандрита Геннадия к Махилеву. Первое поручение не связано со строительством щербота, оно относится к строительству судна, о котором у нас пока нет сведений. Это поручение состояло в поиске и найме плотников для изготовления судовых деталей (балаки и книсы). Махилев нашел и нанял артель плотников из деревни Пурнема (Онежский полуостров) во главе с Сергеем Сухих, для выполнения необходимых плотницких работ. Второе поручение архимандрита

Геннадия представляет для нас особый интерес, потому что раскрывает не только содержание второго и, несомненно, основного поручения архимандрита, но и подробный отчет о его выполнении. Во-первых, Махилев должен был вместе с подуженским мастером Егором Мартыновым старый соловецкий щербот осмотреть, обмерить и сделать «против того рисунок». Во-вторых, следовало оценить перспективность старого щербота как возможного «образца» для нового строительства. Также содержится указание строителям осмотреть в Суме щерботы, принадлежавшие городским жителям, которые они купили. Это говорит о том, что щерботов, в действительности, было больше, чем мы знаем и то, что подробное знакомство с другими щерботами, тоже один из элементов работы по «образцу». Во-первых, речь в данном случае идет об одном, на наш взгляд, новоманерном судне с несколько загадочной для Поморья судьбой. Во-вторых, в документе о постройке щербота впервые находятся графические материалы: это два чертежа судов, один из которых построен в первой половине XVIII в., второе должно было быть построено в середине столетия. Оба эти аспекта были Василием Махилевым полностью учтены и добротнo выполнены, а о выполнении отписано в монастырь.

Исследование поморского крестьянства сейчас уже трудно представить без тщательного генеалогического изучения многих поколений потомственных морских промышленников, судостроителей, представителей многих других ремесел. В 1704 г. на Мурманском берегу, во владении холмогорского архиепископа в становище Виселкина губа стоял небольшой рыбачий стан, которым владел из оброка Петр Махилев [21]. В письменных документах конца XVIII-начала XIX вв. упомянуто несколько представителей этой семьи. Сын Василия Махилева – Иван Васильев сын Махилев, который владел лодьей «Святый Иоанн Предтеча», построенной в 1795 г., на которой он занимался перевозкой продовольствия из Архангельска в Сумской острог в 1800 г. [22]. Степан Махилев, возможно, внук Василия, в конце XVIII в. владел кочмарой «Святый Андрей Стратилат» постройки 1776 г. [23]. Напомним, что гукор Василия Махилева, деда Степана Махилева, также назвался «Святый Андрей Стратилат» [24]. Впервые имя Василия Степанова сына Махилева, крестьянина одной вотчинных деревень Соловецкого монастыря, приписанных к Сумскому острогу, обнаружено нами в «Ведомости сбора с морских промыслов на Мурманском берегу», где предприимчивый сумлянин с 1710 г. вел рыбный тресковый промысел. В морских становищах на Святом носу, в Зеленцах, Опасово, Зубово почти ежегодно до 1728 г. Махилев посылал на промыслы значительные артели. Иногда посылалось на промысел 2, а в отдельные годы 3 или 4 промысловых судна, что свидетельствует о нём как далеко о не рядовом промышленнике [25].

В июле 1728 г. Василий Махилев подражается у Василия Ивановича Крестинина (отца будущего архангелогородского историка В.В. Крестинина) отвезти на своем судне в Колу провиант «на дачю в том остроге гварнизонным служителем жалованья» [26]. После отвоза в Колу провианта Махилев, вероятно, занялся на Мурмане рыбным промыслом. Осенью того же, 1728 г., вместе с другими вотчинными крестьянами с промышленным уловом оказался в Архангельске. Соловецкий монастырь хлопотал о об их пропуске из Архангельского порта с покупным хлебом домой «...в рохных месяцах и числах прибыли к городу Архангелскому Соловецкого монастыря крестьяне с Мурманского и протчих мест с рыбными и с иными промыслами на новоманерных и старых заорленных и освидетельствованных укорах и соймах и протчих нижеписанных званием судех, а иные оные крестьяне намерены ехать домой с хлебными запасы» [27]. В числе крестьян Соловецкого монастыря, вернувшихся с промыслов, оказался и Василий Махилев со своим новопостроенным гуком «Святый Андрей Стратилат», который строил для него в том же, 1728 г., в Сумском остроге мастер из Ладоги Кирил Никонов. Гукор, согласно «Свидетельствованному письму» был довольно внушительных размеров: «новопостроенный гукор «Святый Апдрей Первозванный», которой грузу имеет дватцать восемь ластов, длиною по килю пятьдесят футов, а по верху шестдесят футов, глубиною семь футов с половиною, о

двух мачтах, первая грот мачта длиною сорок один фут, стеньга мачта тридцать футов, безань мачта двадцать девять футов английских» [28].

Второй фигурант послания Василия Махилева – это подужемский крестьянин, корабельный мастер Егор Ефтифеев сын Мартынов. Вероятно, сам Махилев присутствовал при осмотре, оценке мореходных качеств и пропорций корпуса старого щербота, его графической фиксации, а также для составления проектного рисунка нового судна. Об этом пишет сам Махилев «а каков старый и новый, обоим при сем посланы два рисунка и меры всему на них написаны». Егор Ефтифеев сын Мартынов один из представителей большой крестьянской семьи, давшей Поморью не одно поколение мастеров-корабелов. В 1727 г. подужемский мастер Сава Яковлев сын Мартынов построил для крестьянина Лопского Подонского погоста Содальской деревни Константина Степановых одномачтовый гукор «Святой Николай Чюдотворец» длиной по палубам 34,4 фута, шириной 10 ф., глубиной 5 ф., грузоподъемностью 8 ластов, а в последующие годы: в 1728 г. гукор «Зосима», в 1729 г. двухмачтовый гукор «София» [29]. С 1732 г. фамилия Мартыновых почти регулярно встречается в порядных на постройку людей, щербота, карбаса.

Наконец, третий и, пожалуй, самый главный фигурант письма Василия Махилева – это старый монастырский щербот. К сожалению, в письме Василия Махилева дата постройки никак не обозначена. В фонде Соловецкого архива сохранился очень краткий, но любопытный документ: «Реестр, что имеется на монастырских лодях и щерботах якорей железных. 1741 г.» [30]. В Реестре 1741 г. перечислены 6 лодей: «Святой Николай Чюдотворец», «Святой апостол Андрей Первозванный», «Сумской острог», «Святой Филип Митрополит», «Кемский город», разбитая бывшая лодья «Святой Герман» и 2 щербота: «Преподобный Зосима» и «Преподобный Савватий». Какой из двух упомянутых щерботов осматривали и графически фиксировали Василий Махилев и Егор Мартынов сейчас определить трудно. По предположению В.П. Пузырева строительство щерботов в Соловецком монастыре было начато после 1729 г. [31].

Сохранилось любопытное свидетельство – запись от 20 сентября 1741 г. «...послано в Кемский городок за служебным к салдату Саве Никифорову припасы для отдачи щерботным мастерам к щерботному делу по лекалам гвоздя старого болшей руки сорок, малой чотыреста, обоого чотыреста сорок гвоздей с топорцем Никитою Лошкиным. Вышеписанные гвозди Никита Лошкин принял» [32]. Любопытно, что именно в это же время по заказу Соловецкого монастыря и в том же Кемском городке строилось еще одно судно. В июне 1741 г. артель, в которую входили и которую возглавляли крестьяне Подужемской деревни Никита Демидов, Сава Мартынов подрядилась «построить про их, монастырской обиход извозный карбас» [33]. Порядная на постройку извозного карбаса: «1741-го года июля ... (дата отсутствует – Авт.) дня господину отцу нашему Священно Архимандрит Геннадию з братиею вотчинные крестьяне Кемского городка Подужемской деревни Никифор Демидов, Сава Мартынов подрядились построить про их монастырской обиход извозный карбас из соснового леса самым добрым мастерством безоулно, длиною по палубам и штевням шесть сажень (2 слова не прочитаны – Авт), ширина от борта по носовому шпангоуту подле забору две сажени с четвертью аршина, глубина по носовому шпангоуту один аршин девять вершков с половиною, ширина в корме подле палубного забору одна сажень с половиною аршина, глубина один аршин одиннадцатъ вершков с половиною. А сажень в пол-третья аршина. Палуба покрыть тесом вдоль, а не поперег, в одну тесницу, корма в розвале шириною аршин с четвертью или как в препорции придет, опруги класть из добрых кокор, кокора от кокоры разстоянием по три четверти аршина, а шить оной карбас вишьем еловым, першва положить вверх под палубные доски, а мачта поставить нам же, роспрушка и ларушка и спуск, таже смола и гвозди то все монастырское. А окончить оной карбас строением будущаго 742 году к весне как вскрытие полой воды, и отвезть нам мастерам самим в монастырь токмо проводников дать из миру, подтоварины прибить и руль зделать нам же мастерам. А за оную работу рядили цены шестнатцать рублей, в то число взяли ныне из монастырской казны десять рублей, достальные по отводе онного карбаса. А ежели мы

подрядчики вышеписанной карбас против сей записи построим негодность или строением промедлим за вышеписанный срок и в отвод де богомолцом учиним остановку, то по вины возратить взятые денги и провод заплатить по владычной воли, в том сию запись дали. Запись писал по прошению сумлян Иван Ермолин. К сей записи вместо вышеписанных подрядчики Никифора Демидова, Савы Мартынова по их прошению служитель Иван Алексеев руку приложил. По сей записи судно построено и в годность принято июня 14 дня 1742 года. Того же дня досталныя денги шесть рублей от казначея иеромонаха Никандра выданы» [34].

Конечно, чисто теоретически можно предположить, что в Кемском городке с лета 1741 г. одновременно по заказу монастыря две различные артели строили два судна - щербот и извозный карбас, но только в том случае, если в этом принимали участие мастера из Шиженской и других деревень. Интересна ещё одна особенность. Если мы сравним размерения старого щербота, о котором идёт речь в 1756 г., и размерения строящегося извозного карбаса в 1741 г., то получается довольно любопытная картина. Размерения старого щербота 14,22x3,99x1,78 м (аршин равен 0,7112 м) и размерения извозного карбаса 11,0x3,73x1,16 м (сажень равна 1,78 м). Эти два судна имеют разницу в размерениях, хотя предназначены для перевозки грузов. Но... особенность извозного карбаса в том, что это староманерное судно, которое может заходить в любое становище. Щербот, обладая большим выносным килем, требует больших глубин, чем извозный карбас и больших трудозатрат! Отсюда можно сделать предположение: щерботов, по сравнению даже с галиотами и гукорами, строилось меньше, так как их могли заменять извозные карбаса, что произошло в последующие годы.

Крестьянские мастера-корабелы из Подужемской деревни, несомненно, составляли костяк западнопоморского центра судостроения. Предлагаемый нами поименный список мастеров из этой деревни составлен на основе использованной публикации В.П. Пузырева [35]: 1. Мартынов Сава Яковлев сын, 2. Мартынов Федор Савинов сын, 3. Мартынов Яков Ефтифеев сын, 4. Демидов Никифор, 5. Демидов Матвей Иванов сын, 6. Демидов Степан Матвеев сын, 7. Демидов Леонтий, 8. Демидов Алексей Леонтьев сын, 9. Павлов Артемий, 10. Томилин Епифан Михайлов сын. Предложенный нами список охватывает период в 30 лет и в настоящее время является наиболее полным. В деревнях Выгостровской и Шиженской корабельных мастеров в первой половине XVIII в. было почти столько же – Воронов Иван, Кукоев Галактион, Дрягилев Иван, Лежнев Иван, Шухтин Яков, Стрелков Антон, Трофимов Михайло, Быков Григорий. Однако известен только один подряд на строительство лодьи в 1732 г., выполненный ими [36]. Несомненно, что дальнейший архивный поиск даст исследователям возможность более подробно узнать о строительной деятельности поморских мастеров во всех регионах Поморья.

Кораблестроители Мартыновы, Демидовы и крестьяне-корабелы других деревень были названы ещё В.П. Пузыревым [37]. Круг этих корабельных мастеров фигурирует и в работах Филина [38]. Отметим одну неточность. Имя крестьянского корабельного мастера кандалакшанина Федора Полежаева [39] в источниках не числится, потому что лодью, которую в марте 1746 г. купил у него сумлянин Михаил Чайкин Большой строил не сам Полежаев, а Чайкин купил «в Керетцком селе построенное мореходное судно длиною по матице на восемнатцати аршинах у кандалакшанина Федора Полежаева, которое строили в прошлом 742-ом году керетчанин Петр Кубачин с товарищи» [40]. Таким образом, в круг западнопоморских мастеров можно ввести еще одного крестьянина-корабеля. К сожалению, в интересных и действительно насыщенных информацией работах В.П. Пузырева и П.А. Филина несколько в тени оказался один из важнейших аспектов исследуемой темы, а именно, несомненный факт, организационного оформления судостроения как самостоятельной крестьянской ремесленной деятельности уже в первой половине XVIII в. Речь идет не просто о подрядах крестьян Выговской и Шиженской деревень, как считал В.П. Пузырев [41], а можно с уверенностью говорить о регулярном функционировании крестьянских кораблестроительных артелей, сформированных не только на базе

территориальной общности, но и на основе устойчивых семейных традиций. Отметим, что семейные ремесленные традиции – это одна из характерных форм передачи не только ремесленных навыков, но и всего культурного наследия и характерна не только для средневековья, но и для более позднего времени.

И ещё очень важный аспект рассматриваемой нами проблемы. Мы вплотную подошли к исследованию формирования ещё одного из региональных центров судостроения Архангельского Поморья. Есть все основания, наряду с Пинежско-Подвинским судостроительным центром, говорить об аналогичном региональном центре в районе Западного Беломорья. И только сравнения практическую деятельность таких центров можно будет понять судостроительную историю огромного Поморского региона.

Вполне естественно, что наряду с ремесленной деятельностью корабелов эти крестьяне могли участвовать в традиционных для населения региона морских промыслах. Многопрофильность хозяйственной деятельности населения поморского региона, сезонный характер разных видов этой деятельности, как характерная черта поморской экономики, складывалась в течение продолжительного времени и обеспечивала как высокий уровень развития ремесел, так и самих морских рыбных и зверобойных промыслов.

Публикуемое нами архивное дело о строительстве щербота хранится в Российском государственном архиве древних актов и называется: «Дело о подряде подужемцев Егора Мартынова с товарищи щербота вицей, а не гладью, нову, даче половинного найма 20 ру[блей]. 1756 года» [42]. Дело состоит из 27 листов с оборотами, общим числом 46, написанное несколькими почерками, имеется правка текста в документах. Хронологически дело охватывает период с ноября 1755 г. по сентябрь 1757 г. Это переписка Василия Махилева с архимандритом Соловецкого монастыря Геннадия, чертежи и обмеры старого и нового щерботов.

Впервые это дело было обнаружено В.П. Пузыревым, а почти полностью опубликовано П.А. Филиным в сборнике «Соловецкое море» [43]. Но... даже в заголовок статьи автором внесена неточность, вместо 1756-1757 гг., у него указано... 1765-1767 гг. На С. 23 переставлена хронология документов, так как вначале идет документ, датированный 18 апреля 1757 г., а за ним... документ, датированный 13 апреля 1757 г., далее – документ от 20 апреля 1757 г. Чертежи и размеры старого и нового щербота даны в конце публикации, хотя в документе они расположены на Л. 2, 3 и 15. Из дела, в публикации, пропущен Л. 18, так как автор не смог его прочитать.

В связи с этим, авторы считают необходимым вновь полностью опубликовать материалы этого дела. Документы публикуются в хронологическом порядке, с исправлениями и дополнениями в тексте. Чертежи и обмеры старого и нового щерботов размещены там, где они идут в текстовой части дела. Тексты печатаются с сохранением орфографии документа, но с заменой отсутствующих в современной нам орфографии букв. Буква «ѣ» в конце документов не воспроизведена. Титла раскрыты по правилам современного нам правописания, выносные буквы даны в строчку, и в примечаниях это специально не оговаривается. «Де», «г» и «го» везде переданы полными словами («день», «год» или «года») без специальных оговорок в примечаниях. В квадратные скобки заключены восстановленные по смыслу слова и буквы текстов, пострадавших от механических повреждений; отточия в квадратных скобках означают пропуски в тексте, не поддающиеся надёжному восстановлению. Особенности текста разъяснены в примечаниях, помещённых в конце документа. За примечанием следует легенда, в которой указано место его хранения, листы документа, изложены сведения о подлиннике, черновике или публикуемом списке; приведено обоснование датировки в случаях, требующих такого пояснения.

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Спб., 1830. Т. V. № 2841; Минейко Г. О. Законодательство Петра Великого о речных и морских торговых делах Архангельского порта // Справочная записка для Архангельской губернии на 1860 год. Архангельск, 1859, с. 36.

2. ПСЗ. Т. V. № 2873.

3. Там же. № 2973.
4. Там же. № № 3119, 3215, 3238, 3345, 3387.
5. Там же. № 3215.
6. Там же. № 3229.
7. Там же. № 3323.
8. Там же. № 3323.
9. Там же. № № 3554, 3567.
10. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 831. Оп. 1. Д. 1483. Л. 1–2.
11. ПСЗ. СПб., 1830. Т. VIII. № 5327.
12. ПСЗ. СПб., 1830. Т. VIII. № 5327. Параграф 7. С. 88.
13. Морской энциклопедический словарь: В трёх томах. Т. 3. СПб. Судостроение, 1994. С. 399.
14. Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI-XVII вв. Л., 1930. С. 144-145.
15. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 4. Оп. 9. Д. 87. Л. 57.
16. *Овсянников О.В., Ясински М.Э.* Заметки о морском аспекте освоения Русской Европейской Арктики // *Лодия*, 2008, № 5. Архангельск: Лодия, 2010. С. 158.
17. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 330. Оп. 1. Д. 1711. Л. 5об., 17.
18. *Овсянников О.В., Ясински М.Э.* Заметки о морском аспекте освоения Русской Европейской Арктики... С. 8.
19. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 545. Л. 6-7 об., 103 об.-104 об.
20. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 545. Л. 104-104 об.
21. *Пузырев В.П.* Паруса над Студеным морем. М., 203. С. 28-29.
22. *Пузырев В.П.* Паруса над Студеным морем... С. 26-29.
23. *Филин П.А.* Новый архивный документ о поморском судостроении XVIII века: чертёж и опись соловецкой лодьи «Преподобный Зосима» // *Полярный архив*. М., 2003. Т. 1. С. 114-131; *Он же.* Лодья Соловецкого монастыря «Преподобный Зосима» 1790 г. // *Соловецкое море. Историко-литературный альманах*. Архангельск; М., 2003. № 2. С. 20-34; *Он же.* Судостроение Соловецкого монастыря: лодья «Преподобный Зосима» // *Труды Морской арктической комплексной экспедиции*. М., 2004. 180 с.; *Он же.* Строительство «щербота» Соловецкого монастыря: Документы и чертежи 1765-1767 гг. // *Соловецкое море. Историко-литературный альманах*. Архангельск; М., 2010. № 9. С. 11-25; *Овсянников О.В., Ясински М.Э.* Западное Беломорье: из истории крестьянского судостроения поморья в первой половины XVIII в. // *Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран*. В 2 т. Т. 2. М.: Ломоносов, 2010. С. 71-113; *Филин П.А.* Из истории судостроения Соловецкого монастыря. 1731-1761 гг. // *Соловецкое море. Историко-литературный альманах*. Архангельск; М., 2012. № 11 С. 15-20; *Копытова Н.Т.* «Издrevле как деды и отцы наши строили...» строительство староманерных судов Соловецким монастырём и монастырскими крестьянами в первой трети XVIII в. // *Соловецкое море. Историко-литературный альманах*. Архангельск; М., 2012. № 11 С. 8-14.
24. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 698.
25. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 149. Л. 221, 227, 231 и др.
26. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 529-н. Л. 155-155 об.
27. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 529-н. Л. 210-210 об.
28. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 529-н. Л. 156.
29. *Овсянников О.В., Ясински М.Э.* Западное Беломорье: из истории крестьянского судостроения Поморья первой половины XVIII в... Т. 2. С. 92-93.
30. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 216. Л. 1-1 об.
31. *Пузырев В.П.* Паруса над Студеным морем... С. 25.
32. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 216. Л. 20.
33. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 216. Л. 19.
34. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 216. Л. 19-19 об.).
35. *Пузырев В.П.* Паруса над Студеным морем... С. 24, 26.
36. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1171.
37. *Пузырев В.П.* Паруса над Студеным морем... С. 26-29.
38. *Филин П.А.* Новый архивный документ о поморском судостроении XVIII века: чертёж и опись соловецкой лодьи «Преподобный Зосима»... Т. 1. С. 114-131; *Он же.* Лодья Соловецкого монастыря «Преподобный Зосима» 1790 г. // *Соловецкое море. Историко-литературный альманах*. Архангельск; М., 2003. № 2. С. 20-34; *Он же.* Судостроение Соловецкого монастыря: лодья «Преподобный Зосима»... С. 28-31.
39. *Филин П.А.* Судостроение Соловецкого монастыря: лодья «Преподобный Зосима» // *Труды Морской арктической комплексной экспедиции*. М., 2004. С. 30.
40. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1141. Л. 2.
41. *Пузырев В.П.* Паруса над Студеным морем... С. 23.
42. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 698.
43. *Филин П.А.* Строительство «щербота» Соловецкого монастыря. Документы и чертежи 1765-1767 гг. С. 16-24.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Дело о подряде подужемцев Егора Мартынова с товарищи щербота вицей, а не гладью нову, дача половинного найма 20 ру[блей]. 1756 года

№ 1

/Л. 1/ Пречестнейшему господину отцу нашему священно архимандриту Генadiю Соловецкого монастыря.

Нижайший со все покорностию доношу.

По отпуск сего помощью Божиею и молитвами преподобных отцов наших, тако ж и вашими отеческими состоит все благополучно.

По прежде присланным от вашего высокопреподобия писмам балаки, книсы и палубной тес вытесать наняты пурнемец Сергей Сухих с товарищи. По приказу вашего высокопреподобия с подужемским мастером Егором Мартыновым старой щербот смирен и против того рисунок зделан и мера всему описана, а по мнению нашему по той долины и ширины на четверть аршина выше прибавить надлежит, да корма очень у старого щербота ниска надобно с носом сверстать, прибавить один аршин пять вершков на юта повыше / Л. 1об./ старого до розвалу на четыре вершка, а ширины прибавка один аршин три вершка, а каков старой и новой обоим при сем посланы два рисунка и меры всему на них написаны. Вашего высокопреподобия всенижаиший раб Василей Махилев благословения прошу и всенижаише кланяюсь.

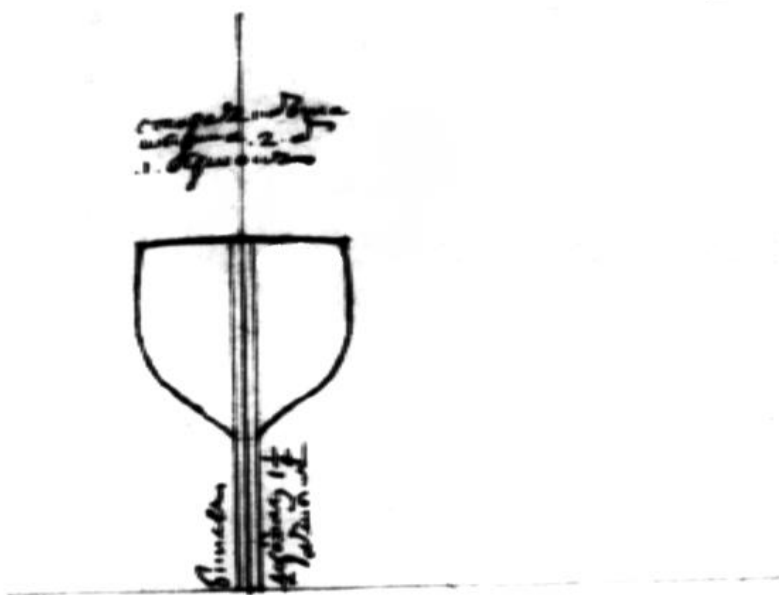
Ноиабря 26-г[о] дня 1755 года.

¹ В ркп. над текстом другим почерком написано: *№ 1342 Подано но[ября] 29 дня 1755 года], написать в реестр для ведома.*

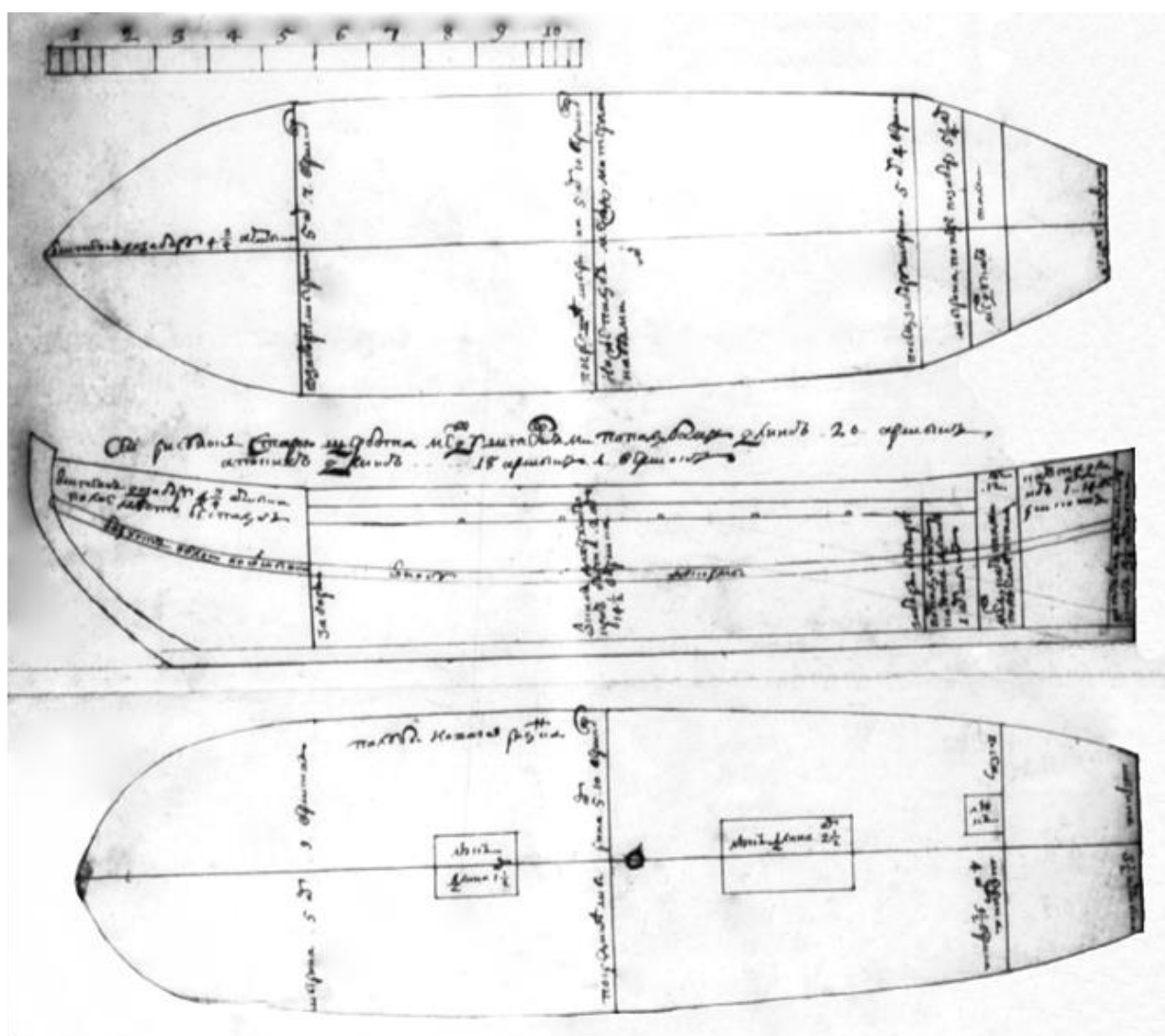
² В ркп. под текстом тем же почерком написано: *О щерботе и о тесу на лодю.*

РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 698. Л. 1-1 об. Подлинник.

№ 2

РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 698. Л. 2. Подлинник.

РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 698. Л. 3. Подлинник.

/Л. 4/

Мера щерботу старому	[ар]шины	[вер]шки
длиною поверху между штевнями.....	20	-
носовой штевень вышиною по вонную сторону от нижней кромки киля.....	4	6
кормовой штевень от нижнего края киля до верху длиною весь.....	3	8
от нижнего же края киля до розвалу вверх	1	8
розвал шириною поперек щерботы.....	2	1
каюта длиною от штевни до забору.....	1	14
от той каюты промешка до забору и палуб	-	12
от того забора под балубами средняя каюта длиною между заборами.....	1	-
от носового штевня до забору и палуб...	4	12

подле того забора от киля вверх до палуб вышины ...	2	9 1/2
а до верху бортов всего вышины от киля	2	15 1/2
¹ Подано ноября 29 дня 1755 года, собщит к делу ⁻¹		

/Л. 4 об./

шириною внутри подле тоже забор в палубах между набоями матерыми.....	5	7
а на палубах между бортами шириною по верху...	5	5 1/2
по кормовую сторону машты о середине щербота вышиною внутри от киля до палуб вверх.....	2	9
а до самого верху бортов от киля вышины всего.....	2	15
ширины внутри между матерыми набоями в палубах в широком месте поперег.....	5	10
а поверх между бортами вонными набоями поперег ширины.....	5	6
от кормового штевня за 3 ½ аршина ширина в палубах внутри в широком месте между матерыми набоями поперег	5	4
а поверху между бортами воонными обшивка поперег ширины.....	4	10 1/2

/Л. 5/

вышины в том же месте от киля до палуб	2	6 1/2
а до верху всего з бортами от киля вверх	2	12 1/2
бархот один облои кругом на обшивьки ширины в три вершка по вонную сторону от верхней кромки борта до бархота вниз о середине щербота..... Прям того же бархота внутри в щерботе поперег между матерыми набоями в трех местах и ширина мерена и показана в сем реэстре выше сего. ² Подужемцы Егор мартынов с товарищы просят построит за новой рисунок щербота сорок рублев. Лес на оной щербот обещаются добыть на будущее 1756 лето, а сошьют со всем 1757 лета июня на 29 число, и для того осмотрет в Суме городские щерботы кои куплены у сумлян доброты и цены применится и потому и в дело вступит можно. К сей записе прошения подужемцов Егора Мартынова, Федора Мартынова, Алексея Демидова, Артема Павлова, Луки Пелякина в том,	1	9

/Л. 5 об./

что напер ниже показанной цены сорока рублев ³ за работу ³ не берут ⁻² . ⁴ Прошением их кемлянин Петр Тарасов руку приложил ⁻⁴		

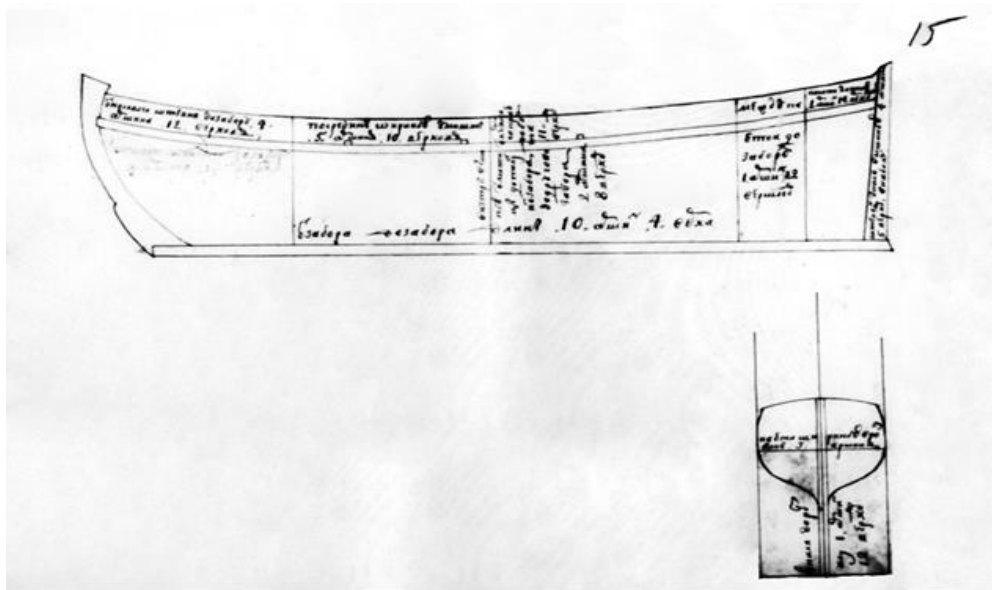
¹⁻¹ В ркп. написано другим почерком.

²⁻² В ркп. написано третьим почерком.

³⁻³ В ркп. вписано над строкой.

⁴⁻⁴ В ркп. написано четвертым почерком, кемлянином Петром Тарасовым.

РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 698. Л. 4-5 об. Подлинник.

РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 698. Л. 15. Подлинник.

/Л. 27/ Пречестнейшему господину отцу нашему священно архимандриту Генadiю з братиею Соловецкого монастыря.

Нижайшии с покорностию доносим.

Сего сентября от 11-г[о] дня по писму вашего высокопреподобия велено нам нижайшим выслать к вашему высокопредобию в монастырь подужемца лодеиногo мастера для просмотра и подряду нового щербота, да при том же выслать мехового мастера ушковца Июдy Мякушкина. И помянутой лодеинои мастер, которой по требованию нашему к нам нижайшим прислан ис Подужемья от выборного с мирскими людьми крестьянами Артемии Павлов, при сем к вашему высокопредобию от нас нижайших и послан. А мехового мастера ушковца Июдy Макушкина при Кемском городке не имеется отпреился в Панозерской погост для строения крестьяном. По которого от нас нижайших с получение вашего высокопреподобия ордера с того ж числа послан нарочнои, а кагда он придет, к вашему высокопредобию вышлем вскоре.

Вашего высокопреподобия нижайшии раби Кемского городка

²⁻²служители Тихон Онев³, Федор Лопинцов благословения вашего отческаго прося униженно кланяемся².

Сентября 18 дня [17]56 году.

¹ Над текстом другим почерком написано: 1407. П[од]ан окт[ября] 9 дня 1756 года, доложит.

²⁻² В ркп. написано третьим почерком.

³ Так в ркп.

РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 698. Л. 27. Подлинник.

/Л. 6/ 1756 года сентября 23 дня Соловецкого монастыря господин архимандрит Генадий з братиею приказали подрядить того ж монастыря вотчинных Кемского городка присудственной ¹Подужемской⁻¹ деревни крестьян Егора Евтифеева, Федора Савина Мартыновых², Алексея Леонтьева Демидовых, Артемия Павлова сошить про монастырской

обиход щербот по двинскому на каковых ездят богомолцы в Соловецкой монастырь во всем таковым маниром токмо³ вицей, а не гладю, длиною между штевнями 20 аршин по матице внутри 18 аршин 10 верхов, по середине шириною⁴ у машты⁴ 5 аршин 10 вершков, от носового штевня /Л. 6 об./ до забора 4 аршина 12 верхов, и чтоб было поло без палуб на оба борта положить от штевня до забора по целой кокоре, отесав четверогранно, толщиной 3 верха или в пол четверта равномерно, и, причертив плотно, посадить на опруги в 3-х или 4-х местах от носу шириною в заборе 5 аршин 8 верхов, от кормового штевня до забора палубного 3 аршина 10 верхов, каюта в корме о штевень длиною 1 аршин 14 верхов, между каютой до забора 1 аршин 12 верхов, каюта в розвале шириною 3 аршина от матицы /Л. 7/ до розвала 4 аршина 12 верхов, штевен кормовой в набоях вышиною 4 аршин 5 верхов, носовой вышиною ж от матицы 4 аршина 6 верхов, палубам быть продольным толщиной в полтора верха на балаках, над носовым и кормовым заборами положит тугуны крепкие⁵ толщиной верха по 4, балаки и книси против того ж разве полу верхом потоне, под оба⁶ заборы⁶ положит тугуны с края на край для крепости, двери у обоих заборов зделат⁷ тако ж⁷ и у каюты, и заборины розбирались бы, книси пришивать к бортам по 3 петли, балаки к книсам по 2 петли да по гвоздю /Л. 7 об./ железному, у книс корене длиною по аршину шток и нагили бить можно было, балаки класть под палубы самые добрые друг от друга по аршину, вышиною внутри по середине щербота от матицы до палуб и от забора⁸ до друго⁸ забора 2 аршина 8 верхов, чтоб человеку ходит было свободно, от палуб до верхняго края борта 11 верхов, кокоры и слань причерчиват к щерботу все наплотно, шток нигде поло не было, кокоры пришиват к лежни вицей с обеих концов, до матицы по три петли, от тех пе⁹ трех петел отмерит пол аршина, другая три петли, пришиват /Л. 8/ по вышеписанной мере на [каждой] кокоре и лежне, слани быть и кокорам толщиной по 3 верха, а промежни меж кокорами и сланю по 4 верха, набоям быть по 1 верху или потолще, а меньше верха не быт, шток не тонки были, и оной щербот чтоб по дну был весьма плосок. Матица положит из двух брусков по лодейному, а не по новоманерному, для мелких мест, чтоб меньше воды брало¹⁰ ставовые набои были б целине, а не составные, одинакие меж каютой и заборами, верх у бортов опушит кокорами, как в носу показано, посадит на тугуны, каюту крепит вверх и в низ положит по брусу и пришит с книсами вицей как в палубах показано¹⁰. Оной щербот сошит самым добрым мастерством и для лутшаго присмотру дать им подрядчиком рисунок, за которой щербот ряжено 40 ру[блей] толко¹¹ смола, гвоздь, /Л. 8 об./ опрушка и спуске монастырское. В то число¹² выдать им¹² подрядчикам наперед половину 20 ру[блей], а другая половина принят им из монастырской казны как оной щербот совсем против записи достроен будет в годность, а сошит оной щербот совсем на срок будущего 1757 года мая на 1 число¹³ неотменно, а для достройки палуб и подтоварин приехат на оном щерботе им подрядчиком в монастырь и на ту достройку лесу быть их же подрядчикову, а на пригон того щербота дать им подрядчиком /Л. 9/ парус, 2 якоря с тросами и протчую верховую снасть. Руль и машта им же подрядчиком зделат из их лесу¹⁴ в котором подряде¹⁴,¹⁵ а ежели¹⁵ означенного щербота, что прибавлено будет вершков, а не аршин, то по вышеписанному строит им за показанную цену, в котором подряде и взят с них подрядчиков запись друг по другу с околнею порукою с таким обязательством, ежели кто из них за каким препятствием будет не в состоянии, то достоин означенной щербот по вышеписанному всем за одного и одному за всех. Во выдаче вышеписанных денег половинного найма 20 ру[блей] /Л. 9 об./ к приходоросходчикову служителю Григорию Титову послать ордер к оному ж щерботу дать им подрядчиком гвоздь 8

¹⁶ верхового¹⁶ 20, двутесу 50, 6 верхового 40.

1757 года июня ...¹⁷ дня вышеписанной¹⁸ щербот у подрядчиков подужемцов Егора Евтифеева с товарищи принят совсем¹⁹ в годность и досталние денги 20 ру[блей] выдат надлежит и о той выдаче денег х казначею иеромонаху Иерокиму послат ордер.

¹⁻¹ В ркп. вписано над строкой.

² В ркп. М исправлена из де.

- ³ В ркп. к исправлена из л.
⁴⁻⁴ В ркп. вписано над строкой.
⁵ В ркп. л исправлена из т.
⁶⁻⁶ В ркп. исправлено из слова *тугуны*.
⁷⁻⁷ В ркп. вписано над строкой.
⁸⁻⁸ В ркп. исправлено из слова *до двери*.
⁹ В ркп. стерты буквы *пе*.
¹⁰⁻¹⁰ В ркп. вписано справа и отделено чертой от основного текста.
¹¹ В ркп. к исправлена из о.
¹²⁻¹² В ркп. вписано над строкой вместо зачеркнутого *приняли в не*.
¹³ В ркп. ч исправлена из а.
¹⁴⁻¹⁴ В ркп. зачеркнуто.
¹⁵⁻¹⁵ В ркп. исправлено из *запи*.
¹⁶⁻¹⁶ В ркп. вписано над строкой вместо зачеркнутого *дюймового*.
¹⁷ В ркп. число не проставлено.
¹⁸ Так в ркп.
¹⁹ В ркп. вписано над строкой.
 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 698. Л. 6-9 об. Подлинник.

№ 8

/Л. 10/ 1756 года сентября ...¹ дня Солове[цкого] монастыря господину отцу нашему священно архимандриту Генadiю з братиею.

Того ж монастыря вотчинные Кемского городка присудственной Подужемской деревни крестьяне Егор Евтифеев, Федор Савин Мартыновы, Алексей Леонтьев Демидовых, Артемей Павлов подрядились сошить про их монастырской обиход щербот по двинскому на каковых ездят богомолцы в Соловецкой монастырь во всем таковым манером толко вицей, а не гладю, длиною между штевнями 20 аршин по матице внутри 18 аршин 10 верхов, по середине шириною ²-у ма⁻² /Л. 10 об./ [³-шты⁻³] 5 аршин 10 верхов, от носового штевня до забору 4 аршина 12 верхов, и чтоб было поло и без палуб, на оба борта положит от штевня до забору по целой кокоре, отесав четверогранно, толщиною 3 верха или в полчетверта равномерно и, причертив⁴ плотно,

⁵-посадит на упруги в 3 или 4 местах⁻⁵ от носу шириною в заборе 5 аршин 8 верхов, от кормового штевня до забору палубного 3 аршина 10 верхов, каюта в корме о штевен длиною 1 аршин /Л. 11/ 14 верхов, между каютой до забору 1 аршин 12 верхов, каюта в розвале шириною 3 аршина ⁶-4 верха⁻⁶, от матицы до розвала 1 аршин 12 верхов, штевень кормовой ⁷- в набоях⁻⁷ вышиною 4 аршина 5 верхов, носовой вышиною ж от матицы 4 аршина 6 верхов палубам быть продолним толщиной в полтора верха, на балаках, над носовым и кормовым заборами положить тугуны крепкие толщиной верха по 4, балаки⁸ и книсы против того ж разве полуверхом по тоне, ⁹под оба забора положит тугуны с края на край для крепости, двери у обоих заборов зделат тако ж и у каюта, заборины розбирались⁻⁹ книсы пришивают к бортам /Л. 11 об./ по три петли, балаки х книсам по две петли да по гвоздю железному, у книс коренье длиною по аршину, штоб и нагиля бить было можно, балаки класть под палубы самые добрые, друг от друга по аршину, вышиною внутри по середине щербота от матицы до палуб, и от забора до другою забора, 2 аршина 8 верхов, чтоб человеку ходить было свободно, от палуб до верхняго краю борты 11 верхов, кокоры и сланы причерчиват к щерботу /Л. 12/ все наплотно, штобы нигде поло не было, кокоры ¹⁰-и лежни⁻¹⁰ пришивают вицей с обеих концов до матицы по три петли, и от тех трех петел отмерит пол аршина, друга три петли ¹¹-пришивают⁻¹¹ по выше писанной меры на каждой ¹²-кокоры⁻¹² и лежне¹³ ¹⁴-пришивают таким же маниром, сланы быть между кокорами⁻¹⁴ ¹⁵-слане бить⁻¹⁵ и кокорам ¹⁶-толщиной⁻¹⁶ по 3 верха, ¹⁷-а промежка меж кокорами и сланю по 4 верха⁻¹⁷, набоям быть по 1 верху или потолще, а меньше верха не быть ¹⁸-штоб не тонка были* ¹⁸ ¹⁹-*барховты зделат по

обои стороны от носового штевня до забору також и от кормового штевня до забора ж и от кокор между заборами и барухуты выгибает шириною по четверте верха, где щекою по 3 верха кое бархуты срубят в стойки и прошит вицой, а где и о двери, прибит гвоздем¹⁹. И оной щербот, чтоб по дну был весьма плосок, матица /Л. 12 об./ по лодейному, а не по новоманерному, для мелких мест, чтоб меньше воды брало²⁰ - стамовоче набой были б в целные, а не составные, одинакие²¹ - в каюте²¹ меж каютой и забором, верх у борт опушат кокорами как в носу показано, посадит на тугуна, каюту крепит в верх и наз положит по брусу и пришиват к книсам вицой как в палубах показано²⁰. Оной щербот сошит самым добрым мастерством и для лутшаго присмотру дан²² - им²² подрядчиком рисунок, за которой щербот за работу рядили 40 ру[блей] толко смола, гвоздь, опрушка и спуск монастырское. В то число приняли оне подрядчики наперед половину 20 ру[блей], а другая половина принят им из монастырской /Л. 13/ со всем против сей записи достроен будет в годность. А сошит оной щербот со всем на срок будущего 1757 года мая на 1 число неотменно, а для достройки палуб и подтоварин приехать на оном щерботе им подрядчиком в монастырь, и на ту достройку лесу быть их же подрядчикову. А на пригон того щербота приняли оне подрядчики парус, два якоря с тросами и протчюю верховую снасть. Руль и машта им же подрядчиком зделат из их лесу, ныне дано /Л. 13 об./ на тот щербот гвоздя разных рук восьми верхового 20, двутесного 60, одностесного 50, 6 верхового 40. В чем и ручаются оне подрядчики друг по друге в колнею порукою к таким обязательствам ежели кто из них будет за каким препятствием не в состоянии, то достроит означенной щербот по вышеписанному одному за всех и всем за одного. А ежели означенного щербота, что прибавлено будет вершков, а не аршин, то по вышеписанному строит за показанную цену в том и подписуются.

1757 года июня ...²³ вышеписанной щербот новой у подрядчиков подужемцов Егора Евтифеева с товарищи /Л. 14/ принят совсем в готовности и досталные денги 20 ру[блей] им выданы.

¹ В ркп. число не поставлено.

²⁻² В ркп. написано другим почерком.

³⁻³ В ркп. написано другим почерком.

⁴ В ркп. *в* исправлена из *т*.

⁵⁻⁵ В ркп. написано другим почерком.

⁶⁻⁶ В ркп. зачеркнуто.

⁷⁻⁷ В ркп. написано другим почерком.

⁸ В ркп. *и* исправлена из *а*.

⁹⁻⁹ В ркп. написано другим почерком.

¹⁰⁻¹⁰ В ркп. написано другим почерком.

¹¹⁻¹¹ В ркп. написано другим почерком, вместо зачеркнутого *ишт*.

¹²⁻¹² В ркп. написано другим почерком.

¹³⁻¹³ В ркп. *е* исправлено из *и*.

¹⁴⁻¹⁴ В ркп. зачеркнуто.

¹⁵⁻¹⁵ В ркп. написано другим почерком.

¹⁶⁻¹⁶ В ркп. написано другим почерком.

¹⁷⁻¹⁷ В ркп. написано другим почерком.

¹⁸⁻¹⁸ В ркп. написано другим почерком, в конце стоит крест в круге.

¹⁹⁻¹⁹ В ркп. поставлен крест в круге и написано справа от основного текста, отделено от него вертикальной чертой.

²⁰⁻²⁰ В ркп. написано другим почерком.

²¹⁻²¹ В ркп. написано другим почерком и зачеркнуто.

²²⁻²² В ркп. написано другим почерком, вместо *вам*.

²³ В ркп. число не проставлено.

/Л. 16/ Указ Соловецкого монастыря господина архимандрита Генадия з братиею Кемского городка служебником Тихону Онееву и Федору Лопинцову.

Сего сентября 23 дня подрядились здесь сошить про монастырской обиход Подужемской деревни крестьяне Егор Евстафьев, Федор Савин Мартыновы, Алексей Леонтьев Демидов, Артемей Павлов щербот вицей, а не гладю, за которой ряжено им платить 40 ру[блев]. В то число приняли оне¹ наперед половину 20 ру[блев], а достальные денги принят им из монастырской² казны как означенной щербот /Л. 16 об./ совсем достроен и отведен будет в годность. А сошит оной щербот на срок будущего 1757 года мая на 1 число неотменно, а как оной щербот подряжен сошить при сем сообщается з записки копия. Того³ ради получа сей указ³ над помянутыми подрядчиками смотрение иметь, чтоб против записи означенной щербот совсем сошит был ка⁴ показано к сроку непременно⁵ и лес клали б доброй⁵. И Кемского городка служебником Тихону Онееву и Федору Лопинцову учинит по сему указу во всем непременно и о получении и исполнении отрепортоват.

Сентября 23 дня 1756 года.

¹ В ркп. вписано над строкой.

² В ркп. написана буква М в кругу.

³⁻³ В ркп. вписано над строкой, вместо зачеркнутого *и для того*.

⁴ Так в ркп.

⁵⁻⁵ В ркп. вписано под строкой.

РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 698. Л. 16-16 об. Подлинник.

/Л. 20/ Кемского городка служебником Тихону Онееву и Федору Лопинцову.

Послано отсель на лоде сумской острог с кормщиком Иваном Кашкиным к новоподрядному¹ новому¹ карбасу как совсем сошит будет для отгону подрячиком ево в монастырь снасти, а имянно парус подержаной со всем убором, брасы на один конец с одним блоком, булины околние, шкоты з гаками и ковышами, конковая рацы одинакие со штропом, к рею блок одинакой, в нем шкив и нагил пахкаутовой, штак с юкфаром и таллерепами, два таких четвертных с лоперями, у них блоки двойные и простивки в них шкив и нагиля пахкаутовыи, два шкенделя с ковышами, /Л. 20 об./ [два якоря], первой весом 3 п[уд] 10 фу[нт], второй 3 п[уд] 6 фу[нт]² с тросами² да клеимами монастырскими с тросами, которая снасть вся³ подержанная, оную вам у него Кашкина принят и положит особливо, не примешивая с лодеиною, в удобное и безопасное место, а как принята будет, сюда отрепортоват. А к рулю крюки и петли на берегу скуются, кою снасть, как на будущую весну новой щербот сошъется, для отгону одного в монастырь отдат подрячиком Егору Матынову⁴ с товарищи с роспискою. Кою росписку⁵ того⁵ при репорте в монастырь и прислать.

Сентября 25 дня 1756 года.

¹⁻¹ В ркп. зачеркнуто.

²⁻² В ркп. зачеркнуто.

³ В ркп. *е* исправлено на *я*.

⁴ Так в ркп.

⁵⁻⁵ В ркп. зачеркнуто.

РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 698. Л. 20-20 об. Подлинник.

/Л. 17/ Пречестнейшему господину отцу нашему священно архимандриту Генadiю з братиею Соловецкого монастыря.

Нижайший с покорностью доносим.

Вашего высокопреподобия минувшего сентября от 23-г[о] под номером 1426 мы указ о понуждении и о имении нам нижайшим смотрение Подужемской деревни над крестьянами подрядчиками Егором Мартыновым с товарищи про шитьи монастырского щербота, чтоб сшит ими был против записи и на договорной термин будущего 1757 году мая на 1 число и при том з данной от них подрядчиков записи копия в Кемском городке. То иж сентября 27 числа нами нижайшим получен и по оному вашего высокопреподобия указу исполнение чинит будем. Да то иж сентября 30 дня получено нами нижайшими на лодье с кормщиком Иваном Каменным на оной щербот для отгону от Кемского городка до Соловецкого монастыря снасти, а имено парус подержанной со всем убором и прочее все получено, которая и отдана будет означенным подрядчиком с роспискою и оную росписку пришлем вашему высокопреподобию при репорте. /Л. 17 об./

Вашего высокопреподобия нижайший раби Кемского городка служители Тихон Онеев, Федор Лопинцов благословения вашего отеческаго прося униженно кланяемся.

Октября 1-г[о] дня 1756 году.

¹ Над текстом написано другим почерком: *[№]1442. Подано [октября ... дня]1756 года, сообщат к делу.*

РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 698. Л. 17-17 об. Подлинник.

/ Л. 18/ Ордер

Кемского городка присудственной Подужемской деревни крестьяном Егору Евтифееву, Федору Савину с товарищи.

Понеже прошлого 756 года сентября 23 дня по взяти с вами записи подрядились вы построить, просмолит щербот, а в каковую меру он им, в той записи имянно показано, за которая строение и половинная плата вам дватцать рублей выданы. А пострить оной щербот вы обязались сего ж 757² году мая на тоже число. Того ради получа сие прислат вам ведомость и хотя строят щербот, а вы будет зачат ли и с которого числа оной строится³ вы б³ зачанется и какие материалы, гвоздь и прочее потребно отрепортоват. Сообщат тоже.

Февраля 10 дня 1757 года.

¹ Над текстом другим почерком написано: *№ 153.*

² В ркп. 6 исправлено на 7.

³⁻³ В ркп. зачеркнуто.

РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 698. Л. 18. Подлинник.

/Л. 21/ Пречестнейшему господину отцу нашему священно архимандриту Генadiю Соловецкого монастыря.

Нижайший с покорностью доносим.

Сего марта 6 дня Подужемской деревни крестьяне Артемей Павлов с товарищи нам нижайшим обевили. По данной де к вашему высокопреподобию от них записи подрядилис оне про монастырской обиход сшить щербот новой, которой щербот к шитью со всем и справлен. Матита² збита и корги поставлены и шить /Л. 21 об./ оной щербот заведен.

Вашего высокопреподобия нажайшыи рабы Кемского городка служители Тихон Онеев, Федор Лопинцов благословения вашего отеческого прося униженно кланеемся.
Марта 7 дня 1757 года.

¹ Над текстом другим почерком написано: № 357. Подано марта 10 дня 1757 года, доложить.

² Так в ркп.

РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 698. Л. 21-21 об. Подлинник.

№ 14

/Л. 22/ Пречестнейшему господину отцу нашему священно архимандриту Генadiю Соловецкого монастыря.

Нижайшии с покорностию доносим.

Божиею помощию и вашего высокопреподобия отеческими молитвами у нас нижайших при Кемском городке в службе вашего высокопреподобия монастырской дал Бог все благополучно. Вашего высокопреподобия монастырского щербота построено подрядчиками подужемцами Егором и Федором Мартыновыми с товарищы сего апреля по 6-е число сшито по четырнатцати набоев на сторону, глубина внутри аршин девять вершков и ширина умеренная, которой по обивлению оных подрядчиков пружить и смолить. Сего же апреля 12-го числа будут и достроикою по записи исправять на заключенной с вашим высокопреподобием ими срок будущего мая на 1-е число. И как оной щербот достроен будет, на которой /Л. 22 об./ присланную от вашего высокопреподобия к отгону в монастырь снасть парус и протчее оным подрядчиком от нас нижайших отдана будет: а рулевых крюков и петел ко оному щерботу не имеется и о поковки оных как ваше высокопреподобие соблаговолит учинить нам нижайшим резолюцию.

Вашего высокопреподобия нижайшии рабы Кемского городка служители Тихон Онев², Федор Лопинцов благословения вашего отеческого прося униженно кланяемся.

Апреля 6 дня 1757 году.

¹ Над текстом другим почерком написано: № 565-й. Подано апреля 18 дня 1757 года, доложить немедленно.

² Так в ркп.

РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 698. Л. 22-22 об. Подлинник.

№ 15

/Л. 19/ Кемского городка служеб[ником] Тихону Онееву и Федору Лопянцову.

Получа сие велите кузнецу Петру Егорову сковат каковы надлежит к новому строящемуся¹ в Подужемьи¹ щерботу рулевые крюки и петли² и гвоздья потребное число² из мяхкого железа, чтоб за тем³ отгону в монастырь того щербота³ остановки неучинилось, И подужемцов мастеров к скорейшей отделке щербота понуждайте непрестанно, жестоко, чтоб на указной термин был пригнан в монастырь.

Апреля 13 дня 1757 года.

¹⁻¹ В ркп. вписано над строкой.

²⁻² В ркп. вписано над строкой.

³⁻³ В ркп. вписано над строкой.

РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 698. Л. 19. Подлинник.

/Л. 23/ Письмо ваше сего апреля 18 дня получено в коем пишете ¹-о построк¹ о шитье подрятчиками щербота коего сшито по четьр ²-четыре набоя² натцати набоев на стороне и на срок будущего мая на 1 число достроен будет и снасть к отгону в монастыре³ дана будет и о том извѣстно кое и исполнит неотменно, а что же пишете рулевых крюков и петел ко оному щерботу не имеется и о поковке требуете резолюции и о его б вам и писат не подлежало, за что следуете штрафу. А ежели Петр Егоров не уехал в монастырь⁴, то велет сковат, а буде уехал, то Федору Кузнецову /Л. 23 об./ [сковат, чтоб отгону] того щербота в монастырь⁵ остановки не учинилось. А ежели во оном учинится остановка, то взыщется с вас неотменно да иные в кортому керечанину Семену Пайкачеву ⁶-чеву⁶ монастырские⁷ два якоря кои привезены к вам кемлянином Петром Плициным послат на лоде в монастырь⁸ при репорте.

Апреля 18 дня 1757 года.

¹⁻¹ В ркп. зачеркнуто.

²⁻² В ркп. зачеркнуто.

³ В ркп. буква М в кружочке – монастыре.

⁴ В ркп. буква М в кружочке – монастырь.

⁵ В ркп. буква М в кружочке – монастырь.

⁶⁻⁶ В ркп. зачеркнуто.

⁷ В ркп. буква М в кружочке – монастырские.

⁸ В ркп. буква М в кружочке – монастырь.

РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 698. Л. 23-23 об. Подлинник.

/Л. 24/ Пречестнейшему господину отцу нашему священно архимандриту Генadiю з братиею Соловецкого монастыря.

Нижайшии с покорностию доносим.

Вашего высокопреподобия сего апреля от 13-г[о] под номером 564-м о поковке крюков Петру Егорову к новостроещемуся в Подужемье вашего высокопреподобия монастырскому щерботу рулевых крюков и питель и гвоздя потребного числа и о понуждении подрятчиков к скорейшей отделки оного щербота на заключеной с вашим высокопреподобием срок ордер:

Сего апреля 19-г[о] числе при Кемском городке нами нижайшими получен и по оному вашего высокопреподобия ордеру к помянутому новостроящемуся щерботу крюки и петли рулевые каковы надлежит и гвоздя потребное число кузнецу Петру Егорову от нас нижайших ковать велено и сколко какого гвоздя сковано и употреблено /Л. 24 об./ к тому щерботу число и весом будет к вашему высокопредобию мы нижайшии отрепортуем: от оного щербота сего апреля по 18-е число мастерами подужемцами Федором и Егором Мартыновыми с товарищи сшито имеется нашвы и балаки пришиты, а стойки пришивать начинают и о достройке на указной срок по понуждение им нижайшии над оными мастерами неослабное имеем.

Вашего высокопреподобия нижайшии раби Кемского городка служители Тихон Онеев, Федор Лопинцов благословения вашего отеческаго прося униженно кланяемся.

Апрел[я] 20-г[о] дня 1757 году.

¹ Над текстом другим почерком написано: № 579-й. Подано апреля 30 дня 1757 года, доложит.

РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 698. Л. 24-24 об. Подлинник.

/Л. 25/ Пречестнейшему господину отцу нашему священно архимандриту Генадию з братиею Соловецкого монастыря.

Нижайший с покорностию доносим.

По заключенной с вашим высокопреподобием записи подужемцами лодейными мастерами Егором и Федором Мартыновыми с товарищи вашего высокопреподобия монастырской щербот сшит и в Кемской городок приплавлен сего мая к 1-му числу, которой щербот и на нем помянутые мастера при сем к вашему высокопреподобию в монастырь для достройки палуб и протчаго от нас нижайших посланы. Ко оному щерботу по ордеру у вашего высокопреподобия рулевые крюки и петли три пары скованы здесь кузнецом Петром Егоровым, ис которых две пары по местам прибиты, а третья не прибита: коя на том же щерботы с мастерами при сем послана. /Л. 25об./ На ковку оных железа в даче от нас нижайших полосового, которое прислано прошлого 1755 году на оковку пушечных колес, три пуда восминатцат фунтов, телепиевого дватцат шесть фунтов, прутового шесть фунтов, итого четыре пуда десять фунтов принято. Вковки крюков, петел, скобок и гвоздья три пуда пять фунтов, в угару пуд пят фунтов. Присланная от вашего высокопреподобия прошлого 1756 году октября 2-г[о] дня к нам нижайшим на лодье из монастыря снасть для отгону того щербота до монастыря оным подрятчиком Егору Мартынову с товарищи от нас нажайших с роспискою отдана, а оной щербот здесь при Кемском городке был мая с 1-г[о] по 7-е число за противными ветрами. Сколко какой снасти им отдано от нас при сем сообщена опис.

Вашего высокопреподобия нижайший раби Кемского городка служители Тихон Онев¹, Федор Лопинцов благословения вашего отеческого прося униженно кланяемся.

Маия ...² дня 1757 году.

/Л. 26/ Опись отданной снасти для отгону щербота до монастыря

А имянно парус подержаной со всем убором брасы на один конец с одним блоком булины околние. шкоты з гакам и ковышами. конковая. раци одинакие со штропом к рею блок одинакой в нем шкив и нагил пахкаутовые. штак с юнфаром и с талрепами два такиля четвертных с лопырями у них блоки двоинные и противни в них шкивы и нагили пахкаутови. два шкенделя с ковышами два якоря: первой весом три пуда десят фунтов, второй три пуда шест фунтов за клеимами монастырскими с тросами и оная снаст вся подержана // ³-получено мая 14 дня 1757 года⁻³	

¹ Так в ркп.

² В ркп. число не написано.

³⁻³ В ркп. написано другим почерком.

РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 698. Л. 25-26. Подлинник.

ЭТНОТОПОНИМИЧЕСКАЯ СРЕДА: ОСТРОВ КОЛГУЕВ НА КАРТАХ XV-XX ВЕКА

А.Н. Давыдов

Институт экологических проблем Севера УрО РАН, Архангельск
davydov.51@yandex.ru

Исследования выполнены при поддержке проектов Уральского отделения РАН: «Биоразнообразие и динамика среды обитания в контексте этнокультурных процессов в Баренцевом Евро-Арктическом регионе» (Инициативный проект № 12-У-5-1035, № гос. регистрации 01201256201) и «Острова Колгуев и Вайгач: природное и культурное наследие как фактор устойчивого развития коренных народов Арктики» (конкурс № 12-5-9-018-АРКТИКА, № гос. регистрации 01201268732).

Освоение пространства связано не только с материальным присутствием того или иного культурно-хозяйственного типа в данной географической области, но также с вербальным освоением территории, получающим свое отражение в системе топонимов. В данном случае мы будем оперировать категорией *этнотопонимическая среда (ЭС)*. Термин обозначает вербальную картину пространства, оформляемую этносом в процессе освоения территории (ареала) его обитания, выраженной в названиях отдельных элементов природной среды. В ономастической терминологии ЭС наиболее близок к термину «картина мира». Однако, в отличие от последнего, ЭС включает в себя не только географические названия, но и языковые характеристики природной среды, климата и т.п., наиболее актуальные для данной культуры. В случае с поморами актуальными для морской культуры категориями будут наименования ветров, отмелей, характеристики береговой полосы и т.п. В случае с культурой оленеводства – термины, относящиеся к оленю, характеристики тундры, разновидности снега и т.п. Формирование этнотопонимической среды территории связано обычно с несколькими этническими традициями, что обусловлено закономерностями этногенеза, миграциями, процессами аккультурации, ассимиляции, историей открытия новых земель [1, 2].

В нашем исследовании название острова Колгуев будет рассмотрено в трех этнотопонимических системах: 1) международной и русской морской картографии, 2) поморской традиции 3) ненецкой традиции.

В сравнении с другими крупными островами и архипелагами Европейской Арктики (Шпицберген, Новая Земля, Земля Франца-Иосифа), острову Колгуев посвящена весьма скромная литература. Особенно это касается ранних работ XVI-XVIII века. Поэтому обращение к картам дает важные дополнительные сведения для истории описания острова. Автору главы довелось работать с корпусом карт по Северу и Арктике в архивах, а также морских и краеведческих музеях Амстердама, Архангельска, Варде, Роттердама, Санкт-Петербурга, Стокгольма, Тромсе, Осло и Хельсинки материалы которых использованы в данной статье. Автор главы выражает особую признательность за помощь и консультации г. Борду Коллтвейту директору Норвежского музея мореплавания (г. Осло) и г. Виллему Морцер-Брюнсу, заведующему отделом навигации Нидерландского музея мореплавания (г. Амстердам).

Гиперборея, Земля Хьюго Виллоуби и Колгуев.

Самый известный необитаемый остров XVI-XVII вв. на краю ойкумены, - так можно назвать Колгуев, изображения которого появляются на самых ранних картах северных земель России. Принимая во внимание, что остров в XVI-XVII веках был необитаем, обращает на себя внимание тот факт, что с удивительным постоянством обозначали этот остров (с указанием топонима) на картах мира. Как и архипелаг Новая Земля, Колгуев был важной вехой обозначившей «край света», окраину ойкумены (освоенного или известного

человечеству пространства). В историко-мифологическом аспекте европейской географической традиции, «край света» играл важную роль в картине мира, семантически контаминируясь с легендарной Гипербореей средневековой европейской традиции, истоки которой лежали в морской культуре Древней Греции.

«О гипербореях ничего не известно ни скифам, ни другим народам этой части света, кроме исседонов. Впрочем, как я думаю, исседоны также ничего о них не знают; ведь иначе скифы рассказывали бы о них, как они рассказывают об одноглазых людях». (Геродот, История, IV, 32-36) [3]. Как известно, в древнегреческой традиции, гипербореями называли таинственный народ, обитавший на крайнем севере ойкумены, - «за Бореем». Гиперборея – «страна блаженных», где солнце заходит лишь один раз в год, земля дает два урожая. Молва наделяла жителей Гипербореи долголетием, знанием магии, умением летать, находить скрытые под землей сокровища. Выходцы из Гипербореи Абарис и Аристей обучали и наделяли людей новыми культурными ценностями: музыкой, философией, искусством создания поэм, гимнов. Им был обязан своим созданием Дельфийский храм. Лето, мать Аполлона, родилась в земле Гипербореи и жила там до переселения на остров Делос. Сам Аполлон периодически посещал страну гипербореев [4, 5, 6].

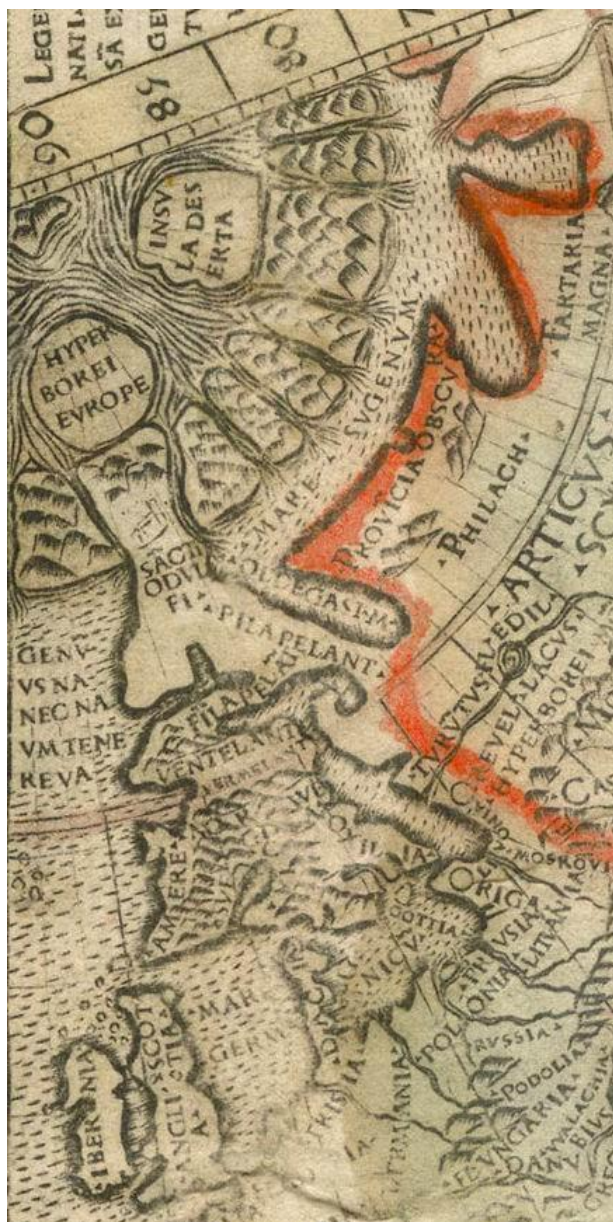

Рис. 1. Космография Клавдия Птолемея. Рим. 1507. Фрагмент [7].

Как известно, главными претендентами на освоение Северо-Восточного Прохода (North-East Passage) в Китай (что привело к новому открытию морского пути на Север Московии для европейцев) были англичане и голландцы. До середины XIX века на острове не было постоянного населения. Остров, лежащий на пути в “златокипящую Мангазею”, вероятно уже с XV века посещался поморами, которые промышляли здесь белого медведя, тюленей и нерпу, добывали гусей, куропаток и собирали гагачий пух. Поморы знали этот остров до появления иностранцев. У поморов существовала традиция рукописных «книг морского хода» - лоций. Географические карты появились в России сравнительно поздно, но в основу первых российских карт была положена русская топонимическая традиция. В то же время европейские карты XVI – XVIII вв. стали редким, а порой единственным источником, по топонимике и истории освоения острова.

Впервые упоминание острова Колгуев появилось в европейской географической литературе, вероятно, после 1553 года, когда в дневнике Хьюго Виллоуби, одного из участников первой экспедиции Ричарда Ченслера на Север России. Виллоуби пишет следующее: „14-го августа увидели землю, к каковой земле думали пристать, и спустили шлюпку, чтобы открыть, что это за земля, но шлюпка не могла пристать к берегу, по причине мелководья и большого скопления льда. К тому же на земле не было признаков человеческого обитания. Земля лежит к северо-востоку от Сейнама в расстоянии от него 160 миль и под широтою 72°" [8].

Позднейшие исследователи приняли это описание за описание Новой Земли. Однако автор настоящей статьи, вслед за известным полярным исследователем А.Е. Норденшельдом, предполагает, что это остров Колгуев, что хорошо согласуется с географическими особенностями острова, не смотря на ошибку в широте на 2°. Справедливости ради, отметим, что фантастическая земля Хьюго Виллоуби была показана на ряде карт, в частности, на карте Г. Меркатора 1595 г.

Рис. 2. Описание Северных территорий. Выполнено Герардом Меркатором по привилегии. Из книги: Герард Меркатор. Атлас Космографии. Дюссельдорф. 1595. Фрагмент. [9].

На карте Антония Дженкинсона (Antonio Jenkensono) «*Russiae, Moscoviae et Tartariae Descriptio*» (London, 1562), изданной в Англии впервые встречается название острова Colgoieue. Название моря, в котором он расположен - Северное (Mare Septentrionale). Эта карта была включена позднее в известное собрание карт Абрахама Ортелиуса [10].

названия Колгуев (Colgoieue), Печорское море (Petzorke mare). В этом убеждает и русская транскрипция слова море. Эти же названия повторены на карте *Regiones Hyperboreae* включенной в *Tabula Geographica* Петра Бертиуса (Petrus Bertius), изданной в 1616 г. Амстердаме [14].

Рис. 5. Фрагмент карты из книги: Описание Азии и великих земель, изученное и выполненное Герардом Меркатором. Г.М. Младший. 1587. [12].

Интерес представляет карта с врезкой Корнелиса Клаеса (Cornelis Claes) «Описание Новой Земли» (*Descriptio Novae Zemblae*) вышедшая в 1594 году [15]. Здесь приведено два названия острова. На карте остров указан как *Kolgoyen*, на врезке как *Colgoieue*.

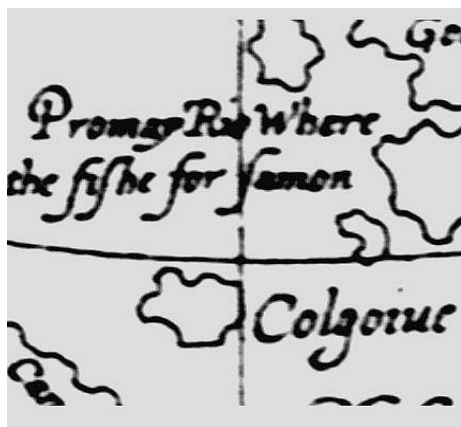

Рис. 6.(Слева) Корнелис Клаес. Описание Новой Земли. 1594. Фрагмент врезки. [15]

Рис. 7 (Справа) Корнелис Клаес. Описание Новой Земли. 1594. Фрагмент основной карты. [15].

В 1594-1595 годах вышла карта, созданная Яном Хуго ван Линшотеном (Jan Hugo van Linschoten) с использованием материалов известного голландского предпринимателя и исследователя Балтазара Мущерона (Baltasar Moucheron) остров на здесь назван *Colgoya* и

помещен в Ледовое море – De Vlacke Zee. На этой карте изображен на льдине типичный представитель морской фауны Арктики: морж [16].

Рис. 8. Описание плавания вдоль берегов и курсами из Голландии на Север господина д'Енкте Ван Нассау прошедшего до реки, положено в основу карты, изготовленной господином Яном Гюйгеном Ван Линшотеном, начато в 1594 и окончено в 1595 году, т.п. Фрагмент. [16]

На карте Иоанна Антонио Маджино Патавини (Ioan. Antonio Magino Patavini) Империя Тартария (Tartariae Imperium), изданной в 1597 году остров обозначен как Colgoyeue.

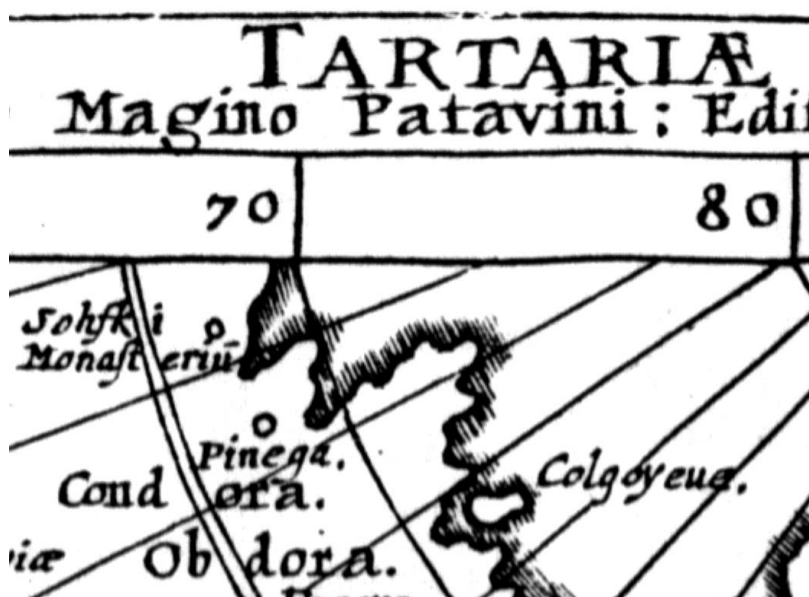

Рис.9. Империя Тартария. Иоанн Антонио Маджино Патавини 1597. Фрагмент. [17].

В 1598 году вышла карта Виллема Баренца, построенная на материалах экспедиций 1594, 1595, 1596 гг., на ней дано название острова – Колгуй (Colgoy). Карта называлась «Описание трех плаваний голландцев к Северным странам, Норвегии, Московии и Новой Земли, (...), а также части Америки. Автор Виллем Баренц из Амстердама, надежнейший лоцман» [18]. Севернее острова изображены два моржа, два тюленя, флейт с голландским флагом, и пускающий фонтан кит. Карта в том же году была доработана и переиздана Корнелисом Клаесом (Cornelis Claesz) одно из отличий переиздания состояло в том, что на корабле горизонтальные полосы голландского флага были изменены на вертикальные.

Изображения на карте моржей, тюленей и кита несут дополнительную информацию. Нам известно, что в районах островов Колгуев, Моржовец и Вайгач их добывали русские поморы еще в XVI веке [18]. В XVII веке сюда устремились англичане, голландцы, шведы, немцы, норвежцы, датчане [19]. Таким образом, изображения этих животных на картах В. Баренца и К. Клаеса показывали районы промыслов, носивших уже международный характер.

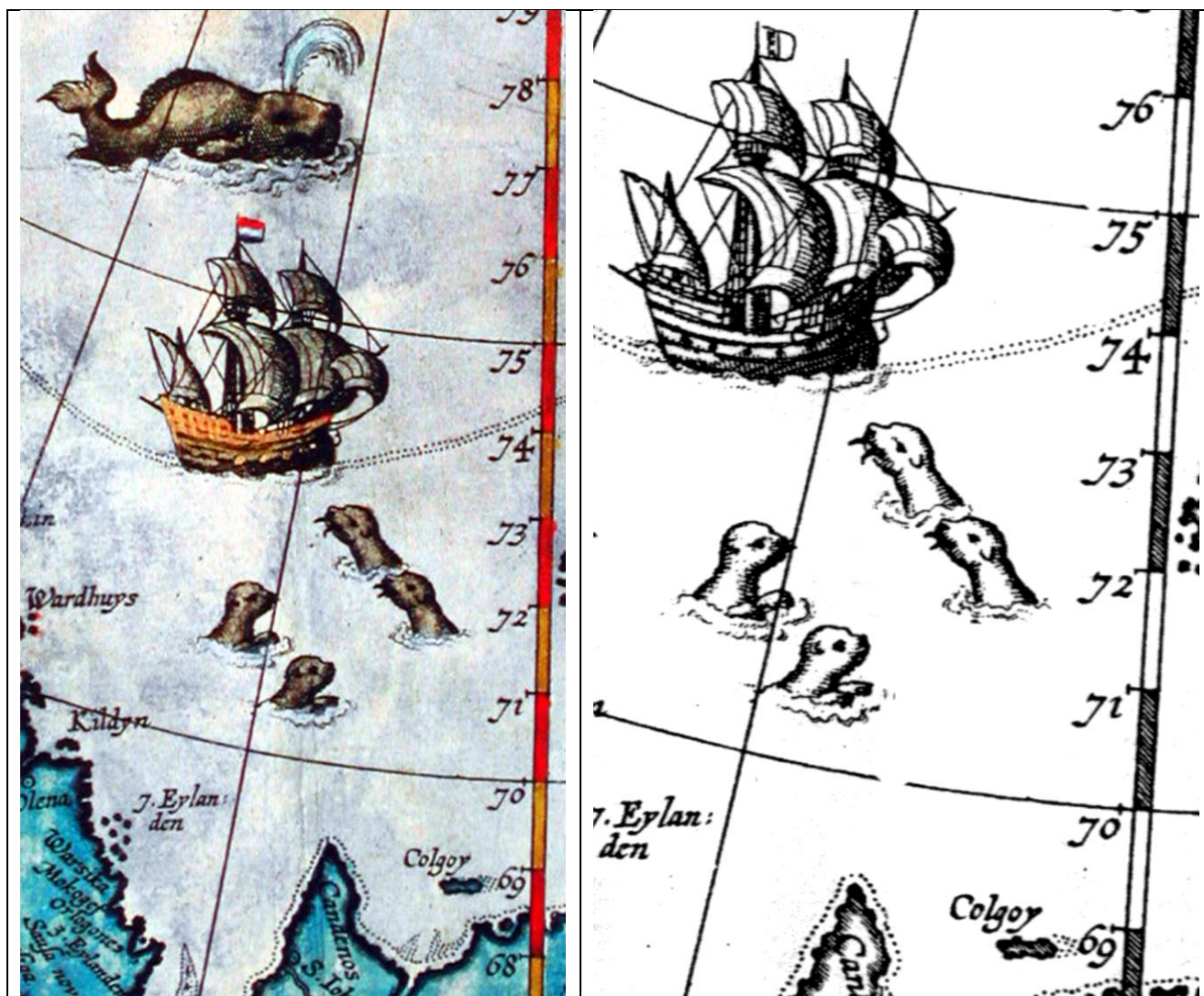

Рис. 10. (Слева) «Описание трех плаваний голландцев к Северным странам, Норвегии, Московии и Новой Земли, (...), а также части Америки. Автор Виллем Баренц из Амстердама, надежнейший лоцман». Фрагмент. [20].

Рис. 11. (Справа) Детальная карта полярных земель, составленная Виллемом Баренцем во время последнего путешествия в 1596 году и доработанная Корнелисом Клаесом в 1596 году. Фрагмент. [21].

В 1602 году в «Описании морских берегов от Мезени до Печоры и острова Колгуев (Calgoyo)...» была опубликована карта Лукаса Янсониса Вагенера из Энкхаузена [22]. Это одна из наиболее живописных карт Колгуева. Карта развернута в соответствии с традициями XVI-XVII вв., когда Север помещался в нижней ее части. Названия географических мест даны в русском звучании: Колгуев (Kolgueue), Колокольная губа (Colcolsona), Святой нос (Swetegonos), Мезень (Mezin), Моржовец (Morzonovits) и др.

Интересны изображения на карте. На острове Колгуев показаны птицы на гнездах, помещенные на карте в местах гнездовий (Промой, Гусиная). Отмечена песчаная коса в южной части острова. Выше острова располагается парусное судно под голландским флагом. На материковом берегу изображены единорог (фантастическое животное, за рог которого в то время принимали бивень кита нарвала, привозимый «из-за моря»), загонная охота с собаками на дикого оленя, лисица (песец) и др.

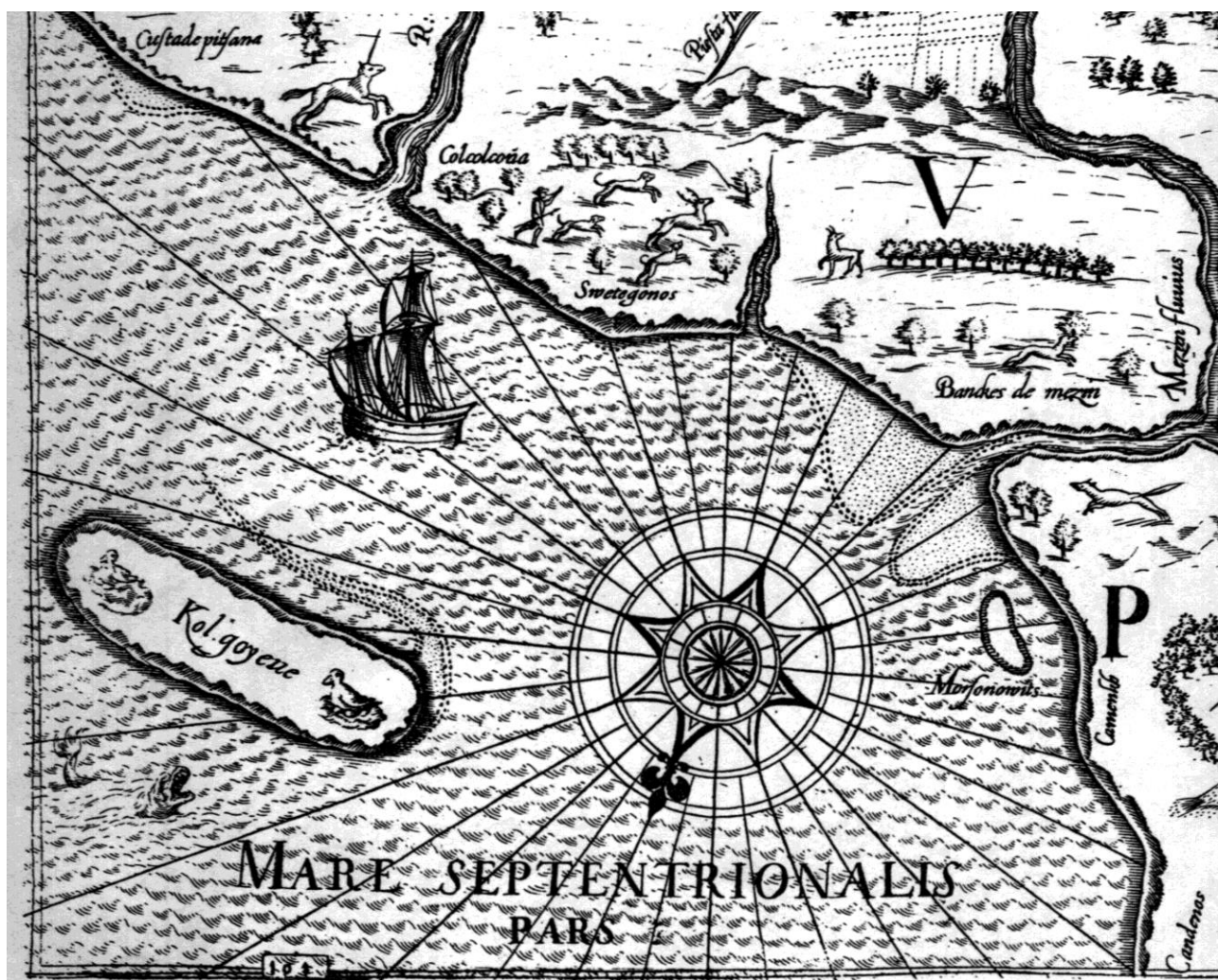

Рис. 12. «Описание морских берегов от Мезени до Печоры и острова Колгуев ...» Лукас Янсонис Вагенер из Энкхаузена. 1602. Фрагмент [22].

На Карте северных побережий и прохода в Архангельск (Морис Виллемс и Корнелис Клаес, 1608) остров обозначен как Kolgoeye.

Рис. 13. Морис Виллемс и Корнелис Клаес, 1608. Фрагмент. [23].

На карте Иоганна Иссаака Понтануса *Tabula Geographica*, изданной в книге “*Rerum et Urbis. Amstelodamensium Historia*” в Амстердаме (1611) название острова дано в другой транскрипции (*Kolgoive*), море названо по-русски: Печорское море – *Mare Petzorke*.

Рис. 14. Раздел географии. Иоанн Исаак Понтанус. Государства и города. Амстердамская история. Амстердам. 1611. Фрагмент. [24].

На карте Гесселя Герритса (1613), изданной в Амстердаме в книге, посвященной открытию Шпицбергена [Hessel Gerritsz, *Historie du Pays nomme Spitsberghe* (Amsterdam 1613), *kaart van Spitsbergen*] был остров обозначен как Колгуй (Kolgoi). Это название наводит на мысль о топонимическом аналоге: мысе Колгуй на острове Анзер, самом северном острове Соловецкого архипелага на Белом море. Возможно, название Колгуев было дано русскими поморами по аналогии с мысом Колгуй на острове Анзер.

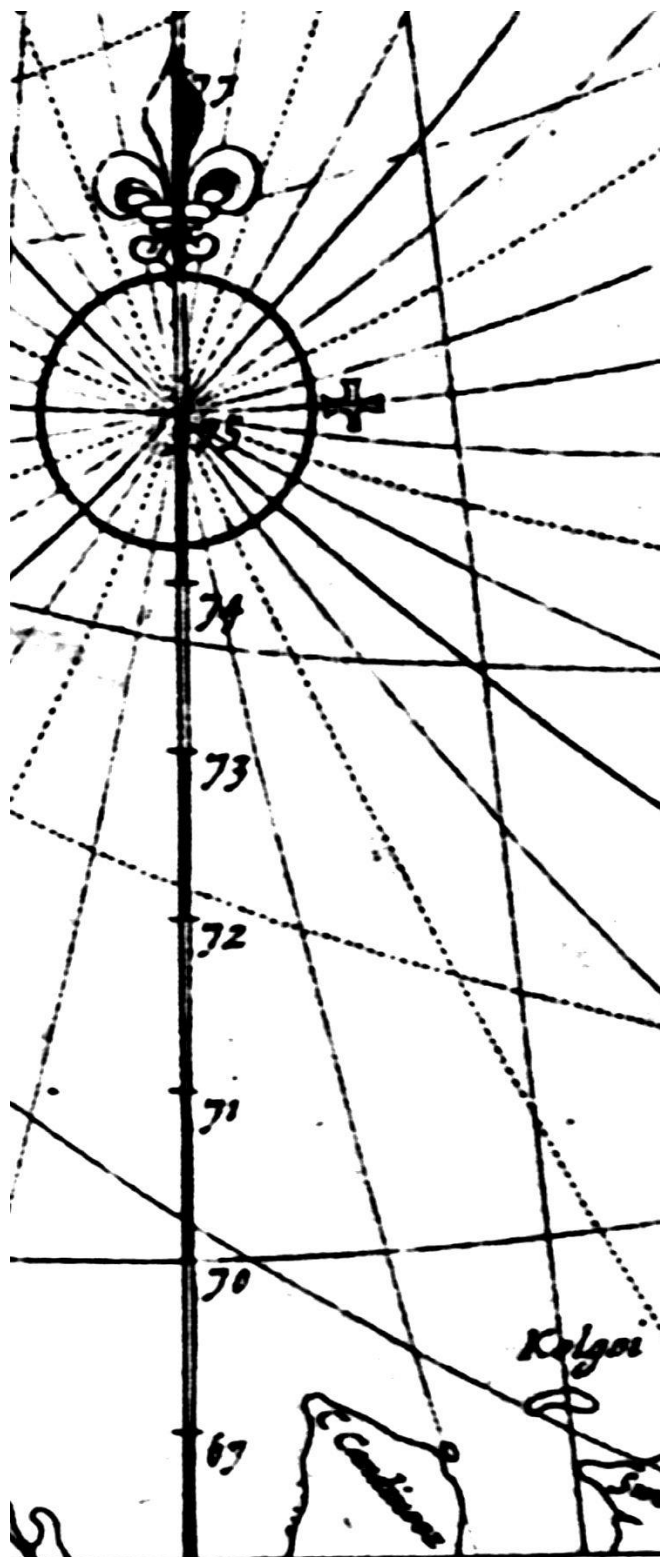

Рис. 15. Гессель Герритс. Карта Шпицбергена. Фрагмент. [25]

Это же название было повторено на карте России (Tabula Russiae) причем в русской интерпретации: Колгуй остров (Kolgoi Ostrof) и помещен в Мурманское море (Mourmanskoï more). Море также названо по-русски – more. На голландских картах, созданных Исааком Масса (Novissima Russiae Tabula. Auctore Isaaco Massa) и изданных Иоаннисом Янссонисом (Joannis Janssonis, Novus Atlas, Amsterdami, 1645) присутствует название Kolgoi Ostrof, что соответствует поморскому названию и остров назван по-русски: Ostrof. Это подтверждает и русская транскрипция слова море, которое названо Мурманским (Mourmanskoï more). На шведской карте 1658 года присутствует название Kolgoi Ostrof, расположен остров в Северном океане (Ocean Septentrional).

Рис. 16. (Слева) Гессель Герритс. Карта России (...) Амстердам, 1613. Фрагмент. [26].

Рис. 17. (Справа) Самоновейшая карта России. Автор Иссаак Масса. В кн.: Иоханнес Янсонис. Новый Атлас. Амстердам, 1645. Фрагмент. [27].

В XVI и начале XVII вв. море, в котором находится остров Колгуев, носит на картах XVI-XVIII вв. разные названия. Это пространство вначале названо Северное море, Северный океан (Mare Septentrionale, Oceanus Septentrionalis), Ледовое море (Mare Glaciale), Замерзающее море (Mare Congellatum). Эти определения впоследствии перешли в название: Северный Ледовитый океан.

В 1616 году на карте Петруса Бертиуса «Гиперборейские регионы» (Regiones Hyperboreae. Petrus Bertius. Tabularum Geographicarum. Amsterodami. 1616.). Колгуев (Colgoeue) помещен в Ледовое море (Mare Glaciale). На приводимом фрагменте этой карты показаны близлежащие к острову территории: Новая Земля, полуостров Канин нос (Candenos) и остров Вайгач.

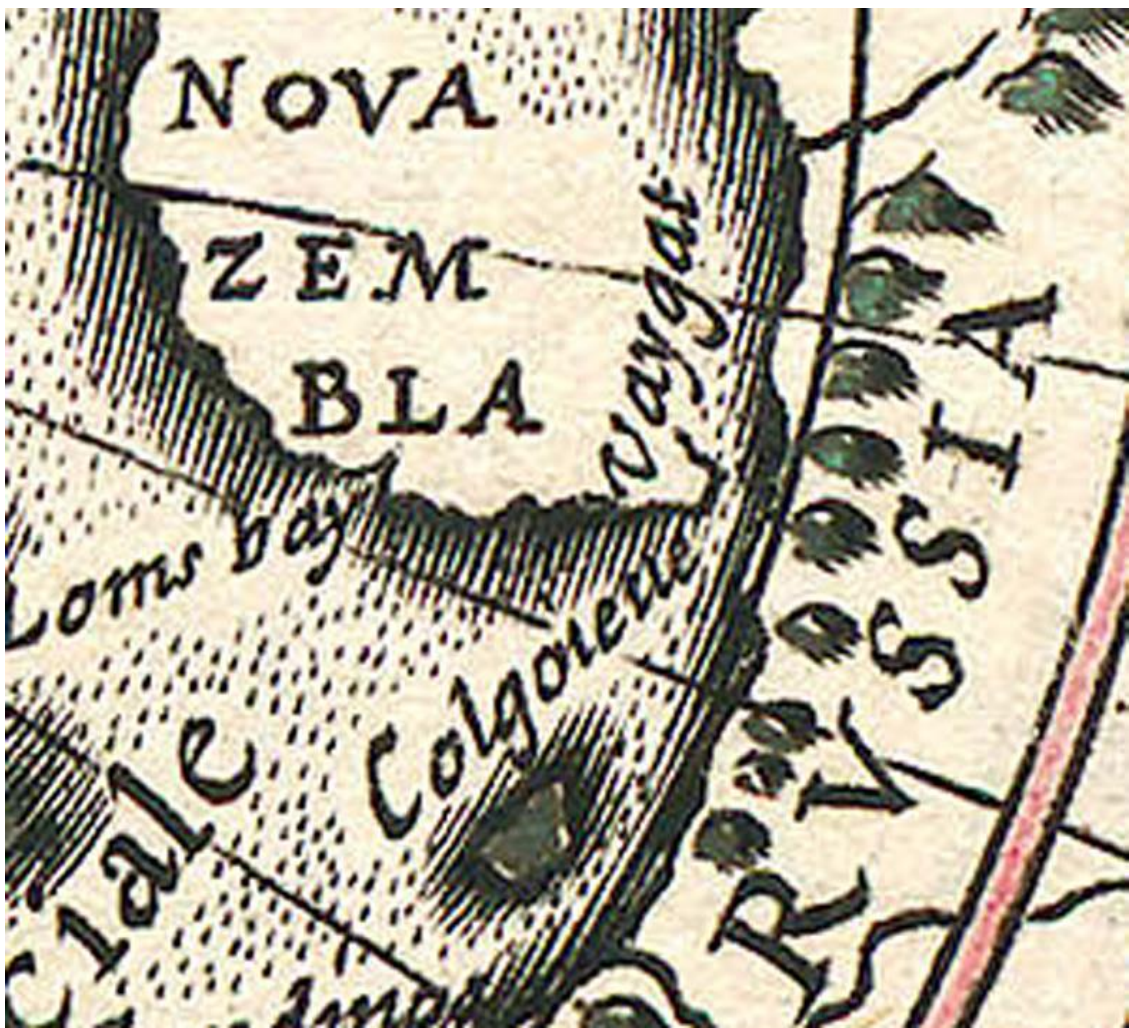

Рис. 18. Гиперборейские регионы. Фрагмент. Петрус Бертиус. Амстердам. 1616. [28].

На картах встречаются и другие названия Мурманское, Печерское море. Иногда обозначены оба моря сразу: Мурманское море западнее Колгуева, а Печорское море восточнее. Впоследствии название моря перешло на пролив (Печерский пролив, разделяющий остров Колгуев и материк).

В 1613 году вышла карта Юдокуса Хондиуса Младшего (Jodocus Hondius Junior) на ней помещено объяснение топонима Мурманское море: «Мурманское море это Норвежское и Датское море, такое потому что русские называют норвегов и данов Мурманами». (“Mourmanskoey more hoc est Norwagicum et Danicorum Mare quia Russi Norwegos et Danos Maurmans vocant”). Колгуев на этой карте обозначен по-латыни: Colgovo Insula [29].

Рис. 19. Юдокус Хондиус Младший. Швеция и прилегающие территории. 1613. Фрагмент. [29].

На карте Исаака Массы «Россия, называемая Московия. Части Северная и Восточная», изданной в Новом Атласе Ионннеса Янсониса в Амстердаме в 1645 году, обозначен Колгой остров (Kolgoi Ostrof) в Мурманском море (Mourmanskoey more) [30].

Рис. 20. Исаак Масса. Россия, называемая Московия. Части Северная и Восточная. Фрагмент. В кн. Иоханнес Янсонис. Новый Атлас. Амстердам. 1645. [30].

На карте Швеции 1658 года среди прилегающих к королевству территорий показан в Северном океане «остров Колгуев», слово «остров» дано в русской транскрипции: “Kolgoi Ostrof” [31].

Рис. 21. Карта Швеции и прилегающих территорий. 1658. Фрагмент. [31].

Приведем карту Донкера «Карту прохода вдоль морских берегов по России, Лапландии, Финнмаркену, Шпицбергену...», вышедшую в 1658 году. [32] Здесь обозначен о. Колгойен (I. Colgoyen). Размер острова сильно уменьшен в сравнении с нарочито увеличенным архипелагом Новая Земля, на котором подробно обозначены даже мелкие заливы и возможные становища. Очевидно, что остров служил лишь географическим ориентиром в плаваниях на Новую Землю. Примечательно, что территория южнее Новой Земли обозначена на этой карте как Новая Голландия. Новая Земля дана на карте в русской транскрипции (Nova Zemla), а Новая Голландия – в голландской (Nieu Hollandt)!

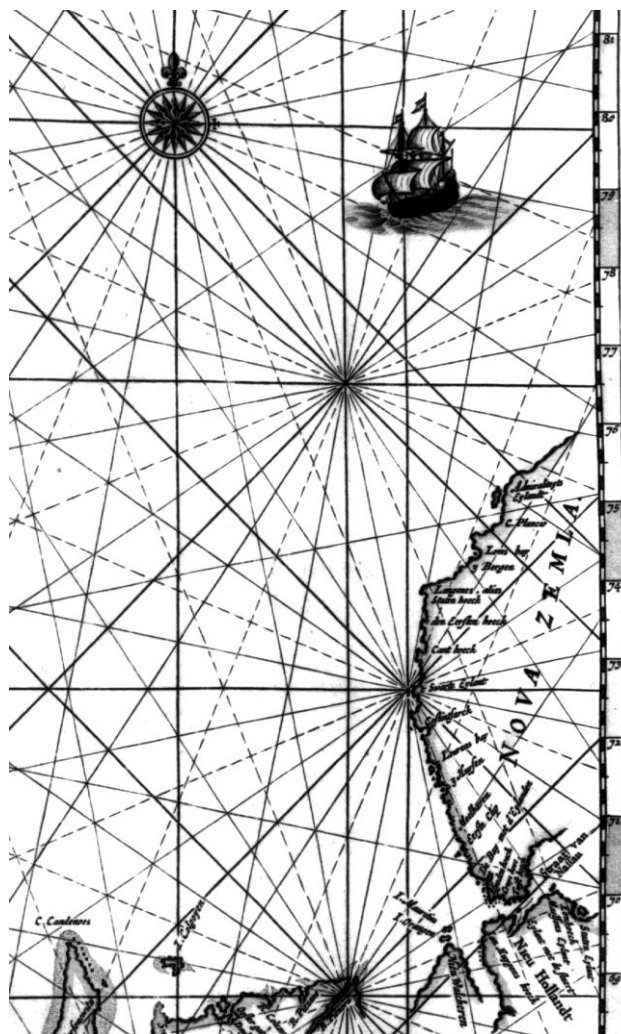

Рис. 22. Донкер. Карта прохода вдоль морских берегов России, Лапландии, Финнмаркена, Шпицбергена. 1658. Фрагмент. [32]

Название Mourmanskoу more встречается и на карте Суб-Полярных Арктических областей (Regiones Sub Polo Arctico) Гильельма Бло (Guiljelm Blaeu) изданной в Амстердаме в 1662 году [33], но название острова взято с английской карты 1562 года Антония Дженкинсона: *I. Colgoyen*. Данная интерпретация с небольшим изменением (*I. Colgojen*) встречается и на картах Петера Гуза [34].

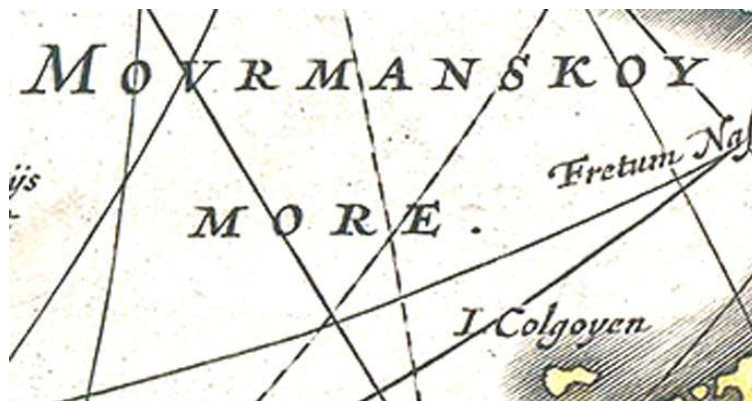

Рис. 23. Полярные Арктические регионы. Автор Гильельмо Вло. Амстердам. 1662. Фрагмент. [33].

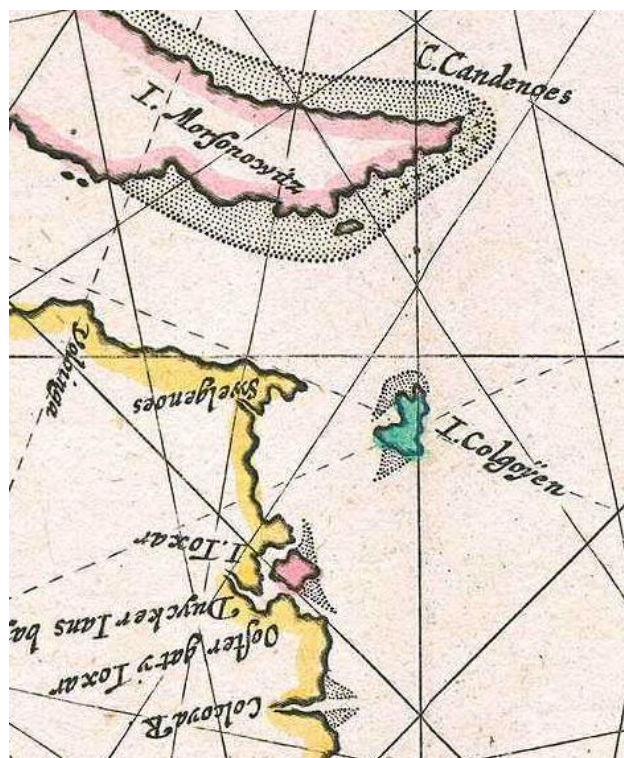

Рис. 24. Морское побережье России, Лапландии, Шпицберген и Новая Земля. Питер Гуз. Амстердам, 1673. Фрагмент. [34]

На карте Теувиса Юса дан топоним Colgoijen eylant, сама же карта (почему-то) носит название: «Карта побережий Канина носа и острова Маврикий (? – А.Д.)» [35].

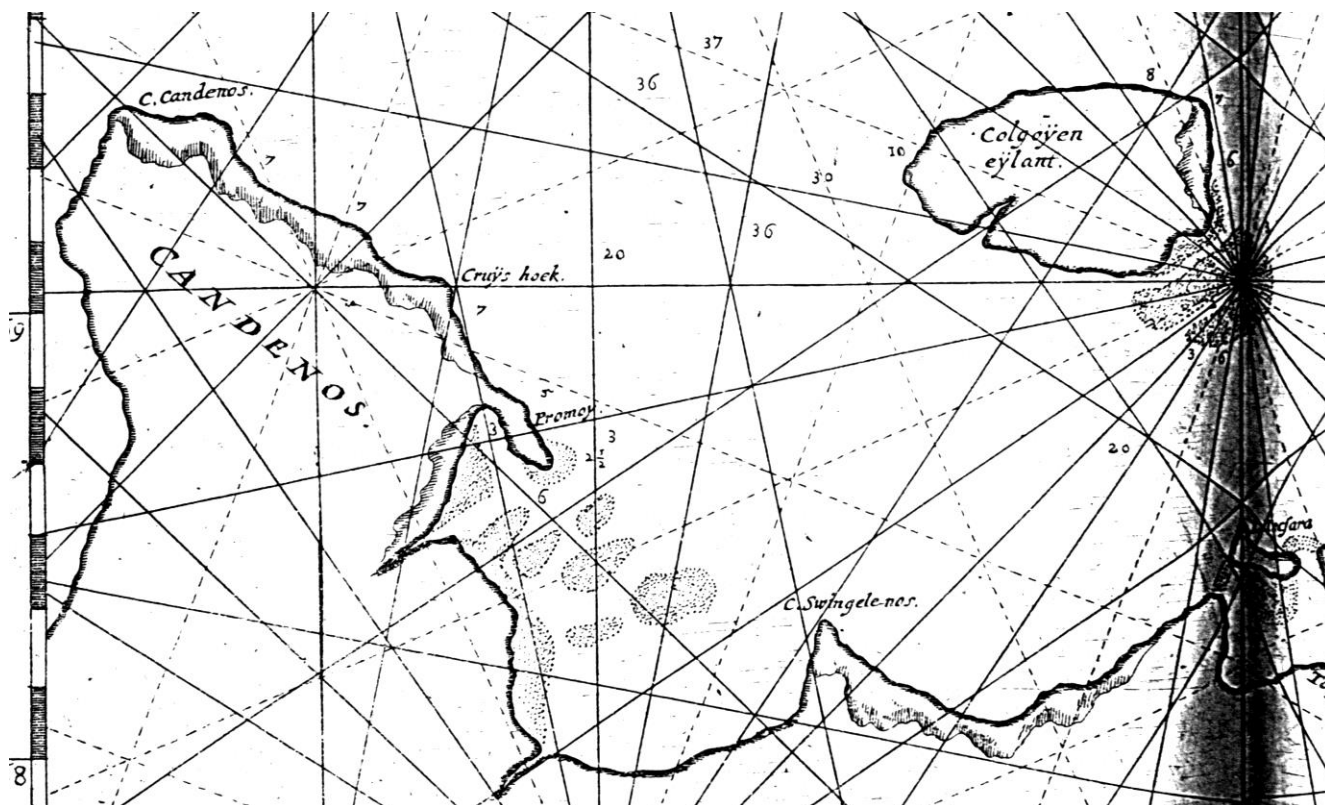

Рис. 25. Карта побережий Канина носа и острова Маврикий, мастер шкипер Теувис Юс. 1680. Фрагмент. [35]

В конце XVII-начале XVIII вв. Мурманское море начинает на европейских картах называться Московским.

Характерный пример: на карте С. Санссона (S. Sansson) 1692 года обозначены по-французски «Море Московии» (Mer de Moscvie) и по-русски «Колгуй остров» (Colgoy Ostrof) [36].

Рис. 26. С. Санссон. Карта Северной Европы. 1692. Фрагмент.[36]

На карте Иоанна Баптиста Хомана, отпечатанной в Нюрнберге в 1720 году [37] по-латыни дано название «Московское море» (Mare Moscoviticum) и «О[стров] Колгуйей» - (I[nsula] Collgyeie).

Рис. 27. Иоанн Баптист Хоман. Новейшая карта общих пространств Империи Российской. Нюрнберг, 1720. Фрагмент. [37]

В 1721 году вышла одна из первых карт на русском языке: «Карта Белого и Баренцева морей». (1720-1721). Обратим внимание, что на ней приведено две транскрипции названия острова: Колгой островъ и Коллегои. Гравюра на карте, помещенная рядом с островом показывает охоту на белого медведя и на моржа. Баренцево море названо: Моурманское море.

Рис. 28. Карта Белого и Баренцева морей. 1720-1721. Фрагмент.

На карте Гийома Делиля (Guilliaume de L'Isle) «Северное полушарие и прилегающие земли», созданной в 1740 году и изданной Луи Ренаром (L. Renard) в 1745 году обозначен остров Колгуй (Kolgoy) [39].

Рис. .29. Северное полушарие и Арктические терртории. Гийом Де Л'Иль. Луи Ренар. Амстердам 1745. Фрагмент. [39].

В 1745 году в Петербурге вышла карта земель Империи Российской, ее автором был Жозеф Николя Делиль (Josef Nicholas DeL'Isle), на карте был обозначен Ост[ров] Калгуев (Ost. Kalguew) и его отмели Пlosкие Кошки (Ploskie Koscki) [40].

Рис. 30. Генеральная карта Российской империи. Фрагмент. Жозеф Николас Де Л'Иль. Российский Атлас. Петербург. 1745. [40].

В том же 1745 году Луи Ренар (Louis Renard) опубликовал карту Р. Оттенса и И. Оттенса (R. & I. Ottens) на ней остров имеет название Колгоф (I. Kolgof) и расположен в Северном океане (Oceanus Septentri). Эта карта примечательна тем, что на ней впервые дано более подробное изображение острова, обозначены губы и устья рек Гусиная (Gousina), Грутзига (Groetzigga – Губистая? – А.Д.), Песчаная (Petenaia), Кривая (Kriwoy), Промой (Promoy), Крестовая (Kristova), Великая (Velika) и Васькина (Vaskina). Все названия – русские. Показаны отмели (Плоские Кошки) в южной оконечности острова. Эта карта развернута таким образом, что Запад находится внизу, а Север – слева от зрителя. Восточнее острова помещены изображения двух парусных кораблей и обозначен в русской транскрипции «Печерской Заворот» (Peterssooi Savorot) [41].

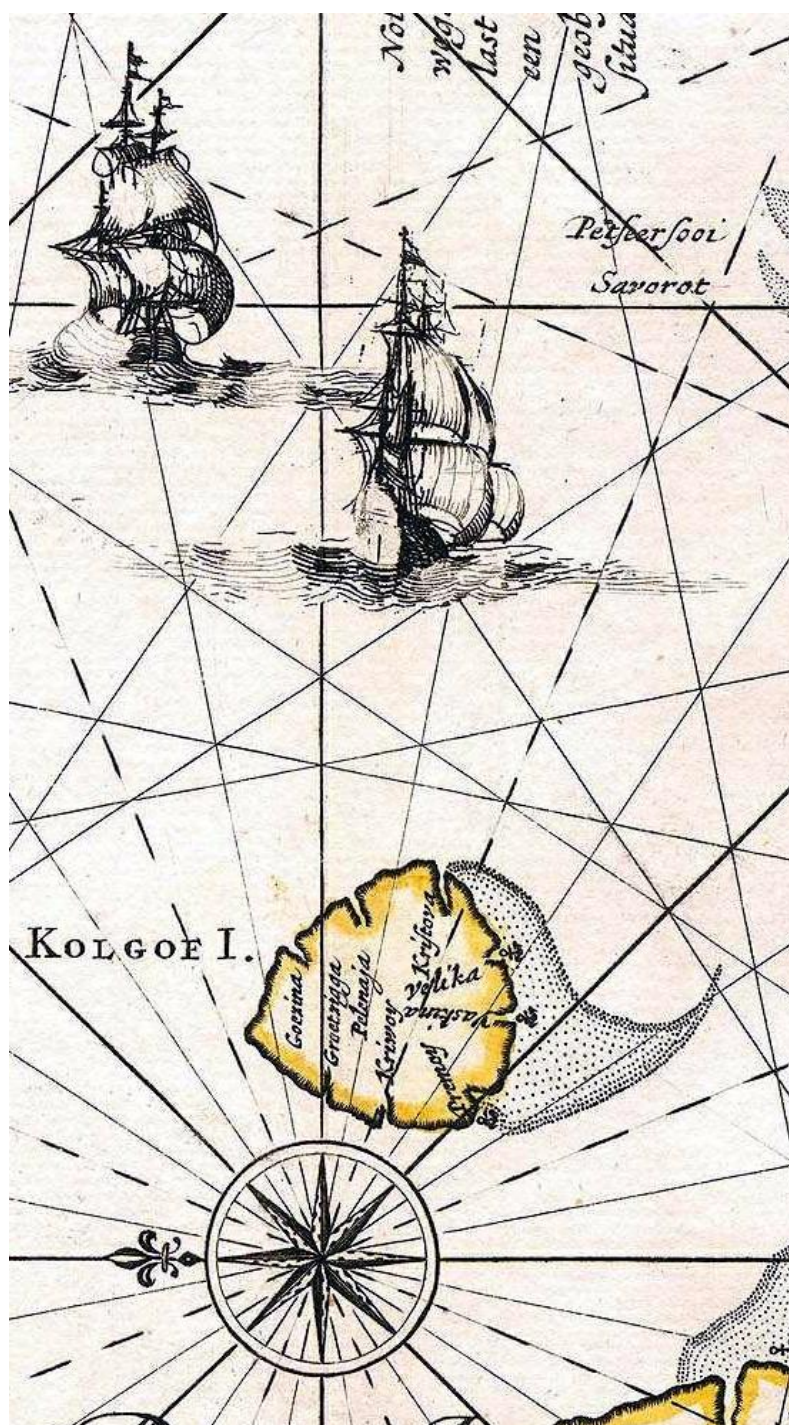

Рис. 31. Морская Россия и Новая Земля. Морской Атлас. Амстердам. 1745. Фрагмент. [41].

На «Современной карте Московии, Сибири, Тартарии и прилегающих частей», помещенной в Малом морском атласе Жака Николя Беллина 1764 года остров обозначен как о. Калгуев (I. Kalguew) в Ледовом море (Mer Glaciale). [42].

Рис. 32. Сокращенная карта территорий Московии Сибири Тартарии и прилегающих земель. Фрагмент. Жак Николес Беллин. Малый морской атлас. 1764. [42].

В XVI-XVIII вв. в голландских лощиях помещали иногда изображения профилей берегов. Интересно, что изображение берегов Колгуева в книге Николааса Витсена (Nicholas Witsen) «Тартария» (Tartariae), вышедшей в Амстердаме в 1785 году показывает присутствие на Колгуеве христианских символов (кресты) [43]. Нам не известно, были эти кресты поставлены поморами (подобные кресты носили не только сакральное, но и навигационное значение), или же старообрядцами. Первая статья о Колгуеве была написана академиком Иваном Лепехиным в 1772 году и появилась в свет в 1805 году. В ней упоминается о попытке старообрядцев зимовать на Колгуеве [44].

В статье А.С. Савельева, участника научной экспедиции на Колгуев в 1841 году также упоминается о том, что старообрядцы в 1767 г. поселились на Колгуеве в районе реки Гусиной (впоследствии большинство из них умерли от цинги, немногие выжившие вернулись на материк) [45]. Возможно, старообрядцы тоже давали свои названия отдельным местностям острова, однако, автору главы никаких сведений об этой топонимической системе не известно.

Есть все основания полагать, что профили берегов, помещенные в «Тартарии» Н. Витсена - это первые рисунки острова Колгуев. Они выполнены достаточно реалистично.

Рис. 33. Профили берегов Промоя на Колгуеве. Николас Витсен. Тартария. 1785. [43].

Рис. 34. Профили берегов Губицы на Колгуеве. Николас Витсен. Тартария. 1785. [43].

Рис. 35. Профили берегов Гусиной на Колгуеве. Николас Витсен. Тартария. 1785. [43].

Приведем для сравнения одну из гравюр XIX века, изображающую берег острова Колгуев. Эта гравюра помещена в известном издании «Живописная Россия».

Видъ Колгуева.

Рис. 36. Вид Колгуева. Живописная Россия. СПб. 1881.

Наиболее ранними можно считать материалы А.С. Савельева, члена первой научной экспедиции, работавшей на Колгуеве в 1841 году [45].

Вслед за С.В. Максимовым, мы относим время заселения острова Колгуев ненцами к первой половине XIX века. Поморы привезли первых оленеводов на Колгуев, создав уникальный опыт освоения острова номадами арктических островов.

Присутствие ненцев дало начало ненецкой топонимической среде на острове. Эта среда подробно воспроизведена на карте Обюна Тревора-Бетти (1893). Названия гор Совандей и Сичерхур (Сейкарха) – самых больших гор на Колгуеве, было дано ненцами по аналогии со святыми горами в местах их исторического обитания в Канинско-Тиманской области. Гора Сичерхур, самый высокий пункт на Колгуеве, конический холм, напоминающий курган, На вершине ее в XIX веке находились деревянные «болваны», это было священное место Нума, верховного божества в шаманизме ненцев. Таким образом, ненцы повторили традиции топонимического освоения пространства путем воспроизведения сакральных центров известного им до переселения мироздания. Аналогична была логика

наименования православными монахами горы Голгофа на острове Анзер (Соловецкие острова).

Назовем и неудачные попытки формирования топонимической среды на острове. На одной из карт, помещенных в книге Н. Витсена «Тартария» (1785) Колгуев обозначен как Вуйле (Vuyle eylant). На карте Т. Юса (1676) этот остров носит название острова Витсена (Witsen ey.). Эти названия не прижились. Неудачна была и более поздняя попытка назвать одно из озер острова Саксонским (в память о судне «Саксонец», доставившем на остров экспедицию О. Тревора-Бетти в 1893 году).

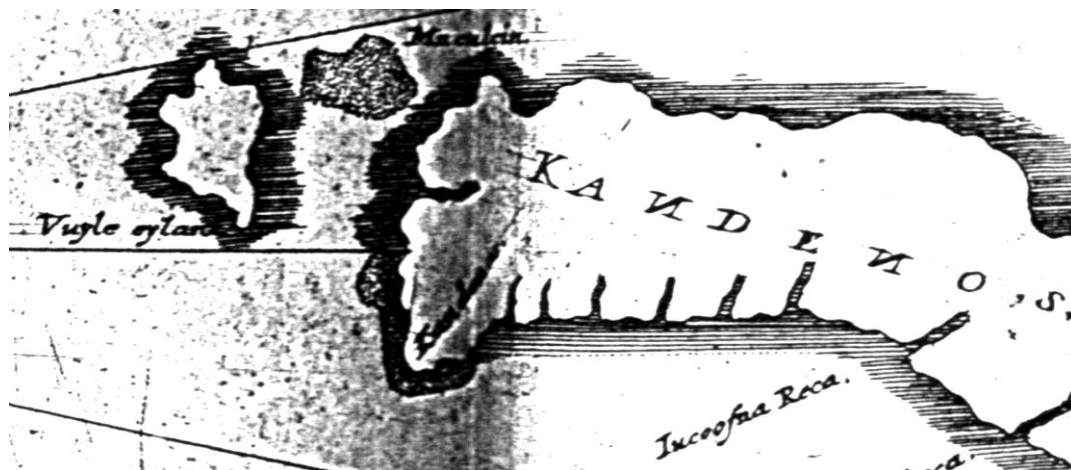

Рис. 37. Фрагмент карты с изображением мыса Канин Нос и острова Колгуев в книге Николаса Витсена «Тартария». 1785. [43]

На Генеральной карте Архангельской губернии, выпущенной в 1829 году на русском и французском языках остров обозначен как Колгуев/Calgoueu, на самом острове обозначено устье реки Кривая/Kriwaia и отмели Плоские Кошки/Ploskie Cochki. Изображена холмистая гряда, делящая остров на восточную и западную части [47]. На Карте Архангельской губернии 1844 года также обозначены Плоские кошки и изображение холмистой гряды (не совсем верное) повторено.[48].

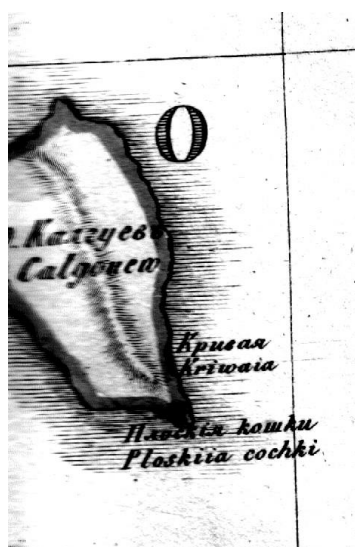

Рис. 38.(Слева) Генеральная Карта Архангельской губернии 1829. Фрагмент. [47]

Рис. 39. (Справа) Карта Архангельской губернии. 1844. Фрагмент. [48]

На карте 1872 года обозначены глубины вокруг острова и устья рек: Гусиная, Артельная, Избушенная, Великая, Кивирювка, Барочиха (с указанием поселения Становой Шарок), Васькина, Кривая, Губиста, Ручей, Саучиха, Указан характер дна вокруг острова: с восточной стороны на глубинах 28-40 м встречаются мелкий песок, песок и камни и зеленый ил [49].

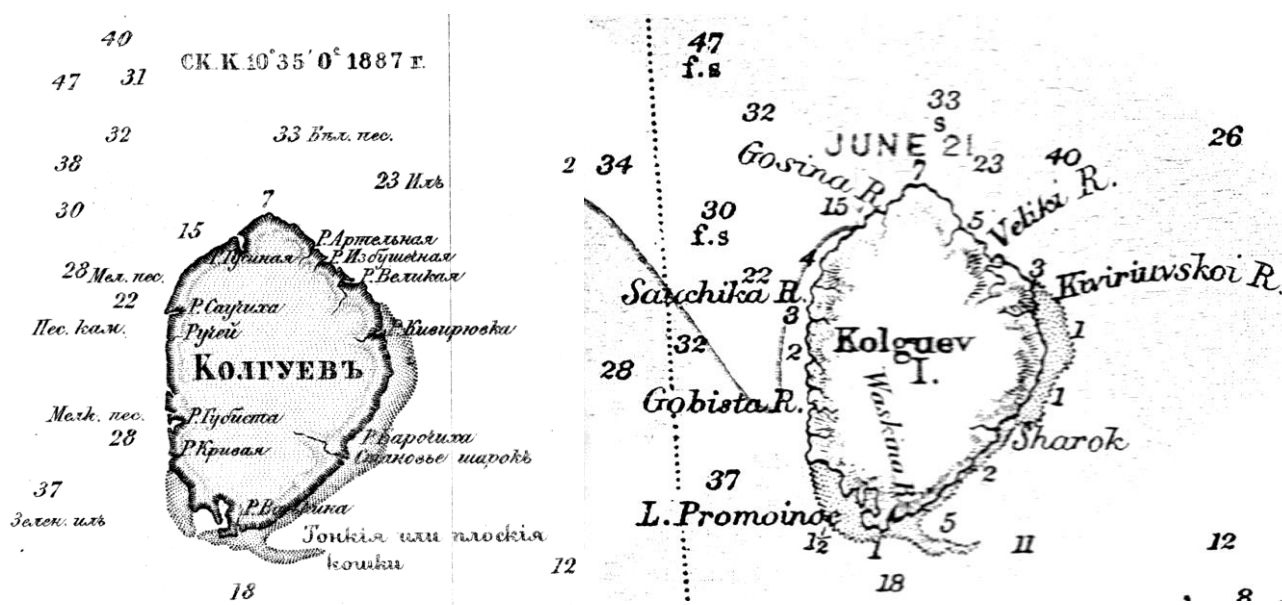

Рис. 40. (Слева) Карта Ледовитого океана и Карского моря с Новою Землею. Составлена с русских описей 1734-1870 годов. Издана Гидрографическим департаментом Морского министерства в 1872 году. Фрагмент. [49]

Рис. 41. (Справа) Карта (Фрагмент) из лондонского издания (1895) книги Обюна Тревора Бетти о Колгуеве [50]

Все перечисленные выше карты ограничивались названием острова и определением его береговой полосы, включая отмели и устья рек. Более подробные карты, отражающие особенности внутренних районов острова появляются лишь в конце XIX века.

На карте Колгуева, помещенной в монографии А. Тревора-Бетти (1895) обозначены реки: Гусиная, Конькина, Избушенная, Великая, Песчанка, Барочная, **Пеймур**, Порожистая, Пушная, Васькина, Губистая, **Тимьян** [50]. Только два приведенных на этой карте названия рек имеют ненецкое происхождение.

Названия озер: Большое Лебяжье и Лебяжье, Соленое, Кривое, Промойное. Одно из озер Тревор-Бетти назвал в честь судна «Саксонец» - Саксонским.

Горы (сопки) носят ненецкие названия: **Сичерхур** (Болванская), **Лоухи**, **Совандей**.

Обозначены владения и территории оленьих кочевий ненецких семей: округ Антипа (On Tirpa Country), округ Ивана (Uanos Country), округ Большакова (Bulchikoff's Country), округ Елисея (Eliseis Country), округ Маррка (Marrk's Country).

Обозначены изба и церковь на реке Пушная – это будущее становище Бугрино. Другое поселение – Становой Шарок. Черная линия в северной части острова – маршрут экспедиции О. Тревора-Бетти.

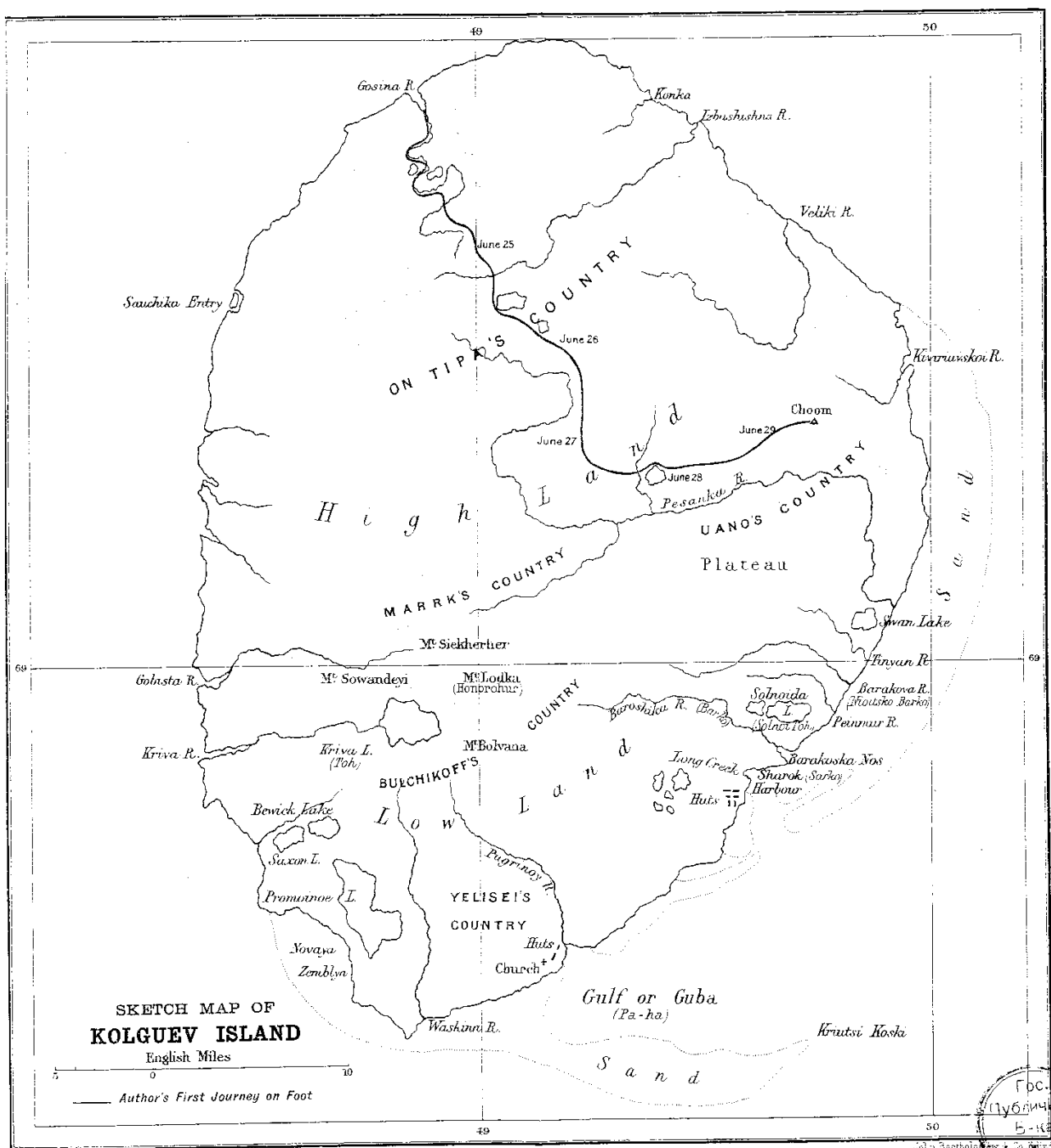
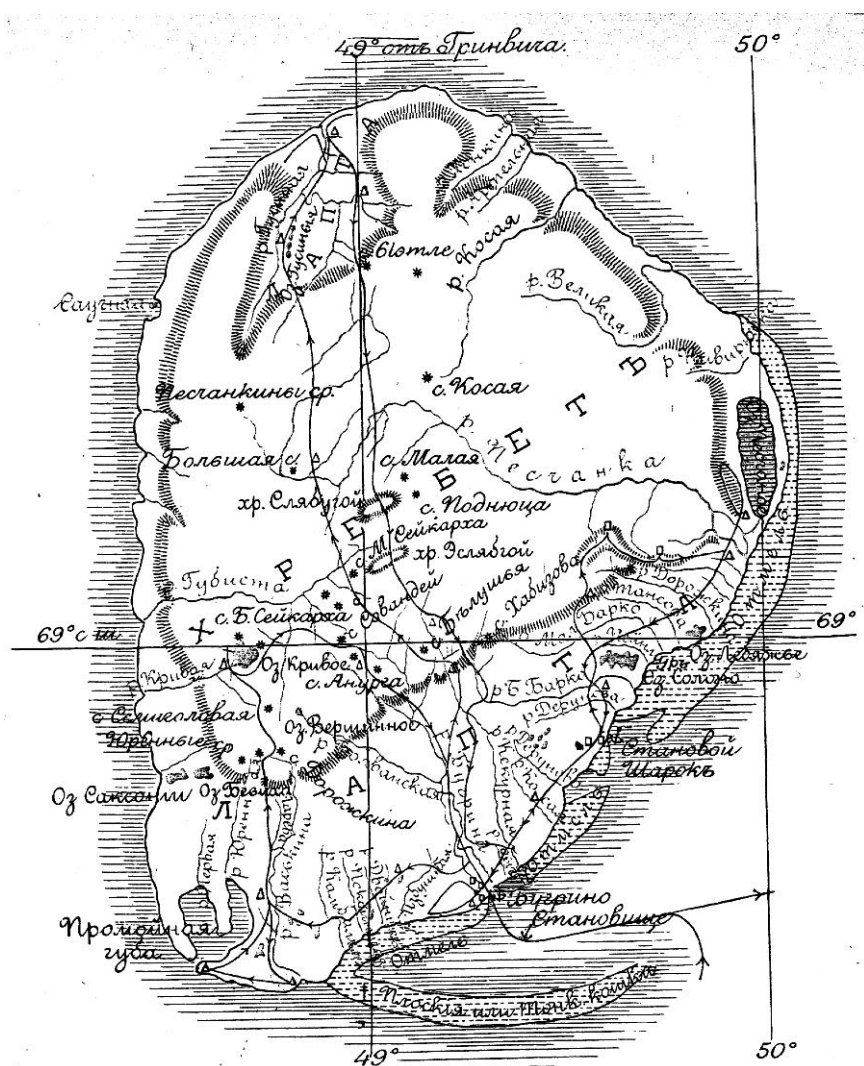

Рис. 42. Карта-схема острова Колгуева в книге Обюна Тревора-Бетти [50].

В 1900, 1902 годах остров дважды посетила экспедиция известного зоолога и орнитолога С.А. Бутурлина, который собрал здесь зоологические коллекции, провел съемку местности, сделал описание острова. На карте С.А. Бутурлина (1902) обозначены реки: Гусиная, Конкина, Артельная, Великая, Песчанка, Кивирюка, Дорожина, Таксова, **Пейнмур**, Б. Баркова, Дерунова, Косая, Кекурная, Бутрина, Избушная. Даны названия озер: Гусиное, Песчаное, Солёное, Кривое, Промойное. Одно из озер сохранило название в честь судна «Саксонек» - Саксонское. Обозначен хребет Эслябгей [51].

На этой карте обозначены также места стоянок шхун пустозерских поморов-промышленников, гидрографический знак Самоеда на отмелях Плоские Кошки, церковь в становище Бутрино, часовня в становище Шарок, амбары, особенности ландшафта (сопки и сорлопы) и др.

Знаки:

- ⊕ Знак „Самоѣда“ (А. И. Вилькицкого) на Плоскихъ кошкахъ.
- ↙ Мѣста стоянокъ Пустозерскихъ шкунь.
- ☐ Церковь.
- ⌂ Часовня.
- Амбаръ
- Маршрутъ 1902 г.
- Δ Ночевки или продолжительныя стоянки.
- с. „Сопка“.
- ср. „Сорлопы“.

Рис. 43. Карта острова Колгуев в статье: С.А. Бутурлина «Предварительный краткий отчет о поездке на остров Колгуев. летом 1902 года» [51]

В 1910 году вышла карта Архангельской губернии. На этой карте были на острове Колгуев обозначены реки *Великая* и *Барочиха*. На месте становища Бугрино значится *Самоедская церковь* [52]. Для сравнения приведем карту 1920-х годов, столь же лаконичную, но отражающую изменения политического характера, - на ней указано расположение метеостанции и островного совета [53].

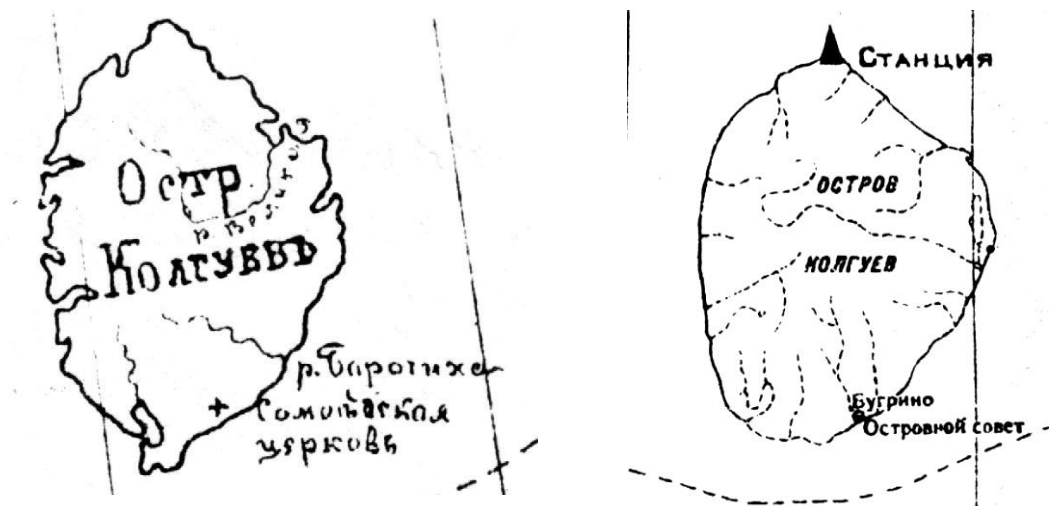

Рис. 44.(Справа) Колгуев на карте Архангельской губернии 1910 г. [52]

Рис. 45. (Слева) Колгуев на карте Архангельской губернии 1920-х годов. [53]

В 1919 году вышла Десятиверстная карта Европейской России [54]. На этой карте на острове Колгуев нанесены реки: Гусиная, Артельная, Избушечная, Великая, Кивирюка, Песчанка, Дорожкина, Малая. Баракошина, Большая. Баракошина, Кекурная, Бугрина, Кривая, Губиста.

Рис. 46. Десятиверстная карта Европейской России. 1919. Фрагмент. [54]

На восточной стороне острова три реки носят просто название Ручей.

Показано озеро Кривое, из которого вытекает река Кривая.

На карте отмечены два становища: Становище Бугрино и Становище Шарок. У становища Бугрино крестиком помечено расположение церкви.

В 1928 году И.А. Перфильевым была составлена новая карта Колгуева [55]. Ее автор справедливо заметил: «Однако, несмотря на то, что остров посещался различными исследователями много раз, удовлетворительных карт внутренних частей его до сих пор не существует» [55, С. 78].

В описании Колгуева, сделанном И.А. Перфильевым даны характеристики отдельных элементов ландшафта острова, приведены названия на русском и ненецком языках. Среди них отметим три гряды сопок в центральной части острова: восточную (Паарковская), состоящую из сопок Паарков-лябгхой, Паарков-тюд, Большая Сейкарха, Малая Сейкарха и др.; центральную гряду с сопками Острая, Малая, Слябугой, Эслябгой, Большая Сейкарха, Малая Сейкарха (эти названия на карте повторяются дважды, дублирование топонимов, возможно, связано с их сакральным значением и принадлежностью данных территорий к районам выпаса оленей разными ненецкими семьями), Савандей; западную гряду состоят из сопок Юрэнная, Коврига, Дорожкина, и «ряда небольших холмов». На карте обозначены уже известные реки с поморскими названиями (Гусиная, Песчанка, Губистая, Бугрянка, Великая, Васькина), и реки с ненецкими названиями (Кекурная, Паарков, Ельцова-Тарка и др.). Приведены названия отдельных элементов ландшафта: *ягхара* («совершенно круглые промоины - воронки с узким выходом», образованные извилинами русла реки), *сорлоп* (крутой холмистый берег реки) [55, С. 78-82].

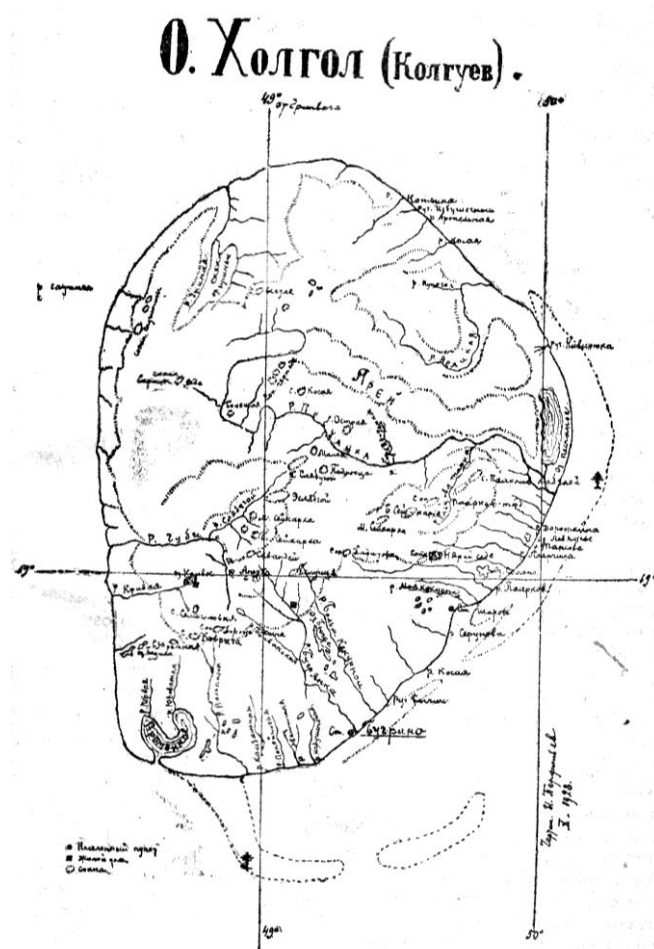

Рис. 47. Карта о. Холгол (Колгуев). Из статьи: Ив. Перфильева «Краткий очерк географии о-ва Колгуева». [55].

За основу карты о. Колгуева сделанной И.А. Перфильевым была принята, карта, составленная в 1901 г. С.Л. Бутурлиным, и карта Главного Гидрографического Управления, изданная в 1925 году (№ 1655). Последняя была составлена по работам 1821 и 1861 - 1871 гг. с корректурой 1924 года. С этой карты И.А. Перфильевым были взяты лишь очертания острова и песчаных отмелей. Карта С.Л. Бутурлина, по мнению И.А. Перфильева, дает достаточно подробную и полную географическую карту острова. Приведем комментарии И.А. Перфильева к обоим вышеуказанным картам:

«1) на восток от р. Гусиной, за небольшой речкой Конкиной протекает небольшой ручеек „Избушечная“. На карте Гл. Гидрогр. Управл. этот ручеек показан рекой значительной величины, протянутой на протяжении почти 2/3 территории северной части острова, а на карте С.Л. Бутурлина „Избушечная:“ не отмечена вовсе за ее незначительностью. Фактически „Избушечная“ представляет собою небольшой ручей, до 4 км. длины, истоками почти подходящий к р. Конкиной.

2) У реки Великой, с левой стороны по течению, не показан на обоих вышеупомянутых картах маленький приток р. Пуночь.

3) Южнее р. Великой на картах нанесена река Кивирюковка. В действительности это три небольших ручья, сходящихся близ своего устья..

4) Самой большой рекой острова является р. Песчанка, очень извилистая, протекающая в большей своей части по песчано-каменистому руслу. С левой стороны Песчанка имеет приток „Сирево-тарка“, не отмеченный на указанных выше картах. С правой стороны (по течению) на карте Гл. Гидр. Упр. в средней части течения нанесен большой приток. Этого притока в натуре нет. Западнее его имеется небольшой приток без названия. Еще более на запад от него в Песчанку впадает значительная, необычайно извилистая, протекающая по песчано-каменистому ложу речка „Ельцова-тарка“ (район кочевок Евсюгина И.), Эта речка делит всю „Паарковскую“ возвышенность почти на две равные части. По „Паарковскому“ плато проходит цепь невысоких (от 25 — 125 метр.) холмов, по самоедскому названию «Паарковские горы», при чем каждая сопка носит определенное название. Таких сопек 5.

5) Река „Паарков“ на карте Гл. Гидр. Упр. названа „Порожистой“, а на карте Бутурлина „Б. Барко“. Хотя эта речка действительно протекает по очень каменистому руслу, но, я думаю, лучше сохранить название этой речки туземное, самоедское, т.к. по имени этой реки называется, во-первых, весь этот район, а во-вторых, и самая цепь холмов — „Паарковская“ тундра, „Паарковские“ горы.

6) На карте Гл. Гидр. Упр. на восток от „Гусиных озер“ нанесено большое озеро. На карте С. Л. Бутурлина в этом районе не показано вовсе никаких озер. Самоеды совершенно определенно указывают, что в этом районе одного большого озера нет, а есть три маленьких озера, не соединяющихся между собою.

7) По направлению на ю.-в. от этих озер протягивается гряда очень невысоких и отлогих песчаных холмов, по-самоедски „ярей“.

8) Севернее Станового Шарка на карте Бутурлина не показана речка Малый Кекурной.

9) Между р. Большим Кекурным и р. Бугрянкой, в среднем их течении, ни на одной из карт не отмечено скопление озер разных величин, преимущественно маленьких. Самое северное из них — озеро „Бычьё“, размером до нескольких верст в длину и необычайно узкое.

10) Река Губистая, показываемая на картах вытекающей из центральной части острова, в натуре вытекает из 3-й вышеуказанной, самой западной холмистой гряды по направлению на север, огибает Кривое озеро и под прямым углом заворачивает на запад. В этом углу в нее впадает значительная речка „Слябугой“, несомненно, ранее и принимавшаяся за верхнее течение р. Губистой.

11) В северо-западной части острова, у истоков р. Саучихи, не показаны 3 сопки „Саучихины“.

12) В верхней части течения р. Песчанки, в верховьях притока ее не отмечена возвышенность Черные сопки, состоящая из 3-х близко друг к другу расположенных сопек.

13) Между речками Паарчихой и средним течением р. Паарков — не отмечены 2 сопки — „Нярей седе”.

14) На карте С. Л. Бутурлина у первого правого притока верховьев р. Песчанки показаны сопки „Сорлопы Песчанкины”. Название этих сорлопов — “Сармик седе”.

В заключение *необходимо отметить, что на карте, в виду сбивчивости и разноречивости русских названий сопки и рек острова, названия последних приняты самоедские, а русские оставлены только в тех случаях, если они не имеют самоедского названия или оно принято и укоренилось среди самоедского населения острова* (Выделено мною — А.Д.)» [55].

Карта И.А. Перфильева была положена в основу опубликованной в 1930 году карты М. Мурашева в книге Николая Шпанова «Край земли» [56].

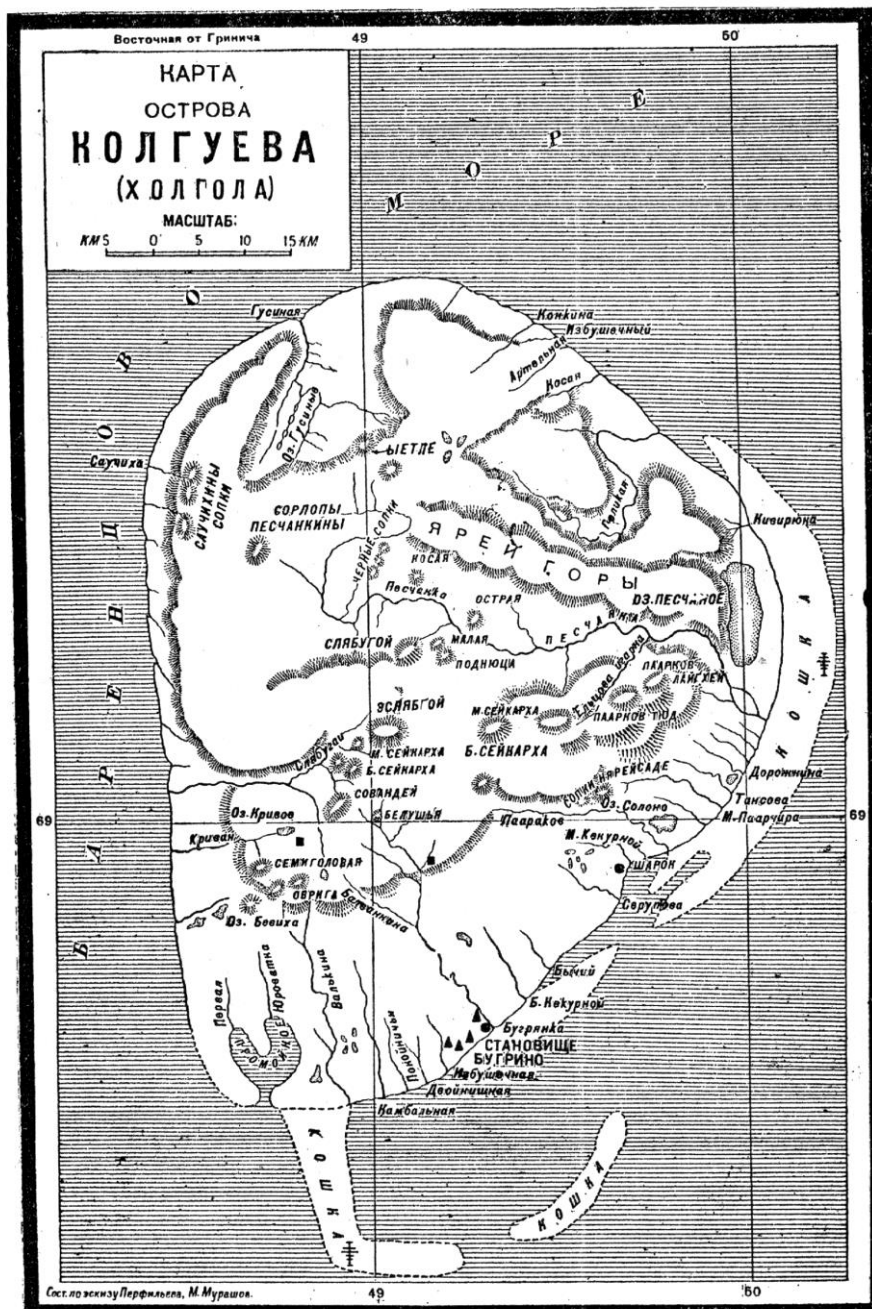

Рис. 48. М. Мурашов. Карта острова Колгуева (Холгола) из книги Н. Шпанова «Край земли». [56]

Проанализируем топонимы острова, приведенные на картах О. Тревора-Бетти, С.Л. Бутурлина и И.А. Перфильева. Карта И.А. Перфильева была повторена позднее в работе В.К. Есипова и Н.В. Пинегина [57].

Обращает на себя внимание значительное присутствие дублетов в топонимах. Так, например, река Болванская стекает по склонам сопки Болванская. С Юренных сопкок течет Юренная река. Из Кривого озера вытекает река Кривая. Из одного из Гусиных озер вытекает река Гусиная. Вдоль хребта Слябугой течет река того же названия. Эти примеры можно продолжить. Из озера Бычье вытекает река Бычья.

На карте И.А. Перфильева река Песчанка имеет притоки с ненецкими названиями: Сирево-Тарка и Ельцова-Тарка.

Интересна трансформация названия реки Порожистая в Барко, Большую Барко, а затем - в Пааркова (Паарчиха) и в Большую Парчиху. Начальное название явно поморского происхождения, характеризует реку, как отличающуюся порогами. Позднее оно было переделано ненцами по созвучию в Барко, Пааркову или Парчиху. Затем это название попадает на современную карту уже в ненецком произношении, но с добавлением русского прилагательного: Большая Парчиха.

Озеро Соленое в интерпретации ненцев, как записал И.А. Перфильев, обозначено как Солоно.

Названия ненецкого происхождения:

Реки: Пейнмур, Тиньяк, Сирево-Тарка и Ельцова –Тарка, Слябугой.

Для арктических номадов Колгуева очень большое значение имеют сопки, холмы, горы – именно они служат главными ориентирами в тундре. Поэтому названий сопкок на ненецком языке гораздо больше, чем названий рек. Сопки: Сичерхур, Совандей, Лоухи, Сейкарха, Эслябгой (Эслябгей), Слябугой, Нярей-Седе, Паарков-лябгхой, Паарков-тюд, Сармик-Седе, Неум, Паднюца, Анерха, Сарадей-Вада, Ыеуле, Ярей.

Этнотопонимическая среда острова Колгуев представляет собою сочетание русской и ненецкой топонимических систем.

Названия поморского происхождения представлены следующими лексико-семантическими группами (ЛСГ).

ЛСГ географических характеристик, в этих топонимах заложена информация о данной губе, реке, ручью, сопке. Названия рек: Песчанка, Промойная, Порожистая, Губистая, Косая, Кривая. Названия озер: Кривое, Соленое, Песчаное. Названия сопкок: Семиголовая, Острая, Малая, Черные, Бугрина (Бугрянка), Великая. Названия отмелей: Западные Плоские (Тонкие) Кошки и Восточные Плоские (Тонкие) Кошки. В эту же группу мы отнесем названия улиц в поселке Бугрино (название поселка произошло от речки Бугрянки). В поселении три ряда домов. Первый ряд (на берегу моря) – улица Морская, третий ряд (на краю тундры) – улица Тундровая, второй ряд (между первым и третьим) – улица Центральная. Сам поселок Бугрино делится в устной традиции местных жителей на Поселок и Заречье (за рекой Бугрянкой) [58].

ЛСГ промысловая по местообитанию видов зверей и птиц: на карте острова значатся реки Восточная Гусиная, Западная Гусиная (Гусиная), озера Гусиные, река Кекурная (она же ручей Большой Кекурный), ручей Малый Кекурный, озера Лебяжье и Большое Лебяжье, реки Пуночья, Пушная, Камбальная. Есть также река Юровская или Юрочная (юрowo – стадо бельков на поморском диалекте), сопка Белушья, сопка и река по имени Китовая. В этих названиях представлены места промыслов на птицу (гуся, казарку, лебедя), рыбу (камбала), кита-белуху, тюленя и моржа, а также на лису и песца (река Пушная).

ЛСГ поморских стойбищ: реки Избушечная, Артельная, гора Болванская (священная гора ненцев на острове, где они хранили изображения своих духов, которых поморы называли болванами), реки Васькина, Конкина, Дорожкина, Дерунова (эти названия даны были по именам поморов-промышленников, имевших свои временные становища во время летнего промысла на Колгуеве), река Первая и т.п.

ЛСГ топонимов окказионального характера. Эти названия даны в память событий, происходивших на острове. Название реки Бычья и озера Бычье, как уже отмечалось, связано с событием. В одном месте берега озера имеется трясина „сосун”, в эту трясину засосало на глазах ненцев несколько оленей быков. Поэтому озеро получило название Бычье, а река получила свое название Бычья – уже от озера. Река Покойничья (по месту расположения раскольничьего скита, обитатели которого погибли в XVIII в.),

ЛСГ сакральная. В эту группу попадут топонимы русского происхождения, обозначающие священные места для поморов: губа Крестовая (место расположения поморских крестов) и для ненцев: река Болваниха (Болванская – стекает по склонам этой горы).

Русская поморская топонимическая система в основе своей сформировалась еще в 18 веке, что было отмечено на карте 1745 года, составленной Р. и И. Оттенсами и изданной Л. Ренаром. Поморские названия в основном характеризуют географическую среду побережья острова и основные ориентиры, имеющие навигационное значение и промысловые возможности территории.

Ненецкие названия. Ненцы, привезенные на Колгуев поморами, восприняли и сохранили некоторые поморские названия, но наряду с этим, создали свою топонимическую систему, исходящую из особого отношения к тундре, когда особое значение для ориентирования имеют сопки и даже небольшие холмы. Наиболее полно эту систему описал краевед-биолог И.А. Перфильев в конце 1920-х годов. Для ненцев было характерно перенесение названий священных гор Тиммана (Совандей и Сичерхур) на холмы Колгуева. Название Сичерхур в поморской традиции закрепилось как гора Болванская, по расположению на ней «болванов» - изображений духов-покровителей территории у ненцев.

В ходе полевых исследований автора главы в 2002-2005 гг. удалось уточнить карту острова Колгуев в части ненецких названий, ряд которых не был нанесен на современные карты, построенные в основном на материалах русской топонимики острова. Основными информантами по теме исследований были местные жители, ненцы. Среди них были представители группы заселившей остров еще в XIX веке, выходцы из Канинско-Тиманской тундры (Ардеев Иона Иванович, 1935 г.р., Ардеев Николай Ионович, 1968 г.р., Ардеев Альберт Григорьевич, 1967 г.р.) и представитель группы ненцев с Новой Земли, переселенных на Колгуев в 1950-е годы (Пырерко Леонид Борисович, 1964 г.р.). Это потомственные оленеводы, кочевавшие по всей территории острова вместе с оленями СПК «Колгуевский».

На основании имевшихся в распоряжении автора статьи картографических материалов и данных полевых исследований была составлена сравнительная таблица топонимов острова Колгуев, позволяющая проследить динамику топонимов, известных в 18 веке (карта Луи Ренара 1745 г., на основе карты Р. Оттенса и А. Оттенса), 19 веке (карта А. Тревор-Бетти, 1897 г.), 20 веке (карты С.А. Бутурлина 1902 г., И.А. Перфильева 1928 г., современная карта ГУГК 18-39-25.2 R-39-XXV, XXVI и др.).

Обобщенный взгляд на ненецкую топонимику Колгуева дает возможность сделать ряд выводов, поливающих свет на характер топонимического освоения Колгуева ненцами и выделить ряд особенностей формирования этно-топонимической среды.

Повторения. Некоторые названия повторяют звучание русских топонимов или дают их в интерпретации, связанной с особенностями ненецкого языка. К таковым отнесем название самого острова – Холгол (Колгуй). Некоторые реки носят русские названия с добавлением слова яха (на ненецком языке – река). Примеры: - Двойник Яха, Васькина Яха, Промой (Промойная губа), Конкин Яха, Крестова Яха, Пунанча Яха (от названия птицы пуночки - Пуночья река, нижний приток реки Великая), Тороска Яха (Дорожкина река). Конкин Яха – Конкина река. Аналогично назван ряд озер. Примеры: Анашкины То (Анашкины озера), Сенькино То (Сенькино озеро),

Кальки. Ряд названий являются переводом русских топонимов на ненецкий язык. Калькирование характерно для названий очень известных на острове топонимов. Приведем ряд примеров. **Реки.** Самая большая река на острове - Арка Таб Яха (Большая Песчаная река,

на русских картах – река Песчанка). Есть еще Тин Яха (Амбарная река), Арка Пезя (Большой ручей), Хор Яха (Бычья река). Хардако Яха - Избушечная река, на картах она названа также как река Избушенная (А. Тревор-Бетти, 1897), Избушная (С.А. Бутурлин, 1902). Хальмюр Яха (Покойницкая река). Хабла яха (Камбальная река). Нерой Яха - река Юрочная, варианты - Юренная (С.А. Бутурлин, 1902), Юровская (И.А. Перфильев, 1928). Харей Яха – Кривая река. Яб Яха – река Великая (Великая-Длинная река, «самая большая река с восточной стороны острова»). **Озера.** Арка Хохорей То – Большое Лебяжье озеро, названо еще как Лебяжье (С.А. Бутурлин, 1902, И.А. Перфильев, 1928). Нючко Хохорей То – Малое Лебяжье озеро. Сэртавы То – Соленое озеро, Солоно (И.А. Перфильев, 1928). Япто То – Гусиное озеро (Гусиные озера - И.А. Перфильев, 1928).

Дополненные кальки. Кривое озеро, из которого вытекает Кривая река носит название Харей Яха То – Озеро Кривой реки. Песчаное озеро носит название Арка Таб То – Большое Песчаное озеро.

Композитные названия. Мужик Тин Пезя – Ручей Амбара Мужика (левый приток реки Васькиной). Нечко Хыт Яха – Малая Китовая река. Арка Хыт Яха – Большая Китовая река. Ларь Яха – Сундук река.

Двойное название: река Бугрянка – Бугрянка Яха, еще она называется ненцами Арка Паха Яха (Река Большой Губы).

Сакральные ненецкие топонимы. К таковым отнесем ряд топонимов, имеющих отношение к верованиям ненцев, например, *Сиртя Тарка*. Сиртя – легендарные маленькие люди, жившие в тундре до прихода ненцев. По словам И.И. Ардеева «Ненцы давно жили на острове. До ненцев жили сиртя в пещерах. Народ был маленького роста. Они потом внезапно исчезли. Остались пещеры в которых жили сиртя – в глубине острова. Оленеводством они не занимались, только морским промыслом». С появлением ненцев на Колгуеве появились топонимы, восходящие к ненецкой легендарной этно-истории. Кекурная река – топоним появился на картах начала 20 века (С.А. Бутурлин) [51] – Кекур Яха. Кекур – так называют ненцы на Колгуеве святые камни, обозначающие присутствие духов. Река Болванская (Болваниха) – так названа была русскими по причине присутствия на ней святых мест ненцев, в которых стояли большие деревянные идолы – «болваны». Сами ненцы называют эту реку Яльпи Яха – Рек Идолов и рассказывают легенду о том, что на этой реке до прихода ненцев жили два сиртя. Центром острова считается гора Сичерхур или Сейкарха (ударение на первом слоге) – Сердце Острова. Рассказывают легенду о том, что в старину шаманы принесли там в жертву русского мальчика и похоронили его. Другая священная гора – Ано Раха (Холм-Как-Лодка). На русских картах он обозначен как Анурга (С.А. Бутурлин) [51] или Анерха (И.А. Перфильев) [55]. Сау Ды – Островерхие сопки, так переводится название сопки Совандей. Названия Совандей и Сичерхур имеют отношение к исторической родине колгуевских ненцев. Тревор Бетти отмечал: «Гор, которые заслуживали бы этого названия, на Колгуеве нет. **Совандей и Сичерхур**, две наиболее значительных вершины на Колгуеве, (которые названы так самоедами по холмам того же имени на *Тиманской тундре* – [выделено нами, - А.Д.]» [50].

Важной характеристикой ненецкой этнотопонимической среды («взгляда из тундры») являются названия временных (сезонных) поселений, возникших на местах стоянок пастухов во время пастбы оленей. Эти стоянки расположены по всему острову.

Ряд топонимов относится к хозяйственной деятельности ненцев, в первую очередь – к оленеводству. Хау Далва Яха – Река Забоя Оленей (на этой реке раньше происходил забой оленей). **Названия стойбищ.** Система названий стоянок оленеводов во время кочевий берет начало с XIX века, когда выпас оленей происходил внутри «округов», отмеченных на карте Колгуева, сделанной О. Тревором-Бетти. В XX веке были внесены в эту топонимическую систему некоторые изменения. Эти изменения были связаны как с изменением системы выпаса оленей, так и с превращением мест стоянок во временные сезонные поселения. После коллективизации 1920-х годов оленье стадо было разделено на два, и выпас оленей производился по всему острову: одна бригада пасла оленей в восточной части острова,

другая – в западной части острова (Первая и Вторая бригады СПК «Колгуевский»). В 1970 - 1980-е годы на местах стоянок, где ставили летние или зимние чумы были выстроены небольшие сооружения из досок и толи, называемые балками. С тех пор эти временные поселения используются пастухами во время пастьбы оленей в данных местах. Иногда такое поселение дополняется поставленными пастухами чумами. Одно из таких поселений было посещено автором статьи во время полевых исследований на Колгуеве, его название – Хэху Чо.

Названия стоянок оленеводов во время кочевий с краткой характеристикой каждой стоянки дал автору статьи во время полевых исследований летом 2014 года начальник СПК «Колгуевский» Альберт Григорьевич Ардеев (записал А.Н. Давыдов в Бугрино 25.06.2014).

Временные (сезонные) поселения «на Западном берегу» (в западной части острова), где кочует с оленями Первая бригада СПК «Колгуевский». *Сейкарха*, по названию горы (сопки) Сейкарха или *Хэхэ Сяд*, что значит «Священная гора», «Сопка Идолов», возле реки Губистой. На этой горе принято класть серебряные (белого цвета) монеты – «на счастье». На реке Губистой есть стойбище *Губистая Тарка*, «там стоят ранней весной», *Халто Пирця* – «Рыбное озеро и вершина холма». *Паархэй Яха* – в районе реки Пааркова (Горелая река), «там похоронена шаманка, в этом месте надо положить табак или сигареты, чтобы “не крутило”, так как в этом месте “водит”, и очень легко заблудиться, много людей заблудились». Становище *Большая Губистая Тарка* («там пасут ранней весной»). Стойбища *Кум Ху*, и *Тылва Хой*. Становище *Мят Пул Ма* («это значит *Улетевиший чум*, там когда [однажды] ставили чумы был сильный ветер и чум улетел от ветра»). *Тылва Хой* – «это место отлова оленей, место где *юркуют* в марте-начале апреля». Становище *Кул Хой* – «как кулёк; проходное место, там высокий холм и там кочуют в конце сентября – октябре». *Нерхай* – «это место, где происходит забой оленей».

Временные (сезонные) поселения «на Восточном берегу» (в восточной части острова), где кочует с оленями Вторая бригада СПК «Колгуевский». *Хой Ят* («Склон или подножие холма, Подножие, - Песочный холм, за рекой Песчанкой». *Пятихатка* («пять балков там стоят». *Ярей Хой* - «Песчаный холм». *Ельцов Тарка* («расположено у ручья Ельцов, по фамилии человека, который на этом ручье избу поставил»). Есть стойбища названные по рекам, на которых они находятся: *Пуночка река*, *Великая река*.

Имеется два названия термина «озеро» в ненецком языке. Так различается термин *то* – просто озеро и *халто* – рыбное озеро. Происходит от слова *халя* - рыба. Некоторые названия озер даны по имени рыбы, которая в них ловится: Нагас халто (Нагас – корюшка, «нагая» рыба, Корюшкино озеро, в верховьях реки Саучиха). Тарка Халто – Рыбное Озеро Притока. Топонимы содержат иногда *характеристику ландшафта*. Например – Пэсвэй Халто (Каменное рыбное озеро)

В целом, топонимическая среда острова Колгуев представляет собою яркий пример освоения территории носителями разных культурно-хозяйственных типов: рыболовами и охотниками на морского зверя и птицу Европейской Арктики (русские поморы) и номадами тундры (ненцы). Мы определим *поморскую этнотопонимическую среду* как *«взгляд с моря»*.

Другая топонимическая система сформировалась у ненцев. Мы назовем *ненецкую этнотопонимическую среду «взгляд из тундры»*. К сожалению, «взгляд из тундры», за малыми исключениями, не был воспринят позднейшими картографами.

Православное присутствие на острове было представлено поморскими крестами, как обетными, так и имеющими навигационное значение. 18 авг. 1875 г. священником Тельвисочного прихода Михаилом Кононовым освящена деревянная (без колокольни) церковь во имя Нерукотворного Образа Спасителя [59]. Это название наводит на мысль об образе *Спасителя на водах*. Трудности попадания на остров ярко описаны в православной интерпретации у С.В. Максимова. Священные места русских – часовня в Становом Шарке и церковь в Бугрино а также кресты вблизи рек Гусиной и Великой.

Колгуев в свете народной этимологии.

Интерес представляют устные рассказы о происхождении самого острова и его имени, записанные автором главы во время неоднократных посещений Колгуева. Это типичные примеры народной этимологии, когда неясное языковое явление получает толкование на основании смысловых ассоциаций [60].

Во время поездки автора главы на Колгуев в 2002 г. местная жительница Татьяна Гавриловна Гребенюк рассказывала происхождении острова Колгуев от яйца, брошенного гусыней во время полета над арктическими водами. Поэтому Колгуев имеет форму контура яйца [61]. Эта легенда, вероятно, имеет обоснование в наблюдениях местных жителей, замечавших случаи, когда гусыни несли яйца, не дожидаясь гнезда и даже прилета на берег. Вместе с тем, образ яйца, имеющий в мифологии вселенское значение, как символ появления мироздания, безусловно, заслуживает более пристального внимания. Однако, другие местные жители называли этот рассказ «фантазией».

Во время поездки автора главы на Колгуев в 2003 г. местная жительница Нелли Афанасьевна Ардеева, рассказала ему историю о том, что первым поселенцем на острове был некто Гуев, который забил в землю острова кол (столб), «застолбил его за собою». Отсюда, якобы и название острова: Колгуев (*Кол Гуева*). Установка столба при основании поселения известна среди мезенских поморов в XVI-XX вв. Например, столб основания деревни, сооруженный Федором Антиповичем Ситниковым в 1879 году, был перевезен впоследствии в Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» и хранится в его коллекции. Копия столба основания деревни поставлена в Мезенском секторе музея. Приведенная версия, хотя и имеет право на существование, но не представляется убедительной. Интересно отметить, что эта топонимическая «легенда» не только изложена ненкой на русском языке, но и сами объяснения происхождения слова «Колгуев» даны из реалий русского языка.

Еще одна версия, производящая происхождение топонима от фамилии некоего исследователя (Александр *Колг*) была записана нами от Леонида Борисовича Пырерко в 2004 г. Л.Б. Пырерко в подтверждение своей версии сослался на распространенную и в Арктике традицию давать географические названия в память об исследователях. Нам, однако, не известен исследователь А. Колг, посетивший Колгуев (в литературе нет ни одного подтверждения этому). Да и название «Колгуев» очень старое.

О названии острова Колгуев.

Выскажу свое предположение по поводу происхождения названия острова Колгуев. В 1598 году появилась карта Виллема Баренца, построенная на материалах экспедиций 1594, 1595, 1596 гг., она была переиздана Корнелисом Клаесом, на ней дано название острова – *Колгуй* (Colgoy). Это – одно из самых старых названий, созвучно названию мыса Колгуй на острове Анзер в Белом море (Соловецкие острова). Мыс Колгуй известен поморам со времени заселения ими Беломорья. Возможно, это слово неславянского (финского?) происхождения попало затем в речь поморов, и поморами было прибавлено окончание –ев, типичное для названий в русском языке – Колгуев. Но есть и другое предположение.

Развивая «финскую версию» происхождения названия Колгуев, обратим внимание на топонимы Соловецкого архипелага и Белого моря. Название *Соловецкий* относилось первоначально столько к островам, сколько к морю. Есть основания предположить, что название произошло от финских слов *suola vesi* (соленая вода). Это – наиболее логичное название нового для финских племен явления географической среды (моря!), открытого ими в процессе миграции на Европейский Север в VII-X вв. С приходом русского населения на берега Белого моря и вплоть до XVIII века русское и финское названия моря сосуществовали, составляя дублет: *море океан Белое Соловецкое*, встречающийся в Космографиях XVIII века. Впоследствии, в ходе освоения Беломорья поморами укрепилось славянское наименование: Белое море, а старое финское имя моря сохранилось в названии его самого большого архипелага, – Соловецкие острова. Финский субстрат присутствует и в других топонимах Соловков: например, слово *salmi* (пролив) ясно читается в топониме Муксалма. Для понимания значения Колгуй, имеет смысл обратить внимание на финские

слова *kolkka* (край, угол, окраина) и *koī* (заря, рассвет), что в соединении дает представление о категориях «окраина зари, край рассвета». В случае с мысом Колгуй на Соловках, такая трактовка означает восточную оконечность острова Анзер. В случае с островом Колгуй (Колгуев) – наводит на мысль об этом острове, как об окраинной точке, известной финским мореплавателям в дославянскую эпоху освоения морей Севера. Тогда мы можем трактовать топоним Колгуй, как обозначение крайнего востока границы ойкумены в финскую эпоху мореплавания в Беломорско-Баренцевоморской зоне - «край света».

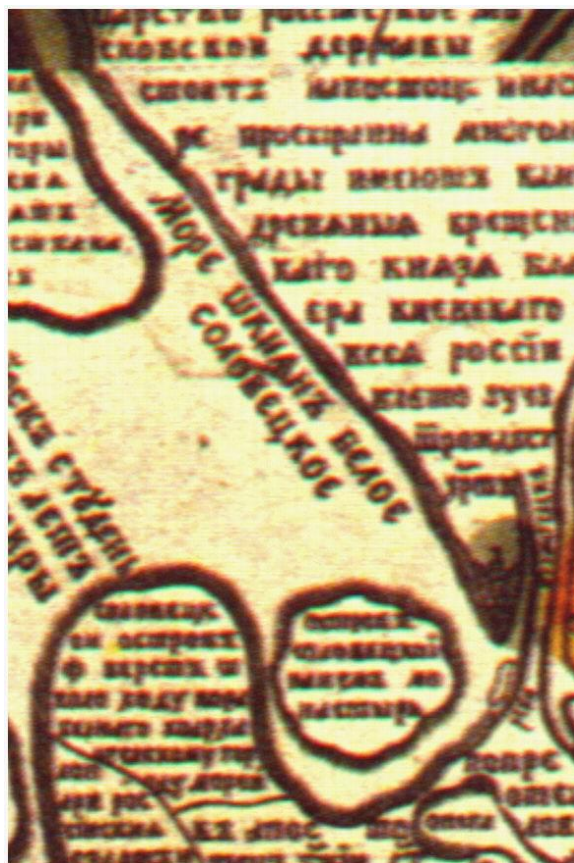

Рис.49. Космография XVIII век. Фрагмент.

Интересно, что на русских картах XVIII в. название острова дано в западной традиции. Взятое из русской этнотопонимической среды (поморы) название острова в XVI веке пришло на английские и голландские карты, а потом было калькировано с этих карт русскими картографами. Этот вывод подтверждает двойное название острова на русской карте 1720 года, где обозначены *Моурманское море* и *Колгой остров* (*Коллегойи*).

Ненецкое название острова – Холгол (ударение на первом слоге), возможно, произошло от созвучия слову «Колгуев».

1. Давыдов А.Н. Остров Колгуев на картах XVI - начала XX в.: к вопросу о русских и ненецких источниках формирования топонимической среды в Арктике // Мавродинские чтения. 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 288-290;

2. Давыдов А.Н. Полевые исследования на о-ве Колгуев – новые материалы к истории формирования этнотопонимической среды в Арктике // Полевая этнография: Материалы международной научной конференции, / Под ред. В.А. Козьмина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 104-109.

3. Геродот. История в девяти книгах. (IV, 32) Перев. и прим. Г.А. Стратановского. Под общей ред. С.Л. Утченко. Л., «Наука» (Ленинградское отделение), 1972. С. 194.

4. Лосев А.Ф. Античная мифология в её историческом развитии. М. 1957. С. 402-423

5. Мифологический словарь, Л., Гос. учеб.-педагог. изд. Мин. просв. РСФСР, 1961. С. 7 71-72

6. Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. Т. I «А-К». М., «Советская энциклопедия», 1980. С. 304.
7. *Uni Tabula Versator cognitiv Orbis*. Claudius Ptolemaeus. Geografia. Rome. 1507.
8. *Hakluyt R.* The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of English Nation, vol. I, London, 1598, p. 236.
9. *Septentrionalium terrarum descriptio*. Per Gerardum Mercatorem cum privilegio. In: Gerardus Mercator. Atlas sive Cosmographicae Meditationes. Dusseldorpii, 1595.
10. *Russiae, Moscoviae et Tartariae descriptio*. Austore Antonio Jenkensono. Anglo edite Londini. Anno 1562, dedicata illustris: D. Henrico Sydneo Wallie presidi. In: Abraham Ortelius. Terrarum Orbis Terrarum. Antverpiae, 1574.
11. Abraham Ortelius, *Septentrionalis*. Antwerpiae, 1570.
12. *Asia ex magna orbis terrae descriptione Gerardi Mercatoris desumpla*, studio et industria, G.M. Junioris. Dusseldorpii, 1587.
13. *Gerardum Mercatorem*. Atlas sive Cosmographicae Meditationes. Dusseldorpii, 1595.
14. Petrus Bertius, *Tabula Geographiarum*. Amstelodami, 1616.
15. Cornelis Claesz, *Descriptio Novae Zemblaе*. Amsterdami, 1594.
16. Warrachtige verthooninge ende ge: legentheyt van de Custen, streck in gen ende coursen, van Hollant as be Noorden om door d'Enckte van Nasau, tot voorby de Revier Oby geluck als het alles geannocent ende bevaren is geweest, door Jan Huygen van Lischoten de jaren van 1594 ende 1595, etc.
17. Ioan. Antonio Magino Patavini *Tartariae Imperium*. Madino Pattavini:, Roma, 1597.
18. *Жилинский А.А.* Зверобойный промысел в Белом море. Петрозаводск, 1951.
19. *Трофимов П.М.* Очерки экономического развития Европейского Севера России. М., Изд. соц.-экон. Литературы. 1961. С. 179-180.
20. *Beschrijvinghe van de drie seylangen door de Hollanders gedaen ande Noortd Gyde van Norwegen, Moscovia, Nova Semblaе, ende door de Weygats oste Strate de Nasson so mede het deel van Groenlandt op de 80 raeden ende de ommlegende grensen van Tartaryen, ende de Capo de Tabin ende des Candschaps Bargi so oock het Ostersche deel van America: door Willem Barents wan Amsterdam de vermaede Pilot. Amsterdami, 1598.*
21. *Detail van de poolkaart van Willem Barentsz, uitgegeven door Cornelis Claesz in 1598. Amsterdami, 1598.*
22. *Beschrijnge der Zee custen van Meezin hem streckende tot het lant van Pitsora dav Eyland Calgoyo (...)* Door Lucas Ians(oni)s Wagenar tot Enchuisen. 1602.
23. *De ontaekking van Edgdeoya door Mouris Willemsz in 1608 (of eerder) op een door Cornelis Claesz gepubliceerde kaart. Amsterdami. 1608.*
24. *Tabula Geogr. Johannes Issaacus Pontanus. Rerum et Urbis. Amstelodamentium Historia. Amsterodami. 1611.*
25. *Hessel Gerritsz., Historie du Pays nomme Spitsberghe. Kaart van Spitsbergen. Amsterdam 1613.*
26. *Hessel Hertrits. Tabula Russiae. (...)Amsterdami, M.DC.XIII.*
27. *Novissima Russiae Tabula. Auctore Issaco Masssa. In: Johannes Janssonis, Novus Atlas. Amsterdami, 1645.*
28. *Regiones Hyperboreae. Petrus Bertius. Tabularum Geographiarum. Amsterodami. 1616*
29. *Nativus Sueciae adiacenti umque regnorum typus. Judocus Hondius Junior. Amsterdami. 1613.*
30. *Russiae, vulgo Moscovia dictae. Partes Septentrionalis et Orientalis. Auctore Issaco Masssa. In: Johannes Janssonis, Novus Atlas. Amsterdami, 1645.*
31. *Kaart van Sweden. Stockholm. 1658.*
32. *Doncker. Passkaart van Zee-Custen van Ruslant, Laplant Finnmarken, Spitsbergen... Amsterdami. 1658.*
33. *Regiones Polo Arctico. Auctore Guiljelmo Blaeu. Amsterdam. 1662.*
34. *Pieter Goos. De Zee custen van Russlant, Laplant, Spitsbergen en Nova Sembla. Amsterdam. 1673.*
35. *Kust karate tusschen Candenos en't eylant Mauritius door schipper Teuvis Ys. Amsterdam. 1680.*
36. *S. Sansson. Europe Nordique. Paris. 1692.*
37. *Johann Baptist Homan. Generalis Totius Imerii Russicum Novissima Tabula. Nurnberg, 1720.*
38. *Карта Белого и Баренцева морей. [Санкт-Петербург]. 1720-1721.*
39. *Hemisphere Septentrional pour voir plus difinctoment les Terres Arctiques. Pour Guilliamе De L'Isle. Louis Renard. Amsterdam. 1745.*
40. *Mappa Generalis totius Imperii Russici. Josef Nicolas de L'Isle. Russischer Atlas. Petersburg. 1745.*
41. *Russiae et Novae Zemlae Maritimae. Louis Renard. Atlas van Zeevaert. Amsterdam. 1745.*
42. *Carte Redute de la Moscovie Siberie Terterie et Pais Voifins. Jaques Nicholes BELLIN, Le petit Atlas Maritime, 1764.*
43. *Nicholas Witsen. Tartariae. 1785.*
44. *Лепехин И.* Об острове КОЛГУЕВЕ // Путешествия академика Ивана Лепехина в 1772 году. Часть IV. СПб, Имп. Академия наук, 1805. С. 195-196.
45. *Saweliev A.S.* Die Insel Kolgudjew // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland mit fünf Tafeln /Heraus gegeben von A. Erman , Zehnter Band.- Berlin. Verlage von G. Reimer, 1852. S.314.
46. *Живописная Россия. СПб. 1881.*

47. Генеральная Карта Архангельской губернии 1829. (АОКМ КП 32889)
48. Карта Архангельской губернии. 1844. (АОКМ КП 34692).
49. Карта Ледовитого океана и Карского моря с Новою Землею. Составлена с русских описей 1734-1870 годов. Издана Гидрографическим департаментом Морского министерства в 1872 году.
50. Aubyn Trevor Batty. The Ice-Bound Island Kolguev. London. 1895. Русский перевод, включая карту на русском языке, см.: Тревор-Бетти О. Во льдах и снегах. (Путешествие на остров Колгуев). СПб., 1897, карта.
51. Бутурлин С.А. Предварительный краткий отчет о поездке на остров Колгуев. летом 1902 года, С. А. Бутурлина. (Доложено в Общ. Собр. И.Р.Г.О. 16 апреля 1903 г.). // Известия императорского Русского географического общества, Т. 39, Вып. III, СПб, 103, карта.
52. Карта Архангельской губернии 1910 г.
53. Карта Архангельской губернии 1920-е гг.
54. Десятиверстная карта Европейской России. (АОКМ 39796/5 КП лист 83)
55. Перфильев Ив. Краткий очерк географии о-ва Колгуева. // Северное Хозяйство. Журнал Архангельского Губисполкома. Архангельск, 1928, № 10-12, с. 78.
56. Шпанов Ник. Край земли. М.—Л. 1930. Изд. «Молодая Гвардия». с. 336, с 8 рис. худ. Василия Беляева и 40 фот. и 4 картами в тексте. худ Василия Беляева и 40 фот. и 4 картами в тексте.
57. Есипов В.К., Пинегин Н.В. Острова советской Арктики. Новая Земля – Вайгач – Колгуев – Земля Франца-Иосифа. Архангельск, Северное краевое изд., 1933. С. 89-96, карта.
58. Инф. Нелли Афанасьевна АРДЕЕВА, пос. Бугрино. Зап. А.Н. Давыдов 10.03.2002.
59. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 2, Архангельск, 1895. С. 402.
60. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., «Наука», 1988. С. 152.
61. Инф. Гребенюк Татьяна Гавриловна, мест., о. Колгуев, запись А.Н. Давыдова 10.03.2002.
62. Ардеева Нелли Афанасьевна, мест., о. Колгуев, запись А.Н. Давыдова 10.03.2002.

СПЕЛЕО-ВОДОНОСНАЯ СИСТЕМА Имени Д.Н. САБУРОВА

В.Б. Еремеев, Н.В. Еремеева

Русское Географическое Общество, Московская область, goreworks@mail.ru

«К концу XX века не осталось уже белых пятен на картах земной поверхности. Исхожена она, изъезжена, опутана сетями триангуляции, сфотографирована с воздуха и из космоса. К сожалению, эпоха великих географических открытий в основном окончилась.

Но есть и другой мир, обойденный вниманием геодезии, недоступный для аэрофотосъемки, непроходимый для мощных вездеходов. И расположен он не за тридевять земель, а у нас под ногами. Это мир пещер - мир абсолютной тьмы, мир глухой тишины и грохота водопадов, мир серой глины и разноцветных кристаллов...

Спуск спелеолога под землю - это встреча с вечностью. Ведь возраст пещер вполне соизмерим с масштабом геологических периодов. Наши предки осваивали огонь и металл, создавали и разрушали государства, перекраивали карту мира- а пещеры уже были такими же или почти такими же, как и сейчас.»

(Из предисловия 1991года к «Библиотечке спелеолога» спелеоклуба Барьер МФТИ.)

Территория Пинежского заповедника оказалась настоящей кладезью для исследователей подземных пространств. Можно только поражаться, точности дара предвидения, интуиции и глубине знаний основоположников, очертивших границы заповедника именно в этом месте.

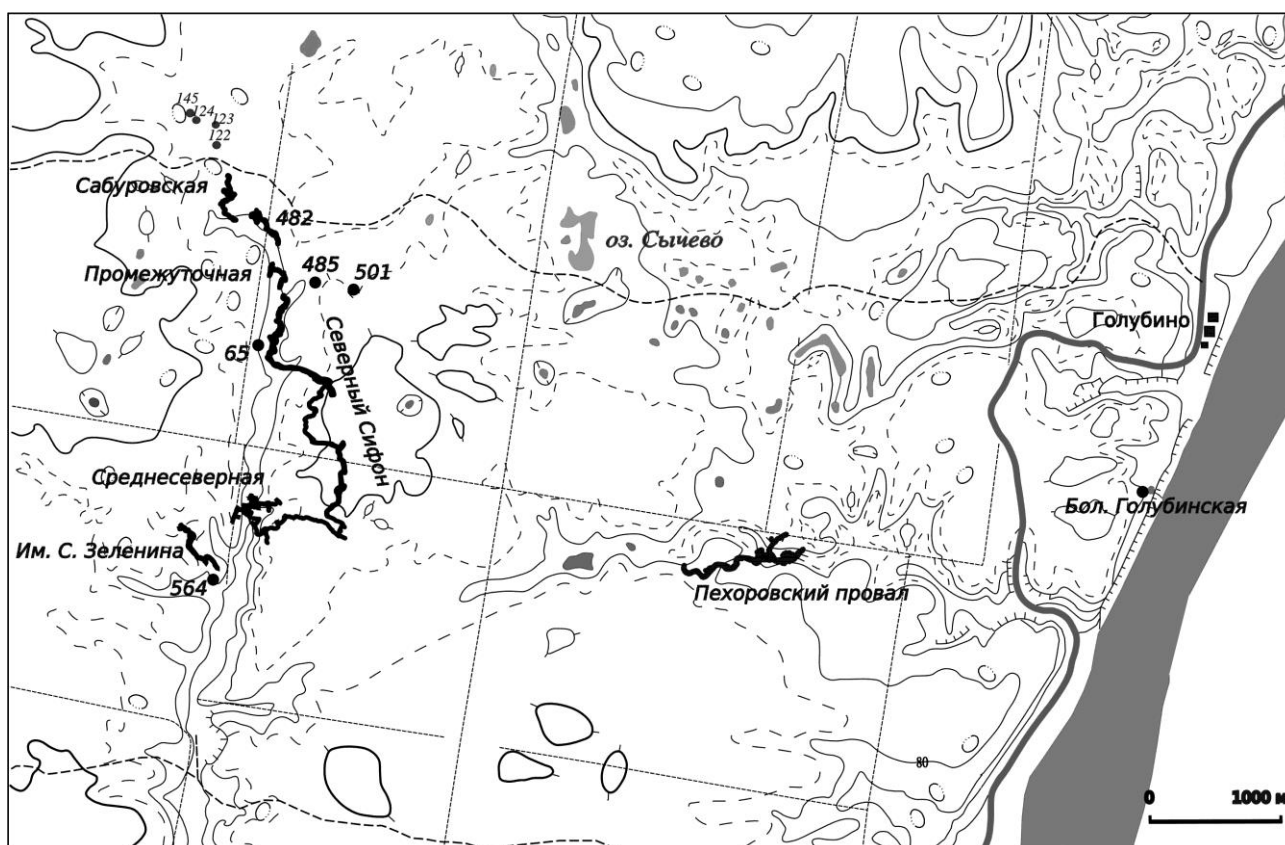

Рис. 1. Карта-схема спелеоводоносной системы, расположения и проекции пещер.

Множество уникальных пещер и пещерных систем были исследованы здесь. Во многом благодаря заповеднику (хоть бывало, и вопреки) оказалось возможным, чтобы эти исследования носили упорядоченный, системный характер.

В настоящее время на территории Пинежского заповедника в той или иной степени изучено несколько спелео-водоносных систем: скрытых под землей водотоков и связанных с ними пещер (рис. 1). Крупнейшие из них, с многокилометровыми проходимыми для человека пещерами, исследовались с середины 70-х годов 20 века. Это спелео-водоносные системы Конституционной, Кумичевской-Визборовской, Подземной Карьелы и Сабуровская.

Последняя из перечисленных открыта позднее всех, но по суммарной длине закартированных пещер, связанных с ней, и дальнейшим перспективам для новых открытий — превосходит все остальные. Про неё и будет наш дальнейший рассказ (табл. 1).

Таблица 1

Пещеры спелео-водоносной системы им. Д.Н. Сабурова (на март 2014 г.)

№ по кадастру	Название пещеры (в порядке от верховьев гидросистемы –к низовьям)	Известная длина, м	Дата открытия	Годы съемки
419	Сабуровская (в т.ч. – разведанная обособленная часть «Верхняя Сабуровская»)	1104	1995	1996-1998
482	«482-я» (в т.ч. разведанная обособленная сифонами часть ниже по течению от основной)	1084	07.1998	1998-2000
67	Промежуточная-Западная	>60		2003
509	Промежуточная-Восточная	298		2001-2002
65	Малый Водопад	56	1974	1991
62	Северный Сифон (в т.ч. № 66 «Верхний Вход»)	4617	09.1974	1981-2003
501	Дракончик	45	07.2000	2000
485	«5 колодцев Малкова»	>23	08.1998	1998
536	Среднесеверная (рабочее название)	1100	2004	2005-2013
483	Имени С. Зеленина	716	08.1998	1999-2000
564	Рокочущая	80	2007	2013
Т. н*.	На поглощении ручья в логу «от старой избы»	>15		--
153	Пехоровский Провал	2262	1979	1980-1982
152	Малый Провал	220	1979	1983
148	Большая Голубинская	50	XIX в.	1980-1983

* - Точка наблюдения

В юго-восточной части Пинежского заповедника оконтуривается бассейн водосбора Северного и Пехоровского логов, площадью более 36 кв. км, поверхностный сток из которого отсутствует. За дренирование этой территории отвечает скрытая под землёй обширная гидрографическая сеть древовидной структуры. Вместе с приуроченными к ней карстовыми проработками она образует СПЕЛЕО-ВОДОНОСНУЮ СИСТЕМУ, названную в честь исследователя-естествоиспытателя, инициатора создания заповедника – Дмитрия Николаевича Сабурова.

На значительном протяжении водотока главного порядка и на отдельных участках водотоков более мелких порядков к ним приурочены проходимые пещеры. Рост некоторых из них продолжается и в настоящее время, большинство же прорабатывались потоком, подобным современному, первые тысячи лет назад. Иногда современными проработками вскрываются древние пещеры, часто сильно кольматированные, как бы законсервированные, в которых создавшие их когда-то водотоки к настоящему времени полностью расформировались.

В спелео-водоносную систему входит 15 известных в настоящее время пещер, самые крупные из которых приурочены непосредственно к реке Сабурова (см. табл. 1). Суммарная протяженность исследованных пещер системы на начало 2014 года превышает 11730 м, т.е. составляет около 12 км пройденных и отснятых ходов. Пять пещер своей длиной

превосходят 1 км. Крупнейшие из них – пещера Пехоровский Провал, протяженностью 2262 м и пещера Северный Сифон – протяженностью 4617 м.

Река Сабурова

Центральный водоток системы, подземная река Сабурова, является непосредственным притоком реки Пинеги, куда она разгружается в виде серии рассредоточенных и грифонных источников в районе пещеры Большая Голубинская.

Замеренный суммарный меженный расход этих источников находится в пределах от 260 до 320 л/с, что принимается нами за наиболее низкий летний меженный расход реки Сабурова в месте своей разгрузки. (Эти значения были получены при замере расхода перетока в реку Пинегу воды из полностью обособленного песчаной косой плёса, длиной более 100 м напротив пещеры Большой Голубинской в августе 2001 г. Все визуально идентифицируемые рассредоточенные и грифонные источники разгружались в этот плёс.)

В верховьях реки Сабурова, на участке «Полигон» пещеры Сабуровской летние меженные расходы фиксировались в разные годы от 60 до 140 л/с, летние дождевые паводковые расходы — до 470 л/с, рассчитанные весенние паводковые – более 1000 л/с.

Истоки реки Сабурова фиксируются в виде фрагментов ручьёв, вскрытых карстовыми формами, – т. н. 145 (в 520 м географически севернее ПК 7,2 дороги Сычёво-Железное) и т. н. 137 (в 770 м севернее ПК 7,0 дороги Сычёво-Железное) (рис. 1). В первом случае – в вытянутой карстовой воронке-рве наблюдается ручей с меженным расходом около 5 л/с, а во втором – в небольшой карстовой воронке, севернее «бабочковидной луговины», вскрывается небольшой фрагмент пещеры с протекающим в ней ручьём с расходом около 1,5 л/с. Далее водоток прослеживается в направлении на юго-запад, где еще дважды вскрывается ручей с расходом 5-9 л/с, а потом в 130-180 м севернее ПК 7,0 – уже с расходом 30-50 л/с. Таким он проходит где-то под дорогой, и снова выходит на поверхность из-под оползня высокого циркообразного замыкания участка лога уже южнее; протекает около 200 м по поверхности, и спокойно втекает в первую проходимую пещеру системы – Верхнюю Сабуровскую. Через 400 м по прямой, укрепшая уже до 60-120 л/с в межень река еще раз вытекает на поверхность, проходит 150 м и вновь уходит под землю в пещеру № 482. Следующий раз она появляется в полукилометре к юго-западу, в виде рассредоточенного выхода из-под оползня на циркообразном замыкании лога. Сбравшись воедино, река оказывается еще более окрепшей и пройдя по поверхности около 200 м, она снова уходит под землю, втекая в пещеру Промежуточная. Там она вскоре делится на двое, иллюстрируя явление спелеобифуркации, и одна часть потока образует под правым бортом лога пещеру Промежуточную-Западную, а другая часть – проходит под днищем лога и образует под его левым бортом пещеру Промежуточная-Восточная. Выйдя из последней, поток проходит несколько десятков метров вдоль скального выхода, низвергается с уступов Потерянного Водопада, и уже окончательно уходит под землю в Верхний Вход пещеры Северный Сифон. Там он сливается с потоком из Промежуточной-Западной; вбирает в себя впадающий водопадом в колокольневидном зальчике ручей из восточного отвилка лога; в 300 м ниже принимает в себя приток из пещеры Малый Водопад и последний раз показывается в провальной воронке Главного Входа пещеры, чтобы пуститься после этого в свой 3-х дневный подземный путь и окончательно выйти на поверхность уже в реке Пинеге (рис.1).

Пещеры № 419 (Сабуровская) и № 482 (рис. 2-3) отличаются достаточно широкими (3-6 м) и высокими (1,5-2,5 м) основными ходами, приуроченными к современной реке, значительная высота которых обусловлена наложением в плане друг на друга нескольких разновозрастных ярусов проработок. Сейчас эти яруса фиксируются по многочисленным фрагментам карнизов, потолочных ниш и скульптурных перегибов. Также к древним ярусам относятся боковые лабиринтовые участки ходов меньшего сечения, часто фреатического облика, обычно в значительной степени заполненные аллювиальными отложениями. Характерной особенностью этих двух пещер является сохранность на большей части их площади морфоскульптурных элементов спелеорельефа, и ограниченное распространение морфо-гравитационных.

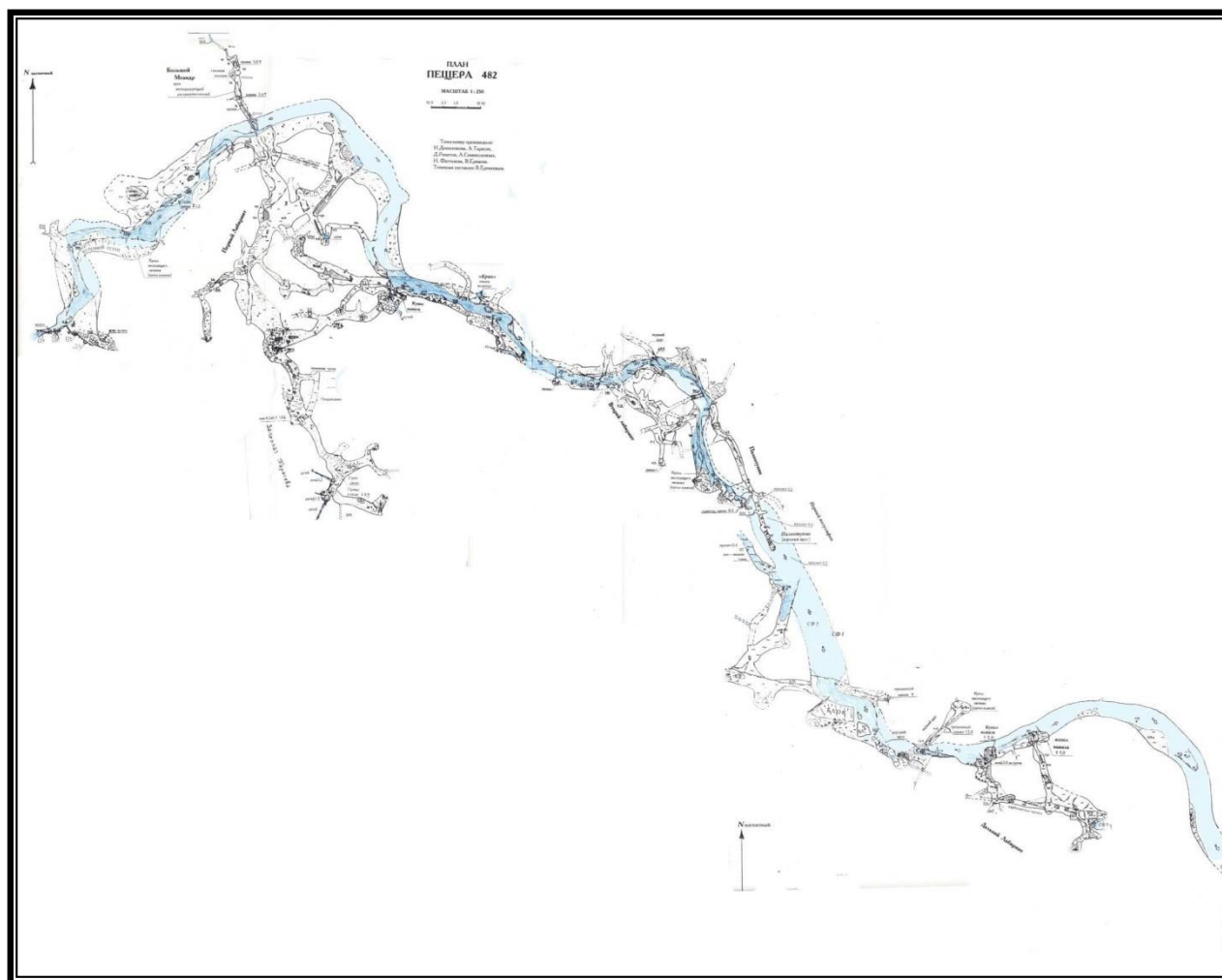

Рис. 2. Пещера № 482, план (съёмочный масштаб 1:250).

В разрезе пещерного блока выше уровня развития пещерных ходов находится местный водоупор – слой доломита. С приуроченным к нему водоносным горизонтом связано образование в этих пещерах, в местах просачивания насыщенной карбонатом воды, вторичных карбонатных образований: сталактитов, сталагмитов, флагов, чаш-капельников, покровных кор. Редкие для Пинежья, такие формы широко распространены здесь. Причем образование их наблюдается и в настоящее время: причудливые чаши-капельники в обрамлении тонкой кальцитово́й коры во многих местах можно видеть прямо поверх субсовременных глинистых наносов даже в пойменной части реки. Капельные источники непосредственно в этих местах доказывают, что процесс продолжается и в настоящее время. На других участках образование вторичных карбонатных отложений давно завершилось и часто можно видеть потолочную кору, прикрепленную к массиву гипса лишь тонкими перемычками: слой гипса, поверх которого изначально натекала эта кора уже растворился, и кора висит на оставшихся «ножках» в 1-3 см от генеральной поверхности потолка или стены. Радиоуглеродный анализ абсолютного возраста образца подобной коры, выполненный в лаборатории ИГРАН, показал возраст его формирования 4390 ± 70 лет.

В одном месте в пещере № 482 обнаружено редчайшее образование: вторичные гипсовые образования в виде прозрачных кристалликов удлиненно-призматической формы длиной 1-5 мм.

Для выяснения связи подземных и поверхностных карстовых форм был сделан участок детальной съёмки топографической поверхности пещерного блока (рис.3). Посредством этого обнаружилось в частности, что вскрытому в пещере в районе ПК 24 каналу-понору,

заполненному серым суглинком с включением торфа, древесных остатков и валунов – на поверхности соответствует неглубокая блюдцеобразная мочажина с водой, т.е. практически полностью заполненная воронка. Это очередной раз указывает на возможность развития карстовых процессов в конкретном месте пространства в несколько совершенно не связанных друг с другом этапов. В данном случае пещерой вскрыт заполненный вертикальный канал-попоз, образовавшийся и закольматированный еще до этапа формирования основной части современной карстовой проработки пещеры.

Рис. 3. Пещера № 482. План. Расположение относительно топографической поверхности.

Пещера Промежуточная (см. рис. (фото) 4), следующая по реке Сабурова за пещерой № 482, во многом обязана своей морфологии более низкому расположению в разрезе её пещерного блока - мощного перекрывающего пласта доломитов. На участках с сохранившимся скульптурным обликом проработок этот слой доломита определил уплощенное сечение ходов с малой вертикальной амплитудой. В местах развития обвально-гравитационных явлений слой доломита образовал скопления наваленных или отсевших плит. С локальной флексурой доломитового слоя видимо, связано разделение реки и пещеры надвое: вскоре после ухода потока под правый борт лога в пещере наблюдается обширный участок с отсевшими плитами доломита, на котором одна часть реки сейчас уходит влево, пересекая тальвег лога под его днищем. Другая часть потока при этом продолжает идти под правым бортом по сильно разрушенной проработке со скульптурной правой частью её сечения и обвальной левой. Вновь оба потока воссоединяются уже ниже Потерянного Водопада, на участке Верхнего Входа пещеры Северный Сифон. Правая часть реки там приходит в виде водопадного притока, недалеко фрагментарно проходящего по поверхности поперек лога.

В пещерах № 482 и Промежуточная было начато исследование трещиноватости пещерного блока, диагностированы, привязаны на местности и систематизированы все доступные визуально-идентифицируемые трещины. На данном этапе, эта работа указала на далеко не однозначные связи карстовых проработок с трещиноватостью, и зачастую развитие их вообще без использования существующих систем трещин, а, видимо, лишь внутри-слоевых неоднородностей гипсовой толщи.

Рис. 4. Основной ход с рекой в пещере № 536 Промежуточная-Восточная (фото Д. Глотова).

Самая крупная пещера системы – Северный Сифон, на большей части протяжения (ниже главного входа) представляет собой субсовременную коррозионно-эрозионную проработку сильно-уплощенного сечения с выделяющимися двумя уровнями: уровнем проработки современной реки и несколько выше расположенным, более древним уровнем, в местах обособления играющего роль канала паводкового сброса. Характерная ширина проработок 5-12 м при высоте 0,7-1,1 м. На отдельных участках ширина проработки достигает 20-30 м, а в одном месте (Большой Залойд) – 53 метра, при высоте также редко превышающей 0,6-1,2 м. На значительном протяжении гипсометрическое положение ходов пещеры контролируется мощными подстилающим и перекрывающим слоями доломита, между которыми пещера как бы «зажата» в разрезе.

Лишь на километровом участке пещеры от Верхнего до Главного Входа пещера наполовину состоит из участков в виде обширных высоких залов и галерей, высотой до 5 метров при ширине до 20.

В дальней части пещеры, в верховьях Западного Притока, субсовременной проработкой в 4 м выше уреза ручья вскрывается древняя пещера, отличающаяся по морфологии и обилию привнесенных отложений, с другой стороны (с поверхности) доступная как пещера Среднесеверная.

Пещера Среднесеверная (рис. 5) характеризуется значительной вертикальной амплитудой проработок в своей центральной части, что связано видимо с пликативными и дизъюнктивными нарушениями крупных порядков, отвечающими и за положение самого Северного Лога. Сейчас это явление иллюстрируется функционирующим 5-метровым водопадом в пещере и этажностью её строения, занимающей своими первичными проработками 9-метровый по высоте интервал разреза.

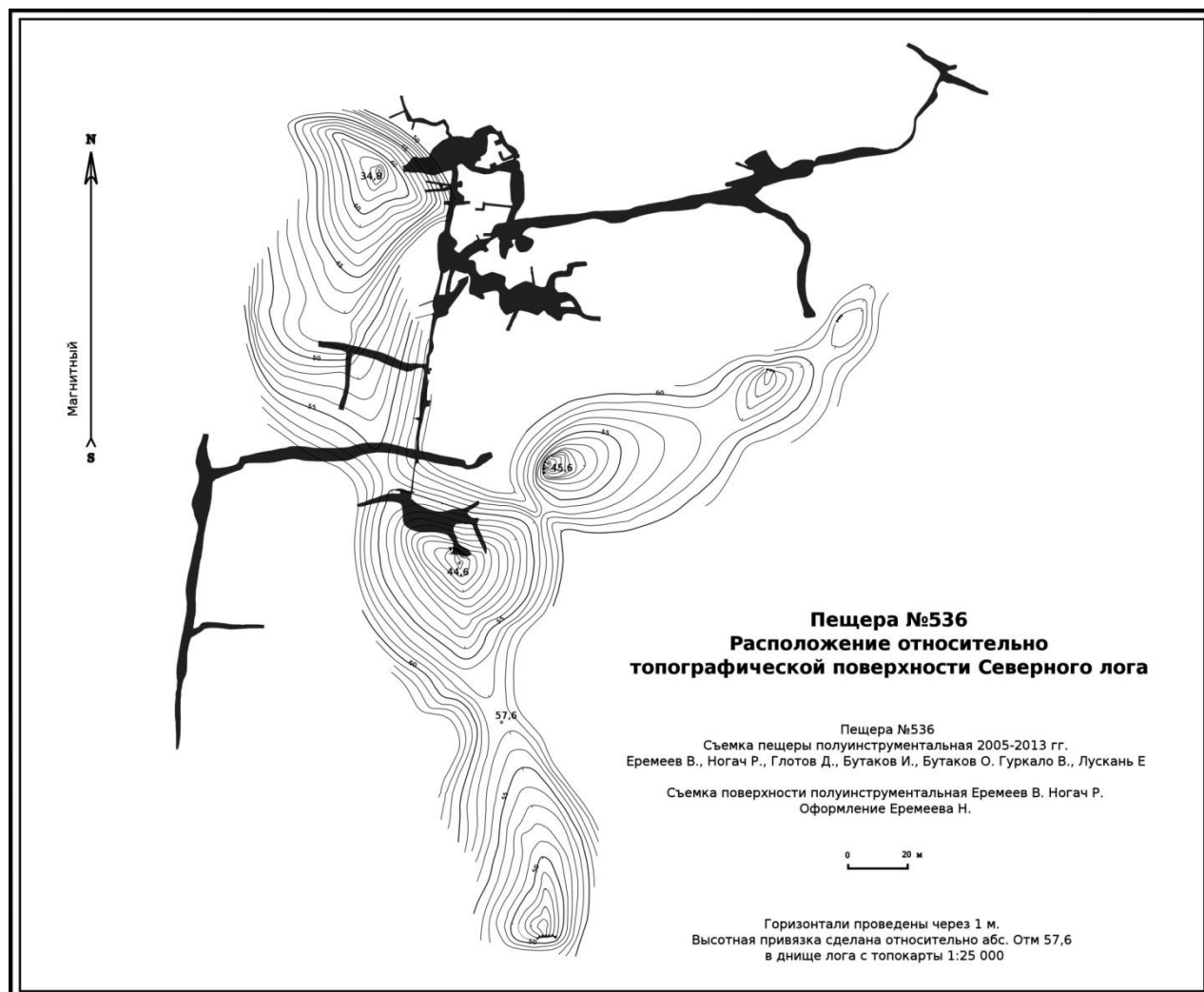

Рис. 5. Пещера № 536 (Среднесеверная). План.
Расположение относительно топографической поверхности лога Северный.

Один из ходов пещеры Среднесеверная пересекает тальвег Северного Лога и уходит далеко под противоположный борт, доказывая очередной раз самостоятельность и зачастую независимость подземных карстовых проявлений от поверхностных.

В пещере Среднесеверная в ряде мест наблюдаются изобилие древних и современных вторичных карбонатных образований в виде различных натёков, отличающихся иногда значительными размерами. Как по морфологии проработок, геологическому разрезу пещерного блока, так и по топографическим данным пещера Среднесеверная является одной и той же пещерой, что и древняя полость, вскрытая ручьём Западного Притока пещеры Северный Сифон. Ряд лет ведутся работы по расчистке древних песчано-глинистых аллювиальных отложений в непроходимых ходах с заметным током воздуха на предполагаемом соединении разобщенных участков пещеры.

Западнее Северного Лога особняком расположены пещеры Имени С. Зеленина и

Рокочущая. Пещера Имени С. Зеленина представляет собой вскрытые проработкой современного ручья, фрагменты древней обширной полости, местами разрушившиеся и доросшие до поверхности, образуя там цепочки воронок и участки карстового лога, а местами, сохранившиеся в виде ходов шириной более 10 м и высотой до 9 м, с остатками разноуровневых ярусов в стенах и на потолке. Во многих местах наблюдаются частично кольматированные остатки разноуровневых ленточных проработок ранних этапов развития полости. Распространены субсовременные и образующиеся непосредственно в настоящее время вторичные натечные карбонатные отложения.

Система пещер Имени С. Зеленина – Рокочущая, со связанным с ней водотоком прослеживаются до расположенной вплотную к борту Северного Лога крупной карстовой воронки. Оползневая активность бортов воронки, по данным сравнения аэрофотоснимков, не меняется последние 40 лет. Предполагается, что далее подземный водоток и пещера проходят под днищем Северного Лога и сливаются с рекой Сабурова за пределами известной части пещеры Северный Сифон.

От самой дальней известной точки пещеры Северный Сифон — до ближайшей к ней точки пещеры Пехоровский Провал, где эта река вскрывается следующий раз около 2,5 км.

Таким образом, спелео-водоносная система Имени Д.Н. Сабурова является уникальной, в том числе и с точки зрения доступности пещерных ходов для человека на значительных участках, а значит — возможности непосредственного изучения закономерностей развития как самих карстовых проработок, так и строения вмещающей осадочной толщи.

Литература (фондовая):

Голод В.М. Отчет о работе экспедиции Географического общества СССР на территории Пинежского государственного заповедника (август 1978 г.). Л., 1979. 99 с.

Еремеев В.Б. Промежуточный отчет Исследования карста на территории Пинежского заповедника 1998-2000 гг. Валентиновка, 2001. Т.1. 121 с.

Кадастр пещер Архангельской обл., ПМГС, ЗАО Архангельскгеолдобыча. Архангельск, 1988.

ОХРАНЯЕМЫЕ ТЕРРИТОРИИ РОССИИ В СЕВЕРНОМ ЛЕДОВИТОМ ОКЕАНЕ

Б.В. Ермолин

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Архангельск

С каждым годом охрана природы становится всё более острой проблемой. Не случайно в 1992 г. на Международной конференции ООН по окружающей среде и развитию, проходившей в Рио-де-Жанейро, была принята Конвенция о биологическом разнообразии. В 1996 г. в России стартовал проект Глобального экологического фонда "Сохранение биоразнообразия", который содержит особый компонент "Охраняемые природные территории" (ОПТ). Формированию особо охраняемых природных территорий (ООПТ) в РФ способствует действующий с 1995 г. федеральный закон "Об особо охраняемых природных территориях".

Для улучшения охраны геосистем высоких широт в районе морей севера России (МСР) в пределах Северного Ледовитого океана (СЛО): Баренцевого, Белого, Карского, Лаптевых, Восточно-Сибирского и Чукотского (площадь 4517000 км²) – важнейшей северной водной транспортной магистрали, призванной в настоящее время и в будущем в связи с потеплением климата иметь огромное значение для осуществления транзитных перевозок между Европой и Азией и освоения богатых месторождений углеводородов и других ископаемых ресурсов шельфа, организованы различные по структуре особо охраняемые природные территории (ООПТ): государственные природные заповедники (ГПЗ), музеи-заповедники (МЗ), национальные парки (НП), государственные природные заказники (ГПЗК), памятники природы (ПП) и др [1-8].

В регионе в настоящее время имеется 7 ГПЗ: Большой Арктический, Гыданский, Кандалакшский, Ненецкий, Остров Врангеля, Таймырский и Усть-Ленский. Каждая ООПТ индивидуальна по своей природе, что следует учитывать при ее охране.

Большой Арктический очень сложный по структуре и *самый большой в России* ГПЗ (площадь - 41692,22 км², в том числе 9809,34 км² - морская акватория). Организован в 1993 г. и включает 7 участков: Диксонско-Сибиряковский (1830 км²: острова Сибирякова с прилежащими мелкими островами, «Бухта Ефремова» и «Бухта медуз»), «Острова Карского моря» (3718 км²: архипелаг Сергея Кирова, острова Воронина, Известий ЦИК, Арктического института, Свердруп, Уединения и др.), Пясинский (10672 км²: дельта р. Пясины, восточное побережье Пясинского залива, бассейны рек Хутудабига, Спокойная, Ленивая, острова Плавниковые, Птичьи, Зверобой и др.), почти не исследованный «Залив Миндендорфа» (685 км²: залив Миндендорфа, прилежащие острова, около половины бассейна р. Толевая), слабо изученный «Архипелаг Норденшельда» (5077 км²), «Нижняя Таймыра» (18741 км²: низовья р. Нижняя Таймыра и бассейн её притока р. Шренк, побережье Таймырского залива и залив Толля, «Полуостров Челюскин» (846 км²: побережье на северо-западе полуострова Челюскин с единственными на планете Земля материковыми арктическими пустынями, дельта р. Тессема, западное побережье залива Фаддея, острова Лишний и Пелланд-Гансена). ГПЗ административно подчинены два ГПЗК «Североземельский» и «Бреховский острова». В ГПЗ охраняются стаи птиц (чёрная казарка, кулики и др.).

Гыданский ГПЗ (8781,74 км²) основан в 1996 г. для охраны и изучения нарушенных тундровых геосистем северо-запада Западной Сибири, прибрежно-морских геосистем Карского моря, мест массового гнездования куликов и водоплавающих птиц.

Кандалакшский ГПЗ (705,27 км²), наиболее древняя ОПТ, организована 7.09.1932 г. Он включает *морские* (495.80 км²) в Баренцевом и Белом морях, тундровые, лесотундровые

и таежные геосистемы. *Здесь есть единственный регулярно плодоносящий кедр в Мурманской области. На лугах низкого уровня обычны галофиты: подорожник морской, триостренник морской. Здесь растут солнцецвет арктический и одуванчик туръемьский, не встреченные пока нигде больше в мире и являющиеся эндемиками этих мест. На ОПТ есть венерин башмачок и надбородник безлистный. На острове Великом особую ценность имеют ежевик коралловидный и лишайник лобария легочная. Айоновы острова - заполярный оазис. На острове Б. Айнова несколько гектаров заняты мелкозлаково-разнотравными лугами, совершенно необычными для этих мест. На ровной илисто-песчаной литорали во многих местах есть водное цветковое растение - взморник, или зостера. Иногда на острове Великом размножаются лебеди-кликуны. Основная охраняемая птица заповедника - обыкновенная гага. В озерах встречаются форель и кумжа. В заповеднике размножаются серый тюлень, кречет, скопа, орлан-белохвост, хохлатый баклан, бабочка-махаон. Массовая гибель зостеры повлекла обеднение биоценозов, сокращение численности сельди, колюшки, полярной крачки. На острове Медвежьем в 1734 г. был основан серебряный рудник глубиной более 65 м. С 1958 по 1963 годы существовала Северная орнитологическая станция. С декабря 1975 г. Кандалакшский залив включен в список водно-болотных угодий, имеющих международное значение в качестве местообитания водоплавающих птиц.*

Ненецкий ГПЗ (3134 км², в том числе 1819 км² - морская акватория). Основан в 1997 г. для охраны и изучения *типичных малонарушенных геосистем северо-востока Малоземельской тундры и прибрежных акваторий Баренцева моря.*

Остров Врангеля. ГПЗ (22256,5 км², в том числе 14300 км² - морская акватория) организован в 1997 г. для охраны и изучения животных островной части Арктики. ГПЗ расположен на границе Восточно-Сибирского и Чукотского морей. *Острова Врангеля и Геральд - главный «родильный дом» белых медведей. До 250 медведиц залегают в берлогах, чтобы принести весной потомство. С 2004 г. ГПЗ включён в список Всемирного наследия.*

Таймырский ГПЗ (17819,28 км²) создан в 1979 г. для охраны в основном геосистем тундры полуострова Таймыр. В ГПЗ находятся *самые северные на Земле редколесья из лиственницы Гмелина.* В 1995 г. ГПЗ получил статус биосферного.

Усть-Ленский ГПЗ (14330 км²) организован в 1985 г. для охраны и изучения геосистем дельты одной из крупнейших рек Сибири, охраны нельмы и сиговых рыб, мест массового гнездования водоплавающих перелетных птиц, *самой северной в Евразии популяции черношапочного сурка, самых северных в Якутии массивов леса на острове Тит-Ары на Лене.*

Площадь выше названных заповедников с учетом суши Евразии составляет 108719,01 км² или 2,5 % площади всех МСР.

Мировое значение имеет **Соловецкий историко-архитектурный и природный МЗ** (ИАПМЗ) (1061,28 км²). Он образован в 1974 г. Соловецкий монастырь по линии ЮНЕСКО в 1992 г. включен в список *Всемирного культурного наследия.* Ансамбль памятников в 1995 г. занесен в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов РФ. Данная ООПТ с учётом особенностей современного природно-ресурсного потенциала заслуживает включения и в список *Всемирного природного наследия.*

В начале XXI в. в СЛО начали функционировать и НП. 15 июня 2009 г. в МСР был создан *первый* НП **Русская Арктика** (14260 км²). Он занимает северную часть архипелага Новая Земля и часть окружающей акватории. Площадь суши - 6320,9 км², а морской акватории - 7 939,1 км². Регион отличается биоразнообразием и биопродуктивностью. Растительность представлена отдельными видами мхов, лишайников и малым количеством цветковых. Здесь расположены крупнейшие в Северном полушарии «птичьи базары» (кайры, гаги), лежбища моржей. Обитают белые медведи, гренландский кит, песцы, гренландские тюлени и нерпы. Парк создан для сохранения уникальной природы Арктики. Регион интересен и особенностями

культурного наследия. Здесь имеются места и объекты, связанные с историей открытия и освоения российской Арктики с 16 века, в частности, связанные с деятельностью русских полярных исследователей В.А. Русанова и Г.Я. Седова, а также стоянки голландского мореплавателя Виллема Баренца. Туристов сюда можно доставлять на атомных ледоколах. Будучи премьер-министром В.В. Путин в этом месте предлагал министрам проводить очередной отпуск.

26.02.2013 г. постановлением Правительства РФ (№153) в Онежском и Приморском районах Архангельской области на побережье Белого моря учреждён НП «**Онежское Поморье**» (2016,68 км²). Он включает земли лесного фонда (1806,68 км²) и водного (210 км², без изъятия их из хозяйственной эксплуатации) в акватории Унской губы Белого моря. Министерству природных ресурсов и экологии РФ поручено обеспечить режим особой охраны природы НП. В состав НП вошел бывший **Унский биологический** ГПЗК, находящийся в Приморском районе Архангельской области на акватории Унской губы и территории прилегающих водоохранных лесов. Он был создан для поддержания общего экологического баланса, сохранения и воспроизводства наваги, кумжи, семги, наземных животных и растительного мира. Площадь рассмотренных НП - 16276,68 км² или 0,4 % площади МСР.

В районе МСР насчитывается 11 ГПЗК. Ниже они рассматриваются в алфавитном порядке.

Бреховские острова ГПЗК (2885 км²) создан в 1999 г. для охраны геосистем - островов внутренней дельты р. Енисей и притоков, болот и озёр.

Вайгач ГПЗК (3400 км²) организован в 1964 г. для охраны геосистем части о. Вайгач.

Земля Франца - Иосифа ГПЗК федерального значения (ФЗ) (4200 км²) создан 13.04.1994 г. Он занимает архипелаг Земля Франца — Иосифа и прилегающую акваторию Северного Ледовитого океана. ГПЗК организован для сохранения природы островов, мест размножения белого медведя, морских млекопитающих, а также птичьих базаров. Здесь много памятников истории, связанных с именами Ф. Нансена, Г. Я. Седова и других исследователей. ГПЗК ежегодно посещается круизами на ледоколах. Здесь необходима дальнейшая работа по ликвидации многочисленных свалок. В перспективе ГПЗК может стать частью НП «Русская Арктика».

Ненецкий ГПЗК ФЗ (3200 км²). Создан в 1895 г. для охраны геосистем прибрежной части Баренцева моря.

Нижепечорский ГПЗК (1060 км²) образован в 1998 г. в дельте р. Печоры для сохранения и восстановления ценных видов рыб (сёмги, нельмы и др.) и охраны водно - болотных угодий, имеющих *международное значение для сохранения видов водоплавающих птиц.*

Североземельский ГПЗК ФЗ (4217,01 км²) организован в 1996 г. для охраны геосистем на архипелаге Северная Земля. Включает «Остров Домашний», «Полуостров Парижской Коммуны», «Фьорд Матусевича», «Залив Ахматова». Для улучшения охраны разнообразной природы Белого моря (90 000 км²) помимо Кандалакшского ГПЗ, Соловецкого ИАПМЗ и НП "Онежское Поморье" организовано 5 ГПЗК: Воньгомский, Двинской, Керетский, Кузова и Мудьюгский, а также ООПТ местного значения «Сосновый бор острова Ягры».

Воньгомский охотничий ГПЗК (65 км²) создан 5.09.1973 г. для защиты мест концентрации диких гусей. **Двинской биологический** ГПЗК (72 км²) организован 21.08.1973 г. для защиты мест концентрации лебедей, гусей и уток. **Керетский охотничий** ГПЗК (210 км²) создан 20.06.1972 г. для охраны местообитаний гаги и др. водоплавающих птиц. Служит буферной зоной Кандалакшского заповедника. **Ландшафтный ГПЗК Кузова** (36 км²) охватывает ряд живописных островов: Русский, Немецкий, Кузова, Олешин и др. Это места массового гнездования морских птиц: гагарок, гаг и др. ГПЗК включен в Рамсарский список водно-болотных угодий. **Мудьюгский ландшафтный** ГПЗК (25,14 км²) находится (60° 45' с.ш., 40° 15' в.д.) в границах острова Мудьюга и его отливно-приливной

зоны. Организован 26.07.1996 г. для сохранения природы, памятников истории, охраны редких и ценных видов птиц в местах их гнездования и концентрации во время миграций. Площадь всех ГПЗК составляет 19370 км², или 0,4%

На западе острова Ягры находится ООПТ местного значения - зеленая зона «**Сосновый бор острова Ягры**» (2,33 км²). ООПТ организована в 2002 г. Здесь уникален дюнный рельеф. Большую рекреационную значимость имеют сосняки на песчаных почвах. В настоящее время запрещено уничтожать зеленые насаждения. В связи с ухудшением состояния природы Белого моря, особенно в последние годы, необходимо в ближайшие годы расширить и разнообразить сеть ООПТ в районе акватории, на островах и побережье. В число новых ООПТ целесообразно включить живописные острова (Кий и др.).

В Баренцевом море организовано два ПП ФЗ: «Гранитоиды острова Микков» и «Озеро Могильное». Петрографический ПП «**Гранитоиды острова Микков**» (0,1 км² с охранной зоной) находится на выходе губы Большая Ковда в Кандалакшский залив. Объявлен ПП в 1980 г. На острове Кильдин в Баренцевом море имеется ПП федерального значения «**Озеро Могильное**» (0,17 км²). ПП объявлен в 1985 г. *Это одно из интереснейших озер России.* Оно образовалось в результате понижения уровня океана и отделения части морской акватории от моря. В озере обитают солоноватоводные и пресноводные организмы. В нижнем слое водоема образуется сероводород. Площадь всех ПП 2,6 км².

Площадь ООПТ в МСР с учетом суши составляет 145429,7 км² или 3,2 %, что явно недостаточно.

В районе Российской Арктики имеются большие возможности для расширения современной сети ООПТ. В этом отношении особо выделяется архипелаг Новая Земля. На нём, по данным Ю.С. Захарова (1998), могут быть организованы 5 ГПЗК ФЗ (8900 км²): 2 ландшафтных (Гусиная Земля, Новоземельский) и 3 природно-исторических (Восточный и Западный Маточкин Шар).

Перспективный (ППЗК) **Гусиная Земля** (2100 км², в т.ч. 100 км² - морская акватория) занимает полуостров Гусиная Земля на западе Южного острова Новой Земли. Здесь имеется контакт геологических пород - перми и триаса. Нерестовая р. Гусиная - одна из наиболее продуктивных на Новой Земле. Имеются оз. Гусиное и уникальные водно-болотные угодья. Богаты летние олени пастбища, есть птичьи базары. Территория испытывает разнообразное антропогенное влияние поселков Белушья Губа и Рогачево.

Новоземельский ледниково-высокогорный ППЗК (3000 км²) находится на западе Северного острова Новой Земли. Здесь имеется наивысшая вершина (1547 м - г. Крузенштерна — по Ф. П. Литке) Новой Земли и всей островной Российской Арктики. Особо ценные природные объекты (ПО): горные ледники (долинные, каровые, висячие), птичьи базары, места обитания белого медведя, живописные, неповторимые ПТК в районе вершины 1547 м (труднодоступные и практически не затронутые деятельностью человека).

Восточный Маточкин Шар ППЗК (700 км², в т. ч. 150 км² - морская акватория) расположен в основном на юго-востоке Северного острова Новой Земли. Особо ценные ПО: сквозной фиорд — пролив Маточкин Шар (с Губой Белушьей), эталонные и богатые фитоценозы, богатые олени пастбища, маршрут сезонной миграции северного оленя. Особо ценные историко-культурные объекты (ИКО): избы экспедиции Ф. Розмыслова (1768 - 1769 гг.), впервые осуществившего съемку пролива Маточкин Шар, деревянный маяк первой половины XX в., разрушенные строения полярной станции Маточкин Шар (1923 - 1936 гг.).

Западный Маточкин Шар ППЗК (1700 км², в т. ч. 100 км² морская акватория) находится на северо-западе Южного острова Новой Земли. Особо ценные природные объекты (ПО): сквозной фиорд - пролив Маточкин Шар, серия морских террас, ледник

Пенка, оз. Ящик, богатые фитоценозы, редкие и реликтовые растения, лежбища моржа, маршрут сезонной миграции новоземельского северного оленя вдоль западного берега, водно-болотное угодье полуострова Панькова Земля (станции белошекой казарки, малого лебеда, гуменника, обыкновенной гаги и др.), птичьи базары, нерестовые реки (голец арктический): Чиракина, Маточка и верховья Безымянной, ПТК с наивысшей вершиной Южного острова. *Это наиболее репрезентативный и уникальный регион на Новой Земле.* Особо ценные ИКО: остатки становища «Маточкин Шар», места посещения исследователями и путешественниками (геолог Ф.Н. Чернышев, художник А.А. Борисов и др.), навигационный знак строения полярной станции «Мыс Столбовой» (1957-1962 гг.). Регион был предложен для создания местного видового заказника «Лагерное» (20 км²).

С учетом новых ПГПЗК ФЗ Новой Земли площадь ООПТ в МСР составит 152929,72 км² или 3,4 %, что также весьма недостаточно.

О.К. Суткайтис из Баренцево-морского проектного офиса Всемирного фонда природы WWF из г. Мурманска предлагает увеличить площадь ООПТ в морях западного сектора Российской Арктики за счет создания новых НП (Поморский берег), ГПЗК (Байдарацкий и др.) и ПП (Губа Ивановская и др.).

Сеть ООПТ России в СЛО нуждается в дальнейшем формировании и расширении с учётом постоянного комплексного зонально - провинциального физико - географического подхода.

1. Борис Васильевич Ермолин: библиогр. указ. / сост. Е.А.Волик; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2012. 52 с.

2. Борис Васильевич Ермолин: электронный библиогр. указ. / сост. Е.А.Волик; Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Архангельск, 2011. 37 с. - <http://lib.pomorsu.ru/Bibkop/ermolin.htm>

3. Ермолин Б.В. Охраняемые природные территории Европейского Севера России. Архангельск: ПГУ, 2001. 175 с.

4. Ермолин Б.В. Особо охраняемые природные территории и объекты Архангельской области. Архангельск: ПГУ, 2002. 224 с.

5. www.allmedia.ru

6. www.unepcom.ru

7. www.top.rbc.ru/society

8. Захаров Ю.С. Особо охраняемые территории культурного и природного наследия Арктики: архипелаг Новая Земля // Новая Земля. Природа. История. Археология. Культура. Книга 1. М., 1998. С. 41-66.

«ПОМОРСКАЯ ГАВАНЬ» И МОРСКОЕ НАСЛЕДИЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АРХАНГЕЛЬСКОГО СЕВЕРА

С.А. Звягин

Институт экологических проблем Севера УрО РАН, Архангельск, zvyagin7@yandex.ru

Морской доктриной Российской Федерации в разработке Стратегии морской деятельности России до 2030 года определено одно из главных направлений, это – «укрепление российских морских традиций». Это отмечено на совещании морской коллегии при Правительстве РФ (Протокол № 13 08.07.2010 г., п. 4 Кадровое обеспечение). Морские традиции являются основой морского наследия России, условием передачи знаний и многовекового опыта от поколения к поколению. Термин «морское наследие» рассматривается как производный от понятия «культурное и природное наследие», которое вошло в юридическую практику, как на международном, так и на национальном уровне. В 2003 г. ЮНЕСКО принял Международную конвенцию об охране нематериального культурного наследия. Согласно конвенции, нематериальное культурное наследие означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия.

Россия обладает не только уникальным в мировом масштабе морским природным наследием, но и уникальными объектами, способами и социальными механизмами передачи традиций морского культурно-исторического наследия. В этом отношении Север можно считать территорией, где морская культура России зарождалась и крепла.

Север никогда не являлся только географической категорией, ориентирующей человека в физическом пространстве Земли, он всегда был и другой, духовно-нравственной категорией. Российский Север и Арктика, по мере их освоения человеком, становились частью культурного пространства, где мореплавание, можно назвать его основой.

Сегодня вопросы морского наследия зафиксированы в документах по развитию морской деятельности Российской Федерации. О направлениях изучения и исследования этой деятельности пишет Е.Ю. Терещенко в статье «Культурологический подход в изучении морской деятельности» [1]. Одним из важных, с точки зрения автора, являются социальное и культурологическое направления в отношении морской деятельности РФ. Направления, указанные в статье Е.Ю. Терещенко созвучны с определениями Д.С. Лихачева, что «экология культуры ставит задачу не только сохранения памятников культуры и их реставрацию и т.д. но и задачу более сложную – формирование среды для духовно-нравственного и творческого потенциала у молодежи» [2]. В этом контексте мы можем рассматривать морское наследие как предметно-материальное, культурное нематериальное (в т.ч. ассоциативное) и природное наследие.

Морская доктрина РФ признает необходимым обеспечение государственной поддержки в содержании и эксплуатации учебных судов, материально-технической базы образовательных учреждений морского профиля; укрепление российских морских традиций, расширение сети морских детских школ, клубов юных моряков и речников, рассматривая обучение в них как начальную ступень подготовки к службе и работе в российском флоте. К сожалению, во многом это лишь декларация и большинство морских клубов и центров находятся в бедственном положении. В настоящее время в стране отсутствует стратегия их развития, разрушена материально-техническая и кадровая база, не разработаны программы и методики их работы.

Почему мы считаем морское наследие элементом социально-общественной сферы? Прежде всего, потому, что в социокультурном контексте природные и антропогенные формы сохраняют и образуют своеобразный характер среды и ментальность, присущие только

северным приморским территориям. Среда формирует человека, выстраивает взаимоотношение человека и общества.

Морская культура, морское сообщество, морское наследие Севера в целом есть особо выраженная социокультурная субстанция, созданная жизненным укладом поморов. Ее жизнедеятельность поддерживается за счет различных форм актуализации, специфических социальных и культурных ценностей, присущих Поморью и влияющих на социум всего Русского Севера. Морское наследие можно назвать социокультурной доминантой становления регионов Русского Севера, его поэтапного освоения и формирования.

Такие качества морской культуры, как пассионарность, коммуникативность, толерантность и широкий взгляд на мир являются ее несомненной ценностью и определяют ее значение в геополитических процессах.

О понятии «морская цивилизация» писали многие исследователи. Оно вошло в наше понимание как сосуществование морских держав и государств, благосостояние которых определялось и зависело от их деятельности на море.

Фото 1. Архангельский речной яхт-клуб 100 лет назад

Является ли Россия морской державой? Учитывая протяженность береговой линии Российской Федерации, которая составляет 38 тыс. км., строительство океанского атомного флота, на этот вопрос можно ответить утвердительно. Учитывая планируемое развитие морской деятельности (*этот термин прописан в основных документах РФ и Морской доктрине до 2020 г. и в Стратегии развития морской деятельности РФ до 2030 г.*) также – да. Но в российском обществе, в социуме пока нет ощущения, что наше государство – это морская держава.

Россия – страна в своей основе континентальная, специфика географического пространства, особого ландшафта с великими водными внутренними магистралями, прямыми выходами к трем океанам, влияла на развитие государства, его культуры.

Анализируя геополитические концепции классиков политологии Фридриха Ратцеля и Карла Шмитта, А. Дугино отмечает: «Номос» Земли (нечто упорядоченное, организованное, близок к понятию «рельеф» и «месторазвитию» у евразийцев) существует безальтернативно на протяжении большей части человеческой истории. Совокупность версий «номоса» Земли составляет то, что принято называть историей «традиционного общества» [3].

С освоением Мирового океана в конце XVI века человечество начинает привыкать к «морскому существованию», как это было в Испании, Португалии, Нидерландах, Англии. «Номос» моря влечет за собой глобальную трансформацию сознания. Действительно, водная стихия непостоянна, враждебна, чужда, в ней не фиксируются пути, не столь очевидны

ориентиры, а значит и социальные, юридические и этические нормативы становятся «текучими». Однако стоит напомнить, что, по мнению Тура Хейердала, «человек поднял парус раньше, чем оседлал коня». С этим трудно не согласиться, поскольку первым транспортным средством при постепенном расселении и преодолении природных препятствий было судно, и человек используя естественные водные магистрали, мог за короткое время преодолевать значительные расстояния. Осмысление водного пространства как особой цивилизации пришло, конечно, позднее. Но миропонимание на интуитивном уровне, а в России, особенно в прибрежных и островных регионах, это и через православие (о чем сегодня пишут П.В. Боярский, Н.М. Терехин, А.Н. Давыдов, Е.Ю. Терещенко и др.) предопределяла водная стихия: реки и озера, моря и океан.

Тем ценнее сегодня становится изучение приморских регионов, для которых море является базовой ценностью экономического, социального и культурного благосостояния.

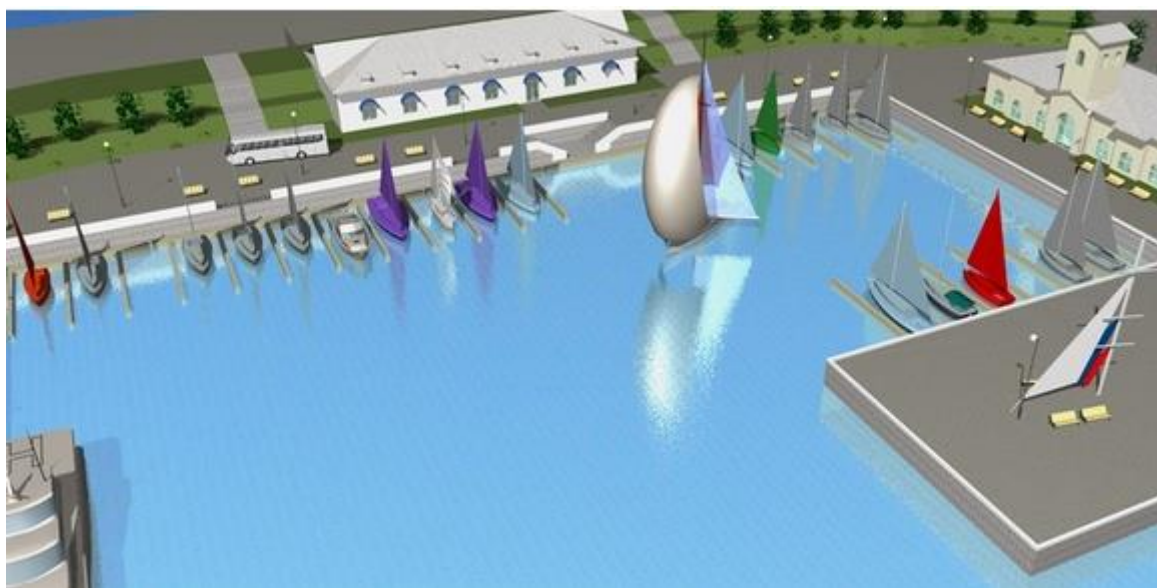

Фото 2-3. Так могла бы выглядеть «Поморская гавань» как историко-культурный, морской и туристический центр в Архангельске.

Можем ли мы ощутить себя морской цивилизацией при соответствующей стратегии развития Севера, не заглядывая в него, как в бездонную бочку с нефтью?

Ландшафт прибрежной зоны моря, островов или дельты реки представляет *национально-этнический и поморский дух народа* и его традиционный стиль жизни, он заставляет осознать единство окружающей нас среды и составляет основу нашего благосостояния, служит индикатором развития социума, и в целом отражает его гуманистическую природу.

Заметим, что морская культура представляет собой особый инструмент, с помощью которого человек способен справляться с проблемами, возникшими перед ним в результате

взаимодействия его с морем и береговым природным ландшафтом с целью удовлетворения своих материальных и бытовых потребностей. Морская культура обладает некой системой «участников» и образует природный каркас, где каждая его часть существует как средство для достижения определенной цели, она же является и целостным образованием, элементы которого взаимосвязаны. Например, функция памяти морской культуры Поморья – это накопление знаний о морской практике, традициях, обычаях и верованиях. Кроме того, одна из функций поморской культуры состоит в структурировании окружающего мира не только в контексте освоения морского пространства арктической и приарктической зоны. Обычай, традиции, местный диалект – «поморска говоря», терминология, устные и письменные выражения о морской практике – это *устройства*, которые наделяют людей интуитивным структурным чувством. Действующий механизм социальной памяти, по М. Бахтину, представляет собой некую «машину времени», с помощью которой человечество не только удерживает в настоящем, но и использует накопленный в продуктах культуры опыт и передает его другим поколениям [4]. Внутренние формы народной культуры отражают здесь, прежде всего, традиции, рассмотренные через отношения пространства и времени. Мы можем понятие «хронотоп» применить и к морскому наследию и, в частности, к истории морской культуры поморов как целостной системы, занимающей особое место в социокультурном и ассоциативном ландшафте Русского Севера, где Архангельск занимает особое место.

Фото 4. Хороший пример по сохранению морского наследия на Соловках.

Известно, что на даже бытовом уровне население севера и юга России (это можно отнести и к Норвегии, и к другим странам) отличаются друг от друга. Люди, живущие на севере, у моря, как правило, немногословны, не суетливы и обладают высокими нравственно-этическими нормами, стойкостью, волей и имеют некий «внутренний стержень». Представляется, что природно-географические, климатические условия также, а может быть и большей степени, влияют на менталитет культуры народов Севера и нравственно-этические нормы в частности.

Отсутствие памяти, потеря памяти, а в народе еще говорят «беспамятство», есть результат отсутствия трансформации знаний от поколения к поколению, что влечет за собой и отсутствие перспективного мышления, отсутствие какой-либо цели.

Надо полагать, что существует связь между физиологией человека и социологией. Конкретный человек, утратив память, теряет возможность ориентироваться в пространстве и не знает, что делать дальше, это же может произойти с обществом, если мы забудем о прошлом. Революции, резкие политические изменения в обществе дезориентируют социум – в эти моменты и происходит потеря исторической памяти, и таких примеров достаточно в истории России.

Если мы сегодня вновь обращаемся лицом к Арктике, хотим сделать освоение арктических широт национальной идеей, и рассматриваем Север как национальное достояние, то во главу угла должны поставить вопрос о воспитании у молодежи интереса к этой теме. Именно интереса, поскольку знания придут как результат этого интереса. Интерес и перспективное мышление может возникнуть только в соответствующей среде.

Фото 5. Сегодня гости прибывающие в Архангельск под парусами вынуждены швартоваться у необорудованных причалов. Яхты из Норвегии, Финляндии, Польши, Германии, России перед стартом в Арктику. Фото 2013 г.

Вспомним, что по определению Д.С. Лихачева, экология культуры ставит задачу не только сохранения памятников культуры и их реставрацию, но и задачу более сложную и вероятно более важную – формирование среды для духовно-нравственного и творческого потенциала у молодежи, в нашем контексте – на фоне поморского и морского наследия. «...Самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, – это тем, что он самый русский. Он не только душевно русский, он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он не только спасал Россию в самые тяжкие времена

русской истории – в эпоху польско-шведской интервенции, в эпоху первой Отечественной войны и Великой, он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру, русскую великую лирическую стихию – песенную, словесную, русские трудовые традиции – крестьянские, ремесленные, мореходные, рыболовецкие. Отсюда вышли замечательные русские землепроходцы и путешественники, полярники и беспримерные по стойкости воины» [5].

Культурное наследие – сложное комплексное образование не только в связи с его внутренним системным устройством, но и почти всегда – в связи с управлением, поскольку в его границах существуют и взаимодействуют различные субъекты права – пользователи, владельцы, собственники земель, природных ресурсов, зданий и других инженерных сооружений, иной недвижимости. Поэтому сохранение основных ценностей культурного наследия Севера, и в частности морского наследия, непосредственно связано с урегулированием взаимоотношений между всеми этими субъектами и вовлечением местного населения в работы по поддержанию функций всего культурного ландшафта региона.

Сегодня Архангельская область – регион, где идет строительство современного атомного военного флота, регион, куда входят арктические архипелаги Новая Земля и Земля Франца-Иосифа. Но нельзя забывать, что Архангельск это первый морской порт России и форпост освоения Арктики. Под Архангельском была одержана первая морская победа в истории Российского государства. Однако морская культура должна не только храниться в музейных фондах и запасниках, но и проявляться во внешнем облике города, и в социокультурной среде, которая сама формирует этот облик. Исследуя историко-генетические связи менталитета русской культуры и их актуальность, важный тезис выдвигает В.А. Щученко: «Культура исторична в самом точном значении этого слова. Преемственность и наследие – важнейшая предпосылка самого исторического существования культуры» [6]. Морская культура есть наше историческое наследие (фото 1).

Необходимостью возродить облик Архангельска как морского порта (*приморского города*) и обусловлено предложение по созданию морского историко-культурного центра с условным названием «Поморская гавань». Речь идет о формировании среды, связанной с возрождением и подъемом морской, поморской и парусной культуры, о формировании условий для организации водного туризма в регионе. В основу проекта легли исследования и наблюдения автора, проведенные в России и за рубежом, связанные с развитием марин, обустройства внутренних водных путей и каналов, организации инфраструктуры для яхтенного и водного туризма, где практически создаются условия для дополнительного образования молодежи, активизации музейной и патриотической деятельности, строительства и использования парусно-моторных судов для морской практики со студентами и учащимися кадетских классов и школ (фото 2-3).

В последние годы яхтинг, водно-моторный и круизный туризм становятся все более популярным. У России, благодаря ее географическим особенностям, огромный потенциал для развития такого вида туризма. Природные и искусственные водные магистрали на территории Северо-Запада России, развивающаяся сеть марин в Балтийском регионе и центральной части России (на Волге и в Московской области), а также возрастающий интерес к Северу России со стороны яхтенного сообщества и зарубежных туристов дают основания рассчитывать на перспективы развития круизного, яхтенного, водно-моторного и экспедиционного туризма в Архангельской области (фото 4).

Ключевую роль в привлекательности Российского Севера для туристов играют Арктика и Соловки. Главными артериями для водных туристических маршрутов на Севере являются Беломорско-Балтийский канал и акватория Белого моря с выходом в Арктику.

Приходится констатировать, что сегодня регион не готов к приему таких туристов. Отсутствуют инфраструктура, должным образом оборудованные причалы, санитарно-бытовое и техническое обеспечение (фото 5). Отсутствует собственный флот. Межведомственная разобщенность негативно сказывается на *апробации* новых подходов и межотраслевой интеграции в туристической сфере.

Представляется, что решение данной проблемы лежит в поэтапном выполнении условий для приема туристов в регионе. Соловки и Архангельск являются ключевыми точками, связывающие внутренние водные пути с Беломорьем и Арктикой, поэтому организация и оборудование современной марины на Соловках и Архангельске есть главное условие для приема туристов извне (фото 6).

Фото 6. Проводы яхтенной экспедиции на Соловки в 2013 году под флагами Русского географического общества и Арктического парусного союза, посвящённой 100-летию первого яхтенного похода яхты «Сигарта» в 1913 г. на Соловки.

Реализация проекта «Поморская гавань» необходима для того, чтобы название «Поморье» всегда ассоциировалось с Архангельской областью и ни у кого не вызывало сомнений в правомерности его использования жителями региона. Практическая деятельность Центра позволит прекратить порой опасные дискуссии на «поморскую тему», затрагивающие национальные и этнические вопросы.

Поэтапное решение этих задач отвечает сути государственных программ, направленных на освоение морских пространств и ресурсов и реализации планов социально-экономического развития приморских регионов России.

1. Терещенко Е.Ю. «Культурологический подход в изучении морской деятельности». Теория практика общественного развития, 2012. № 7.

2. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. М., 1985. с..

3. Дугин А.Г. Большое пространство. Основы геополитики. Часть 1. Гл. 8/8.3 Земля и море. С. 3. Электронная библиотека ModernLib.ru

4. См. об этом: Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и этики. М., Худож.лит. 1975. С. 234-407.

5. Лихачев Д.С. Земляродная. Предисловие к книге К.П. Гемп «Сказ о Беломорье». Архангельск, 1983.

6. Щученко В.А. Менталитет русской культуры: актуальные проблемы его историко-генетического анализа. <http://www.smolsoc.ru/images/referat>. С. 1.

MARGARITIFLABELLUM ANATOLII – НОВОЕ ПРОБЛЕМАТИЧЕСКОЕ ИСКОПАЕМОЕ ИЗ ВЕНДСКИХ ОТЛОЖЕНИЙ ЮГО-ВОСТОЧНОГО БЕЛОМОРЬЯ

А.Ю. Иванцов

Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН, Москва, ivancov@paleo.ru;

Природа макроископаемых позднего докембрия (эдиакарского или вендского периода), несмотря на более чем полувековую историю их интенсивного изучения, остается загадочной. Имея перед своими глазами одну какую-либо группу этих ископаемых остатков, исследователи находили у них преобладание признаков то многоклеточных животных, то растений, то гигантских простейших, то колониальных бактерий. Похоже, что сообщества захоронения вендских макроископаемых содержат остатки всех этих существ, а также, возможно, и групп организмов, не переживших вендского времени. Установлению природы этих существ мог бы помочь анализ вещества захороненных остатков. Однако наиболее распространенный способ образования вендских ископаемых – формирование «моментальных» слепков с верхней стороны лежавших на дне тел – нивелирует очевидные различия в физических и биохимических свойствах составлявшего их биологического материала. Сравнительное изучение морфологии ископаемых остатков и современных организмов также не дает значимых результатов, поскольку временной разрыв между биотами позднего докембрия и настоящего времени очень велик и практически не заполнен переходными формами. Поэтому в описанных сообществах вендских макроископаемых, сравнительно с сообществами более позднего времени, содержится непропорционально много проблематик – ископаемых невыясненной таксономической принадлежности.

Накопление находок одного и того же вида ископаемых, но происходящих из различных захоронений, обычно приводит к увеличению информации о морфологии исходного органического остатка и, как следствие – к появлению более или менее обоснованного предположения о его принадлежности к какой-либо известной группе организмов. Однако нередко случаи, когда десятилетия сборов не приносят новой информации. Именно такая ситуация сложилась вокруг описываемой здесь формы.

Первые находки нового ископаемого были сделаны в 1994 году во время пионерных раскопок местонахождения «Кимберелловые линзы». Однако последующие годы интенсивного изучения зимнегорского разреза и сборов содержащихся в нем ископаемых остатков, хоть и увеличили число найденных отпечатков, не дали какой-либо дополнительной информации о морфологии этого ископаемого и природа его остается полной загадкой. Но, поскольку морфологические особенности ископаемого достаточно отчетливы, мне представляется возможным дать здесь его описание без выдвижения предположений о таксономической принадлежности даже на уровне царств.

22.04.2014 ушел из жизни А.Ф. Станковский, замечательный архангельский геолог, энтузиаст исследования венда Юго-Восточного Беломорья. Многие годы он всесторонне поддерживал беломорские экспедиции Палеонтологического института РАН; его советами при организации экспедиций пользовался и автор настоящей статьи. Еще в середине 90-х годов XX века Анатолий Федорович высказывал желание назвать какой-либо из новых видов вендских ископаемых именем героя романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», который, очевидно, любил. Так появились рабочие названия “Volandia” и “Donna ametistovae” (Станковский, 1997; Станковский, Федонкин, 2000). Впоследствии выяснилось, что первое ископаемое уже было описано под именем *Kimberella quadrata* (Glaessner et Wade, 1966), а второе является разновидностью сохранности прикрепительных образований из группы родов *Protodipleurosoma* Sprigg, 1949 – *Irridinitus* Fedonkin, 1983 и выделение новых видов не состоялось. Только лишь теперь, с большим опозданием я имею возможность исполнить пожелание А.Ф.

Описываемое здесь ископаемое по своей форме напоминает развернутый веер. Надеюсь, что сама Маргарита не отказалась бы иметь такой веер на достопамятном балу. Круглые ямки, которыми испещрена центральная часть отпечатка, походят на слепки бисерин или жемчужин. От сочетания этих слов образовано наименование нового рода *Margaritiflabellum*. Видовое название произведено от имени Анатолий в честь А.Ф. Станковского.

Именем Анатолия Федоровича уже названо одно вендское ископаемое, эндемик Архангельской области – *Anfesta stankovskii* Fedonkin, 1984. Красивые отпечатки этого вида встречаются только на Онежском полуострове, на Зимнем берегу и нигде больше в мире (Федонкин, 1985; Иванцов, Леонов, 2009). Описываемая здесь ископаемая форма имеет еще более узкое распространение. Все собранные экземпляры происходят из одного локального захоронения ископаемых «Кимберелловые линзы», находящегося на Зимнем берегу Белого моря примерно в 1,5 км к северу от устья р. Ёрга.

Regnum incertae

Margaritiflabellum anatolii gen. en sp. nov.

Рис. 1-4

Наименование рода от *margarita* (латинизированного греческого) – жемчужина, а также имени Маргарита и *flabellum* (лат.) – веер; видовое название – в честь Анатолия Федоровича Станковского.

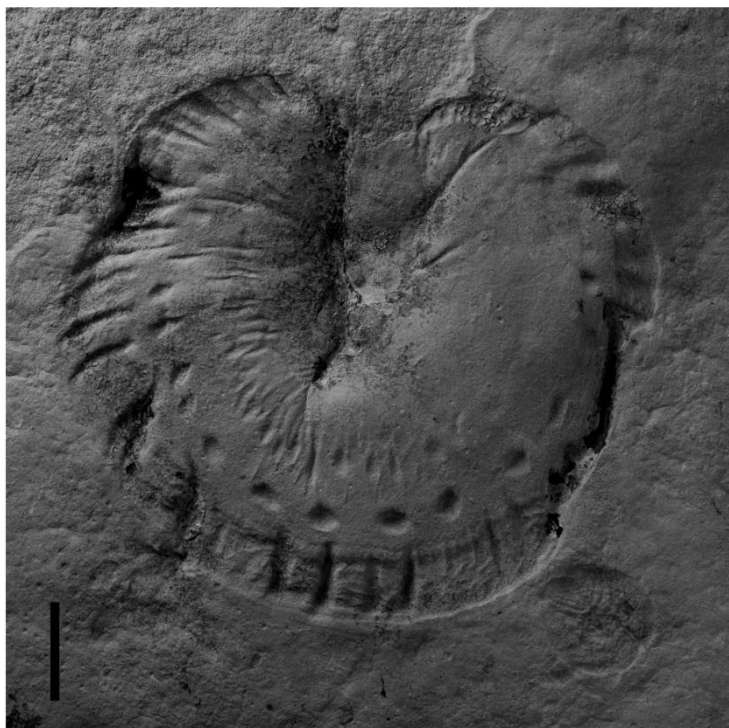

Рис. 1. *Margaritiflabellum anatolii* gen. en sp. nov.; голотип ПИН, № 3993/9466, рядом располагается отпечаток ювенильного экземпляра проартикуляты *Yorgia waggoneri* Ivantsov, 1999 (экз. ПИН, № 3993/9467). Здесь и далее длина масштабного отрезка – 1 см.

Голотип – ПИН, № 3993/9466; Архангельская область, Зимний берег Белого моря; поздний венд, нижняя часть ергинской свиты, локальное захоронение «Кимберелловые линзы» (рис. 1).

Диагноз. Вееровидный отпечаток, покрытый многочисленными ямками и окруженный по внешнему краю лентовидной каймой, гладкой или складчатой.

Описание. Отпечатки на подошве слоя песчаника, выполненные в негативном рельефе. Форма отпечатка вееровидная, его глубина небольшая и более или менее

одинаковая, но область вблизи внутреннего заворота несколько более утоплена в породу. По внешнему краю тянется четко выделенная лентовидная кайма, ширина которой составляет от 1/7 до 1/10 длины отпечатка. Поверхность отпечатка покрыта ямками, то многочисленными, мелкими (рис. 2, 3) и равномерно расположенными то крупными и редкими, спорадически рассыпанными по площади отпечатка (рис. 1). У самых маленьких экземпляров ямки не заметны. Поверхность каймы лишена ямок, иногда гладкая, иногда несет грубые поперечные или более тонкие продольные складки. Порода в пределах отпечатка часто обогащена микрозернистым пиритом, концентрация которого возрастает вблизи внутреннего заворота и иногда на кайме (рис. 4). Отпечатки обычно деформированы: растянуты в продольном или поперечном направлениях (рис. 3).

Рис. 2. *Margaritiflabellum anatolii* gen. en sp. nov.; экз. ПИН, № 3993/9641.

Рис. 3. *Margaritiflabellum anatolii* gen. en sp. nov.; сильно вытянутый в поперечном направлении экз. ПИН, № 3993/9642.

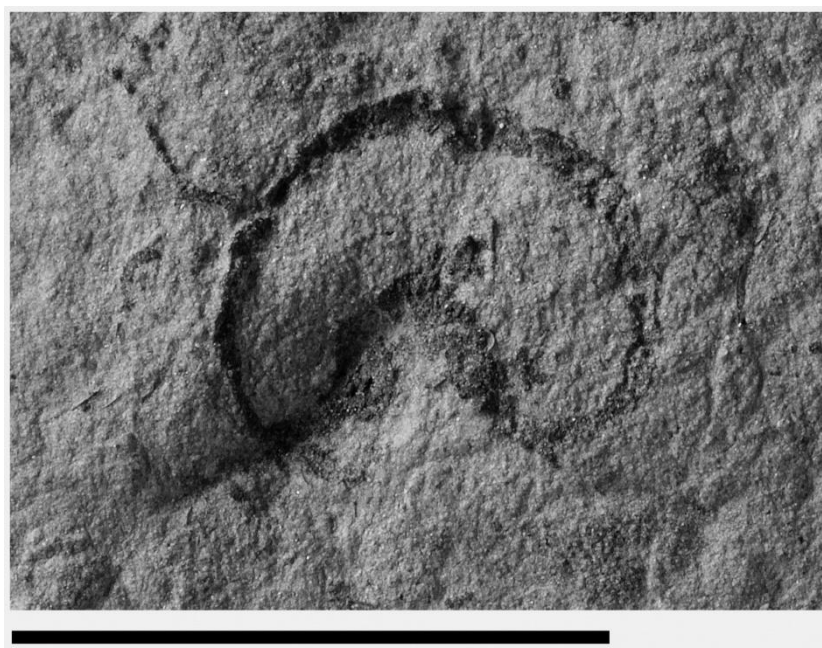

Рис. 4. *Margaritiflabellum anatolii* gen. en sp. nov.;
ювенильный пиритизированный экз. ПИН, № 3993/9643.

Размеры. Длина от 6 до 57 мм, ширина от 7,3 до 63 мм (см. таблицу).

№№	Длина	Ширина	
3993/9466 (голотип)	56,0	63,0	
3993/9643	6,0	7,4	
3993/9641	21,0	26,5	
3993/9656	7,4	7,3	
3993/9655	14,0	21,3	
3993/9657	85,0	9,8	
3993/9654	11,6	15,5	
3993/9653	22,2	8,2	Сильно деформированные экземпляры
3993/9642	10,4	20,8	
3993/9645	57	-	

Распространение. Поздний венд Архангельской области.

Материал. Голотип и 18 экз. ПИН № 3993/9641-9658 из одного местонахождения.

1. Иванцов А.Ю., Леонов М.В. Отпечатки вендских животных – уникальные палеонтологические объекты Архангельской области // Архангельск. 2009. 91 с.
2. Станковский А.Ф. Венд Юго-Восточного Беломорья // Разведка и охрана недр. 1997. №5. С. 4-9.
3. Станковский А.Ф., Федонкин М.А. Местонахождения вендской бесскелетной фауны Юго-Восточного Беломорья // Очерки по геологии и полезным ископаемым Архангельской области. Архангельск, 2000. С. 142-153.
4. Федонкин М.А. Систематическое описание вендских Metazoa // Вендская система. Историко-геологическое и палеонтологическое обоснование. Т. 1. Палеонтология. М.: Наука, 1985. С. 70-106.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ЗАПАДНОГО СЕКТОРА РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ: СОСТОЯНИЕ ЗАПАСОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Н.А. Кондратов

Северный Арктический федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Архангельск, nk78@mail.ru

Арктическая зона России занимает свыше 9 млн кв. км (общая площадь, измеряемая в зависимости от того, что принимать за южную границу, колеблется от 21 до 27 млн кв. км), из которых около 7 млн кв. км приходится на водное пространство, что составляет примерно половину площади Северного Ледовитого океана. 70% (свыше 5 млн кв. км) российского арктического сектора постоянно находится подо льдом, из них под паковым льдом - 1,5 млн кв. км (20% площади). ОБЩАЯ ПРОТЯЖЕННОСТЬ АРКТИЧЕСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ РОССИИ ПРЕВЫШАЕТ 20 ТЫС. КМ, благодаря чему обеспечивается широкий выход в Мировой океан и создаются предпосылки для развития судостроения и рыболовства. Промышленное рыболовство в Арктике является важной частью экономики России, Норвегии, Исландии и Дании (Гренландии), в чьих водах обитают промысловые виды рыб. Доля «арктических» уловов в валовом вылове морских биоресурсов этих стран достигает 60-100% [1].

Вылов рыбы и других биологических ресурсов в Северном бассейне России составляет около 45% общероссийского уровня (3,5-4,3 млн т). Объектами морского рыбного промысла являются: треска (**Gadus morhua**), пикша (**Melanogrammus aeglefinus**), сельдь (**Clupea**) и мойва (**Mallotus villosus**) Баренцева моря; сельдь, сайда (**Pollachius virens**), треска, северная путассу (**Micromesistius poutassou**) и скумбрия (**Scomber scombrus**) Норвежского и Гренландского морей; морской окунь (**Sebastes**) и треска акватории архипелага Шпицберген [1].

Развитие рыболовства на Северном бассейне берет начало от традиционных поморских промыслов в Белом море, которые датируются IX-X тысячелетиями до н.э. Основу жизнедеятельности населения в это время составляла охота, рыболовство, сбор моллюсков. Наскальные рисунки свидетельствуют о гарпунной охоте на морского зверя: белух (**Delphinopterus leuca**), моржей (**Odobenus rosmarus**), китов (**Cetasea**), гренландских тюленей (**Pagophilus groenlandicus**), кольчатых нерп (**Phoca hispida**). К XVIII в. поморы освоили Мурманское побережье, восточные районы норвежского Финнмарка, вели промысел возле острова Медвежий и архипелага Шпицберген.

Белое море – одно из наиболее хорошо изученных в нашей стране. Это внутренний водоем России площадью 90 тыс. кв. км, его средняя глубина 70-90 м. В отличие от других арктических морей оно слабо связано с океаном, водообмен ограничивает узкое и неглубокое Горло. Ихтиофауна Белого моря насчитывает не более 60 видов, что почти в три раза меньше, чем в сообщаемом с ним бореально-арктическом Баренцевом море и примерно столько же, сколько в Карском море. Основу рыбного промысла составляет добыча сельди, наваги (**Gadidae**) и семги (**Salmo salar**). Запасы таких видов рыб как треска, азиатская корюшка (**Osmerus mordax**), камбала (**Pleuronectes platessa**), зубатка (**Anarhichas lupus**), пинагор (**Cyclopterus lumpus**), мойва, сиг (**Coregonus**), кумжа (**Salmo trutta**) изучены слабо. Они не вылавливаются в промышленных объемах, часто представлены в приловах основных объектов промысла. Из нерыбных ресурсов в Белом море добывается водоросли-макрофиты (ламинарии (**Laminaria**), фукусы (**Fucus L.**)) и морские млекопитающие [1, 2, 5].

На протяжении столетий сельдевой промысел играл важную роль в экономике СССР (России). На Белом море он начался в XV – XVI вв., что совпало с организацией Соловецкого монастыря. В середине XIX в. вылавливали до 33 тыс. т сельди, в 1950-1960-е гг. – около 5 тыс. т. К 1990 г. вылов сельди снизился до 1 тыс. т и усилия рыбопроизводителей сосредоточились на добыче высокочисленных объектов в Баренцевом

море, прежде всего, трески, путассу и пикшы. Средний показатель добычи сельди за первое десятилетие XXI в. составил 500 т, что составляет 5-6% запасов [2, 5].

Навага более 200 лет считается важнейшей промысловой рыбой Белого моря. В XX в. она обеспечивала более половины общего вылова рыбной продукции. В годы наиболее интенсивного (часто – только зимнего и ручного) промысла (1970-1980-е гг.) биомасса запаса колебалась от 2,6 тыс. т до 8 тыс. т. В начале XX в. среднегодовой вылов не превышал 1,5 тыс. т. В 1990-е гг. развитие прибрежного рыболовства существенно осложнилось и поэтому промысловая статистика перестала отражать реальные объемы добычи наваги. В 2012 г. ее вылов составил от 150 (по официальным данным) до 300 (по экспертным и опросным данным) т [2, 5].

Азиатская корюшка – традиционный и перспективный объект промысла в Белом море, третий после наваги и сельди. Культура ее потребления у населения Архангельской области и Республики Карелия очень высока. В среднем в конце XX в. вылов составил 96 т, что меньше выделяемых квот (110 т) [2, 3].

Центр обитания трески в Белом море – Кандалакшский залив. Большое количество вылавливаемой рыбы идет на удовлетворение нужд местного населения в ходе спортивного и любительского рыболовства, поэтому официальная статистика не отражает истинных объемов вылова. В течение XX в. уловы не превышали 50 т. С 2010 г. статистика использует данные по вылову «трески Белого моря», куда входит как беломорская треска, так и атлантическая (**Gadus morhua**), выловленная в границах Белого моря. Между этими разновидностями существуют принципиальные различия в биологии, ареале обитания и объеме запасов. В 2010 г. достигнут рекордный вылов обоих видов трески – 313,5 т (при рекомендованном вылове 100 т) [2, 5].

Имеется мнение, что с добычи лососевых рыб (атлантического лосося (**Salmo salar**) в XV – XVII вв. зародилось беломорское рыболовство. До 1875 г. статистического учета выловленной семги не велось. В 1950 г. в Белом море было выловлено около 1 тыс. т атлантического лосося, в 1990 г. почти в три раза меньше, в 2005 г. – 65 т. В настоящее время численность популяций находятся на невысоком, но стабильном уровне [1, 2, 5].

Начало промысла водорослей в Белом море датируется 1920-и гг., что было обусловлено началом государственных исследований источников йода и других ценных веществ (агар и каррагинаны). Ныне здесь насчитывается свыше 180 видов водорослей, что меньше, чем в Баренцевом море (193 вида). В 1930-1950-е гг. запасы беломорских водорослей достигали 300 тыс. т, к 2000-м гг. достигли 1 млн т. Ныне отмечается сокращение запасов, а добыча (более 10 тыс. т) предприятиями Архангельской области и Республики Карелия происходит в Онежском и Двинском заливах, а также в центральной части моря на Соловецких островах [1, 2, 5].

Среди млекопитающих в Белом море промысловое значение имеет белуха, гренландский тюлень и кольчатая нерпа. Достоверных данных о начале их промысла нет, однако известно, что этих животных заготавливали в доисторические времена ради мяса, жира и шкур. Из литературных источников известно, что поморы добывали белуху в IX в., о чем свидетельствуют наскальные рисунки на Карельском берегу. В 1960 г. было заготовлено 840 штук. В конце 1990-х гг. ежегодная добыча белух составляла в среднем 150-200 штук при квоте около 1000 животных. Современное использование белухи ограничивается забоем для пищевых нужд и отловом в научно-просветительских и зрелищных целях [2, 5].

Гренландский тюлень – самый многочисленный вид тюленей в Арктике. Он обитает в Белом море и у острова Ян-Майен (Норвегия), является объектом промысла уже более 10 тыс. лет. В конце XIX в. насчитывалось 3-7 млн шт. этого животного. Добыча тюленя в течение 1875-2011 гг. была неравномерной, СССР/Россия и Норвегия постоянно сменяли друг друга в доминировании добычи этого зверя. Вплоть до 1950 г. среднегодовая добыча тюленя в СССР составляла 156 тыс. особей, в то время как норвежская добыча не превышала 16 тыс. шт. В настоящее время наметилась положительная динамика увеличения общей численности животного, она превышает 2 млн особей. Общие квоты на промысел

гренландского тюленя не превышают 35 тыс. шт. Норвежский промысел в 2008-2011 гг. был незначителен, составив около 110 шт. [2, 5].

Наиболее ранние сведения о китобойном промысле в Европе появляются от норвежцев около 800-1000 гг. н.э. Гренландских китов (**Balaena mysticetus**), северных гладких китов (**Eubalaena glacialis**) и горбачей (**Megaptera novaeangliae**) добывали вблизи Гренландии и Шпицбергена, начиная с XVI в. Промысел этих видов животных был прекращен в начале XX в., популяции многих видов китов ныне находятся под охраной. Мораторий на их добычу, объявленный с 1985 г. Международной китобойной комиссией, не затрагивает интересы коренных малочисленных народов Севера (КМНС) России и зарубежных северных стран (их провинций) [2, 5].

В настоящее время сохраняется потребность в экологически чистых и деликатесных пищевых продуктах, а также в сырье для фармацевтической промышленности. Средством к этому является развитие аквакультуры. Первые попытки ведения марикультуры в России не только на Белом море, но, видимо, во всей нашей стране, были предприняты в XVI в. на Соловецких островах. Белое море является одним из наиболее северных из регионов, где культивируют мидий (**Mytilus edulis**). В более высоких широтах разведение этих моллюсков практикуют в Норвегии, где этому способствуют благоприятные природно-климатические условия и развитая инфраструктура. Кроме мидий, потенциальную пользу в медицине и фармакологии приносят губки (**Halichondria panacea**), рачки-бокоплавы (**Gammarus duebeni**) и гидроиды (**Obelia longissima**).

Актуальный путь рационального использования и сохранения продуктивности богатых биологических ресурсов Белого моря и его бассейна – создание системы пастбищного и садкового рыбоводства. С учетом природных особенностей Белого моря (мягкий климат, многочисленные заливы, развитая озерно-речная система) существует возможность развития рыбного хозяйства с использованием рыбоводных заводов, искусственных нерестилищ, замкнутых систем индустриального рыбоводства. Разведение радужной форели (**Oncorhynchus mykiss**) рассматривается как наиболее востребованная отрасль марикультуры. Более 70% российской форели выращивается на внутренних водоемах Республики Карелии, а также на побережье Белого моря. В 2012 г. суммарный объем производства достиг 40 тыс. т [2, 5]. С 1950 г. на Белом море разводят горбушу (тихоокеанского лосося, **Oncorhynchus gorbusha**). Несмотря на продолжительный опыт, говорить об успешной акклиматизации горбуши в морях Европейского Севера России преждевременно. Традиционно наибольший вылов этой рыбы приходится на побережье и устьевые части рек Мурманской области. В Республике Карелия в 2009 г. улов составил 6 т (в 2003 г. – 46 т), в Архангельской области – 19,5 т (в 2005 г. – 46 т). С середины 1970-х гг. в Белом море ведутся работы по искусственному разведению сельди с использованием искусственных субстратов и нерестилищ. Среди потенциальных объектов рыбоводства в Белом море назовем кумжу, чье промышленное разведение практикуется также в соседней Финляндии; кижуча (**Oncorhynchus kisutch**), амурскую кету (**Oncorhynchus keta**), зубатку (**Anarhichas lupus**). В 1980-е гг. для условий Белого моря была разработана биотехнология культивирования ламинарии [2].

Баренцево море - важнейший рыбопромысловый водоем мирового рыболовства. Его биопродуктивность (800 кг/км²) более чем в три раза превышает продуктивность Мирового океана (225 кг/км²), что обеспечивается поступлением в его пределы теплых (до 12° С) и соленых (34,8-35,2 ‰) вод Гольфстрима [4].

Основу эксплуатируемых биоресурсов составляют донные и пелагические виды рыб: треска, пикша, сайда, морские окуни, черный палтус (**Reinhardtius hippoglossoides**), камбалы, зубатки, мойва и сайка (**Boreogadus saida**). Также в Баренцевом море добываются ценные виды беспозвоночных: северную креветку (**Pandalus borealis**), камчатского краба (**Paralithodes camtschaticus**), исландского гребешка (**Chlamys islandica**). Мировой вылов всех гидробионтов в Баренцевом море в 1947-2005 гг., отраженный в официальной статистике, превышает 110 млн т, среднегодовой – 2,0 млн т. Основные районы промысла

расположены у северо-западного побережья Норвегии, в Медвежинско-Шпицбергенском районе и в южной части Баренцева моря. Соотношение основных объектов промысла (трески, сельди и мойвы) во второй половине XX в. было неравномерным [4].

С начала 1990-х гг. по настоящее время в отечественном баренцевоморском вылове доминирует треска (более 50%). На долю Норвегии приходилось 42%, России (СССР) - 34%, Англии - 18%, Германии - 3% от общего вылова [4]. Максимум вылов трески достиг в 1956 г. (1,3 млн т). В начале 1990-х гг. доля России в общем вылове трески возросла и в настоящее время Норвегия и Россия вылавливают ее примерно в равных пропорциях (около 45% общего ежегодного вылова каждая) [4].

Ухудшение обстановки на промысле трески в конце 1960-х гг. - начале 1970-х гг. обусловило переориентацию промысловых усилий на добычу, в частности, палтуса. Значительные промысловые усилия, прикладывавшиеся Норвегией для добычи этой рыбы в течение 1990-х гг. (несмотря на введение квот и запрет тралового промысла) привели запасы в депрессивное состояние. Общий норвежский вылов в 1992-2005 гг. варьировал в пределах 8-15 тыс. т. Отечественный вылов палтуса в те же годы сильно колебался от 0,7 до 6,1 тыс. т [4].

Регулярный траловый промысел пикши в южной части Баренцева моря (исключительная экономическая зона России) и Восточного Финмарка до 62° с.ш. (норвежская экономическая зона) начал развиваться в 1920-е гг. и вначале запас этой рыбы эксплуатировался слабо. До середины 1970-х гг. вылов пикши колебался от 80 тыс. т до исторического максимума в 320 тыс. т (1973 г.). С 1975 г. и до начала 1980-х гг. наблюдалась тенденция к снижению до исторического минимума в 1984 г. в 21 тыс. т. Однако в 1990-е гг. вылов пикши вырос и стабилизировался [4].

Промысловые скопления креветки в Баренцевом море были обнаружены норвежскими рыбаками в конце 1960-х гг. В середине 1980-х гг. вылов креветки советскими судами превысил 40 тыс. т, а общий международный вылов достиг 130 тыс. т. Начиная с 2000 г., несмотря на стабильное состояние запаса, продолжается сокращение отечественного вылова северной креветки, которое обусловлено экономическими причинами: высокой ценой на топливо, низкой рентабельностью отечественных судов и слабыми возможностями переработки продукции [4, 5].

Камчатский краб с момента вселения из Тихого океана с 1960-х гг. обитает в южной части Баренцева моря, расселившись из мест его выпуска (полуостров Рыбачий и Кольский залив) на восток до острова Колгуев и архипелага Новая Земля и на запад до Лофотенских островов. Норвегия приступила к коммерческому промыслу краба в 2002 г. С 2004 г. из-за организационных трудностей по продаже квот на его добычу промысел начала и Россия. В 2006 г. РФ вылавливала свыше 3000 штук краба, Норвегия – в десять раз меньше [4].

Во второй половине XX в. специализированный круглогодичный вылов морской камбалы в Баренцевом море неоднократно изменялся. Так, в 1960-е гг. отечественный вылов составлял 7-9 тыс. т, после чего вплоть до начала 1970 гг. резко снизились до уровня 0,2-0,3 тыс. т. Иностранный, преимущественно английский, вылов в указанный период оставался стабильным и изменялся от 2 до 4 тыс. т. С начала 1980-х гг. иностранный вылов в экономической зоне СССР/России не превышал 0,5-0,6 тыс. т, отечественный - 0,1- 4,6 тыс. т [4].

Масштабное освоение запаса баренцевоморской мойвы началось в 1970-е гг. Максимальный российский вылов - около 800 тыс. т - был достигнут в 1977-1983-е гг. Норвежский промысел мойвы велся кошельковыми неводами и в то время не превышал 1,5 млн т. Максимальный норвежский вылов в 1977 г. превысил 2 млн т, а общий годовой достиг 3 млн т. В 1980-1984 гг. общий объем годового вылова составлял 1,4 - 2,3 млн т (40-50% биомассы популяции). В начале XXI в. общий вылов превышал 630 тыс. т [4].

Наважий промысел в Баренцевом море получил развитие в первой трети XX в., до этого времени был лишь эпизодическим. С начала 1990-х гг. промысел наваги сократился, снизилась достоверность статистики из-за сокрытия объемов добычи в целях ухода от

налогообложения. За 35-летний период (1970-2005-е гг.) численность промыслового запаса наваги Белого моря колебалась от 22 до 75 млн экз. (в среднем составила 41 млн экз.), при этом биомасса промыслового запаса изменялась от 1,5 до 8,0 тыс. т (средняя - 4,0 тыс. т). В Баренцевом море за этот же период величина промыслового запаса колебалась от 42 до 127 млн экз. (в среднем составила 83 млн экз.), биомасса промыслового запаса изменялась от 1,6 до 14,0 тыс. т (в среднем составила 8,3 тыс. т). В настоящий момент промысловые запасы наваги как в Белом (3,6 тыс. т), так и в Баренцевом (4,6 тыс. т) морях находятся на среднем уровне. Вылов в Баренцевом море не превышает 500 т [4].

Карское море – одно из окраинных морей Северного Ледовитого океана, расположенное на материковой отмели к востоку от архипелага Новая Земля. Площадь водоема составляет 883 тыс. кв. км. Около 40% его площади составляют глубины до 50 м (средняя глубина – 113 м). Карское море характеризуется более суровыми, по сравнению с Белым и Баренцевым морями, природно-климатическими условиями. Поэтому научное океанологическое, ихтиологическое, гидробиологическое исследования фауны здесь возможно в короткий период (август - сентябрь) и ведутся на ограниченной акватории [7].

По степени продуктивности и изученности оно уступает Белому и Баренцеву морям. Вместе с тем, Карское море – важная часть Северного морского пути, отсюда снаряжались первые экспедиции по его изучению. На основе данных научно-экспедиционной работы по изучению биоразнообразия Карского моря в середине XX в. были сделаны выводы, что Карское море по биологической продуктивности не менее чем в 8 раз уступает Баренцеву морю. Карское море в его открытой части может быть названо «безрыбным морем», за исключением прибрежной части и устьев рек, где сосредоточен сравнительно большой выбор солоноватоводных промысловых видов рыб. В настоящее время в Карском море описано 46 их видов. Всего же с учетом литературных данных здесь могут встречаться более 70 видов рыб. Промысловое значение имеют чешско-печорская сельдь, мойва, азиатская корюшка, сайка, навага, окунь-клевач (**Sebastes mentella**) [7].

Устойчивое использование морских биологических ресурсов Арктики связано с решением важных экологических, организационных, социально-экономических проблем, тесно переплетающихся друг с другом.

Для всех видов биоресурсов и районов их промысла характерны колебания добычи, что связано с неодинаковой численностью поколений, вступающих в промысел, а также определяется особенностями их миграций, физико-географической и социально-экономической ситуацией. Большое значение приобретает изучение динамики популяций и путей миграций промысловых видов рыб в Северном Ледовитом океане в контексте наблюдаемого изменения климата, планирующегося широкомасштабного освоения полезных ископаемых на континентальном шельфе арктических морей. Перечисленные факторы следует рассматривать в комплексе.

На фоне неослабевающего интереса зарубежных приарктических (Норвегии, Дании, Канады, США, Швеции, Финляндии, Исландии) и внерегиональных (Индия, Китай, Япония, Сингапур) государств и их блоков (Европейский Союз, НАТО) руководство нашей страны предпринимает важные шаги по формированию государственной политики в Арктике. Ее цели и способы их достижения раскрывают «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» и «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года». Эти документы предписывают использование Арктической зоны Российской Федерации в качестве стратегической ресурсной базы, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны и способной в значительной степени обеспечить государственные потребности в минеральных, водных биологических ресурсах и других видах стратегического сырья [3, 6].

Выводы:

1. Изучение запасов и промысла морских биологических ресурсов Северного Ледовитого океана – важная государственная задача. Она реализуется в суровых природно-

климатических условиях Арктики, проявления в этом регионе тенденций изменения климата, с учетом статуса и границ исключительной экономической зоны России, подготовки к освоению минеральных ресурсов на континентальном шельфе РФ, интенсификации судоходства по Северному морскому пути, потребностей минимизации экологического риска и сохранения традиционного природопользования КМНС.

2. Освоение биологических ресурсов в Арктической зоне России коррелируется с другими целями государственной политики нашей страны в этом регионе:

в сфере экологической безопасности - сохранение и обеспечение защиты природной среды Арктики, ликвидация экологических последствий хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата;

в сфере науки и технологий - закрепление достигнутого уровня фундаментальных и прикладных научных исследований по накоплению знаний и созданию современных научных и геоинформационных основ управления арктическими территориями и разработки природных ресурсов, изучению традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока;

в сфере международного сотрудничества – активное развитие добрососедского сотрудничества на основе взаимовыгодных международных договоров и соглашений России с приарктическими государствами в целях эффективного освоения природных ресурсов, сохранения окружающей природной среды, а также разграничения морских пространств и решения вопросов международно-правового обоснования внешней границы Арктической зоны РФ с учетом национальных интересов России.

3. В целях эффективного освоения водных биологических ресурсов необходимо обеспечить государственную поддержку хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в Арктической зоне РФ за счет обеспечения подготовки специалистов в системе высшего и среднего специального образования. Этого можно добиться путем их закрепления на арктических территориях за счет сохранения социальных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в Арктической зоне. Важным представляется разработка новых видов техники и инновационных технологий, формирование парка авиационной техники и судов рыбопромыслового флота, а также обеспечивающей инфраструктуры. Внимание требуется уделить формулированию государственных мер, направленных на совершенствование выделения и распределения квот, тарифно-таможенного и налогового регулирования развития рыбопромысловой и рыбоперерабатывающей отрасли, разработку проектов хозяйственного освоения арктических территорий путем их софинансирования за счет бюджетов различных уровней РФ и внебюджетных источников.

1. Арктика: интересы России и международные условия их реализации / Барсегов Ю.Г., Корзун В.А., Могилевкин И.М. и др. М.: Наука, 2002. 356 с.

2. Белое море. Биологические ресурсы и проблемы их рационального использования. В серии: Исследование фауны морей. Вып. 42 (50). СПб, 1995 (в 2 частях). Часть I. 251 с.

3. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html>. (Дата обращения: 10.10.2010).

4. Развитие отечественного рыболовства на Северном бассейне после введения 200-мильных зон. Мурманск: Изд-во ПИНРО, 2010. 513 с.

5. Семушин А.В., Фролов С.Б. Современное состояние биологических ресурсов Белого моря // Проблемы изучения, рационального использования и охраны природных ресурсов Белого моря. XII Международная конференция с элементами школы для молодых ученых и аспирантов. Сб. материалов. Петрозаводск, 30 сентября – 4 октября 2013 г., Россия: Карельский научный центр РАН. 2013. С. 267-270.

6. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://правительство.рф/docs/22846/>. (Дата обращения: 22.02.2013).

7. Экосистема Карского моря. Мурманск: Изд-во ПИНРО, 2008 261 с.

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА В IX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВВ.

А.М. Кондрескул

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
Архангельск, kondreskul@mail.ru

Политическая история регионов – это история политической жизни отдельных территорий страны, отличающихся от других территорий совокупностью исторически сложившихся особенностей - природных, экономических, этнических, духовных и других. Она включает различные формы взаимодействия субъектов и объектов политики, связанные с борьбой за власть, а также с выработкой, оценкой, принятием и реализацией решений органов государственной власти. В основе политической жизни лежит борьба индивидов и социальных общностей за свои идеалы.

На характер и развитие политической истории как страны в целом, так и отдельных её регионов оказывают влияние природно-климатические, геополитические, демографические, национально-психологические, государственные, экономические, социально-политические, культурные, конфессиональные, реформационные и другие факторы [1].

Северная Русь, Русский Север, Европейский Север, Поморье – широко известные названия, несущие в себе географические, экономические, политические, этнографические, культурные и иные особенности развития северной части Восточной Европы. Он с давних времен представлял известное единство с природно-географической, историко-культурной, социально-психологической и политической точек зрения [2].

С точки зрения геологической структуры и рельефа территория Европейского Севера России преимущественно равнинная, с невысокими холмами и возвышенностями. Здесь располагаются природные страны: Фенноскандия, северные части Восточно-Европейской равнины и Уральских гор.

Географическое положение региона, значительные размеры его территории, сложность его рельефа, разнообразие климата и почвенно-растительного покрова находят свое выражение в природной зональности. Территория Поморья лежит в трех географических поясах: арктическом, где расположена зона арктических пустынь, субарктическом с зонами тундры и лесотундры и умеренном с зонами тайги и смешанных лесов. Растительный мир Европейского Севера очень разнообразен и богат видами растений.

Русский Север до XVII века был единственной областью страны, который занимал не только огромные пространства европейской тайги, но также лесотундры и тундру, а его население имело ценный опыт жизнедеятельности в этих специфических природных условиях. Только с присоединением Сибири площадь этих зон увеличилась.

В прошлом, как и сейчас Европейский Север — многолесный район европейской части страны. Именно леса определяли облик края, условия жизни и деятельности людей. Главные породы северной тайги — ель, сосна, лиственница, пихта и другие.

В связи с большим разнообразием условий, как на суше, так и в морях и со значительным протяжением территории с севера на юг и с запада на восток животный мир региона весьма разнообразен. Издавна к полезным животным относились: охотничьи звери и птицы, а также промысловые рыбы, морской зверь, некоторые водные беспозвоночные животные и другие. Особенно важны ценные проходные рыбы, откармливающиеся в море и размножающиеся в реках (осетровые и лососевые).

Ведущее место в промысловом охотничьем хозяйстве всегда занимали пушные звери: соболь, белка, куница, лисица, песец. Разнообразие и богатство пушного зверя в лесах служило притягательной силой для охотников несколько столетий. Из ластоногих основным объектом промысла были тюлени, моржи, нерпы, морские зайцы.

Важным фактором для исторического развития Европейского Севера России, по мнению русских историков, была специфика речной сети Восточно-Европейской равнины. «Реки служили проводниками первому народонаселению: по ним сели племена, на них явились первые города; реки много содействовали единству народному и государственному, и при всем том особые речные системы определяли вначале особые системы областей, княжеств» [3]

По этим и другим рекам края осуществлялась связь между побережьем северных морей и внутренними районами Поморья, а также с другими областями страны. Истоки северных реки, их русла нередко близко подходят друг к другу, что благоприятствовало созданию волоков, а позже каналов. В результате Поморье обладало сетью судоходных водных путей, состоящих из больших рек с их многочисленными притоками, соединяющихся между собой волоками.

В изучаемую эпоху даже с помощью несложных транспортных средств можно было попасть из Баренцева и Белого морей в Балтийское, Черное, Азовское и Каспийское моря, а также добраться по воде до большинства земель лежащих между ними. К числу больших озер Европейского Севера, сыгравших заметную роль в его развитии, относятся Ладожское, Онежское, Белое, Лача, Воже, Кубенское и другие. Таким образом, речная сеть и крупные озера сплачивали страну и политически, и хозяйственно.

В северном полушарии в X—XIII веках установился Средневековый климатический оптимум для которого были характерны мягкие зимы и сравнительно тёплая и ровная погода. Именно в этот период в Северо-Восточной Руси наблюдался земледельческий бум и рост населения, что способствовало колонизации северных территорий.

В первой половине XVI в. произошло усиление континентальности климата, повлекшее за собой более суровые зимы, засухи, чередующиеся с сильными ливнями. Климат в XVI в. был близок к современному, хотя отличия вызывались обширными лесными пространствами, которые в дальнейшем основательно поредели. В Поморье сокращение покрытых лесом площадей, по-видимому, было незначительным.

Общие черты климата Поморья определяются преобладающим положением региона в умеренном поясе, с изменением климата от холодного арктического на севере до умеренно континентального на юге, а с запада на восток от морского до резко континентального. Эта особенность климата объясняется тем, что производимый Гольфстримом тёплый воздух, согревающий Западную Европу, охлаждается по мере того, как удаляется от атлантического побережья и продвигается в Восточную Европу.

Летом, вследствие сильного нагревания поверхности суши, над большей частью территории Поморья формируется обширная область пониженного давления. В это время преобладают западные ветры и на большей части Европейского Севера выпадает основная масса осадков. Обильнее всего они на северо-западе (где почва всего беднее), куда их приносят тёплые ветра, а по мере продвижения к юго-востоку они уменьшаются. Вторая особенность осадков на Европейском Севере состоит в том, что дожди обычно льют сильнее всего во второй половине лета – в июле и августе, когда наступает пора сенокоса и уборки урожая.

Изменчивость в пространстве и во времени климата, рельефа, растительности и других факторов обуславливала формирование на территории Европейского Севера разнообразных типов почв: тундровых, подзолистых, серых лесных не отличающихся высоким плодородием.

На формирование Европейского Севера как целостного региона оказало влияние его географическое положение. По отношению к соседним странам и народам это положение было пограничным. Приморским – оно являлось по отношению к главным сухопутным и морским транспортным путям и к главным районам сбыта продукции, а к главным сырьевым базам, промышленным и сельскохозяйственным районам – периферийным.

Берега Европейского Севера омываются Белым, Баренцевым и Карским морями, принадлежащими бассейну Северного Ледовитого океана. Моря соединены проливами,

наиболее важные из которых – Карские Ворота, Маточкин Шар и другие. Выход северных территорий к северным морям стимулировал развитие в поморских уездах сельского хозяйства, промышленности и ремесла, ориентированных на внешнюю торговлю с Западной Европой.

Территории, примыкающие к побережью Белого и Баренцева морей стали развиваться несколько быстрее других территорий, так как оказались ближе всех к европейским странам и народам, с которыми их связывали морские пути. Специалисты отмечают связь Руси со Скандинавией через северные моря уже в IX – XII вв. [4].

Сравнение образа жизни, религии, производства товаров европейских и азиатских стран приводило северян к осознанию ценности прогресса. Взаимодействие потребностей и культурных ценностей вызывало у них устойчивое стремление к совершенствованию и в тоже время к бережному сохранению традиционных форм жизни и деятельности [5].

В Устюженско-Белозерском крае, Карелии, Важской земле и в Приуралье имелись большие запасы болотных железных руд. Во многих поморских уездах находились значительные запасы подземных соленосных вод, корабельных лесов, а также месторождения глины и строительного камня и других полезных ископаемых. Все это определяло специфику занятий северного населения, соотношение промыслово-ремесленной и земледельческой деятельности, а также привлекало внимание русского правительства для их использования при решении важнейших государственных задач.

Таким образом, географическое положение и природные условия оказывали существенное влияние на такие важные факторы, связанные с политической жизнью населения региона как их занятия (земледелие, скотоводство, промыслы и ремёсла), расселение (преобладание речного и озерного типа), черты характера (трудолюбие, терпеливость, настойчивость, предприимчивость, дисциплинированность, сдержанность, физическая сила, любознательность и другие) [6].

На Европейском Севере социальные институты и организации к XVI веку сложились в устойчивую социальную систему – посадскую и сельскую общину или мир. Эта система длительное время противостояла негативному влиянию государства, которое было вынуждено считаться с нею.

При юридическом оформлении политического и общественного строя в России XVI века, при определении социального статуса разных сословий государство вынуждено было выделить свободное от частновладельческой зависимости крестьянство в качестве отдельной социальной категории. Вместе с посадским населением они образовали сословие так называемых черных людей, позже обособившихся в самостоятельное сословие государственных крестьян. Власть использовала эти традиционные крестьянские и посадские институты в государственном строительстве, в организации управления на местах [7].

Начиная с XVI века, в северной сельской общине обнаруживалась прогрессирующая имущественная дифференциация, выделение в ней зажиточных, основной массы и бедных людей. Крестьяне и посадские из зажиточных и основной массы населения активно участвовали в местном самоуправлении. Некоторые северные уезды не знали воеводского управления, а соответствующие функции отправлялись выборными мирскими властями, непосредственно подчиненными государственному аппарату и входившими в него в качестве низовой ячейки [8].

В ходе включения славянских и аборигенных общин в систему феодальных государственных институтов, определилась та форма собственности, которая названа «разделенной собственностью» крестьян и государства, отражавшая своеобразное равновесие сил борющихся сторон. Черносошный крестьянин считал себя собственником освоенных земельных площадей, которыми он мог распоряжаться, не испрашивая разрешения верховных властей.

Хозяйственно-культурный тип Поморья к XVI в. определялся господством земледельческого крестьянского населения. Главным занятием северных крестьян было

земледелие. Только в самых северных районах по берегу моря и на Кольском полуострове ведущую роль играли промыслы. В Лопских погостах и на севере Приуралья отмечается смешанное земледельческо-промысловое хозяйство.

Характерной чертой северного землепользования, как и промысловой деятельности, является складничество, возникшее в связи с необходимостью огромной затраты труда в условиях географической среды Европейского Севера. Складничество, как особая форма артельной организации труда, представляет удивительное явление, сопутствовавшее северянину с первых шагов заселения и освоения им северных территорий.

Положение черносошного (государственного) населения Поморья отличалось от населения, прикрепленного к духовным и светским феодалам. Оно обладало известной хозяйственной свободой, отличалось предприимчивостью, подвижностью, которые у них вырабатывались в процессе развития промысловой деятельности.

В хозяйстве государственно-зависимых крестьян существовала практика относительно свободного распоряжения земельными угодьями и промыслами, большей самостоятельности хозяйственной деятельности, что определяло и иные черты общественного и домашнего быта, сознания и традиций [9]

Эксплуатация черносошного (государственного) крестьянства составляла материальную базу государственного феодализма, представлявшего собой определенную систему государственного устройства и управления, организацию феодального властвования, выросшую из специфики феодальных общественных отношений.

Государство рассматривало население Русского Севера как один из главных источников людских и материальных, в том числе финансовых ресурсов. В начале XVIII века Поморье поставляло колоссальные людские и материальные ресурсы для обеспечения проводимых в государстве реформ экономического и социально-политического строя.

Преобладание на Севере государственной формы подчинения и эксплуатации, сопровождающейся предоставлением северному населению относительной хозяйственной свободы и самостоятельности позволяло ему ранее других регионов активно включиться в те виды деятельности, которые содействовали концентрации местных рынков в один всероссийский рынок, созданию национальных буржуазных связей.

Если централизованные государства в Европе складывались на базе зарождавшихся капиталистических отношений, частной собственности и утверждавшегося гражданского общества, то единое Русское государство создавалось на основе укрепления феодального, а позже феодально-крепостнического строя. Поморье в этом отношении было исключением, здесь уже в XVI веке стали складываться раннебуржуазные отношения [10].

В конце XV – начале XVI века на севере России возникло религиозно-политическое движение – нестяжательство. Его приверженцы (Нил Сорский, Вассиан Патрикеев, старец Артемий и другие) выступали с требованием отказа церкви от «стяжания», то есть от приобретения церковью и монастырями земельных и имущественных ценностей. Свое требование нестяжатели обосновывали тем, что считали стяжание земельных и имущественных ценностей церковью противоречащим идеалам библейской морали и наносящим ущерб церковному авторитету [11].

В Поморье, как отмечал Г.В. Плеханов, «крестьянство издавна жило не совсем так, как в других частях Русского государства». Отсутствие поместного землевладения «не могло не оказать благотворного влияния на характер и привычки местного населения, которое, кроме того, еще от времен господина Великого Новгорода, вело очень подвижный образ жизни и отличалось более независимым характером, чем жители коренных московских областей. Независимость характера сопровождалась более высокой культурой».

Мировоззрение поморского населения, как и населения страны, было религиозным, с присущим ему представлением о божественном происхождении всякой власти и необходимости безоговорочного подчинения царской власти. Царистские представления опирались на веками существовавший своеобразный консенсус княжеской, великокняжеский, наконец, царской власти с земскими институтами и их представителями.

Г.В. Плеханов считал, что крестьяне – поморы были одной из самых надежных опор монархического государства. «Там, где отсутствовал служилый класс, не могло быть и борьбы с ним, а, следовательно, не могло быть и настроения, создаваемого классовой борьбой. В одушевлявшем их духе независимости не было ничего бунтовского, ничего толкающего на «потрясение» каких либо «основ» [12].

Царистские представления северного населения опирались на веками существовавший своеобразный «консенсус княжеской, великокняжеской, наконец, царской власти с земскими институтами и их представителями [13].

Население Поморья «бунтовало» против злоупотреблений властей, социальной несправедливости, налогового гнета а также против обрядовой реформы русской православной церкви, осуществленной патриархом Никоном в середине XVII в.

Русский Север был одним из основных очагов старообрядчества. Начавшись с протеста части духовенства, возглавленного протопопом Аввакумом, против церковной реформы, старообрядческое движение в дальнейшем охватило в Поморье значительные массы крестьянства и посадского населения. В учении старообрядчества нашли религиозное отражение оппозиционные настроения различных слоев общества, недовольных усилением политического и финансового давления.

У нас нет оснований для сомнений в том, что на севере России не получили распространения идеи монаха Псковского Великопустынского монастыря Филофея. Позже эти идеи получили афористическую форму: «Москва – третий Рим». В основу концепции была положена идея единой для всей русской земли верховной власти, сущность которой сакрализуется: царь поставлен Богом и есть слуга Божий. Царь заботится о своих подданных и строго наказывает отступников. Необходимо безоговорочное подчинение царской власти.

Филофей сформулировал идею гармонии властей (светской и духовной) – «симфонию», в которой преимущество имела светская власть царя. При этом власть должна отвечать требованиям «законного правления», действия правителя ограничиваются законом.

Северное крестьянство всех национальных и этнических групп не только успешно отстаивало свои относительно свободные традиции общественного быта и обычного права, но и активно занималось правотворчеством, создав уникальный в мировой практике образец крестьянского права – Судебник 1589 г. Он возник в Устьянских волостях, где не было ни одного города. Не утвержденный правительством, Судебник был долгое время действующей «судебной книгой» для всего Поморья[14.]

Идея самодержавной, самовластной, неограниченной верховной власти была сформулирована Иваном IV. Поддерживая идею «Москвы – третьего Рима», он подкрепил ее исчислением своей родословной от цезаря Августа. Но в отличие от других идеологов он не признавал никаких ограничений для царской власти. Эта власть нераздельна и наследственна.

При организации власти недопустимо никакое коллегиальное начало. Высший суд должен принадлежать царю как наместнику Бога. Царь и ответствен только перед Богом, но не перед людьми. Эти идеи разделяли его последователи – сын Федор Иоаннович, Борис Годунов, а также представители новой царской династии – Романовы.

Народные предания и сказки, бытовавшие на Русском Севере, рисуют образ «справедливого» царя, стоявшего на страже интересов народа – в противовес жадным и глупым боярам, угнетавшим народ. Идеалистические представления о «мужицком» царе, столь характерное для крестьянской идеологии, выразилось и в сказках об Иване Грозном, который изображался в них как мудрый и справедливый царь, близкий крестьянам и заботящийся о них.

В начале XVIII века при Петре I происходит переход от идеи служения Богу через служение государю к идее служению Отечеству во имя общего блага, отделения государя от государства, утверждения светского мировоззрения и деятельного познавательного образа жизни.

В своем стремлении ликвидировать разрыв и отставание России от европейских стран Петр I ориентировался на мобилизационный тип развития. Этот тип развития позволял концентрировать ресурсы и сверхусилия на приоритетных направлениях, обеспечивающих быстрое достижение этих целей. Северное население было вовлечено в этот процесс и активно участвовало в нём. Это его участие базировалось на традиционных ценностях этатизма, патернализма, примитивного утилитаризма, социального утопизма и эсхатологизма.

Северное общество было традиционным обществом. Традиция играла важную роль в его жизни. Привязанность крестьянского производства к природному базису, преобладание обмена с природой над обменом в обществе порождали природную обусловленность не только характера труда и потребления, но поведенческих стереотипов, всего жизненного уклада. Традиция закрепляла коллективно выработанный многовековой производственный и социальный опыт, оптимальный в конкретных условиях существования, служила механизмом его передачи в поколениях.

Присущий средневековью традиционный образ жизни крестьянства определил и традиционность мышления и мировосприятия, что проявлялось во всех сферах культуры, особенно духовной. Следование от века установленным образцам, с одной стороны, предельно ограничивало творческие возможности, свободу индивидуальности, а с другой, позволяло в рамках традиции достичь высочайших образцов. Сохранение в среде чернососного крестьянства Европейского Севера общинного строя с его старинными установлениями и господством обычного права способствовало особой прочности традиции.

Общинная организация северного населения выступала также важным фактором его культурного развития. С общиной связано бытование на Русском Севере таких произведений поэтического и музыкального фольклора, особенностей прикладного искусства, обрядов и обычаев, которые давно уже были утрачены в центре. Единство города и деревни в бытовом и культурном отношении на Русском Севере поддерживалось наличием всеуездных органов самоуправления.

Социально-экономические условия жизни северного населения с давних пор способствовали его просвещению. Участие его в промыслово-ремесленной и торговой деятельности, административные нужды городского и сельского мира требовали определенного уровня грамотности и знания счётного дела.

Особенно выросла в этом потребность в XVI веке, когда через Европейский Север пролегали пути из России в Западную Европу, а также в Сибирь. В этом столетии определилась и местная практика обучения детей в чернососной деревне особыми «мастерами грамоты», церковными и «площадными» дьячками и просто грамотными крестьянами и посадскими. Анализ челобитных и другой актовой документации XVII века дает основание определить грамотность взрослого мужского населения чернососного крестьянства в пределах от 5 до 25% от общего их числа [15].

Наряду с борьбой против социального (классового) угнетения северяне активно боролись с внешним врагом, отстаивая интересы страны, защищая её и свою территорию. Они были участниками всех крупных войн и сражений, которые вела Россия в изучаемое время с Ливонским орденом, Турцией, Швецией и другими государствами.

1. Кондрескул А.М. Политическая история регионов как научная и учебная проблема//Право и общество: сб. науч. трудов. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2011. С. 173-178.

2. Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. Северо-Западное книжное издательство, 1976. С. 35

3. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т.1-2. М., 1988. С. 59

4. Исторические связи Скандинавии и России (IX –XX вв.) Сб.ст. Л.,1970.

5. Ионов И.Н. Российская цивилизация. IX- начало XX вв. М., 1995. С.9

6. Русские: история и этнография /под ред. И.В. Власовой и В.А. Тишкова. М., 2008. С.63-67; Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Архангельск, 1983. С. 31- 63

7. История северного крестьянства. Т.1.Архангельск, 1984. С. 11

8. Богословский М.М. Земское самоуправление на русском Севере в XII веке. Т.1-2. М., 1909-1912
9. Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI веке. Л., 1978. С.230-231
10. Переход от феодализма к капитализму в России: материалы всесоюзной дискуссии. М., 1969. С.29
11. Казакова Н.А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в., Л., 1970.
12. Плеханов Г.В. Сочинения. Т. 21. М. Л., 1925. С. 140-141
13. Кривошеев Ю.В. О средневековой русской государственности. СПб., 1995. С. 70-72
14. Судебники XV - XVI вв., М.- Л., 1952. С. 343-562.
15. История северного крестьянства. Т. 1. Архангельск, 1984. С. 375-376, 409.

ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПРИТУНДРОВЫХ ЛЕСОВ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Т.М. Красовская, В.И. Стецун, Н.И. Тульская
Географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва,

Архангельская область – один из ведущих лесопромышленных регионов России. По данным Правительства Архангельской области лесопокрытая площадь насчитывает 22,3 млн. га. Эксплуатационные леса составляют 19,8 млн. га — 69%. Только 0,5 млн. га - земли особо охраняемых природных территорий. Еще 9,8 млн.га занимают защитные леса, к которым в том числе относятся притундровые, основная площадь которых приходится на Мезенский район. Притундровые леса этого района расположены преимущественно на низменных заболоченных равнинах и возвышенных плакорных равнинах, а также отчасти на невысоких плато. Они представлены еловыми, сосновыми, березовыми лесами. В древостое присутствует лиственница. Для притундровых лесов Архангельской области характерна высокая степень заболоченности — 50%, при этом в типовой классификации преобладают верховые болота.

Роль лесного покрова в районах Субарктики исключительно велика. Притундровые леса — это своеобразный природный барьер на пути холодных воздушных масс, поступающих на континент из Арктики. Их климатообразующая роль хорошо известна. Однако средообразующие функции притундровых лесов не ограничиваются только формированием мезо и микроклиматических условий. Велика их роль в депонировании углерода, регулировании водообмена, очистке атмосферы от загрязняющих веществ, поддержании биоразнообразия и т.д. Тем не менее, в настоящее время оценка средообразующих функций притундровых лесов ограничена только климатообразующими защитными, а все больший интерес вызывают лесоресурсные функции.

В 2009-2010 гг. законодательная основа для особого режима защитных лесов была изменена и в первый раз за 70 лет в них стали возможны промышленные рубки. Истощение ресурсов древесины в эксплуатационных лесах, вызванное перерубами еще с советского времени, незаконными рубками последних десятилетий и длительно не менявшимися более подходами к определению объемов заготовок, вынуждает лесопромышленников искать новые источники получения коммерчески ценной деловой древесины [1]. Все чаще предпринимаются попытки передачи в аренду для заготовки древесины лесных участков из состава притундровых лесов. Многие участки притундровых лесов предоставлены или предоставляются в аренду. Спрос на ресурсы притундровых лесов диктует рынок. Вероятно, с развитием дорожной сети в Архангельской области доступ к притундровым лесам облегчится, что увеличит их ресурсную эксплуатацию, несмотря на определенные ограничения, предусмотренные современным законодательством.

С 2009 г. на территории Мезенского лесничества, где сосредоточены основные площади притундровых лесов области, осуществляется передача лесных участков аренду для коммерческой заготовки древесины. При концентрации таких участков вблизи населенных пунктов такая практика несет в себе угрозу сохранению притундровых лесов. Не меньшую угрозу представляет добыча алмазов (территория Ручьевского лесничества Мезенского района). Обустройство месторождения им. В.П. Гриба привело к вырубке притундровых лесов на территории промплощадки и инфраструктуры месторождения. Долгосрочные возможные неблагоприятные экологические последствия эксплуатации месторождения для лесных экосистем (потеря биоразнообразия, снижение продуктивности и др.) не определены, также как и от загрязнения лесных экосистем продуктами падения отделяющихся частей ракет с полигона в Плесецке, повышающим к тому же и опасность возгорания лесов. Открытой проблемой (определение оленеёмкости, плата за эксплуатацию пастбищных ресурсов) является использование лесных участков для выпаса оленьих стад, перегоняемых с территории НАО. Все эти факты свидетельствуют о недостаточном внимании к проблеме сохранения притундровых лесов Архангельской области. В зарубежных северных странах (Канаде, Швеции и др.) проблемы сохранения притундровых лесов решены еще три десятка лет назад. В России, по заключению заслуженного лесоведа страны В.Ф. Цветкова ровно столько же им не уделялось внимания со стороны государства. Более того, в последние десятилетия эти леса попали под мощный техногенный пресс, и появилась серьезная угроза их деградации.

Практически нигде не упоминается социокультурная функция притундровых лесов Архангельской области. А ведь эти леса разделяют территории с компактным проживанием разных этнокультурных групп населения: поморов и ненцев. На их территории расположены культурно-исторические памятники, которые еще не систематизированы и недостаточно изучены. Их сохранение необходимо не только для формирования исторической памяти местного населения, но и как потенциальных объектов списка историко-культурного наследия Архангельской области. На территории Мезенского района расположено более 10 объектов культурного наследия, предлагаемых к охране. Среди них: Козьмин пролесок (памятник природы, имеющий сакральное значение), захряпы (природно-культурный объект – деревья, одетые в человеческую одежду, растущие в определенной последовательности), село Кимжа и др. Так, Козьмин пролесок был своеобразным центром всех ненецких шаманов. Ненцы поклонялись особым деревьям, которые были покровителями, двойниками человека. Считалось, что для успешного перегона стад на полуостров Канин здесь необходимо задобрить духов. Хорошо сохранились обетные кресты-распятия XIX века: около д. Березник, д. Петрова, берегу р. Мезени, недалеко от д. Кимжа и т.д. Они являются архитектурными произведениями, декоративные детали которых присущие деревянному зодчеству Архангельской области. Село Кимжа наследует традиционную планировку, крестьянские поморские дома, ветряные мельницы, обетные деревянные кресты, комплекс хозяйственных построек и представляет собой реликтовый культурный ландшафт конца 19 – начала 20 века [2]. Сохранение этих памятников культуры, неразрывно связанных с окружающими природными ландшафтами, «обеспечивают» притундровые леса.

Таким образом, притундровые леса Архангельской области имеют три важнейших функции: экологическую, социокультурную и экономическую. Однако современные и прогнозные оценки этих функций на настоящее время отсутствуют, что может неблагоприятно сказаться на позициях притундровых лесов в планах территориального планирования, а также оценке потенциальных возможностей развития щадящих видов природопользования на их территории. К таким видам относятся, например, рекреационное, природные и культурно-исторические ресурсы для которого только предстоит оценить. Однако «убедить» рыночную экономику в целесообразности сохранения притундровых лесов могут только экономические аргументы. А для этого необходима эколого-экономическая оценка природного капитала притундровых лесов на основе разработанных на настоящее время методик. Особенно важно сделать это для оценки средообразующих

функции притундровых лесов, без которой невозможно обосновать конкурентоспособность существования притундровых лесов по отношению к прочим видам использования территории в условиях развития рыночных отношений. Нет и экономического обоснования целесообразности сохранения притундровых лесов в качестве звена экологического каркаса регионального уровня [3].

Экономическая трактовка природного капитала, представляющего собой запасы/активы природной среды, дающие потоки товаров и услуг в настоящем и будущем, подчеркивает его роль для существования человечества. Стоимость природного капитала представляет собой обменную стоимость экологических услуг геосистем, включающую ресурсные и средообразующие услуги. Оценка экологических услуг помогает выявить основные ограничения природопользования, сохранить экологические функции геосистем, используя платежи за их эксплуатацию в условиях рыночной экономики. Проблема оценки природного капитала неотделима от выбора и решений, которые мы должны принять относительно хозяйственного использования геосистем и их сохранения.

В последние годы в мире всё чаще стали применяться механизмы, в основе которых лежит принцип платы за экологические услуги. За последнее десятилетие платежи за различные виды экологических услуг рассматриваются Всемирным Банком как инновационные подходы к управлению использованием природного капитала. В настоящее время платежи часто происходят в виде бартера, однако имеются примеры и денежных расчетов. Примерами механизмов открытой торговли, поддерживающей экологических услуги, могут служить программы геосистемного трейдинга в США, в которых государственные и частные застройщики компенсируют утраченные экологические функции геосистем [4]. Широкое распространение платежи за геоэкологические услуги получили в некоторых странах Латинской Америки, например в Коста-Рике. В этой стране действует система PSA (Pago por Servicios Ambientales), созданная в 1996 г. Согласно этой системе с любым владельцем земли может быть заключен государственный контракт, стимулирующий владельца к сокращению выбросов парниковых газов, поддержанию водных экосистем, сохранению биоразнообразия, либо просто поддержанию красоты ландшафта. Средства на эти контракты поступают из налога на сжигаемое топливо, из резервов ГЭФ и Всемирного Банка, а также от конечных получателей экологических услуг. В Бразилии и Мексике также разработаны национальные программы платежей за экологические услуги или их аналоги. Всемирным Банком была разработана методика проведения экономической оценки экологических услуг геосистем, опробованная в разных странах мира для решения конкретных задач [5, 6]. Явная нехватка геоэкологических региональных и локальных характеристик является основным препятствием для дальнейшего развития эколого-экономических методик, а также проведения оценочных работ, которые, тем не менее, уже ведутся в разных районах Земного шара (США, Скандинавских странах, Китае, ЮАР и др.) в преддверии формирования глобальных рынков экологических услуг геосистем. Прецедент уже был создан формированием рынка квот на выбросы углекислого газа в атмосферу, закрепленным подписанием Киотского протокола.

Ресурсные и средозащитные функции притундровых лесов Архангельской области нуждаются в эколого-экономических оценках, которые проводились нами в 2012-2014 гг. на основе фондовых и натурных наблюдений с использованием апробированных ранее для северных территорий России методик, рекомендованных экспертами Всемирного банка [7]. Основными методиками эколого-экономической оценки лесных и болотных геосистем притундровых лесов Архангельской области, использованными нами, являются рыночная оценка и аналоговый метод.

Среди всех экологических функций притундровых лесов нами были оценены те, которые были обеспечены необходимыми для расчетов данными и стандартными методическими подходами, которые были адаптированы к российским реалиям и дополнены (табл.1).

Таблица 1.

Экосистемные услуги притундровых лесов Архангельской области и информационная база для их оценки

Экосистемные услуги притундровых лесов	Источники информации	Основные показатели
<i>Ресурсные услуги</i>		
<i>Лесных геосистем</i>		
Стоимость стволовой древесины	Лесной план Архангельской области (2011); экспертные оценки В.Ф. Цветкова	Данные о расчетных лесосеках; рыночная цена 1 м ³ хвойной и лиственной древесины
Стоимость ресурсов дикоросов	Лесной план Архангельской области (2011); экспертные оценки В.Ф. Цветкова	Информация о нормативах сбора дикоросов; рыночная цена 1 кг дикоросов; площадь, доступная для реального сбора дикоросов
<i>Средообразующие услуги</i>		
<i>Лесных геосистем</i>		
Снижение вероятности возникновения штормовых ветров	Сайт МЧС РФ	Среднее количество штормов в год; стоимость среднего ущерба от шторма
Депонирование твердых пылевых частиц (очистка от пыли)	Доклад о состоянии окружающей среды Архангельской области (2011), данные В.В. Крючкова, 1987.	Данные по выбросам пылевых частиц; информация о затратах на очистку.
Депонирование углерода лесами	Лесохозяйственный регламент Мезенского района (2008); данные Д.Г. Замолотчикова, Г.Н. Коровина (1995)	Информация о площади лесов, возрастном и породном составе; данные по объемно-конверсионному коэффициенту
<i>Болотных геосистем</i>		
Депонирование углерода болотами	Лесохозяйственный регламент Мезенского района (2008); данные Д.Г. Замолотчикова, Г.Н. Коровина (1995); Водно-болотные угодья России (1999); Л.И. Инишевой и др. (2013)	Информация о площади болот; данные по объемно-конверсионному; данные по типам болот; данные о скорости накопления и эмиссии углерода
Фильтрующая (водоочистная) функция болот	Данные В.В. Романова (1961); Д. Диксон и др. (2000)	Скорость фильтрации; данные по стоимости очистки на технической установке

Ниже приводятся результаты эколого-экономической оценки с разбивкой на ресурсные и средообразующие функции/услуги притундровых лесов.

Ресурсные услуги

Расчетная лесосека составляет 107.200 м³ хвойных и 19.400 м³ лиственных пород. Леса вырубаются на площади 5,7 тыс. га [8]. стоимость экономического ресурса хвойных пород при действующих ценах на рынке составляет 7.504.000 \$, а лиственных – 776.000 \$.

Площадь эксплуатационных участков ягодных дикоросов (при учете доступности) составила 172.414 га. Стоимость эксплуатационного запаса дикоросов равна 824.138,92 \$.

Средообразующие услуги

Среднее число штормов в Архангельской области составляет 3 дня в год, а на участках покрытых лесом – 0,9 дня в год (2011). Исходя из средней стоимости ликвидации ущерба от штормовых ветров и их повторяемости на лесопокрытых и незалесенных территориях области, стоимость защиты от этого опасного природного явления лесами составляет 357.386 \$.

Общий выброс твердых пылевых частиц от стационарных и передвижных источников в Мезенском районе составляет 205 т. Затраты на очистку (выплаты за выброс и работу оборудования) от 1 т пылевых частиц составляют 803,1 р./т (рассчитано пропорционально затратам в среднем по области). Функция депонирования пыли притундровыми лесами Мезенского района составила 5.603,66 \$.

Депонирование углерода притундровыми лесами рассчитывалась с учетом их возрастного и породного состава. Стоимость 1 т углекислого газа по Киотскому протоколу составляет 10\$. Стоимость функции депонирования углерода составляет: еловый лес – 25.046.577,2 \$, сосновый лес – 6.365.712,57 \$, березовый лес – 3.196.661,98 \$, лиственный лес – 397.729,47 \$.

Площадь болот составляет 50% от площади лесничества, что является 1.664.907 га [9]. По типам болот преобладают верховые (73%). Накопление углерода болотами в Мезенском районе происходит не весь год, а только 113 дней [10]. Стоимость депонирования углерода болотами Мезенского района в год с учетом эмиссии составила: верховые – 618.313,44 \$, переходные – 203.281,16 \$. низинные – 804.654,66 \$.

Водоочистная функция рассчитывалась аналоговым методом путем сравнения «работы» болот с очистной установкой, которая очищает 1.500 м³/сутки и стоит 50.000 \$ при работе 50 лет [5]. Определенный совокупный объем функции фильтрации болотами различного типа в теплый период сопоставлялся со стоимостью очистки воды очистной установкой. Стоимость водоочистной функции болот Мезенского района в год составляет: верховые – 116.555.144,35 \$, переходные – 8.211.320,11 \$, низинные – 8.667.505,84 \$.

Полученные данные эколого-экономических оценок ряда экологических функций лесных и болотных геосистем притундровых лесов Архангельской области удовлетворительно согласуются с результатами аналогичных вычислений других авторов. Они показывают, что удельная стоимость ресурсных услуг ниже, чем средообразующих, соответственно: 2,64 \$/га и 49,44 \$/га. При этом болотные геосистемы дают практически 80% (39,26 \$/га) удельной стоимости услуг. Таким образом, притундровые леса, а точнее – их геосистемы не только экологически значимы, но и экономически ценны, особенно в условиях формирования мировых рынков экологических услуг экосистем.

Проведенное сопоставление показывает, что, несмотря на оценочный характер расчетов и возможное несовершенство их методик, притундровые леса уже имеют достаточно весомое экономическое обоснование для их сохранения в условиях рыночной экономики. Стоимость оцененных (далеко не всех возможных!) средообразующих услуг притундровых лесов на два порядка выше современного ВРП района. Необходимо отметить, что эколого-экономическое обоснование необходимости сохранения притундровых лесов является далеко не единственным аргументом. Во внимание необходимо принимать также их культурно-исторические, этнокультурные и другие гуманитарные факторы.

1. WWF, Архангельское отделение, 2012.

2. Достопримечательности Мезенского края. Доступно по адресу: <http://nordveter.ru/dostoprimechatelnosti-mezenskogo-kr>

3. *Евсеев А.В., Красовская Т.М.* Притундровые леса Мурманской области в структуре экологического каркаса // *Современные проблемы притундровых лесов.* Архангельск: «Сев.(АРК.) федеральный университет им. М.В. Ломоносова», 2012. С. 10-15.
4. *Costanza R., D'Arge R., De Groot R. et al.* The value of the world's ecosystem services and natural capital // *Nature*, 1997. Vol. 387: 15 May. P. 253-260.
5. *Диксон Д., Скура Л., Карпендер Р., Шерман П.* Экономический анализ воздействия на окружающую среду. М.: Вита Пресс, 2000. С. 270.
6. *SAN.* Regional integrated environmental indicators development. UN. Statistical Division. N. Y., 1993.
7. *Красовская Т.М.* Природопользование Севера России. М.:ЛКИ, 2007. С. 270.
8. Лесной план Архангельской области. Корректировка Лесного плана, составленного в 2008 году ФГУ «СПбНИИЛХ». Архангельск, 2011.
9. Лесохозяйственный регламент Мезенского лесничества. СПб., 2008.
10. *Цветков В.Ф., Семенов Б.А.* Современные проблемы притундровых лесов// *Современные проблемы притундровых лесов* / Архангельск: «Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова», 2012. С. 5-14.

ЧЕЛОВЕК В АРКТИКЕ

В.С. Кузнецов

Национальный парк «Русская Арктика», Архангельск, kvs1947@mail.ru

1. Природные условия Арктики с позиций жизни человека

Согласно общепринятым взглядам Арктика — это планетарная часть Земли, центром которой является Северный полюс, а окраинной границей — Северный полярный круг. Арктика занимает примерно шестую часть поверхности Земли, при этом две трети арктической территории приходится на Северный Ледовитый океан и его моря. Большая часть поверхности океана на протяжении всего года до последнего времени была покрыта дрейфующим льдом, а степень покрытия изменялась в зависимости от сезона.

На Земле две полярные области, одной из которых является Арктика. Эти области характеризуются суровыми климатическими условиями, специфическим биологическим разнообразием и, в силу больших расстояний, особыми условиями транспортных возможностей перемещения человека и грузов. Вследствие этого, здесь создается достаточно специфические условия для жизни человека, которые определили особый уклад жизни местного населения. При этом местное население есть только в Арктике, в Антарктиде его нет.

По имеющимся археологическим сведениям первые представители *Homo sapiens* проникли на побережье Северного ледовитого океана около 30 000 лет назад. Об этом свидетельствуют стоянки древних людей в долине р. Усы «Мамонтова курья» (Республика Коми) и в устье р. Яна «Берелех» (Республика Саха (Якутия)). Проникновение и освоение древними людьми высоких широт существенно повысили природные адаптивные возможности *Homo sapiens*, как вида. В условиях постоянной борьбы с холодом и стихией формировались северные адаптивные типы популяций человека.

В настоящее время на северных территориях и в Арктике постоянно проживают отдельными группами народности, которых называют еще малыми народностями. Малыми их называют, потому что их немного, и они продолжают жить своим укладом жизни. Особенность этого уклада заключается в том, что малые народности Севера находятся в большей степени в гармонии с природой, чем люди, живущие в благоустроенных поселках и городах цивилизованного мира. Они хорошо чувствуют окружающую природную среду и довольствуются теми естественными потребностями человека, которые предоставляет ему суровая природа Арктики. Цивилизация, открывшая человеку новые горизонты своих потребностей, малых народностей Севера обошла стороной.

Они в основном занимаются рыболовством, охотой, сбором диких плодов, часть из них представляют собой кочевников-оленьеводов. Летом они продвигаются с оленями к северу, к берегам моря, занимаясь также охотой на белых медведей, диких оленей, тюленей и т. д., а к зиме возвращаются на юг в лесную полосу. Живут в чумах — конических шалашах из кольев, покрытых оленьими шкурами, с очагом посередине; питаются главным образом олениной и вообще животной пищей, пьют теплую кровь убиваемых животных, летом пользуются также ягодами, временами добывают себе муку и водку. Одеваются в одежды и обувь из звериных шкур, преимущественно оленьих, отчасти и собачьих.

В условиях сегодняшнего меняющегося мира именно коренные народы Севера больше всего страдают от воздействия современной цивилизации. Веками они жили в экстремальных северных условиях, адаптировались к ним, создали специфическую социальную среду, свою экономику и культуру. Но сейчас они испытывают огромные трудности в процессе приспособления к требованиям современного мира, ориентированного в основном на рыночное ведение хозяйства. Кроме того, индустриальное освоение месторождений природных ресурсов, которыми богат Север, все больше влияет на аборигенное население. Изменилась структура занятости коренных малочисленных народов Севера, претерпела существенные изменения хозяйственная деятельность. Жизнь этих людей во многом зависит от того, насколько будут продуманы и созданы условия для сохранения и адаптации традиционных видов их хозяйствования в условиях промышленным освоением территории, а также оценены и решены возникающие при этом экологические проблемы.

Человек, выросший в условиях современного цивилизованного общества, чужд для Арктики. Он приходит в Арктику временно с целью либо испытать себя в экстремальных природных условиях, либо в интересах знакомства с удивительным миром дикой природы, либо заработать деньги, устроившись в какую-либо промышленную или иную компанию. Попытки создать в Арктике самоуправляемые поселки, аналогичные цивилизованным поселениям более южных широт, успехом не увенчались. Даже поселки и целые города, созданные вблизи месторождений рудных полезных ископаемых (например, Норильск) функционируют благодаря пришлому населению. Все люди здесь временные, они работают исключительно ради заработка, и у них даже в мыслях нет, чтобы навсегда здесь остаться и вести кочевой образ жизни, подобно тому, как живут местные коренные жители. Таков закон жизни. Наоборот, часть местного населения стремится изменить жизнь и перейти на оседлый образ, приобщиться к цивилизации. Но и это далеко не всегда получается.

Поэтому реалии жизни в арктических условиях следует принимать такими, какими они сложились к настоящему времени.

Для деловых контактов с цивилизованным миром малые народности севера создали общественные организации и от имени этих организаций участвуют в процессах управления арктическими территориями, отстаивая свои интересы и права на сохранение своей самобытности.

2. Правовой подход

Исторически сложилось так, что к Арктике в настоящее время прилегают территории шести суверенных государств мира: Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, Канады, Дании, Исландии и Норвегии. В историческом плане отношение к арктическим территориям имеют также Швеция и Финляндия, тем более, что часть территорий этих государств находятся севернее Полярного круга. При этом у каждого из так называемых приарктических государств имеется своя история подхода к определению арктических территорий. Аборигенное население Арктики своей государственности никогда не имело.

Первой страной, которая для себя определила арктические территории, была Канада. По различным источникам эта страна, будучи еще доминионом Британской империи в 1909 году провозгласила своей собственностью все земли, как открытые, так и могущие быть

открытыми впоследствии, лежащие к западу от Гренландии между Канадой и Северным полюсом. В 1925 году было принято решение, запрещающее всем иностранным государствам заниматься какой – либо деятельностью в пределах канадских арктических земель без особого на то разрешения канадского правительства.

Решение Правительства Канады о распространении своей юрисдикции на прилегающие арктические территории дало начало концепции полярных секторов. Практически по этому же пути пошло Правительство Российской Федерации. Первым документом, определяющим статус земель, расположенных в обширной арктической зоне России, была нота МИД Российской империи от 20 сентября 1916 года. В ноте содержалось положение о включении в состав территории государства всех земель, составляющих продолжение на север территории империи. Советский Союз в 1924 году подтвердил положение ноты 1916 года о принадлежности России всех земель и островов арктического сектора. Точку в этом вопросе поставило постановление Президиума ЦИК в 1926 году «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане». Постановление объявляло, что «территорией Союза ССР являются все как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова, не составляющие к настоящему моменту опубликования настоящего Постановления признанной Правительством Союза ССР территории каких-либо иностранных государств, расположенных в Северном Ледовитом океане к северу от побережья Союза ССР до Северного полюса в пределах между меридианами $32^{\circ} 04' 35''$ восточной долготы, проходящим по восточной стороне Вайда Губы, и меридианом $168^{\circ} 49' 30''$ западной долготы, проходящим по середине Берингова пролива. Принадлежность этих территорий СССР официально не оспаривалась ни одним из арктических государств. Поэтому на настоящий момент указанные земли островов в соответствии с секторальным принципом являются территорией Российского государства.

США определило свой арктический сектор в пределах территории, расположенной к северу и западу от границы, обозначенной реками Поркьюпайн, Юкони и Кускокуим. В этот сектор включены также цепь Алеутских островов, а также все смежные моря, включая акватории Северного Ледовитого океана, морей Бофорта, Берингова и Чукотское. Площадь полярного сектора США к северу от полярного круга – 1.7 млн. км² (8% площади Арктики).

Подход к Арктике скандинавских государств – Дании, Норвегии, Исландии и Швеции имеет богатую историю. Находясь практически на территории, примыкающей непосредственно к Арктике, эти государства не делали акцента на специфику своих северных территорий, а в основном участвовали в их колонизации. При этом первенство, или главенство, в управлении этими территориями переходило от одного ныне существующего государства к другому. Можно сказать, что наиболее продвинулись в управлении арктическими территориями Дания, Норвегия и Швеция. До сих пор огромный арктический остров Гренландия является территорией Дании, поэтому Дания полноправно считается приарктическим государством. Богатый опыт работы в Арктике Финляндии и Швеции позволяет и эти скандинавские государства относить к приарктическим.

Таким образом, на настоящий момент правами на принадлежность арктических территорий к своим государствам имеют приарктические государства.

3. Создание Арктического совета

Возросший к концу XX века интерес к арктическому региону, как району с богатыми природными ресурсами и перспективой их освоения, привел к необходимости нахождения универсальной формулы управления этой территорией Арктики. Согласившись на необходимость координации деятельности и объединения усилий государств, территории которых примыкают к полярному кругу, представители государств – Дании, Исландии, Канады, Норвегии, России, США, Финляндии и Швеции – 19 сентября 1996 года собрались в Оттаве и приняли Декларацию о создании Арктического совета. Созданию Арктического совета предшествовала большая работа ряда международных организаций, которые были

озабочены отсутствием надежного механизма регулирования охраны окружающей среды, рационального природопользования и обеспечения экологической безопасности в этой уязвимой на планете зоне. Поэтому одним из центральных вопросов деятельности Арктического совета стала забота об охране окружающей среды.

Основными целями Арктического совета являются:

- нахождение способов организации сотрудничества, координации и взаимодействия между арктическими государствами по вопросам Арктики, представляющим общий интерес, с привлечением объединений арктических коренных народов и других жителей Арктики, особенно по вопросам устойчивого развития и защиты арктической окружающей среды;
- надзор и координация программ, учрежденных в рамках Стратегии охраны окружающей среды Арктики (АЕПС) по Программе арктического мониторинга и оценки (АМАП); Программе сохранения арктической природы и фауны (КАФФ); Программе защиты арктической морской среды (ПАМЕ); Предупреждению, готовности и реагированию на чрезвычайные ситуации (ЕППР);
- определение круга ведения Программы устойчивого развития, а также ее контроль и координация;
- распространение информации, поощрение образования и обеспечение интереса к вопросам, относящимся к Арктике.

Многогранность интересов и методов работы такой важной международной организации, как Арктический совет вызвала необходимость привлечения профильных министерств и ведомств России к участию в ее деятельности. Непосредственным куратором программ Арктического совета является Министерство экономического развития, которое также координирует участие российских специалистов в Рабочей группе по устойчивому развитию. Министерство природных ресурсов России ответственно за работу в Рабочей группе по сохранению арктической флоры и фауны, Рабочей группе Программы защиты арктической морской среды, а также в Руководящем комитете Плана действий по борьбе с загрязнением в Арктике. Министерство по чрезвычайным ситуациям России председательствует в рабочей группе по предупреждению, готовности и реагированию на чрезвычайные ситуации, а Росгидромет активно действует в Рабочей группе Программы арктического мониторинга и оценки.

Интерес к арктическим территориям, как со стороны приарктических государств, так и государств, не имеющих территориальной близости к полярной области, проявляется по-разному. Со времен достижения человеком Северного географического полюса тема управления арктическими территориями с определенной периодичностью всплывает на поверхность. Если в эпоху первых исследователей высокоширотной Арктики преобладали понятия патриотизма, высоких физических, духовных и моральных качеств людей, делающих первые шаги в суровых природно-климатических условиях, то к настоящему моменту приоритеты сместились в сторону потенциальной возможности освоения природных ресурсов. В эпоху пионерного освоения Арктики вопросы государственной принадлежности этих территорий не являлись ключевыми, и только зарождалось само понятие государственных границ. Для современного же мира отношение к этим трудно доступным морским территориям для ряда государств становится важным элементом политики.

Безусловно, что государства, включая Россию, отдающие приоритет секторному подходу к разделению арктических территорий, будут отстаивать свои позиции, которые имеют свою правовую основу. В то же время, трудно представить ситуацию, когда экономически и технологически развитые государства молчаливо будут соглашаться с этим мнением. Поэтому перспектива в управлении арктическими территориями видится в варианте взвешенного подхода с использованием норм международного права на основании модели устойчивого развития с обязательным участием международных организаций.

4. Промышленное освоение Арктики

Развитие любой территории, где комфортно может проживать человек, в современных условиях увязывается с конкретной экономической деятельностью. Под экономической деятельностью в данном случае понимается любая активная деятельность человека, которая, во-первых, позволяет ему иметь соответствующий финансовый доход, во-вторых, удовлетворять его потребности в части реализации его профессиональных навыков и в-третьих, соответствовать современным понятиям о человеке, как развивающейся личности.

На отдельных территориях различных континентов Земли до сих пор проживают племена людей, которые живя в полной гармонии с дикой природой, свой уклад жизни сохранили на уровне первобытного племени. Считается, что племена, живущие в тропических условиях южной Америки и Африки, до сих пор живут в условиях первобытного строя и воздействие цивилизации на жизнь человека их совершенно не коснулось. Почему так происходит – однозначно сказать трудно, поэтому примем это как очевидный факт. Ни о какой экономической деятельности этих людей не может быть и речи, так как отношения между ними строятся на основе правил общения в рамках человеческого племени.

В Арктике сохранилось аборигенное население, которое до настоящего времени живет по своим правилам, отличающимся от правил жизни индустриального общества. Это, как указывалось выше, так называемые коренные малочисленные народы Севера. Они делятся на этнические группы и в соответствии с российским законодательством являются малочисленными, так как в эти группы входят люди одной национальности, численность до 50 тысяч человек. Они ведут кочевой, полукочевой или оседлый образ жизни. У них своя культура, свои обычаи, мировоззрение, основанное на культе духов и преклонении перед животными. Их хозяйственная деятельность связана с оленеводством, охотой, рыболовством, сбором дикоросов и традиционными промыслами. По существу – это и есть их экономическая деятельность. По своим масштабам она ни коим образом не может равняться и конкурировать с деятельностью компаний топливно-энергетического комплекса.

В Гренландии живут эскимосы. Они говорят на эскимосском языке и антропологически относятся к арктическому типу монголоидов. Они очень хорошо приспособились к жизни в арктических условиях, создали лодку каяк, снежное жилище иглу, глухую меховую одежду. До непосредственных контактов с пришлым населением, внесшим в жизнь аборигенов элементы цивилизации, эскимосы занимались в основном охотой на морского зверя и дикого оленя, жили территориальными племенными общинами, добычу распределяли первобытно-коллективным способом. После контактов с пришлым населением от морского промысла перешли к охоте на песцов и к товарному рыболовству, тем самым практически начав экономическую деятельность.

Промышленное производство – это важный компонент экономической деятельности и наряду с торговлей эти виды деятельности создают мощный фундамент развития территории. Для арктических территорий с их специфическими природными и погодными условиями потенциал экономического развития, как нигде, связан с использованием природных ресурсов. Что же происходит здесь в настоящее время, когда сталкиваются интересы крупных промышленных компаний и местного населения?

Сохраняя традиционные принципы жизни в суровых арктических условиях и находясь в гармонии с природой коренные народы Севера довольствуются тем минимумом, что дает им кочевая жизнь. Пищу и одежду они получают от живущих рядом с ними оленей и сбором дикоросов. Отношение их к цивилизации двойственное – с одной стороны часть коренного населения Севера и Арктики принимает современные жизненные принципы цивилизованного мира, с другой стороны очень сильны традиции предков и желание жить в гармонии с суровой, но близкой по духу, природой. История освоения арктических территорий в России свидетельствует о некоторых особенностях этого процесса.

Первопроходцы Арктики активно использовали жизненный опыт местных народностей при знакомстве с этой территорией и вхождении в этот район. Так,

американский первопроходец Пири, всю свою жизнь посвятивший арктическим походам к Северному полюсу, не мыслил перемещаться по арктическим просторам без сопровождения эскимосов, способных жить в условиях дрейфующих льдов.

Открыв для себя протяженные арктические территории, следуя за первопроходцами, пришлый цивилизованный человек пытался устроить поселения в Арктике, взяв за основу жизненные принципы поселений на материке. К примеру, при освоении северного острова архипелага Новая Земля в начале XX века русским правительством был создан поселок Ольгинский в Крестовой губе. Арктический поселок согласились обживать крестьяне из Архангельской губернии. Первая зимовка крестьян в условиях Арктики привела к тому, что часть крестьян, не выдержав суровых арктических условий, заболели и умерли. Не получился также эксперимент с объединением диких и одомашненных оленей. Именно этим и планировалось занять новых поселенцев. Объединенное стадо оленей ушло в тундру.

Признавая необходимость освоения арктических территорий, правительство России принимает решение о развитии научного направления. Открывается первая научная полярная станция «Бухта Тихая» на острове Гукера архипелага Земля Франца-Иосифа. Вскоре в арктической зоне открываются еще несколько полярных станций. На основании информации о погоде с этих полярных станций составляются прогнозы погоды, позволившие проводить транспортные операции с использованием авиации и водного транспорта. Начинается практическое освоение трассы северного морского пути. Деятельность человека в Арктике активизируется в направлении научного изучения природных процессов и наработки опыта проведения транспортных операций вдоль арктических берегов от Мурманска и Архангельска до восточных районов Чукотки.

По завершению Второй Мировой войны большое внимание уделяется созданию в Арктике объектов военного назначения. Наряду с метеорологическими станциями, установкой навигационного оборудования и маяков в целях обеспечения безопасности мореплавания в этих районах строятся военные аэродромы и радиолокационные станции, усиливается охрана государственной границы. В Арктике растет контингент пришлого населения, который приходит в Арктику как временный житель, так как имеет постоянное место жительства на материке и в Арктику приходит в основном для заработка.

Со временем приоритеты экономической жизни меняются, и к концу XX века одним из наиболее эффективных направлений экономической деятельности становится добыча нефти и газа. Арктика в этом отношении представляет собой огромную перспективу, и здесь разворачиваются большие работы по изучению и разведке месторождений углеводородов. Работы в основном проводятся в шельфовой зоне с использованием специализированных морских судов и буровых платформ.

К этому времени на повестку дня вышла экологическая проблема и для работ в арктической зоне предъявляются высокие требования в области охраны окружающей среды. Каждая производственная компания при проведении поисково-разведочного бурения разрабатывает свою внутреннюю политику для достижения целей экологической безопасности и охраны окружающей среды. Эта политика предусматривает комплекс мероприятий по соблюдению режима экологического благоприятствования, направленный на неукоснительное соблюдение природоохранного законодательства. Все работы, связанные с охраной окружающей среды, проходят согласование в контролирующих организациях и жестко ими контролируются.

Таким образом, реалии сегодняшнего дня свидетельствуют о том, что арктическая область Земли не может существовать изолированно от цивилизованного развития человечества. Огромный интерес к этой географической области проявляют не только приарктические государства, но другие страны, обладающие мощным технологическим и интеллектуальным потенциалом. По мере освоения суровых территорий этого края путем создания научных станций, стационарных объектов по обеспечению безопасности мореплавания и объектов военного назначения все больший интерес проявляют компании, занимающиеся разведкой и добычей нефти и газа. Без современного транспортного и

специализированного оборудования, сложных технологий и квалифицированных специалистов производить эти работы невозможно, поэтому экономическая составляющая деятельности человека неизбежно приведет к усилению антропогенного воздействия на природную среду. И не смотря на все усилия промышленных компаний соблюдать требования природоохранного законодательства, влияние промышленного производства на жизнь аборигенного населения Арктики обязательно скажется.

5. Заключение

Жизнь человека неразрывно связана с природой. Именно в природе он получает силу духа и опыт выживания в неблагоприятных условиях суровой природной среды. В этих неоднозначных природных условиях формируется личность и закаливается характер, приобретаются навыки человека, способного бороться и побеждать. Здесь нет места для человека, выросшего в тепличных условиях среды обитания современной цивилизации.

Экономическое развитие территории приводит к созданию благоприятных условий для человека, которому не нужно бороться за выживание в дикой природе, а достаточно обладать качествами борца в среде человеческого общества. Природа как бы здесь не причем. Но это не так.

На Земле к настоящему времени сохранились места, где человек до сих пор живет, довольствуясь (особенно в пище) тем, что он может добыть с помощью элементарных орудий и индивидуального огнестрельного оружия. У этих людей сохранились свои традиции и верования, указывающие на силу дикой природы и необходимость уважительного обращения с ней. Далеко не всегда попытки обратить этих людей в веру и традиции цивилизованного человека достигают положительных результатов. Часто приобщение этих людей к современной цивилизации дают плачевные результаты. И причин в этом достаточно.

Арктика в этом отношении - место особенное. Здесь сохранилась самобытная жизнь людей, для которых суровые условия севера и Арктики являются естественной и благоприятной средой жизни. Промышленное производство, связанное с добычей нефти и газа, и пришлое население вносят существенные изменения в быт и взгляды местных жителей, приоритеты и баланс интересов коренного населения. Приход цивилизованного человека в Арктике – факт состоявшийся. Поэтому цивилизованному человеку, понимающему и признающему ведущую роль в развитии человечества, важно своими взглядами и действиями не навредить коренным жителям. При этом, положительный опыт экологически грамотного природопользования, накопленный веками аборигенами Арктики, следует активно внедрять в ходе промышленного освоения природных ресурсов этого уникального края.

1. Народы Сибири, М.-Л., 1956.

2. Народы Америки, т. 1, М., 1959

3. Меновщиков Г.А. Эскимосы, Магадан, 1959

4. Файнберг Л.А. Общественный строй эскимосов и алеутов от материнского рода к соседской общине, М., 1964.

5. The Atlas of Canada — Territorial Evolution, 1927.

ОТ РУССКОГО СЕВЕРА К РУССКОЙ АМЕРИКЕ

Г.А. Лепин.

Архангельский центр Русского Географического общества, Lepin.gennadij@yandex.ru

Русская Америка – общее название всех поселений русских людей на северо-западном побережье Америки в период с 1741 по 1867 гг.

Русские промышленники устремились к американским берегам самыми последними. Давно на континенте хозяйничали испанцы, португальцы, англичане, французы... Некоторые колонии успели стать самостоятельными государствами. Когда русские начали строить свое первое поселение на американском берегу, Соединенным Штатам исполнилось уже 18 лет!

И тем не менее, русские уверено заняли свою нишу на никем не занятом северо-западе американского континента, и больше 80 лет (с 1784-1867) чувствовали себя здесь хозяевами положения.

До появления европейцев на территории современного штата Калифорния проживало несколько народностей американских индейцев (Рис. 1). Земли тихоокеанского побережья, с их богатыми животным и растительным миром, были практически изолированы от других регионов Америки хребтами гор. Из-за этих особенностей природы Калифорнии культура живших здесь индейцев не похожа на другие культуры коренных народов Северной Америки.

Индейцы Калифорнии занимались в основном собирательством, охотой и рыбалкой. Калифорнийские индейцы не имели единой государственной структуры.

Рис. 1. Эскимосы материковой Аляски и чукчи-оленьеводы издревле (из фондов Российского государственного музея Арктики и Антарктики).

Русская Америка - уникальное явление в истории Отечества. Огромная территория, когда-то освоенная русскими промышленниками и исследователями, а затем оставленная Россией, до сих пор хранит многочисленные следы русской культуры.

Первыми русскими, которые со стороны Сибири открыли Аляску (Америку), была экспедиция Семёна Дежнева в 1648 году. Это был последний шаг на торном пути через Северную Азию. (Рис. 2)

«В путь 20 июня 1648 г. вышло шесть кочей. Седьмой коч присоединился сверх оговоренных условий. Герасим Анкудинов снарядил его на реку Анадырь на свой страх и риск. В походе участвовало 90 человек. Дежнев разделил их на три отряда. Люди Федота Алексеева Холмогорца — 29 человек — составили первый отряд. Люди Афанасия Андреева и Бессона Астафьева, приказчиков московского гостя Кирилла Босова,— известны фамилии девяти человек — составили второй отряд. Люди Дежнева—известны фамилии только 18 человек — входили в третий отряд.

О Дежневе и существовании его похода все еще не утихают споры. И дело не в том, что не обнаружены положенные в таких случаях дневники Дежнева или корабельные журналы. Их не могло быть.

Исследователей смущает другое: мог ли Дежнев совершить выдающееся морское плавание в тяжелейших природных условиях на маленьком деревянном парусном судне? В последние годы установлено, что русские кочи — это суда, строившиеся для ледового плавания, они ходили под двумя парусами, по компасу. Имелись компасы и на кораблях Дежнева» [1].

Рис. 2. Фрагмент картины «Кочи Дежнева в Чукотском море» (из фондов РГМАиА).

«Открытие Русской Америки в первой половине XVIII века - блестящий пример бесстрашия, героизма и самопожертвования русских моряков-первопроходцев.

Первыми «зарегистрированными» русскими у берегов Северной Америки были геодезист Михаил Гвоздев и подштурман Иван Федоров. На боте «Св. Гавриил» 21 августа 1732 года они подходили к американской земле в районе Берингова пролива. Правда, на американский берег они не высаживались.

Побывав около самого западного на американском берегу мыса Нихте, так его называли индейцы, известного нам под названием мыса принца Уэльского. Иван Федоров впервые обозначил на карте оба берега Берингова пролива, а американскую сторону Михаил Гвоздев назвал «Землицей Кыгмальской», поскольку чукчи именовали Аляску «Землей Кыымылат» - страной эскимосов. Но смерть в 1733 году Федорова и страх Гвоздева перед бироновскими застенками чуть было не предали забвению это великое открытие, которое до 1741 года практически оставалось тайной» [2].

По иронии судьбы именно на боте «Св. Гавриил» Витус Беринг «открыл» в 1728 году «свой» пролив и доказал, что Азия и Америка не соединяются. Хотя за 80 лет до него это сделал Семён Дежнёв. Но Беринг и Пётр I про это не знали.

Рис. 3. Беринг Витус (Иван Иванович) (1681-1741) датский мореплаватель (из фондов РГМАиА).

«Официальное, но трагическое для первопроходцев открытие «Новой России», именно так предлагал назвать Аляску соратник Беринга Свен Ваксель, произошло во второй четверти XVIII века. В начале лета 1741 года в море вышли корабли «Святой Петр» и «Святой Павел» под командованием Витуса Беринга (рис. 3.) и его помощника Алексея Чирикова. На шестнадцатый день плавания в тумане корабли потеряли друг друга из виду и дальше плыли самостоятельно. И Беринг и Чириков достигли берегов Нового Света. «Святой Павел» после длительного плавания у берегов Аляски и Алеутских островов хотя и потерял пятнадцать членов команды, которые ступили на американскую землю и все до одного были перебиты туземцами, но благополучно вернулся в Авачинскую гавань. Витус Беринг умер от цинги 6 декабря 1741 года на одном из островов, впоследствии названных Командорскими» [3]. Освоение Аляски и образование Российско-Американской компании подробно описал в «Обзоре русских колоний в Северной Америке» капитан 2-го ранга П.Н. Головин [4].

После возвращения и официальных отчетов о плаваниях В. Беринга и А. Чирикова стало ясно, что достичь американского континента с востока, даже по открытому морю, совершенно реально. И к заветным берегам Америки устремились промысловые и охочие люди.

Небольшие группы торговцев мехами устремились на небольших судах сначала к Алеутским островам. С 1740-х годов и до конца XVIII века более 40 русских купцов и компаний предпринимали путешествия на Алеутские острова и дальше к берегам Аляски. "Алеутская гряда" явилась своего рода мостом, по которому русские дошли от Камчатки до Америки на сравнительно небольших судах.

«Первым, кто решился отправиться на Аляску, стал сержант камчатской команды Басов. Он изготовил судно «шитину», сшитое китовым усом, и назвал его «Капитон». На нем в 1743 году Басов совершил первое плавание на остров Беринг.

Вслед за Басовым начали отправляться на Алеутские острова и другие промышленники, на собственные средства или на паях снаряжая суда. В 1764 году компании купцов Югова и Трапезникова российское правительство даровало монопольное право на промыслы на Алеутских островах, с условием собирать с местного населения ясак в пользу государства и отчислять десятую часть добытого. В 1779 году сбор ясака был отменен» [5].

«Настоящим первооткрывателем и создателем Русской Америки был Григорий Иванович Шелехов. Купец, уроженец города Рыльска в Курской губернии. Шелехов переселился в Сибирь, где разбогател на мехоторговле. Начиная с 1773 года 26-летний Шелехов стал самостоятельно отправлять корабли на морской промысел (Рис. 4).

Рис. 4. Григорий Иванович Шелихов (Шелехов).Русский исследователь, мореплаватель, промышленник и купец. (из фондов РГМАиА).

В августе 1784 года, в ходе своей главной экспедиции на трех кораблях, он достиг острова Кадьяк, где стал строить поселение. Именно благодаря энергии и дальновидности Шелехова в этих новых краях было заложено основание русских владений. в 1784-86 гг. Г.И. Шелехов начал также строить еще два укрепленных поселения в Америке. Составленные им планы поселений включали ровные улицы, школы, библиотеки, парки. Вернувшись в Европейскую Россию, Шелехов выдвигал предложение о начале массового переселения русских в новые земли (Рис.5).

Рис. 5. Современная карта штата Аляска
(Петропавловск-Камчатский — краеведческий сайт о Камчатке).

При этом Шелехов не состоял на государственной службе. Он оставался купцом, промышленником, предпринимателем, действовавшим с разрешения правительства. Сам Шелехов, однако, отличался замечательным государственным умом, прекрасно понимая возможности России в этом регионе. Не менее важным было и то, что Шелехов прекрасно разбирался в людях и собрал команду единомышленников, которые и создали Русскую Америку.

До 1786 года Шелехов был успешным торговцем пушниной на Алеутских землях, но его пушной империи требовались и другие способные руководители. Одного такого помощника он увидел в Александре Андреевиче Баранове (Рис. 6), купце из старинного города Каргополя, переселившимся с деловыми целями в Сибирь. В 1791 году он, как оказалось, навсегда, прибыл на Аляску. 43-летний (то есть уже немолодой по тем временам)

Александр Баранов был назначен главным управляющим на острове Кадьяк. Баранов был на грани банкротства, когда Шелехов взял его себе в помощники, угадав в нём исключительные качества: воля, предприимчивость, настойчивость, твёрдость, организаторские способности. Обладая Баранов и удивительным для предпринимателя бескорыстием - управляя около трех десятилетий Русской Америкой, контролируя многомиллионные суммы, обеспечивая высокие прибыли акционерам Русско-Американской компании, он не оставил себе никакого состояния!

Рис. 6. Баранов Александр Андреевич. (1746–1819) Купец, первый главный правитель Русской Америки, исследователь Северной Америки.
(Петропавловск-Камчатский — краеведческий сайт о Камчатке)

В "Комсомольской правде" 12 октября 1991 года, известный журналист, писатель и путешественник Василий Михайлович Песков опубликовал статью "Сказание о Баранове", которую он потом включил в свою книгу "Аляска больше, чем вы думаете".

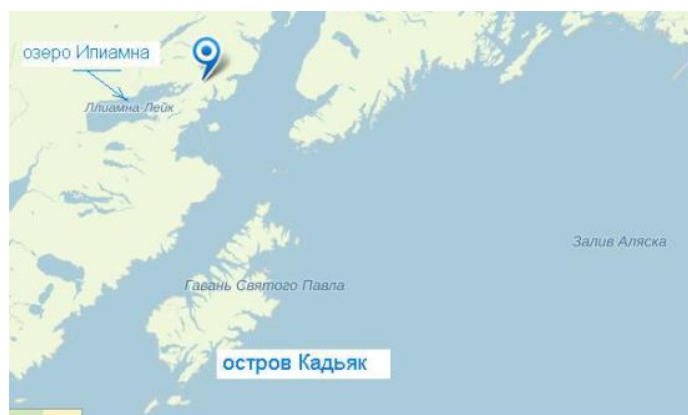

Рис. 7. Остров Кадьяк. XIX в.
(Петропавловск-Камчатский — краеведческий сайт о Камчатке)

Александр Андреевич Баранов – "Самая яркая личность в истории Аляски" - такими словами он охарактеризовал его [7]. Позднее, в 1996 году появился исторический роман Аркадия Ивановича Кудри "Правитель Аляски", в которой автор рассказывает об А.А. Баранове с большой симпатией и любовью.

Баранов стал не только частью истории русского освоения Дальнего Востока и Америки, но и частью истории США, истории русско-американских отношений. Москвич Борис Георгиевич Иванов, побывавший в 1988 году на Аляске, рассказывает: "Я сам убедился, насколько популярно на Аляске имя Баранова. Его имя носят огромный остров,

река, озеро, отели, а в Ситке (бывшем Ново-Архангельске, основанном А.А.Барановым) оно видно почти всюду: улица, школа, мемориальный холм, торговая фирма, магазин - везде Баранов, Баранов, Баранов!" [8].

"Барановский" период был наиболее блестящим в истории Русской Америки, он ознаменовался значительным расширением ее владений, торговых связей, укреплением экономического благосостояния Российско-Американской компании.

Баранов перенес представительство компании в новый, основанный им на севере острова Кадьяк город Павловская Гавань. Сейчас Павловск (Pavlovsk) - главный город острова Кадьяк (Рис. 7).

Именно Баранов основал на Аляске целый ряд русских поселений (Рис. 8), в том числе и Новоархангельск (современный город Ситка).

Рис. 8. Ново-Архангельск, Аляска. XIX в. (из фондов М.Г. Малахова)

Под руководством Александра Баранова Российско-американская компания значительно расширила сферу своих интересов, был построен Форт Росс в Калифорнии (Рис. 9), установлены торговые связи с Гавайями.

Рис. 9. Музейный комплекс Форт Росс, Калифорния, 2009 г. Пушки 1812 г.
(из архива М.Г. Малахова).

В 1824 году Россией были подписаны договоры с правительством США и Англией, которыми были на государственном уровне определены границы русских владений в Северной Америке.

Русская православная церковь вела очень активную миссионерскую работу с коренными жителями (Рис. 10). И сегодня процент православных христиан среди населения Аляски очень высок.

Перед Барановым стояли определенные и очень нелегкие задачи. Основными из них были организация пушного промысла и контроль за ним. Ведь именно добыча ценной пушнины (прежде всего калана) была главным стимулом колонизации русскими промышленниками Северо-Западной Америки. «Русские колонии держались в основном на принудительном труде туземцев. Для добычи морских бобров (так называли русские калана) создавались байдарочные партии из алеутов, превосходных охотников, под руководством русских начальников партий - байдарщиков. Кроме того, посредством использования труда алеутов и эскимосов добывалось местное продовольствие (мясо и жир китов и других морских животных, рыба, съедобные корни, ягоды). Не мог правитель Аляски даровать туземцам их прежней "вольности", как того требовали миссионеры, члены первой русской православной миссии, прибывшие на Аляску в 1794 году для обращения местного населения в христианскую веру, поскольку само существование русских колоний оказалось бы под большим вопросом» [9]. Нужно было осваивать и заселять эту суровую землю, строить крепости и корабли, заниматься огородничеством и скотоводством, развивать торговлю, вести финансы, открывать церкви и школы.

Железная дисциплина, которую он установил в колониях, была осознанной необходимостью, потому что действовать Баранову приходилось в крайне тяжелой и сложной обстановке. Баранов не был жестоким по натуре человеком, он был жестким, волевым, суровым и требовательным начальником, но "человек иного склада и не смог бы удержать в своем повиновении ту пеструю рать из бывалых матросов, ссыльных, отчаянных и беспутных северных промышленников, которые и составляли основное население Русской Америки" [10].

Рис. 10. Православная церковь в Уналашке .(из архива М.Г. Малахова).

Главное правление Русско-Американской компании не очень-то спешило оказать поддержку колониям, поэтому они испытывали хронический недостаток в продовольствии. Самую острую нужду люди испытывали в хлебе, который, несмотря на все старания, в колониях не вызревал.

«На рубеже XIX века русские встретились с сильным противодействием чрезвычайно воинственных индейских племен, готовых воевать без всякой причины - просто ради войны.

Кроме того, продвижение русских стало уже наталкиваться на конкуренцию английских торговцев, которые выменивали у индейцев бобровые шкуры, снабжали индейцев ружьями и даже пушками, продавали ром и другие спиртные напитки, что было запрещено в торговле с аборигенами в Русской Америке, а также подстрекали индейцев к выступлениям против русских» [11].

Так, в 1802 году индейцы – тлинкиты, подстрекаемые и вооруженные американскими торговцами, напали на Михайловскую крепость на острове Ситка, убили всех живших в крепости русских и алеутов, подвергнув многих из них перед смертью мучительным пыткам; разграбили компанейские склады с пушниной, сожгли крепость и строившееся судно. А ведь Баранов обосновался на о. Ситка с разрешения индейских вождей (тойонов). Правитель настойчиво предупреждал своих помощников и всех промышленников, чтобы они соблюдали предельную деликатность по отношению к колошам (так русские называли индейцев), охраняли всемерно мир с ними, не раздражали их и не оскорбляли, ничего не брали без платы (Рис 11).

Рис. 11. Битва за Ситку, 1804 г. Луис Гланцман. (из фондов Каргопольского музея).

Вот в каких условиях создавались и расширялись "заведения" Компании в Америке! Вот так описывает очевидец событий мичман Гавриил Иванович Давыдов: "Двенадцать уже лет (речь идет о 1802 годе), как он (Баранов) живет в Америке с народами дикими и грубыми, окруженный всегдашними опасностями, борясь с закоренелым развратом находящихся здесь русских, с беспрестанными трудами, со всеми недостатками, нередко с самим голодом, притом не имеющий ни одного почти человека, способного содействовать ему с таковою же ревностью, быв лишен способов не токмо распространить здешнюю торговлю, но даже противиться мщению некоторых народов или облегчить участь других, поработенных Российско-Американской компаниею. Кажется, как будто он без всякой помощи оставлен в самом себе находить средства... к поддержанию заведений в Америке. Все сии труды, препятствия, горести, недостатки и неудачи не ослабили дух сего редкого человека, хотя, конечно, влили в нрав его некоторую мрачность. Твердость духа его и всегдашнее присутствие разума суть причиною, что дикие без любви к нему уважают его, и слава имени Баранова гремит между всеми варварскими народами, населяющими северо-западный берег Америки..." [12]

Хочется отметить, что правитель Русской Америки был заботливым мужем и отцом. Имея обширные знания во многих областях жизни, приобретенные ценой самообразования,

он стремился дать своим детям систематическое образование. Его дочь Ирина знала два иностранных языка (английский и немецкий), играла на фортепиано. Сын Антипатр, выросший в гавани, куда приходили корабли со всех концов света, бредил морем и еще в детстве твердо решил стать моряком. С 13 лет он участвовал в морских плаваниях на судах Компании, причем Александр Андреевич просил капитанов, чтобы они не делали его сыну никаких скидок, относились к нему как к рядовому члену команды судна. Антипатр умел обращаться с компасом и парусами, по вантам лазил, как кошка, бесстрашно вел себя во время шторма [13].

Английский мореплаватель Джордж Ванкувер, исследовавший Тихоокеанское побережье Северной Америки в 1790-1795 годах, отмечает: "Я с чувством приятного удивления видел спокойствие и доброе согласие, в каком живут русские между самыми грубыми сыновьями природы. Покорив их под свою власть, они удерживают влияние над ними не страхом победителей, но, напротив того, приобретая любовь их благосклонным обращением... Русские находятся на весьма дружественной ноге со всеми жителями края" [13]. Вообще русские оставили о себе добрую память, именно благодаря уважению к самобытной культуре алеутов, эскимосов и индейцев, отношению к ним как к равным себе народам (Рис.12).

А.А. Баранов разработал образовательную программу для местных детей, креолов, у которых отцы были русские, а матери – из коренного населения (алеутки, индейки, эскимоски). РАК осуществляла общее образование и подготовку мастеровых различных профессий, мореходов и судовых механиков из туземных детей и креолов. Их обучали не только на островах, но и в Охотске, Якутске, Иркутске и Санкт-Петербурге.

А.А. Баранов считал, что служит не только Компании, но и Отечеству. Только при этой высокой цели оправдывались все те невероятные усилия и лишения, которые он терпел тут с горсткой колонистов. В гимне, сочиненном Барановым, есть такие строчки:

Здесь хоть дика кажется природа,
Кровожадна привычка народа,
Но выгоды важны,
Отечеству нужны
Сносными делают скуку
и труд [8].

Рис. 12. Старинное русское поселение (Унга, Алеутские острова, 2009 г.)
(из архива М.Г. Малахова).

Американец русского происхождения Виктор Петров в книге "Русские в истории Америки" добавляет: "Не будь Баранова, не было бы и Русской Америки, и неизвестно, смогли ли бы русские удержаться на Аляске" [14].

За выдающийся вклад в развитие заморских колоний Российской империи Баранова называли «Лордом Аляски».

«Александр Андреевич Баранов был человеком чести и долга. Через все 28 лет службы он пронес репутацию честного, бескорыстного человека. Стяжательские черты у него отсутствовали полностью. Самые острые критики главного правителя не могли обвинить его в преследовании личных целей: располагая огромной и почти бесконтрольной властью, он так и не скопил себе состояния, предпочитая раздавать средства нуждающимся родственникам и знакомым или жертвовать их на церковь, училище или в пользу бедных. Обратимся снова к свидетельству Гавриила Ивановича Давыдова: "Он (Баранов) не легок на знакомства, но для друзей своих не жалеет ничего, любит угощать иностранцев всем, что имеет, и всегда с удовольствием помогает бедным. Совершенное бескорыстие - не первая в нем добродетель. Он не только не жаден к собиранию богатств, но и праведное стяжание свое (т.е. то, что заработал) охотно уделяет... знакомым своим, претерпевающим недостаток. Известно, что часть своего жалованья Александр Андреевич отдавал Ивану Александровичу Кускову, своему ближайшему помощнику, и правителю Кадыякской конторы Баннеру, чтобы удержать их в Америке, так как они были как раз из тех людей, на которых он мог положиться. Жалованье у них было небольшое. В Тотьеме есть собор (Богоявленский), восстановленный после пожара 1815 года на пожертвования. 1000 рублей поступили из Русской Америки "от Баранова и других служащих РАК". Находясь далеко от Каргополя, Баранов стремился денежно способствовать воспитанию в родном городе бедных сограждан-детей и содержанию гражданского училища. И снова возникает вопрос: мог ли быть такой человек жестоким?» [15]

В Каргополе – малой родине, набережной дали имя Баранова и поставили здесь памятную стелу с барельефом и надписью: «Александру Баранову – основателю русских поселений на Аляске, исследователю и первому правителю Русской Америки, 1790-1818». Здесь же – контуры карты, на которой можно разглядеть и Каргополь, и Ситку (прежний Ново-Архангельск).

Весной 1991 года петрозаводский клуб «Полярный Одиссей», под девизом «250 лет Русской Америке», начал организовывать поход на Аляску. «Основной целью экспедиции являлось моделирование плавания на экологически чистых судах без двигателей, возможность плавания под прямыми парусами в арктических водах, восстановление научных и культурных связей между городами и населенными пунктами СССР и США, также определение взаимоотношений и влияние русской культуры на местное население со времени открытия Русской Америки. Время на подготовку и осуществление экспедиции - июль-ноябрь 1991 года.

Экспедиция проводилась в рамках программы «Миссия Золотой век», которая была разработана клубом «Полярный Одиссей» под руководством Виктора Дмитриева. Они стали основоположниками современного строительства парусных судов в Петрозаводске и уже осуществили несколько подобных экспедиций - по следам архангельских поморов к берегам Шпицбергена, вокруг Скандинавии, по пути «из варяг в греки», и другие, участниками которых были люди самых разных специальностей и разного возраста.

Самой сложной оказалась экспедиция к берегам Русской Америки. Большое значение уделяли участию в Колумביаде, которая началась в 1991 году и должна продлиться весь 1992 год. Это фестивали парусных судов на западном и восточном побережье Северной Америки, участие в культурных и научных программах русских поселений, например Форт-Росс и других» [16].

«Весь путь осуществлялся на поморском паруснике - коче. Это двухмачтовое судно. Мачты грот и фок с прямым парусным вооружением. Длина корпуса 12 метров, водоизмещение до 7 тонн. Парусник строился по собранным материалам по типу поморских

кочей начала XVIII века, до Петровских реформ. Сделали ледовую обшивку корпуса. Судно имело небольшую поварню, помещение, где с трудом мог разместиться экипаж до 10 человек, трюм для продуктов питания и дополнительного такелажа и оборудования, небольшую казенку для кормщика (Фото 1).

Из навигационных приборов был только магнитный компас. Во время хода парусник управлялся румпелем навесного пера руля, также имелось три пары весел, багры, опорники и плотницкий инструмент» [17].

Фото 1. Коч «Помор» у берегов Аляски. (Фото В. Вешнякова).

В августе была осуществлена погрузка парусника в Мурманске на теплоход «Павлин Виноградов». Коч был закреплен на крышке трюма.

Экипаж «Помора» полностью сформировался. Дело в том, что в экспедицию оформлялось 24 человека, но к этому времени осталось всего 8 участников. Не пошли в море даже радист и врач. Члены экипажа: Юрий Наумов - руководитель программы, по судовой роли капитан (вице- президент фирмы «Карелия - ТАМП») Владимир Вешняков - телеоператор, по судовой роли старший помощник капитана (оператор Архангельского телевидения), Иван Данилов - мастер колокольного звона, по судовой роли второй помощник капитана (сотрудник Института экологических проблем Севера УрО АН СССР), Станислав Зайцев - старший матрос (директор музея г. Тотьма) Евгений Зимирев - матрос (архангельский художник, член Союза художников), Станислав Курицын - матрос (художник-декоратор) Андрей Григорьев - переводчик и кинооператор, Юрий Колышков - боцман. По своему составу команда с успехом могла работать и контактировать на американском берегу и меньше имела способность находиться в экстремальных морских условиях. Из всего экипажа только 4 человека имели морские навыки.

«Теплоход «Павлин Виноградов» шел Северным морским путем через моря: Баренцево, Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское. Несколько суток через ледяные поля теплоход сопровождался атомоходом «Сибирь».

Не доходя 8 часов хода «Павлина Виноградова» до мыса Шмидта коч был спущен на воду, и с этого места Чукотское море проходил на буксире разных судов. Мыс Шмидта разделяет районный центр и чукотский поселок» [18].

«После мыса Дежнева мы попали в жестокий шторм, который и понес нас к берегам Аляски. Но, как оказалось позже, суденышко наше было невизированное, да и документы у нас не совсем правильно оформлены. И мы были лишены возможности заходить в иностранные порты. Но шторм предоставил нам такую возможность. Нас вынесло совсем не к форту Росс, а к эскимосскому поселению под названием Скамон-бей.

Встретили нас просто прекрасно, почти все жители вышли на берег. Колокольный звон не смолкал в течение всего дня. (Фото 2, 3). Поселок Скамон-бей находится под гористыми сопками и постройками примыкает к ним. Жителей до 700 человек, почти все эскимосы, за исключением учителей в школе, временных работников аэропорта, а также служителей двух церквей. Большую роль играет совет старейшин, которые решают многие вопросы жизни поселка. Именно совет решил оказать нам помощь, т. е. решил вопрос нашей жизни и смерти.

Живут они в домах, сделанных из свай, плит, досок. Дома обогреваются горячим воздухом, и в каждом есть кондиционеры. В некоторых установлены железные камины. Дома окрашены в разные цвета, от этого весь поселок выглядит разноцветным. Самые крупные постройки - это школа и спортивный зал, кроме них есть еще несколько больших зданий» [19].

«В последующие дни мы детально знакомимся с жизнью поселка. Оказывается, здесь знают много русских слов еще со времен Русской Америки. Самые старые эскимосы помнят рассказы о приходе в Скамон-бей русских парусников. Тогда ходили толпы: русские корабли, особенно вдоль таких сложных для хода берегов. Учителя рассказывали легенду, что когда в Форт-Росс сбрасывали русский флаг, то он зацепился за штыж пехотинцев, и русским было очень горько это видеть. Здесь совет старейшин принял сухой закон, поэтому, как говорили сами эскимосы, у них жизнь разительно отличается от других общин. Но почти все они много курят, особенно молодежь, и даже дети, которые используют жевательный табак. Интерес к нам был большой, особенно к нашей жизни, очень интересовались нашим кораблем и нашими колокольными звонами. Так что звонить приходилось часто, но без какой-либо оплаты за концерты» [20].

«В честь нашего спасения на сопке над Скамон-бей мы поставили навигационный крест до 4 метров с надписью на медной пластине и списком членов экипажа (Фото 4), что тоже соответствует древним поморским традициям. Также удалось договориться и о дальнейшем плавании - теперь уже к русским поселениям» [21].

Фото 2. Колокольные звоны на коче «Помор». 1991 г. (Фото В. Вешнякова).

Фото 3. п. Скамон-бей. Октябрь 1991 г. (Фото В. Вешнякова).

Фото 4. Экипаж коча «Помор» у памятного креста, который установили в п. Скамон-бей. Октябрь 1991 г. (Фото В. Вешнякова).

«По результатам экспедиции придется еще очень много работать, но уже сейчас можно сделать некоторые выводы. Так как связи между материками и странами, а значит и народами, столетиями осуществлялись на парусных судах - восстановление традиций парусного флота было бы в наше время наиболее актуальным. Такие плавания, конечно, возможны, но на дальние рейсы нужны суда сопровождения» [22].

«С 24 по 28 февраля 2014 г. на базе Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (САФУ) состоялась серия тематических мероприятий с участием известных полярников, ученых, членов Русского географического общества, а также политических деятелей региона и России (фото 5).

Одним из центральных событий недели стала Зимняя школа «Модель Арктического совета». Это международная акция, направленная на развитие и укрепление сотрудничества между образовательными учреждениями в Арктическом регионе. В работе школы приняли участие студенты таких стран, как Россия, США, Канада, Норвегия, Швеция, Великобритания, Индонезия и Тайланд.» [16].

Фото 5. Зимняя школа «Модель Арктического совета»
(Из материалов сайта ВОО «Русское географическое общество»).

«С лекциями выступили Почетный консул Великобритании на Аляске, профессор Университета Аляски Анкоридж Дидди Хитчинс и профессор Университета Западного Вашингтона Дуглас Норд.

Профессор Дидди Хитчинс в своей лекции рассказала о двух важных вопросах: роли США в Арктическом совете и истории вступления США в Арктический совет. Соединенные Штаты изначально не были арктической страной, до приобретения Аляски у Российской империи в 1867 году. В дальнейшем именно штат Аляска стал «входным билетом» в Арктический совет. «У США множество глобальных интересов, и Арктика вовсе не является приоритетным направлением политики Соединенных Штатов. Большинство американцев вообще не осознают, что живут в арктической стране. Многие из них даже не воспринимают Аляску, отделенную Канадой от других штатов, как часть своей страны», – пояснила Дидди Хитчинс. Гостья рассказала об историческом развитии Аляски вплоть до наших дней. Этот штат сыграл свою роль и во время холодной войны. По мнению Дидди Хитчинс, если бы США не купили Аляску в XIX веке, то в середине XX века наличие такой большой территории в Северной Америке у правопреемника Российской империи – Советского Союза – могло бы изменить ход холодной войны» [17].

В своем выступлении Герой России, председатель Рязанского областного отделения Русского географического общества, известный путешественник и исследователь Аляски Михаил Малахов (Фото 6) более 30 лет занимается организацией арктических экспедиций, сказал: «Мне, как кандидату медицинских наук, особо интересен был вопрос адаптации человека к условиям низких температур, предельных физических и психологических нагрузок.

Фото 6. Герой России, председатель Рязанского областного отделения Русского географического общества, известный путешественник и исследователь Аляски Михаил Малахов (Из материалов сайта ВОО «Русское географическое общество»)

В 1995 году ученый вместе с канадцем Ричардом Вебером совершил уникальный поход от Канады до Северного полюса и назад. Проведя в режиме автономного путешествия 123 дня, Малахов на себе проверил выносливость человеческого организма. Адаптация шла по принципу возвращения к природе, отметил Михаил Георгиевич: так, со временем участники похода стали чувствовать запахи за сто метров до объекта» [18].

«Сейчас Малахов и его коллеги занимаются популяризацией географических открытий россиян. В данный момент они заняты созданием сериала, где рассказывается о путешествиях, совершенных по следам русских первопроходцев. Одну из серий этого проекта, посвященную гибели экспедиции Руфа Серебренникова на реке Медной, смогли посмотреть участники встречи. Для того чтобы воссоздать картину произошедшей трагедии, команда Малахова проделала нелегкий путь по Аляске. «Одна из наших задач – историко-

географическая реконструкция выбранного маршрута. Мы двигаемся по тому пути, который ранее прошли наши предки, и выясняем, как все было на самом деле», – рассказал участник научной экспедиции «Аляска» Иван Савельев, заведующий кафедрой международного права и сравнительного правоведения Юридического института САФУ» [19].

«Еще одним почетным гостем Недели Арктики стал директор Музея Арктики и Антарктики, председатель Полярной комиссии Русского географического общества, профессиональный путешественник Виктор Боярский (Фото 7). Его рассказ о Гренландской экспедиции (1988 г.) и международной экспедиции «Трансарктика» (1989–1990 гг.) затаив дыхание слушали и студенты, и их преподаватели.

Кроме того, в рамках Недели Арктики прошел показ двух новых документальных фильмов, созданных медиацентром САФУ «Арктический мост». Ленты посвящены экспедициям «Арктического плавучего университета» 2013 года. Напомним, проект уже на протяжении нескольких лет проходит под эгидой Русского географического общества и получает финансовую поддержку в рамках грантовой политики РГО».

Фото 7. Директор Музея Арктики и Антарктики, председатель Полярной комиссии Русского географического общества, профессиональный путешественник Виктор Боярский.
(Из материалов сайта ВОО «Русское географическое общество»).

«28 февраля в Архангельске состоялось открытие выставки (Фото 8, 9) Михаила Малахова, посвященной экспедициям «Русская Америка: возвращение к родным берегам». Экспозиция рассказывает о деятельности исследователей Русской Америки и современных путешествиях на Аляску. Как отметил Михаил Георгиевич, история изучения русской Аляски фактически ограничивалась 1867 годом (годом продажи этой территории США), а более поздний период долгое время был не охвачен. «Нам удалось стать своеобразными первопроходцами и показать, что волна истории не смыла следы пребывания россиян на этой земле», – подчеркнул он» [20].

Фото 8. Презентация выставки Малахова М.Г. (Фото Г.А. Лепина).

Фото 9. Презентация выставки Малахова М.Г. (Фото Г.А. Лепина).

По окончании выставки, Малахов М.Г. и Боярский В.И. посетили Архангельский центр Русского Географического общества. (Фото 10, 11)

Фото 10. Групповой снимок в офисе Архангельского центра РГО.
(Фото из архива Г.А. Лепина).

Фото 11. В дружеской беседе. Слева направо: Боярский В.И., Симакова Л.А., Малахов М.Г., Лепин Г.А. (Фото из архива Г.А. Лепина).

РУССКАЯ АМЕРИКА

Г.А. Ленин

Много всяких версий об Аляске, –
До сих пор о ней идёт трезвон...
Из России (факт бесспорно ясен)
Первым посетил – Дежнёв Семён!

Век спустя издал указ Пётр Первый, –
Земли те подробней изучить.
И пошли туда, – в ком крепче нервы,
Им-то дело можно поручить!

Беринг путь из Азии освоил
К Северной Америке тогда,
Дальше было дело непростое:
Здесь – обосноваться на года!

Так на алеутской Уналашке
Поселенье русских родилось.
Поселенцы первые – бесстрашный
Был торговый люд, как повелось.

Шелихов добавил там народу,
(Он привёл сюда три корабля),
Увидал Кадьяк и огороды, –
Там картофель приняла земля!

Павловская гавань зародилась,
Появился православный храм,
Эскимосов много покрестилось,
Развивались отношения там!

Шелихова ставленник, Баранов,
На Аляске стал руководить,
«Лорд Аляски!», – так когда-то станут
На Руси об этом говорить!

Ближе к девятнадцатому веку
«РАК» – была компания в цвету,
Русскому в то время человеку –
Так легко поверилось в мечту,

Что теперь Аляска покорилась
Навсегда впитала русский дух!
Но потом всё в мире изменилось,
И азарт безудержный потух.

Полтора столетия, почти что,
Как Аляска продана была...
И сегодня не грешно почтить-то
Наших смелых предков имена:

Здесь Дежнёв и Беринг – честь им, слава!
Шелихов, Баранов и Кусков,
И небезызвестный нам Резанов!
А ещё поход был и таков:

Два уже столетия с половиной
Русский дух в Америке витал,
Судно наше с именем «Павлина
Виноградова» – туда курс взял,

Теплоход из Мурманска отчалил
В девяносто первом (прошлый век),
И его – в Америке встречали!
Коч «Помор», в нём девять человек,

Среди них – звонарь Иван Данилов,
Он концерты чудные давал,
Человек талантливый и милый, –
Душу, свет России изливал!

До сих пор к Аляске – точно знаем,
Не погас у русских интерес.
И Герой России из Рязани
На байдарке плыл в Стране Чудес!

Где прошёл Загоскин, – был Малахов
В окружении своих друзей,
Трудный путь прошли они без страха!
А теперь в Рязани есть музей,

«Русская Америка» впитала
Об Аляске материал большой,
И о людях сведений немало,
Земляках со смелой душой!

Русская Америка – не сказка,
А правдивый маленький рассказ.
Были мы на берегах Аляски,
И, конечно, – будем! И не раз!

-
1. Белов М.И. По следам полярных экспедиций., Л., Гидрометеиздат, 1977. С. 45-46
 2. Иван Миронов. Как продавали Аляску. Все еще можно вернуть. М., 2012. С. 2-3.
 3. Там же. С. 3-4.
 4. Головин П.Н. Обзор русских колоний в Северной Америке. СПб., 1862. С. 4.
 5. Иван Миронов. Как продавали Аляску. Все еще можно вернуть. М., 2012. С. 8-10.
 6. Песков В.М. Аляска больше, чем вы думаете. М., 1994. С. 141.
 7. Иванов Б. Именем земляка // Коммунист. 1989, 25 мая.
 8. Гринев Андрей. Правитель Русской Америки // Былое, 1996. № 12.

9. Кудря А. Правитель Аляски. М., 1996. С.166-167.
10. Русская Америка: По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. М., 1994. С.13.
11. Российско-Американская компания... С.66.
12. Песков В.М. Аляска больше, чем вы думаете. М., 1994. С.143.
13. Кудря А. Правитель Аляски. М., 1996. с.377
14. Русская Америка в "Записках" Кирилла Хлебникова. М., 1985. С.222.
15. Песков В.М. Аляска больше, чем вы думаете. М., 1994. С.70.
16. Сборник «Иван Данилов – мастер колокольного звона». Сост. Е.М. Дорофеева. Правда Севера. Архангельск, 2007 г. С. 141.
17. Там же. С. 141.
18. Там же. С. 144.
19. Там же. С. 146.
20. Там же. С. 146.
21. Там же. С. 147.
22. Там же. С. 148.
23. (Из материалов сайта ВОО «Русское географическое общество»
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же
27. Там же

«ЧУЧУНА» И «СИИРТИ» – ЧУКОТСКИЕ «ТЕРРАКИ»

*В.В. Лисниченко, Н.Б. Лисниченко **

Институт судостроения и морской арктической техники САФУ, Северодвинск,
lisnichenko_v_n@mail.ru; *НП «СЭО «Будущее Поморья», Северодвинск

У ненецких охотников и оленеводов сохранились предания о странных человекообразных существах, с которыми в XVII - XX веках изредка встречались их предки на просторах Большеземельской тундры.

В ненецком языке эти загадочные существа называются "сииртя", "сиртя", "сирти", "сихиртя", что в переводе с ненецкого означает "чуждаться", "избегать". Современная наука не дает однозначного ответа на вопрос, кем являлись «сииртя» на самом деле и относит их существование преимущественно к области мифотворчества. Но ведь за многими мифами и легендами зачастую кроются вполне реальные исторические события. По преданиям [3], при встрече с ненцами, «сииртя» всегда быстро убегали и прятались в тундровых холмах. Сами ненцы тоже не стремились к общению с этими, считавшимися опасными, обитателями тундры, стараясь держаться от них подальше.

Для того, чтобы попытаться понять феномен "сииртя" ("сиртя", "сирти", "сихиртя") нужно взглянуть на данный вопрос несколько шире, выйдя за пределы конкретного региона Большеземельской тундры и контактной системы «ненец – «сииртя». Северные народы – ненцы, якуты, чукчи – на протяжении значительного периода времени располагали определенными сакральными знаниями о необычных «диких людях». Еще в начале XX века в приполярных областях Евразии местные охотники и оленеводы убивали «диких людей», одетых в сплошные меховые костюмы из цельных оленьих шкур, под которыми обнаруживалось черное, издающее невыносимое зловоние тело. Игнорировать данный феномен было невозможно, и поэтому в первой трети XX века возникли научные споры относительно природы этого явления.

26 апреля 1929 года в газете «Автономная Якутия»¹ с согласия партийных органов в рамках антирелигиозной пропаганды появилась статья «Чучуна»². В ней говорится о «чучуна» как о вполне реальном существе, которое хорошо известно местным жителям. В

статье говорится: «Чучуна часто появлялся до революции. Излюбленное их место – Бутантайский наслег Верхоянского улуса, где их видели ежегодно и даже убивали (по многим сообщениям). Появлялись по 2-3 человека весной и уходили, неизвестно куда (говорят, к чукчам) поздно осенью... За чучуна при царизме и во время военного коммунизма пробовали «охотиться», 2-3 чучуна в разное время удалось убить из бердан. Трупы закопали и «охотники» упорно скрывали это, боясь преследований за убийство. В 1926 и 1927 гг. в Бутантайском наслеге было 2 чучуна (по одному в год)».

Наиболее аргументированная научная точка зрения, объясняющая появление в Якутии «чучуна», была отражена в публикациях в журнале «Будущая Сибирь» № 6 за 1933 год, где была напечатана статья профессора Петра Людовиковича Драверта «Дикие люди мюлены и чучуна» и рецензия на эту статью этнографа Гавриила Васильевича Ксенофонтова. В статьях приводятся ссылки на уникальный этнографический материал, собранный авторами в Якутии в начале XX века.

«Чучуна» тунгусы северных округов называют обитателей северных хребтов — диких людей, живущих в пещерах. Одежда из звериной шкуры, вооружение – лук и стрелы, на поясе висячий нож и огниво. Нож железный, очень плохой, массивный. Угоняет у тунгусов оленей, целые табуны» (П. Драверт) [2].

В этом же журнале опубликована рецензия этнографа Г.В. Ксенофонтова, в которой автор обосновывает противоположную точку зрения на данную проблему, пытаясь доказать, что чучуна – мифический персонаж. При этом Г.В. Ксенофонтов ссылается на очень интересные этнографические материалы. «Что же касается рассказов о диком охотнике «чучуна», весьма распространенных среди якутов и тунгусов Булунского и Верхоянского округов, то их надо рассматривать как результат пережитка древнейших верований туземцев Севера. Вот мои записи народного фольклора якутов Булунского района, характеризующие упомянутые образы якутской мифологии (со слов Афанасия Винокурова, якута 65 лет, Жиганского улуса). «Чучуна» снимает шкуру с дикого оленя целиком, как мы сдираем шкуру с зайца, и натягивает на себя. Когда высохнет шкура и начнет сжимать его тело, он заводит такую же новую одежду. Говорят, он, подобно медведю, роет себе нору в земле. Люди редко встречаются с ним, но всегда видят его убегающим. Он будто бы бежит с быстротой летящей птицы. Ходит всегда один, при виде человека убегает» [2]. Предания о встречах охотников и оленеводов с «чучуна» распространены в области проживания северных якутов, от Хатанги до Индигирки.

Материалы, собранные в 20-40-е годы XX века на территории Якутии и Эвенкии профессором П.Л. Дравертом и этнографом Г.В. Ксенофонтовым, позволил этнографу и краеведу И.С. Гурвичу объяснить природу возникновения феномена, связанного с появлением мифов и легенд о «чучуна» на ряде территорий восточной и центральной Сибири. На основании фольклорных материалов И.С. Гурвич весьма аргументировано утверждал, что легендарный злой дух «чучуна» не мифологический образ, а вполне реальный человек, оказавшийся в экстремальной ситуации [1].

На Чукотке на протяжении столетий существовали своеобразные обычаи, связанные с морской охотой. Во время охоты сильные ветры нередко уносили легкие одноместные каяки в открытый океан. Течение в Чукотском море направлено против часовой стрелки, поэтому совершив круг, льды возвращались к берегу много западнее – у северного побережья Якутии между Индигиркой и Яной.

Чукотские охотники, унесенные в океан, длительное время могут выживать в самых тяжелых условиях. Низкие температуры арктического лета морским охотникам не страшны: меховая одежда позволяет спать на снегу или на льду. Во льдах можно охотиться на морского зверя, а снеговую воду можно пить, можно изготовить из снега и льда убежище от ветра, а звериный жир может гореть, и им можно будет обогреться. Если лед близко подходил к суше, попавшие в беду охотники могли спастись и перебраться по льдинам на коренной берег.

Однако претерпев немыслимые опасности и трудности, чудом выбравшись на берег, истинного спасения это им уже не приносило. Согласно древнего чукотского обычая, пропавшие в море, спустя определенный период времени считались погибшими, даже если оставались живыми. Когда унесенные льдами зверобои добирались до берега, им не следовало возвращаться в родное селение, так как они считались по родовым законам живыми мертвецами, чьи души похитили злые духи. Они становились изгнанниками (терраками).

Им запрещено было селиться у соседей, которые должны были категорически отказывать в помощи пострадавшим и не пускать их в свои яранги. Подобный обычай существовал и у коряков – тонущих зверобоев не спасали.

Так же поступали и древние ительмены (камчадалы). Среди материалов по Камчатке сохранилось свидетельство известного естествоиспытателя, участника Второй Камчатской экспедиции Георга Стеллера: «Если в прежние времена кто-либо случайно попадал в воду, то ительмены считали большим грехом, если этому человеку удавалось как-то спастись. Они такого мнения: если человеку уже предопределено утонуть, то он поступил неправильно, не утонув. Этого человека с тех пор уже никто не впускал в свое жилище, никто больше с ним не разговаривал, ему не подавали решительно никакой пищи, не отдавали ему женщин в жены. Такого человека ительмены считали на самом деле уже умершим, и ему оставалось лишь искать счастья на чужбине либо умереть дома с голоду».

В другом месте своего сочинения Стеллер добавил по этому поводу следующее: «Если кто-нибудь на глазах других падал в воду, присутствующие не давали ему спастись, а насильно топили его, помогая ему умереть».

Подобное отношение к упавшим в воду или унесенным в море охотникам сохранялось на Чукотке вплоть до первой трети XX века³. Период с 1550 по 1700 годы климатологи характеризуют как «малый ледниковый», подразумевая под этим временное похолодание. С наступлением потепления после 1700 года ледяной покров в Северном ледовитом океане стал менее устойчивым и случаи отхода льдами чукотских охотников на запад должны были участиться.

Изгнанники-терраки, оказавшиеся на побережье северной Якутии, считали себя вместилищем злого духа и не стремились вернуться в родные края, они вели уединённый образ жизни, охотясь, совершая кражи запасов продовольствия и угоняя оленей. Самоидентифицируя себя на мировоззренческом уровне в качестве «живого мертвеца – носителя злого духа», на биологическом уровне одинокий изгнанник инстинктивно продолжал бороться за свою жизнь, нуждаясь в пище, одежде, убежище. В северной Якутии чукотские «терраки» стали известны как «чучуна». На западе Якутии легенды о чучуна распространены до района Хатанги. Расстояние от исконно чукотских территорий до Хатанги значительно меньше, чем от Хатанги до Новоземельской тундры. Если чукотские изгнанники-«терраки» могли добираться до Хатанги преодолев расстояние в 3200 километров, то пройдя по приполярным тундрам ещё около 2.500 километров они оказывались в новоземельской тундре. Даже мельчайшие особенности поведения, одежда, вооружение, приёмы охоты «чучуна» и «сииртя» полностью идентичны. Анализируя фольклор ненецких оленеводов, работы П.Л. Драверта, Г.В. Ксенофонтова, И.С. Гурвича можно выдвинуть гипотезу о том, что ненецкие «сииртя» могут быть не фольклорными персонажами, а вполне реальными чукотскими изгоями – «терраками». Чукотский морской охотник – унесённый в море «террак» – якутский «чучуна» – новоземельский «сииртя» могут быть одним и тем же человеком.

Большинство изгнанников, двигавшихся на запад, погибало ещё в Якутии, поэтому можно предположить, что «сииртя» добирался до европейских тундр довольно редко. Тайнственные духи тундры появлялись в европейском приполярье не чаще, чем раз в 3-5 лет. В советское время (после 40-х годов XX века) с развитием современных средств связи, полярной авиации и ледокольного флота престали пропадать в океане чукотские охотники-одиночки. Одновременно в приполярье исчезли «чучуна» и «сииртя».

Если путь от Уэлена до Хатанги принять за 100%, то расстояние от Хатанги до Нарьян-Мара составит только 70% от уже преодоленного «чучуна» за первый сезон пути. Если «чучуна» сумеет пережить зиму в Якутии, то за следующий теплый сезон при условии продолжения движения на запад он способен достичь Урала, Коми, Архангельской и даже Мурманской области.

Если взглянуть на карту Сибири, то станет понятно, что расстояние – не самое главное. На пути чукчи-«чучуна» располагаются великие реки Сибири – Лена, Енисей, Обь. Однако не следует забывать, что чукчи – морские охотники и умеют не только очень быстро бегать, но и переправляться через водные преграды. И.С. Гурвич пишет о том, что по преданиям северных народов «чучуна» переправлялись через реки с помощью пузырей. «Пузыри» – полавки из желудка моржа или шкуры нерпы, которые использовались раньше зверобоями на промысле. Если же «чучуна» удавалось угнать оленье стадо (о чем имеются свидетельства, повествующие об его привычках), он мог кочевать вместе со стадом на запад и, продолжая путешествие в холодное время года, переходить реки по льду, питаясь в пути сырым оленьим мясом, жиром и кровью. Так что определенный, пусть и небольшой шанс добраться через арктическую тундру вдоль побережья океана до Северной Европы у полярных отшельников с Чукотки имелся.

Становятся понятными рассказы, почему «чучуна» иногда спутывал ветками тальника ноги оленям. Это не прихоть «духа», а несостоявшаяся попытка похищения оленей. Совершая кражу оленей, «чучуна» не всегда имел достаточно веревок, чтобы зафиксировать заарканенных животных и использовал для этого гибкие ветки растений. Обездвижив несколько оленей при помощи веток тальника, он связывал их вместе арканом и уводил с собой. Если пастухи обнаруживали «чучуна» раньше, чем он успевал увести оленей, он вынужден был бросать связанных тальником животных и прятаться. Необычность поведения «духа» вызывала суеверный страх и недоумение у местных оленеводов, ведь с их точки зрения оленей проще и удобнее было связывать веревками. Поэтому в действиях «чучуна» они видели некий тайный мистический смысл, хотя на самом деле это была жестокая необходимость, обусловленная почти полным отсутствием даже самого примитивного снаряжения, необходимого для выживания.

Заслуживает уважения необыкновенная приспособленность чукотских охотников. Кто еще способен месяцами (годами) выживать в условиях приполярной тундры, имея только нож, веревку и кремь? Не зря слово "чукча" переводится с чукотского как "настоящий человек". Это действительно великолепно приспособленные к суровым условиям Арктики люди. Ведь в Якутии «чучуна» встречали в окрестностях Верхоянского хребта, а район Верхоянска – это абсолютный мировой полюс холода. Месяцами выживать в норах, ямах, пещерах в условиях рекордно низких температур без запасов одежды, продуктов, оружия – кто еще на такое способен? Унесенный в океан охотник должен был иметь при себе минимум вещей. Если у него оставался нож – значит, он мог добыть огонь (любой металл, которым можно ударить по кремню), сделать лук, копье, добыть оленя, из шкуры которого сделать себе теплую одежду. Если «чучуна» везло, и он угонял у тунгусов оленей – у него появлялся шанс пережить суровую зиму, а весной через тундры Таймыра и Ямала, охотясь на диких и угоняя домашних оленей, он мог перебраться в более "теплые" места на востоке – вплоть до мурманского побережья. Тем более, что этому есть косвенные подтверждения. Во время своих этнографических экспедиций в начале 60-х годов XX века И.С. Гурвич в нижнем течении реки Яны собрал несколько свидетельских показаний, повествующих о том, что похищенные «чучуна» женщины иногда возвращались через 1-1,5 года после исчезновения, рассказывая о том, что «чучуна» прятали их в землянках или пещерах, кормили сырым мясом и оленьим жиром. А это означает, что были конкретные эпизоды, когда изгнанники при определенных условиях могли пережить смертельную северную стужу, прокормить себя и даже своих пленниц, а затем могли уйти на запад в более благоприятные районы.

Арктические льды относили на запад чукотских охотников сотни лет (по крайней мере с XVII века до 40-х годов XX века этот процесс носил достаточно периодический характер), следовательно можно предположить, что на территорию Русского Севера "дикие люди" могли проникать неоднократно. Попав в ненецкую тундру, «чучуна» мог выжить, так как природные условия здесь были более благоприятные, чем на его родной Чукотке или в Якутии. Однако, считая себя духом, «чучуна» всячески избегал контактов с местным населением, ведя полуживотный образ жизни. Это наиболее вероятное объяснение того, откуда в фольклоре северных охотников и оленеводов появились дикие люди, одетые в звериные шкуры на голое черное тело⁴...

"Сииртя", так же как «чучуна», приписывается кража оленей, умение быстро бегать и искусно скрываться. Можно предположить, что в зависимости от региона обитания, превратностей судьбы и своего личного мировосприятия унесенный в море чукотский охотник на морского зверя по мере продвижения на запад превращался в отверженного изгнанника живого мертвеца – «чучуна», известного в ненецкой тундре как "сииртя", в лесах Коми – как «ягморт», на Архангелогородчине – как "леший". Единственное различие – "сииртя" жили в норах-землянках, а чукчи жили и живут до сих пор в ярангах. Однако следует помнить, что чукотская яранга – это сложное сооружение, на изготовление которого требуется несколько десятков шкур. Брать такой груз в дальнюю дорогу ни один чукча не будет, оставаясь на зимовку в чужой тундре, ему проще будет скрытно выкопать землянку или нору (невольно вспоминаются легендарные маленькие человечки, живущие в холмах).

"Сииртя" не были палеоантропами и не предшествовали в тундре ненцам – оленеводам, а просто иногда появлялись на побережье Поморья и в Большеземельской тундре и процесс этот мог продолжаться вплоть до середины XX века. Понятие "сииртя" могло обозначать не только изгнанников – «чучуна», а, что не менее вероятно, чукотских охотников-разведчиков, которые проникали далеко на северо-запад с целью поиска новых земель, пригодных для освоения. Дальние путешествия были в традициях чукчей на протяжении нескольких веков. Для чукотских охотников не существовало понятия времени, проведенного в дороге, они могли путешествовать и один, и два года. Они не обременяли себя запасами пищи, зачастую путешествуя налегке, имея при себе только нож, лук со стрелами, аркан и огниво. Эти дети природы настолько хорошо освоились в приполярных областях, что были уверены в том, что тундра или морское побережье их всегда прокормят и обеспечат всем необходимым. Поэтому если хорошо подготовленная к дальнему путешествию охотничья ватага будет тайно двигаться на запад не один, а хотя бы два сезона, то, перезимовав на берегах Лены в Якутии, при благополучном исходе на второй год она окажется на берегах Белого моря. У специально снаряженных в дальний путь разведчиков – "сииртя" было намного больше шансов достичь Беломорья, чем у несчастных изгнанников – «чучуна».

Отвечая на вопрос, почему никто ранее не пытался исследовать связь между «чучуна» и «сииртя» хотелось бы ответить заключительными словами из рецензии этнографа Г.В. Ксенофонтова: «Статья профессора Драверта, будучи абсолютно неприемлемой к основному вопросу – побудить научные общества заняться поисками привидений, тем не менее представляет большой научный интерес так как дополняет новыми материалами наши скудные сведения о верованиях якутов и тунгусов далекого Севера. Она важна и для наших антирелигиозников, так как дает весьма красноречивую иллюстрацию того, как иногда пустые фантазии и фольклорные образы в воображении многих поэтически настроенных и горячих голов принимают очертания живых существ, которые воочию бродят по горам и долам, смущая покой и приводя в волнение даже почтенных ученых» [2].

То есть рецензия была дана такая, что не оставляла никаких сомнений в том, что «чучуна» – это плод воображения, иллюстративный материал «для наших антирелигиозников» и поэтому никто не собирался реально искать в тундре и тайге «пустые фантазии» и «фольклорные образы». Напомним, что статья профессора Драверта «Дикие

люди мюлена и чучуна» была опубликована в 1933 году. В 1934 году, после убийства С.М. Кирова, в стране усиливаются репрессии, которые продолжаются вплоть до 1953 года. Миллионы людей оказываются в лагерях. Ежегодно несколько тысяч заключенных бегут из лагерей, из тюрем и с этапов. В том числе с Колымы, со строек Норильска или с «мертвой дороги» за полярным кругом. В этих условиях уже никто не будет воспринимать рассказы о «сииртя»-«чучуна» всерьёз, в тот период многие были просто уверены в том, что скрывающийся человек – преступник или беглый заключенный, а «сииртя»-«чучуна» – фольклорный образ.

В наше время пришла пора пересмотреть данную точку зрения.

Перед учеными возникает сложный, многоплановый этнокультурный феномен, связанный с внутренним и внешним перерождением, превращением чукотского охотника-промысловика в злого духа «чучуна», а якутского «чучуна» – в ненецкого «сииртю», «ягморта» коми, русского «лешего».

Многие, кажущиеся очевидными суеверия – это осколки забытых знаний. Извлечь из мифа зашифрованные в нем знания – сложная и увлекательная задача, стоящая перед исследователями. Очевидно, что необходимо перенести изучение феномена «сииртя» из разряда фольклорных изысканий в сферу археологических и антропологических исследований⁵.

1. Гурвич И.С. «Таинственный чучуна». М.: «Мысль», 1975.

2. Драверт П.Л., Ксенофонов Г.В. «Дикие люди мюлены и чучуна» // «Будущая Сибирь» № 6. 1933.

3. Хомич Л.В. Религиозные культы у ненцев // Материальная и духовная культура народов Сибири: сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1977. Т. 33.

Комментарии:

¹ Экземпляр газеты «Автономная Якутия» от 26.04.1929 г. хранится в Румянцевском музее.

² В наши дни в Якутии местные жители говорят «чучуна-а-а».

³ Нечто подобное существовало и во взглядах поморов Европейского Севера. Пропавшие на морском промысле поморы-зверобой, если им удавалось после вынужденной зимовки вернуться домой, воспринимались как «отпетые», нечистые, побывавшие в царстве мертвых и, возможно, не сохранившие свою душу, к ним относились с определенной опаской и недоверием. [11].

⁴ Старожилы-поселенцы, первыми из русских заселившие низовья Индигирки ещё в конце XVII века (русско-устинцы), называют духа тундры **сендушный**. Если учесть, что предки русско-устинцев прибыли на Индигирку с запада морем, то целесообразно поискать корни этого слова в Поморье. В словаре областного архангельского наречия [8] говорится: «се» – сокращенно **сей** (т.е. этот), «**душный**» – от слова «душина» – вонь, смрад (помор.) То есть «сендушный» может быть переведено с русско-устинского диалекта на поморский как «этот вонючий». Название, данное духу тундры, вполне объяснимо: когда страшатся прямо назвать опасное существо, то прибегают к иносказанию. Например, когда боятся называть вслух нечистого, то употребляют в качестве замены слова «рогатый», «хвостатый», «мохнатый» и т.д. Русско-устинцы использовали в качестве иносказательного выражения слово «вонючий».

«Се нечистый душный» – «Се-н-душный».

Русско-устинцы называют духа тундры «сендушный», но ведь название дается не произвольно, для этого должны быть какие-то веские основания. Видно очень сильно пахло немытое человеческое тело под невыделанными оленьими шкурами... Создается впечатление, что «чучуна», «сендушный» и «сииртя» – это существовавшие у северных народов различные названия вынужденного скитаться по бескрайней тундре чукчи-изгоя.

⁵ Текст представленной вашему вниманию статьи приводится в сокращении.

70 ЛЕТ АРХАНГЕЛЬСКОМУ ЦЕНТРУ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

*В.А. Любимов, *В.В. Брызгалов, *Г.А. Лепин*

Архангельский областной краеведческий музей, vl.liubimov1@yandex.ru

*Архангельский центр Русского географического общества, arhcentrigo@rambler.ru

Архангельский центр Русского географического общества, создан 30 августа 1944 г. как Северное отделение Географического общества СССР при Академии наук СССР (См. Приложение 1).

Райков
Борис Евгеньевич

Рыжков
Григорий Фёдорович

Новомбергский
Николай Яковлевич

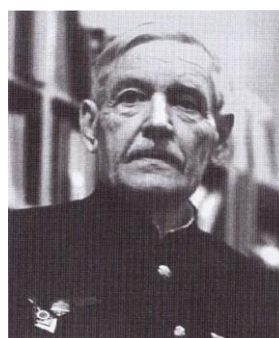
Мелехов
Иван Степанович

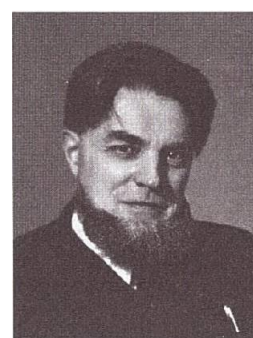
Писахов
Степан Григорьевич

Басс
Моисей Иосифович

Наливайко
Георгий Яковлевич

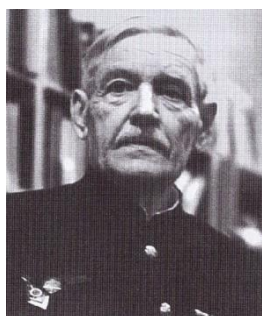
Морозов
Александр Антонович

Основателями регионального отделения были известные люди, это: известный биолог профессор Б.Е. Райков – первый председатель оргбюро, Г.О. Голято – директор Стационара АН СССР в Архангельске, В.Д. Рыжков – директор АЛТИ, профессор Н.Я. Новомбергский, профессор И.С. Мелехов (будущий акад., в честь которого в Архангельске проходят Мелеховские чтения), писатель С.Г. Писахов, военные моряки М.И. Басс, И.Ф. Гаркуша, В.Д. Куликов, известный гидролог Г.Я. Наливайко, будущий исследователь творчества М.В. Ломоносова – А.А. Морозов, ученые медики, военные, преподаватели институтов и многие другие. 17 ноября 1944 г. на собрании оргбюро был утвержден устав и избран Президиум в составе 5 чел.: председатель – Райков Б.Е., заместитель председателя – Бассин Ф.Н., ученый секретарь – Лопатин Г.В., члены президиума: Басс М.И. и Наливайко Г.Я. Созданы 3 секции: изучения территории Северного края (избран руководителем – Мелехов И.С.), изучение Северных морей (Басс М.И.), этнографии (позднее избран доцент Елизаровский И.А.). Председатели секций (02.02.1945) введены в состав Президиума с правом решающего голоса. На заседаниях Общества обсуждались и принимались самые разные вопросы, например, об организации консультаций по научной деятельности областному краеведческому музею; о собирании сведений о работе различных краеведческих обществ на Севере; даются поручения Бассину Ф.Н. и Наливайко Г.Я. выступить на заседании Архангельского

облисполкома с ходатайством о выделении краеведческому музею дополнительного помещения (дома); им же поручается представить Облисполкому и Обкому ВКП(б) проект создания в Архангельске Дома науки, объединяющего областной лекторий, научные общества и кабинеты для научных занятий и т.д. В 1945 г. в Нарьян-Маре организовано бюро Северного отделения (пред. К.С Бенкунский), а **Тыко Вылка** работает над созданием Новоземельского бюро общества. В год образования в Северном отделении было 68 действительных членов общества. Только с ноября 1944 по июль 1945 гг. членами общества прочитано 10 научных докладов. Ведется подготовка и сбор материалов к выпуску первого сборника трудов Северного отделения, печатались статьи в газетах, делались выступления на радио. Несмотря на трудный 1945 г., Архангельский облисполком выделил из областного бюджета 10.000 рублей Северному отделению, что свидетельствует о большом внимании местных органов власти к развитию в области науки. Ученый совет Географического общества СССР на своем заседании 11.04.1945 г. утвердил Северное отделение в составе Географического общества. Первая отчетно-выборная конференция членов Северного отделения состоялась 25.06.1945 г., председателем СО ГО СССР был выбран к.б.н. Г.О. Голято – директор Архангельского стационара Академии наук СССР. На 01.01.1946 г. в Обществе было 149 действительных членов Географического общества СССР. По заданию облисполкома в 1946 г. была проведена ненецкая фольклорная экспедиция, в которой приняли участие сотрудники Ленинградского государственного университета, было записано 261 текст, учтено 30 сказителей.

Председатели Северного отделения, Архангельского отдела и филиала Географического общества СССР

Наливайко
Георгий Яковлевич
1949 – 1968 гг.

Гемп
Ксения Петровна
1969 – 1972 гг.

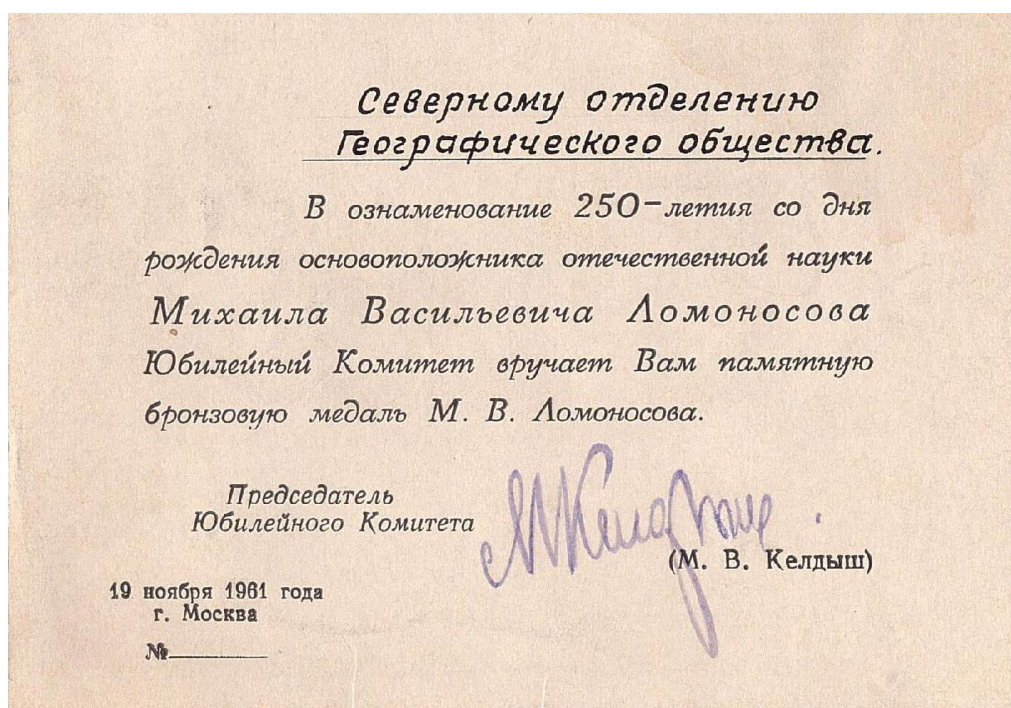
Чертовской
Вячеслав Гаврилович
1972 – 1983 гг.

Колесниченко
Николай Николаевич
1983 – 1985 гг.

При позднейшей реорганизации Географического общества СССР был создан Северный филиал отделов общества с центром в городе Апатитах (Северная научная база АН СССР), и в связи с этим наше Северное отделение было переименовано в Архангельский отдел с переносом подчинения из Ленинграда в Апатиты, где был центр Северного филиала. Архангельский отдел активно развивался и на территории Архангельской области было создано несколько новых отделов Географического общества. 4 марта 1983 г. состоялась учредительная конференция географов области, на которой Архангельский отдел ГО СССР был преобразован в Архангельский филиал Географического общества СССР при АН СССР при этом, были образованы новые отделы, секции и комиссии Общества, увеличилось количество действительных членов Общества и членов-коллективов. За 40 лет деятельности Архангельским филиалом ГО СССР была проделана большая и нужная работа, вот некоторые цифры: действительными членами Общества за это время было прочитано около 3800 лекций для населения, проведено 221 выступление по радио и телевидению. Было опубликовано 7 монографий, более 650 научных статей и более 600 статей в газетах и журналах. Было

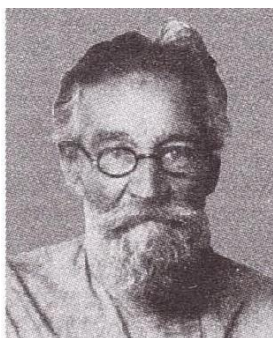
проведено 24 научных сессий, конференций, совещаний, организовано 15 экспедиций. Проведена 21 географическая олимпиада, 66 географических экскурсий, организовано более 90 выставок. Общая численность действительных членов Географического общества составила 730 человек (87 имели ученую степень), количество членов-коллективов – 42. В состав Архангельского филиала входило 7 отделов, работало 9 секций и 3 комиссии – это была самая крупная и авторитетная общественная научная организация АН СССР в Архангельской области. Как организация системы Академии наук Архангельская организация Географического общества СССР во многом способствовала объединению научной общественности города и области, восполняя длительное отсутствие в Архангельске академических научных коллективов. Благодаря активной и плодотворной работе и в связи с 250-летием со дня рождения М.В. Ломоносова Северному отделению ГО СССР была вручена Академией наук СССР памятная бронзовая медаль М.В. Ломоносова.

Памятная бронзовая медаль М.В. Ломоносова (диаметр – 65 мм), которая была вручена Архангельскому центру Русского географического общества (тогда, в 1961 г. – Северному отделению Географического общества СССР).

Благодаря работе Географического общества были подняты и изучены многие важные и жизненные проблемы области и города Архангельска. Так в 1984 г. была проведена

Всесоюзная конференция «Роль Архангельска в освоении Севера», посвященная 400-летию города Архангельска, на которой было представлено 167 докладов; 1985 г. – научная конференция «Проблемы изучения, рационального использования и охраны природных ресурсов Белого моря» (149 докладов и научных сообщений); в 1986 г. – Всесоюзная конференция «М.В. Ломоносов и Север», посвященная 275-летию со дня рождения М.В. Ломоносова (354 доклада и научных сообщения); в 1987 г. – научная сессия посвященная 50-летию издания книги И.А. Перфильева «Флора северного края» (105 докладов и научных сообщений); в 1988 г. – две конференции: в Архангельске всесоюзная «Комплексные проблемы охраны и рационального использования водных ресурсов Европейского Севера на примере рек Северо-Двинского бассейна» (119 докладов) и в Онеге «Роль Архангельского Севера в изучении и освоении Арктики», посвященная 100-летию со дня рождения А.С. Кучина (26 докладов); в 1989 г. была проведена научно-практическая конференция «Герб Архангельска и вопросы геральдики», после проведения конференции Архангельский городской Совет народных депутатов утвердил существующий ныне герб города Архангельска; в 1989 г. проведена научно-практическая конференция «Комплексные проблемы охраны и рационального использования водных ресурсов малых рек бассейна Северной Двины» (35 докладов); в 1990 г. – научная сессия «IV Сибирцевские чтения», посвященная 130-летию со дня рождения выдающегося естествоиспытателя-геолога и почвоведа Н.М. Сибирцева (84 доклада и сообщения); в 1991 г. – научно-практическая конференция «А.А. Борисов и Север», посвященная 125-летию со дня рождения А.А. Борисова (35 докладов) в Красноборске, а в Архангельске Всесоюзная научная конференция «Эколого-географические проблемы сохранения и восстановления лесов Севера», посвященная 280-летию со дня рождения М.В. Ломоносова (149 докладов); в 1992 г. проведены (Архангельск) II Международная школа-семинар «Экологические проблемы Европейского Севера» (119 докладов) и Восьмые Перфильевские чтения «Проблемы оптимизации и использования растительности и растительных ресурсов на Европейском Севере», посвященная 110-летию со дня рождения известного ботаника и флориста И.А. Перфильева (89 докладов) и в Вельске научная конференция, посвященная 180-летию П.С. Воронова «История и культура Важского края» (28 докладов); в 1993 г. – две научных сессии «Поморье. История и современность» (9 докладов и слайдфильмы) и «Морские ворота России» (22 доклада), посвященные 300-летию Российского Флота; международная научная конференция «Россия. Север. Море», посвященная 300-летию первого приезда Петра Великого в Архангельск и основанию Соломбальской верфи (1693-1862 гг.) – колыбели Российского Флота (284 доклада); в 1994 г. – научная сессия «Пушкин в сердцах поколений», посвященная подготовке к 200-летию великого поэта А.С. Пушкина; в 1995 г. – научная конференция «Творчество Федора Абрамова: традиции и современность», посвященная 75-летию знаменитого северного писателя Ф.А. Абрамова проходившей в Архангельске (22 доклада), Карпогорах и в Верколе и научная сессия «V Сибирцевские чтения», посвященная 135-летию со дня рождения Н.М. Сибирцева (63 доклада).

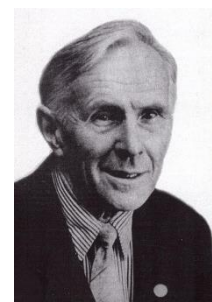
Перфильев
Иван Александрович
1882 – 1942 гг.

Кашин Виктор
Иванович, организатор
проведения
Перфильевских чтений

Сибирцев
Николай Михайлович
1860 – 1900 гг.

Варфоломеев
Лев Александрович,
организатор
проведения
Сибирцевских чтений

В 1994 г. Архангельский филиал отмечал свое 50-летие со дня своего образования. Он продолжал следовать традициям заложенными основателями Общества: вёл широкую научную и просветительную деятельность, публиковал работы северных ученых в области географии, геологии, истории, краеведения, медицины, экологии, культуры; организовал и координировал научную деятельность ученых различных направлений и проводил конференции, научные сессии, экспедиции и т.д. Для преподавателей и учащихся школ и учебных заведений готовил и издавал специальные методические пособия, учебники, карты и т.д. К своему 50-летию Архангельский филиал стал одним из лучших региональных организаций Русского географического общества России. За работу между IX и X съездами РГО (1990-1995 гг.) общество провело 10 научных конференций и сессий и издало к ним тезисы докладов. Было подготовлено и издано 20 монографий, сборников научных статей, научно-популярных и учебно-справочных пособий. В 1995 г. по решению Президиума РГО Архангельский филиал преобразован в Архангельский центр РГО. Он стал вторым центром в России после Московского центра РГО. На X юбилейном съезде РГО в Санкт-Петербурге в 1995 г. Архангельский центр был признан лучшим региональным отделением Общества и на нем принимается решение следующий XI съезд РГО в 2000 году провести в городе Архангельске. За период с 1995-1999 гг. Архангельский центр РГО издал 12 сборников тезисов докладов научных конференций и чтений, 5 сборников научных статей, 8 монографий, научно-популярных и учебно-справочных изданий, в которых опубликовано 696 статей. Всего АЦ РГО издано 30 изданий общим тиражом 32 тыс. экземпляров и общим объемом свыше 285 печатных листов. Действительные члены Общества активно работают над написанием статей во все тома «Поморской энциклопедии».

Общество организовало ряд научных экспедиций, а его члены участвуют во многих комплексных экспедициях, организуемых архангельскими и столичными учреждениями. Членами Общества детально обследован лесной остров Море-Ю в Большеземельской тундре. Проведена археологическая экспедиция по древнему пути ушкуйников по Северной Двине на Пинегу и Печору до Пустозерска, изучались природные условия островов Мудьюгский и Кий в Белом море.

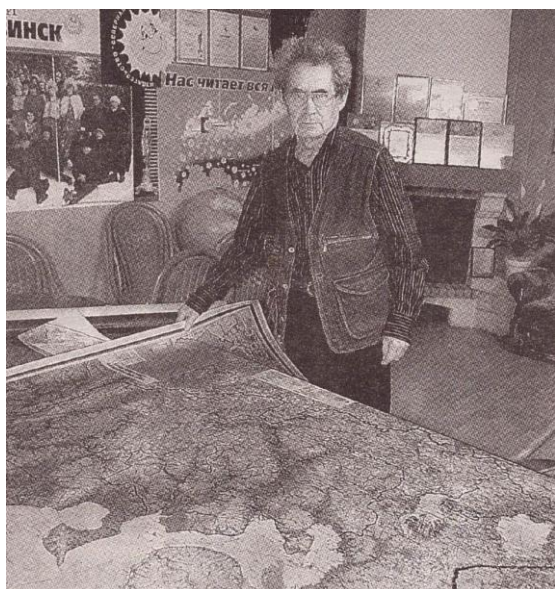

Перед заседанием Учёного совета 25 декабря 2001 г. Стоят (слева): Цветкова В.И., Цветков В.Ф. (председатель АЦ РГО), Овсицер Р.Т., Варфоломеев Л.А., Преминина Я.К., Станковский А.Ф., сидят: Овсицер О.Л., Кузнецова А.В., Мискевич Иг.В.

У Архангельского центра РГО есть надежный актив, который помог пережить затянувшееся лихолетье конца XX века. У активистов, людей разных по профессиям и

интересам, находится много поводов для взаимного информационного и духовного обогащения. Это – учительницы С.Н. Ажгибкова и Н.В. Власова; экологи В.А. Андреев, В.С. Кузнецов, Иг.В. Мискевич; историки-краеведы В.В. Брызгалов, А.А. Куратов, Л.Д. Попова; географы-преподаватели университета В.А. Балеева, Н.М. Бызова, Г.И. Горбова, Б.В. Ермолин, В.Н. Изотов, Я.К. Преминина, Е.В. Шаврина; почвоведы В.М. Барзут, Л.А. Варфоломеев, А.Л. Паршевников; капитаны дальнего плавания В.П. Коковин, К.Д. Смирнов; бухгалтер А.В. Кузнецова; геологи А.Ф. Станковский, А.А. Заостровский, В.Н. Малков, Ю.И. Николаев, В.С. Фортыхин, В.В. Чернов; водохозяйственник Н.А. Манаков; краеведы А.В. Голубков, А.И. Давыдов, В.И. Дранников, А.М. Кондрескул, Н.А. Окладников, Н.В. Шульгин; историки Ю.Н. Беспярых, Я.В. Велувенкамп, В.Н. Захаров, О.В. Овсянников, Н.Н. Репин; зоологи Н.И. Асоскова, Н.М. Клюева, Т.В. Плешак, Ю.К. Тимошенко; ботаники Л.Е. Астрологова, Н.А. Бабич, В.Н. Евдокимов, О.Н. Мироненко, П.А. Феклистов; бывший флотский офицер-подводник М.В. Пуссе; лесоводы Г.С. Войнов, В.И. Кашин, Р.Н. Климов, А.С. Козобродов, Е.Н. Наквасина, Б.А. Семенов, Д.В. Трубин, В.Ф. Цветков; физик-конструктор О.Л. Овсицер; политолог А.И. Вертешин; филолог Е.Ш. Галимова; этнографы А.Н. Давыдов, В.А. Шелег; медики Ю.Р. Теддер, М.Х. Шрага; сотрудники музеев Т.М. Кольцова, Л.А. Симакова, М.Л. Шелег; фотограф Е.В. Демидова; гидрологи Коробов В.Б., Ир.В. Мискевич, Г.Т. Осипова, Н.П. Шайсултанов и многие другие.

С 1995 г. АЦ РГО объединяет 11 отделений Общества. Всего на учете состоит 203 действительных члена РГО (74 доктора и кандидата наук), из них 8 иностранных членов (Нидерланды, Норвегия, Украина, Швеция) и 6 иногородних (Вологда, Москва, Нижний Новгород, Рязань, Санкт-Петербург). С 1995 г. при мэрии г. Архангельска создана и работает топонимическая комиссия, в которой Архангельский центр РГО представляют и успешно работают В.В. Брызгалов, Л.Д. Попова. Группой по изучению истории Архангельска при АЦ РГО (сопредседатели: Ю.Н. Беспярых, д.и.н., проф.; О.В. Овсянников, д.и.н., вед. науч. сотрудник (Санкт-Петербург); Н.Н. Репин, д.и.н., проф. (Рязань), при финансовой поддержке Фонда культурных программ Генерального консульства Королевства Нидерландов в Санкт-Петербурге были изданы три научных сборника: Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. 416 с.; Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. 488 с.; Нидерланды и Северная Россия. СПб., 2003. 408 с. Большую помощь в издании этих сборников оказал действит. член нашего

Общества доктор философии Ян Велувенкамп (Арктический центр Гронингского университета, Нидерланды). **О.Л. Овсицер** много сделал для обеспечения жителей области картами. При его личном участии выпущено более 70 различных карт территории Архангельской области. Одни из последних – карта г. Архангельска, физическая карта Архангельской области и карта Соловецких островов. Почетный член АЦ РГО М.В. Пуссе, морской офицер, организовал и провел со школьниками десятки походов по Архангельской области и Саянам. Выпустил более 20 книжек по краеведению. По ходатайству АЦ РГО четыре монографии членов Общества награждены (за 1995, 1996, 1997 и 1999 гг.) премиями Комитета по культуре администрации Архангельской области «За достижения в области исследования проблем

культуры Русского Севера» – теперь премия носит имя К.П. Гемп. Четыре работы выдвинутые центром на конкурс Ломоносовского фонда по научно-исследовательским и внедренческим работам по проблемам охраны окружающей среды Архангельской области награждены премиями и дипломами за 1995, 1996, 1997 и 1999 гг.

По ходатайству Архангельского центра РГО и стараниями его членов (особенно А.Ф. Станковского) в 1996 г. были собраны 46 млн. рублей на издание учебного пособия для 8-х классов общеобразовательных школ «География Архангельской области (Физическая география)», все авторы – действительные члены РГО. Учебное пособие распределено и бесплатно направлено в сельские и городские школы Архангельской области. Архангельскими географами в лице кафедры географии и геоэкологии Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова (зав. кафедрой, проф. Н.М. Бызова) издан, благодаря спонсорской помощи, учебно-методический комплекс по географии Архангельской области. За последние годы в школы области бесплатно переданы учебники по географии Архангельской области для 8 и 9 классов, рабочие тетради к ним, контурные карты. В помощь учителям изданы программно-методические материалы по географии Архангельской области, что значительно облегчает подготовку и проведение уроков по родному краю.

Председатель Северодвинского отделения, учитель географии С.Н. Ажгибкова вела факультатив по геологии и ею в школе № 22 образован детско-юношеский геологический клуб «Кристалл». Семь лет она со школьниками выезжает на областные и Всероссийские олимпиады и слеты в Москву, Нижний Новгород, Санкт-Петербург, на которых они завоевали 2 первых места, 6 вторых и 6 третьих мест и получили 33 диплома и грамоты олимпиад. Учитель биологии Н.В. Власова каждый год проводит экспедиции школьников по Северу. Фотографы Общества в 2002 г. сделали большую выставку «Мгновение – вечность. 20 век в фотографии», значительная часть фотоснимков подготовлены председателем отделения Е.В. Демидовой. И.И. Дубинин, Н.Г. Блохин – участники ВОВ – вели активную патриотическую работу, выступали в школах. Начиная с 1997 г. ежегодно члены Общества готовят и принимают участие в областных общественно-научных чтениях по военно-исторической тематике «Защитники Отечества» не только как учредители, но и как участники чтений. Начиная с 2002 г. начали работать малые чтения Защитники Отечества, на которых выступают с докладами студенты и школьники. Следует отметить, что работа архангельских географов приносит пользу. Отмечено, что улучшился состав абитуриентов, поступающих на естественно-географический факультет ПГУ и в другие высшие учебные заведения. Члены АЦ проделали большую работу по подготовке и успешному проведению XI съезда Русского географического общества в августе 2000 г. в городе Архангельске.

На переднем плане: Тур Хейердал со своей супругой Жаклин регистрируются на XI съезд РГО. Сотрудники оргкомитета съезда Кузнецова А.В. и Мискевич Т.В. Архангельск, 2000 г.

Культурная программа съезда: поездка на теплоходе из г. Архангельска в с. Ломоносово на родину М.В. Ломоносова. Слева: Любимов В.А., Окладников Н.А., Кузнецова А.В., Котляков В.М. – Почётный Президент РГО, Овсицер Р.Т., Ажгибкова С.Н. Август 2000 г.

Культурная программа съезда: посещение с. Ломоносова у памятника М.В. Ломоносова: Кузнецова А.В., Ажгибкова С.Н., Смирнов К.Д., Окладников Н.А., Любимова М.И., Любимов В.А. Ломоносово, 2000 г.

Интересно сопоставить некоторые подвижки в работе Архангельского центра.

За 1995-1999 гг. Обществом в Архангельске было проведено 17 научных конференций и сессий и издано к ним тезисы докладов, издано 5 сборников научных статей, 8 монографий, научно-популярных и учебно-справочных изданий, в которых опубликовано 696 статей.

Перед заседанием Учёного совета, 2001 г.

Стоит Станковский А.В., сидят: Бызова Н.М., Власова Н.В., Преминина Я.К.

За последующие 5 лет (2000-2004 гг.) проведено 23 научных конференций и чтений. Опубликовано: 1 сборник тезисов и 8 сборников материалов докладов конференций и чтений, включавших более 400 статей. Издано 6 сборников научных статей. Издано 16 монографий. Общий объем изданий за 2000-2004 гг. – 190 печатных листов. Издано 28 карт по Архангельску, Северодвинску, Соловкам и Архангельской области. Очевиден прогресс в издательской работе и отраднo, что происходит как бы «утяжеление» изданий: возрастает доля монографий.

Председатели Архангельского центра РГО

Белогубова
Марина Николаевна
1985 – 2000 гг.

Цветков
Василий Фролович
2000 – 2005 гг.

Мискевич
Игорь Владимирович
2005 – 2010 гг.

Васильев
Леонид Юрьевич
с 2010 г.

За следующие 5 лет (2005-2009 гг.) проведено 23 научных конференций, чтений и торжественных заседаний, опубликовано 12 томов сборников материалов конференций и чтений, в которых опубликована 481 статья. Опубликовано 22 монографии, сборника научных статей, научно-популярных и учебно-справочных изданий. Всего Архангельским

центром издано 34 издания, общим тиражом 23.840 экземпляров, объемом свыше 635 печатных листов. В апреле 2006 г. получен грант в конкурсе по приоритетным направлениям развития науки в Архангельской области, проект № 06-04-01 «Научная конференция «Знаменитые люди: от М.В. Ломоносова до наших дней», посвященная 295-летию со дня рождения М.В. Ломоносова» (см. Приложение 2). Только для второго тома Поморской энциклопедии – «Природа Архангельского Севера» члены Общества написали более 1300 статей. Наиболее активные авторы написания статей в энциклопедию стали: Бызова Н.М. – 164 статьи, Станковский А.Ф. – 115 статей, Асоскова Н.И. – 112 статей, Плешак Т.В. – 71 статью, Кашин В.И. – 64 статьи, Новоселов А.П. – 54 статьи, Малков В.Н. – 49 статей, Булатов В.Н. и Феклистов П.А. по 46 статей, Ермолин Б.В. – 44 статьи, Козьмин А.К. – 43 статьи, Манаков Н.А. – 41 статью, Гольник Я.М. – 40 статей Астрологова Л.Е. – 37 статей и многие другие. В написании статей в энциклопедию приняло участие 67 членов общества. Подготовлено и издано 33 карты по Архангельску, Северодвинску, Кенозерью и Архангельской области.

С 2010 г. Архангельский центр РГО возглавляет кандидат географических наук, заслуженный работник гидрометеослужбы, почетный полярник Леонид Юрьевич Васильев. С этого времени работа центра заметно оживилась. Проведена большая работа по обновлению карты города Архангельска и к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. издана карта города «Город Воинской Славы. Архангельск. Город и окрестности. Туристическая карта». В работах по обновлению карт городов исключительно большую работу выполняет О.Л. Овсицер и ему активно помогает Г.А. Лепин. Имеются большие планы по выпуску карт на большинство населенных пунктов Архангельской области. Архангельский центр РГО готовит материалы по выпуску Большого комплексного Атласа Архангельской области. В 2010 г. подготовлены и впервые Архангельским центром РГО изданы библиографические материалы ушедших из жизни действительных членов РГО Кашина В.И. и Чертовского В.Г. Проведена Всероссийская научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Н.М. Сибирцева (14-16 сентября 2010 г.) «Генезис, география, классификация почв и оценка почвенных ресурсов»: VIII Сибирцевские чтения, изданы материалы конференции. Подготовлена и в 2011 г. проведена большая международная конференция «М.В. Ломоносов и Арктика» и изданы материалы конференции.

Осенью 2011 года для работы Архангельского центра Русского географического общества мэрией Архангельска в центре города выделено помещение, теперь у Общества появился собственный офис на ул. Суворова д. 11, оф. 10. В 2011 г. Архангельский центр РГО получил Грант Русского географического общества на проведение комплексной экспедиции «По следам поморов», были изучены острова Петуховского архипелага на Новой Земле и издана монография. Членами Архангельского центра РГО была проделана большая работа по написанию статей в четвертый том «Культура» Поморской энциклопедии. Была проведена большая работа по пропаганде и изучению истории, культуры, природы населенных пунктов и районов Архангельской области. Так членом РГО Лепиным Г.А. написаны стихи и на них сделаны песни, а еще Лепин Г.А. снабдил песни иллюстративным материалом, и получились ролики (видеоклипы), которые показываются в районах области на различных мероприятиях, а песни исполняются населением районов и населенных пунктов области. В 2012 г. были проведены XII Перфильевские научные чтения, «Изучение, охрана и рациональное использование растительного покрова Арктики и сопредельных территорий», посвященных 130-летию со дня рождения Ивана Александровича Перфильева (1882-1942) 29-31 мая 2012 г., изданы материалы конференции.

В 2012 году создан Попечительский совет Архангельского центра, в 2013 году после долгого перерыва изданы научные труды членов общества. Основным направлением работы Центра в последние годы стало исследование и изучение Арктики. Архангельский центр принимает участие в организации экспедиций по исследованию культурного и природного наследия Арктики и памятников её освоения, включая историю полярных станций. В связи с

этим проделана большая работа. Ежегодно Архангельским центром РГО проводится целый ряд научных конференций, посвященных Арктике: «Ломоносов и Арктика», «История изучения и освоения Арктики – от прошлого к будущему», «Космические технологии в развитии Арктических территорий», «Роль Архангельска в исследованиях Арктики», «15-ть лет спустя – здоровье реки Северной Двины» и многие другие.

Архангельским центром РГО проводятся большие экспедиционные исследования, например: Комплексные исследования островов Петуховского архипелага, располагающегося около южной оконечности Новой Земли: Комплексная экспедиция «По следам поморов» (в составе д.г.н. Мискевича Иг.В., к.б.н. Самохиной Л.А., Мосеева Д.С.); Комплексные экспедиционные исследования Сухого моря в Двинском заливе Белого моря в районе планируемого строительства глубоководного порта с учетом результатов анализа его геоморфологических изменений за последние 200-300 лет (руководитель д.г.н. Мискевич Иг.В.); Историко-этнографическая экспедиция «100 лет Лоции Белого моря. Летний берег» (в составе Ружникова А.В., Казнина Д.А., Лепина Г.А.); Комплексное экспедиционное исследование по реке Северной Двине по теме «15-ть лет спустя. Здоровье реки Северной Двины» (ответственный д.м.н. Шрага М.Х., экспедиции были речные и сухопутные); Морская яхтенная экспедиция «100-летие плавание яхт по маршруту Архангельск – Соловки» (ответственные: Сидоровский В.Ю., Звягин С.А.); проведена Вторая общественная Арктическая экологическая экспедиция «Чистый берег» (ответственный Ионов В.В.); Проведено комплексное исследование экосистем устьев рек полуострова Канин «По следам экспедиций РГО 1913-1914 гг.» (ответственный д.г.н. Мискевич Иг.В.) и другие.

Главным и перспективным проектом Архангельского центра стал проект «Арктический плавучий университет». Уникальная лаборатория для обучения студентов создана на базе научно-исследовательского судна «Профессор Молчанов». За период с 2012 по 2014 год осуществлено 6 рейсов «Арктического плавучего университета» в Белом, Баренцевом и Карских морях. Экспедиция вызвала большой интерес научной

общественности России и других стран. Проект получил поддержку Русского географического общества. В 2012 году грант на «Арктический плавучий университет» вручил Председатель Попечительского Совета РГО В.В. Путин. В рейсах приняли участие более 300 человек: студентов, преподавателей и сотрудников научных учреждений Росгидромета (ААНИИ, ГОИН, РГГМУ, Северного УГМС), МГУ, САФУ, РАН, и представители более 10 зарубежных стран, которые проходили по арктическим морям на научно-исследовательском судне «Профессор Молчанов» изучая Арктику. После обработки материалов были проведены научная сессия и конференции студентов и аспирантов и материалы сессии и конференции изданы.

По инициативе Архангельского центра РГО в Архангельской области впервые был установлен памятный знак погибшим в Первой мировой войне. 30 июля 2014 г.

Васильев Л.Ю. – председатель АЦ РГО, Варфоломеев Л.А.

Своими успехами Общество благодарно своим председателям: Б.Е. Райкову (1944-1945 гг. – отозван в Ленинград), Г.О. Голято (1945-1948 гг.), Г.Я. Наливайко (1949-1968), К.П. Гемп (1969-1972), В.Г. Чертовскому (1972-1983), Н.Н. Колесниченко (1983-1985), М.Н. Белогубовой (1985-2000), В.Ф. Цветкову (2000-2005), Иг.В. Мискевичу (2005-2010) и нынешнему Л.Ю. Васильеву (с 2010 г.), работе ученых секретарей В.И. Гольдиной и В.А. Любимову, руководителям отделений, комиссий и секций, а также членам Президиума и Учёного совета и всем активным членам РГО за всё время существования Архангельского центра, именно от их успешной работы наше Общество двигалось вперед от одного достижения к другому.

Члены Президиума и Учённого совета Архангельского центра РГО в 2010 – 2015 гг.

Васильев Леонид Юрьевич
Председатель

Бызова Наталья Михайловна
Зам. председателя

Кузнецов Виктор Сергеевич
Зам. председателя, председатель
секции изучения Арктики

Мискевич Игорь Владимирович
Зам. председателя, председатель
Двинского отделения

Ажгибкова Светлана Николаевна
Член Учённого совета,
председатель Северодвинского
отделения,
Почётный член АЦ РГО с 2010 г.

Брызгалов Виктор Васильевич
Член Учённого совета

Буглак Алексей Владимирович
Член Учённого совета, председатель
историко-патриотической секции
«Защитники Отечества»

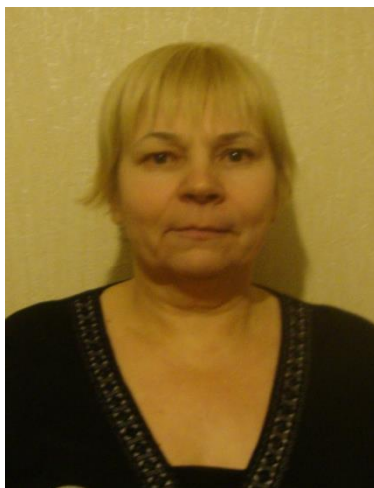
Варфоломеев Лев Александрович
Член Учённого совета,
председатель секции
почвоведения,
Почётный член АЦ РГО с 2000 г.

Ермолин Борис Васильевич
Член Учённого совета,
председатель Ломоносовского
отделения,
Почётный член АЦ РГО с 2010 г.

Киселёв Георгий Петрович
Член Учёного совета

Кузнецова Анна Владиславовна
Член Учёного совета

Лепин Геннадий Афанасьевич
Член Учёного совета

Любимов Владимир Алексеевич
Член Президиума и Учёного совета,
учёный секретарь АЦ РГО

Малков Виктор Николаевич
Член Учёного совета,
председатель комиссии по карсту
и спелиологии

Овсицер Олег Леонидович
Член Президиума и Учёного
совета, председатель
Беломорского отделения,
Почётный член АЦ РГО с 2005 г.

Попова Людмила Дмитриевна
Член Президиума и Учёного совета,
председатель
Поморского отделения,
Почётный член АЦ РГО, с 2005 г.

Сафин Станислав Газизович
Член Учёного совета

Симакова Людмила Анатольевна
Член Учёного совета

Станковский Анатолий Фёдорович
Член Учёного совета, председатель
Новодинского отделения,
Почётный член АЦ РГО, с 2000 г.

Цветков Василий Фролович
Член Учёного совета,
председатель Емцовского
отделения,
Почётный член АЦ РГО, с 2005 г.

Чернов Виктор Владимирович
Член Учёного совета

Шрага Моисей Хаймович
Член Учёного совета, председатель
медицинской секции

Новиков Анатолий Васильевич
Почётный член АЦ РГО с 2010 г.

**Окладников Николай
Анатольевич**
Почётный член АЦ РГО с 2010 г.

В настоящее время в Архангельский центр Русского географического общества входят 13 отделений общества, комиссий и секций, расположенные на территории Архангельской области, в которых работают более 220 действительных членов Русского географического общества (свыше 80 докторов и кандидатов наук) из них 5 иногородних членов (Вологда, Москва, Нижний Новгород, Санкт-Петербург).

Фотографии для статьи взяты из «Поморской энциклопедии», Архангельск, 2001, 2007, 2012. Т. 1, 2, 4; Из личных архивов Кузнецовой А.В., Лепина Г.А. и архива Архангельского центра РГО.

1 сентября 1944 г.
№ 031/I 21

Заседания от 30 августа 1944 г.

Исполнительного Комитета
Архангельского областного Совета депутатов трудящихся

Об организации Северного отделения Всесоюзного
географического общества при Академии Наук СССР.

№ 031/I

Исполнительный комитет областного Совета депутатов
трудящихся - р е ш и л:

1. Удовлетворить ходатайство инициативной группы
об организации в г. Архангельске Северного отделения Все-
союзного географического общества при Академии наук СССР.

2. Утвердить оргбюро Северного отделения Всесоюзного
Географического общества в следующем составе:

1/ Райков В.Е.	- проф. пединститута - пред. оргбюро
2/ Гасов В.Н.	- доцент пединститута - зам. председателя
3/ Лопатин Г.В.	- доцент пединститута - ученый секретарь
4/ Новомосковский Н.А.	- проф. пединститута - член оргбюро
5/ Алесков М.В.	- проф. пединститута - член оргбюро
6/ Мелехов И.С.	- проф. АИТИ
7/ Адикин О.А.	- доцент пединститута
8/ Колато Р.О.	- дир. Стационара Академии Наук СССР
9/ Тимонов В.В.	- нач. 3 отд. ГИИ.
10/ Васе Н.И.	- нач. Упр. гидрометслужбы
11/ Гаркуша	- нач. Гидрогр. Экспед. О.Ф.
12/ Наливайко Г.И.	- нач. Упр. Порт. Иевск.
13/ Куликов В.Д.	- нач. Гидрогр. О. Беломорск.
14/ Рыжов Г.Ф.	- дир. АИТИ
15/ Протопопов И.Д.	- нач. ред. сл. штаба АВО

Председатель
Исполнительного Комитета
Архангельского областного Совета
депутатов трудящихся - Алабышев

Секретарь
Исполнительного Комитета
Архангельского областного Совета
депутатов трудящихся - Околыничников.

ан/13

Тип. Архобл. Зак. 137

Прил. 1. Выписка из протокола заседания Архангельского облисполкома 30 августа 1944 г. О создании Северного отделения Всесоюзного географического общества СССР при АН СССР.

Прил. 2. Свидетельство о получении Архангельским центром РГО гранта в конкурсе по приоритетным направлениям развития науки в Архангельской области. Апрель 2006 г.

1. Архив Архангельского центра РГО. Оп. 1. Д. 632/1. 1944-45 гг.; Оп. 1. Д. 633/1. 1943-1947 гг.
2. Любимов В.А. 50 лет Архангельскому филиалу Русского географического общества РАН // Календарь знаменательных дат на 1994 год. Материалы в помощь учителям географии и истории. Архангельск, 1994. С 40-43; Любимов В.А. Архангельский филиал Русского географического общества // История Архангельского Севера: Поморская энциклопедия. Т. 1. Архангельск, 2001. С. 57; Любимов В.А., Брызгалов В.В. Архангельский центр Русского географического общества за 1995-1999 гг. // Краеведение и краеведы. Материалы научной конференции, посвященной 105-летию со дня рождения К.П. Гемп: Труды XI съезда Русского географического общества. Т. 7. СПб., 2000. С. 302-307; Любимов В.А., Кузнецова А.В. Архангельский центр Русского географического общества // Природа Архангельского Севера: Поморская энциклопедия. Т. 2. Архангельск, 2007. С. 54.

*Литература изданная Архангельским филиалом и центром
Русского географического общества в 1984-2014 гг.:*

1. Роль Архангельска в освоении Севера (Тезисы докладов Всесоюзной конф., Архангельск, июнь, 1984 г.). Архангельск, 1984. 312 с.
2. М.В. Ломоносов и Север (Тезисы докладов Всесоюзной конф., Архангельск, июнь, 1986). Архангельск, 1986. 490 с.
3. Комплексные проблемы охраны и рационального использования водных ресурсов Европейского Севера на примере рек Северо-Двинского бассейна (Тезисы докладов Всесоюзной конф. Архангельск, апрель, 1988 г.). Архангельск, 1988. 220 с.
4. Календарь знаменательных дат. 1989 год. Архангельск, 1988. 18 с.

5. Исторические связи Русского Севера и Норвегии (К 200-летию города Варде). Сборник статей. Архангельск, 1989. 182 с.
6. *Алеутский Н.Н.* Архангельский травник. Методическое пособие по фитотерапии. Архангельск, 1989. Буклет.
7. *Косицина Н.П.* Контурная карта Архангельской области. Архангельск, 1989
8. Календарь знаменательных дат на 1990 год (Методические рекомендации в помощь учителям географии, биологии, истории). Архангельск, 1990. 52 с.
9. Сквозь бури гражданской войны. «Круглый стол» историков. Архангельск, 1990. 146 с.
10. *Алеутский Н.Н.* Лекарственные растения на вашем огороде (Методические рекомендации садоводам-любителям). Архангельск, 1990. 78 с. с иллюстрациями.
11. *Варфоломеев Л.А.* Сибирцевы – семья исследователей. Архангельск, 1990. Буклет.
12. *Галочкина С.Ю., Шелег В.А.* Веркола – родина Федора Абрамова. Архангельск, 1990. Буклет.
13. *Шапошникова Л.П.* Федот Шубин. Архангельск, 1990. Буклет.
14. Календарь знаменательных дат на 1991 год (Методические рекомендации в помощь учителям географии, биологии, истории). Архангельск, 1991. 98 с.
15. Социально-экологические проблемы Европейского Севера. Сб. статей. Архангельск, 1991. 274 с.
16. Геология и полезные ископаемые Севера Европейской части СССР. Сб. науч. трудов. Архангельск, 1991. 314 с.
17. Северные конвои. Исследования, воспоминания, документы. Архангельск, 1991. 174 с.
18. Вопросы топонимики Подвинья и Поморья. Сб. статей. Архангельск, 1991. 144 с. с иллюстрациями.
19. Земля Красноборская. Страницы истории и культуры. Архангельск, 1991. 108 с. с иллюстрациями.
20. А.А. Борисов и Север. Тезисы докладов региональной научно-практической конф., посвященной 125-летию со дня рождения А.А. Борисова. Архангельск, 1991. 100 с.
21. Эколого-географические проблемы сохранения и восстановления лесов Севера. Тезисы докладов Всесоюзной науч. конф., посвященной 280-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. Архангельск, 1991. 366 с.
22. *Феклистов П.А., Евдокимов В.Н.* Оформление природных коллекций. Методические рекомендации по сбору и составлению коллекций флоры и фауны, оформлению охотничьих трофеев. Архангельск, 1991. 40 с.
23. *Куратов А.А.* Метрология России и Русского Севера. Архангельск, 1991. 34 с.
24. *Манихин Г.И., Манихина А.Н.* Ландшафтно-графические карточки и методика работы с ними в курсе физической географии СССР. Методическая разработка. Часть 1-2 с приложением. Архангельск, 1991. 116 с.
25. *Власов Р.В.* Александр Алексеевич Борисов – художник, исследователь, патриот. Архангельск, 1991. Буклет
26. Календарь знаменательных дат на 1992 год. Материалы в помощь учителям географии и истории. Архангельск, 1992. 46 с.
27. Проблемы оптимизации и использования растительности и растительных ресурсов на Европейском Севере. Тезисы докладов региональной науч. конф. – Восьмые Перфильевские чтения, посвященные 110-летию со дня рождения известного ботаника, флориста Ивана Александровича Перфильева 1882-1942 гг. Архангельск, 1992. 158 с.
28. Федор Абрамов и Север. Статьи, воспоминания, стихотворные посвящения. Архангельск, 1992. 156 с.
29. История и культура Важского края. Тезисы докладов региональной научно-практической конф., посвященной 180-летию со дня рождения П.С. Воронова. Вельск, 1992. 82 с.
30. Экологические проблемы Европейского Севера. Тезисы докладов II международной школы-семинара. Архангельск, 1992. 218 с.
31. *Галимова Е.Ш.* Художественный мир Юрия Казакова. Архангельск, 1992. 172 с.
32. *Окладников Н.А.* Пустозерские страдалцы (Из истории пустозерской ссылки XVII-XVIII вв.). Архангельск, 1992. 92 с.
33. *Плешак Т.В.* Небесный барашек. Рассказы о природе. Архангельск, 1992. 78 с.
34. Календарь знаменательных дат на 1993 год. Материалы в помощь учителям географии и истории. Архангельск, 1993. 60 с.
35. Соломбальская верфь 1693 – 1862. Архангельск, 1993. 112 с.
36. Тревожные годы Архангельска 1700 – 1721. Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск, 1993. 432 с.
- 37-39. Россия. Север. Море: V Соловецкий форум. Тезисы докладов международной науч. конф., посвященной 300-летию первого приезда Петра Великого в Архангельск и основанию Соломбальской верфи (1693-1862 гг.) – колыбели Российского Флота. Части I-II-III. Архангельск, 1993. 194 с. - 132 с. - 130 с.
40. *Кольцова Т.М.* Росписи «неба» в деревянных храмах Русского Севера. Архангельск, 1993. 112 с.
41. *Кораблев С.П.* Этнографический и географический очерк г. Каргополя Олонецкой губернии, с словарем особенностей тамошнего наречия, составленный и изданный С. П. Кораблевым Москва 1851. Архангельск, 1993. 48 с.
42. *Попова Л.Д.* Памятники архитектуры Архангельска. Краткий научный каталог. Архангельск, 1993. 98 с.

43. *Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского Севера (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). Архангельск, 1993. 224 с.
44. Календарь знаменательных дат на 1994 год. Материалы в помощь учителям географии и истории. Архангельск, 1994. 66 с.
45. Пушкин в сердцах поколений. Тезисы докладов научной сессии, посвященной подготовке к 200-летию со дня рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина (1799-1837). Архангельск, 1994. 52 с.
46. *Кашин В.И., Козобродов А.С.* Лиственничные леса Европейского Севера России. Архангельск, 1994. 222 с.
47. *Попова Л.Д.* Архангельск. Очерк истории строительства (Конец XVI - начало XX в.) Архангельск, 1994. 160 с.
48. *Овсицер О.Л.* Карты по грибным и ягодным местам Архангельской области. СПб., 1994. 7 листов.
49. Календарь знаменательных дат на 1995 год. Материалы в помощь учителям. Архангельск, 1995. 112 с.
50. Конвои: Исследования, воспоминания, библиография, документы. Архангельск, 1995. 318 с. с иллюстрациями.
51. Творчество Федора Абрамова: традиции и современность. Тезисы докладов науч. конф., посвященной 75-летию со дня рождения Ф.А. Абрамова (1920-1983). Архангельск, 1995. 40 с.
52. *Овсицер О.Л.* Архангельская область. Ненецкий автономный округ. Общегеографическая карта. СПб., 1995.
53. *Полежаева Т.С.* Белая шаль. Стихи. Архангельск, 1995. 196 с.
- 54-55. С.Ф. Огородников и история Российского Флота. Тезисы докладов международной науч. конф., посвященной 300-летию Российского флота и 160-летию со дня рождения С.Ф. Огородникова. Часть 1 - 2. Архангельск, 1996. 106 с - 48 с.
- 56-61. М.В. Ломоносов и национальное наследие России. Тезисы докладов международной науч. конф., посвященной 285-летию со дня рождения великого русского ученого М.В. Ломоносова. Части I - II - III - IV - V - VI. Архангельск, 1996. 56 с. - 102 с. - 126 с. - 168 с. - 70 с. - 56 с.
62. *Варфоломеев Л.А.* Сибирцевы – семья архангельская. Архангельск, 1996. 150 с.
63. *Докучаев-Басков Ф.К.* Каргополь. Архангельск, 1996. 112 с. с иллюстрациями.
64. Растительный покров Севера в условиях интенсивного природопользования. Девятые Перфильевские чтения. Материалы международной науч. конф., посвященной 115-летию со дня рождения известного ученого-ботаника, флориста И. А. Перфильева Архангельск, 1997. 148 с.
65. Архангельск в XVIII веке. Сборник научных статей. СПб., 1997. 416 с.
66. Северяне в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг. Архангельск, 1997. 64 с.
67. *Феклистов П.А., Евдокимов В.Н., Барзут В.М.* Биологические и экологические особенности роста сосны в северной подзоне европейской тайги. Архангельск, 1997. 140 с.
68. Защитники Отечества. Материалы II и III областных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 1998. 96 с. с вклейкой.
69. *Андреев В.А.* Биоресурсы Архангельской области: состояние, использование и охрана. Архангельск, 1998. 100 с.
70. *Климов А.И., Климова Е.В.* Здравствуй, Ненокса! К 600-летию поморского села Неноксы. Архангельск, 1998. 92 с. с иллюстрациями.
71. *Овсицер О.Л.* Архангельск. Адресный план (Карта). СПб., 1998.
72. Пушкин в сердцах поколений. Материалы Всероссийской научно-практической конф., посвященной 200-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина (1799-1837). Архангельск, 1999. 150 с.
73. Европейский Север России: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Международной науч. конф., посвященной 90-летию со дня учреждения Архангельского общества изучения Русского Севера (1908 г.). Архангельск, 1999. 392 с.
74. Русский Север и Западная Европа. Сб. науч. статей. СПб., 1999. 472 с. с иллюстрациями.
75. Волна экограда – XXI: от города к городу. Первое информационно-справочное издание о градоэкологических просветительских инициативах. Архангельский регион. Выпуск I. Архангельск-Москва-Киров, 1999. 60 с.
76. Нидерланды и Русский Север в XVI - XX вв. Сборник тезисов и докладов международной науч. конф. Архангельск, 1999. 178 с.
77. Генезис, география, антропогенные изменения и плодородие почв (VI Сибирцевские чтения). Тезисы докладов XI съезда РГО (Архангельск, 2000) // Труды XI съезда Русского географического общества. Т. 6. СПб., 2000. 98 с.
78. Краеведение и краеведы. Материалы науч. конф., посвященной 105-летию со дня рождения К. П. Гемп // Труды XI съезда Русского географического общества. Т. 7. СПб., 2000. 314 с.
79. Лесоводство Севера на рубеже столетий (II Мелеховские чтения). Материалы международной науч.-практической конф. // Труды XI съезда Русского географического общества. Т. 8. СПб., 2000. 288 с.
80. Защитники Отечества. Материалы V и VII областных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2000. 142 с.

81. Очерки по геологии и полезным ископаемым Архангельской области. Архангельск, 2000. 192 с. с иллюстрациями.
82. *Попова Л.Д.* Архангельск, Холмогоры, Ломоносово. Путеводитель. Архангельск, 2000. 98 с. с картой вкладываем города Архангельска.
- 83-84. *Овсицер О.Л.* Архангельск. Туристическая карта. 2 выпуска. СПб., 2000, 2001.
85. Защитники Отечества. Материалы IX областных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2001. 94 с.
86. *Овсицер О.Л.* Соловецкие острова. Исторический, культурный и природный памятник России. Картографический путеводитель. СПб., 2001.
87. *Овсицер О.Л.* Архангельская область. Серия карт М. 1 - 100000. 70 наименований. СПб., 1995-2001.
88. Школа природы. Методический бюллетень. Составитель В.А. Андреев. Выпуск 1. Архангельск, 2001. 56 с.
89. Слово Федора Абрамова. Материалы науч. конф. Архангельск, 2001. 160 с.
90. Защитники Отечества. Материалы XI областных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2002. 192 с.
91. Почвенные исследования на Европейском Севере России (Архангельская область. Ненецкий автономный округ): Библиографический указатель литературы 1763-2001. Архангельск, 2002. 232 с.
92. Нидерланды и Северная Россия. Сборник научных статей. / Под редакцией Ю.Н. Беспярых, Я.В. Велувенкампа, Л.Д. Поповой. СПб., 2003. 408 с.
93. Комплексные исследования устьев рек Европейского Севера России. Сборник научных трудов (Посвящается 60-летию образования Архангельского центра РГО). Архангельск, 2003. 84 с.
94. Защитники Отечества. Материалы XIII областных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2003. 212 с.
95. *Овсицер О.Л.* Архангельск. Город и окрестности. Туристическая карта. СПб., 2003.
96. *Овсицер О.Л.* Архангельск крупным планом. Деловая карта города. СПб., 2003.
97. Растительность и растительные ресурсы Европейского Севера России. Материалы X Перфильевских чтений, посвященных 120-летию со дня рождения Ивана Александровича Перфильева (1882-1942). Архангельск, 2003. 260 с.
98. *Овсицер О.Л.* Северодвинск. Адресный план (карта города). СПб., 2004.
99. Защитники Отечества. Материалы XV региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2004. 224 с.
100. *Овсицер О.Л.* Архангельская область. Серия карт М. 1 – 100 000. 20 наименований. СПб., 2001-2004.
101. Почва как природный ресурс Севера. Материалы VII Сибирцевских чтений, посвященных 145-летию со дня рождения ученого-почвовода Н.М. Сибирцева. Архангельск, 2005. 126 с.
102. *Овсицер О.Л.* Архангельск. Город и окрестности. Туристическая карта. СПб., 2005.
103. *Любимов В.А.* Воевода Михаил Озеров. Страницы истории Русского Севера во времена царствования Ивана Грозного. Архангельск, 2005. 432 с. с иллюстрациями.
104. Проблемы лесоведения и лесоводства. Материалы научной конференции, посвященные 100-летию со дня рождения И.С. Мелехова (III Мелеховские чтения). Архангельск, 2005. 188 с.
105. Защитники Отечества. Материалы XVII региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2005. 228 с.
106. Знаменитые люди Севера: от М.В. Ломоносова до наших дней. Материалы международной научной конференции, посвященной 295-летию со дня рождения великого русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова (1711-1765 гг.). Архангельск, 2006. 294 с.
107. *Овсицер О.Л.* Архангельская область, Ненецкий автономный округ. Общегеографическая карта. СПб., 2006.
108. *Овсицер О.Л.* Северодвинск. Карта для жителей и гостей города. К 100-летию подводных сил России 1906-2006. Масштаб 1 : 12 000. СПб., 2006.
109. Защитники Отечества. Материалы XIX региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2006. 260 с. с иллюстрациями.
- 110-111. Мезень и Мезенский край в истории Отечества Баренцева региона. Сборник статей международной научно-практической конференции. Архангельск, 2006. Ч. 1. 342 с.; Ч. 2. 196 с.
112. *Овсицер О.Л.* Архангельская область, Ненецкий автономный округ. Российская Федерация общегеографическая карта (с обновлением). Масштаб 1 : 1 000 000 и 1 : 2 500 000. СПб., 2007.
113. Защитники Отечества. Материалы XXI региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Выпуск 10. Архангельск, 2007. 344 с. с иллюстрациями.
- 114-115. Биоразнообразие, охрана и рациональное использование растительных ресурсов Севера. Материалы XI Перфильевских научных чтений, посвященных 125-летию со дня рождения Ивана Александровича Перфильева (1882-1942). Архангельск, 2007. Ч. 1. 298 с.; Ч. 2. 194 с..
116. «Защитники Отечества»: общественно-научные чтения по военно-исторической тематике: библиографический указатель к 1-10 выпускам. Архангельск, 2007. 56 с.

117. *Овсицер О.Л.* Кенозерье Архангельская область. Топографическая карта. Масштаб 1 : 100 000. СПб., 2008.
118. Защитники Отечества. Материалы XXIII общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Выпуск 11. Архангельск, 2008. 500 с. с иллюстрациями.
119. Исследования Российской Арктики: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной Международному Полярному году (2007-2008 гг.). Архангельск, 2008. 289 с.
120. *Овсицер О.Л.* Архангельская область. Серия карт М. 1 : 100 000. 16 наименований. СПб., 2005-2009.
121. *Овсицер О.Л.* Архангельская область. Серия карт М. 1 : 100 000. 12 наименований с обновлением. СПб., 2007-2009.
122. Вячеслав Гаврилович Чертовской. Библиографический указатель. Архангельск, 2010. 26 с.
123. Виктор Иванович Кашин (1918-2001). Библиографический указатель опубликованных работ. Архангельск, 2010. 26 с.
124. *Овсицер О.Л.* Город Воинской Славы. Архангельск. Город и окрестности. Туристическая карта. М.: 1:10 000, 1:35 000. СПб., 2010.
125. Генезис, география, классификация почв и оценка почвенных ресурсов: VIII Сибирцевские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.М. Сибирцева (14-16 сентября 2010 г.). Архангельск, 2010. 344 с.
126. М.В. Ломоносов и Арктика. Материалы Международной научной конференции, посвященной 300-летию со дня рождения великого русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова (1711-1765 гг.). (21-24 июня 2011 г.). Архангельск, 2011. 376 с. с иллюстрациями.
127. *Мискевич И.В., Мосеев Д.С., Самохина Л.А.* Острова Петуховского архипелага на Новой Земле в проливе Карские ворота: История. Природа. Экология. Комплексная экспедиция «По следам поморов». Архангельск, 2011. 100 с.: ил., табл.
128. Изучение, охрана и рациональное использование растительного покрова Арктики и сопредельных территорий. Материалы XII Перфильевских научных чтений, посвящённых 130-летию со дня рождения Ивана Александровича Перфильева (1882-1942). 29-31 мая 2012 г. Архангельск, 2012. 254 с.
129. Комплексная научно-образовательная экспедиция «Арктический плавучий университет – 2012». Часть III. Материалы научной сессии студентов и аспирантов. Архангельск, 2012. 116 с.
130. Лев Александрович Варфоломеев. Библиографический указатель. Архангельск, 2012. 54 с.
131. История изучения и освоения Арктики – от прошлого к будущему. Сборник материалов научной конференции с международным участием. 12-13 сентября 2012 г. Архангельск, 2012. 342 с.
132. Комплексная научно-образовательная экспедиция «Арктический плавучий университет – 2013». Часть III. Материалы научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов. Архангельск, 2013. 116 с.: табл., ил., граф.
133. Труды Архангельского центра Русского географического общества. Сборник научных статей. Вып. 1. Архангельск, 2013. 382 с. + ил.
134. *Ружников А.В.* Судовладельцы Поморья: парусный флот. Архангельск, 2013. 196 с.
135. Комплексная научно-образовательная экспедиция «Арктический плавучий университет 2014». Часть III. Материалы научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов. Архангельск, 2014. В печати.
136. Труды Архангельского центра Русского географического общества. Сборник научных статей. Вып. 2. Архангельск, 2014. В печати.

ЭКЗОГЕННЫЕ ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

В.Н. Малков

ЗАО «Архангельскгеолразведка», Архангельск, VMalkov@agr.lukoil.com

Для Архангельской области в целом характерны четыре типа экзогенных процессов (ЭГП): речная эрозия, заболачивание, карст и овражная эрозия. В береговой зоне Белого моря развиты морской абразии, аккумуляция речных отложений, перенос и аккумуляция прибрежно-морских осадков. На приморской равнине севернее широты 66° имеются мерзлотные процессы.

Размещение ЭГП и динамика их развития определяются следующими условиями: разновидностями равнинного типа рельефа; средней, местами высокой густотой речной сети; колебаниями глубин врезов долинно-речной сети, проявлениями новейших и современных тектонических движений, изменчивостью геологического разреза, характером обводнённости пород.

Экзогенные процессы приурочены к рыхлым верхнеплейстоценовым, голоценовым отложениям и коренным палеозойским породам преимущественно каменноугольного, пермского возраста.

Общие показатели развития ЭГП приведены в таблице 1.

Таблица 1

Общие сведения о развитии экзогенных геологических процессов на территории
Архангельской области

Площадь материковой территории - 413100 км²; Протяженность береговой линии морей - 710 км; Протяженность речной сети - 89400 км

№№ п/п	Тип ЭГП	Территория проявлений ЭГП, км ² ; км	Коэффициент пораженности ЭГП %	Частотный коэффициент пораженности ЭГП, ед./км ² ; ед/км	Примечание
1	Абразия морская	320 км	45	0,5-0,6	От протяженности побережий
2	Аккумуляция прибрежно- морская	390 км	55	0,1-0,3	От протяженности побережий
3	Дефляция	около 35 км ²		от 1 до 3	
4	Заболачивание	58247 км ²	14,1		От площади области
5	Карст	100104 км ² 49800 км ² *	24,2 49,7	а) 0,1-150 б) 1-1600 **	От площади области От площади пород
6	Оползни	4100 км	4,6		От протяженности речной сети
7	Гравитационно- эрозионный	22800 км	25,5	0,5-1,0	От протяженности речной сети
8	Эрозия боковая	26800 км	30	0,6-2,0	От протяженности речной сети
9	Эрозия донная	59500 км	66,5	0,2-1,2	От протяженности речной сети
10	Эрозия овражная	2900 км	3,2	0,03	От протяженности речной сети

Примечание * сверху – площадь карстующихся пород, внизу – площадь поверхностного карста; ** - а) карбонатный тип, б) сульфатный тип

Ниже дается краткая характеристика ЭГП Архангельской области с учетом особенностей пространственного развития, происхождения, динамики развития.

Экзогенные геологические процессы (ЭГП) объединяются в три группы: региональные площадные, региональные линейные, локального развития.

1. Региональные площадные ЭГП (заболачивание, карст).

Заболачивание широко проявляется на территории области, занимающей три ландшафтно-климатические подзоны: южной тундры, северной тайги, средней тайги. Вся территория области находится к зоне избыточного увлажнения, что наряду с уплощенным характером рельефа, тяжелым, неоднородным составом почво-грунтов благоприятствует

развитию процесса. Современное заболачивание выражается ростом болот, заболачиванием лесов, вырубок и лугов. Заложение большинства болотных массивов произошло в среднем – позднем голоцене. Характерно слияние первичных болот в обширные болотно-торфяные массивы с изменением режима стока на смежной площади. В Архангельской области выявлено 15 болотных массивов площадью свыше 100 кв.км. Размеры отдельных болотных массивов достигают: 90×50 км (р. Илекса на западе области), 57×40 км (р. Мегра, северная часть области), 45×25 км (р. Кодина, Онего-Двинский водораздел) [5, 6].

Широкомасштабное заболачивание происходит на Поморском и Абрамовском побережьях Белого моря, Кулойско-Мезенской равнине, в низовье реки Северной Двины, в Северо-Двинской и Мошинской депрессиях. На расчлененных водораздельных равнинах болота развиты на уплощенных ступенях рельефа, в пределах ложбин ледникового стока, в обрамлении озерных котловин, в террасированных долинах. Кроме того, площадное заболачивание отмечается в зоне деградации многолетней мерзлоты в южной тундровой подзоне.

Начальное заболачивание происходит на участках плоского, плоско-волнистого рельефа с замедленным плоскостным стоком, на пойменных речных террасах, на низких перегибах холмистого рельефа, в подножье склонов. Отмечается рост заболачивания при увеличении среднегодового количества осадков. Площадные рубки леса и большие гари после пожаров способствуют нарастанию процесса заболачивания за счет наступления существующих болот, а также низинного заболачивания озер. Подтопление и заиливание небольших пойменных озёр, проточных карстовых озер также может приводить к усилению процесса заболачивания. Более половины территории области имеет показатель заболачивания выше 20%, в северной части территории этот показатель составляет 60% и более.

По данным земельного фонда Архангельской области болота занимают 14,1% от территории Архангельской области или 5823,3 кв. км [2, 3]. Среди них 73% составляют верховые болота, 8% - переходные, 19%- низовые. Средняя площадь болота 801 га. 70% болот имеют площадь до 200 га. Отрицательное воздействие заболачивания оценивается следующим образом [3]:

- на земли с/х назначения - площадь болот 198,4 тыс. га; заболоченность 7,9%;
- на земли поселений, промышленного использования - то же 17,2 тыс. га; заболоченность 3,4%;
- на земли запаса – то же 13,8 тыс. га; заболоченность 2,2%.

На большей части Архангельской области болота являются естественными ландшафтами, влияющими на составляющие поверхностного и подземного стока. На землях лесного фонда (26912 тыс. га) они занимают 5581,8 тыс. га, заболоченность 20,7%. На землях особо охраняемых территорий и объектов (2256,2 тыс. га) – болота занимают 12,3 тыс. га, заболоченность 5,4% [2, 3].

Положительный аспект заболачивания выражается в общем регулировании поверхностного стока, поддержании устойчивости речного стока в засушливое время, уменьшении площадей и мощностей слоя сезонного промерзания, сохранении температурного режима многолетне-мерзлых пород.

Карст обуславливается наличием растворимых горных пород и движением в них природных вод к речным долинам, локальным и региональным дренам, либо морским бассейнам. Явление карста выражается в геологическом, геоморфологическом, гидрогеологическом и др. аспектах природной среды с массопереносом растворенного вещества, образованием специфических форм поверхностного и подземного рельефа, изменением структуры и свойств горных пород и массивов.

В геологическом аспекте карст характеризуется проявлениями пористости, кавернозности, пустотности, трещинно-закарстованных зон, а также древних палеокарстовых явлений и форм. Геоморфологические, гидрогеологические аспекты определяют степень выраженности карстового рельефа на поверхности и в глубине

массивов, элементы карстовой гидрографии и водоносности, то есть специфические черты рельефа, гидрологии и ландшафта.

Карст относимый к новейшему и современному этапам развития имеет очень длительную подготовку – многие миллионы лет. Новейшие достаточно крупные, интенсивные проявления карста являются результатом наложения и поглощения более древних звеньев карстообразования.

Типовые характеристики карста, мерность проявлений, пространственные связи обуславливаются задачами и масштабом исследований, методическими установками, имеющимся опытом и другими условиями. Существующее разнообразие подходов тормозит развитие мониторинга карста как направления инженерно-геологических исследований и практику самого мониторинга.

Растворимыми породами на территории Архангельской области являются: известняки и доломиты каменноугольного и пермского возраста, гипсы и ангидриты пермского возраста. Они образуют широкую полосу карстующихся пород, пересекающую область от побережья Белого моря до южной границы. Протяженность данной полосы около 600 км, а ширина составляет 100-200 км. Суммарная площадь карстующихся пород 100,1 тыс. кв. км, что составляет 32,4 % от материковой площади Архангельской области [1, 4]. В соответствии с литологической основой выделяются карбонатный и сульфатный типы карста. Особенности развития литологических типов карста по платформенным регионам представлены в таблице.2.

Таблица 2

Оценка территории Архангельской области по литологическим типам и подтипам карста

Регионы	Карбонатный тип				Сульфатный тип				Σ, км ²	
	К, км ²		КТ, км ²		КС, С, км ²		СТ, км ²		S1	S2
	S1	S2	S1	S2	S1	S2	S1	S2		
Север Русской плиты	73701	36021	9728	3833	8800	5670	7190	4013	99420	49537
Средний Тиман	308	147	264	84	87	31	26	8	684	262
Итого:	74009	36168	9992	3917	8887	5701	7216	4021	100104	49799
Закарстованность, %		48,9		39,2		64,1		55,7		49,7

Подтипы: К - собственно карбонатный, КТ - карбонатно-терригенный, КС - карбонатно-сульфатный, С - собственно сульфатный, СТ - сульфатно-терригенный.

S1 - общая площадь пород, S2 – площадь проявленного карста.

К карбонатному типу карста относятся формации, субформации целиком представленные растворимыми карбонатными породами (собственно карбонатный подтип), а также маломощные слои, прослои карбонатов среди терригенных формаций (карбонатно-терригенный подтип). К сульфатному типу относятся формации, субформации сложенные преимущественно растворимыми сульфатными породами (собственно сульфатный подтип), либо переслаиванием карбонатов и сульфатов с доминированием последних (карбонатно-сульфатный подтип). Кроме них выделяется сульфатно-терригенный подтип, где сульфатные породы занимают маломощные интервалы среди терригенных пород, либо сульфаты присутствуют в виде цемента и мелких включений, образуя зоны огипсования.

Карст карбонатного типа занимает 84 тыс. кв. км или 84% от площади карстующихся пород. Основными районами карбонатного карста являются возвышенные пластово-цокольные равнины, сложенные известняками, доломитами, переходными разностями каменноугольного и нижнепермского возраста. По происхождению и локализации карст подразделяется на подземный и поверхностный. Подземный карст развит в наибольшей степени. Подземный карст (поры, каверны, трещины, каналы и полости) влияет на

особенности залегания, движения и запасы карстовых вод. Он вызывает изменение уклонов и скоростей подземных потоков, концентрацию стока и различных пустот; изменчивость прочностных, фильтрационных свойств горных пород; а также в целом динамической структуры и устойчивости массивов.

В зоне интенсивного водообмена карст существенно влияет на речной сток. Величина подземного питания на 15-20%, местами на 30-40% выше фоновых значений.

Подземный карбонатный карст наиболее развит на Беломорско-Кулойском плато (бассейн рек Пачуги, Кепины), на Обозерском плато, на Плесецком плато, в среднем и верхнем течении р. Онеги (Каргопольская сушь). Буровыми и геофизическими работами доказано, что полости интенсивного карста встречены на глубине до 100 м от поверхности массивов.

Поверхностный карст образует карстово-денудационные грани рельефа и специфические формы рельефа разных морфологических порядков. Типичными проявлениями карста являются: просадки, воронки, западины, котловины, карстовые озера и источники, поглощения руслового стока, суходолы. Значительная часть карстовых озер относится к периодически исчезающим озёрам. Редкими формами являются крупные котловины и польеобразные депрессии, лога карстово-гляциального типа.

Как правило, проявления поверхностного карста запечатлены в рыхлом покрове и коренном цоколе, то есть имеют поверхностную и подземные части. При прогрессивном развитии существует соответствие между поверхностной формой и подземной корневой основой. Важную роль в локализации и развитии процесса имеют корневые каналы под днищами ряда типичных форм.

Плотность карстовых форм сильно варьирует. По ранее проведённым работам максимальная плотность 2,75 проявлений/га была установлена в Плесецком районе на участке Кяльозеро [4, 5].

В 2012 году в Мезенском районе в верховьях р. Ёрна выявлена более высокая степень закарстования достигающая 5,5 – 6,5 проявлений/га.

Повышенная плотность характерна для участков с рыхлым покровом до 3-4 м. Она составляет 50-150 форм на 1 кв. км. Участки проявленного карста могут соседствовать с погребёнными карстово-инфильтрационными корами, фиксирующими зоны древнего закарстования и выветривания.

С районами карбонатного карста связаны основные месторождения пресных подземных вод: Пермилловское, Каргопольское, Пачугское и др., всего 18 месторождений.

Проявления карста влияют на содержание и запасы карбонатного сырья на его месторождениях. (Савинское и Швакинское месторождения).

Карст сульфатного типа занимает около 16 тыс. кв. км, - в пять раз меньшую площадь в сравнении с карбонатным типом. По особенностям происхождения, разнообразию проявлений, по динамике процесса сульфатный тип более интересен. Учитывая общую историю развития, типологические соответствия, динамическое подобие, большую концентрированность в территориальном отношении сульфатный тип является объектом детального и мониторингового изучения.

Сульфатный карст приурочен к гипсо-ангидритовой толще нижней перми, а также к огипсованной пачке уфимских красноцветов верхней перми. Сульфатный карст подразделяется на два морфологических типа: подземный и поверхностный. В сравнении с карбонатным, сульфатный подземный карст занимает меньшую часть массивов. Зоны интенсивного подземного карста на глубине разделены целиковыми или слабо-закарстованными участками. В то же время, на локальном уровне широко представлены каналы, полости, пещеры, которые на один-три порядка крупнее аналогичных форм в карбонатных породах.

Пещеры сульфатного карста имеются в большинстве карстовых районов Архангельской области. Открыто 468 (на 2012 год) карстовых пещер, общей протяжённость 131,35 км (было 128,3 км). В каталог крупных пещер длиной свыше 500 м входят 54 (в

предыдущем году было 51) объекта. Их протяженность составляет 87,2% общей длины известных пещер. Длину более 1 км имеют 24 пещеры. Пещеры Кулогорская-Троя (17,0 км), Олимпийская-Ломоносовская (9,11 км) относятся к списку 10 крупнейших пещер России [1, 4].

Поверхностный карст характеризуется высокой степенью унаследования, которая выражается в соседстве разных генераций карста, многопорядковой структуре проявлений, оживлении полупогребенных форм, а также наличии фрагментов карбонатно-глинистой коры выветривания в кровле массивов. Поэтому карст развит не только на дренированных площадях, но и на заболоченных участках [1, 4].

Особенно благоприятны для карстообразования водораздельные и террасовые равнины с мощностью покрова до 4-6 м. Наряду с типичными проявлениями (см. карбонатный тип) представлены потяжины, борозды, рвы, звеньевые и цепочечные ассоциации воронок. К крупным формам относятся сложно-расчлененные гляциально-карстовые лога и котловинные, польеобразные депрессии [1, 5].

В целом, существует большое разнообразие воронок, котловин, логов, овражно-карстовых врезов. Около половины карстовых озер являются уходящими. Имеются площади открытого, задернованного карста с уникальными формами: шелопняковыми полями, провальными цирками, останцами, фрагментами вскрытых пещер [1, 4, 5].

Плотность сульфатного карста существенного выше карбонатного. Средняя плотность составляет 100-400 форм на кв. км, высокая достигает 1600 форм на кв. км. На участках открытого карста насчитывается до 2000 единичных проявлений. При площадном развитии участки средней и высокой плотности могут занимать 60-70 % от площади выходов пород.

Районы сульфатного карста слабо благоприятны для хозяйственного освоения и проживания по снижению устойчивости массивов, интенсивности закарстования, склонности к провалам и уходу озер, а также непригодности карстовых вод для питьевого водоснабжения. Освоенные участки отличаются повышенной мощностью четвертичного покрова, наличием карбонатных слоев, приуроченностью к долинной сети, наличием транзитного речного стока.

2. Региональные линейные ЭГП (речная эрозия и аккумуляция, морская абразия и аккумуляция, овражная эрозия, склоновые процессы).

Речная эрозия и аккумуляция происходят в речных долинах разных порядков. В рамках долинной системы процесс имеет непрерывный характер, в геологическом, морфологическом выражении интенсивность процесса различна. Боковая эрозия наиболее активно проявляется на крупных реках: Северной Двине, Вычегде, Мезени [5]. На р. Северной Двине боковая эрозия охватывает русло и берега в верхнем и нижнем течении. Подмываются уступы пойм, трех нижних террас. Высота эрозионных берегов: пойм 2-5 м (максимальная 6 м), аллювиальных террас 6-8 м (максимальная 10-15 м). Коренные борта сложены породами устойчивыми к размыву. Высота бортов 20-30 м.

В устьевых частях крупных рек Онеги, Мезени, Сев. Двины происходит сложное взаимодействие речных процессов размыва, аккумуляции с приливно-отливными течениями и прибрежно-морской аккумуляцией.

В дельте Северной Двины высота размываемых берегов 1-2 м. Имеются подводные врезы глубиной 4-8 м, свидетельствующие об интенсивной донной эрозии. Наряду с эрозией активно проявляется русловая и прибрежно-морская аккумуляция. За 20-летний период наблюдений средняя скорость размыва составила 0,6 м/год в глинах и суглинках, 1,5 м/год в песках и алевролитах. В последние 6 лет скорость размыва снизилась на 20-25 %. С 2005г. наблюдения не проводятся.

В верхнем течении Северной Двины средняя скорость размыва берегов по данным 5-летних наблюдений изменялась от 0,2 до 3,4 м/год. С 2001 г. регулярные наблюдения не проводятся. В 2009 г. получены новые данные по участкам Ракулка, Черевково на р. Северной Двине; в 2011 г. – по участкам Байка, Сольвычегодск на р. Вычегде.

Общая протяженность речных долин Архангельской области 89400 км. Боковая эрозия проявляется на обоих берегах, поправочный коэффициент к длине долин 1,5. Ожидаемая величина суммарной боковой эрозии 20 % от протяженности берегов, что составит около 26800 км (таблица 1).

Морская абразия и аккумуляция сосредоточены в узкой полосе побережья Белого моря. На протяжении 320 км морской берег подвержен абразии и сопутствующим склоновым процессам [5]. Активная абразия сохраняется примерно на 70% берегового уступа. Интенсивная абразия охватывает Зимний берег, побережье Мезенской губы и примыкающий с запада Абрамовский берег. Максимальная скорость абразии была установлена на острове Моржовец (Мезенская губа). За 130 летний период она колебалась от 12,5 до 39,5/год.

Морская аккумуляция проявляется на отмелях берегах протяженностью 390 км. Формы аккумуляции окаймляют слабо поднимающиеся участки суши. Современные участки морской равнины называются лайдой. При этом образуются обширные мелководья, также происходит заболачивание береговой линии. Аккумуляция широко развита на побережье Онежского полуострова, на взморье дельты р. Северной Двины и на участке Сухого моря.

Овражная эрозия в ограниченном виде встречается во всех ландшафтно-климатических подзонах: от тундрового побережья до южных границ средней тайги. Представлены все фазовые проявления: от рытвин и промоин до зрелых овражных долин. Характерна приуроченность оврагов к ледниковым ложбинам различного порядка. Аналогами зрелых оврагов являются лога, образованные талым позднеледниковым стоком. В обрамлении логов часто развиты молодые овраги.

Преобладают долины, прекратившие свой рост. Старые и молодые овраги в естественных условиях обычно находятся в состоянии стабилизации, либо спада процесса. Существует ряд факторов препятствующих активности овражной эрозии: малые (до 15 м) и средние (до 30 м) глубины расчленения, преобладание коротких (до 200 м) и средних (200-400 м) длин склонов, углы наклона водораздельных поверхностей 3-60, редко до 12-150, наклон низин до 1,50. К ним можно добавить высокую в целом залесённость водосборов, значительное заболачивание, широкое распространение трудно-размываемых моренных суглинков, промерзшую почву в период интенсивного таяния снега, а также сравнительно редкую повторяемость ливневых осадков.

В таежной зоне Архангельской области можно выделить шесть площадей группового развития оврагов. Первая площадь находится в западной части Беломорско-Кулойского плато, сложенной терригенными породами венда и четвертичными отложениями. Эта площадь совпадает с зоной повышенных влагозапасов и высокого питания речного стока.

Вторая площадь охватывает восточную часть Беломорско-Кулойского плато, где овраги связаны с древней и омоложенной сетью долин в терригенных и огипсованных породах верхнепермского возраста.

Третья площадь приурочена к правобережью нижнего течения р. Северной Двины. Здесь существует зрелая устойчивая овражно-лощинная позднеледниковая сеть с глубиной врезов от 20 до 40 м.

Четвертая площадь расположена в среднем и верхнем течении р. Северной Двины от пристани Звон до с.Верхняя Тойма. Овраги прорезают коренные борта и террасы крупнейшей речной долины. Длина молодых оврагов до 100 м, глубина до 15 м. Зрелые овраги имеют длину от 300 до 500 м, местами до 800 м, а глубину до 25 м.

Пятая площадь приурочена к Устьянскому поднятию, где глубина врезов вдоль р. Устья составляет 30-50 м.

Шестая площадь находится по обрамлению Устьянского поднятия на левом борту Северная Двина - от с. Черевково до устья р. Вычегды.

Кроме того, мелкие и средние овраги выявлены при инженерно- геологической съёмке и обследовании рек Мал. Северной Двины, Вычегды, Виледи (Котласский, Вилегодский районы), а также рек Вашки и Мезени (Лешуконский район).

Приrost оврагов происходит медленно, преимущественно на сельскохозяйственных землях, пашнях, площадях свежих вырубок. Овражные долины снижают устойчивость сельскохозяйственных угодий к плоскостной водной эрозии. Среди районов сельскохозяйственного освоения по интенсивности овражной и водной эрозии выделяются Вельский и Устьянский районы. Длина оврагов 50-200 м, ширина 10-15 м, глубина до 6 м.

Оценочные данные о развитии оврагов в пределах долинной сети представлены в таблице 1.

На освоенных сельскохозяйственных землях происходят процессы плоскостного смыва, с потерей ценной части плодородного почвенного слоя. По данным земельного фонда водной нерусловой эрозии подвержено 25,58 тыс. га, что составляет 3,5 % от площади сельскохозяйственных земель Архангельской области [1, 2].

Склоновые процессы происходят на крутых склонах, слагающих борта речных долин, оврагов, балок, карстовых логов, а так же на морском побережье. В данную группу входят процессы, обусловленные действием силы тяжести, выветривания, переувлажнения пород, подмыва, что приводит к образованию оползней, обвалов, осыпей, склонов отседания. Осыпные, оползневые процессы имеют моделирующий характер при коротком цикле развития (несколько лет). При средней длительности цикла (до 10-15 лет) осыпи становятся пассивными, а оползни, наоборот, получают возможность для экспансии своего процесса за границы эрозионных бровок.

Исходя из материалов обследования ЭГП по пяти объектам и анализа карт детальных инженерно-геологических съемок южной части области получен оценочный показатель развития оползней (таблица 1).

3. Локальные ЭГП (дефляция, карстово-суффозионные процессы, озерная абразия)

Дефляция, (эоловые процессы) образуются при ветровом воздействии на рыхлые либо слабосцементированные песчаные отложения. Процессы включают в себя дефляцию (разрушение исходных отложений), перемещение и эоловую аккумуляцию. Данные процессы возникают на морском побережье - на открытых безлесных площадях, сложенных песками, алевроитами при потере ими влажного состояния и отсутствии почвенно-растительного покрова [5].

Эоловые процессы охватывают на морском побережье I-II террасы, в тундровой зоне оголенные вершины и склоны холмов. Дефляционные формы представлены воронками, ложбинами, овражками, котловинами, долинами. Максимальные размеры форм: поперечник – 100-300 м, длина – 300-400 м, глубина до 4 м. У д. Летняя Золотица дефляционная котловина занимает площадь 600х800 м.

К аккумулятивным формам относятся дюны (холмы, гряды), кучевые пески. Участки эоловых процессов развиты на северном берегу Онежского полуострова, в южной части Двинской губы, на Зимнем берегу Белого моря. В окрестностях Архангельска установлена полупогребенная дюна среднеголоценового возраста.

Карстово-суффозионные процессы имеют место в верхнепермских породах, представленных переслаиванием растворимых и нерастворимых слоев, либо залеганием пачек растворимых слоев среди слабо-растворимых и нерастворимых. Карстово-суффозионные явления (воронки, озера) выделены на основе дешифрирования АФС на левобережье р. Сухоны (в междуречье Порши - Ерги). По геологическим предпосылкам карстово-суффозионные процессы могут иметь место в северной части Устьянского плато, на водоразделе р. Северной Двины – Пинеги (пр. Ваеньга – Покшеньга), в среднем течении р. Сояны (уфимские красноцветы, казанские карбонатно-терригенные породы) и на некоторых других участках.

Озерная абразия имеет место на крупных водоемах юго-запада Архангельской области. Это озера Лача, Воже, Лекшмозеро [6]. Небольшие участки абразии отмечены на юго-западном, северном и восточном берегах. Береговые уступы высотой до 3 м сложены озерно-болотными, озерными, озерно-аллювиальными отложениями. Местами в разрушении склонов участвуют микрооползни, плоскостной смыв, морозобойное растрескивание. Весной

заливообразные сужения подвергаются напору плавающих льдов, т.к. озера Воже и Лача являются проточными.

Информация о проявлении абразии на других крупных озерах Архангельской области отсутствует.

-
1. Малков В.Н., Гуркало Е.И. и др. Карст и пещеры Пинежья. М.: Ассоциация «Экост», 2001. 208 с.
 2. Состояние и охрана окружающей среды Архангельской области в 2009 г. Архангельск, 2010. С. 49, 50.
 3. Состояние и охрана окружающей среды Архангельской области в 2011 г. Архангельск, 2012. С. 50.
 4. Шаврина Е.В., Малков В.Н., Гуркало Е.И. Особенности развития и распространения карста Архангельской области // Геоморфология, №2. М. 2007. С. 90-101.
- АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
5. Малков В.Н., Николаев Ю.И. и др. Изучение экзогенных процессов Онего-Двинского междуречья и районирование территории Архангельской области по условиям и типам проявления ЭГП (Отчет Карстового отряда за 1984-88 гг.) КТЭ АПГО. Архангельск, 1988 г. 339 с. // Фонды ЗАО «Архангельскгеолразведка».
 6. Новикова Л.А., Беляева О.В. Отчёт по составлению геологической карты экзогенных геологических процессов масштаба 1:2500 000 на территории Архангельской области. КТЭ АПГО 1988-89 гг. Архангельск, 1989 г. 296 с. // Архангельский филиал ФБУ «ТФГИ по Северо-Западному федеральному округу».

ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЗЕМЕЛЬ СИЙСКОГО ЛЕСОПАРКА

Н.А. Маслова, В.Ф. Цветков

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Архангельск, mas-love29@yandex.ru, vftsvetkov@yandex.ru

Леса являются одной из основных природных систем, где человек черпает многие ресурсы своего существования. С определенного времени в развитии человечества у Homo sapiens появляется желание пойти в лес не только с утилитарными намерениями. Привлекает человека загадочность и таинственное величие этого явления природы. Известно изречение, приписываемое М. Миттерлинку ... *лес – один из многих природных событий являет нам примеры достойные преумножения: своими пространствами, величием и мощью, гармонией и статью он побуждает к великим душевным движениям, к скромной важности, к молчаливой победе, к постоянству и надежности....* Дополним эти великолепные строки: *лес побуждает нас к пытливости и познанию таинств природы.*

Давно известно благотворное влияние общения с лесом на человека. С середины XX века лес все чаще становится местом массового отдыха. Это связано с быстрыми темпами урбанизации, с увеличением темпов разрушения природных комплексов на освоенных территориях, в связи с нарастанием темпов загрязнения окружающей среды. Одновременно, с развитием цивилизации у человека растет величина так называемого «свободного времени». Это все делает доступным отдых в лесу. Ступая под сень леса мы знаем, что это лучшее средство отключиться от сутолоки и повседневности бытия, восстановить нарушенное стрессами психическое равновесие, вернуть естественное мироощущение, восстановить силы; проще говоря, это великолепное средство поправить свое здоровье. Организация и проведение отдыха человека в лесу специалисты, лесоводы и экологи называют рекреационным лесопользованием.

Рекреационное использование лесов проводится в соответствии с Правилами использования лесов для осуществления рекреационной деятельности (Приказ Рослесхоза от 21 февраля 2012 года № 62 «Об утверждении правил использования лесов для осуществления рекреационной деятельности»).

На лесных участках, предоставленных для осуществления рекреационной деятельности, подлежат сохранению природные ландшафты, объекты животного мира, растительного мира, водные объекты. Леса для осуществления рекреационной деятельности используются способами, не наносящими вреда окружающей среде и здоровью человека. Использование лесов для осуществления рекреационной деятельности не должно препятствовать праву граждан пребывать в лесах.

При осуществлении рекреационной деятельности, допускается размещение временных построек, прежде всего, на участках, не занятых деревьями и кустарниками, а при их отсутствии - на участках, занятых наименее ценными лесными насаждениями, в местах, определенных в проекте освоения лесов и осуществление благоустройства лесных участков (размещение дорожно-тропиночной сети, информационных стендов и аншлагов по природоохранной тематике, скамей, навесов от дождя, указателей направлений движения, контейнеров для сбора и хранения мусора и др.).

При осуществлении рекреационной деятельности в лесах не допускается повреждение лесных насаждений, растительного покрова и почв за пределами предоставленного лесного участка, захламливание предоставленного лесного участка и прилегающих территорий бытовым мусором, иными видами отходов, проезд транспортных средств и иных механизмов по произвольным, неустановленным маршрутам.

Кроме того, режим охраны лесопарка создает ряд ограничений, которые также необходимо учитывать при осуществлении рекреационной деятельности.

Территория Сийского лесопарка является ценными и весьма примечательным объектом для рекреационной деятельности. Антониево-Сийский монастырь находится в девяти километрах от деревни Сии (Холмогорский район Архангельской области). На узком мысу небольшого острова в Михайловском озере; красиво и компактно расположены его монументальные постройки — комплекс архитектурных памятников XVI—XVIII вв. По исторически сложившейся традиции эти места пользуются большой популярностью не только среди жителей близлежащих населенных пунктов, но и Холмогорского района и всей области. Навещают эти благословенные места россияне из разных мест страны, а также зарубежные гости.

Между тем местоположение лесопарка достаточно глухое, малокомфортное в климатическом отношении. Территория лесничества находится в подзоне северной тайги и характеризуется континентальным климатом с продолжительной, суровой, многоснежной зимой, короткой весной с неустойчивыми температурами, относительно коротким, умеренно теплым, увлажненным летом, продолжительной и сырой осенью. Средняя годовая температура воздуха + 0,9° С, среднегодовое количество осадков – 516 мм, период с положительными температурами выше 5 °С начинается в начале мая и заканчивается в конце сентября. Суммарная солнечная радиация на уроне 65 ккал/см². Вегетационный период 140 дней. Безморозный период 180 дней. Сумма осадков 540 мм.

На землях Сийского лесопарка преобладает низменная равнина с высокими значениями заболоченности и заозеренности, на землях Брин-Наволоцкого лесничества рельеф развит несколько глубже; здесь кроме низменностей представлены урочища с холмисто-увалистым рельефом.

В целом, лесоводственно - ландшафтная (с хозяйственным акцентом) картина состояние экосистем ландшафтов достаточно полно и объективно характеризует природно-биологические особенности лесных экосистем района и сложившуюся ситуацию по масштабам и глубине трансформированности лесов.

Земли лесопарка характеризуются рядом специфических особенностей ландшафтной организации. Характерным для него является ландшафт низменной, слабо всхолмленной с

абсолютными отметками 20-50 м равнины, на правобережной средней части последнего приустьевое пространство бассейна (водосбора) р. Сия с системой связанных с рекой озер, сформировавшейся на трансформированном средней мощности чехле озерно-ледниковых и моренных супесчаных и суглинистых отложений четвертичной системы, с комплексом иллювиально-железистых супесчаных и суглинистых оглеенных подзолов и холодных болотно-подзолистых торфянистых почв, характеризующейся высокой и умеренной лесистостью, с преобладанием комплексов производных среднеполнотных низкопроизводительных перестойных и приспевающих насаждений, чередующихся с участками производных и смешанного генезиса низкопродуктивных березово-хвойных среднелесий (Маслова, Цветков).

Тем не менее, кто однажды побывал в Сие, непременно захочет вернуться сюда еще и еще. Главную ценность природной составляющей лесопарка образует удивительно живописное сочетание красавицы-реки Сии, выписывающей немыслимые вензеля на низменной пространной равнине почти в 18 тысяч гектаров и связывающей протоками в единую систему гроздя многочисленных озер. Современный рельеф ландшафта, как и на большинстве пространств бассейна Северной Двины, сформировался под влиянием нескольких оледенений, чередующихся с морскими трансгрессиями. Местами проявляет себя карстовые процессы, связанные с выходами к дневной поверхности мергелей. Равнина Сии обрамлена массивами хвойных (сосновых с елью и еловых с сосной) старовозрастных лесов богато населенных живностью.

Но живописные и исключительно увлекательные для любителей рыбалки водные системы лесопарка и разнообразие лесных экосистем - это лишь часть высокой степени аттракторности ландшафтов лесопарка. Своеобразной жемчужиной, если не редким бриллиантом в короне лесопарка выступает хозяйство Антониево-Сийского мужского монастыря, в ближайшее время отмечающего свое 500-летие. Правильнее сказать, главным козырем Лесопарка является именно размещение его на землях обжитых насельниками монастыря. По существу, создание лесопарка на одухотворенных монастырем землях служит сегодня главным притягательным центром для рекреантов.

Возможность отдыха на природе в сочетании с любительской рыбной ловлей, созерцанием живописнейших ландшафтов, знакомство с памятниками культуры многолетней истории монастыря, свидетельствами торжества православного духа делает территорию лесопарка исключительно привлекательной.

К сожалению, рекреационная деятельность в Лесопарке сталкивается с множеством проблем, решение которых во-многом связано с запущенностью общего лесного дела в России, в том числе с общей с продолжающейся в последние десятилетия на Европейском Севере дезорганизацией лесохозяйственного производства. Финансирование сотрудников лесопарка далеко не соответствует их творческому потенциалу. Устройство хозяйства по существу не производилось более 20 лет, давно не осуществлялась инвентаризация земель. Бесспорно за рекреационным использованием земель и объектов историко-культурно-духовного содержания лесопарка большое будущее.

Выполненные при последнем лесоустройстве частичные работы по оценке рекреационного потенциала лесопарка производились с использованием примитивных шкал, скомбинированных на критериях шкал прибалтийский и южно-российских лесов. Эти шкалы даже отдаленно не отражают сущности рекреационной сущности района.

По ориентировочным оценкам численность посетителей лесопарка составляет около 3000 человек. Средняя продолжительность пребывания на природе - 5,5 часов.

Объем допустимой рекреационной нагрузки определяется с учетом площади лесопарка, на которой возможно осуществление рекреационной деятельности и нормативов предельно допустимых рекреационных нагрузок на 1 га лесного фонда. Норма предельно допустимой рекреационной нагрузки на 1 га лесов при преобладании спелых и перестойных еловых насаждений на избыточно увлажненных почвах - 0,7 чел./га. С учетом площади и времени пребывания на природе общий допустимый объем по различным видам

рекреационной нагрузки составляет 43500 чел.-час/год. Это существенно ниже годового объема фактически осуществляемого отдыха населения, следовательно, существует необходимость регламентировать посещения гражданами лесов лесопарка.

Одна из главных проблем - неоднородность территории, собранной из «лоскутков» земель совершенно разных хозяйств бывшего лесного Емецкого района (Емцевское лесничество, Емцевский лесососеменной участок, Емцевское сельское лесничество). Насущной задачей лесопарка остается осуществление лесоустройства с приведением в известность всего разнообразия земель, испытавших разнообразный пресс антропогенной трансформации. Выполненные в последнее время исследования ландшафтной организации лесов (Цветков, Маслова, Цветков и др.), существенно обогащающие ресурсно-сырьевую и экологическую значимость лесных биогеоценозов. Открывается возможность выхода на современную оценку рекреационного потенциала лесов лесопарка.

Представляется целесообразным в основу разработки будущих Методических рекомендаций по осуществлению этого замысла положить «Систему шкал....», предложенную кафедрой лесоводства и почвоведения САФУ (Цветков, 2003).

Помимо традиционных данных о терминологическом сопровождении ГОСТовских понятий о рекреационном лесопользовании, система содержит Шкалу сравнительных рекреационных нагрузок разных видов рекреации. За единицу при десятиступенчатой градации рекреационных нагрузок взята традиционно пешеходная экскурсия по установленному маршруту (например, «экологическая тропа») небольшой группы рекреантов в сопровождении экскурсанта. Десятую ступень представляют нагрузки неуправляемого несанкционированного дикого «нашествия» на автомобилях, обустроивающих по своим представлениям лагерь для ночевки, с установкой палаток, с разведением костров. Бивачный отдых на организованном соответственно участке без ночевки оценивается пятью баллами, т.е. ущербом, оцениваемым пятью нагрузками пешеходных экскурсий.

Система предусматривает ранжирование по пятибалльным шкалам культурно (научно)-познавательскую: оздоровительную, потребительскую, водно-спортивную. Приводятся шкала предельно допустимых нагрузок на природные объекты, шкала доступности, обводненности объектов.

Обычно рекреационное лесопользование предполагает участие трех организаций: объект рекреации – земли лесопарка с хорошо подготовленным кадровым составом, субъект рекреации - более-менее регулярная масса рекреантов (отдыхающих) и фирма, организующая регулярное посещение объекта (некая туристическая фирма). Понятно, что до полновесно организованного рекреационного использования угодий лесопарка еще далеко, тем не менее об этом надо думать уже сегодня.

1. Цветков В.Ф. Система шкал для оценки рекреационного потенциала лесных земель ряда районов Архангельской области (рукопись, Фонды кафедры лесоводства и почвоведения АГТУ. Архангельск, 2003. 34 с.)

2. Киреев Д.М. Ландшафтоведение. Лесное ландшафтоведение. Учебн. научн. издание. СПбГЛТА. 2007. 604 с

3. Цветков В.Ф. О лесоводственно-экологическом и функциональном потенциале таежных ландшафтов // География Европейского Севера. / Проблемы природопользования, социально-экономические, экологические. Сб. научн. трудов. Архангельск: ПГУ. 2002. С. 163-172.

4. Булкин В., Овсянников О. Антониево-Сийский монастырь // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1991. С. 85–93.

5. Маслова Н.А., Андриянов В.В. К изучению лесоводственно-ландшафтной организации земель Сийского лесопарка // Труды Архангельского центра Русского географического общества: Сборник научных статей. Выпуск 1. Архангельск: Архангельский центр Русского географического общества, 2013. 398 с.: ил.

6. Цветков В.Ф., Маслова Н.А. К исследованиям ландшафтной организации лесных земель Сийского лесопарка // Лесной журнал. [в печати]

7. Андриянов В.В., Маслова Н.А., Цветков В.Ф. Лесоводственно-ландшафтная структура и трансформированность лесов среднего левобережья Северной Двины // Лесоведение. [в печати]

8. Нормативы использования лесов для осуществления рекреационной деятельности.

ГИДРОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УСТЬЕВОЙ ОБЛАСТИ РЕКИ ЧЕША В БАРЕНЦЕВОМ МОРЕ

Иг.В. Мискевич

Научно-исследовательского Центра «Викинг», Архангельск, vikingm@arh.ru

Река Чеша располагается в центре полуострова Канин и впадает в Чешскую губу Баренцева моря. Она, в первую очередь, известна тем, что входит в объединенную гидрографическую сеть из рек Чижа и Чеша, по которой до начала XX века проходил судоходный путь для сокращенного перехода из Белого в Баренцево море. Он интенсивно использовался поморами при освоении природных ресурсов архипелага Новая Земля и других арктических районов.

Информация по исследованиям природных условий устья реки Чеша, включая ее гидрологические характеристики, в научной литературе практически отсутствует. Первые, относительно подробные, сведения об этом водном объекте появились в статье Житкова Б.М. [1], экспедиция которого в июле 1904 года прошла водным путем из устья Чижи в устье Чешы и обратно. Эта экспедиция была организована Русским географическим обществом и в представленном докладе есть информация по эпизодическим измерениям ширины и глубины проходимых водотоков, скоростей течений, также сведения общегеографического характера. Однако, они касались лишь бокового притока Чешы – реки Проходница.

В июне 1914 года в устье Чешы работал отряд из 4 сотрудников экспедиции Русского географического общества под руководством Григорьева С.Г., но ее работа была ориентирована преимущественно на биологические наблюдения. Двое из них (Детлаф А.Г. и Граве Г.Л) провели съемку реки Чешы на протяжении 25 верст от ее устья. К сожалению, сразу после экспедиции они были призваны в армию, т.к. началась Первая мировая война, и Григорьев С.Г. потерял с ними связь (возможно, они погибли). После них остались лишь очень краткие заметки о прохождении устья Чешы, сведения о которых нашли отражение в монографии [2]. Кроме этого, следует также заметить, что в устье Чешы в период существования СССР производился промышленный лов рыбы, в первую очередь, наваги, и краткие упоминания об данном водном объекте имеются в ряде статей, посвященных промыслам рыбы в Чешской губе.

Таблица 1

Характеристика гидрологических условий устьевой области
реки Чешы в августе 2014 года

Створ	Дата	Время	Величина прилива, м	Размах колебаний	
				Температура воды, °С	Соленость, ‰
0 км	6 августа	15.00-24.00	-	16,0-19,0	2,44-30,07
2 км	5 августа	15.30-24.30	3,02	17,2-20,1	0,24-19,94
7 км	7 августа	12.00-21.00	3,22	19,7-20,9	0,07-0,67
Озеро Мелкое	4 августа	11.45	-	21,3	0,19

В июле-августе 2014 г. экспедицией Архангельского центра ВОО «Русское географическое общество» были выполнены комплексные исследования гидрографической сети рек Чижа и Чеша, которые включали в себя и гидрологические наблюдения в устье реки Чешы (уровень, температура и соленость воды). Исследования проводились на 3-х створах в виде 10 серий наблюдений с дискретностью 1 час с обязательным охватом всей фазы прилива (подъема уровня воды). Расположение этих створов показано на рис.1. Замыкающий створ (0 км) здесь выбран условно при ориентации на специфику конфигурации береговой

линии устья реки на границе с Чешской губой. Разметка створов (расстояния от границы с морем) дана для момента полной воды приливного цикла. Результаты проведенных исследований позволяют дать соответствующую характеристику этому малоизученному водному объекту (табл. 1).

Устьевая область реки Чешы состоит из воронкообразного эстуария с довольно извилистым руслом, крупного бокового правобережного притока – реки Проходница, и значительного количества более мелких боковых притоков, в том числе, вытекающих из ряда крупных озер. Здесь речь идет о боковых притоках Чешы, в которых прослеживается воздействие моря, в первую очередь, приливных явлений. Проходница вытекает из озера Большое Парусное, из которого также вытекает в Белое море река Чижа.

Спецификой устьевой области Чешы является расположение его левобережной зоны на низменной территории, занятой осолоняемыми лайдами и сравнительно возвышенной правобережной зоны, с которой начинаются сопки Куреневы. В связи с тем, что основное русло реки проходит через такую возвышенную местность, формирующую значительный уклон речного стока, влияние моря непосредственно на реку сильно ограничено по пространству по сравнению с ее левобережными притоками. В ходе исследований было обнаружено, что в фазу прилива в р. Чеше выше устья безымянного правобережного притока на створе 10,5 км (см. рис. 1) сток воды был направлен только в сторону моря, а эстуарные воды с приливным течением устремлялись только в этот правобережный поток. Таким образом, можно предположить, что в летне-осеннюю межень влияние приливных эффектов в основном русле Чижи при средней величине прилива прослеживается на расстоянии около 11 км от границы с морем. С другой стороны, на Проходнице, расположенной на низинной равнине, приливы фиксируются на удалении около 20 км от границы с морем.

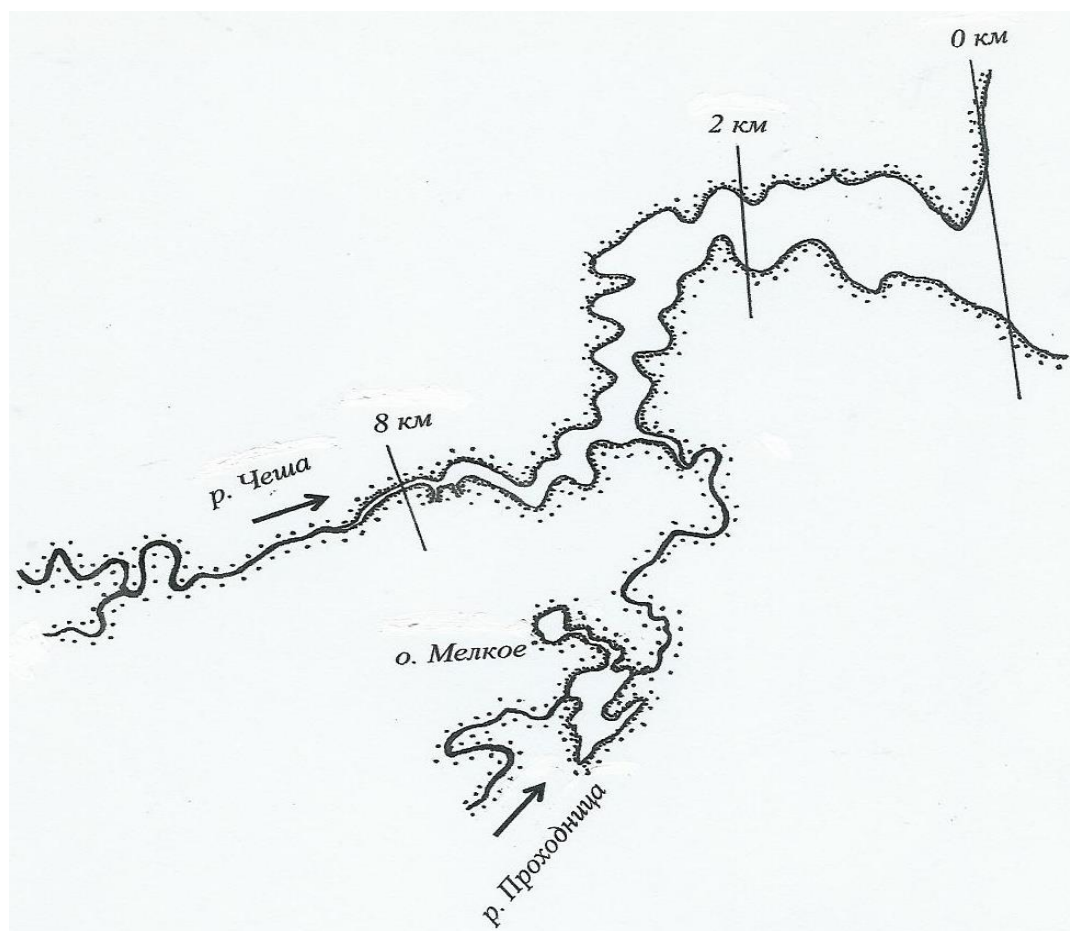

Рис.1. Карта-схема устьевой области реки Чеша с указанием створов гидрологических наблюдений

Ширина зоны осушки эстуария р. Чеши колеблется от 1 метра в его вершине до 100-500 метров и даже более в его мористой части. Она покрыта преимущественно илистыми и илисто-глинистыми отложениями (рис. 2). Следует заметить, что они очень вязкие и создают большие сложности для продвижения по ним человека. На нижней границе осушки может отмечаться наличие в небольших количествах камней.

Рис. 2. Вид эстуария р. Чеши в малую воду приливного цикла на створе 2 км выше морской границы эстуария (на переднем плане видно - экспедиционное «судно» - 2-х местная надувная лодка)

Приливы в эстуарии Чеши имеют полусуточный мелководный характер. Величина прилива на внутриэстуарных створах 2 км и 8 км в период наблюдений колебалась в интервале 3,0-3,2 метра, т.е. ее снижение в мористой воронкообразной части эстуария не наблюдалось, что является характерным для подобных типов устьев рек приливного моря. В навигационном пособии *Таблицы приливов* для устья Чеши параметры приливов не указаны, но есть информация для устья другой реки – Большой Ярней, которая располагается на удалении примерно 68 км на север по западному побережью Чешской губы. В первом приближении ее можно использовать и для замыкающего створа эстуария Чеши. Тогда имеем следующие параметры:

- 5,3 м – максимально возможная по астрономическим причинам величина прилива;
- 3,4 м – средняя величина прилива;
- 4,4 м – средняя сизигийная величина прилива;
- 2,4 м – средняя квадратурная величина прилива.

Таким образом, можно констатировать, что в устье Чеши наблюдаются макроприливные условия. Это, в свою очередь, подразумевает хорошее перемешивание его вод по вертикали и сильную замутненность эстуарных вод при наличии обширных илистых и илисто-глинистых приливных осушек. По внешнему виду они очень схожи с водами эстуария Мезени, где содержание взвесей может достигать содержания взвешенных веществ за счет сильных приливных течений достигает уровня 1000-5000 мг/л [3]. Аналогичная картина наблюдается и в эстуарии р. Несь в Мезенском заливе, где содержание взвесей колебалось от 20-50 мг/л в моменты стояния воды (смены направления течений) до 800-950 мг/л на максимуме приливо-отливных течений [4]. В подобной ситуации можно предположить, что в мористой части устьевой области Чеши концентрация взвешенных веществ может достигать 800-1000 мг/л и, возможно, еще выше.

Высокое содержание взвесей обусловило сильное заиливание озера Мелкого на участке входа и выхода из него Проходницы. Здесь глубина озера не превышает 10-20 см в середине цикла фазы прилива при наличии мощных иловых отложений. Этот устьевой водоем служит своего рода ловушкой для части взвешенного материала, переносимого приливными течениями по р. Проходнице.

В период проведения наблюдений в августе 2014 г. наблюдался очень высокий прогрев вод устьевой области – до 19-21 °С. Это можно связать со значительной мелководностью устьевых водотоков и с влиянием сильного нагрева обширных приливных осушек в жаркую летнюю погоду, которые выступают в роли своеобразных аккумуляторов тепла. Такое явление носит синоптический характер, т.е. при резком похолодании, что часто отмечается летом на полуострове Канин, температура воды может снизиться в 1,5-2 раза.

Для эстуария Чеши типична очень высокая изменчивость солености вод. В течение одного приливо-отливного цикла она может меняться на 1-2 порядка – от пресных вод до чисто морских вод (выше 27 ‰). Однако, в основном русле р. Чеши зона осолонения (минерализация более 1000 мг/л или 1 ‰) имеет сравнительно небольшую протяженность, и в летне-осенний период, по всей вероятности, ограничивается дистанцией в 7-9 км (рис. 3). Это обусловлено значительным уменьшением поперечного сечения устьевого водотока выше по течению, усиливающим напор речных вод. Максимальное распространение морских вод наблюдается в другом устьевом водотоке – реке Проходница. В таблице указана минерализация в озере Мелком на участке выхода из него р. Проходницы. Хотя здесь зафиксировано наличие пресных вод с минерализацией в 0,19 г/л, они носят отпечаток влияния моря, т.к. фоновая минерализация чисто речных вод Проходницы, а также р. Чеши, по нашим замерам составляет 0,05-0,06 г/л, т.е. она на порядок ниже. Интересно отметить, что проводник экспедиции Житкова Б.М. в 1902 г. утверждал, что соленые воды могут доходить до озера Мелкого[1]. Если это возможно, то протяженность зоны осолонения устьевой области р. Чеши составит около 17 км, т.е. она будет сопоставима с протяженностью зоны осолонения эстуария Чижи в Белом море.

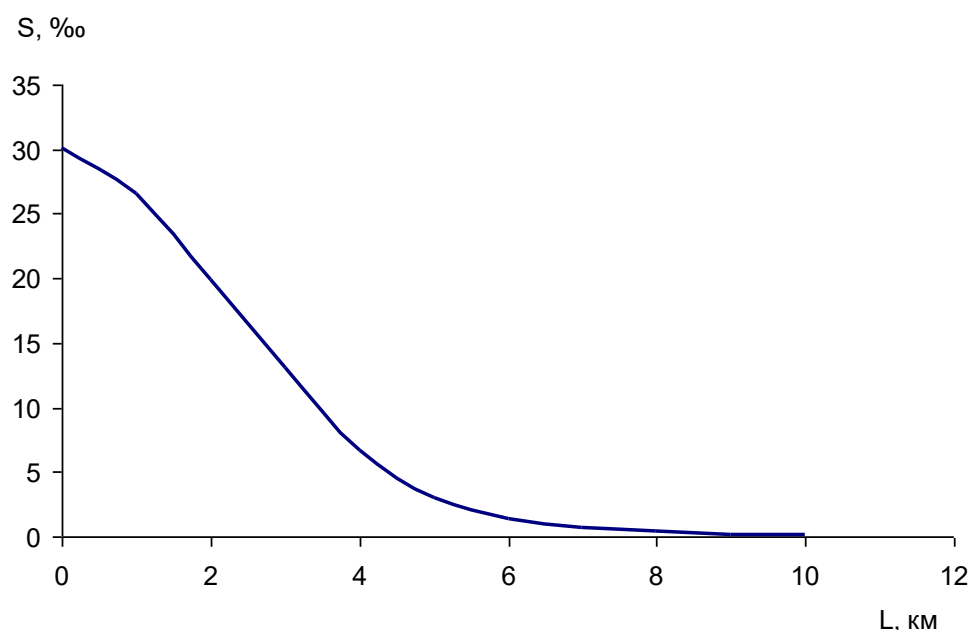

Рис. 3. Вдольэстуарный профиль солености в устье р. Чеши для момента полной воды приливного цикла по данным наблюдений в августе 2014 года

Измерения скоростей приливо-отливных течений в эстуарии Чеши не производилось, но визуально (экспертная оценка) их максимум колеблется примерно в интервале 1-1,5 м/с. При смене приливных течений на отливные и наоборот наблюдается так называемое

стояние воды. В данный непродолжительный отрезок времени (обычно не более 10 минут) скорости течений становятся практически равными нулю.

В итоге можно сделать заключение, что гидрологические характеристики устьевой области реки Чеша имеют значительную пространственно-временную изменчивость. При этом влияние на них морских вод сильнее прослеживается не на основном устьевом водотоке (русле Чешы), а на ее правобережном притоке – реке Проходница, которая ранее служила каналом для прохода морских судов из Белого моря в Баренцево море.

1. Житков Б.М. По Канинской тундре // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. Т. XLI. № 1. 1904. С. 1-170.

2. Григорьев С.Г. Полуостров Канин. Том I. М., 1929. 474 с.

3. Демиденко Н.А. Формирование максимума мутности воды в сильноприливных эстуариях Мезени и Кулоя // Материалы XVIII Межд. науч. конф. (Школы) по морской геологии «Геология морей и океанов». Том III. М.: Геос, 2009. С. 2-26.

4. Скибинский Л.Э., Мискевич И.В., Барсуков О.И. Особенности гидрологического режима эстуария р. Неси // Проблемы изучения, рационального использования и охраны природных ресурсов Белого моря. Материалы VII Международной конференции. С-Пб.: ЗИН РАН. С. 67-69.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИБРЕЖНЫХ РАСТЕНИЙ ПОЛУОСТРОВА КАНИН

Д.С. Мосеев

Научно-исследовательский Центр «Викинг», Архангельск, vikingm@arh.ru

На полуострове Канин издавна проживают ненцы, коми и русские поморы. Для которых до сих пор характерна самобытность в использовании ресурсов территории полуострова. Эти народы занимаются рыболовством, оленеводством, выращиванием крупного рогатого скота. Ведут свои домашние хозяйства. Важное место в их традиционном хозяйстве занимает использование дикорастущих растений и образуемых ими растительных сообществ. Дикорастущие растения используются местным населением для заготовки кормов домашнему скоту, на корм северным оленям и промысловым видам птиц, в лекарственных и пищевых целях.

Значительную площадь территории побережья полуострова Канин, включая берега солоноватоводных устьев рек, занимают марши (поморское название лайды). Марши представляют собой аккумулятивную форму рельефа, образующуюся приносимыми с водами морских приливов взвешенных и влекомых наносов, покрытую приморской растительностью. Растительный покров маршей может быть представлен двумя типами биоценозов, это сильно обводненные «соленые болота» и занятые сочной растительностью маршевые луга, последние, как правило, формируются на глинистых и тяжелосуглинистых почвах. На Канине заболоченные марши в основном тяготеют к берегам моря, где два раза в сутки на полной воде подвергаются заливанью водами морских приливов, маршевые луга располагаются в устьях рек более чем на 5 км выше берега моря и подвержены заливанью в основном в период штормовых нагонов и сизигийных приливов. Часть берегов также занимают пляжи покрытие специфическим разреженным растительным покровом характерным для песков (так называемый псаммофитон).

Исследование проводилось комплексной экспедицией ВОО Архангельский центр «Русское географическое общество» в конце июля начале августа в устьях рек Чижа, Чеша, Несь, Сёмжа, где находятся населенные пункты Чижа, Несь, Сёмжа. В ходе экспедиции

изучалась прибрежная растительность, факторы ее формирования и проводились гидрологические наблюдения за уровнем прилива, величиной солёности и pH. Также оценивалось хозяйственное использование прибрежной растительности, в том числе и в медицинских целях.

Марши и песчаные пляжи покрыты специфическими видами растений устойчивыми к засолению грунта и воды, которых принято называть галофиты.

На полуострове Канин основную ценность представляют маршевые луга, продвигающиеся на десятки километров вверх по осолоняемым устьям рек. Местным населением луговая растительность используется в основном как кормовая база для выпаски оленей в оленеводческих хозяйствах, а также для заготовки сена и силоса на корм крупному рогатому скоту в частных фермерских хозяйствах д. Чижа и д. Несь. На маршевых лугах произрастают ценные в сельскохозяйственном отношении виды растений. Среди них особую ценность представляют хорошо поедаемые скотом виды составляющие основу растительных сообществ; осока оберточная (*Carex subspatacea*), ситник Жерара (*Juncus gerardii*), полевица побегообразующая (*Agrostis stolonifera*), лисохвост тростниковидный (*Alopecurus arundinaceus*), северюбка (*Arctophila fulva*), вейник дешампсиевидный (*Calamagrostis deshampioides*), лук-скорода (*Allium schoenoprasum*), некоторые виды чины (*Lathyrus*). В скошенном виде часто отмечается доминирующая на маршевых лугах лапчатка Эгеди (*Potentilla egedii*). Рядом с урезом воды на коренных берегах и на обводненных участках лугов произрастают астра солончаковая (*Tripolium pannonicum*), подорожник морской (*Plantago maritimus*), ромашка Гукера (*Matricaria hukerii*), триостренник морской (*Triglochin maritima*), болотница одночешуйчатая (*Eleocharis uniglumis*), осока галечная (*Carex glareosa*). Эти виды отмечены нами в скошенной на сене траве и поедаемыми крупным рогатым скотом и северным оленем в свежем виде. Практически не поедаются домашним скотом солерос (*Salicornia europea*), хвостник четырехлистный (*Hippuris tetraphylla*), нередко доминирующие в составе галофитных сообществ. Однако есть литературные данные, что последний ИВД хорошо поедается северным оленем. За пределами маршевых лугов в верховьях рек основную территорию занимают низинные болота, где преобладают осока водная (*Carex aquatilis*) и сабельник болотный (*Camarum palustre*). Осока водная, обладает довольно жесткими листья с острыми краями, слабо поедается крупным рогатым скотом в свежем виде, но может использоваться для заготовки сена. Однако сено из этой травы обладает худшими качествами по сравнению с сеном трав маршевых лугов в связи, с чем местным населением для заготовки сена осока водная и другие растения низинных болот не используются. Осока водная в свежем виде может поедаться северным оленем. Как указывается в работе [1] осоковые могут являться хорошим сырьем для заготовки сена и силоса при скашивании до цветения, т.е. на Канине в июне, июле.

В пляжных сообществах активно поедаются крупным рогатым скотом и северным оленем в свежем виде леймус песчаный (*Leymus arenarius*), чина алеутская (*Lathyrus aleuticus*), осот приземистый (*Sonchus humilis*).

Дикорастущие виды растений маршей активно поедаются промысловыми видами птиц отряда гусеобразные. Среди которых на Канине очень широко распространены гусь-гуменник, белолобый гусь, белошекая казарка, многие виды настоящих и нырковых уток. Отмечено, что гуси активно поедают астру солончаковую, осоку оберточную, подорожник морской, ситник Жерара, полевицу побегообразующую, дикий лук-скорода, а также произрастающие на водорослевом гумусе побережья Чешской губы бескильницу сжатометельчатую (*Puccinellia coarctata*) и на песках чину алеутскую и леймус песчаный.

Маршевая растительность является основным объектом для строительства гнезд и биотопом гнездования водоплавающих птиц.

Многие дикорастущие приморские растения маршей местное население использует в пищевых целях. В этом отношении следует отметить произрастающий в экотонных зонах (на границах пляжей и маршей, маршей и тундровых биоценозов) лигустикум шотландский (*Ligusticum scoticum*), используемый как пряность при добавлении в закуски и квашеные

растительные смеси. Этот же вид в других районах настоящее время введен в культуру в культуру имеется несколько садовых форм. Богатые аскорбиновой кислотой лук-скорода, подорожник морской употребляются в свежем виде. Из других растений галофитов пригодны в пищу зерна леймуса, чина алеутская, ложечница арктическая (*Cochlearia arctica*), лебеда голостебельная. Для заготовки в квашенном виде съедобны растения с суккулентными (мясистыми) листьями; подорожник морской, астра солончаковая, гонкения бутерлаковидная, осот приземистый, лапчатка Эгеди [1,2]. Ненцы часто используют в пищу корни нордосмии холодной (*Nordosmia frigida*), произрастающей по берегам тундровых рек и озер. В пищевых целях можно использовать богатый калием и солями натрия солерос европейский. Однако последний вид не употребляется в пищу местным населением.

Приморские виды растений имеют довольно большое лекарственное значение в традиционной и народной медицине. В этих целях особенное значение среди галофитов следует отдать произрастающей на песчано-галечных берегах Мезенского залива и водорослевым гумусе Чёшской губы гонкении бутерлаковидной (*Honckenia peplodes*), широко распространенным на приморских маршах астре солончаковой, лигустикому шотландскому, подорожнику морскому, солеросу европейскому. На основе литературных источников [1,2], можно проанализировать лекарственное значение галофитов полуострова Канин. Так гонкения может применяться наружно при лечении полиартрита и растяжении связок. Солерос европейский используют в традиционной медицине как потогонное, слабительное, притововосполительное средство, отвар употребляется в качестве противогонимого и мочегонного средства. Корни лигустикума используют при анеморрее и кровотечениях, плоды как болеутоляющее, при параличах, астении, головокружении и анемии. Подорожник морской можно применять при лечении мочекаменной болезни. Отвар сухих листьев астры солончаковой является отхаркивающим средством при туберкулезе легких, используется для лечения желудочно-кишечных болезней при изжоге. В народной медицине известно об употреблении порошка ягод дерна шведского (*Chamaepericlymenum suetucum*) при нефрите. Это растение произрастает в экотонных зонах при переходе от маршей к тундровым биоценозам и при цветении часто образует «белое покрывало» на склонах холмов в устьях рек, что доказывает его значительное декоративное использование для посадок под кронами деревьев.

Кроме маршей и пляжей к морских побережьям, включая устьевые зоны рек, подходят тундровые биоценозы. В видовом отношении растительный покров здесь значительно богаче. Поскольку почвы тундр (даже приморских) в основном не засолены или слабо засолены, здесь доминируют представители негалофитной флоры.

Хозяйственное использование приморских тундр для местного населения значительно. В основном это выпас оленей аборигенным населением ненцев. Северные олени питаются тундровой растительностью, в том числе и лишайниками круглый год.

Очень широко распространены в тундрах бассейнов рек Чижа и Чеша ягодные кустарнички. В основном доминирует морошка. Это основная ягода, используемая в пищу местным населением. Часто встречается водяника, но данным опросов используется населением для приготовления компотов, очень хорошо поедается промысловыми видами птиц. Из других ягодных кустарничков для склонов холмов в тундрах характерны черника и брусника, также используемые в пищу местным населением. Значительную долю из тундровых биоценозов занимают кустарниковые, тундровые тундры. В которых преобладают березка карликовая, ива сизая, ива филиколистная, ива лапландская, ива мохнатая. Листья этих ив поедаются северным оленем, зимой эти животные могут питаться ветвями кустарника. Коренное население заготавливает из тундровых кустарников хворост для отопления жилых помещений. Однако тундровый кустарник, так называемая «ёра» создает серьезные препятствия для передвижения по суше.

В заключение следует сказать, что приморская растительность и в дальнейшем будет широко применяться местным населением, так как является обменной составной частью его жизнедеятельности. Широкие перспективы открываются на будущее для представителей

галофитов. Их свойства, в особенности произрастание на засоленных почвах привлекли внимание ученых в направлении генной инженерии. Засоленные территории занимают значительную поверхность суши, в том числе и побережья и далеко не все сельскохозяйственные растения способны произрастать в таких условиях. Создание генномодифицированных сельскохозяйственных растений на основе трансгенов галофитов, позволит решить проблемы с использованием засоленных территорий, в особенности маршей в качестве создания культурных земель, для выращивания овощей и фруктов.

1. Марковская Е.Ф., Сергиенко Л.А., Шкляревич Г.А., Сониная А.В., Стародубцева А.А., Смолькова О.В. Природный комплекс побережий Белого моря. Петрозаводский гос. ун-т. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. 85 с.

2. Сергиенко В.Г. Флора полуострова Канин. Л.: Наука, 1986. 148 с.

РУССКИЙ СЕВЕР В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

А.Б. Пермиловская

Институт Экологических проблем Севера УрО РАН, Архангельск, annaperm@atnet.ru

Структура понятия «Русский Север» как определенной территории и историко-культурной общности сформировалась в результате русской колонизации из Новгородских и Ростово-Суздальских земель и ассимиляции коренного финно-угорского населения. «Русский Север» – это термин, обладающий высокой степенью универсальности и теоретичности для обозначения особого, символического русского пространства, обозначающего, кроме прочего, и государственные границы России. В связи с этим понятие «Русский Север» сохраняет свою актуальность с XIX – начала XX века, когда в науке и искусстве осуществляется его «открытие», до наших дней. В кругу концептов отечественной истории и культуры «Русский Север» уже около двух столетий – это устойчивое словосочетание для носителя российского менталитета. Русский Север сыграл выдающуюся роль в становлении национального самосознания и занимает одно из важнейших мест на культурной карте России [1,2,3].

Рис. 1. Ю. Ушаков. Ковда. Из собрания Ю.В. Линника

Территориальные границы. Обширную территорию Европейского Севера обычно называют *Русским Севером*, или просто *Севером*. Этот край формировался в тесном контакте с остальными европейскими территориями, поэтому сущность и значение всего региона

правильнее отражает понятие «*Европейский Север*», хотя оба названия часто употребляются как синонимы. Исследователи по-разному относятся к границам этого региона, особенно его южной части. Ряд исследователей считает, что не следует ограничивать понятие «Русский Север» пределами бывшей Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний (иногда даже одной), а распространить его значительно шире, в первую очередь на территории, которые, с исторической точки зрения, не могут быть отделены от севернорусского региона (Рис. 2). Это северо-восток бывшей Санкт-Петербургской губернии, а также бывшая Новгородская и Тверская, северная часть Костромской губернии [4, С. 4]. В настоящее время под Русским Севером подразумевают территорию от междуречья Волги и Сухоны до Белого и Баренцева морей, включающую современные Архангельскую, Вологодскую, Мурманскую области, север Ленинградской области, а также Республику Карелия и Республику Коми (Рис. 1). Западную и восточную границы составляют контактные зоны русских с карелами и коми народами. Культура этих этносов, развивавшаяся под сильным севернорусским влиянием, сохранила национальную специфику, как отчасти сохранили ее и расселенные среди русских небольшие группы вепсов, ижоры и води (Рис. 3). Ярко выраженную этническую специфику имеют на востоке Русского Севера пермские народы: коми-зыряне, пермяки и удмурты. Это объясняется как более поздним вступлением в контакты с севернорусским населением, так и особенностями социально-экономического развития. Этот район можно считать контактной восточной зоной Русского Севера. Наиболее размытая граница южная. Заселение Севера шло из бассейнов Волхова и Ильменя, более западных районов, верховий Волги и Волго-Окского междуречья.

Рис. 2. Ненецкая девочка с полуострова Канин. Фото Т. Лехтисало, 1913-1914.

Из музея культур г. Хельсинки, Финляндия

Рис. 3. Окно вепского дома, нач. XX в. Из музея культур г. Хельсинки, Финляндия.

Фото А. Пермиловской 2013

Население Севера объединяют с этими народами исторические, этнологические, диалектологические связи. Этим объясняются плавность, размытость перехода севернорусской зоны в среднерусскую. Административно-территориальные границы региона в разные исторические периоды были подвижны, изменяясь во многом под влиянием административного устройства края. Самый многочисленный из народов Севера – русские. Исторический процесс их формирования на этой территории охватывает время с XII по XVII века. Первые славянские поселенцы, выходцы из Новгорода Великого, Ладоги, а позднее из Твери, Ростова Великого, Москвы, появились здесь в XI – XII веках. Они застали на месте пестрый конгломерат финно-угорских племен, который в «Повести временных лет» (XII век)

и «Первой Новгородской летописи» (XIII – XIV века) называется собирательно «чудью» [5, С. 17]. Большую роль в народной колонизации сыграли северные реки: Онега, Северная Двина, Мезень, Вага, Пинега, Печора. Северное население впитало в себя традиции славянской культуры Новгородских и Ростово-Суздальских земель, впоследствии Московского государства, а также аборигенов — финно-угров. Поскольку освоение и заселение Севера происходило в форме народной колонизации, заложившей уже на начальных этапах мирные отношения с коренным дорусским населением края, здесь никогда не случалось межэтнических конфликтов. Такой феномен — мирное сосуществование народов — характерен и для настоящего времени.

Образ Русского Севера сыграл выдающуюся роль в становлении национального самосознания. Одним из первых, кто использовал топоним *Русский Север*, был архангельский губернатор А.П. Энгельгардт. По результатам двухлетнего путешествия по вверенной губернии в 1896 году он издает книгу «Русский Север. Путевые заметки». В тексте книги А.П. Энгельгардт использует нетопонимическую форму словосочетания – *русский Север* (русский с маленькой буквы), но уже в ее заголовке оно приобретает форму топонима. Среди первых исследователей, использовавших нетопонимическую форму (*русский Север*), был известный историк и правовед М.М. Богословский. Его фундаментальный двухтомник «Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке» был опубликован в 1909 и 1912 годах. Географическое название *русский Север*, введенное в научный и общественный оборот, более века назад превратилось в макрорегиональный топоним, который воспринимается как естественный – за ним стоит мощный культурно-ландшафтный регион *Русский Север*. Его естественность заключается в том, что *Русский Север* несет на себе функцию географического названия метки (Русский Север – север России) и топонимическую функцию за счет использования этнического прилагательного «русский». В научной литературе данный термин начинает широко употребляться со второй половины XIX века, и приходит на смену ранее широко бытовавшим понятиям «север России», «Поморье», «Поморский край» [6, С. 179]. Эта замена термина усложнила и внесла некоторые противоречия в представление о составе населения, характере культуры обширной территории. В первую очередь противоречивость и дискуссионность понятия «Русский Север» отразилась в том, что обширная территория, издавна заселенная карелами, коми-зырянами, коми-пермяками, ненцами, саамами и русскими, оказалась названной именем одного народа. Структура понятия «Русский Север» как определенной территории и историко-культурной общности сформировалась в результате русской колонизации и ассимиляции коренного финно-угорского населения. Таким образом, Русский Север – это термин, обладающий высокой степенью универсальности и теоретичности для обозначения «особого», другого символического русского пространства, формирующего имперские государственные рамки [7, С. 181].

Русский Север являлся контактной зоной разных этнических культур, но особые условия русской колонизации и исторического развития превратили его в заповедник древнерусской культуры, сохранивший в первозданном виде эпическую и песенную поэзию, обряды, культовые ансамбли, жилище, народный костюм, древнерусскую живопись, высокую строительную культуру. Одним из главных научных аргументов длительной устойчивости (с XIX века) подобных представлений является фактор *национального самосознания*, ибо Русский Север сыграл выдающуюся роль в создании общерусских культурных символов, а их творцы стали олицетворением лучших черт национального духа и характера: свободолюбивые новгородские ушкуйники, былинные певцы – хранители исторического прошлого Отечества, староверы – ревнители «истинного благочестия», гениальные зодчие и иконописцы, монахи – основатели монастырей, мужественные мореплаватели и землепроходцы. В этом отношении феномен Русского Севера имеет для России огромное значение, поскольку очевидно, что в его культуре сконцентрировались в семиотические образы вековые духовно-моральные и социокультурные искания русского народа [4, С. 4].

Народная культура Русского Севера — это русская культура, сформировавшаяся на окраинных рубежах Российского государства — на ойкумене ее государственной территории. Это «модель северной культуры», которая была создана на пределе выживания этноса, когда актуальным становится вопрос о ее существовании. Она формировалась и функционировала в специфическом этническом и культурном окружении, вот почему севернорусская культурная традиция была крайне продуктивной и творческой. В подобной «рубежной» ситуации культура мобилизует все свои внутренние ресурсы, когда включаются механизмы самосохранения, связанные с обеспечением ее целостности. В борьбе за выживаемость отбрасываются многие несущественные черты и резко повышается ее стремление к сохранению культурной идентичности, рефлексивность, интровертность [8, С. 144-145]. Культура обращается к своим исходным основаниям, возрастает роль ее самосознания, духовности, которые служат опорой для ее самосохранения. Вот почему родовые черты культуры в северной русской традиции были сохранены в своей первозданности. Если в других землях русского государства происходило затухание, омертвление архаических традиций, то перенесенная на Север модель русской культуры порождала все новые и новые «тексты» культуры, которые были подобны древнерусским образцам. Теория «вторичной архаики» северной русской культуры была разработана в начале 70-х гг. XX века. В частности, на основе анализа исторического возраста севернорусской архаики был сделан вывод о том, что большинство явлений, общих для всей севернорусской зоны (типы жилища, традиционный костюм, общий характер обрядности, «эпический» характер фольклорной традиции, диалекты), восходит не к древнерусским племенным отношениям и даже не к древнерусским локальным традициям, а формировались позднее (как правило, в XIV–XV веках) и были исторически вторичны [9, С. 8]. Генезис севернорусской архаики был связан с регенерацией архаических форм культуры, которая происходила в условиях освоения русским народом северных земель, втягивавшихся в орбиту российской государственности. Процесс регенерации архаики проявлялся, в частности, в возврате к «золотому веку», к идеализированным общинным архаическим формам хозяйственного, социального, религиозного быта [10]. Концепция К.В. Чистова о вторичности севернорусской культурной традиции, ее огромном творческом потенциале получила дальнейшее развитие в трудах, посвященных культуре русских поморов [11, 12, 13].

Моделирующие функции севернорусской народной культуры проявились в восприятии Русского Севера как «светлого», т. е. святого. На Севере образовалась целая монашеская область — Северная Фиваида, которую православный писатель А.Н. Муравьев назвал «Русской Фиваидой» по аналогии с Фиваидой Египетской, колыбелью раннехристианского монашества (Рис. 4). Ученики и сподвижники Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского стояли во главе монастырской сакрализации северных земель. «Преподобный Сергий стоит во главе всех, на южном краю сей чудной области и посылает внутрь ее своих учеников и собеседников, а преподобный Кирилл на другом ее краю приемлет новых пришельцев и расселяет обители окрест себя, закидывая свои пустынные mreжи даже до Белого моря и на острова Соловецкие» [14, С. 7-8, 33]. «Огромное число новых монастырей возникло среди лесов волжско-двинского водораздела, который стал северной Фиваидой православного Востока» [15, С. 102-103]. В XIV–XV веках здесь были основаны такие значительные монастыри, как Кирилло-Белозерский, Ферапонтов, Соловецкий, Антониев-Сийский, Кожозерский, Александро-Ошевенский, Михайло-Архангельский. К началу XVII века их количество достигло нескольких десятков. Многие северные подвижники, прославившиеся своими духовными подвигами и как основатели монастырей, были канонизированы Русской Православной Церковью и причислены к лику святых. Нравственно-эстетический идеал древнерусской культуры оказался тем смысловым ядром, которое обладало наибольшей устойчивостью и инерцией на Русском Севере, определившим успешность приспособления нескольких поколений русских переселенцев к сложным природно-климатическим условиям.

Рис. 4. Соловецкий монастырь, нач. XX в. Цветная литография из фондов Соловецкого музея-заповедника

Писатель Борис Шергин отмечал черты «традиционализма» северного крестьянина в его эстетических вкусах и пристрастиях. «Приобретая или заказывая новую икону, требовали, чтобы пошиб был «священный», канонический. «Живописную» манеру иконописания северный народ считал снижением, профанацией» [16]. При строительстве деревянных храмов Русского Севера указывалась на то, что архитектурный облик новой церкви должен соответствовать традиции и старым образцам, культовые постройки возводились «*по подобию*», что зафиксировано в *порядных* документах. Духовный подвиг русского народа по освоению северных земель, основой которого было православие, оказал решающее влияние на формирование особого менталитета (Рис. 5, 6). Специфика жизни человека в условиях Севера формировала тип ментальности, опорой которому стало православие. Севернорусский менталитет стал модификацией национального русского менталитета. Особенностью северного менталитета является то, что в нем заложен генетический код севернорусской культуры. Посредством культурной традиции он передается из поколения в поколение.

Рис. 5. Вознесенская церковь, с. Кушерека Онежский р., 1669 г. (музей «Малые Корелы») Фото А. Пермиловской, 2014 г.

Рис. 6. Расписное небо церкви, с. Лядины Каргопольский район, XVIII в.
Фото А. Пермиловской, 2006 г.

В XVII веке завершается процесс формирования севернорусской этнографической общности, ее социально-хозяйственных и культурно-этнологических признаков. Европейский Север приобретает признаки единой хозяйственно-культурной макротерритории, на которой развилось пашенное земледелие. В регионе было распространено прибрежно-речное, прибрежно-приозерное и приморское гнездовое (оазисное) расселение, тесно связанное с природным ландшафтом и отличающееся невысокой плотностью населения. Социально-правовой доминантой было преобладание чернососно-государственного крестьянства и соответствующих механизмов управления, свойственного системе «государственного феодализма» [17, С. 233]. Среди северноруссов выделяется также этнографическая группа (субэтнос) *поморы* — русское население, проживающего на берегах Белого и Баренцева морей. Поморы (русский вариант морской культуры в Арктике) выработали бесценный опыт выживания и хозяйственной деятельности в экстремальных условиях Крайнего Севера, являющегося и по сей день, границей ойкумены — пространства обитания человечества. В течение XIX века сложилось представление о поморе как об особом типе русского человека, обладающем особыми чертами характера — предприимчивостью, смелостью, умом, независимостью в делах и суждениях. Людей великого мужества, выносливости и терпения, людей предприимчивых, «быстродумных», «государственников» по духу своему и складу мышления. Ведь именно они, поморы, первыми прорубили окно в Европу, сделали свою столицу — город Архангельск — первыми морскими воротами России, из среды поморов вышли первые землепроходцы, еще четыре века назад бесстрашно и дерзко бороздившие на своих немудреных суденышках Ледовитый океан. Отсюда, из Поморья, началось то грандиозное движение русского народа в Сибирь, на Восток, которое известно под завораживающим названием «встречь Солнцу» [18, С. 30-32]. Континентальный менталитет, свойственный славянам, сменился на Севере более свободным мировосприятием морских народов. Крестьяне-земледельцы, пришедшие на Север из Новгородских и Ростово-Суздальских земель, сделали своим «полем» море, где добывали рыбу, морского зверя, создали своеобразную *морскую культуру*. Велика роль в освоении Арктики наших соседей - норвежцев, здесь на Севере Европы появился уникальный опыт сотрудничества двух культур, которые взаимно обогащали друг друга (Рис. 7, 8).

Рис. 7. Промысловая одежда помора, кон. XIX в. Из фондов Архангельского областного краеведческого музея. Фото А. Пермиловской, 2013 г.

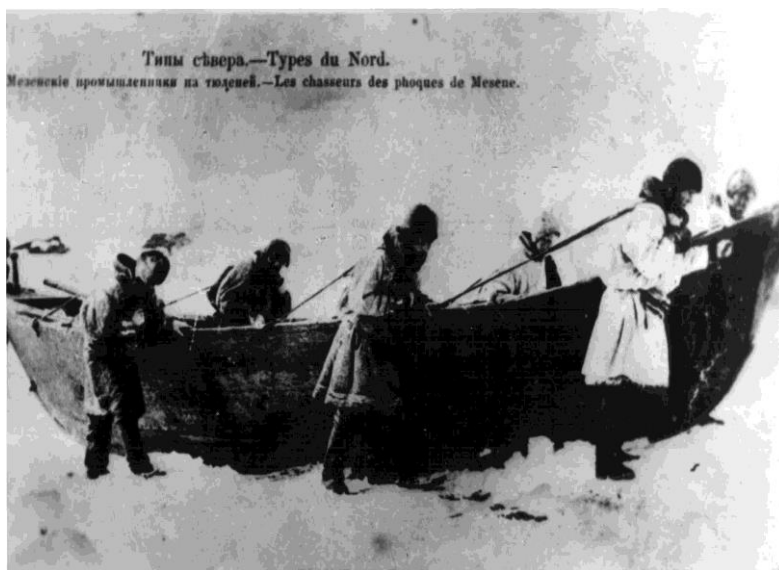

Рис. 8. Поморы на промысле. Фото из фондов Российской публичной исторической библиотеки, кон. XIX в.

Важным фактором, определившим своеобразие Русского Севера, было отсутствие крепостного права в его законченной форме. Крестьяне Севера были «государственными», они платили многочисленные подати, несли казенные повинности, но наиболее тяжелой формы крепостничества — барщины и личной зависимости — здесь не было. Никогда не угасал на Русском Севере дух вольнолюбия и предприимчивости. Кроме государственных, «черносошных» крестьян (название произошло от словосочетания «черные сохи», т. е

тяглые, зависимые от государства земли.) Вторая форма землевладения – дворцовая – была также распространена на Севере; дворцовые земли принадлежали московскому князю, царю, императорскому «уделу» (отсюда – удельные крестьяне). Довольно рано (с XII в.) начала складываться третья форма землевладения – монастырско-церковная [19,С.13]. «Архангельский мужик стал велик и разумен не по своей и божьей воле. Ему чрезвычайно помогло то обстоятельство, что он был именно архангельским мужиком-поморцем, никогда не носившим крепостного ошейника» [20]. Все это позволяет утверждать, что жители Русского Севера были, скорее, своего рода *гражданами мира*, чем подневольными подданными Российской империи. Именно в такой среде появился М.В. Ломоносов, первый русский академик, основатель Московского университета [2].

Как известно, татаро-монгольское нашествие, захлестнувшее почти всю Русь, миновало Север. Здесь не затухал огонь русской государственности и национальной культуры. Когда преемственность исконных традиций русской культуры, восходящих к Киевской Руси, если не прервалась, то нарушилась, на Севере эта культура и ее традиции сохранялись в своей чистоте. Во второй половине XVII века на Север со всех концов России бежали от церковной реформы патриарха Никона тысячи старообрядцев. Здесь возникали скиты и поселения староверов, их оплотом на Севере стала Выговская обитель, знаменитая своими традициями и изготовлением мелкой пластики – медных литых икон, крестов, украшенных разноцветными эмалями. Северные земли более двух веков были главной цитаделью раскола.

Рис. 9. Слияние рек Сухона и Юг – начало Северной Двины, г. Великий Устюг.
Фото А. Пермиловской, 2005 г.

Заслуживает внимания тот факт, что в традиционной культуре Русского Севера сказалось влияние средневековой русской и европейской городской культуры, а также в целом влияние Западной Европы: Англии, Голландии, Германии, Норвегии. В XVI – XVII веках в торговлю через Архангельск было задействовано более 70 русских городов, а торговый оборот русских и иностранных товаров был одним из самых больших в Европе. Русский Север – родина первых российских землепроходцев: Е. Хабарова, С. Дежнева, А. Баранова. В честь Архангельска столица Русской Америки – Ситха – была названа Ново-Архангельском. Важнейшую роль в социокультурном развитии края сыграли северные города: Каргополь, Сольвычегодск, Холмогоры, Архангельск, Вологда, Великий Устюг с их высоким уровнем ремесел, торговли, сложными общественными процессами (Рис. 9). В 1775 г. по административной реформе Россия была разделена на 50 губерний, а города были разделены на три типа: 50 губернских, 493 уездных, 186 заштатных. В северных губерниях

было достаточное количество торговых сел, которые без особого труда были переименованы в города. В 1780 г. по предложению архангельского генерал-губернатора А.П. Мельгунова уездными центрами стали города Мезень, возникший путем соединения двух слобод, Пинега и Онега образовались от соединения нескольких сел [21, С. 107]. Вместе с тем некоторые населенные пункты, волею судеб не получившие или утратившие статус города, по образу жизни его обитателей в большей степени соответствовали городскому населению. Это посады Ненокса, Уна, Луда, в которых жители только называются посадскими, но на самом деле являются наемными работниками у архангельских купцов-солеваров. Это относится также и к крупным торговым селам на Северной Двине.

Рис. 10. Река Мезень в районе д. Березник. Фото А. Пермиловской, 2006 г.

Излюбленным местом для возведения деревень был берег реки, здесь проходили главные торговые пути. Русская река приучала своих обитателей к общежитию и общительности, воспитывала дух предприимчивости и привычку к совместному артельному труду, кормила и поила, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества, общаться с чужими людьми, наблюдать их нравы и обычаи, меняться товаром и опытом. Русский человек «на реке оживал и жил с ней душа в душу» [22, С. 85]. Северные деревни, расположенные на берегу реки или озера, в открытом поле или на высокой горе, у воды или у леса всегда господствовали над местностью, становились центром окружающего ландшафта (Рис. 10). Особенности культуры Русского Севера – это результат яркого проявления в ней русского хронотопа – смыслового единства времени и пространства, слияние в некое единое целое социокультурной среды и географической обстановки. Древнерусская культура строилась на идее главенства внеличного начала, коллективности, всеобщности процессов культурного творчества, его анонимности. В качестве предметного воплощения гармонии времени и пространства, согласно нашим исследованиям, выступает культурный ландшафт северной деревни, «являющий собой хороводную, соборную картину мира» [23, С. 152].

Особая роль Русского Севера в истории русской культуры связана с тем, что он стал своего рода хранителем ее «генофонда». В силу маргинального положения Русского Севера в конце XVIII – начале XIX века произошла своеобразная «консервация» русской культуры, в то время как в других регионах России, она претерпевала существенные изменения. Таким образом, до начала XX века сохранились образцы древнерусского зодчества, былинные и песенные традиции, древнерусская книжная культура, иконописание. И своеобразное научное и художественное открытие его в XIX – начале XX века дало толчок к пониманию Русского Севера как особого русского пространства, где сохранились истоки национальной

самобытности, где культура несет некий «генетический» код, который посредством этнокультурной традиции передается из поколения в поколение [1,2,3].

1. *Пермиловская А.Б.* Русский Север как особая территория наследия. Архангельск : Правда Севера; Екатеринбург : УрО РАН, 2010. 552 с.
2. *Пермиловская А.Б.* Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. Екатеринбург : УрО РАН, Архангельск : Правда Севера; Ярославль : ЯГПУ, 2013. 608 с.
3. *Фурсова Е.Ф., Пермиловская А.Б., Черных А.В. и др.* Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XIX – начало XXI века): колл. науч. моногр. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2014. (в печати)
4. *Русский Север: ареалы и культурные традиции.* СПб. : Наука, 1992. 272 с.
5. *Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX века.* М.: Наука, 2001. 848 с.
6. *Калуцков В.Н.* Ландшафт в культурной географии. М. : Новый хронограф, 2008. 320 с.
7. *Соловьева А.Н.* Этничность и культура: проблемы дискурс-анализа. Архангельск : Кира, 2009. 231 с.
8. *Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского Севера. Архангельск : Изд-во Помор. межд. пед. ун-та, 1993. 223 с.
9. *Чистов К.В.* Проблемы этнографического и фольклорного изучения Северо-Запада СССР // *Этнографические исследования Северо-Запада СССР: традиции и культура сельского поселения. Этнография Петербурга.* Л., 1977. С. 5 - 10.
10. *Чистов К.В.* Народные традиции и фольклор. Л.: Наука, 1986. 304 с.
11. *Бернштам Т.А.* Поморы. Л. : Наука, 1978. 176 с.
12. *Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л.: Наука, 1983. 233 с.
13. *Базарова Э.Л., Бицадзе Н.В. и др.* Культура русских поморов. М. : Научный мир, 2005. 400 с.
14. *Муравьев А.Н.* Русская Фиваида на Севере. СПб.: в типог. III Отд. Собственной Е.И. В. Канцелярии, 1855. 503 с.
15. *Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М. : Мысль, 1993. – 415 с.
16. *Шергин Б.В.* Поэтическая память. М. : Сов. Россия, 1978. 128 с. Цит. по: Соловьева А.Н. Указ. соч. С. 180.
17. *Камкин А.В.* Союзы севернорусских крестьянских миров в системе расселения и жизненной повседневности XVII – XVIII вв. // *Мировоззрение и культура севернорусского населения.* М. : Наука, 2006. С. 233 – 243.
18. *Абрамов Ф.А.* Чем живем – кормимся. Л. : Сов. писатель, 1986. 527 с.
19. *Поморская энциклопедия. Т. 1: История Архангельского Севера.* Архангельск: ПГУ, 2001. 483 с.
20. *Отмечал Г.В.* Плеханов, говоря о жизненном пути М.В. Ломоносова: Цит. по: *Заповедный Север. Архитектура. Искусство. Ландшафт.* М., 1987. С. 9.
21. *Пошман А.* Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении, с полезными на все оные части замечаниями. СПб., 1866. Т. 1. 194 с.
22. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М. : Мысль, 1989. 399 с.
23. *Чекалов А.К.* Народная деревянная скульптура Русского Севера. М.: Искусство, 1974. 191 с.

МОЛЧАНОВ А.А. И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЮ ВЗГЛЯДОВ НА РОЛЬ АНТРОПОГЕННОГО ФАКТОРА В БИОГЕОЦЕНОЛОГИИ

Ю.Н. Пона

Национальный авиационный университет, Киев (Украина), yuriy.pona@mail.ru

Завершается процесс формирования экологии, ставшей одной из наиболее актуальных научных дисциплин современности. В связи с этим, несомненный интерес представляет оценка эволюции взглядов и отношений к экологии как в обществе в целом, так и среди ученых, и в особенности тех, кто внес несомненный вклад в ее развитие.

Одним из таких ученых является архангельский помор, выдающийся советский лесовод и биogeоценолог, член-кор. АН СССР, доктор биологических наук, профессор,

заслуженный деятель науки и техники РСФСР А.А. Молчанов (1902-1985 гг.). Сегодня можно с уверенностью сказать, что Александр Алексеевич оказал значительное влияние на становление и эволюцию взглядов на роль человека в формировании растительного покрова. Оценивая роль А.А. Молчанова в развитии современной экологии, необходимо помнить, что его взгляды были сформированы под влиянием идей В.В. Докучаева, Л.С. Берга, Г.Ф. Морозова, В.Н. Сукачева, В.И. Вернадского, Н.В. Тимофеева-Ресовского и целого ряда других выдающихся отечественных и зарубежных естествоиспытателей.

Начиная с фундаментальных исследований гидрологической роли лесного покрова, с 1945 г., результаты которых приведены в его монографии «Гидрологическая роль сосновых лесов на песчаных почвах. М., Изд-во АН СССР, 1952», четко просматривается установленная Александром Алексеевичем связь изменений и параметров лесных биогеоценозов с интенсивностью и особенностями антропогенного воздействия.

Эволюции взглядов Александра Алексеевича привела его к написанию и изданию в 1978 г. монографии «Воздействие антропогенных факторов на лес. - М., Наука», первой в СССР капитальной публикации в этом новом тогда для страны научном направлении. Учитывая, что в это время руководившая в СССР коммунистическая партия отрицала всякое негативное воздействие человека на природную среду, а еще в 1950-е годы Лысенко и его приспешники

объявили экологию лженаукой, то это был настоящий научный подвиг. Не каждый мог отважиться на такое.

Работы по изучению воздействия человека на лесные биогеоценозы в этот период были начаты также аспирантами Александра Алексеевича. Под его руководством они впервые в СССР разработали и опубликовали в 1978 г. шкалу стадий антропогенной дигрессии лесных биогеоценозов, в 1981 г. – определение «антропогенный фактор», а также целый ряд других положений экологии, многие из которых сегодня стали общепринятыми.

В целом, эти работы Александра Алексеевича согласуются и подтверждают основные положения, касающиеся воздействия человека на лес, изложенные еще в 1912 г. выдающимся лесоводом Г.Ф. Морозовым в его фундаментальной работе «Учение о лесе», и являются продолжением научного направления в экологии, созданного под руководством выдающегося отечественного ученого академика В.Н. Сукачева.

Сегодня, когда экология трансформировалась в мощный, но еще не до конца сформировавшийся раздел науки, результаты исследований Александра Алексеевича Молчанова, которые приведены в его более 30 монографиях и в многочисленных статьях, приобретают еще большее значение. Все это находит отражение в многочисленных научных и научно-популярных публикациях как в России, так и за рубежом. Некоторые из этих работ к сожалению повторяют без указания авторства опубликованные ранее выводы. В связи с этим, хотелось бы напомнить авторам этих публикаций не забывать о тех, кто внес вклад в развитие экологии, в числе которых был и выдающийся советский ученый, выпускник Архангельского лесотехнического института 1933 г., член-корреспондент. АН СССР А.А. Молчанов.

МИР РЕШИЛ – ОБЩЕСТВО ПРИГОВОРИЛО

А.В. Ружников

Архангельский областной краеведческий музей, ruzhnikov62@yandex.ru

Самоуправление на Мезени было на протяжении всей истории. При Новгороде на местах правили выборные старосты. После присоединения к Москве выборные сотский и старосты. Во время Земской реформы середины XVI века население поморья обратилось к Ивану Грозному с просьбой оставить у них самоуправление, что он и сделал, увеличив взамен государственные налоги в 8 раз. Но населению это было выгоднее, чем содержать «на кормлении» назначенных чиновников и их родственников, которые, установленную часть податей отправляли в казну, остальное, сколько сумели собрать, брали себе. Теперь же, после уплаты налогов в казну, все доходы оставался у крестьян.

В результате Земских реформ середины XVI века и принятия Судебника 1589 года в Поморье юридически оформилось местное самоуправление. Управляли всеуездные выборные: «излюбленные головы, земские судьи, земские старосты, целовальники, дьяки, становые» и другие должностные лица. Но главным действующим органом был волостной мир, или волостной сход.

На сходах решались все основные вопросы, в том числе:

- выбор должностных лиц;
- «разруб» (раскладку налогов и повинностей);
- регулировалось рациональное использование земель, промысловых угодий;
- строительство, ремонт дорог, мостов;
- защита территории волости от посягательств;
- воинская (рекрутская) повинность;
- приходская церковь и приходская казна;
- помощь пострадавшим от стихийных бедствий;
- приходские монастырьки, кельи (дома для престарелых);
- содержание запасных сельских хлебных и соляных магазинов;
- постройка и исправление общественных школ, кузниц, мельниц и других мирских зданий.

Принятые приговоры волостных сходов являлись обязательными для всех жителей.

Самоуправление не было чем-то застывшим, оно развивалось вместе с социально-экономическим укладом, менялись формы, структура, при этом основные принципы его оставались неизменными.

При принятии в 1838 году «Учреждения сельского управления», государственные крестьяне были организованы в сельские общества, соответствующие селениям, которые управлялись сельскими сходами, выбиравшими сельских старшин и сельских старост; для решения мелких судебных дел между крестьянами создавался упрощенный суд - сельская расправа.

Дисциплинарной власти сельского старосты должны были подчиняться не только крестьяне, но и все лица податных сословий, постоянно проживающие на территории сельского общества.

Мезенский уезд.

Мезенский уезд – самый большой в Архангельской губернии, включавший нынешние Мезенский, Лешуконский районы, НАО и север Коми. Из-за своей удаленности наиболее полно сохранял местное самоуправление вплоть до начала XX века. Представленная ниже подборка показывает механизмы работы самоуправления в различных сферах хозяйства Мезенского уезда в середине XIX века. В том числе организации путей сообщения – одна из главных проблем севера. Для исправления почтовых дорог и мостов с каждых 10 наличных душ высылалось в июне по окончании поста по 2 человека, в сентябре – по 1. А содержание и работа станций обеспечивалась по контрактам, заключенным на торгах.

«Кондиции на содержание земских и обывательских станций в городах и селениях Архангельской губернии.

П.21. В обеспечении точного выполнения контракта, должен быть представлен узаконенный залог на 1/3 оценочной суммы станции, или ручательной мирской приговор общества законным образом составленный и засвидетельствованный.

П.25. Строго запрещается содержать обывательские станции волостным и сельским начальникам и писарям, на имя свое, членов своего семейства или подставных лиц...

П.33. Если крестьяне одной или нескольких деревень пожелают содержать станцию сами, целым сообществом, то в мирских приговорах должно быть объявлено о том, дабы на торги поверенные заторговали станцию и заключили контракты не для себя, а на все общество.

П.39. При каждом из устьев рек Пезы и Цыльмы и на обоих сторонах волока содержатели обязаны иметь по одной запасной лодке» [1].

«Жердскую станцию берет в свое содержание крестьянин того же селения Андрей Гранин за означенную цену 268 рублей, на что он, Гранин исходатайствовал от мирского схода Лампоженского общества ручательный приговор июля месяца 1860 г. С содержанием на оной постоянно трех лошадей» [2].

«Прошение.

Просят крестьяне Мезенского уезда

Дорогорской волости Лампоженского селения

Иван Андреев Гаев и Григорий Никифоров Кузин,

А в чем наше прошение тому следующие пункты:

1.

Известились мы, что в Мезенском отдельном о Земских повинностях присутствии назначены торги 28 числа текущего сентября на провоз треугольника от Мезени до Лампожни и от одного до Староизбищенской станции в зиму 1862/63 годов и, получив на сие ручательскую доверенность крестьян нашего селения данную 20 числа сего сентября и засвидетельствованную в Дорогорском волостном правлении, представляем таковую при нем. Всеподданнейше просим дабы повелено было допустить нас к торгам и переторжкам на объявленный подряд 1862 года сентября 28 дня.

К поданию надлежит в Мезенское отдельное Земских повинностей присутствие. Прошение сие сочинял и набело переписывал Мезенский мещанин Дмитрий Курежин» [3].

«Ручательство

1862 года сентября 20 дня мы, нижеподписавшиеся Архангельской губернии Мезенского уезда Дорогорской волости Лампоженского селения государственные крестьяне домохозяева в числе 20 человек, а именно: Гаврило Герасимов, Иван Е. Кузнецов, Андрей Лопатин, Николай Кожевников, Иван Прокопьев Насонов, Ананий Кривошеин, Григорий Воронцов, Акакий Рапин, Еким Фокин, Николай Лочехин, Алексей Марков, Варсанофий Порошкин, Семен Табуев, Козьма Увакин, Иван Гр. Воронцов, Константин Ягнетев, Павел Воронцов, Трифон Лазарев, Иван Герасимов, Федот Варакин.

Быв на деревенском сходе по созыву старосты нашего района для некоторых совещаний и выслушав словестную просьбу крестьян нашего селения Ивана Андреева Гаева и Григория Никифорова Кузина о даче им ручательного приговора на явку к торгам и переторжкам. На предварительном рассуждении настоящим приговором постановили...как крестьяне Гаев и Кузин поведения честного не бездомные, рачительные по домохозяйству, а потому к желаемым им торгам и переторжкам на взятие возки треугольника в зиму 1862/63 г. в подряд. Ручаемся ответствовать круговым поручительством, в чем составили приговор и подписали» [4].

Мезенское общество

Одного желания занять должность, было мало. Для того, чтобы быть избранным в волостные старшины, судьи, старосты и прочие должностные лица, необходимо иметь в пользовании земельный участок, быть рачительным по хозяйству, не бездомным, трезвым,

быть обеспеченным и более-менее добросовестным. Никаких существенных льгот и преимуществ по должности не предоставлялось. От исполнения натуральных повинностей освобождался волостной старшина и его семья. Остальные выборные лица только лично. Денежные повинности (налоги, подати, сборы) исполнялись всеми.

При вступлении в должность принималась присяга.

«Клятвенное обещание

Я **НИЖЕИМЕНОВАННЫЙ** обязуюсь и клянусь Всемогущим богом пред Святым его Евангелием в том, что по поручению Градского общества, когда мне будет введено учинить по состоянию каждого здешнего мещанина раскладку податей, всех сборов и других повинностей на сей год, то я таковое поручение испущенное доложить и обязуюсь исполнить по чистой моей совести, не норовя никому ни для пользы, дружбы, вражды или какой либо другой корысти и ни для страха ради, так как я пред богом и судом Его страшным в том ответ всегда дать должен. В заключение же сей моей клятвы целую крест Спасителя моего. Аминь.

В 1852 году по сему клятвенному обещанию присягали мезенские мещане:

Яков Никифоров Личутин, Алексей Антипин, Иван Личутин, Михайло Куренгин, Петр Григорьев Олупкин, Степан Увакин, Дмитрий Курыгин, Григорий Антипин, Гаврило Личутин, Василий Иванов Варакин, Никифор Антипин» [5].

Круг вопрос рассматриваемых выборными был очень широк: от налогов и сборов, до контроля за ценами. При этом сами выборные лица так же были под контролем общества.

«1870 года декабря 11 дня мы, нижеподписавшиеся города Мезени мещане, быв в общем собрании по предмету взимания в пользу города акциза с трактирных заведений на 1871 г. Сим приговором постановляем размер акциза 15 рублей с трактирных заведений, и 10 рублей с постоянных дворов с каждого, о чем и представляем общественному управлению сделать должное распоряжение» [6].

«1870 года декабря 12 дня в присутствии Мезенского городского общественного управления по рассмотрению настоящего приговора оказалось, что оный в общественном собрании составлен правильно и подписан мещанами грамотными самими, а за безграмотных другими по их личным просьбам, двумя третями членов мезенского общества из находящихся на лицо, по этому имеет законную силу, что и удостоверяется подписями и приложением казенной печати:

Городского старшины Личутина

Словесного судьи Калинина

Словесного судьи Личутина» [7].

«1868 года мая 13 дня мы, нижеподписавшиеся города Мезени мещане, быв в общем собрании по выслушанию предъявленного нам членами мезенского городского общественного управления предписания Его сиятельства господина начальника Архангельской губернии минувшего апреля за №1506 по прежнему приговору из заграницы разрешенной нам беспощинно иностранной соли для посола рыбы шестьсот пудов сим приговором постановляет, что означенное количество соли 600 пудов доверяет привести из-за границы в город Мезень в настоящую навигацию Мезенскому мещанину Федору Федорову Колинцову, имеющему готовое новое мореходное судно, с тем, чтобы по привозке была им продана нам в г. Мезени никак не дороже ТРИДЦАТИ ПЯТИ копеек пуд, на что вполне согласен он Калинин, желающий подписать настоящий приговор о чем общественному управлению выдать данное разрешение, и так, чтобы ему, Калинин в сем приговоре была выдана засвидетельствованная копия в чем и подписуемся.

58 подписей.

1868 года мая 14 дня приговор заверили подписями и казенными печатями:

Городовой старшина Личутин

Словесной судья Антипин

Словесной судья Жданов.

Копию приговора получил мещанин г. Мезени Федор Федоров Калинин» [8].

Промысловая деятельность также регулировалась избранными обществом лицами.

«1871 года февраля 22 дня мы, нижеподписавшиеся города Мезени мещане, быв в общем собрании по выслушанию словесного предложения членов общественного управления избрании с сего года впредь на три года промысловых старшин Устьинских тюленых промыслов. Одного от Окладниковой, а другого от Малокузнецовой слобод, так как избранным на пред сего минул уже срок слушания. Сим приговором постановляем, что старшинами Устьинских промыслов на трехлетие с сего года избираем из среды себя мещанина Окладниковой слободы Михайла Гр. Антипина, и Малокузнецовой Прокопия Ст. Калинцова.

О чем и представляем общественному управлению учинить данное распоряжение.

53 подписи» [9].

Избранные от г. Мезени входили в общий совет старшин с избранными представителями от волостей.

Сельское общество

Сельское хозяйство, с точки зрения доходности, в Мезенском уезде занимало второстепенное место. При этом сельское общество всегда было основой и фундаментом, от организации и устойчивости которого зависела стабильность и развитие всех сторон жизни. И самоуправление играло здесь ведущую роль, регулируя все основные вопросы: от земельных, до опекунских.

Для составления приговора о переделе земли (раз в 18-20 лет) требуется всегда согласия 2/3 членов общины **полного** числа домохозяев, имеющих право голоса, иначе он считается не действительным. На сходы допускаются женщины имеющие домохозяйство, и бобыли, и безземельные (до 55 лет) если они хотят получить или вернуть ранее отобранный участок. За отсутствующих домохозяев на сходе присутствуют их жены и члены семейства, достигшие 21 года.

Для раздела выбирается или нанимается особый дольщик с платой по 12-15 коп с души. При нем 4-6 выборных давших присягу на верность службы общине и освобожденные на время передела от всякой общественной службы.

Основные наделы остаются у прежних хозяев, передел сводится к корректировкам: прирезкам и урезкам.

Вступившие в общество наделяются землей на равнее с прочими. Земля выбывших из общества делится поровну между всеми.

При наделе недостающее количество земли 1 сорта компенсируется двойным размером участка второго сорта, или тройным третьего сорта.

Община не вмешивается в семейные разделы. Усадебных участков и прилегающих капустников разделы не касаются.

Старшины, сотские, судьи и другие выборные должности привилегий при разделе земли не имеют.

Община могла отобрать надел: 1881 г. Вожгорская община отобрала душевой надел у нерадивого хозяина, замеченного в пьянстве и бродяжничестве.

А так же у тех, кто сам ее не обрабатывает, постоянно сдавая в аренду.

Все крестьянские общины обязаны на равных участвовать в содержании запасных сельских хлебных и соляных магазинов, а так же в постройке и исправлении общественных школ, кузниц, мельниц и других мирских зданий.

Колодцы – общая собственность. Новосел должен купить право пользования колодцем у соседей.

Березниковская община Мезенского уезда.

«Сельский запасный магазин с запасом до 300 четвертей хлеба, из которого делают ссуды на обеспечение полей до будущего урожая по 4 четверика ячменя на душу. Волостная ссудная касса с запасом муки и ржи более 2000 пудов, из которой выделяется жителям на продовольствие во время полевых работ по 5-10 пуд на двор смотря по составу семьи. Вспомогательная касса с капиталом до 2000 руб. из которой выдаются ссуды на

необходимые расходы под поручительство по 10 руб. на каждого поручителя и одному лицу не более 60 руб. на 1 год с уплатою» [10].

(в четверти 6,25 пуд. ржи или 7,25 пуд. ячменя, в 1 четверти 8 четвериков)

Красноборская община Мезенского уезда.

«Огораживание полей и сенокосов защищает только от крупного скота. Относительно мелкого постановлено приговором на сходах не выпускать его на волю в летние месяцы. Замеченные на полях овцы могут быть застрелены и хозяин овец еще должен уплатить застрелившему их за выпущенные заряды по 5 коп. штука, и отвечать за сделанную траву.

Мерами к взысканию с неплательщиков общинных сборов установлены: отдача в работу лично неплательщика, или отдача части или всего надела на 1 год, или продажа имущества, причем принадлежащее женщинам не подлежит продаже. При оплате задолженности надел возвращается» [11].

Пилемская община Мезенского уезда.

«Пустоши и поросшие мелколесьем участки пахотной и сенокосной земель отдаются по мирским приговорам в аренду на 15-20 лет с поступлением дохода в пользу общины или церкви. Приговор схода 1876 года – не производить новых переделов до очередной ревизии (предыдущий передел был в 1858 г.).

Резервная земля сдается в аренду, деньги – общине. Сенокосы также сдаются в аренду или косят сообща по 1 человеку от 10 душ, а сено делится по жребью.

Летом община содержит пастухов которые получают 15-20 рублей за лето, обеспечиваются одеждой, кожаными бахилами получают «относное» 3-5 пуд. Хлеба и 1 пуд шерсти.

На зиму выбираются прорубщики, которые ежедневно утром и вечером расчищают общественные проруби, получая за сезон до 30 пудов хлеба.

В общине есть 2 «виски» для ловли рыбы, которыми пользуются все по очереди» [12].

Чужих детей не бывает

В случае смерти родителей земля и имущество несовершеннолетних наследников, до достижения ими совершеннолетия, поступает в распоряжение опекунского управления, назначение которого составляет непосредственную обязанность сельского схода.

Все имущество поровну делится между всеми детьми независимо от того кровные они или приемные. Земля родителей делится только между кровными, а приемным нарезаются такие же по размеру доли из общественной [13].

Несмотря на постоянное развитие государственных бюрократических органов, большинство властных функций на севере продолжало оставаться у самоуправления. Полномочия государственных служб сводились, в основном, за соблюдением обществом установленных им же процедурных вопросов, правил при вынесении приговоров.

Постановления мирового Мезенского уездного съезда

(надзорный орган, в суть решений не вмешивался, только следил за правильностью юридического оформления)

«...Предоставлялось Селищенскому обществу принять или не принять крестьянина Ивана Прокшина в свою среду. Был составлен названным обществом 23 августа 1881 года приговор о неприятии Прокшина в общество. Приговор этот признан незаконным, так как в составлении его участвовало менее 2/3 домохозяев (75 при минимуме 85) и потому мировой посредник 16 сентября 1881 года за №721 предписал старшине Зотикову составить новый приговор» [14].

1. Государственный архив Архангельской области (далее ГААО) Ф. 86. Оп. 1. Д. 357. Л. 106.

2. ГААО Ф. 86. Оп. 1. Д. 398. Л. 1об.

3. ГААО Ф. 86. Оп. 1. Д. 213. Л. 101.

4. ГААО Ф. 86. Оп. 1. Д. 213. Л. 102.

5. ГААО Ф. 218. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

6. ГААО Ф. 218. Оп. 1. Д. 71. Л. 17.

7. ГААО Ф. 218. Оп. 1. Д. 85. Л. 11.

8. ГААО Ф. 218. Оп. 1. Д. 46. Л. 11-12.
9. ГААО Ф. 218. Оп. 1. Д. 108. Л. 5.
10. Архангельские губернские ведомости (далее АГВ) 1886 г. № 1. С. 2.
11. АГВ 1882 г. № 9. С. 5.
12. АГВ 1882 г. № 12. С. 3.
13. АГВ 1886 г. № 12.
14. ГААО Ф. 223. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.

ПУТЕШЕСТВИЕ И ПРЕБЫВАНИЕ В АРХАНГЕЛЬСКЕ БУДУЩИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В.А. Сметанин

Архангельский центр Русского географического общества,
Архангельск, vlas51@yandex.ru

В юбилейный год Архангельского центра Русского географического общества (РГО) уместно вспомнить путешествие к Белому морю и пребывание в Архангельске тех, кто стоял у истоков общества - первых председателя РГО великого князя Константина Николаевича (Рис. 1.) и вице-председателя общества адмирала Фёдора Петровича Литке (Рис. 2). Путешествие в Архангельск они совершили ровно 170 лет назад в мае - июне 1844 года, то есть за год до создания Русского Географического Общества.

Председателем РГО в течение 37 лет с 1845 по 1892 годов был великий князь Константин Николаевич. К.Н. Романов (9 (21). 09. 1827 г. – 13 (25). 01. 1892 г.), второй сын императора Николая I, брат царя – освободителя Александра II, участник Венгерского похода (1849 г.) и Крымской войны (1853-1856 гг.), государственный и военный деятель, военно-морской министр (с 1853 г.), председатель Адмиралтейств-совета (с 1860 г.) в сложный период перехода флота от деревянных парусных кораблей к железным паровым судам нового поколения, председатель Государственного совета (1865-1881). Константин Николаевич управлял Российским флотом четверть века, и современники по праву называли его отцом русского броненосного флота, крейсерских эскадр, нарезной артиллерии, подводных лодок и минного вооружения.

Функции оперативного управления делами Русского Географического Общества лежали на вице-председателях, и дважды с 1845 по 1850 и с 1857 по 1873 гг. им был Фёдор Петрович Литке (17 (28). 09. 1797 г. - 08 (20). 08. 1882 г.). Он прошёл путь от волонтёра до адмирала флота, участвовал в войне с Наполеоном. В 1813 году при осаде русскими войсками города-крепости Данцига юный Фёдор Литке, будучи волонтёром на галете «Алая», участвовал в трёх сражениях, и за отличие в боевой обстановке был произведён в мичманы и награждён офицерским боевым орденом Святой Анны 4-й степени. Во время Восточной (Крымской) войны, будучи Главным командиром Кронштадтского порта, Литке успешно организовал оборону Кронштадта, за что был произведён в полные адмиралы и назначен членом Государственного Совета. Он дважды участвовал в кругосветном плавании, один раз младшим офицером, а второй раз капитаном и начальником экспедиции, четыре летних плавания провёл в экспедициях в Северном Ледовитом океане, занимал высокие военные и государственные посты.

Жизнь Ф.П. Литке была до отказа заполнена научными исследованиями, обязанностями военной и государственной службы. Он прославился как видный полярный исследователь, обогатил русскую морскую науку своими географическими,

гидрографическими и картографическими работами, которые способствовали мировой славе России. Но рассказ был бы не полон без свидетельства об его участии в воспитании великого князя Константина Николаевича, сначала в должности воспитателя (с 1832 г.), а затем - с 1847 г. – в должности попечителя. Большую роль в формировании личности великого князя сыграл этот выдающийся адмирал, полярный исследователь, государственный деятель, президент Академии Наук. Фёдор Петрович был почти неразлучен со своим воспитанником и заслужил его глубокое уважение и особенное доверие. Этим людям повезло найти друг друга: талантливый учитель и способный благодарный ученик. О роли этого незаурядного человека в своей жизни Константин Николаевич говорил так: «У меня теперь три отца: вездесущий Отец небесный, Папа, который в то же время и мой государь, и Ты, который всегда печётся о моём счастье. Как возможно не быть счастливым в таком семействе!!!».

Рис. 1. Великий князь Константин Николаевич (слева).

Рис. 2. Вице-адмирал Федор Петрович Литке (справа).

Шестнадцатилетний великий князь Константин Николаевич и сорокашестилетний вице-адмирал, генерал-адъютант Ф.П. Литке выехали в Архангельск из Царского Села 13 (25) мая 1844 года. В свиту входили капитан 1-го ранга Ф.С. Лутковский, лейб-хирург И.С. Гауровиц, камердинер и прочая прислуга. Дорога лежала через Колпино и Усть-Ижору. Добравшись до Невы, они сели на пароход и уже вечером того же дня были в Шлиссельбурге, где осматривали шлюзы Ладожского канала и крепость Орешек. 14 мая путешественники посетили святы места на Ладоге - Коневецкий и Валаамский монастыри, а уже 15 мая, миновав Лодейное поле, по реке Свири добрались до Онежского озера и вечером 17 мая пришли в Петрозаводск. 18 мая, осмотрев город и завод, отправились в Вытегру, куда прибыли на следующий день и остановились на однодневный отдых. 20 мая по пути в Каргополь осмотрели Мариинскую водную систему. 21 мая было воскресенье и именины великого князя. Погода сопутствовала, дорога была прекраснейшая, и путешественники получали удовольствие от быстрой езды, проехав в тот день 234 версты. В деревнях, расположенных по дороге крестьяне стояли «как бы во фрунт», на станциях поздравляли великого князя и кричали «Ура! В соответствии с расписанием поезд великого князя со

свитой прибыл в Каргополь в двенадцатом часу дня. Пребывание в Каргополе великого князя излагается по статье из районной газеты [1], написанную мной по сохранившимся документам в Государственном архиве Архангельской [2].

Олонецким губернским правлением предписывалось каргопольскому городничему подготовить помещения «сколь можно приличные и самые лучшие в городе» для ночлега великого князя и его свиты, состоящей из шести человек кроме прислуги. Ну, а поскольку великий князь был несовершеннолетним, то согласно высочайшей воле он не должен был принимать никаких почестей, а поэтому и не предусматривалось нигде ни почётных караулов, ни ординарцев, ни представлений сословий и тому подобного.

Константин Николаевич со своим воспитателем подъехал прямо к Христорождественскому собору. Там при собрании духовенства, чиновников и многочисленном стечении народа он отслушал молебен о здравии его и всей августейшей семьи, а после молебна приложился к чудотворной иконе Казанской Божьей Матери. Из соборной церкви великий князь «изволил шествовать пешком» в сопровождении многочисленного народа до назначенной ему квартиры в доме купца 3-й гильдии Аполлона Вешнякова, находящейся против Соборной площади. В этом же доме в 1819 году останавливался его дядя император Александр I по дороге в Архангельск, а на обратном пути и ночевал здесь. Великокняжеской свите были приготовлены квартиры в домах купцов 3-й гильдии Ильи Носова, Никиты Коршунова и Ефима Терентьева, однако свита также прибыла к дому купца Вешнякова.

Великий князь пробыл в доме Вешнякова не более двух часов, и за это время он успел расспросить у каргопольского городничего о числе жителей в городе, церквях и наличии бедных. По его приказу городничий тут же составил регистр нуждающихся жителей города Каргополя. В представленном документе Константин Николаевич собственноручно проставил против каждой фамилии жертвуемую сумму. Городничий, расписавшись на регистре, получил от генерал-лейтенанта Литке 325 рублей серебром, и эти деньги на другой же день были розданы нуждающимся. Трём вдовам из дворянского сословия: коллежской секретарше Парасковье Первушиной и чиновницам Анне Даниловой и Татьяне Бурмакиной было пожертвовано по 20 рублей серебром. Такая же сумма предназначалась и смотрительнице приюта Чушовой на шесть сирот. По 15 рублей получили три человека из духовного сословия – вдовы священников Авдотья Арефинская и Авдотья Шаброва, а также дьячок Предтеченского прихода Николай Фрязин. Каждому нуждающемуся из городского сословия Константин Николаевич пожаловал по 10 рублей. В регистре значились следующие горожане: мещане Пётр Иванов Карачёв, Александр Тубалин, Григорий Серебренников, Алексей Новиков, Степан Тяпков, Пётр Аксёнов, Константин Кубышкин, Борис Бабин; мещанские вдовы Анна Матвеева Прибыткова, урождённая Второвой, Анна Лаврентьева Потылицына, Федосья Сергеева, Елизавета Григорьева Кожевникова, Катерина Шумилова, Анна Лукина, Устинья Спиридонова, Ульяна Дергаева и Марфа Кораблёва; мещанские девицы Матрёна Хорошина и Анна Макридина. За больных горожан получили деньги их родственники: за Александра Тубалина жена Аринья, а за Степана Тяпкова сын Пётр. Серебро для Константина Кубышкина выдали его родному дяде Ивану Кубышкину, а для шести сирот приюта – каргопольскому почтмейстеру. При раздаче денег присутствовали и по просьбе неграмотных расписывались в ведомости Александр Лыткин и Михайло Рыболовов. За неграмотных чиновниц Анну Данилову расписался коллежский регистратор Дмитрий Иванов, а за Татьяну Бурмакину – коллежский ассессор Тимофей Фомин.

В рапорте олонецкому гражданскому губернатору статскому советнику Х.Х. Повало-Швейковскому каргопольский городничий доносил о пребывании великого князя в Каргополе и о его благополучном проезде Архангельским трактом по Каргопольскому уезду. Он также сообщал, что «имел счастье обще с градским головою докладывать Его Высочеству о Соборной колокольне, построенной по Высочайшему повелению в 1767 году блаженной памяти Великой Государыни Императрицы Екатерины Второй на государственную сумму и пришедшей от времени в ветхость, по бедному положению

граждан города Каргополя не в силах поддержать оную» Они ходатайствовали о выделении необходимых средств «на устройство означенной колокольни». Великий князь велел составить о том докладную записку и представить её в Архангельск на имя генерал-лейтенанта Литке, которая и была отправлена 23 мая.

Осмотрев остатки древней городской ограды, представлявшей собой насыпь со рвом, на которой стояла древняя неисправная пушка, Константин Николаевич, не останавливаясь на ночлег в Каргополе, «изволил отправиться в дальнейший путь при многократном восклицании народа “ура” благополучно». Ночевали же на станции Федовской - последней станции Олонецкой губернии.

В дальнейшем рассказе о путешествии, пребывании в Архангельске и первых днях службы на Российском флоте юного великого князя использованы письма, написанные им отцу Николаю I, опубликованные в журнале «Архангельская старина» [3].

На другой день, 22 мая, погода была сквернейшая и от дождя дорога испортилась. Поздно вечером, когда уже смеркалось, путники добрались до Сийского монастыря, в котором был пострижен и содержался в заточении родоначальник династии Романовых Фёдор Никитич. От него оставался здесь только один памятник - его Евангелие. До ночлега из Сийского монастыря поезд великого князя добрался только после полуночи. На другой день, хотя погода поправилась, но дорога оставалась всё ещё сырой и вязкой. Обедали путники в Холмогорах, который «дрянной городишка и больше похож на деревню». У косогорской пристани их поджидал пароход «Полезный» и на нём путешественники пришли в Архангельск почти в полночь, но несмотря на то было довольно светло, «чтобы судить об общем виде, который должен быть в самом деле хорош». Остановились против Соломбалы и съехали на берег на катере, потому как река Кузнечиха обмелела и пароходу нельзя близко подойти. Встречали гостей архангельский военный губернатор маркиз Александр Иванович Траверсе и командир строящегося линейного корабля «Ингерманланд» Самуил Иванович (Гамильтонович) Мафетт. Они отвели путников в назначенный для них дом, который внутри был прекрасно отделан. После обыкновенных церемоний легли спать и на новоселье прекрасно выспались.

Дни у высочайшего гостя были расписаны по часам. Задача перед ним стояла конкретная: произвести спуск боевого 74-пушечного корабля «Ингермаланд» и на нём отправиться в Кронштадт. В первый день после молебна в Соломбальской соборной церкви, осмотра казарм и здания Адмиралтейства великий князь посетил Соломбальские верфи. Его взору предстал во всей красе почти готовый корабль, его уже оснащали, всё хорошенько прилаживали и подгоняли с тем, чтобы на баре легче было вооружаться. На другой день перед обедом великий князь в первый раз был на работе. Приказом от 24 мая он был назначен старшим лейтенантом, и ему было передано заведывание всеми работами на корабле «Ингерманланд», а в помощь был приставлен лейтенант Невельский. На другой день утром старший лейтенант Романов явился на работу в новом качестве и, конечно же, ему было ужасно страшно распоряжаться уже по настоящему, а не в шутку, но постепенно он к этому привыкал. Когда они приехали в Архангельск, на корабле были подняты стеньги и марса-реи, и первая работа состояла в примерке марселей. На следующий день были подняты брам-реи и примерены брамсели. Так, что корабль казался почти совершенно вооружённым, но в тот же самый день оснащение было спущено и стали спускать стеньги и укладывать такелаж в транспорты, которые и должны были их доставить на бар для окончательного оснащения. Каждый день офицер Романов был два раза на вооружении корабля от 6-ти часов утра до 11-ти и после обеда от 5-ти до 8-ми. В субботу 27 мая работа продолжалась от 6 до 3-х часов, грузили вооружение корабля на транспорты. «При этой работе так много деятельности и разнообразности, что, право, не чувствуешь усталости. Как хорошо зато спишь по ночам! Вообще этот образ жизни, который мы здесь ведём, мне чрезвычайно нравится», - признавался он в письме отцу. Иногда во время работы, когда не делалось ничего важного Самуил Иванович Мофетт водил великого князя по мастерским, которые были хоть не велики и не «богаты средствами», но работали прекрасно. Столярную

и резную мастерские он признал очень хорошими и, что, «у Гамса не лучше работают». На корабле все щиты и вся мебель для кают корабля были сделаны из лиственницы, из того же дерева, как и весь корабль, «и оно выходит прекрасно, потому что самые жилки в дереве составляют прекрасный рисунок». В адмиралтействе рядом с «Ингерманландом» вооружался фрегат «Константин», который также назначался в поход в Кронштадт вместе с «Ингерманландом». Всю неделю погода стояла очень холодная и сырая, отчего в экипаже было много больных. Его высочество с раннего утра и до позднего вечера проводил на верфи. В присутствии сына монарха работа кипела и продвигалась быстро.

Уже 29 мая на «Ингерманланде» были подняты флаг и вымпел, и с этого момента кампания считалась начавшейся, и, как писал в письме великий князь «мы с тех пор носим лакированные шляпы». В тот же день ездили в город и посетили некоторые учебные заведения. Сначала осматривался полубатальон кантонистов. И хотя Константин Николаевич никогда не видел подобных заведений, потому и не мог о нём судить, но, по его мнению, оно находилось в хорошем состоянии. Посетили также немецкую приходскую школу, училище детей канцелярских служащих и губернскую гимназию. «Лучше всех, без малейшего сомнения, немецкая школа. Она прекрасно устроена и содержана, а сами ученики с первого взгляда очень нравятся. Школа детей канцелярских служащих тоже устроена очень хорошо, просто и без всяких затей. Дети имеют тоже очень приятную наружность. Но гимназия не так хороша, очень бедна средствами, а хочет стать на высокую ногу. Самые мальчики в ней едва не ободранные, и это заведение совсем не оставляет такого хорошего впечатления, как те две школы». Кроме того, они побывали в недавно открывшемся приюте, который «вроде Петербургского, но теснее и беднее». Смотрели и казармы двух здешних гарнизонных батальонов, они были чрезвычайно тесны и ветхи. На нарах не всем хватало места, и часть людей спала на полу, казармы же для женатых солдат, вообще, ужаснули великого князя.

30 мая Константин Николаевич посетил Ширшенский завод, находившийся в 20 верстах от города. Мастерские тут были такие же, как в адмиралтействе, главными же были вододействующая токарня, мастерская и лесопильный завод. Всё было устроено хорошо, но, как он отметил, главное и весьма важное неудобство – это отдалённость от адмиралтейства, и при работе это чувствовалось почти на каждом шагу. 31 мая ездили посмотреть выставку местных произведений, а также известный крест в соборе, поставленный Петром Великим в Унской губе в память своего спасения, который был перенесён в собор в царствование императора Александра I.

В субботу 3 июня корабль «Ингерманланд» оттянули от пристани, и он встал посреди реки. На ночь экипаж перебрался на него, и великий князь первую ночь спал в собственной маленькой каюте, «которая для меня совершенный рай». На другой день утром от 8-ми до 12-ти он отстоял первую вахту, которая казалась ему страшной, но ко всему привыкаешь. И великий князь также постепенно привыкал. После полудня «Ингерманланд» отправился в путь с помощью двух пароходов, из которых один буксировал спереди, другой был прикреплён с правого бока. На берегу было множество народа, следовавшего за кораблём, люди кричали «Ура!». Вечером он встал на якорь у Мудьюгского острова, а на другой день, утром, в шесть часов удачно перешёл за бар и встал фертоинг. Тут началась «адская работа» днём и ночью непрерывно. Погода стояла спокойная и тихая, хотя очень холодная, и всё шло прекрасно, за неделю стоянки на корабле почти всё было готово.

9 июня в пятницу великий князь со свитой и сопровождающими лицами на пароходе ходили смотреть Новодвинскую крепость. Внутри крепости стояла достойная примечания древняя церковь, которую освещал Пётр Великий. Все образа иконостаса были написаны по шёлку, а живопись была прекрасна. Из крепости они поехали далее вниз по Северной Двине, чтобы посмотреть Лапоминскую гавань, в ней иногда зимовали наши корабли и туда в давние времена посылали в наказание мичманов-шалунов.

За неделю до отхода в Кронштадт великий князь со свитой и сопровождающими официальными лицами ездил на шхуне в Соловецкий монастырь. В это время экипаж

«Ингермаланда» красил, чистил и мыл корабль. На Соловках отслужили молебен за больную сестру Великого князя великую княгиню Александру Николаевну перед мощами святых Зосимы и Савватия. В монастыре везде было видно бывшее его великолепие и богатство, но всё это устарело, почернело и несло на себе признак старины. В то время в монастырь пришли четыре судна с богомольцами, так что собралось множество народа и всё их посещение имело что-то торжественное. Посетили на Анзерском острове два скита Анзерско-Троицкий и Голгофо-Распятинский на высокой Голгофской горе, откуда открывался чудесный вид. Там Константин Николаевич собственноручно воздвиг деревянный крест в память своего посещения святого места. По возвращении из Соловков 22 июня вице-адмирал Литке делал смотр, обходя команду и весь корабль и смотром остался чрезвычайно доволен. В последние дни в Архангельске погода стояла весьма жаркая и вода в море была тёплая, великий князь три раза купался в море и плавал. В тот же день после полудня приехали на корабль маркиз с женой и детьми, их угощали. После обеда играла экипажная музыка, а матросы пели песни и плясали. «так что вечер мы провели весьма приятно». Надо отметить, что экипажный музыкальный ансамбль в своём роде явление весьма примечательное. Он существовал ещё только 5 месяцев и был составлен из матросов, которые прежде не имели «решительно ни малейшего понятия о нотах и музыке и среди них было не более 5 - 6 настоящих музыкантов, несмотря на то, она весьма не дурна».

23 мая корабль снялся с фертинга и стоял на одном левом якорю. С правым якорем была ужасная суматоха, потому что он перепутался с канатом от другого якоря и экипаж работал более двух часов. 24 мая приехал на корабль преосвященный и после его благословения снялись с якоря. 10 (22) июня 1844 года корабль «Ингерманланд» пришёл в Копенгаген. 16 дней потребовалось на переход и это был своеобразный рекорд. Быстрому переходу сопутствовал попутный ветер на протяжении всего пути, кроме 4-х первых дней.

Русское географическое общество было открыто 6 (18) августа 1845 года. 7 (19) октября того же года состоялось первое общее собрание членов общества. А через 3 дня 10 октября 1845 года председатель РГО великий князь Константин Николаевич отправился в дальнее плавание в составе отряда русских кораблей под командованием вице-адмирала Ф.П. Литке (вице-председателя РГО) по маршруту Копенгаген – Плимут – Палермо – Неаполь – Тулон – Алжир – Гибралтар – Танжер – Лиссабон – Портсмут – Копенгаген, завершившееся в Кронштадте 23 июня 1846 года.

1. Сметанин В.А. Серебро от великого князя // Каргополье, 2010, 19 июня.

2. Государственный архив Архангельской области. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 6. Л 1-14.

3. Гостев Игорь. Письма к отцу и государю: Вел. Кн. Константин Николаевич в Архангельске // Архангельская старина, 2012, № 1. С. 6-17.

ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ МОНАСТЫРСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВВ. НА ПРИМЕРЕ КРАСНОГОРСКОГО БОГОРОДИЦКОГО МОНАСТЫРЯ

В.Г. Трофименко

Государственный архив Архангельской области, Архангельск, basitro@yandex.ru

В настоящее время история монастырского землевладения и, в более широком понимании, монастырского хозяйства, привлекает все большее внимание исследователей. Это во многом связано с возрождением монастырских традиций в современной России. Кроме того, с начала XXI века значительно ускорился процесс возвращения в собственность

РПЦ церковного имущества, изъятого в свое время советской властью. Этот интерес к монастырскому хозяйству способствовал появлению целого ряда научных статей и исследований, рассматривающих проблему, как на общероссийском, так и на региональном уровне [1].

Русский Север, с его древними монастырями, насельники которых сыграли значимую роль в колонизации и освоении новых земель, развитии мореходства и промыслового рыболовства, конечно, не мог остаться в стороне. Тем не менее, исследователи северных монастырей занимались изучением, в основном, Соловецкого и Антониево-Сийского монастырей, внесших крупный вклад в историю не только Севера, но и всей России. Лишь относительно недавно стали публиковаться статьи и монографии о деятельности Николаевского Корельского, Артемиево-Веркольского, Сурского и других монастырей.

Красногорский Богородицкий монастырь, находившийся в Пинежском уезде Архангельской губернии, интересен исследователям монастырского хозяйства по той причине, что развитие его экономики является ярким примером тех процессов, которые были характерны для монастырского хозяйства Севера в целом. Этот монастырь в своем развитии прошел весь путь от малой обители до крупного экономического центра в XVII веке, пережил упадок во время секуляризации XVIII века и превратился в заштатный монастырь, в качестве которого просуществовал до 1920 года.

Первые работы, посвященные истории монастыря появились еще до революции. К ним следует отнести «Историческое описание Красногорского монастыря» епископа Макария и статью Владимира Челмогорского в «Кратком историческом описании монастырей Архангельской епархии» [2]. В советское время, по объективным причинам, история монастыря не являлась темой самостоятельных исследований. Из современных историков, работавших над изучением монастыря, можно выделить О.В. Евсееву, монография которой посвящена всем трем монастырям Пинежья – Красногорскому, Веркольскому и Сурскому [3].

Основание Красногорского (первоначально Черногорского) монастыря относят к 1603-1604 годам, когда вдовый священник Юрьольского прихода Мирон получил от игумена Варлаама чудотворную икону Владимирской Божьей матери и начал строительство монастыря на Черной горе. В 1606 году, несмотря на бушевавшую в стране Смуту, Мирон, принявший к этому времени монашество под именем Макария, смог добраться до Москвы и получить у царя Василия Ивановича Шуйского грамоту о закреплении Черной горы за монастырем. На следующий год было получено благословение митрополита Новгородского и Великолуцкого Исидора, в административном подчинении которого находилась тогда территория Пинежья.

Ко времени настоятельства первого игумена Макария относятся и первые сведения о хозяйственной жизни нового монастыря. За недостатком рабочих рук для разработки лесной местности вокруг монастыря, Макарий приглашал половников и раздавал им на определенные сроки монастырские участки под луга и пашни. Половники поселялись на земле, пользуясь частью выгод от ее возделывания [4]. Постепенно на местах поселения половников вырастали деревни, лес сменялся лугом и пашней, значение обители усиливалось. В 1629 году в монастыре появляется новая святыня – чудотворная икона Грузинской Божьей матери. В 1631-1635 годах по грамотам царя Михаила Федоровича Романова были окончательно закреплены границы монастырских владений.

Преемник Макария, строитель Емелиан, как и основатель обители видел главную возможность укрепления монастыря в росте землевладения и землепользования. Однако в отличие от Макария средством добиться такой этой цели он избрал не административный, а экономический путь. Будучи знаком с финансовой стороной монастырской жизни (до избрания строителем он был сборщиком пожертвований), Емелиан направил скромные монастырские средства на аренду крестьянских земель и выдачу крестьянам срочных ссуд. Ссуды выдавались под залог земель, что в случае неоплаты долга автоматически приводило к приращению монастырской земли. Вместе с увеличением доходов, Емелиан озаботился и

сокращением расходов, то есть получением налоговых льгот для монастыря у Новгородского митрополита Афония [5].

Практически с первых десятилетий существования монастыря и со времени закрепления за ним земельных угодий, шла тяжелая и длительная борьба за угодья между монастырем и крестьянами окружавших его деревень. Третий строитель монастыря, Сергей, понимая сложности, связанные с расширением земельных владений, а также учитывая климатические риски для сельского хозяйства, добился в 1653 году у царя разрешения на создание при монастыре небольшой промысловой флотилии (два коча и два карбаса).

К 1670-м годам монастырское хозяйство было достаточно крепким и самостоятельным. Из досмотровой книги 1677 года видно, что помимо земельных владений за монастырем закреплен ряд подворий в основных торговых и промышленных центрах Поморья: «Да у Архангельского города на Сальном берегу анбар троежирной, да три ямы сальных, а в тех ямах [...] положено монастырского пятьдесят пять бочек сала ворванного [...] На Колмогорах на Глинском посаде двор монастырский по крепостям [...] На Волоку Пинежском на погосте келья для приезда старцам или вкладчикам. На Мезени в Окладниковой слободе двор монастырский для приезда монастырских людей. В Пустозерском остроге монастырский двор по крепостям для приезда на время монастырских приказчиков» [6]. По этой же книге за монастырем числится три промысловых судна – ладья, находящаяся на ремонте в Холмогорах, и два новоземельских коча, один из которых стоял на Пинеге, другой на Кулое.

Однако уже к концу 1680-х число подворий сокращается – в описи монастырского имущества за 1689 год читаем запись: «Да в прежних переписных книгах написано на Мезени в Окладниковой слободке монастырский двор, и по сказке братии тот де двор продан». За монастырем остается только подворье в Пустозерске: «В Пустозерском остроге двор монастырский, в нем живет монастырский же вкладчик Мишка Усыянец для рыбного и моржового промысла. Да того же монастыря моржового промысла два коча стоят на Пинеге реке» [7].

К 1695 году не осталось уже и двора в Пустозерске, упоминаются лишь подворья «на Холмогорах и у города и на Пинежском волоку», под «городом» понимается Архангельский город. Однако виден рост земельных владений монастыря. Упоминаются монастырская деревня Плещево, деревни в Валдокурской волости и в Кулойском посаде, речные урочища по реке Кулой, варница в Кулойском посаде, «немецкие» мельницы на реке Чушеле и ручье Бобровце, поселение третчиков на Черногорском холме [8]. Причем, под термином «деревня» в описи имущества понимается двор монастыря, состоявший из двух изб и хозяйственных построек. На дворе проживали, как правило, старец, то есть представитель монашеского братства, и белец, или вкладчик, то есть человек, не состоящий в братии, но служащий монастырю. На них лежала ответственность за ведение хозяйства: посевов, кладовых, скота и т.д. Основными продуктами, производимыми монастырем, были рожь, ячмень, масло и молоко.

Причина видимого упадка в том, что монастырский промысел, так активно начатый Сергием, привлек в обитель лиц, мало заботящихся о соблюдении монастырского благочестия. Новые вкладчики, бобыли и рабочие тяготились строгим монастырским уставом, и Сергей жаловался на них, что они «Черногорскому монастырю чинят всякую смуту и мятеж, а меня, нищего собрата, что мы положим на соборе, ни в чем не слушают и за бесчинство их, кто чего дождется, смотря по монастырскому братскому рассуждению, под смиренье не дается» [9].

Попытки соединить эффективное ведение сложного, по сути дела капиталистического, хозяйства и следование духу монастырского устава, предпринятые Сергием, не увенчались успехом. В 1659 году он был устранен от управления монастырем, началась частая смена настоятелей, отразившаяся на монастырском хозяйстве очень негативно. К началу XVIII века Красногорский монастырь вновь стал исключительно земледельческим.

Накануне секуляризации монастырских имуществ, в 1761 году, Красногорский монастырь был исправным плательщиком оброка в государственную казну. Основные оброчные угодья и рыбные ловли располагались «в черных лесах» у Сояльского озера и вытекающей из него речки Соялы, также за монастырем числились две мельницы на речке Чушелке и сенные покосы по реке Пинеге и на Черной горе [10].

Секуляризационный манифест Екатерины II 1764 года, лишил Красногорский монастырь крестьян (которых и так было не много) и земель. Он был переведен в разряд заштатных. Некоторой компенсацией можно считать определенное от государства содержание в 300 рублей (с 1797 года) и право на безоброчное владение Сояльским озером, рекой Соялой и Чушельской мельницей (с 1799 года). В 1802 году монастырю вновь отвели 33 десятины земли [11].

С начала XIX века можно говорить о медленном, но постоянном укреплении монастырского хозяйства. Определенную часть доходов давал ежегодный вывоз чудотворной иконы из монастыря в Архангельск для поклонения и сбора пожертвований. Эта практика позволяла минимизировать расходы, которые вызвал бы поток богомольцев непосредственно в монастырь. В данном случае не паломники шли к святыне, а святыня отправлялась к поклонникам.

В 1809 году монастырь построил новые здания: часовню, скотский двор, сушило и водяную мукомольную мельницу «на речке Чушолке в 5 верстах от монастыря за Пинегой рекой» о двух поставах [12]. Через два десятилетия в монастыре был небольшой табун лошадей: семь рабочих и семь нерабочих, тринадцать коров и пять быков, четыре молодых телицы и десять бычков, две свиньи и пятнадцать овец. В хозяйстве вновь были суда, правда на сей раз речные – один карбас для перевоза в Архангельск иконы Грузинской Божьей матери и два – для переезда через реку [13].

Для удобства представителей монастыря, сопровождавших чудотворную икону в Архангельск, в 1863-1865 годах на пожертвованной купцом Дудиным земле было построено монастырское подворье. На 1868 год на подворье находился деревянный одноэтажный дом на каменном фундаменте со службами на дворе и часовней в честь чудотворных икон Владимирской и Грузинской Божией матери. Располагался на углу Троицкого проспекта и Театральной улицы. В числе служб были экипажный сарай и земляной погреб. Подворье было обнесено забором [14].

Подворье монастыря в Санкт-Петербурге на Георгиевской улице Большой Охты было построено в 1879 году. На подворье находилась деревянная часовня во имя святых чудотворных икон (Владимирской и Грузинской). Само двухэтажное здание подворья было также деревянным и находилось в одной связи с часовней на каменном фундаменте [15]. Строительство этого подворья привело к образованию значительного долга монастыря, который он не мог погасить долгое время.

Важным средством получения доходов для монастыря являлась сдача в аренду своих владений. Так, в приходе-расходной книге за 1845 год упоминаются средства (оброк), полученные «за речку Соялку» с некоего крестьянина и Юрольского священника. Так же упоминается и о средствах, полученных за помол муки на Чушельской мельнице. Различные (не всегда крупные и стабильные) суммы монастырь получал от торговли. Монахи торговали как культовыми товарами (чаще всего – свечами), так и излишками сельскохозяйственного производства (преимущественно коровьим маслом и рожью), и даже скотом – конями и быками. Но более всего средств доставляла, конечно, милостыня. Например, с 9 сентября 1844 года по 14 марта 1845 года в городе Архангельске при иконе Божией Матери Грузинской было собрано 265 р. 13 к. и 3 четверти. По дороге из Архангельска до монастыря было собрано в кружку 38 р. 85,5 к. Чуть меньше средств, но регулярно приносили кружечные сборы, сборы на блюдо во время литургии и сборы во время «ярмонги», то есть ярмарочных торгов в г. Пинеге в марте и декабре [16].

Кроме того, в XIX веке монастырь постепенно (по мере развития отечественной банковской системы) обзаводился билетами кредитных учреждений, на которые начислялись

проценты. Это были билеты Государственного заемного банка, Санкт-Петербургской и Московской сохранной казны и других подобных организаций. Начинать поступать крупные пожертвования от частных лиц. Самое крупное – пожертвование графини А.А. Орловой-Чесменской в 1848 году, выделившей на два монастыря – Красногорский и Веркольский 5000 рублей. Достаточно сказать, для сравнения, что за весь 1859 год Красногорский монастырь получал чистый доход около шести с половиной тысяч рублей. Конечно, большинство пожертвований было значительно меньше по размеру, но в сумме они давали значительный процент бюджета. Специально приставленный к делу сбора пожертвований иеромонах собирал по 120-150 рублей ежемесячно, а «на устройство новой золотой ризы на чудотворную икону Грузинской Божией Матери» всего в течение того же 1859 года было собрано «доброхотного подаяния» 1536 рубля 54 копейки [17].

Концентрируя в своей казне такие средства, монастырь не просто обеспечивал себя, он играл важную роль в экономической системе всей округи, так как являлся одним из крупнейших работодателей для окрестных крестьян. Часть из них заключала срочные трудовые договоры с монастырем (срок составлял один год) и работали в поле и ловили рыбу, крестьянки смотрели за скотом, стирали и шили монастырское белье и одежду, пекли хлеб и просфоры. Другая часть нанималась для выполнения конкретной разовой работы – распиловка и доставка в монастырь леса, подвоз продуктов и т.д. Полученные на монастырских работах деньги крестьяне тратили на выплату государственных податей. Это избавляло местное население от необходимости искать рынки сбыта для получения денежных средств в обмен на продукцию собственного хозяйства. В условиях рискованного земледелия это был наиболее простой выход из ситуации.

Более крепкие крестьяне заключали с монастырем договоры аренды на эксплуатацию монастырской собственности, в частности – речки Соялы. Так, 25 ноября 1907 года было заключено условие с крестьянами деревни Заозерья Андреем Ивановичем Зыковым с братьями Степаном, Николаем и Иваном Зыковыми об отдаче им в аренду речки Соялки от Шуноя до устья реки и шириною от берега до берега сроком на четыре года за цену 50 рублей в год. Допускалась ловля «заездками и другими прочими рыболовными снастями, но с тем неперемным условием, чтобы речку не загораживать в плотную, а оставлять проезд по реке свободно в озеро Сояльское». Осенью 1912 года было заключено условие на ловлю раков в той же речке, причем монастырь получал треть выловленных раков, а крестьяне – две трети. Те же местные крестьяне нанимались и для очистных работ на Соялке, так «крестьяне Степан Петрович Вальков и Николай Лукич Зыков обязались очистить всю речку Соялку от заездок, причем колья обязались вырубить до основания и весь мусор от заездок убрать, чтобы не попало в реку в большую воду и никак не сваливать на крестьянские пожни. Затем имеющиеся забитые колья также вырубить и убрать. За всю очистку по длине реки и в ширину от берега до берега они выговорили за работу 80 руб.» [18]. Монастырь заботился об экологическом состоянии своих угодий, ведь засоренная река не даст того дохода, какой даст чистая.

Не будем, однако, идеализировать взаимоотношения монастыря и крестьянства. Они носили чисто деловой характер, в них было место и обману и хозяйственным конфликтам. К примеру, крестьяне-арендаторы были уличены монастырем в продаже раков без ведома настоятеля (то есть утаивали часть добычи), заваливали речку Соялу мусором со своих расчисток и т.д. [19]. Вообще следует отметить, что крестьяне всегда четко отделяли хозяйственную деятельность монастыря от его сакральной функции. В одном случае это было место общения с Богом, сообщество людей, посвятивших себя молитвам за грехи мира, в другом – земельный собственник и торговый партнер, непонятно на каких основаниях имевший льготные условия ведения хозяйства. Потому нет ничего удивительного в том, что на протяжении всей истории монастыря он сталкивался с враждебным отношением той части крестьянства, для которой монастырское землевладение было препятствием для собственного экономического роста.

Сложившаяся к концу XIX – началу XX столетия экономика Красногорского монастыря фактически держалась на пожертвованиях благотворителей. Так, в 1890 году монастырю было пожертвовано 6075 рублей, 81 копейка. Для сравнения – продажа скота в том же году принесла 110 рублей, аренда водяной мельницы – 105 рублей. Это притом, что только на покупку сена и прочие расходы на животноводство монастырь потратил 262 рубля и 95 копеек [20]. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что хозяйственная деятельность Красногорского монастыря не окупала себя.

Проблемы эволюции монастырского хозяйства на Севере, и, в частности, в районе Красной горки, были обусловлены совокупностью ряда внешних и внутренних факторов. К факторам внутренним можно отнести особенности монастыря как хозяйственной единицы и религиозной общины, в жизни которой сталкивались два противоположных стремления – уход от мира для молитвы и покаяния и стремление максимально возможным способом обеспечить жизнедеятельность членов братии. Другим внутренним фактором была политика строителей и настоятелей монастыря на каждом конкретном этапе его развития. Как показывает практика, от этой политики на деле зависело очень многое, как, впрочем, и от любого другого руководителя (лидера) в любой другой организации. К наиболее значимым внешним факторам можно отнести: климатические условия, не позволявшие монастырю получать достаточные выгоды от земледелия, сравнительную удаленность от моря, затруднявшую промысловую и колонизационную активность монахов, сложные взаимоотношения с верхушкой крестьянского мира, имевшей виды на монастырские угодья, и, наконец, политику государства, которое с начала XVIII века взяло курс на секуляризацию церковных земель.

Ко времени революционных потрясений монастыри Русского Севера, и Красногорский в их числе, во многом существовали не благодаря своей хозяйственной деятельности, а благодаря пожертвованиям верующих. Смена парадигмы развития страны, переход русской цивилизации с одной господствующей идеологии на другую, повлек за собой подрыв монастырской экономики (с уменьшением числа верующих и благотворителей). В монастырях остались только те, кто действительно шел туда за уединенной молитвой и светом веры. Советское правительство уничтожало монастыри и монашество (зачастую физически) уже не с тем, чтобы национализировать (передать народу, нации) монастырские богатства, заключавшиеся на тот момент в большинстве своем в предметах культа. И даже не с тем, чтобы передать крестьянству монастырские земли, их было не так много, как пытались представить большевики. Ни ограбление обитателей, ни ликвидация церковного землевладения не решились, да и не могли решить, существовавших проблем нации. Это была борьба новой идеологии со старой. Но представители новой идеологии не стали более сильными хозяевами ни для имущества монастырей, ни для монастырских земель, так как практика показывает – любое хозяйство, основанное на идеологии, рано или поздно начинает жить на «доброхотные подаяния», либо от государства, либо от частных лиц, либо от тех и других вместе.

1. *Ершов Б.А. Попов В.П.* Земельная собственность церквей и монастырей в XIX веке // Вестник ВГУ, Серия: история, политология, социология. 2007. № 2. С. 108-111.; *Емельянов Д.Н.* Земля и Русская православная церковь: бесы стяжательства или объективная необходимость // Вестник ФГБОУ ВПО РГТУ. 2012. № 3. С. 60-63.; *Чупис О.В.* Монастырские доходы в России в XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2013. № 7. С. 202-205.

2. *Макарий.* Историческое описание Красногорского монастыря. М., 1880.; *Челмогорский В.* Красногорский Богородицкий монастырь. // Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии. Архангельск, 1902. С. 321-379.

3. *Евсеева О.В.* Православный монастырь в религиозно-культурном пространстве Пинежья. Архангельск, 2007.

4. *Челмогорский В.* Указ. соч. С. 329.

5. Там же. С. 339-340.

6. ГААО. Ф. 309. Оп. 5. Д. 13. Л. 36об-39об.

7. Там же. Оп. 4. Д. 6. Л. 123об-124.

8. Там же. Оп. 3. Д. 17. Л. 122.
9. Челмогорский В. Указ. соч. С. 344-345.
10. ГААО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 13. Л. 46-47.
11. Челмогорский В. Указ. соч. С. 368.
12. ГААО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 49. Л. 5.
13. Там же. Д. 83. Л. 35-38.
14. Там же. Д. 205. Л. 1-2.
15. Там же. Д. 236. Л. 3, 41.
16. Там же. Д. 135. Л. 1-10.
17. Там же. Д. 173. Л. 1-9.
18. Там же. Д. 424. Л. 1-20.
19. Там же. Л. 40-54.
20. Там же. Д. 285. Л. 1-6.

УДК 630*.574

К ОЦЕНКЕ БИОСФЕРНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛЕСНЫХ ЭКОСИСТЕМ ПРИТУДРОВОЙ ЗОНЫ

Цветков В.Ф. Бровина А.Н.

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Архангельск, vftsvetkov@yandex.ru, brovinaa@rambler.ru

В числе лесных проблем на российском Крайнем Севере остаются вопросы сохранения притундровых лесов, лесов Субарктики. То обстоятельство, что еще с советских времен Крайний Север России остается «малозначащей окраиной», не принижает роли пространств Севера в поддержании экологической безопасности не только региона, но и Европейского Севера России в целом.

Необходимо принимать во внимание, что лесная (древесно-кустарниковая) растительность на Крайнем Севере является своеобразным каркасом для функционирующих экосистем любых масштабов: от мелких группировок, социумов, парцелл и ассоциаций до лесных массивов, провинций и выше. Обладая наибольшей фитомассой, наибольшими запасами живого вещества, лесная растительность образует главные вещественные и энергетические потоки в экосистеме, обеспечивает среду обитания для сотен видов животных и растений, связывая их в «клубки» продуцирующих биогеоценозов.

Существенно, что лесная растительность, вместе с экосистемами других типов обеспечивает жизненный уклад коренных малочисленных народов Севера. Уклад этот выверен веками и эволюционно-исторический приспособлен к природе Крайнего Севера к условиям среды, близким к экстремальным для человека. Этот жизненный уклад, называемый сегодня традиционным образом жизни саамов, ненцев, ханты, манси и других этносов не может обеспечить никакая другая природная среда, даже высокопродуктивная и комфортная (с позиций цивилизации). Известно, что предпринимаемые попытки приобщить этносы малочисленных народов Севера к цивилизации всегда заканчивались для них плохо.

Все это выводит экологическую среду Субарктики на особое место в масштабах биосферы на любом уровне ее организации. Очень важно оценить этот потенциал числом и мерой. Оказалось, что это не так просто. Значимость таких оценок для биоты региона существенно возрастает в связи с расширяющейся экспансией пространств Крайнего Севера, тяжелыми отраслями промышленности. Явление это означает исключительно высокие экологические риски, реальную опасность утраты единственно приемлемой для региона среды обитания. Сегодня в общественном мнении людей растет уверенность, что

наращивание техногенного пресса – это неотвратимое бедствие для лесной растительности Субарктики, а значит – реальная угроза ухудшения экологического благополучия всей биоты, в том числе - бедствие для этносов Крайнего Севера.

Представляется интересной попытка использовать для оценки так называемого «биосферного потенциала» лесов притундровой зоны результаты исследований ресурсоведов, лесоводов, экологов, специалистов по оценке продукционно-энергетических параметров экосистем, а также известных работ ученых в области эмпирической и расчетно-умозрительных оценок функционирования и устойчивости экосистем. Все это явилось целью настоящих исследований.

Важно, что критерии, выявленные на основе использования комплексов продукционного, физиологического, энергетического и др. порядков, позволят объективно сопоставлять экологические функции и полезности самых разных по географии лесных экосистем, в т. ч. с условными эталонами.

Объектом оценки ряда критериев биосферного потенциала экосистем выбран полигон, представляющий притундровую подзону в районе Беломорско-Кулойского плато (Архангельская область; ориентировочно с координатами $65^{\circ} 40'$ - $65^{\circ} 42'$ С.Ш. и $42^{\circ} 20'$ В.Д.). Это условный прямоугольный участок 2,0 км x 6,75 км площадью 1350 га.

Лесоводственно - геоботаническая характеристика экосистем полигона взята с Геоботанической карты Института географии АН СССР. Площади, запасы стволовой массы и средние приросты оценивались по лесотаксационным данным Ручьевского лесничества Мезенского района, куда входит рассматриваемый полигон (таблица 1).

Лесной покров полигона представляют 15 совокупностей еловых с сосной и березой, смешанного состава сосновые старовозрастные редкостойные среднелесия и редколесия, типичные для района Беломорско-Кулойского плато, с показателями типичными для притундровой Онежско-Архангельской притундровой провинции.

Определенное разнообразие вносит присутствие нескольких контуров относительно высокопродуктивных сосновых и лиственничных высоколесий (IV-V классов бонитета), приуроченных к карбонатным почвам (на выходах известняков, гипсов и мергелей). Представлено четыре контура ерниковых и сфагновых, верховых болот. В остальном лесные экосистемы типично притундрового облика; средний класс бонитета V,9.

Характеристика ведущих показателей биосферного потенциала экосистем полигона рассчитывались на материалах компиляции разработок ведущих специалистов по вопросам продукционной и фитоценотической структуры фитомассы и продукционных параметров насаждений (см. сноску в таблице и список литературы: 1,7,8,12 и др.).

Первым показателем биосферной роли экосистем выбран критерий экологического потенциала, предложенный учеными АН СССР Бугровским и др. [4], рассчитываемый как произведение запаса фитомассы на ее прирост ($t^2/га^2$), обозначенный авторами в честь академика С.С. Шварца его именем: «шварц» ($t^2/га^2$). Известно, что академик С.С. Шварц был убежден, что именно такой показатель обеспечивает выравнивание различий в возрастах древостоев.

По аналогии со шварцами В.В. Бугровским и др. при оценке биосферной эффективности лесных ПТК предпринята попытка использовать в качестве показателя биосферных функций – значения произведения синтезируемого насаждением O_2 на у поглощаемую величину CO_2 , обозначенную как «Нетто-Объем газообмена»: ($O_2 \times CO_2 \ t^2/га \cdot год$). Соотношение O_2 и CO_2 определялось по данным С.В. Белова [2,3] с привлечением разработок, А.В. Грищенко [5], К. Кобак, 1985; Л.Н. Рожкова, 2002; Чан Тхи Тху Нян [13].

В качестве эмпирического показателя выбран предложенный Г.А. Исаченко [6] балл экологического потенциала экосистем. Разработанная известным экологом шкала предназначена для дифференциации продукционно-энергетического потенциала экосистем Русской равнины, в рассматриваемом случае она охватывает лишь зону самой низкой продуктивности, поэтому потенциал этой шкалы не был полностью задействован. Тем не

менее характер связи баллов экологической эффективности экосистем с ее фитомассой кажется вполне убедительной.

Автор считал уместным опробовать в качестве своеобразного показателя экологического потенциала величину ПДН (Предельно Допустимых Нагрузок) для насаждений эмиссий сернистого газа и пыли тяжелых металлов. В основу положены результаты исследований автора совместно с В.И. Цветковым [11, 12], посвященных взаимоотношениям лесных насаждений центральных районов Кольского полуострова с выбросами в атмосферу указанных поллютантов крупным медно-никелевым заводом.

В общих чертах леса Мончегорского лесорастительного района (центральная часть Мурманской области) вполне сопоставимы с экосистемами рассматриваемого полигона и оценка последних в сопоставлении с экосистемами Кольской Субарктики представляется вполне корректной. Выборочно экосистемы полигона с оценками предполагаемых ПДН токсикантов в сопоставлении с насаждениями Кольского полуострова выглядят следующим образом.

Таблица 1.

Продуктивность, структура и экологический потенциал лесных экосистем на полигоне, представляющем притундровую подзону в районе Беломорско-Кулойского плато (65° 40' - 65° 42' С.Ш. и 42° 20' В.Д.)

№	Типы экосистем, комплексов урочищ	Площадь, га	Класс бонитета	Продуктивность* т/га, всего тонн		Экологический функциональный потенциал		
				запас фитомассы	прирост т/год	Бал экологического потенциала по А.Г. Исаченко	По Бугровскому и др., т ² /га ² , всего (шварцы)	Объем газообмена, O ₂ x CO ₂ т ² /га, год
1	Сосново-еловые лесотундрового вида редкостойные среднелесья и мелколесья сфагнового типов (2 контура)	70	Vб	143 10010	2,2 154	6 420	314,6 22022	11,1 777
2	Среднеполнотные среднетаежного вида, сосновые высоколесья с Е, Б зеленомошными типов в урочищах средних частей западных склонов (3 контура)	110	IV	180 15400	4,6 506	9 990	828 19800	23,3 2565
3	Березово-еловые редколесья лесотундрового вида, долгомошно-осоковые;- урочищ террас (2 контура)	80	Vб	87 2960	2,2 176	5 400	191,4 15312	11,4 912
4	Урочища заболоченных редколесий сосны с фрагментами мелколесий ивы и	70	V б	2,0 140	80 5600	3 210	160 11200	10,15 710,5

	ивняковых ерников, травяно-болотного ТЛУ (6 контуров)							
5	Сосновые с Б и Е среднесомкнутые среднелесья зеленомошного, травяного ТЛУ (3 контура)	120	IV-V	190 22800	3,5 420	9 1080	665 79800	17,4 2088
6	Сосново-елово- березовые редколесья лесотундрового вида, долгомошные, кустарничковые, осоко-сфагновые (3 контура)	50	V6	74 2200	2,4 120	5 250	177 8880	6,80 340
7	Березняки редкостойные лесотундрового вида долгомошные кустарничково- лишайниковые типы ТЛУ – группа урочищ невысоких террас по берегам озера (4 контура)	210	V a	85 17850	2,8 2104	5 1950	238 49980	14,80 3108
8	Сосновые с Е, Б заболоченные редколесья северотаежного вида сфагнового ТЛУ; урочище низменной заболоченной заозеренной равнины с отметками 40-50м (2 контура)	40	V6	69 2760	2,1 84	4 160	145 6796	9,90 396
9	Сосновые с Е и Б редкостойные насаждения северотаежного вида, среднелесья, долгомошные и кустарничково- долгомошные; комплекс урочищ низменной равнины с отметками 80-100 м (4 контура)	120	V	90 10800	4.6 384	7 840	414 4980	14.4 1728
10	Еловые с Б, С северотаежного вида редкостойные среднелесья зеленомошного типа условий произрастания –	170	V	88 14960	3,1 527	7 1190	272.8 12376	13,60 2312

	комплекс урочищ средних частей запад (3 контура)							
11	Еловые с С, Б редкостойные насаждения северотаежного вида среднелесья, долгомошные и кустарничково- долгомошные кустарничковые; урочищ низменности	100	V	85 8500	3,4 340	6 600	289 28900	13,80 1380
12	Еловые с С, Б редкостойные северотаежного вида среднелесья, долгомошные и кустарничково- долгомошные, кустарничковые (комплекс равнинных урочищ; 5 контуров)	40	V-IV	138 5520	5,0 200	10 400	690 27600	18,00 720
13	Еловые с С, Б редкостойные северотаежного вида среднелесья, долгомошные и кустарничково- долгомошные, кустарничковые (комплекс равнинных урочищ; 5 контуров)	120	V	82 9840	3,2 384	6 720	262 31488	12,30 1476
14	Ерниковые редколесья и криволесья (2 контура)	20	-	72 1440	2,2 44	3 60	158 3168	8,3 166
15	Сфагновые верховые болота с редкой древесной растительностью (2 контура)	45	-	68 3060	2,1 99,5	3 135	143 6428	8,1 364
Среднее Итого		66 1385	V,9	80,6 141600	3,02 4018	5,88 8005	306 21686	13,7 19042

*Компиляция по материалам (Геоботаническая карта Европейской части РФ. Институт Географии АН СССР, 1976; лесотаксационных материалов по Ручьевскому лесничеству, монографии и статьи (Родин, Базилевич, 1965; Сукачев, 1967; Казимиров, 1971, 1995; Семенов, Чертовской, 1971; Казимиров Н.И., 1971, 1995; Казимиров, Митруков, 1978; Бобкова 1974, 1981; Бобкова, Галнеко, 1972; Базилевич Н.И. 1993; Усольцев 2001, 2004; Цветков В.Ф., 2002; Цветков, Сурина 2004 и др.).

Ерниковые редколесья и верховые сфагновые болота вместе с лишайниковыми борами водоразделов, представленные в обоих пунктах, характеризуются самыми низкими

значениями: по SO₂ - 15-17 кг/га, по сумме металлов (Ni+Cu + CO) - 31-33 кг/га. Еловые с Сосной и Березой, Сосновые с Березой и Елью, Березовые с участием Е и С мелкокося, кривокося кустарничковых, долгомошных, багульниковых ТЛУ с бонитетами Va - Vб характеризовались нагрузкой SO₂ 18-21 кг/га, суммой металлов 35-42 кг/га. Самыми высокими значениями на Кольском полуострове отличаются Ельники, Сосняки и Березняки травяных и, приручейных и папоротниковых ТЛУ. Этим насаждениям по толерантности к токсикантам будут близки Сосняки с Лиственницей и Лиственничники с Сосной и Елью травяных черничных и логовых типов условий произрастания IV класса бонитета. Насаждения этого типа выдерживают нагрузку SO₂ 28-32 кг/га, сумм металлов – 45-49 кг.

Предпринята попытка использовать в качестве своеобразного (*логистического*) климатозащитного показателя биосферной составляющей лесных экосистем их *виртуальное* трансформирующее воздействие на атмосферные фронты через транспирацию и эффективное излучение. Нет сомнений, что ведущим механизмом трансформирующего (преобразующего) воздействия лесных экосистем на климат Субарктики является транспирация растительным покровом огромных масс влаги, формирующая вместе с теплом инфракрасного излучения масштабные процессы турбулентности. Эти процессы не могут не оказывать трансформирующего воздействия на арктические потоки воздушных масс и таким образом смягчать их влияние на климатические условия огромных пространств.

Оказалось, что все представленные в таблице 1 испытываемые показатели биосферного потенциала плохо согласуются между собой и с запасом фитомассы анализируемых экосистем. Сказались, по-видимому, принципиальные различия в формационной, фитоценотической и лесотипологической характеристиках сопоставляемых объектов и малые объемы исследований. Обобщенная характеристика параметров экосистем в свете их биосферных функций приведена в таблице 2.

Таблица 2.

Критерии биосферного потенциала экосистем полигона

Критерий	Показатели			
	Единицы измерения	Среднее	Изменчивость	Сумма на полигоне
Фитомасса	т/га	80,6	30-140	141600
Прирост	т ² /год	3,02	2,1- 4,6	4018
Биосферный потенциал	т ² /га	306	143-828	21686
Балл экологической эффективности по Г.А. Исаченко	усл. балл	5,88	3-10	8005
Объем газообмена	т ² /га т ² /га	13,7	8,1- 23,3	19042
ПДН SO ₂	кг/га, год	24	17-36	32000
(Ni+Cu+Coj)	кг/га, год	44	21 - 49	60000
Климатозащитность (транспирация, эффективное излучение)	т/га, год	2500	1900 - 3700	3375·10 ³
	мДж/га год	14,7·10 ⁷	8,8·10 ⁷ -17·10 ⁷	19,8·10 ¹⁰

Анализ источников литературы о жизненном укладе саамов на Кольском полуострове (публикации О.И. Семенова-Тяньшанского, монография супругов Киселевых «Кольские саамы») позволили посмотреть в приближенном виде природный потенциал полигона. Лесные ресурсы полигона (фитомасса 141600 тыс. тонн и ежегодный ее прирост в размере 3,2 тысяч тонн может обеспечить нормальную жизнедеятельность одной - двух семей ненцев

со стадом оленей в 80-100 голов (включая использование древесного сырья на бытовое устройство, топливо, на сбор дикоросов, на рыбную ловлю и охоту на несколько десятков лет с допустимым ущербом для природы). К сожалению, оленьих пастбищ на полигоне для стада в 100-голов хватит лишь на 3-4 года. При этом земли после истощительного выпаса нужно выводить из категории продукционных на 40-50 лет. В том случае, когда на землях, аналогичных полигону будут работать предприятия нефтегазовой направленности или будет разрабатываться кимберлитовая трубка с алмазами, земли полигона надо будет «списывать» уже через 25-30 лет.

К сведению: продуктивность лесов полигона в 3 - 4,5 раза ниже, чем лесов Подмоскovie [9]. По данным экологов ВНИИЛМ (Серебрякова, 1971) устойчивость их к SO₂ выше, чем притундровых лесов приблизительно в 3 раза, хотя ПДК лесов в Подмоскovie выше ПДК на Кольском полуострове лишь в 2 раза.

-
1. *Базилевич Н.И.* Биологическая продуктивность экосистем Северной Евразии. М.: Наука. 1993. 293 с.
 2. *Белов С.В.* Количественная оценка гигиенической роли леса и нормы лесов зеленой зон / Методич. пособие Л. ЛенНИИЛХ. 1964. 65 с.
 3. *Белов С.В.* Оценка гигиенической роли леса // Лесное хозяйство. 1964. N. 1. С. 8-13.
 4. *Бугровский В.В., Меллина Е.Г., Пьявченко Н.И., Цельникер Н.И.* Биосферный потенциал леса // Докл. АН СССР, 1984. Т. 278. N. 2. С. 498-502.
 5. *Грищенко А.В. и др.* Крона дерева: промышленное и рекреационное использование. Львов, Вища школа. 1985. С. 135-156.
 6. *Исаченко А.Г.* Экологическая география России. СПбУ. 2003. 327 с.
 7. *Усольцев В.А.* Фитомасса лесов Северной Евразии: база данных и география. Екатеринбург. УрО РАН. 2001. 708с .
 8. *Усольцев В.А.* Фитомасса лесов северной Евразии Предельная продуктивность и география РАН. Ур. Отделение. Екатеринбург, 2003. 406 с.
 9. *Тимофеев В.П.* Леса Московской области. М. Леса СССР. Т. 2. 1966. С. 277-313.
 10. *Цветков В.Ф.* О лесоводственно-экологическом и функциональном потенциале таежных // География европейского Севера // Проблемы природопользования, социально-экономические, экологические. Сб. научн. тр. Архангельск. ПГУ им. М.В. Ломоносова. 2002. С. 163-172 .
 11. *Цветков В.Ф., Цветков И.В.* Лес и аэротехногенное загрязнение. Архангельск Арх. Центр РГО 2003. 356 с.
 12. *Цветков В.Ф. Цветков И.В.* Промышленное загрязнение окружающей среды и лес. Архангельск: САФУ. 2012. 312 с
 13. *Чан Тхи Тху Нян.* Пулы и потоки углерода в Охтинском лесном массиве (Ленинградской области) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. биол. наук по спец. «Лесоведение и лесоводство, и лесоустройство и лесная таксация». Санкт-Петербург 2012. 33 с.

ПОИСКИ ПРОПАВШИХ АРКТИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ ВЛАДИМИРА РУСАНОВА, ГЕОРГИЯ СЕДОВА И ГЕОРГИЯ БРУСИЛОВА В 1914-1915 ГГ.

О.В. Чуракова, А.Ф. Чурсанова

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносов,
Архангельск, ochurakova@yandex.ru

*Нам хотелось не клубных обедов,
а пойти, и открыть, и пропасть.*
Р. Киплинг

Поиски пропавших полярных экспедиций — тема отдельного исторического исследования. Судьба Арктики полна героических и трагических страниц, связанных с

поисковыми и спасательными операциями: избавления от опасностей экипажей терпящих бедствия кораблей, розысков пропавших без вести полярников. Известны, кроме того, ситуации, когда выручать приходилось самих спасателей. Например, в 1848 году британский корабль «Инвестигейтер» под командованием Роберта Макклера пытался найти пропавшую экспедицию сэра Джона Франклина, отправившуюся несколькими годами ранее на поиски Северо-Западного прохода из Атлантического в Тихий океан. Но корабль Макклера сам попал в ледовый плен, и члены его экипажа были спасены кораблями Королевского военного флота.

Наиболее «урожайным» по части спасательных экспедиций оказалось двадцатое столетие - «золотой век» в истории освоения арктических просторов. Начало века уже было ознаменовано экспедициями к высоким широтам и поисками пропавших в этих путешествиях полярных исследователей. В России в 1901 году императорской Академией Наук была организована Северная (Русская) полярная экспедиция под командованием барона Эдуарда Васильевича Толля. Барон Толль мечтал найти Землю Санникова. Фритьоф Нансен рекомендовал Толлю для плавания парусный барк с паровым двигателем «Харальд Харфагер». Он был куплен в Норвегии, переоборудован и превратился в баркентину, или шхуну-барк с новым именем «Заря». Экспедиция пережила в Арктике две зимовки, но затем экипаж «Зари» разделился и часть его (Э.В. Толль и три члена команды) осталась на острове Беннетта обследовать местность. Предполагалось, что «Заря» впоследствии заберет эту группу, но, поскольку судно за ними не пришло, Толль и его соратники решили передвигаться к югу самостоятельно. Вероятно, все они погибли во время перехода по льду с острова Беннетта на Новую Сибирь. В 1903 году на поиски барона Толля была отправлена спасательная экспедиция под командованием А.В. Колчака. Лейтенант Колчак действительно обнаружил следы экспедиции, но самих исследователей найти не удалось. Однако мифологическая земля Санникова известна широкой публике даже более, нежели реальные топонимы Арктики благодаря фильму, снятому в 1970-х годах на киностудии «Мосфильм» режиссёрами Альбертом Мкртчяном и Леонидом Поповым в жанре фантастики и приключений. Интересно, что актер Юрий Назаров, сыгравший в этом фильме, был героем ещё одной киноленты, где показана операция спасения людей в Арктике. Речь идет о русско-итальянском фильме «Красная палатка», снятом по материалам событий 1928 года, связанных со спасением части экипажа экспедиции Умберто Нобиле. Дирижабль «Италия», возглавляемый генералом Нобиле, потерпел крушение на пути к северному полюсу. На помощь к нему пришли спасатели из СССР, Норвегии, Швеции, Финляндии, Италии, Франции. Сам Нобиле был спасен шведским летчиком Э. Лундборгом, а остальные участники экспедиции – советским ледоколом «Красин» (интересно, что, возглавлял операцию со стороны СССР Р. Самойлович, член экспедиции В. Русанова 1912 года). Фильм, в котором играют Шон Коннери, Клаудия Кардинале, Никита Михалков, Юрий Соломин приобрел мировую известность.

Менее освещенными в художественной культуре и исторической литературе и незаслуженно забытыми (отчасти из-за драматических событий мировой войны и революций) оказались экспедиции 1914-15 годов, занимавшиеся поисками отправившихся в 1912 году в Арктику российских исследователей. Однако, они заслуживают внимания не только из-за масштабов поисков и организации, но и потому, что они проходили в период мировой войны.

На примере операций 1914-1915 гг. видно, что зачастую поисковые экспедиции планировались более тщательно и финансировались лучше, нежели снаряжались сами пропавшие суда. Как известно, экспедиции 1912 года вышли в море на кораблях, не вполне отвечающих требованиям плавания в условиях Ледовитого океана, не были снабжены радиосвязью. Кроме того, неудачи этих походов были связаны с неблагоприятной погодой и ледовой ситуацией навигаций 1912 и 1913 года: в 1912 году долго не удавалось выйти в море из-за сильных штормов, а в 1913 год в Арктике наблюдалось большое скопление полярных льдов, движущихся на север в Карском море.

История экспедиций, начавшихся в 1912 году, достаточно хорошо известна. Поход старшего лейтенанта Георгия Яковлевича Седова на судне «Св. Фока» имел своей целью достижение Северного полюса (в преддверии юбилея династии Романовых Г. Седов спешил водрузить русский флаг на полюсе). Лейтенант Георгий Львович Брусилов на судне «Св. Анна» намеревался проследовать путем Норденшельда вдоль берегов Сибири, из Атлантического океана в Тихий. В 1878–79 гг. шхуна «Вега» под руководством шведского ученого Нильса Норденшельда впервые осуществила сквозное плавание по маршруту Северного морского пути из Атлантического в Тихий океан. Брусилов мечтал проделать этот путь под российским флагом. Официальной миссией экспедиции В. А. Русанова на судне «Геркулес» была исследование полезных ископаемых, преимущественно каменного угля, на Шпицбергене. На самом же деле, заветной мечтой геолога Русанова было продвинуться как можно дальше на Восток по Великому северному пути. Осуществимы ли были планы исследователей Арктики, или правы были министерские чиновники, сделавшие заключение по поисковым операциям 1914-1915 гг., что виновны были в гибели экспедиций 1912 г. были их руководители, «легкомысленно, на свой страх и риск, пустившиеся в плавание» [1, С. 60].

Пожалуй, наиболее подготовленной к пребыванию в «стране вечных льдов» была экспедиция Г.Л. Брусилова. Судно, на котором предстояло плавание - шхуна «Св. Анна» - было уже далеко не новым, но вполне крепким. Это было бывшее военное британское судно: построено оно было в 1867 году как четырехпушечный военный корабль «Ньюпорт», затем переоснащено как исследовательское и, кстати, «Ньюпорт» первым прошел по Суэцкому каналу при его открытии в 1869 году. У британского адмиралтейства шхуну выкупил сэр Аленг Юнг, назвав её «Пандорра II» в честь своей предыдущей яхты, участвовавшей в поисках следов экспедиции Франклина. Затем яхту перекупил Либурн Пофан, изменил ее имя на «Бленкарта» и укрепил её: сделал тройную дубовую обшивку бортов, заменил двигатель на более современный. Судно вполне успешно участвовало в экспедициях по Арктике. Его длина составляла 146 футов, ширина - 25 футов 5 дюймов. Именно в таком виде приобрёл её Георгий Брусилов для нужд своей экспедиции. Имя «Святая Анна» корабль получил в честь небесной покровительницы главного инвестора похода – Анны Николаевны Брусиловой, тетки Георгия Львовича. А.Н.Брусилова выделила на предприятие (Г.Л. Брусилов организовал семейный зверобойный промысел) 90 тысяч рублей. На эти деньги и была куплена шхуна. Прогнозы в период отправления «Св. Анны» были вполне оптимистичны: «Корабль прекрасно приспособлен для сопротивления давлению льдов и в случае последней крайности может быть выброшен на поверхность льда» - писала газета «Новое время» [2, С. 20]. «Св. Анна» вышла из Петрограда 28 июля (10 августа) 1912 года и, обогнув Скандинавию, зашла в город Александровск пополнить запасы воды, угля, продовольствия и забрать последних членов экипажа. Следует отметить, что из 24 человек на борту шхуны оказалось только 7 профессиональных моряков. 28 августа (10 сентября) она покинула Екатерининскую гавань и взяла курс на Югорский Шар — ворота в Карское море. К октябрю 1912 года «Св. Анна» продела путь до Ямала и там, в восьми милях от берега, была зажата льдами, а затем вмерзла в них и вместе со льдом начала дрейфовать на север. Летом члены экспедиции не смогли освободиться от льдов и «Св. Анна» продолжала двигаться к северу всю зиму 1913-14 гг. Когда судно приблизилось к Земле Франца-Иосифа, штурман корабля Валериан Иванович Альбанов и 13 членов экипажа решили покинуть его. Судьба тех, кто не покинул корабль, в том числе начальника экспедиции Георгия Брусилова и не оставившей заболевшего начальника экспедиции медицинской сестры Е. Жданко неизвестна и по сегодняшний день.

Из той части партии, что покинула 10 апреля 1914 года «Св. Анну» и отправилась на юг, в живых остались штурман Валериан Альбанов и матрос Александр Конрад. Они встретились с экспедицией Седова на мысе Флора 20 июля 1914 года. Самого Седова к этому времени уже не было в живых.

Как известно, Георгий Яковлевич Седов готовился к экспедиции в сжатые сроки и на весьма скудные средства. Он сумел купить старую двухмачтовую парусно-паровую шхуну -

бывшее норвежское зверопромысловое судно «Гейзер» 1870 года постройки. Шхуна принадлежала Мурманской научно-промысловой экспедиции. Кораблю дали имя «Святой великомученик Фока», но после выхода в море Г. Седов переименовал шхуну в «Михаила Суворина». Отремонтировать судно не удалось, часть продовольствия и оборудования из-за малой вместимости корабля пришлось оставить на берегу. Радиостанцию не стали брать из-за отсутствия радиста. Команда также формировалась наспех, не у всех был опыт арктических походов. К тому же часть экипажа списалась с судна по пути его следования. Оставшимся членам экипажа пришлось пережить две зимовки, голод, ледовый плен, но, тем не менее, именно этот корабль, уже частично разобранный на дрова, сумел вернуться из экспедиции.

Опытным полярником был Владимир Александрович Русанов, проводивший в 1907 году геологическое обследование Новой Земли, а в 1910-1911 гг. топографическую съемку архипелага. Профессионалами были и его соратники: горный инженер Р. Л. Самойлович, зоолог З.Ф. Светош, геолог Жюльетта Жан (она к тому же была студенткой медицинского факультета Сорбонны). Команда состояла из 8 опытных моряков.[3, С. 7]. Потомственным помором был и капитан судна океанограф А.С. Кучин, известный своим участием в экспедиции Р. Амундсена. В Норвегии, после возвращения «Фрама» из легендарного похода в Антарктику Александр Кучин был представлен в Норвегии королю и получил премию от норвежского правительства. Знаком был Александр Степанович и с Фритьофом Нансеном. Возможно, Нансен намеревался пригласить Кучина в очередной свой поход, и тогда судьба полярного путешественника была бы иной. Хорошо знали Кучина в Архангельске, он был действительным членом Общества изучения Русского Севера. В журналах этого общества печатался и Владимир Русанов. Молодые люди стали компаньонами и единомышленниками, совместно приобрели судно «Геркулес». Оно представляло собой деревянную промысловую двухмачтовую яхту (по терминологии моряков – шхуна-куттер, или тендер) длиной 73,6 футов и шириной 19,6 футов, построенное в Норвегии. Однако, как полагал отец А. Кучина Степан Кучин, опытный мореход, судно не отвечало своему названию и позднее специалисты признали, что оно предназначалось для летнего промысла во льдах, а не для зимовки в высоко-полярных широтах[3, С. 7].

26 июня (9 июля) 1912 года шхуна «Геркулес» вышла из гавани Александровск-на-Мурмане, взяв курс на архипелаг Шпицберген. В. Русанов писал: *«все хорошо подготовлено. Если нас затрет льдом, беспокоиться нечего, - отлично перезимуем: мы очень хорошо снаряжены всем необходимым - едой, одеждой, оружием. Льдов нечего бояться: судно крепкое, уже испытанное во льдах. Запасов заготовлено на полтора года... Будьте спокойны за нас»*[4, С. 50].

Экспедиция выполнила программу исследований на Шпицбергене за месяц, в столицу были отправлены Р. Самойлович и З. Светош с отчетами, а В. Русанов с соратниками намеревались вначале добраться до острова Уединения и к мысу Челюскина для океанографических и геологических исследований, а далее следовать на восток как можно дальше. С Маточкина Шара (Новая Земля) Русанов послал на материк телеграмму: *«Иду к северо-западной оконечности Новой Земли, отсюда на восток. Запасов на год. Все здоровы»*. [3, С. 52]. Далее судьба экспедиции точно не известна; позднее были найдены доказательства, что в 1913 году кто-то из членов экипажа «Геркулес» был еще жив.

Неизвестность судеб экипажей трех экспедиций, вышедших летом 1912 года в Арктику, вызвала беспокойство в обществе. В газеты и официальные учреждения шли письма и запросы. В 1914 году вопрос о необходимости организации поисковых экспедиций был поставлен в Императорском Русском географическом обществе [3, С. 16.]. Сорок членов общества обратились в Совет РГО с просьбой «взять на себя инициативу в деле организации помощи» пропавшим экспедициям, так как «всякое промедление в этом деле может иметь самые печальные последствия». Председатель РГО П.П. Семенов-Тянь-Шанский обратился к министру внутренних дел Н.А. Маклакову с призывом «спасти и тем самым возвратить Отечеству энергичных честных работников для дальнейшей деятельности».

Выполнение задачи поисков пропавших экспедиций было возложено на Главное гидрографическое управление морского министерства России. [5]. В 1914 г. были организованы несколько экспедиций. Западная группа спасателей использовала четыре судна: барк «Эклипс» (под командованием Свердрупа должен был попытаться пройти Северо-Восточным путем), пароход «Печора», паровые шхуны «Герта» и «Андромеда», – три последних корабля должны были искать следы экспедиций в районе Новой Земли и Земли Франца-Иосифа. Экспедицию на шхуне «Герта», которой предстояло идти на поиски Седова, возглавил офицер Главного гидрографического управления Исхак Ислямов.

Пароход «Печора» являлся вспомогательным, в частности, доставил на Новую землю гидроплан, военного летчика поручика Я. Нагурского и механика Е. Кузнецова. Два гидроплана специально были заказаны в 1914 году в Париже для спасательных работ. Инициатором использования авиации в поиске экспедиций выступил начальник Главного управления Морского министерства генерал М.Е. Жданко – дядя пропавшей в Арктике вместе с Г. Брусиловым медицинской сестры Е. Жданко. К сожалению, не имевшие опыта полетов в условиях Арктики и соответствующего снаряжения летчики не смогли принять участие во всех поисковых операциях, но Ян Нагурский впервые поднял в небо Арктики самолет, облетел берега Новой земли и, по некоторым сведениям, именно он нашел рапорт Г. Седова в Морское министерство.

В июле 1914 года от «Андромеды», которая начала поиски на Новой Земле, пришла радиограмма с сообщением о том, обнаружена записка, оставленная Седовым во время первой зимовки. Из нее следовало, что в августе 1913 года Седов ушел к островам Земли Франца-Иосифа, откуда был намерен идти к полюсу. «Андромеда» осталась продолжать поиски, а «Герта» взяла курс на мыс Флора (архипелаг Земля Франца-Иосифа). Интересно, что «Герта» разминулась с возвращавшимся «Св. Фокой» («Михаилом Сувориным»), но на мысе Флора Ислямов нашел в промысловой избушке две записки. В одной говорилось о смерти Седова. Другая записка, оставленная В.И. Альбановым, содержала сведения о судьбе судна «Св. Анна» [3, С. 19-20]. У спасателей возникло предположение, что, осознавая безысходность дрейфа, Брусилов и те, кто еще оставался на «Святой Анне», покинули судно, и по льду отправились к берегу. Шхуне «Герта» было поручено осмотреть берега архипелага Шпицберген. В сентябре 1915 года «Герта» прибыла в Архангельск без каких-либо новых результатов.

Для поисков Брусилова и Русанова спасатели использовали крупное промысловое судно - барк «Эклипс». Он был построен в 1867 году в Шотландии, сделан из дуба и имел ледовую обшивку из грин-хирта (очень твердого американского дерева) [6, С. 192]. Все снаряжение экспедиции было произведено в Норвегии, под наблюдением Л.Л. Брейтфуса. Экспедицию возглавил известный полярный исследователь капитан Отто Свердруп. Барк «Эклипс» прибыл в Александровск в первые дни мировой войны и из-за начавшегося международного конфликта произошла задержка: немец радист был интернирован и на «Эклипс» был передан русский радиотелеграфист Дмитрий Иванов. «Эклипс» установил связь с Югорским Шаром, сообщил сведения о себе и взял курс на восток. Но после того, как корабль оказался севернее Ямала, связь с ним ослабла и 11 (24) августа 1914 года прекратилась на полгода.

Кроме того, летом 1914 года отправилась в плавание гидрографическая экспедиция под руководством капитана 2-го ранга Бориса Вилькицкого на двух кораблях «Вайгач» и «Таймыр». Им предстояло впервые в истории пройти по Северному морскому пути с востока на запад и помочь в поисках пропавших полярников. Но в Северном Ледовитом океане радиосвязь с кораблями прервалась. К концу 1914 года ни от «Эклипса», ни от «Таймыра» с «Вайгачом» не было никаких сообщений [5].

Радиограмма от «Эклипса» пришла в Петроград 7 (20) января 1915 года. «Эклипс» передал свои координаты и сообщил, что экспедиция Вилькицкого находится в тяжелом состоянии: корабли имеют повреждения корпуса, кончается уголь, появились больные. На пути в Архангельск Свердруп осмотрел острова и побережье, но никаких следов экспедиции

Русанова не нашел [3, С. 20.].

В 1915 году в Петрограде в типографии Морского Министерства, находящейся в главном Адмиралтействе, был напечатан отчет главы гидрометеорологической части Л.Л. Брейгфуса «Северные полярные экспедиции 1912 года и их поиски. Обзор деятельности экспедиций: старшего лейтенанта Седова, лейтенанта Брусилова, геолога Русанова и лейтенанта Шредер-Штранца». В отчете были подробно изложены цели и задачи экспедиций, которые предстояло найти, приводились данные об их составе, снаряжении, арктических маршрутах, значении. Подробно был изложен отчет по организации поисковых экспедиций 1914 года, и дан план на 1915 год. Весь документ пропитан надеждой на позитивные результаты. В частности, описано прекрасное снаряжение поисковых судов, которые были снабжены новейшим оборудованием и даже беспроводным телеграфом.

В 1915 году в обстановке мировой войны операции по спасению экспедиций были приостановлены, но, благодаря протестам общественности, О. Свердрупу было поручено продолжить поиски. На этот раз «Эклипс» добрался до острова Уединения, но никаких следов Русанова и там не нашлось. В 1916 году в той же типографии Морского Министерства в Петрограде был опубликован еще один отчет о поиске пропавших экспедиций. Он был подготовлен врачом поисковых экспедиций И. Тржемесским и озаглавлен «Экспедиция на «Эклипс» для поисковых экспедиций лейтенанта Брусилова и геолога Русанова. Предварительный отчет». Источник повествует подробнейшим образом о том, как был снабжен экипаж «Эклипс» для поиска пропавших экспедиций и как шли сами поиски на побережье Северного Ледовитого океана. Спасатели прошли от устья реки Енисея до мыса Челюскина, побывали на острове Уединения и на восточном побережье северного острова Новой Земли. Увы, данные действия не имели результатов. На следующий год поиски пропавших экспедиций прекратились. Специальная комиссия, созданная при Архангельском обществе по изучению Русского Севера, официально сообщила: «Надежды никакой иметь уже нельзя».

И лишь спустя годы были найдены и обозначены места стоянок экспедиций, о чем неоднократно сообщала пресса и писали исследователи Арктики. Но, тем не менее, следует помнить о тех героических усилиях, которые предпринимали интернациональные команды по поиску пропавших экспедиций в период Перовой мировой войны.

1. Пинхенсон Д.М. История открытия и освоения Северного морского пути. Л.: Морской транспорт, 1962.

2. Чванов М.А. Загадка штурмана Альбанова. М.: Мысль, 1981.

3. Брейтфус Л.Л. Северные полярные экспедиции 1912 года и их поиски. Обзор деятельности экспедиций: старшего лейтенанта Седова, лейтенанта Брусилова, геолога Русанова и лейтенанта Шредер-Штранца / Отдельный оттиск из «Записок по Гидрографии» т. XXXIX, вып. 2. Петроград: Типография Морского Министерства, в главном Адмиралтействе, 1915.

4. Русанов В.А. Статьи, лекции, письма: литературное наследство выдающегося русского полярного исследователя начала XX века. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути. 1945.

5. Трибельский Д., Трибельский И. Радиопоиск исчезнувших экспедиций // Вокруг Света. 1990. № 6. [Эл. Ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/5619/> (дата обращения: 13. 04. 2013).

6. Визе В.Ю. Моря советской Арктики. Л.: Изд-во Главсевморпути. 1936.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕТИ КАРСТОВЫХ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ТЕРРИТОРИИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Е.В. Шаврина

ФГБУ «Государственный природный заповедник «Пинежский»,
пос. Пинега, elenashavrina@mail.ru

Поверхностный карст и пещеры Архангельской области обладают значительным экономическим, эстетическим, научно-информационным и спелеоресурсным потенциалом и относятся к категории невозобновимых природных ресурсов. Широко развиты подземные и поверхностные формы карстового рельефа, в результате сочетания которых формируются неповторимые карстовые ландшафты. Их уникальность связана с развитием в условиях длительного воздействия материковых оледенений и многолетней мерзлоты. По литологическим предпосылкам выделяются карбонатный и сульфатный типы карста. Общая площадь карстующихся пород превышает 100 тыс. км².

Наиболее интенсивно карст проявляется в районах выходов сульфатных пород, преимущественно в Пинежском и Холмогорском районах. Развитие карста приурочено к гипсо-ангидритовой толще нижней перми, а также к огипсованной пачке уфимских красноцветов верхней перми. Здесь представлены все типичные формы поверхностного карста, встречающиеся в других карстовых регионах мира: карры, воронки, западины, рвы, котловины, цирки, овраги, суходолы, карстовые озера. Выявлены редкие и уникальные формы карста, связанные с ледниковыми процессами: борозды, полигенетические лога (карстово-гляциальные долины), шелошняковые поля, польеобразные депрессии. Имеются уникальные остаточные формы – гипсовые останцы и башни. К поверхностным формам карста относятся также и гидрологические объекты: исчезающие ручьи и реки, карстовые озера и источники. Величина площадной поверхностной закарстованности составляет до 500-700 форм на 1 км², на участках максимального развития она превышает 1500 форм на 1 км², что является экстремально высоким значением для территории Европейской России [1].

К началу 2014 г. на территории Архангельской области открыто 470 пещер, суммарной протяженностью свыше 133 км, 25 крупнейших пещер имеют протяженность свыше 1 км. Большинство пещер находятся на Пинежье. Плотность пещер здесь максимальна для Европейского Севера и составляет от 0,1 до 2 пещер на 1 км². Пещерная система Кулогорская-Троя имеет протяженность 17,5 км, она занимает 7-е место в кадастре крупнейших гипсовых пещер мира [7] и 1-е место среди гипсовых пещер России.

В подземном рельефе представлены все компоненты пещер горизонтального класса: каналы, туннели, галереи, залы, органые трубы. В ряде пещер имеются ручьи, водопады, действуют источники, разгружающие подвешенные воды, более редкими являются подземные озера. Ценными элементами подземного ландшафта являются как типичные, так и уникальные формы морфогенеза, сезонные и многолетние пещерные льды, карбонатные натёки, сульфатные конкреции, палеокарстовый заполнитель.

По количеству особо охраняемых природных территорий (ООПТ) развития карста Архангельскую область до последнего времени можно было считать наиболее благополучным регионом России (рис. 1, табл.1). С 1974 по 1996 годы для сохранения уникальных карстовых ландшафтов здесь были созданы ООПТ федерального и регионального значения: Пинежский заповедник, заказники Голубинский, Чугский и Железные Ворота. Статус памятника природы был придан ряду ценных и наиболее доступных для массового туризма пещерам. В результате такого подхода 285 пещер, а это более половины пещер открытых в пределах области, расположены на охраняемых территориях.

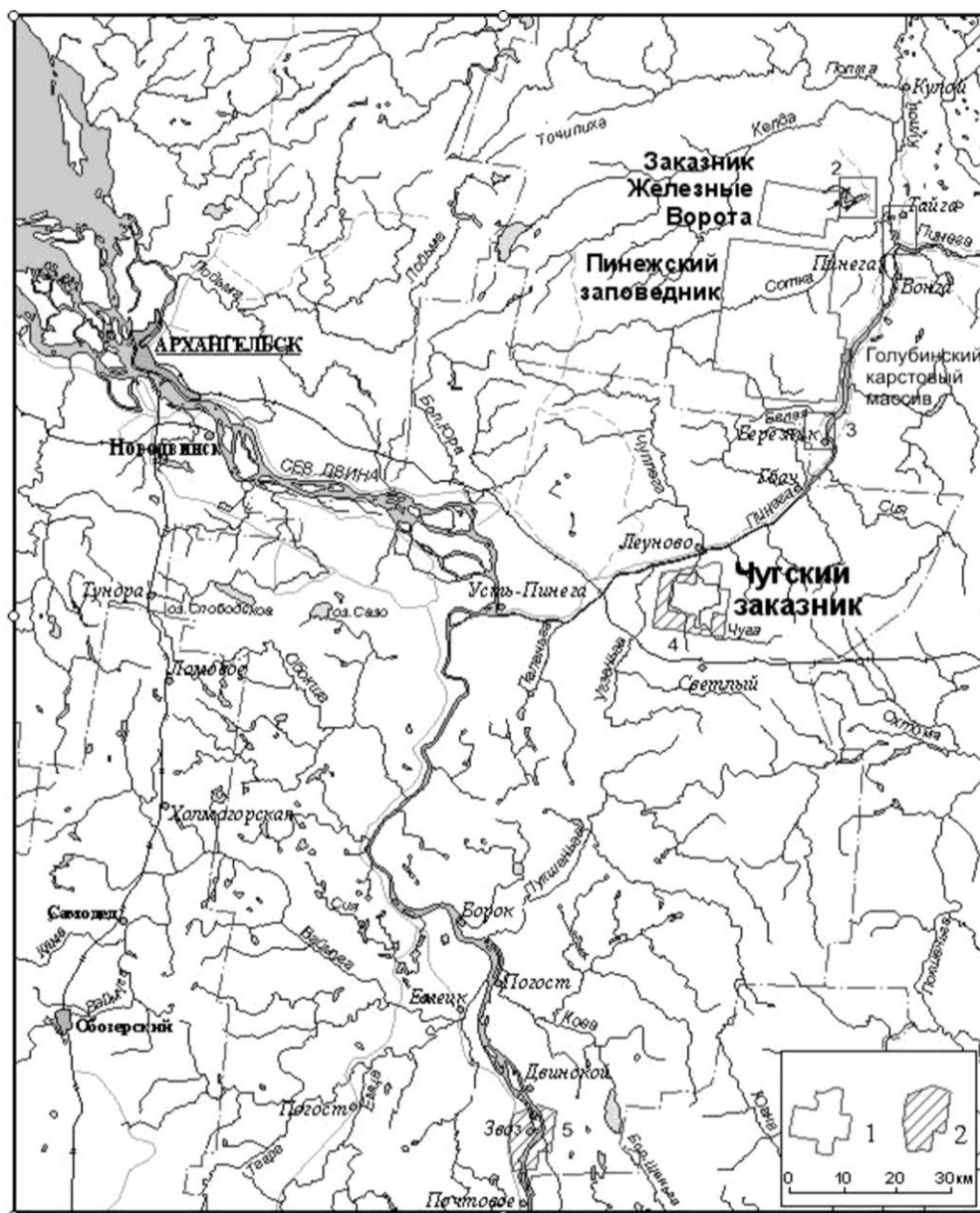

Рис.1. Схема существующих и предлагаемых карстовых особо охраняемых территорий Архангельской области. Масштаб 1:1000000.

Условные обозначения: 1-существующие карстовые охраняемые территории; 2- территории, для которых необходим режим особой охраны. Цифрами на схеме предлагаемые территории:

1. Кулогорский карстовый массив; 2. Карасозерская польеобразная депрессия; 3. Березниковский карстовый массив; 4. Чугский заказник (расширение); 5. Природный парк Звездский.

В 2005 году был закрыт Голубинский заказник, большая часть пещер и ценных объектов поверхностного карста входят в охранную зону заповедника. Наиболее доступный для посещения участок территории с крупными пещерами и уникальными поверхностными формами карста, ранее входивший в заказник Голубинский в 2007 году получил статус памятника природы (ПП) «Голубинский карстовый массив».

Суммарная площадь карстовых ООПТ в Архангельской области составляет 98375,4 га или около 1000 км². Это около 0,1% от площади карстующихся пород и 0,03 % от общей площади области (без НАО и Арктических островов).

Наиболее качественно охраняемой карстовой ООПТ Архангельской области является заповедник Пинежский. Однако режим его охранной зоны не позволяет, к сожалению, предотвратить антропогенной нагрузки при развитии туризма. Кроме того, с начала XXI века

для ряда карстовых ООПТ области возник ряд дополнительных проблем, требующих неотложного решения. Они вызваны увеличением объемов лесоразработок, в том числе и незаконных, негативным воздействием добычи полезных ископаемых, а также неконтролируемым ростом рекреационных нагрузок.

Таблица 1

Карстовые особо охраняемые природные территории Архангельской области

Название и статус* особо охраняемой территории развития карста	Год создания	Площадь, га	Количество пещер	Объект охраны
Государственный природный заповедник «Пинежский», Ф охранный зона	1974	51890	105	Охраняется весь природный комплекс территории
Государственный геологический заказник «Железные Ворота», Р	1997	30587	35	
Государственный ландшафтный заказник «Чугский», Р	1991	8074	35	Охрана пещер и поверхностного карста
Государственный ландшафтный заказник «Чугский», Р	1996	7970	100	Охрана пещер и поверхностного карста
Памятник природы «Голубинский карстовый массив», Р	2007	210	9	Охрана пещер и поверхностного карста, редких видов биоты
Пещерная система Кулогорская-Троя, Р	1987	50,8	3	Система пещер длиной 17500 м
Пещера Водная (К-4), Р	1987	6,6	1	Пещера длиной 2650 м
Пещера Кулогорская-5, Р	1987	17	1	Пещера длиной 2035 м

* – статус особо охраняемой территории: Ф – федеральный; Р – региональный.

В Архангельской области, как и во всей нашей стране, растет интерес к «внутреннему» туризму, в том числе и к туризму спелеологическому. За последние 20 лет плотность туристического потока возросла на два порядка. По самым заниженным оценкам, для Голубинского карстового участка она составляет до 30-40 тыс. экскурсантов в год. Спрос определяет предложение, что, к сожалению, не гарантирует качества спелеотуристических услуг. На примере Архангельской области можно оценить беспредел, происходящий при проведении экскурсионной работы в пещерах. В настоящее время, здесь действует один крупный туроператор – ООО «Голубино» и ряд мелких туристических фирм и частных организаторов краткосрочных выездов в пещеры. При проведении экскурсий отмечается пренебрежение правилами безопасности: в оборудовании пещер, соблюдении безопасных сроков посещения, за пределами по количеству экскурсантов групп (до 30-40 человек), а часто крайне слабая подготовка экскурсоводов [6]. Особенно критично риск для туристов возрастает в обвалоопасные периоды, поскольку рекомендации по безопасности просто не учитываются туроператорами.

Большинство пещер Архангельской области расположено вдали от крупных промышленных центров и достаточно надежно охраняются самой природой. Для крупнейшей пещерной системы территории Кулогорская-Троя защитой является высокий уровень обводненности, основная ее часть проходит в гидрокостюмах. Однако для немногочисленных легкодоступных пещер существует целый ряд проблем, которые требуют безотлагательного решения. Прежде всего, высокие нагрузки приходятся на пещеры Голубинского и Березниковского карстовых участков, вследствие их доступности в техническом отношении и наиболее широкой известности.

Кроме турбазы «Голубино», формально «организованные», а по сути бесконтрольные и сомнительные по качеству как информативности так и безопасности, экскурсии в пещеры организуются многочисленными туристическими фирмами и фирмочками. В районе п. Голубино в настоящее время массово посещаются мониторинговые пещеры, а также необорудованные пещеры, имеющие как обвалоопасные так и технически сложные для прохождения участки. Это создает угрожающие ситуации, как для самих пещер, так и для посещающих их туристов. Вытаптывание почвенно-растительного покрова в карсте происходит на поверхностных экскурсионных маршрутах по у. При таком безответственном и неразумном использовании данного вида природных ресурсов происходят значительные потери качества поверхностных и подземных карстовых объектов, использующихся для экскурсионного посещения.

Наиболее критично состояние пещеры Голубинский Провал, расположенной в пределах ПП «Голубинский карстовый массив». Официальная цифра нагрузки на пещеру дается ООО «Голубино» в 10 тысяч человек в год, реально она значительно выше. За период интенсивного рекреационного использования (с 2004 года) пещера подверглась значительным негативным изменениям, приведшим к потере информационной и эстетической ценности. Наиболее опасно в настоящее время развитие запыленности пещеры, развитие плесневых грибов, а также высокий уровень обвальности привходовой зоны пещеры (рис.2). В связи с находкой уникального рачка-бокоплава амфипода *Pallasea* sp. n., являющейся самой северной находкой троглобионтных организмов в Евразии [3], избыточная рекреационная нагрузка на данную пещеру вызывает особое беспокойство. При передаче ПП Голубинский карстовый массив под охрану туристической базы «Голубино», предполагалось ведение мониторинга состояния пещеры для контроля состояния пещеры и обеспечения безопасности ее туристического использования, не проводится.

Рис. 2. Восстановление лестницы на входе в пещеру Голубинский Провал, смещенной при обвале горных пород в июле 2012 года.

Значительные антропогенные угрозы возникли в XXI веке для территории Чугского заказника. В Архангельской области разработка гипса карьерным способом (рис.3) ведется Архангельским филиалом немецкой фирмы Кнауф-гипс. Участок, расположенный у самой границы Чугского заказника был отдан под добычу гипсовых пород без учета исключительной ценности данной карстовой ООПТ. При разработке месторождения

неизбежны невосполнимые потери для всего природного комплекса заказника. Дальнейшее углубление карьера приведет к понижению уровня подземных вод, обрушению сводов пещер в трещиноватых и сильно растворимых сульфатных породах. В первую очередь будут разрушена четырехъярусная пещерная система Апрельский Узел-Синеглазка. В поверхностном карсте наиболее уязвимы шелошняковые поля, карстовые останцы и цирки. Снижение уровня подземных вод и усиление дренажа поверхностей открытого карста негативно скажется на состоянии редких видов флоры (орхидные), лиственничных массивов и уникальных почв на гипсах (сульфорендин), на территории Чугского заказника [5].

Рис.3. Гипсовый карьер расположен у границы Чугского заказника. Фото И. Бутакова.

Для полноценной охраны карстовых ландшафтов Архангельской области, сотрудниками Пинежского заповедника совместно со спелеологами г. Архангельска еще в 2007-2008 годах было предложено создание ряда новых карстовых ООПТ (рис. 1, табл. 2): Кулогорский карстовый массив; Карасозерская польеобразная депрессия; Березниковский карстовый массив, Чугский заказник (расширение территории); Природный парк Звостский [4, 5]. Предлагаемые для охраны карстовые объекты обладают высокой информационной, рекреационной и эстетической ценностью и относятся к категории невозобновимых природных ресурсов. Помимо этого они доступны для рекреационного и промышленного освоения и требуют экстренной защиты. Предварительные проекты расширения Чугского заказника и организации природного парка Звостский включены в Генеральный план развития Архангельской области на период до 2030 года. Проект расширения заказника Железные Ворота ООПТ с присоединением системы Карасозер разработан сотрудниками Пинежского заповедника в 2013 году и находится на утверждении.

В настоящее время как никогда актуальны проблемы создания ООПТ для Кулогорского и Березниковского карстовых участков. Для кулогорских пещер отсутствуют четко выделенные границы ПП, для Березниковского участка отмечается избыточная рекреационная нагрузка и опасность для жизни экскурсантов.

Кулогорский карстовый массив расположен в Пинежском районе, у дер. Кулогоры на правом берегу р. Пинеги в районе ее субширотной излучины. В массиве обнаружено 16 пещер длиной более 23 км [1]. Пещеры К-1, К-2 и Троя соединены в одну пещерную систему Кулогорская-Троя, протяженностью 17,5 км. Входы пещер расположены в подножии Кулогорского уступа, задернованного, с редкими скальными выходами, склона древней

эрозионно-ледниковой долины на участке вдоль Пинего-Кулойского канала [1]. При организации в 1987 году пещер – памятников природы, охраняемые площади были выделены в пределах, незначительно превышающих площадь самих пещер, без учета их водосборной площади (табл. 1) и зон возможного антропогенного влияния на подземные объекты.

Для полноценной охраны необходимо выделение Кулогорского массива в единую охраняемую территорию с учетом строения водосбора спелеоводоносной системы на основе существующих ПП пещер Кулогорская-1, Кулогорская-2, Кулогорская-13, Кулогорская-4, Кулогорская-5 для охраны крупнейшей в России гипсовой пещерной системы Кулогорская-Троя. Целесообразно включение в границы ПП обнажения коренных пород у субширотной излучины р. Пинеги, являющегося эталонным разрезом известняков с фауной при выделении карбонатных отложений кулогорской свиты нижнепермского возраста (табл.2).

Таблица 2

Карстовые территории Архангельской области, предлагаемые для создания особо охраняемых территорий

Территория развития карста	Район	Примечательные и уникальные объекты поверхностного рельефа	Пещеры и карстовые явления	Предлагаемый охранный статус
Кулогорский карстовый массив	Пинежский	прадолина р. Сев. Двины, Кулогорский уступ, зона субширотного перехвата рек Пинеги и Сотки, вызванная неотекто-ническим поднятием.	16 пещер с Σ длиной 22,2 км, разгрузки карстовых вод в прибортовых озерах	региональный заказник, либо памятник природы
Карасозерская польеобразная депрессия*		плоская водно-ледниковая и ледниковая равнина с системой холмов, гряд и возвышенностей и наложенным карстовым рельефом	разгрузки карстовых вод в виде концентрированных источников	расширение территории заказника Железные ворота
Березниковский карстовый массив		карстовый лог Великий, останец с пещерами и с шелошняком, скальные обнажения на р.Пинеге	50 пещер, Σ длина 8,2 км, разгрузка карстовых вод в логу и на берегу р. Пинеги	заказник либо памятник природы.
Чутский заказник ** (расширение территории)	Холмогорский	Крупные шелошняковые поля на участках открытого карста, карстовые цирки, останцы, озера	119 пещер, Σ длина > 16,8 км, поглощающиеся реки, озера	расширение территории заказника, возможен перевод на федеральный уровень
Природный парк Звонский**		каньон долины р. Сев. Двины, карры, воронки, шелошняки, котловины, провальные лога	23 пещеры с Σ длиной > 2,5 км, крупная – Двинская 911 м.	охранный статус природного парка либо заказника

* - проект разработан и находится на утверждении; ** - внесены в территориальный план развития Архангельской области.

Березниковский карстовый массив расположен на правом берегу р. Пинеги в 40 км вниз по течению от пос. Пинега близ дер. Березник. С севера массив примыкает к охранной зоне заповедника, с востока – ограничен р. Пинегой. Входы в пещеры найдены в обнажениях берега р. Пинеги и в логу Городище. Лог шириной от 100 до 200 м представляет собой замкнутое кольцо длиной около 1 км, в центре которого расположен гипсовый коренной массив – останец [2], заключенный внутри лога, системой тектонических трещин разбит на блоки, по границам которых разработаны подземные ходы нескольких полостей. Дно лога затоплено водой даже в летний период. Поверхность останца рассечена шлопняковыми образованиями. Здесь зарегистрировано 50 пещер, длина их более 8,2 км [1]. Крупные пещеры: Терещенко – 2,6 км, Северянка 1,8 км, Северная Венеция – 0,9 км.

Рис.4. Березник, экскурсанты в пещере. Фото А. Козака.

Часть пещер территории Березниковского карстового массива известна населению области и несанкционированно посещается, в том числе неподготовленными туристическими группами (рис.4). Помимо нарушения состояния подземных объектов, такие посещения создают опасность для жизни людей. Особенности обводненности и строения полостей таковы, что при посещении пещер возможны провалы льда в нижний ярус. Предложение о создании карстовой ООПТ еще в 1999 году выдвигал Е.И. Гуркало, однако в это период оно не нашло поддержки в региональных природоохранных структурах.

Для охраны карста и пещер Березниковского карстового массива целесообразно создание комплексного ландшафтного заказника либо памятника природы.

Проблемы рекреационного использования карста и пещер связаны с несовершенством законодательной базы по ведению экскурсионной деятельности в пещерах; волонтаризмом туроператоров и отсутствием достаточного количества компетентных экскурсоводов. Организации добросовестного туристического использования пещер препятствует с одной стороны, сложность получения разрешения на ведение таких работ, с другой стороны – отсутствие государственного контроля работы туроператоров [6].

Использование пещерных объектов в экскурсионных целях должно начинаться лишь после предварительного детального изучения всех мобильных компонентов, формирующих состояние подземной среды. К ним относятся: микроклимат пещеры, ее гидродинамика и гидрохимия, состав воздуха, а также развитие и характер вторичных отложений, наличие фауны и флоры. На пещеру должен быть составлен мониторинговый кадастр, отражающий состояние до начала эксплуатации. Впоследствии он может являться основой для контроля качества подземного пространства. Оптимальным было бы использование в пещерах с высоким уровнем антропогенной нагрузки оборудование сети автоматического непрерывного наблюдения, отражающей изменения подземного микроклимата, как наиболее чувствительного показателя изменений. Работа логгеров должна быть дополнена визуальными наблюдениями, фиксирующими изменения в гидрологии, гидрохимии, развитии ледяных образований, состояния водно-хемогенных отложений. Необходим контроль развития экзогенной геодинамики в пределах экскурсионного маршрута, прежде всего – в зонах возможных проявлений активизаций гравитационного процесса.

Вопросы охраны пещер в настоящее время недостаточно разработаны и в теоретическом и в практическом отношении, что уже в настоящее время приводит к значительным потерям качества подземных объектов, используемых для массового экскурсионного посещения. Эти потери могут быть медленными и незаметными, но возможны и катастрофически быстрые изменения.

В Архангельской области, как и в России в целом, потенциал карстовых территорий до сих пор не оценен по достоинству. Решение проблем карстовых ООПТ должно происходить с опережением угроз, развивающихся в современных условиях, для чего необходима координация действий законодательных и природоохранных структур на региональном и федеральном уровнях.

1. Малков В.Н., Гуркало Е.И., Монахова Л.Б., Шаврина Е.В. и др. Карст и пещеры Пинежья. М.: Ассоциация «Экост». 2001. 208 с.

2. Пещеры Пинега-Северодвинской карстовой области. Л., 1974. 192 с.

3. Чертопруд Е.С., Чертопруд М.В., Борисов Р.Р., Шаврина Е.В. Зообентос пещерных систем Припинежья (Архангельская обл.) – разнообразие фауны и экологические комплексы видов // Карстовые системы Севера в меняющейся среде. Материалы международн. конференции, посвященной 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. Голубино-Пинега, Архангельская обл., Россия. Москва, 2011. С. 109-113.

4. Шаврина Е.В., Гук Е.В. Карстовые особо охраняемые территории Архангельской области: проблемы и перспективы развития // Северные территории России: проблемы и перспективы развития. Материалы Всероссийской конференции с международн. участием. Архангельск, 2008. 4 с. На CD-диске.

5. Шаврина Е.В. Уникальные карстовые объекты Архангельской области, нуждающиеся в охране // Пещеры, Пермь, 2009. С. 101-112.

6. Шаврина Е.В. Проблемы экологической безопасности пещер Европейского Севера России // Комплексное использование и охрана подземных пространств. Сб. тезисов международн. научно-практической конференции. Пермь, 2014. С. 79-81.

7. WORLD LONGEST GYPSUM CAVES. Compiled by: Bob Gulden - September 15, 2014. <http://www.caverbob.com/home.htm>.

ПЕРВИЧНАЯ МЕДИКО-САНИТАРНУЮ ПОМОЩЬ В ГОРОДАХ АРКТИКИ: УСЛУГА ИЛИ ПОМОЩЬ?

М.Х. Шрага

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
Архангельск, moiseyshr@mail.ru

*Определяйте значения слов... и вы
избавите свет от половины его заблуждений.*
А.С. Пушкин

Сегодня российские стратегические инновации в здравоохранении вероятнее всего иллюстрируют имманентное желание нового российского государства, которое формально юридически остаётся социальным, снять с себя ответственность за охрану здоровья и переложить ее на плечи самих граждан. Генеральный директор ВОЗ д-р Маргарет Чен считала, что «Миру необходим страж глобального здравоохранения, хранитель ценностей, охранник и защитник здоровья, в том числе права на здоровье» [1]. Такими охранниками по нашему мнению логично выступают ратифицированные международные договоры, в которых закреплено такие права для всех жителей мира. В этой же роли выступают и некоторые национальные конституции, к примеру, Конституция РФ.

Б. Тобес считала правомерным использовать термин “право на здоровье”, который ей представляется наилучшим с точки зрения соответствия международным документам и соглашениям [2]. Право на здоровье по своей сути ближе всего к “праву на наивысший достижимый уровень здоровья”, о котором говорится в статье 12 Международного соглашения по экономическим, социальным и культурным правам (International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, ICESCR, МСЭСКП, 1966г.) [3].

Право на здоровье не означает право быть здоровым, но обязательно включает доступ к своевременной, приемлемой и доступной первичной медико-санитарной помощи (ПМСП) надлежащего качества. Меры по осуществлению права на здоровье включают, в т.ч. улучшение всех аспектов гигиены внешней среды и гигиены труда в промышленности «сущностное содержание». МСЭСКП предусматривает создание условий, которые обеспечивали бы всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезней. Во всех случаях право на здоровье включает наличие, доступность, приемлемость, качество системы здравоохранения. Еще в 70-е годы XX века ВОЗ начала поиски равновесия между вертикальными (ориентированными на отдельные болезни) программами и горизонтальным (ориентированным на системы здравоохранения) подходом, и была предложена концепция комплекса ценностей и принципов первичной медико-санитарной помощи (ПМСП) [4].

В этой связи большую значимость имеют ряд статей Конституции РФ (1993 г.), которыми устанавливаются права и свободы гражданина, касающихся охраны здоровья и жизни любого человека, деятельности медицинских работников (ст. 20, 21, 38, 39, 41, 42). Однако в последние два года в РФ была создана принципиально новая нормативно-правовая база развития российского здравоохранения. Эту основу составили федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29.11.2010 № 326-ФЗ (Российская газета, 2010, 3 дек) и ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (Российская газета, 2011, 23 ноября) [5]. Первый закон призван гарантировать гражданам право выбирать страховую компанию, медицинскую организацию и врача.

Второй закон, мягко говоря, вызвал разочарование. Особенностью закона является парадоксальное ограничение право граждан на здоровье так называемыми государственными медицинскими гарантиями, что не корреспондирует с духом и буквой Конституции РФ. Ожидать же устойчивого улучшения здоровья можно лишь в случае организации

целенаправленных и согласованных межсекторальных действий, что соответствует социальной модели здоровья.

ВОЗ в 1978 году разработала программу «Первичная охрана здоровья» и с тех пор ПМСП остается «притчей во языцах»! Понятия ПМСП (Primary Health Care) и первичная помощь (Primary Care) и первичная медицинская помощь (Primary Medical Care) имеют разное содержание. Идея ПМСП понималась как «зона первого контакта между человеком (семьей, общиной) и национальными системами здравоохранения», как их «неотъемлемая часть», «главная функция» и «центральное звено». Х. Малер в интервью корреспонденту "Бюллетеня ВОЗ" рассказал, как ПМСП «сбилась с пути» [6]. Он отметил, что концепция ПМСП за 30 лет была не раз неправильно интерпретирована, и этот социальный подход почти сразу же был понят неправильно. К сожалению, значение и актуальность Алма-атинской декларации и других решений не были поняты высшим руководством СССР, которое достижения советского здравоохранения восприняло как само собой разумеющееся.

Первичная медико-санитарная помощь (ПМСП) в Архангельской области оказывается на 256 педиатрических участках, 113 участковыми ВОП (семейными врачами), на 345 терапевтических участках [7]. Функционируют 4 отделения общей врачебной практики в поликлиниках Новодвинска, Северодвинска, Котласа, Архангельска, а также 55 общих врачебных практик.

В 2001 году была утверждена целевая программа "Реформа амбулаторно-поликлинической помощи введение института врача общей практики в Архангельской области на 2001-2005 годы". Департаменту здравоохранения администрации области было предложено осуществить реформирование ПМСП населению [8]. Главам муниципальных образований предложено выделить помещения для организации общих врачебных практик, а также квартиры для врачей и среднего медицинского персонала.

В новой программе «Развитие здравоохранения Архангельской области на 2013 – 2015 годы», утвержденной Постановлением Правительства Архангельской области от 12 октября 2012 г. № 462-пп была определена приоритетная цель улучшения состояния здоровья населения, повышения качества и доступности. К 2015 году оказание ПМСП в сельской местности должно было полностью переведено на систему общей врачебной практики.

Постановлением Правительства Архангельской области № 241-пп (от 28 мая 2013 г.) цели и задачи программы были еще раз уточнены. В результате наибольшее развитие институт ВОП получил в Приморском, Котласском, Вельском районах, а также Котласе, Северодвинске и Новодвинске. В тоже время нет ВОП в Верхнетоемском, Красноборском Ленском, Лешуконском, Пинежском районах, в города Коряжма и Мирный. Знаменательно их небольшое число в г. Архангельске.

Традиционно в умах клиницистов и чиновников ПМСП представляется как дешевая и примитивная форма медицинской помощи. Инновации же нового закона правомерно вызывают и другие, и более серьезные опасения. Дело в том, что ст. 33 устанавливает, с одной стороны, понимание ПМСП как основы «системы оказания медицинской помощи», включая в себя «мероприятия по профилактике, диагностике, лечению заболеваний и состояний, медицинской реабилитации, наблюдению за течением беременности, формированию здорового образа жизни и санитарно-гигиеническому просвещению населения» (п. 1). Закон подтверждает территориально-участковый принцип оказания помощи.

Но с другой стороны новый федеральный закон и Минздрав [9] оригинально устанавливают несколько видов ПМСП, что может характеризовать эти нормативно правовые акты как лишённые логики. По существу такое понимание ПМСП в большей мере соответствует таким понятиям, как: первичная медицинская помощь (Primary Care) и медицинская помощь индивидуальная (Personal Health Care), так как не соответствует целостности её сути, основы современного здравоохранения. Такая инновационная философия российских властей, по нашему мнению, не соответствует неделимости ПМСП, основной формы современного здравоохранения. Все дело оказывается в идеологии

реформирования, в неприятии российской медициной (в узком смысле слова) системного взгляда на охрану здоровья. И это, притом, что в пункте 3 главы VIII Алма-Атинской Декларации представлен широкий спектр медико-санитарных проблем, подлежащих решению именно на уровне ПМСП системы охраны здоровья [10].

Принято считать, что в настоящее время в Европе нет систем здравоохранения, которые бы не имели недостатков и это наверно так, и «почти во всех странах мира сталкиваются с проблемами роста издержек и недоступности медицинской помощи для части населения» [11]. М. Тэннер считает, что сегодня «не идет речь об отмене всеобщего медицинского страхования», а речь идет о том, что в условиях рынка требуется отход от «централизованного государственного контроля» и этот отход «следует признать преобладающей общемировой тенденцией». Но всего несколько лет понадобилось англичанам, чтобы убедиться в несостоятельности «принципа рыночной конкуренции» и здесь уже ведется борьба с неравенством в здравоохранении, внедряется принцип преемственной и взаимосвязанной работы в деятельности всех уровней и звеньев системы здравоохранения [12]. И сегодня Великобритания сохраняет приоритетность первичной ПМСП и медико-социальная помощь населению оказывается по принципу 5-ти уровней. На втором уровне (ПМСП) «примерно 90% всех медицинских услуг предоставляются врачами общей практики, которые работают по договору с национальными органами здравоохранения». Примечательно, что «изначально индивидуально практикующие врачи объединяются в группы первичной медицинской помощи и становятся членами единой команды». В команду входят ВОП, медсестры, провизоры, независимые консультанты, представители органов социальной защиты, др. Но до сих пор акцент в системе здравоохранения Англии «делается на лечение, а не на профилактику» и это исключает целесообразность в России копирования этой и всех других западных моделей здравоохранения.

Сегодня российский законодатель отступил от мирового опыта и научного понимания ПМСП. Безусловно, это шаг назад по сравнению с юридически закреплённого в 1993 году в ст. 38. основ законодательства по охране здоровья содержания первичной медико-санитарной помощи [13]. Там ПМСП устанавливалась в качестве основного, доступного и бесплатного вида медицинского обслуживания. Она включала как лечение распространенных болезней, травм, отравлений и др., так и проведение санитарно-гигиенических мероприятий и медицинской профилактики; санитарно-гигиеническое образование и проведение мер по охране семьи, материнства, отцовства и детства, и других мероприятий по месту жительства.

Квасисовременный тип общественного здоровья России является объективным указанием на необходимость проведения системной реформы здравоохранения и обязательно с учетом научного представления о содержании ПМСП. И мы разделяем мнение коллег [14], которые представляли её первой ступенью в контакте «между отдельными людьми, семьей, общиной и национальной системой здравоохранения», как систему медицинских, санитарно-гигиенических и медико-социальных служб и технологий, включающая в себя амбулаторно-поликлинические службы, скорую и неотложную медицинскую помощь, санитарно-эпидемиологическую службу, аптечную службу. С правовой же точки зрения основополагающим правом людей на охрану здоровья является их доступ к эффективной ПМСП. Без наличия этого доступа вся другая человеческая деятельность в этой сфере должна рассматриваться, как нонсенс.

И в этой связи важной и актуальной следует считать задачу, сформулированную академиком РАМН И.Н. Денисовым о единой национальной системе общественного здравоохранения, об иерархии и других фундаментальных характеристиках сложных социальных систем [15]. Логично, что главная задача реформ здравоохранения в создании деятельных социальных систем охраны здоровья населения.

Новый федеральный закон о здравоохранении призван был решить историческую задачу! Российский законодатель, выполняя волю рынка медицинских услуг, фактически

отказывается от социального подхода в здравоохранении и юридически закрепляет эту трансформацию. Действительно, и мы в этом глубоко убеждены, что нынешний кризис отечественной социальной гигиены как науки и практики здравоохранения обусловлен возвращением России в капитализм! В современной же России концепция ПМСП не смогла устоять призывам коммерциализировать медицину, исходящими от всех уровней власти, врачей-клиницистов и внедряемого массового потребительского сознания. В условиях российского рыночного капитализма она окончательно потерялась в болезнецентристской парадигме отечественного здравоохранения, и его «центр тяжести» по-прежнему находится в области лечения, приоритете «кремлевской медицины» [16]. Межсекторальное сотрудничество фактически подменено межведомственными административно-организационными мероприятиями, что плохо и недостаточно компенсирует неразвитость социальных структур российского гражданского общества.

Но следует быть объективными и признать, что и в СССР во второй половине прошлого века в условиях невостребованности идей социальной гигиены идеологии марксизма, концепция ПМСП не была принята, внедрена и достаточно популяризирована, а врачи, медсестры, другие работники здравоохранения не были в достаточной степени подготовлены для ее осознания и реализации. Мы склонны разделить мнение о том, что сегодня изменились сами имманентные цели нового российского государства, методы и формы государственного управления, а социальная гигиена трансформировалась бессистемно [17]. Не были выработаны пригодные для современного периода организационные принципы идеологии здравоохранения, а происходило ползучее и неудачное внедрение зарубежного опыта практики [18].

Мы разделяем мнение многих ученых и специалистов, в частности А.А. Лобанова [19], которые считают, что: «пора уже перестать делить медицину на государственную и частную, а считать ее просто Медициной». Действительно все учреждения здравоохранения, независимо от форм собственности, «получают лицензии по одним правилам, используют одни и те же методики, врачи сплошь и рядом одновременно работают как в государственных, так и в частных клиниках». А.В. Тихомиров наверно справедливо обосновывает концепцию «социально-ориентированной рыночной модернизации здравоохранения» [20]. И в этой связи он пишет о необходимости «ликвидировать институт бюджетных учреждений здравоохранения» [21]. Бюджетные учреждения здравоохранения должны быть преобразованы в «организационно-правовые формы автономных учреждений» с расширением «хозяйственной самостоятельности медицинских организаций». Мы разделяем мнение А.В. Тихомирова на этот счет и необходимость глубокой реформы российского здравоохранения. Однако такая реформа, очевидно, не предполагается, а вместо реализации социально-ориентированной рыночной модернизации здравоохранения вновь в России возник интерес к частно-государственному партнерству в сфере здравоохранения. Предполагается, что ГЧП станет одним из инструментов реформирования отрасли, который сделает медицинскую помощь более доступной для всех слоев населения, улучшит ее качество, а также повысит эффективность использования ресурсов здравоохранения.

По данным юридической компании Tenzor Consulting Group [22], сегодня в системе российского здравоохранения лишь 18% оказываемых услуг приходится на долю частного капитала. По мнению юриста Tenzor Consulting Group Роман Джапаридзе эти цифры говорят о недооценке использования механизмов ГЧП в области медицины, а также о слабой законодательной базе в сфере здравоохранения. Фирмой указываются наиболее распространенные схемы ГЧП в Германии, Швеции, Великобритании и Австралии.

Е.О. Тапшасханова и З.А. Мустафаева [23] выделяют, как это им представляется положительные моменты платной медицины. Как-то: рост занятости населения, налоговое пополнение бюджетов, привлечение в отрасль дополнительных финансовых ресурсов, экономия средств общественного здравоохранения, а также появление возможности для работников некоммерческих учреждений здравоохранения получать дополнительный заработок за счет оказания платных услуг или работы по совместительству в коммерческих

медицинских структурах. Авторы выделяют основные формы ГЧП в российском здравоохранении:

- создание новых частных медицинских центров при содействии государства;
- передача инвестору территориально выгодно расположенных зданий медицинских учреждений с условием строительства новых зданий для этих медицинских учреждений в других местах;
- реконструкция зданий для перемещения в них медицинских учреждений из других зданий, привлекательных для частных инвесторов;
- реорганизация государственных медицинских учреждений в акционерные общества с государственным капиталом и возможным последующим созданием совместного государственно-частного предприятия с участием частного инвестора;
- создание системы банков крови, центры диализа, службы скорой медицинской помощи и пр. [24].

Принципиально важным является мнение Е.О.Таппасхановой и З.А. Мустафаевой, что «наиболее приемлемой формой участия частных клиник в бесплатном обслуживании населения является их интеграция в систему ОМС». Авторы свидетельствуют факт пока слабой интеграции частная медицина в ОМС, так как за счет средств обязательного медицинского страхования обычно возмещаются только основные статьи расходов. Еще одной формой участия частных клиник в оказании бесплатной медицинской помощи населению может выступать государственный заказ.

Директор Института экономики здравоохранения НИУ ВШЭ Лариса Попович выделяет основные риски развития института ГЧП в здравоохранении:

- отсутствие контроля эффективностью проектов, недостаточная мотивация частных инвесторов;
- проблемы с окупаемостью проектов в случае, если они окажутся недостаточно популярными у потребителей [25]. Она считает, что совместное владение объектами, вообще не подойдет для ГЧП в здравоохранении. Выходом может стать такая форма, как менеджерские контракты.

По данным Федерального портала «Государственно-частное партнерство» в 2012 году только 64 региона страны (77% от всех субъектов РФ) участвовали в 296 проектах ГЧП [24]. С.Л. Соколов высказывает опасения по поводу отсутствия единого видения и идеологии ГЧП в здравоохранении [26]. Это приводит к тому, что «каждый регион трактует по-своему механизмы, а значит, развивает данное направление в соответствии со своим субъективным пониманием». Им выявлен ряд тенденций в развитии ГЧП в России. Явной тенденцией является увеличение числа субъектов РФ, реализующих проекты на основе ГЧП. Лидирующее положение занимает СФО, участвующий в 91 проекте (31%); на втором месте находится ЦФО – 58 проектов (20%) и Северо-Западный ФО, на счету у которого 43 проекта (14%). Северо-Кавказский округ принимает наименее активное участие в социально-значимых проектах государства и бизнеса – 8 проектов (3%). Он заключает, что «приоритетными» отраслями экономики для реализации проектов ГЧП являются развитие территорий и транспорт, на которые приходится 76,5% инвестиций. Совокупная доля проектов в социально-значимых отраслях (ЖКХ, АПК, здравоохранение, образование) в общей структуре проектов ГЧП составляет по объему финансирования всего – 7,2%. Бизнесу интересны проекты с точки зрения рентабельности.

Профессор Александр Лебедев и Марина Гончарова ссылаются на мировой опыт реформ в здравоохранении, который был «успешными только в том случае, когда в центре этих реформ находится человек — потребитель медицинских услуг» [27]. По мнению авторов в России, к сожалению, как ранее, так и сегодня, реформы «ориентированы преимущественно на изменение системы финансирования медицинских учреждений». Они обратили внимание на то, что «Неконтролируемое нарастание платных медицинских услуг в государственно-муниципальных учреждениях здравоохранения запустило механизм скрытой коммерциализации госсектора отрасли». Страдает больной, который «нередко оплачивает

ненужные дополнительные консультации, исследования, время пребывания в стационаре». Наиболее сильная сторона частной медицины, по мнению авторов это «Пациентоориентированность — главное в деятельности частных клиник». Отметим еще, что ГЧП плохо представлена в законодательном отношении в здравоохранении РФ, только: Постановление Правительства РФ от 14.02.2009 №138 «Об утверждении типового концессионного соглашения в отношении объектов здравоохранения, в том числе объектов, предназначенных для санаторно-курортного лечения» и ФЗ 1.07.2005 № 115 - ФЗ «О концессионных соглашениях» в числе прочих определены объекты, используемые для осуществления лечебно-профилактической, медицинской деятельности, организации отдыха граждан и туризма. Могут быть полезны и зарубежные правовые акты, к которым относят: «Руководство по успешным государственно-частным партнерствам (ЕС, 2003), «Зеленая книга о государственно-частных партнерствах и местном законодательстве о государственных контрактах и концессиях» (Европейская комиссия, 2004), «Руководство о государственно-частном партнерстве для целей развития инфраструктуры (рекомендательный документ, разработанный Экономической Комиссией ООН по Европе)». Государственно-частное партнерство — понятие, объединяющее различные формы взаимодействия частного и публичного сектора, имеющих целью выполнение функций по созданию объектов и (или) их эксплуатации, которые обычно возлагаются на публичный сектор.

Мы же не ставим задачу раскрыть в этой статье сущность и конкретные формы ГЧП, проблема в большей степени экономическая, тогда как нас интересует организация ПМСП в арктическом городе. И мы завершаем информацию о ГЧП темой «Государственно-частное партнерство в медицинской сфере», и признаем, что это партнерство в Архангельской области находится в зачаточном состоянии. Это состояние осветил журналист Андрей Сахаров в деловой газете Архангельской области «Бизнес-класс Архангельск» (07.02.2014), когда поставил перед представителями государственного и частного здравоохранения области вопрос «В неравных условиях: в чём частная медицина проигрывает государственной?». При этом он дает справку: «Количество медицинских организаций негосударственных форм собственности, осуществляющих деятельность в сфере обязательного медицинского страхования (ОМС), увеличилось в 2014 году до 20 (рост на 54%). Из них восемь начали работать по ОМС с этого года». Минздрав области указывает на активную практику аутсорсинга бюджетными учреждениями, который сводится преимущественно к техническому обслуживанию. А вот такая популярная в России форма сотрудничества с частным бизнесом, как концессия – не востребована, ибо. «концессионное соглашение» сложная и длительная процедура.

Министр здравоохранения Архангельской области Л.И. Меньшикова посетовала, что «частные структуры активно занимаются проведением профилактических медосмотров, водительских комиссий, оказывают дорогостоящие услуги в сфере стоматологии, косметологии, пластической хирургии. Она, при этом высказала как будто перспективную и интересную мысль о ГЧП, считая, что сотрудничества с бизнесом должно осуществляться по следующей модели: «государство предлагает в аренду помещение, инвестор оснащает клинику на собственные средства, а затем оказывает бесплатную помощь в рамках системы ОМС». Но нам неясно, почему такое партнерство представляется ей как идеальное? Что и кто этому мешает? Почему бы к этому не подключить органы местного самоуправления?

Интересно мнение Генерального директора клиники «Доктор Соран» в Архангельске Людмилы Солтыс, которая указала на преимущества госучреждений здравоохранения, которые, «кстати, тоже оказывают платные услуги. Но они не платят за помещения, обеспечиваются оборудованием, а мы платим за все! А теперь еще и лишаемся законного способа привлекать пациентов. Как выживать в таких условиях?». Конечно, бизнес живет не по законам здравоохранения, а своим и здесь велика вероятность коммерциализации медицины. Существует потенциальный соблазн действовать в обход правил, и возможность

понижения качества услуг и маловероятно, что частный сектор может строить объекты инфраструктуры или управлять ими с меньшим объемом затрат, чем государственный [28].

Развитие ГЧП в Архангельской области носит хаотический характер (отсутствует территориальный оператор) и это еще в большей степени разрушает целостность ПМСП в г. Архангельске. ГЧП ориентируется на оказание медицинских услуг, а не на улучшение организации медицинской помощи городскому населению и должно быть в современных формах признано тупиковым направлением модернизации здравоохранения. Мы категорически против противопоставления и деления государственной и частной медицины. В этой связи неуместной является как тоска по идеальной земской медицине, так и по советскому государственному здравоохранению министра Е.И. Смирнова.

Общезвестно и признано, что любое национальное здравоохранение это социальная система охраны здоровья населения, которая характеризуется комплексностью, межсекторальностью и государственностью. Главная задача реформ здравоохранения создание таких систем. В этой связи в условиях рынка должно исчезнуть резкое противопоставление частной и государственной медицины. И в этой связи А.В. Тихомиров, стоящий на рыночной платформе, ставит принципиальный вопрос: «в чем состоит государственность здравоохранения»? И у него возникает простой и логичный ответ на этот вопрос государственное здравоохранение там, где оплата медицинской помощи гражданам финансируется государством (за счет налогов и/или способом) [18]. И он свидетельствует, что создание бюджетно-страховой модели финансирования замкнуло здравоохранение в единый самодостаточный финансово-производственный механизм под эгидой государства, в котором граждане как получатели медицинской помощи оказались лишним звеном!

Сегодня для оказания ПМСП уже недостаточно самоотверженного «земского врача», а «требуются бригады медицинских работников: врачей, практикующих медсестер и специалистов, имеющих специальную и современную подготовку в области социальной работы» [29]. И, конечно же, сегодня ПМСП должна быть обеспечена надлежащими ресурсами и инвестициями, и только в этом случае она может гарантировать лучшее соотношение цены и качества, чем альтернативные подходы». Но ключевое слово в этом контексте «община (коммун)». Парадоксально, но в современной России трудно найти даже синоним этому понятию, не говоря уже о существовании тождественного понятия. Иное дело в странах с укоренившимся низовым самоуправлением, например, на 7-миллионное население Швейцарии приходится 3000 коммун (низовых муниципалитетов) и здесь ясен их смысл и нет необходимости додумывать то, чего нет в действительности как в нашей стране.

Экономист Фарит Кадыров утверждает, что новый Закон «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» еще не развернулся в полную силу [30]. Он экономист-рыночник, как достоинство отмечает то, что «согласно закону, полномочия по оказанию медицинской помощи населению теперь закреплены за субъектами Российской Федерации». Отправной точкой его суждения является тезис, что иметь «в каждом муниципальном образовании лечебное учреждение, которое обеспечивало бы на хорошем уровне помощь по всем медицинским профилям, невозможно. Поэтому поставлена задача создания межмуниципальных специализированных медицинских центров, в которых концентрировались бы определенные виды помощи, куда приезжали бы пациенты с соседних муниципальных образований».

Не будем ругать новый федеральный закон о здравоохранении, но отметим, что в нем нет идеологии реформирования. Мы не разделяем все суждения А.В. Тихомирова, но должны с ним согласиться в том, что в течение длительного времени так и не были выработаны в России пригодные для современного периода организационные принципы идеологии здравоохранения. Происходит только ползучее внедрение зарубежного опыта практики, несмотря на его неприятие медицинской общественностью страны. Действительно идеология реформирования должна определять стратегию политики реформирования, идеология развития – политику развития здравоохранения.

А.В. Орешкова справедливо утверждает, что основой управления здравоохранением не может быть как сейчас, управление медицинскими услугами [31]. В целях повышения ответственности органов государственной власти за качество и доступность медицинского обслуживания на территории субъекта, а также для улучшения финансирования полномочия по организации оказания ПМСП и скорой медицинской помощи оказались подняты, с уровня местного самоуправления на уровень субъектов РФ. Необходимость такого преобразования обуславливается тем, что бюджеты многих муниципалитетов недостаточны.

Не до конца продуманная реформа здравоохранения, как из-за плохого состояния передаваемого муниципального имущества, а главным образом из-за неопределенности новых функций муниципальных властей в сфере здравоохранения по существу вывела здравоохранение из компетенции местного самоуправления. Закон Архангельской области от 18.03.2013 N 629-38-ОЗ "О реализации государственных полномочий Архангельской области в сфере охраны здоровья граждан" «Полномочия органов местного самоуправления в сфере охраны здоровья» (ст. 8.) фактически дублирует положения федерального закона. Нет конкретизации, уточнений и механизмов.

Профессор кафедры управления и экономики здравоохранения НИУ ВШЭ В.В. Власов считает, что «Последние годы ситуация с ГЧП в здравоохранении с места не сдвигается. И дело не в отсутствии законодательства, а в беззаконии». Поэтому сейчас интерес частного бизнеса к ОМС существует только в одном аспекте – привлечь к себе таким образом платежеспособное население и далее работать с ним в частной клинике [32]. Другой подход в организации доступной ПМСП мы находим у нашей соседки Финляндии и Великобритании излагает Ю.Т. Шарабчиев [33]. К примеру, в Финляндии коммуны (общины) в основном ответственны за организацию медицинского обслуживания. За ними закреплено «право самостоятельно (или на кооперативной основе) создавать объединения медицинского обслуживания населения (Центры здоровья) на базе существующих учреждений здравоохранения (женские и детские консультации, врачебные пункты, клинические лаборатории, местные больницы и диспансеры и т.п.) с необходимой доукомплектацией». Деятельность такого центра определяется планом коммуны. Центр здоровья «обязан предоставлять каждому члену коммуны необходимую первичную медицинскую помощь и реабилитационную помощь, обеспечить при необходимости медицинским транспортом». Очень интересен состав Центров здоровья, в который входят: службы охраны здоровья матери и ребенка, охраны здоровья школьников и студентов, гигиены труда, гериатрическая служба, учреждения санитарного просвещения, прочие превентивные службы (массовых обследований состояния здоровья населения, организации прививок и т.д.), а также служба гигиены окружающей среды. Такой состав действительно может обеспечить комплексность медико-санитарной помощи.

Модель Великобритании связана с системой фондодержателей, предусматривающая, что ресурсы, предназначенные для медико-санитарного обслуживания населения, полностью или частично координируются через врачей общей практики. Ресурсы же выделяются местным государственным органам на подушной основе, а от них уже поступают к ВОП и другим поставщикам медико-санитарной помощи. Примечательно, что в этой старой рыночной стране отношения рыночного типа строятся внутри самой системы здравоохранения. Использование договора как главного элемента рыночных отношений позволяет отделить финансирование от оказания медицинской помощи (МП) и реализуется в различных формах. В качестве основного покупателя МП выступают райздравы, которые вправе вступать в договорные отношения с любыми другими медицинскими организациями независимо от их форм собственности и места расположения. Врачебные практики сохраняют статус независимых контракторов (почти как земские врачи), а основная часть больниц получает статус самоуправляемых организаций.

В России, по сути, местное самоуправление (МСУ) отсутствует и является частью системы государственной власти [34]. И главная задача новой реформы МСУ в городах типа Архангельск это приближение местной власти к населению. Мы глубоко убеждены, что

позитивный вектор модернизации здравоохранения связан с реформированием местного самоуправления. Можно ли сегодня в г. Архангельске построить систему охраны здоровья, сфокусированную на человека (на его потребностях быть здоровым и меньше болеть)? Можно начать! В практической плоскости увеличить доступность ПМСП можно путем восстановления в определенной мере систему муниципального здравоохранения. Это возможно за счет передачи части государственных полномочий в области с регионального государственного уровня на уровень муниципалитета. При этом Министерство здравоохранения Архангельской области должно осуществлять иницилирующую и координирующую роль. Все преобразования в системе охраны здоровья населения г. Архангельска должны отвечать двум главным критериям: хорошо ли будет от этого с одной стороны населению и, в частности, пациентам, а с другой стороны – врачам, медсестрам и другим медработникам. И речь не должна идти о развитии учреждений и служб здравоохранения, а об улучшении здоровья людей.

ПМСП создается для предупреждения и возможно раннего обнаружения заболеваний. В ФЗ № 323 в ПМСП почему-то включена и специализированная помощь, хотя во всем мире медицинская помощь и ранее, и теперь подразделяется на амбулаторную и стационарную. Основной фигурой в ПМСП является врач общей практики синдромальный врач общего профиля. Против такой модернизации в первую очередь активно выступают главные врачи государственных учреждений здравоохранения и в первую очередь поликлиник, ибо такая модернизация лишит их административной власти. Врачебное сообщество же характеризуется пассивностью и оно в большей мере склона к развитию ГЧП. Вектор медиализации оказывается более востребованным. И эти обстоятельства не внушают оптимизм. В условиях глем-капитализма трудно ожидать быстрой смены вектора на ПМСП, как к этому призывает ВОЗ. В аппарате министерства среди сотрудников практически нет специалистов-гигиенистов, и чиновники не владеют социальной идеологией реформирования, ибо каждый врач-клиницист считает себя знающим в вопросах охраны здоровья.

1. Доклад о состоянии здравоохранения в мире, 2008 г. «Первичная медико-санитарная помощь: сегодня актуальнее, чем когда-либо». Резюме.

2. *Тобес Б.* Право на здоровье: Теория и практика. М.: Устойчивый мир, 2001. 370 с. (Books for Civil Society).

3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных ... Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года ... основанного на принципе взаимной выгоды, и из международного права. URL:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml. (дата обращения: 10.09. 2013).

4. *Тулчинский Т.Г., Варавикова Е.А.* Новое общественное здравоохранение: введение в современную науку. Иерусалим: Amutah for edication and Htalth, 1999. 1049 с.

5. ФЗ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации. Принят Государственной Думой 1 ноября 2011 года. Одобрен Советом Федерации 9 ноября 2011 года (в ред. Федеральных законов от 25.06.2012 N 89-ФЗ, от 25.06.2012 N 93-ФЗ, от 02.07.2013 N 167-ФЗ, от 02.07.2013 N 185-ФЗ, от 23.07.2013 N 205-ФЗ).

6. Интервью с д-ром Х. Малером, Генеральным директором ВОЗ с 1973 по 1988 год. Бюллетень Всемирной организации здравоохранения. Выпуск 86, номер 10, октябрь 2008 г. С. 737- 816.

7. Доклад о состоянии здоровья населения и организации здравоохранения в Архангельской области по итогам деятельности за 2012 год, одобрен распоряжением Правительства Архангельской области от 13 марта 2013 г. № 51-рп.

8. Постановление Главы администрации Архангельской области от 15 июня 2001 г. N 277 «Об областной целевой программе "Реформа амбулаторно-поликлинической помощи введение института врача общей практики в Архангельской области на 2001-2005 годы".

9. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 15 мая 2012 г. N 543н г. Москва "Об утверждении Положения об организации оказания первичной медико-санитарной помощи взрослому населению". Опубликовано: 24 декабря 2012 г. на Интернет-портале "Российской Газеты" Вступает в силу: 4 января 2013 г. Зарегистрирован в Минюсте РФ 27 июня 2012 г. Регистрационный N 24726.

10. Всемирная организация здравоохранения. Первичная медицинская помощь. (Primary Health Care), Отчет Международной конференции по вопросам первичной медицинской помощи, Алма-Ата, СССР, 6-12 сентября 1978 г. (Здоровье для всех Серия, №1), Женева, 1978 г.
11. *Тэннер Майкл* Сравнительный анализ систем здравоохранения в разных странах. URL: <http://www.inliberty.ru/library/study/1392/> (дата обращения: 12.08.2013).
12. *Игнатьева Р.К., Черная Н.Л., Антипова Н.П.* Система медико-социальной помощи населению в Великобритании и России: плюсы и минусы. // Международный неврологический журнал, 2005. № 2. URL: <http://www.mif-ua.com/archive/article/2768> (дата обращения: 12.09.2010).
- 13.. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 года N 5487-1 (в ред. Федеральных законов от 02.03.1998 N 30-ФЗ, от 20.12.1999 N 214-ФЗ, от 02.12.2000 N 139-ФЗ, от 10.01.2003 N 15-ФЗ, от 27.02.2003 N 29-ФЗ, от 30.06.2003 N 86-ФЗ, с изм., внесенными Указом Президента РФ от 24.12.1993 N 2288).
14. Организация первичной медико-санитарной помощи населению (амбулаторно-поликлиническая помощь): учебно-методическое пособие / Е.Н.Смирнова [и др.] Минск, БГУ, 2007. 34 с.
15. Денисов И.Н, Иванов А.Н //Медицинский вестник, 1999. № 13 (128). С. 9.
16. *Зорин А.А.* Здравоохранение и рынок. // Общественные науки и современность, 1998. № 2. С. 32-40.
17. *Васильев И.В., Калининченко А.В.* К вопросу о кризисе социальной гигиены и эволюции понятия здравоохранение. Бюллетень сибирской медицины, № 5, 2008. С. 77.
18. *Тихомиров А.В.* Современное состояние идеологии здравоохранения // Главный врач: хозяйство и право. 2006. № 6. С. 2-4.
19. *Лобанов А.А.* Преимущества и риски государственно-частного партнерства в медицине: возможные пути развития URL: <http://ekspert.ppp-lawrussia.ru/book0/index-med2.html> (дата обращения: 19.08. 2014).
20. Тихомиров А.В. Социально-ориентированная рыночная реформа здравоохранения. М.: ЮрИнфоЗдрав, 2007. 234 с.; Тихомиров А.В. Концепция социально-ориентированной модернизации здравоохранения: Дисс. ... докт. мед. наук. Ростов-на Дону, 2008. 343 с.
21. Тихомиров А.В. Первичная медико-санитарная помощь в социально-ориентированной модернизации здравоохранения // Главный врач: Хозяйство и право. 2009. № 6. С. 22-28.
22. Юридическая компания Tenzor Consulting Group – URL: [HTTP://WWW.TENCON.RU/ABOUT](http://www.tencon.ru/about) (дата обращения: 22.08. 2014).
23. *Таппасханова Е.О., Мустафаева З.А.* Государственно-частное партнерство в здравоохранении // Российское предпринимательство. 2012. № 13 (211). С. 112-118. — URL: <http://www.creativeconomy.ru/articles/24400/> (дата обращения: 22.08. 2014).
24. *Щербук Ю., Кадыров Ф., Хайруллина И.* Проблемы взаимодействия государственного и частного здравоохранения // Менеджер здравоохранения. 2008. № 2.
25. Федеральный портал «Государственно-частное партнерство» [электронный ресурс]. URL: <http://www.pppi.ru/projects> (дата обращения 24.11.2012).
26. *Sokolov S.L.* Анализ тенденций и закономерностей развития государственно-частного партнерства в Российской Федерации // Вопросы управления. URL: <http://vestnik.uapa.ru/en/issue/2013/01/19/> (дата обращения 24.11.2012).
27. *Лебедева А., Гончарова* Неотъемлемая часть // Медицинский вестник, 2011. № 29 (570). URL: <http://privatmed.ru/article/35/139/1042/> (дата обращения: 23.08.2014).
28. О чем молчат бухгалтерские книги? Подводные камни частно – государственного партнерства в Центральной и Восточной Европе // CEE bankwatch network, ноябрь 2008. URL:http://www.mednet.ru/images/stories/files/materialy_konferencii_i_seminarov/2010/po_ekonomike/plenarka/Siburina.pdf. (дата обращения: 24.08.2014).
29. Доклад о состоянии здравоохранения в мире, 2008 г «Первичная медико-санитарная помощь: сегодня актуальнее, чем когда-либо». Резюме.
30. *Кадыров Ф.* Как изменил закон об охране здоровья ... Где начинается нос соседа. Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2013/02/28/zakon-zdorovie.htm>. (дата обращения: 18.10.2013).
31. *Орешкова А.В.* Научные публикации адвокатов коллегии - Опасный для здоровья "Закон об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации". URL: www.trunov.com/content.php?act=showcont&id=12559. (дата обращения: 19.10.2013).
32. ГЧП и новая модель здравоохранения. URL: <http://www.opec.ru/1438287.html> (дата обращения: 25.08.2014).
33. *Шарабчиев Ю.Т., Дудина Т.В.* Организационно-правовые аспекты оказания первичной медико-санитарной помощи за рубежом. Сообщение 2. // Журнал «Медицинские новости». № 11, 2010. С. 56-60.
34. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2014/04/14/1256653.html> (дата обращения: 25.08.2014).

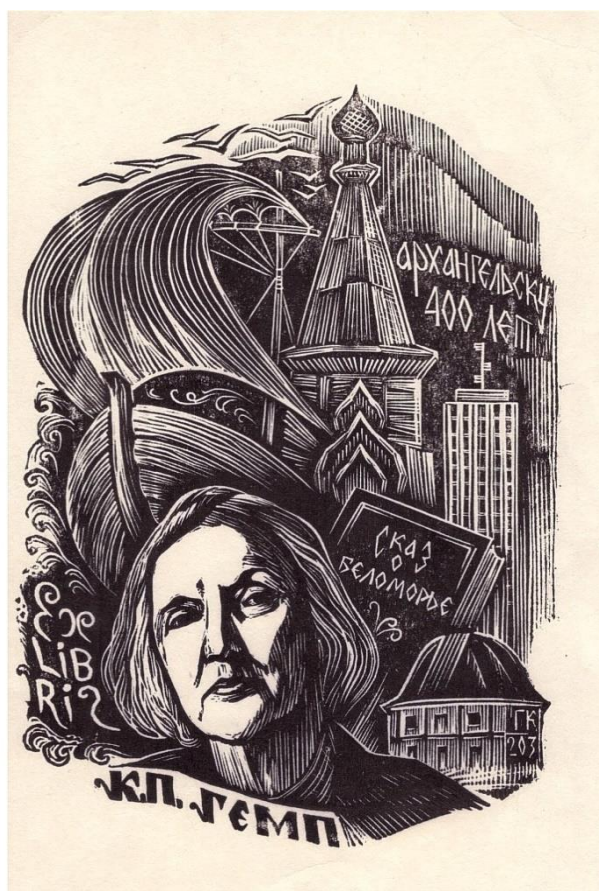
ГОД КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

«РУССКИЙ СЕВЕР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Материалы научных чтений, посвященных 120-летию со дня рождения

Ксении Петровны Гемп

(г. Архангельск, 20 декабря 2014 г.)

ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ЛИЧНОГО ФОНДА СЕМЬИ ГЕМП В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

К.А. Пономарёва

Государственный архив Архангельской области,
Архангельск, ksennypo1991@gmail.com

На хранении в Государственном архиве Архангельской области имеется 67 личных фондов известных людей Архангельской области. Личный фонд семьи Гемпов (Ф. 5952) включает в себя документы Ксении Петровны Гемп (в девичестве Минейко), ее мужа Алексея Германовича и их сына Игоря Алексеевича.

Документы личного происхождения – особая категория документов. Они интересны тем, что в роли фондообразователя выступает не предприятие или учреждение, а человек, отдельная личность, который связан с конкретной исторической эпохой, в которой данный человек имел определенное общественное положение, официальный статус, свое окружение. Семья Гемп была хорошо известная в г. Архангельске: К.П. Гемп – биолог, географ, этнограф, историк-краевед, А.Г. Гемп – ученый-историк, педагог. Документы, которые Гемпы собрали и сохранили для истории, после их научно-технической обработки сотрудниками архива составили личный фонд. Комплекс документов представляет определенный интерес для исследователей. В нем сосредоточены материалы, отразивших экономическую, социальную, культурную жизнь Архангельской области в частности и России в целом, а также специфические научные материалы, касающиеся научной деятельность ученого-альголога К.П. Гемп и ученого-историка А.Г. Гемпа.

Документы К.П. Гемп впервые поступили на государственное хранение в количестве 17 дел за 1928-1972 гг. (акт № 1 о приемке документов от 30 июля 1992 г.). Документы были выделены в процессе научно-технической обработки дел Северного отделения Полярного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии им. Н.М. Книповича (ПИНРО). Эти 17 дел систематизированы по шести разделам: рукописи статей, материалы служебной деятельности, рецензии и тексты лекций, переписка, материалы к биографии.

После смерти К.П. Гемп в 1998 г. при мэрии г. Архангельска была создана комиссия по изучению культурного, исторического и научного наследия К.М. Гемп. По решению этой комиссии все, что находилось в квартире Гемп, было распределено следующим образом: большое собрание книг передано библиотеке им. Н.М. Добролюбова; предметы, имеющие художественную ценность, сданы в музейное объединение «Художественная культура Русского Севера»; вещи бытового характера отданы в женский монастырь с. Лявля. Все документы (300 документов согласно акту № 2 от 22 декабря 1999 г. и 12.712 документов согласно акту № 3 от 25 января 2002 г.) в марте-апреле 1998 г. были доставлены в областной архив [1].

Объем документов был очень значительным: 78 связок, 4 коробки, 3 чемодана, 1 коробка с картам, десятки связок газет и журналов. Среди газет и журналов обнаружались документы, письма, фотографии, книги. Книги были переданы в библиотеку архива. Это издания: «Русская правда» 1911 г., историко-литературный журнал «Исторический вестник» 1895 г., путеводитель по Соловецким островам 1914 г., иллюстрированный альбом Архангельской губернии 1914 г., «Атлас командира Рабоче-крестьянской Красной армии», «Географический словарь Кольского полуострова» 1939 г., книга о полярной экспедиции Г.А. Брусилова на зверобойном судне «Святая Анна» «Затерянные во льдах» 1934 г., путеводители по музеям страны, фотоальбомы, наборы открыток.

Документы были в хаотичном состоянии, поэтому проведение экспертизы ценности, формирование дел, их оформление, составление описи потребовало много времени. Часть документов не представляла исторический и научной ценности. Например, в опись не вошло

2.688 писем – поздравлений с праздниками и писем бытового характера. В фонде было обнаружено большое количество дублетных экземпляров документов, образовавшихся в ходе работы над изучением водорослей. В итоге в опись было включено 306 дел. [2]

Общее количество дел фонда – 323, это документы различного характера за 1813-1996 гг.

Весь фонд по составу и содержанию документов можно разделить на девять основных групп: материалы служебной и общественной деятельности К.П. Гемп, материалы поздравительного характера и письма, собранные К.П. Гемп материалы краеведческого характера, документы к биографиям фондообразователей, документы А.Г. и И.А. Гемпов и фотодокументы.

Материалы служебной деятельности включают в себя статьи, переводы, рецензии, инструкции К.П. Гемп по изучению водорослей; отчеты о работе водорослевого института, доклады на научно-техническом совещании по водорослевой промышленности в г. Архангельске (доклад К.П. Гемп о сырьевых запасах морских водорослей за 1960 г.), переписка научно-исследовательской водорослевой лаборатории по вопросам исследования водорослей и их применения.

Обширную группу составляют материалы по краеведению: машинописные главы из книг К.П. Гемп «Каргополь», «Сказ о Беломорье»; рецензии на книги (на сборник «Растительность Европейской части СССР», подготовленный Архангельским отделом Географического общества СССР); разработанные К.П. Гемп программы занятий, тезисы лекций по палеографии, по истории г. Архангельска, г. Каргополя, Соловков, по охране памятников культуры, о полярных экспедициях; статьи К.П. Гемп «Архангельское евангелие 1092 г.», «Гостиные дворы в Архангельске»; заметки о поморском способе лечения переломов, о лекарственных травах, кулинарные рецепты; заметки о Ф.А. Абрамове, А.В. Журавском, В.И. Беринге, О.Ю. Шмидте, Г.Я. Седове, П.И. Ширшове; переводы К.П. и А.Г. Гемпов архивных документов со старославянского языка.

К материалам, отражающим общественную деятельность К.П. Гемп, относятся протоколы заседаний, сведения о деятельности, письма Архангельского филиала Русского географического общества, записки К.П. Гемп с заседаний съездов Географического общества.

Наиболее интересную для исследователей группу документов представляют материалы к биографиям фондообразователей. Автобиографии, анкеты, свидетельства, справки, членские билеты, удостоверения, дипломы, пригласительные билеты на различные заседания, программы спектаклей и концертов, записные книжки, акты о передаче документов и книг музеям и библиотекам, схемы родословной составляют основу для биографии К.П. и А.Г. Гемпов. В комплекс личных документов И.А. Гемпа входят его школьные тетради таблицы и успеваемости.

Отдельно среди документов к биографии фондообразователей выделяются материалы по истории семьи Минейко: выписки из метрических книг, аттестаты, свидетельства, грамоты, завещания, некрологи; черновики лекций и доклады Г.И. Минейко о педагогике, программы по русской и зарубежной истории.

Также к данной группе можно отнести интервью К.П. Гемп; статьи, очерки, сценарии кино- и радиопередач о К.П. Гемп.

Письма Гемпов также составляют объемную группу: это письма К.П. Гемп к мужу и сыну; черновики и копии писем К.П. Гемп; письма от Ф.А. Абрамова и его жены Л.В. Абрамовой-Крутиковой, Е. Фрезер, сотрудников Пушкинского дома, в том числе В.И. Малышева и Д.С. Лихачева; письма граждан с просьбами помочь в лечении; письма от коллег-ученых, сотрудников института океанологии, института нефти Академии наук Китайской народной республики; письма родных К.П. Гемп – письма мужа, сына, сестер К.П. Гемп Екатерины Петровны Анисимовой, Александры Петровны Сироткиной, Веры Петровны Шнейдер, матери К.П. Гемп Надежды Михайловны Минейко, письма брата и

сестер А.Г. Гемпа. Личная переписка помогает понять взаимоотношения К.П. Гемп с близкими людьми, служебная переписка показывает, насколько она была увлечена наукой.

В архивном фонде большое количество материалов, собранных К.П. Гемп: машинописные копии писцовых книг, грамот, царских указов; работы В.В. Седовой. Д.Г. Редера, Н.И. Радцига, И.О. Полуянова; статьи по истории Древнего мира, интервенции на Севере, о Г.Я. Седове; газетные вырезки статей по истории г. Архангельска, статей о северных морских экспедициях, исследователях Заполярья, о декабристах, о Севере и северянах в годы Великой отечественной войны, о сталинских репрессиях, о политической и экономической жизни страны, о растительном и животном мире планеты, о медицине и народных целителях; вырезки статей о писателях и поэтах, о живописи, культуре и музыке, о памятниках архитектуры, о театральной жизни страны, о религии; вырезки статей о выдающихся исторических деятелях, по вопросам лингвистики и языкознания; специальные выпуски газет и журналов, посвященных А.С. Пушкину; вырезки статей о разных странах и городах, статей на иностранных языках.

Группу материалов поздравительного характера составляют поздравления К.П. Гемп с юбилеями; медали К.П. Гемп («Почетному члену Ломоносовского фонда», «Почетный гражданин г. Архангельска», орденовая книжка о награждении К.П. Гемп орденом Трудового Красного знамени и др.).

К документам А.Г. и И.А. Гемпов относятся материалы преподавательской деятельности А.Г. Гемпа; научные труды А.Г. Гемпа и отзывы на них; статьи и архивные выписки А.Г. Гемпа по истории монастырей, по истории первобытнообщинного строя, Др. Востока, Др. Рима, поздней Римской империи, по искусству древнего мира, по археологии; рисунки И.А. Гемпа.

В группу изобразительные материалы и фотодокументы входят личные фотографии семьи Гемп; фотографии сел и городов, соборов и церквей Архангельской епархии; фотографии природы, животных, памятников, кладбищ, побережья Белого моря, музея деревянного зодчества в Малых Карелах; рисунки водорослей и гербарии; фотографии, карты и планы городов, Соловецких островов, Белого моря; карты экспедиций по обследованию запасов водорослей в районе Белого моря и Соловецких островов; карты по древней истории.

Документы личного фонда семьи Гемп знакомят исследователей с незаурядной семьей с разносторонними интересами, а также помогут увидеть черты социальной политики и культурной жизни прошлого века с точки зрения семьи, внесшей большой вклад в культурное развитие Архангельской области.

1. ГААО. Историческая справка к описи Ф. 5952 «Семейный фонд Гемпов». С. 4-5.

2. Там же. С. 5-6.

ЗАМЕТКИ О ПОМОРСКИХ МОРЕХОДАХ И ИХ «КНИГАХ МОРЕХОДНЫХ»

В.В. Брызгалов, О.В. Овсянников

Архангельский центр Русского географического общества
Архангельск, Россия, lodia.arh@mail.ru, Вюрцбург, Германия, oleg.ovs@gmx.de

*Язык Лоции так же лаконичен, точен и выразителен,
как и речь помора... Слова вызывают образ.
Обширные, детальные знания морских дорог,
накопленные поколениями, и преодоление ими всех
трудностей в примитивных условиях плавания
вызывает чувство гордости за русского человека.*

К.П. Гемп.

Выдающийся памятник истории
поморского мореплавания XVIII столетия.

Авторы данной статьи в разное время встречались с Ксенией Петровной Гемп и сохранили в памяти воспоминаниях о них.

Олег Владимирович Овсянников вспоминает о встрече с Ксенией Петровной Гемп. «Осенью 1959 г. в Отделе культуры Архангельского облисполкома было созвано совещание, цель которого состояла в срочной подготовке списка памятников истории и культуры на территории Архангельской области. Их необходимо было распределить по двум спискам – памятники областного значения и памятники всесоюзного значения. Список памятников археологии представляла на этом совещании К.П. Гемп. Работая археологом в областном краеведческом музее, я присутствовал на этом скоропалительном, как мне показалось, совещании, и несколько удивился тому, что по археологии докладчиком выступила К.П. Гемп, а не её супруг, Алексей Германович Гемп, который в Архангельском пединституте вёл курсы истории, но также и археологии. В ходе совещания стало понятно присутствие в качестве докладчика именно её. Только она, с её авторитетом и энтузиазмом, могла «отстоять» перед облисполкомовскими чиновниками десятки памятников каменного века на Летнем берегу Белого моря или на озере Лаче».

В 80-х годах XX в. экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР провела несколько сезонов на Кольском полуострове, в Мезенском и других районах Архангельской области, во время которых фиксировала сохранившиеся деревянные поморские кресты. Тогдашний директор Архангельского краеведческого музея Юрий Павлович Прокопьев договорился с К.П. Гемп о нашем визите к ней. Смотреть на собеседницу, осознавая, что в этой тесной комнате, за круглым столом сидит не просто женщина, но, образно говоря, целый «пласт» поморской истории и культуры, человек, который стоял на Архангельском причале, провожая судно полярного исследователя Георгия Яковлевича Седова, отплывающему к Северному Полюсу – это было необычно... Я надеялся, что моя идея, издать собранные материалы совместно с данными, собранными К.П. Гемп, вполне реальна. Но... оказалось, что этой идее так и не суждено было осуществиться.

Виктор Васильевич Брызгалов вспоминает о своих встречах с К.П. Гемп. «Я встречался с Ксенией Петровной в её старой квартире, по адресу: наб. Северной Двины, д. 97, кв. 1. Это была однокомнатная квартира, расположенная на втором этаже. Окно кухни и одно окно комнаты выходили во двор, а второе окно комнаты – в проход, между домами. Огромное впечатление производило множество книг, в том числе старопечатных и рукописных, которые Ксения Петровна готовила для отправки в город Ленинград, в Пушкинский Дом. Запомнились занятия по изучению палеографии, которые проводила К.П. Гемп. Они основывались на рукописях Николо-Корельского монастыря, на старопечатных и рукописных книгах, которыми располагала Ксения Петровна.

Остались в памяти воспоминания К.П. Гемп о её встречах с Георгием Яковлевичем Седовым и его супругой Верой Валериановной, о встречах с поморами Белого моря.

Мне посчастливилось прикоснуться к работе Ксении Петровны над рукописью книги «Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия», а в подготовке к изданию книги «Сказ о Беломорье» оказал помощь в печати глав рукописи: «Поморская «справа», «Поморский харч». В подарок я получил книги К.П. Гемп с её автографом (рис. 1, 2).

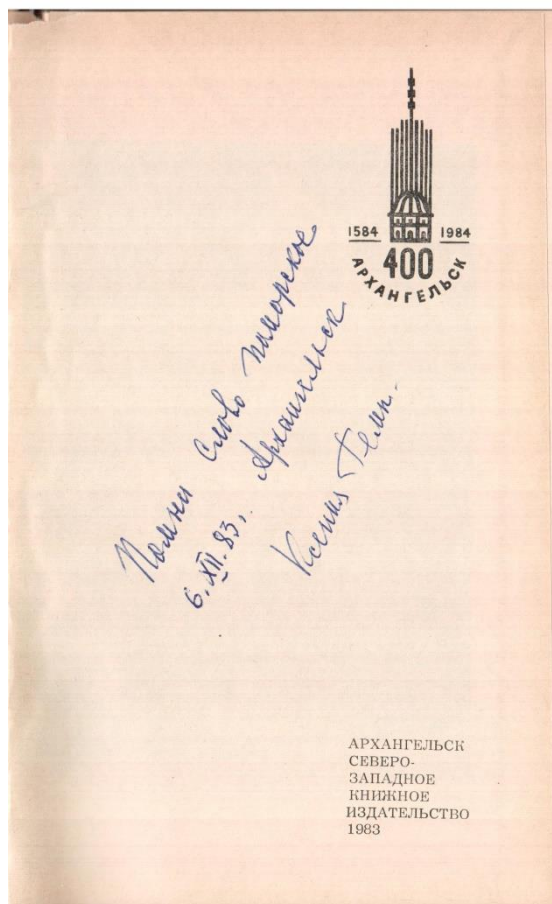
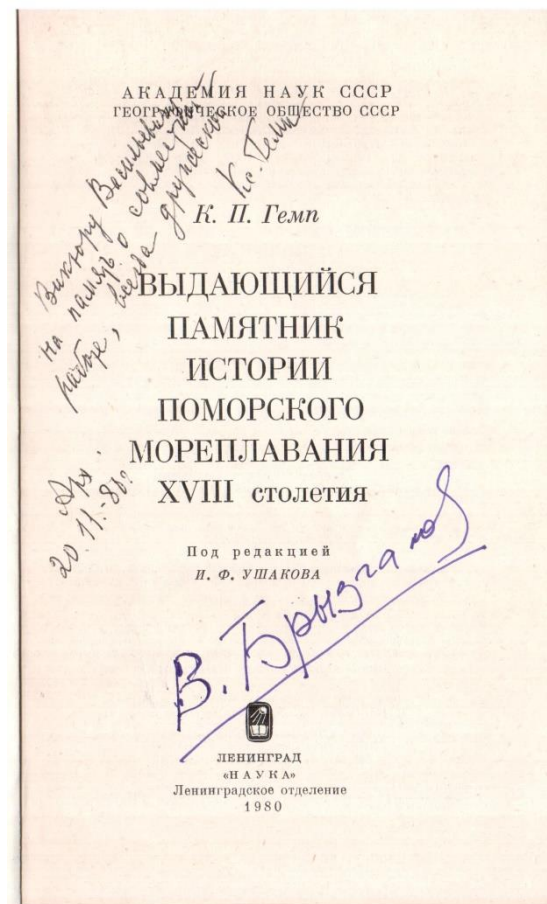

Рис. 1. Дарственная надпись К.П. Гемп на книге «Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия».

Рис. 2. Дарственная надпись К.П. Гемп на книге «Сказы о Беломорье».

«Книги мореходные»

В 1980 г. издательство Академии Наук СССР выпустило в свет одно из самых ярких исследований К.П. Гемп – «Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия». Казалось бы издание ещё одной Поморской лоции – интересное, важное, но ординарное событие. Оказалось, что это не совсем так. Небольшое по объёму предисловие к публикации, озаглавленное автором «Поморские лоции и «книга мореходная» О.А. Двинина», явилось по существу, своеобразным «окном» в стародавнюю историю мореходства Поморья. В повествовательной ткани этого Предисловия самым неожиданным и чудесным образом переплелись судьбы владельцев «мореходных книг», судьбы крестов поморов на морских берегах и судьба самой исследовательницы.

Ксения Петровна, несомненно, испытывала удовлетворение, когда могла написать эти строки: «Посчастливилось мне ознакомиться с текстами восьми Поморских лоций, составленных поморами – жителями различных районов Беломорья. Текст пяти из них я читала в рукописных подлинниках, а текст трех - уже опубликованных в журналах; кроме того, одна из рукописных, известных мне, была напечатана до того, как пришлось

ознакомиться с текстом по рукописи» [1]. Судьба этих документов была порой такой же необычной, как и судьбы людей, имевших к ним отношение, и данное обстоятельство нашло «зеркальное» отражение в исследовании К.П. Гемп.

Сегодня авторам известны данные о существовании одиннадцати поморских «Книг мореходных» или «Лоций».

«Морская книга», принадлежавшая жителю Сумского посада В.Ф. Пашины, была издана в 1909 г. Н. Морозовым под названием «Мореходная книга», или Лоция беломорских поморов». В 1878 г. её половину переписал капитан А.Н. Демидов, судоводитель, житель Сумского посада. В 1879 г. вторую половину текста «Морской книги» списал другой житель Сумского посада, капитан А.М. Падорин. В начале XX в. капитан А.Н. Демидов передал свою часть списка «Книги» капитану А.М. Падорину. Таким образом, у капитана А.М. Падорина оказался полный текст старинной рукописи «Морской книги», в виде двух частей.

Несколько фактов из истории семьи сумских мореходов Пашиных. В последнее десятилетие XVIII в. несколько представителей этой фамилии владели большими мореходными судами. Кузьма Пашин владел лодьей «Святой Николай», № 124, построенной в 1774 г. (длина корпуса 35 ф., ширина корпуса 8 ф., глубина в интрюме 3,5 ф. и грузоподъемность 4-х ласт). Осип Пашин в том же 1774 г. построил кочмару «Святой Прокопий», № 54 (длина корпуса 27 ф., ширина 8 ф., глубина в интрюме 3,5 ф., грузоподъемность 3 ластва). Пётр Пашин в 1795 г. построил кочмару «Святой Алексей», № 567 (длина корпуса 32 ф., ширина 10 ф., глубина в интрюме 5 ф., грузоподъемность 8 ластва) [2].

А.М. Падорин дал возможность К.П. Гемп ознакомиться уже с этим списком «Мореходной книги», и при встрече сообщил, что «В.Ф. Пашин в 60-х гг. XIX в. «лично, точно без изменений» списал текст очень ветхой «Морской книги», последняя запись которой была помечена 1805 г.» [3].

При знакомстве с двумя переписанными частями «Мореходной книги» К.П. Гемп отметила, что по правописанию, к тексту В.Ф. Пашина ближе список А.Н. Демидова, чем список А.М. Падорина. Однако, на этом «приключения» текста «Книги» не закончились. В 1920 г. П.И. Башмаков, преподаватель Архангельского мореходного училища, свел обе переписанные части «Книги» В.Ф. Пашина в один, «полный» список, отмечая при этом, что исправил все грамматические ошибки прежних переписчиков [4]. При этом исследовательница отмечала, что место хранения и судьба, как старинного текста «Мореходной книги», так же списка, сделанного В.Ф. Паршиным, остается неизвестной. Список «Книги», сделанный П.И. Башмаковым, оставался в Архангельске.

Характерно, что судьба этой «Мореходной книги» долгое время находилась буквально «в руках» жителей Сумского посада, а появилась эта рукопись ещё в тот период, когда поселение называлось «Сумской острог». Волости западного берега Белого моря, входящие в Кемскую округу, в том числе и Сумской острог, на протяжении XVIII в. являлись центром судостроения и активного мореходства. В 1799 г. по сведениям, составленным Кемским городничим, Городской Думой и Нижним Земским судом «сколко имеют Кемские граждане и крестьяне мореходных судов, именуемых лодей, и во сколько оные ластва и пудов грузу понести могут» в списках владельцев упомянуты члены семьи Падериных (К.П. Гемп приводит вариант этой фамилии – «Падорин»). В составленном в 1799 г. Реестре указан – Максим Падерин, имевший лодью грузоподъемностью 6 ластва, и «сверх того для мелких перевозок» однопалубное небольшое судно грузоподъемностью 400 пудов

В навигацию следующего, 1800 года, крестьянин Сумского острога Максим Падерин на своем судне «Святой Иоанн Богослов», № 620 с кормщиком того же острога крестьянином Петром Легким и ещё 4 члена экипажа сплавлял в Надвоецкую волость Кемской округы «хлебные припасы» [5]. Судно, которым владел Максим Падерин в регистрационном журнале под № 620 названо «Митрополит Святой Иоанн». Это лодья длиной корпуса 49 ф., шириной 15 ф., глубиной в интрюме 7, 5 ф. и грузоподъемностью 30 ластва

[6]. В том же месяце Максим Падерин на судне «Святой Архангел Михаил» № 595, где кормщиком был его брат, Иван Падерин, и 4-мя работными людьми, отправлял «хлебные припасы» на Мурманский берег [7]. Это была также лодья, построенная в 1797 г. и имевшая размеры: длина корпуса 50 ф., ширина 16 ф., глубина в интрюме 8 ф. и грузоподъемностью 35 ластов [8]. В конце навигации 1800 г. Максим Падерин на своем карбасе отправлял из Архангельского порта в Надвоецкую волость «хлебные припасы» [9].

В навигацию 1801 г. судно Максима Падерина «Святой Иоанн» № 6120 с кормщиком, его братом Иваном Падериным, плавало на Мурманский берег, вероятно, опять с «хлебными припасы» [10]. Второй, осенний, рейс в эту же навигацию судно Михаила Падерина «Святой Архангел Михаил» с кормщиком Петром Легким плавал с тем же грузом из Архангельска в Сумскую волость [11].

В настоящее время трудно определённо судить о том, кем приходился братьям Максиму и Ивану ещё один крестьянин Сумского острога – Фёдор Падерин. Он в навигацию 1800 г., в качестве кормщика с экипажем в 12 человек, осуществил рейс из Архангельска в Сумской острог на судне «Богдан» № 592 с «хлебными припасы» [12]. Судно «Богдан» – лодья, больших размеров: длина корпуса 50 ф., ширина 18 ф., глубина интрюма 9 ф. и грузоподъемностью 40 ластов [13]. Сам Фёдор Падерин имел несколько крупных судов – кочмара «Святая Анна», № 419 (длиной по корпусу 40 ф., шириной 12 ф., глубина в интрюме 6 ф. и грузоподъемностью 11 ласт). Вторая кочмара, построенная в 1782 г., № 419, имела длину 34 ф., ширину 10 ф., глубина в интрюме 4 ф., грузоподъемность – 7 ласт [14]. Крестьянин Сумского острога Максим Падерин владел лодьей «Святой Николай», № 518, построенный в 1792 г. с размерами: 39 ф. – 11 ф. – 6,5 ф. – 15 ласт; а Илья Падорин имел лодью «Святой пророк Илья», № 529, построенная в 1793 г. [15]. В «Списке судов Архангельской портовой таможни за 1782–1806 гг.» указано ещё одно судно Федора Падорина: «Сумского острога крестьянина Федора Падорина – кочмара», построенная в 1782 г.: длина корпуса 34 ф. англ., ширина 10 ф., глубина в интрюме 9 ф. и грузоподъемностью 40 ластов [16].

Среди работников, которые на судне Выговского старообрядческого общежития «Соловецкие чудотворцы», отправлялись на Грумант в июле 1800 г. фигурирует Иван Падорин, житель Онегской округи Посадской волости. В августе 1801 г. судно «Соловецкие чудотворцы» под командованием кормщика Фёдора Алексеевых вернулось в Архангельск, возвратился из рейса на Грумант и Иван Падорин [17].

В 1911 г. в селе Кузмень, расположенном почти в самом устье одной из крупнейших рек Терского берега Кольского полуострова – Варзуги, К.П. Гемп впервые взяла в руки рукопись под названием «Книга мореходная» и сделала с нее свой список [18]. История этой старинной «Книги» опять переносит нас к западному берегу Сумского посада, а по пути, к более раннему времени – к эпохе Сумского острога. Дело в том, что владельцем этой «Мореходной книги» был сумлянин О.А. Двинин, переехавший в село Кузомень только в 1909 г. Ему она досталась по наследству от отца, который наследовал рукопись от своего отца, то есть от деда О.А. Двинина. Позднее, в 1934 г. «Книга мореходная» благополучно завершила свои «странствия» – её передали в фонды Архангельского областного краеведческого музея. Именно текст этой поморской «Мореходной книги» и составил публикацию К.П. Гемп – «Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия». Датируется она XVIII в. на основании палеографического анализа, а так же фиксацией на л. 15 даты – «12 мая 1823» [19].

Документы сохранили сведения о морских перевозках сумлян Двининых в навигацию 1800–1801 гг. В июле 1800 г. Матвей Двинин «на весновальском» карбасе из Архангелогородского порта приплавил в Варзужскую волость «хлебные припасы», причем кормщиком на карбасе выступал сам Матвей Двинин. В этом же месяце крестьянин Варзужской волости Прокопий Двинин тоже «на весновальском» карбасе приплавил в свою волость хлебные припасы [20]. Любопытно, что подобные морские рейды осуществлялись зачастую целыми группами судов, своеобразными «хлебными конвоями», флотилиями из 7–

15 «весновальских карбасов». В навигацию 1801 г. в таких «хлебных конвоях» из Архангелогородского порта в Варзужскую волость участвовал Панкратий Двинин на своем «весновальском карбасе» с 4 работными людьми, где он был кормщиком [21]. Сведения о морских перевозках поморов Двининых в Варзужскую волость позволяют предполагать, что первоначальная семья Двининых на рубеже XVIII–XIX вв. разделялась на две части: «Сумскую» и «Варзужинскую». «Мореходная книга», составленная в Сумском остроге позднее оказалась у «Варзужинских» Двининых. Насколько это соответствует истине, пока сказать трудно. На наш взгляд, важно другое – семья поморов Двининых была активным участником беломорского мореходства. Однако составление «Морской книги» как практического руководства для дальних морских походов, скорее всего могло состояться, прежде всего, в Сумском остроге, и вообще в большинстве волостей Кемской округи. Вот как описывает основные занятия населения этого региона Атлас Архангелогородской губернии 1797 г.:

«Промыслы городских жителей состоят единственно от рыбной и звериной ловли. Для промыслов сего ходят на морских судах по Окиану к Мурманским российским и норвежским берегам верст на тысячу и более мимо Колы, а оттуда возвращаясь с рыбою и звериными кожами и салом, приходят в губернский город Архангельск, где продают свои товары, а вместо того покупают на годичное себе продовольствие хлеб и другие припасы и товары для домового довольствия. И с тем возвращаются в Кемь в конце августа, а иногда и в сентябре и в начале октября месяца» [22]. Крестьяне же «отходят в разные места для промысла и работ, ближе к морскому берегу ходят на морских судах частично на Новую Землю и Шпицберген для промысла морских зверей, а большею частию на Мурманской берег для лову трески и палтасины...» [23].

В 1799 г. в Кемии Администрацией были собраны сведения «сколко имеют Кемские граждане и крестьяне мореходных судов имянуемых лодей, и во сколько оные ластов имеют грузу понести могут» [24].

Приведем данные из этого документа о количестве судов у владельцев:

Кемские мещане – 32 лодьи.

В волостях Кемской округи крестьяне владеют:

Шуерецкая волость – 14 лодей;

Сороцкая волость – 18 лодей;

Сумская волость – 32 лодьи;

Колежеская волость – 8 лодей;

Летнерецкая волость – 5 лодей;

Шижемская волость – 5 лодей;

Виремская деревня – 3 лодьи;

Сухоनावолоцкая волость – 8 лодей;

Шуерецкая волость – 2 лодьи;

Наволоская волость – 1 лодья;

Нюхоцкая волость – 2 лодьи;

малых судов – 5.

«А всего вообще у мещан и крестьян больших и малых судов сто тридцать».

Обращает внимание, что ряд поморских семей владеют сразу несколькими судами. Кемские мещане Федор, Михаил и Иван Норкины владели тремя крупными лодьями грузоподъемностью 18, 35 и 36 ластов [25], их брат, Ларион Норкин, один владел тоже 3 большими лодьями, грузоподъемностью – в 6, 30 и 15 ласт [26].

Кемский купец Ларион Норкин отправил на Мурманский берег с «хлебными припасы» свою лодью «Святой Клемент», № 204, на которой кормщиком был его брат, Антон Норкин [27]. В 1816 г. Ларион и Антон Норкины построили каждый – по одному суду [28].

Братья имели 4 судна:

1. «Святой Иоанн» – длина корпуса 55 ф.; ширина 19 ф.; глубина 10,5 ф.

2. «Святой Алексей» – длина корпуса 50 ф.; ширина 16 ф.; глубина 9 ф.
3. «Святой Михаил» – длина корпуса 45,5 ф.; ширина 14 ф.; глубина 7 ф.
4. «Святой Иоанн» – длина корпуса 30 ф.; ширина 9 ф.; глубина 5 ф. [29].

В 1968 г. норвежский историк Саломон Крафт (Salomon Kraft) опубликовал очень интересную монографию «Поморская торговля в Норвегии до второй половины 1800-х годов» [30]. Норвежский историк С. Крафт на материале архивных документов составил весьма информативные таблицы, которые свидетельствуют об определённой эскалации торговых операций семьи Норкиных за 1808–1839 гг. [31]. Впечатляющим выглядел и район их торговых морских операций – вплоть до норвежского Бодо. Не менее впечатляющей была и численность этой, как оказывается многочисленной мужской части этой семьи:

1. Ларион Норкин
2. Михаил Норкин
3. Федор Норкин
4. Василий Норкин
5. Андрей Норкин
6. Алексей Норкин
7. Иван Норкин
8. Дмитрий Норкин

Приведенные С. Крафтом данные свидетельствуют об определенной экспедиции торговых операций Норкиных в первой половине XIX в. В 1808–1814 гг. в Северную Норвегию осуществлялись по одному рейсу людей (Лариона Норкина, Михаила Норкина и Федора Норкина), в 1835–1836 гг. уже в навигацию осуществлялись по 2 рейса, в 1837 г. – 3 рейса, а в 1838 и 1839 гг. за одну навигацию в Норвегию приходит уже по 5 судов [32]. Можно только гадать, сколько списков лоций требовалось для реализации регулярного торгового мореходства только на морской трассе Архангельск–Северная Норвегия.

Об экономической деятельности, о морской торговле кемских купцов Норкиных хлебом в Северной Норвегии был рассмотрен в нескольких статьях Т.А. Шрадер [33]. Весьма показательна в этом отношении находка и публикация Т.А. Алимовой (Шрадер) нескольких листов рукописного «Ходового журнала» крестьянина, как считает автор публикации, по фамилии «Вадаев» (рис. 3, 4) [34]. Насколько справедливо рассматривать фамилию «Вадаев», как фамилию владельца этого документа, судить трудно. Но сам факт, что судно беломорского крестьянина в августовскую непогоду терпело бедствие на пути к норвежскому острову «Кильвик» (современный остров «Хельнес», расположенный к западу от мыса Нордкап), не вызывает сомнений [35].

Бесспорно, необходимы целые серии исследований уже обнаруженных к настоящему времени «Морских книг» и систематизации любых, в том числе и новых сведений об их создании и судьбах. В этой связи можно только приветствовать появление материалов под новой тематикой, а также очень интересных и перспективных исследований [36].

Оптимизм в этом направлении внушает статья И. Шундалова и М. Савинова. Авторы можно поддержать, когда они пишут, что их текстологические построения вполне могут быть дополнены последующими исследованиями поморских «Мореходных книг». Появление «новых списков, безусловно, внесет свои коррективы и дополнит представленную нами картину. Помимо этого необходимы микроисторические исследования, связанные с конкретными фактами бытования рукописных лоций, биографии владельцев и переписчиков. Эти изыскания позволят уверенно определить место лоций в рукописном наследии Архангельского Поморья XVII–XVIII вв.» [37].

Со всеми высказанными пожеланиями можно согласиться, но присовокупить мысль о важности реконструкции той историко-культурной и экономической ситуации, в обстановке которой появились и функционировали эти «Мореходные книги». «Книги» важны не только как памятники рукописного наследия, но и как одно из важных «средств» производства в

«морской» экономике Поморья. В то же время она сама являлась результатом, или «продуктом» освоения арктической зоны России на протяжении столетий.

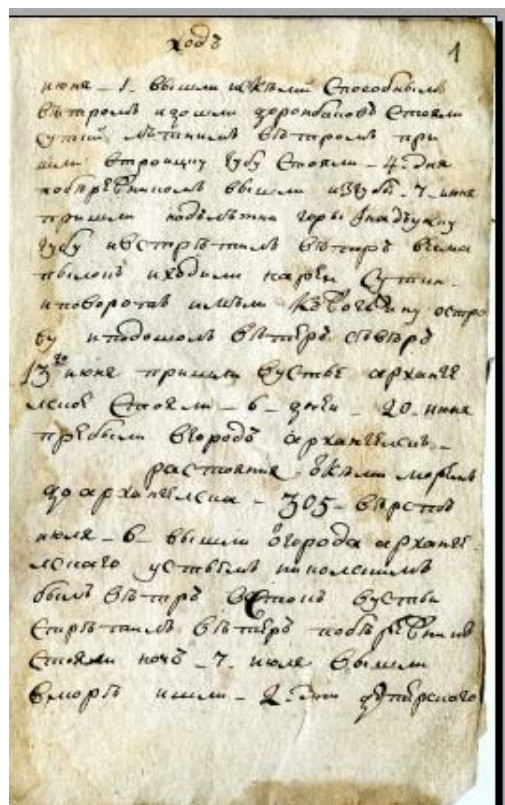

Рис. 3. Обложка плавателя крестьянина Вадаева. Древлехранилище Пушкинского Дома, коллекция В.М. Амосова - А.Ф. Богдановой. № 171.

Рис. 4. Первый лист плавателя крестьянина Вадаева. Древлехранилище Пушкинского Дома, коллекция В.М. Амосова - А.Ф. Богдановой. № 171. Л. 1.

В мореходстве принимали участие жители всех волостей Западного и Юго-Западного Беломорья: кемляне, сумляне, сорочане, нюхчане, шурчане, ковдяне, кандалакшане, чюхчане, кожемцы и жители Шиженской волости. Менее активно в мореходстве участвовали крестьяне Кушерецкой волости. Известны отдельные примеры этой деятельности. Фёдор Амосов, крестьянин Кушерецкой волости, владелец кочмары, построенной в 1785 г., приправлял «хлебные припасы» не только на этом судне, но и на карбасе, на котором сам был кормщиком в навигацию 1800 г. [38].

Несколько судов имел крестьянин той же волости Козьма Амосов: две кочмары – «Преподобный Зосима» и «Святой Николай», постройки 1786 г., а так же большое судно шхоут «Святой Федор» (длина корпуса 55 ф., ширина 18 ф., глубина интрюма 10 ф., грузоподъемность 40 ластов), построенное в 1784 г. [39].

Относительно семьи поморов Щепетовых, в которой находилась «Книга мореходная по морским берегам до Норвегии». Во второй половине XVIII в. эта семья проживала в Шижемской волости Кемского округа. Крестьянин Прокопий Щепетов в начале XIX в. имел судно «Стефан» (длина корпуса 36 ф., ширина 10 ф., глубина 5 ф.). В навигацию 1800 г. сам Прокопий Щепетов в качестве кормщика на своем карбасе осуществлял перевозки «хлебных припасов» из Архангелогородского порта в Шижемскую волость [40]. В 1816 г. крестьянин этой волости Семён Щепетов построил новое судно длиной 43,2 ф. [41].

Приведём несколько фактов о владельцах «Мореходной книги», хранившейся в семье поморов Заборщикова в селе Кузомень в устье реки Варзуги, а на одном листе которой имелась такая запись: «Ивана Семеновича Заборщикова роспись. Эта книга принадлежит

Иван Семеновичу Его Чести Заборщикову. Точно так... была книга Семен Ивана З[аборщиков]а. Свидетельствую ученик Саватей Гуров» [42]. Таким образом, наблюдается «передача» «Книги» по наследству.

В навигации 1800–1801 гг. в морских перевозках продовольствия участвовала довольно большая группа Заборщиковых – крестьян Варзужской волости Двинского уезда:

1. Константин Заборщиков на своем карбасе и в качестве кормщика транспортировал «хлебные припасы» из Архангелогородского порта в Варзужскую волость [43].

2. Василей Заборщиков на своем «весвалском карбасе» транспортировал хлеб в Варзугу [44]; в 1816 г. Василий Заборщиков построил лодью длиной 18 аршин, шириной 4,5 арш. и глубиной 2 арш. [45].

3. Ефим Заборщиков на кочмаре «Преподобный Зосима», регистрационный № 570 (длина корпуса 18 ф., ширина 4,5 ф., глубина 2,5 ф., грузоподъемность 7 ластов) участвовал в транспортировке «Хлебных припасов» в Варзугу [46].

4. Степан Заборщиков и Афанасий Заборщиков на своей лодье «Святой Николай» постройки 1795 г. (длина корпуса 38 ф., ширина 13,5 ф., глубина 6 ф., грузоподъемность 10 ластов и грузоподъемность 10 ластов) выступили в роли кормщиков при транспортировке хлеба в Варзугинскую волость [47].

5. Афанасий Заборщиков опять на судне «Святой Николай» в навигацию 18091 г. транспортировал хлебные припасы в Варзугу, выполняя роль кормщика [48].

В Списке судов, составленном Архангельской портовой таможни упомянут ещё один Заборщиков – это Ларион Заборщиков, владевший кочмарой постройки 1778 г. под названием «Святой Ларион», с размерами корпуса: длина 30 ф.; ширина 10 ф.; глубина 5 ф. и грузоподъемностью 7 ластов [49].

Конечно, имеющиеся сведения о крестьянах Заборщиковых ещё недостаточны для того, чтобы выстроить четкие генеалогические построения, но они могут дать дополнительные сведения для дальнейшего поиска Семена Ивановича (1818–1880 гг.) и его сына Ивана Семеновича Заборщиковых.

Совокупность приведенных и представленных нами данных о торговых отношениях Поморья и Северной Норвегии, позволяет сделать предположение, что активация торговли между этими двумя регионами, скорее всего, начинается со второй половины XVIII столетия. Косвенно это могут подтверждать и некоторые законодательные акты.

Согласно императорскому Указу 1764 г. был снят запрет на вывоз хлеба из Архангелогородского порта в сопредельные страны. В связи с этим уже в 1765 г. в Архангельске открылись «частные купецкие хлебные магазины», из которых, согласно Указу разрешался «вольный отпуск» российского хлеба «за море» до 250 тысяч четвертей Казанской и Вятской ржи и пшеницы [50]. Одновременно при этом действовало ограничение, по которому 1/5 часть из разрешенного к «отпуску» хлеба должна была оставаться «в купецких магазейнах под надзиранием Магистрата и под главным распоряжением Архангелогородского губернатора для отвращения на хлеб дороговизны в нехлебородной поморской нашей стране...» [51]. Архангелогородский порт в 80-е годы XVIII в. становится крупнейшим центром, в котором скапливались огромные объемы продовольственных товаров, переплавляемых по рекам из очень южных регионов Российского государства.

В 1780 г. своеобразная хлебная «страховка» с Архангельских купцов была снята, купцы были освобождены от оставления в архангельских амбрах 1/5 от объёма отправляемого «за море» хлеба [52]. Это, несомненно, способствовало развитию торговли Архангельского порта с центрами Северной Норвегии. В.В. Крестинин в «Топографическом описании города Архангельского» так описывает сложившуюся торговую ситуацию: «Мореходный промысел архангелогородских купцов принадлежит некоторою частью к гуртовым торгам купечества вообще. Число собственных мореходных судов архангелогородских купцов соразмерное нынешним их торгам простирается вообще около семидесяти. В Норвегию для мелочных торгов с тамошними сельскими жителями

отправляется до пяти судов» [53]. Наряду с архангелогородскими купцами в торговлю включились купцы Холмогор, Ваги (Шенкурск), Колы, Тотьмы, которые «состоят в числе торговых людей, отправляющихся от города Архангельского в соседнюю Норвегию для мелочной купли и продажи с тамошними поселянами» [54]. Конъюнктура хлебной торговли, и торговли другими продуктами питания была, вероятно, настолько благоприятной, что в неё включились купцы» более мелких провинциальных посадов и даже крестьяне из приморских волостей (например, Кемские купцы Норкины и крестьяне других волостей Кемской и Кольской округ). Можно предполагать, что именно в этот период – вторая половина XVIII в. и позднее, значительно вырос спрос на Лоции, связанные выходом значительного числа поморских судов к Атлантическому побережью Норвегии.

Имеющиеся о некоторых из этих персон документальные свидетельства относятся к концу XVIII – началу XIX вв. и связаны не конкретно с упомянутым на кресте именем, а скорее к их фамилиям. Представители этих фамилий осуществляли морские транспортировки преимущественно хлебных припасов из Архангельского порта в район волостей Зимнего берега.

Крестьянин Куйской волости Андрей Малыгин в навигацию 1800 г. приправлял хлеб в Койду на своей лодье «Андрей Первозванный» с экипажем 4 человека, кормщик – он сам; лодья постройки 1781 г., длиной корпуса в 40 ф.; шириной 13 ф., в интрюме 6,5 ф. и грузоподъемностью 20 ластов [55]. Крестьянин той же волости Яков Малыгин в навигацию 1800 г. в свою волость приплавлял хлеб на собственной карбасе из Архангельского порта.

Представители Зимнезолотницкой волости – Голубины, преимущественно, известны как наемные кормщики на суда архангелогородских купцов. В навигацию 1800–1801 гг. крестьянин Филипп Голубин на судне «Святой Василий Великий», лодья, построенная в 1783 г., принадлежавшая архангельскому купцу Михаилу Плотникову, для перевозки хлебных припасов в Онежский порт была арендована Санкт-Петербургским купцом Родионом Фанбриновым «с сыновьями» [56]. В эту навигацию Филипп Голубин был нанят кормщиком на судно «Святой Петр» № 157 (кочмара постройки 1780 г.) для перевозки «хлебных припасов» на Мурманские рыбные промыслы холмогорского купца Сергея Кулакова [57]. В навигацию 1801 г. Филипп Голубкин был нанятым кормщиком на судно архангельского купца Василья Околншников «Святой Иоанн» («Святой Иоанн Златоуст»), лодья постройки 1777 г. и транспортировал «хлебные припасы» на Мурманский рыбный промысел [58]. Кормщиком нанимался и Фёдор Голубкин, который в навигацию 1800 г. был «судовиком», т. е. кормщиком на судне Понойского крестьянина Петра Ручинова [59].

Безусловно, имеющиеся пока отрывочные сведения письменных источников, как мы уже отметили, не дают оснований в полном объёме судить о реальных генеалогических связях отдельных судовладельцев, кормщиков и т.д. Но даже имеющиеся материалы важны для осмысления общей экономической и социальной ситуации в различных регионах Беломорья, подлинную и точную картину, которую может отразить лишь специально сформированная база письменных документов.

-
1. Гемп К.П. Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия. Л.: Наука. С. 10.
 2. Овсянников О.В., Ясински М.Э. Заметки о морском аспекте освоения Русской Европейской Арктики // Лодия. 2008. № 5. Архангельск: Лодия, 2011. С. 154, 149, 190.
 3. Гемп К.П. Выдающийся памятник ... С. 11.
 4. Там же. С. 11.
 5. Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф. 4. Оп. 9. Д. 87. Л. 26.
 6. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее РГА ВМФ). Ф. 330. Оп. 1. Д. 1711. Л. 15 об.
 7. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 87. Л. 25 об.
 8. РГА ВМФ. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1711. Л. 14.
 9. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 78. Л. 58 об.
 10. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 78. Л. 74–75 об.

11. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 78. Л. 85 об.
12. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 78. Л. 57 об.
13. РГА ВМФ. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1711. Л. 14.
14. *Овсянников О.В., Ясински М.Э.* Заметки о морском аспекте освоения Русской Европейской Арктики... С. 177, 183.
15. Там же. С. 186, 187.
16. РГА ВМФ. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1711. Л. 14.
17. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 86. Л. 27-29 об., 33-33 об.
18. *Гемп К.П.* Выдающийся памятник ... С. 12.
19. *Гемп К.П.* Выдающийся памятник ... С. 18.
20. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 87. Л. 21 об.
21. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 87. Л. 69 об.
22. Российский государственный Военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Д. 18558. Ч. III. Л. 732.
23. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18558. Ч. III. Л. 766.
24. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 78. Л. 108–109 об.
25. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 87. Л. 108.
26. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 87. Л. 108.
27. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 87. Л. 29.
28. РГА ВМФ. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1711. Л. 62 об.
29. РГА ВМФ. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1711. Л. 36.
30. *Kraft Salomon.* Pomorhandelen pa Nordnorge under 1800-talets forra halft // ACTA BOREALIA. B. Humaniora. No. 9. Tromso-Oslo, 1968.
31. *Kraft Salomon.* Pomorhandelen pa Nordnorge under 1800-talets forra halft // ACTA BOREALIA. B. Humaniora. No. 9. Tromso-Oslo, 1968.
32. *Kraft Salomon.* Pomorhandelen pa Nordnorge under 1800-talets forra halft... Appendix II. Tab. 2.
33. *Шрадер Т.А.* Далекие и близкие имена (к вопросу о родословной поморов, ходивших в Норвегию) // Исторические связи Русского Севера с Норвегией. Архангельск, 1989. С. 48–53; Она же. Поморские лоции – источник для изучения истории плавания русских в Северную Норвегию // Мавродинские чтения, СПб., 2002. С. 129–134.
34. *Алимова Т.А.* Два памятника письменности Древлехранилища Пушкинского Дома о русско-скандинавских связях XVIII–XIX вв. // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Л.: Наука, 1976. Т. XXXI. С. 390-391.
35. *Гемп К.П.* Выдающийся памятник ... С. 65.
36. *Матонин В.Н., Комягина Л.П., Тропинина В.В.* Беломорская лоция XVIII века // «Соловецкое море». 2003. № 2. С. 8–17; *Шундалов И., Савинов М.* Поморские лоции как источник // Соловецкое море. 2007. № 6. С. 31-42; «Река Кушерецка»: мореходная книга XVIII века (историко-культурный контекст, материалы, исследования). Архангельск: ТСМ, 2011. 190 с.
37. *Шундалов И., Савинов М.* Поморские лоции как источник... С. 40.
38. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 87. Л. 5 об., 13.
39. РГА ВМФ. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1711. Л. 11.
40. РГА ВМФ. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1711. Л. 38, 53 об.
41. РГА ВМФ. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1711. Л. 42.
42. *Шундалов И., Савинов М.* Поморские лоции как источник... С. 34.
43. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 87. Л. 19, 69 об.
44. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 87. Л. 19 об.
45. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 87. Л. 42 об.
46. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 87. Л. 22.
47. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 87. Л. 23.
48. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 87. Л. 14 об.
49. РГА ВМФ. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1711. Л. 5.
50. *Крестинин В.В.* Краткая история о городе Архангельске. СПб., 1792. С. 28.
51. Там же. С. 29.
52. Там же. С. 29.
53. *Ясински М.Э., Овсянников О.В.* Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. СПб., 1998. Т. II. С. 259.
54. Там же. С. 258.
55. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 87. Л. 15 об.; РГА ВМФ. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1711. Л. 4.
56. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 87. Л. 32 об.
57. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 87. Л. 28 об.
58. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 87. Л. 86 об.
59. ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 87. Л. 24.

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ И ФИННО-УГРЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА НАКАНУНЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

А.М. Кондрескул

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Архангельск, kondreskul@mail.ru

В VI-IX веках восточные славяне объединились в общности, имевшие не только родовой, но и территориально-политический характер. В «Повести временных лет» имеются сведения о расселении славянских племен и их соседей в это время. Рассказ летописи подтверждается материалами археологических раскопок. Самыми северными восточнославянскими племенами были, проживавшие в бассейнах озёр Ильмень и Чудское, ильменские словене и кривичи [1].

Наиболее близкими по территории их соседями были финно-угры. На Карельском перешейке и северном побережье Ладожского озера жили карелы. С запада они соседствовали с племенами емь (хяме) и сумь - предками современных финнов, а с юга к ним примыкала ижора – племя, родственное карелам по происхождению.

К северу от территории проживания карел до Белого моря и Кольского полуострова, находились земли саамов (лопарей). Племя весь занимало территорию между Ладожским, Онежским и Белым озёрами и далее на юг, по Волге и Клязьме жило племя меря.

В бассейне Северной Двины и её притоков обитали племена чуди заволочской. По-видимому, чудь заволочская – не особое племя, а собирательное название для всего неславянского населения этой территории [2]. По Вычегде и её притокам проживала пермь вычегдская – предки современного народа коми, к северу от неё – печора и самоедь (ненцы), а к югу – черемисы (марийцы) и удмурты. В северном Предуралье и Зауралье жили предки современных хантов и манси, называемые в русских источниках югрой.

Восточные славяне ещё до своего расселения по Восточно-Европейской равнине занимались хлебопашеством, скотоводством, охотой, бортничеством и ремеслом. Заселяя новые места, они продолжали свои прежние занятия и осваивали новые. Промыслы играли в их хозяйстве второстепенную роль. Ремесло ещё не полностью отделилось от сельского хозяйства.

С пашенным земледелием были знакомы также карелы и весь. Основу же хозяйства большей части финно-угорских северных племен составляли охота, рыболовство, разнообразные промыслы, а на морском побережье – добыча морского зверя. У ненцев и саамов в этот период появляется оленеводство, а у карел – коневодство. В Карелии и на Кольском полуострове умели строить суда, добывать и обрабатывать железо. Прогресс в развитии производительных сил местного населения проявлялся в дальнейшем углублении специализации охотничье-промыслового хозяйства.

Великие торговые пути – Волжский, «Из варяг в греки», Заволочский, – проходившие по территории региона, способствовали вовлечению его населения в торговлю со Скандинавскими странами, Византией, Хазарским каганатом, Волжской Булгарией и Арабским халифатом. Данное обстоятельство создавало объективную заинтересованность стран и народов, связанных торговыми отношениями в поддержании политической стабильности вдоль торговых магистралей средневековья.

В освоении и развитии региона важную роль сыграла расположенная на реке Волхов Ладога (Старая Ладога). Здесь система восточноевропейских речных магистралей смыкалась с западной ветвью морских торговых путей, сформировавшихся в VII—VIII вв. С Востока и Византии на Европейский Север шли шелка, серебряные и золотые изделия, предметы роскоши, благовония, оружие, пряности. По Волжскому пути в скандинавские страны направлялся поток арабского серебра, а из славянских земель – рабы, меха, воск, мёд.

Бытование арабских серебряных монет (дирхем) на землях новгородских словен и кривичей, а также финно-угров, не ограничивалось транзитной ролью этих территорий.

Оседание здесь восточного серебра сопровождалось созданием собственной денежно-весовой системы на основе дирхема, получившей на славянской почве название «куна» [3].

Торговые пути из северных областей Восточной Европы, из Киева сходились к столице Волжской Булгарии городу Булгару, расположенному неподалеку от впадения Камы в Волгу. Именно в этом городе, одном из важнейших центров на Волжском пути, арабские купцы черпали сведения о северных славянах и финно-уграх. Дошедшие до нас сочинения арабских авторов XI-XIV вв. содержат немало важных, нередко уникальных данных о древних русах, о русских купцах, о торговых путях и предметах торговли.

Арабы высоко ценили товары Европейского Севера, особенно пушнину, которую им доставляли местные жители. Волжские булгары, не желая терять выгод от посредничества, не пускали арабских купцов на север по Волге, пугая их суровостью климата и свирепостью жителей. Но сами булгарские купцы бывали на Европейском Севере, добираясь по Волге и Шексне до Белого озера[4].

Такие торгово-ремесленные поселения как Ладога в низовьях Волхова, Рюриково городище под Новгородом, Гнездово близ Смоленска, Тимерево под Ярославлем, Сарское городище у озера Неро и другие, составляли единую систему торговых центров и международных путей и входили в особое североευропейское полиэтническое культурно-экономическое сообщество, объединявшее в VIII—XI вв. страны Балтийского моря [5]. Разнообразные контакты с иностранцами способствовали расширению представлений северного населения о жизни разных стран и народов.

Таким образом, с древнейших времен через Приильменье приходил международный Балтийско-Волжский торговый путь, который способствовал формированию у истоков Волхова центра политического взаимодействия местных финно-угров и пришедших сюда в VI-VIII вв. славян.

Славянские переселенцы на Европейском Севере устраивались общинами или волостями. Волость (мир) владела землей и распределяла ее между своими членами. Все свои дела волость решала либо на сходах, либо через своих выборных (старост, сотских, десятских и т. д.).

В VII – IX вв. родовые отношения у восточных славян стали распадаться в связи с появлением металлических орудий труда и переходом от подсечного к пашенному земледелию, так как уже не требовались совместные усилия всех членов рода для ведения хозяйства. Основной хозяйственной единицей стала отдельная семья.

Постепенно происходит замена родовой общины на соседскую, территориальную, члены которой уже не были кровными родственниками, а являлись просто соседями. В соседской общине сохранялась общинная собственность на пахотную землю, лесные и сенокосные угодья и т.п., но семье уже выделяются в пользование участки пахотной земли – «наделы».

Совершенствование орудий труда привело к производству не только необходимого в натуральном хозяйстве, но и прибавочного продукта, на основе которого осуществлялось развитие обмена между отдельными семьями. Это привело к дифференциации общины, росту имущественного неравенства, накоплению богатства старейшинами и другой знатью.

Родоплеменная верхушка все больше отделялась от массы рядовых членов общины. У славян, веси и карел зажиточные общинники концентрировали в своих руках власть и богатство. Многие из них стали жить отдельными укрепленными усадьбами. Зарождалась частная собственность. Процесс разложения родового строя, выделения отдельных семей и зарождения частной собственности достаточно четко рисует карело-финский эпос «Калевала» [6].

Военно-дружинная знать объявляла себя собственниками земель или племенного союза, облагая соплеменников данью (налогами). Другим путем подчинения соседних общин было превращение старой родоплеменной знати в бояр–вотчинников.

Таким образом, у восточных славян и финно-угров (карелы, весь) создавались социально-экономические и политические предпосылки образования государства.

Для понимания духовных предпосылок образования Древнерусского государства и роли в этом северных славян и финно-угров необходимо охарактеризовать их во многом схожие мифологические и религиозные представления.

В процессе расселения по северу Восточно-Европейской равнины у восточных славян и финно-угров формировались, влиявшие друг на друга, самостоятельные мифологические традиции. Кроме того, они испытывали значительное влияние иранской, тюркской, балтийской, а на заключительном этапе – исламской и христианской мифологий. Например, Бог-громовержец, Бог неба у скандинавов назывался Тор, балтов – Перкунас, а у славян – Перун.

Кроме Перуна у древних славян главными божествами являлись: божество солнца – Дажьбог, бог скота – Велес, бог огня – Сварог и другие. Наряду с мужскими божествами почитались и женские во главе с богиней плодородия Мокошью. У коми-зырян главным божеством была Золотая Баба, а у карел – старец Укко и бог бури Ильмаринен.

В целом религия восточных славян и финно-угров была политеистической (политеизм – многобожие) и включала культ природных сил, культ предков, промысловые и земледельческие культы. Суть языческих культов – магическое воздействие на природу, общение с предками. Циклы постоянного возрождения природы, биологической и хозяйственной жизни коллектива (рода, общины) в представлении язычников были взаимосвязаны.

Поклонение силам природы выражалось в вере в низшие божества. Их чаще всего называли по месту предполагаемого обитания: домовые, лешие, водяные и т.д. Для защиты от злых сил (упырей, леших, злыдней) употреблялись амулеты из волчьих и медвежьих зубов, применялись словесные заговоры, вносились магические знаки в орнамент [7].

Источник XV века – «Житие Стефана Пермского» – повествует о многобожии у коми (боги воды, воздуха, охоты, леса), о поклонении животным, деревьям, огню, солнцу, воде.

Славяне и финно-угры обычно изображали богов в виде каменных, металлических или деревянных фигур (идолов) и ставили на открытых местах – по погостам, в домах и лесах. В зависимости от значимости идола почитались отдельными семьями, селениями или населением всей округи.

Богам приносились жертвоприношения. Древние коми, например, в жертву богам приносили шкуры пушных зверей или металлы (золото, серебро, медь, железо или олово), карелы – лошадей, собак, овец или коров, в зависимости от благосостояния умершего. Славяне, по сообщению Прокопия Кесарийского, приносили в жертву быков [8].

Значительная часть общих для славян и финно-угров праздников была связана с культом предков. Славяне и финно-угры верили в бессмертие души и загробную жизнь, которая сложится счастливо, если живые правильно проводят усопшего в иной мир.

Захоронения у древних карел, например, представляли из себя сруб, в котором помещался один или чаще несколько умерших с большим количеством ценных вещей. Затем сруб засыпался землей и получался курган. Такие захоронения получили названия «дома мертвых». По представлениям карел, умерший отправляясь в последний путь, менял только свое жилище [9].

Кульτ диких животных и птиц характерен для всех угро-финнов с присваивающим характером экономики, основанной на охоте и рыбной ловле [10]. С появлением и развитием животноводства и земледелия зарождался культ домашних животных, например, коня у коми [11].

У славян и финно-угров существовал годовой цикл земледельческих праздников, определявшийся важнейшими астрономическими датами, связанными, как правило, с движением солнца. Целью всех обрядов было обеспечение урожая и здоровья людям, а также скоту. Священным считался домашний очаг или печь, как символ семьи. Широко были распространены различные виды гаданья. Рождение, свадьба, смерть – все эти события в жизни человека сопровождались обрядами.

По-видимому, жречество как сословие у восточных славян и финно-угров находилось ещё только в процессе формирования, который был прерван введением христианства.

Жрецов языческих божеств у восточных славян и финно-угров в дохристианские времена было не так много, как гадалей, колдунов и знахарей. Как считает В.В. Седов, вождь (князь) у древних славян мог совмещать в себе административные, военные и религиозные функции [12], что вообще характерно для периода военной демократии.

Язычество для предков русских и финно-угров было скорее духовно-нравственной культурой, чем религией. В основе их поклонения были силы природы, связанные с такими понятиями как благо, добро и красота.

В целом язычество не соответствовало потребностям зарождавшегося у них государства, так как оно не имело разработанной социальной доктрины, способной объединить реалии новой жизни. К X веку стала очевидной необходимость модернизации религиозной системы.

На пути своего духовного развития славяне и финно-угры неуклонно отвергали жестокие культы и обряды древних верований, отбирая среди них только то, что было близко их душе. В древних славянских и финно-угорских воззрениях отчетливо пробивалась мысль о совершенствовании, преображении души человека.

Первые зачатки национального сознания и осмысления мира несут в себе идею о том, что человек по природе добр, а зло в мире есть отклонение от нормы. В их древних языческих культах нравственная сторона (принцип добра) преобладала над магической. Известный знаток славянской культуры А.Н. Афанасьев характеризовал взгляды древних предков славян на природу как нравственные и поэтические [13].

Мифология и религия восточных славян и финно-угров были тесно связаны с их политической жизнью и влияли на её развитие.

Древнерусское государство – не первое политическое образование, созданное восточной ветвью славянства и северными финно-уграми. Это огромное по территории государство имело свою длительную историю до того времени, когда Киев стал его объединяющим центром.

Проживавшие в I тысячелетии н. э. на Европейском Севере славянские, балтские и финно-угорские племена и народы ещё до образования государства приобрели опыт создания государственно-территориальных образований и взаимоотношений с соседними странами и народами. У них же родилась идея приглашения на русскую службу варяжских князей.

К концу I тысячелетия н.э. на территории региона от Приладожья до Верхнего Поволжья появились скандинавы (варяги). Ранние контакты северных финно-угров, восточных славян и варягов (скандинавов) наиболее вероятны в Ладоге, в районе Новгороде, на мерянском Сарском городище под Ростовом и, по-видимому, в Ярославском Поволжье (Тимерёво) [14].

С развитием торговли связано у славян и финно-угров появление городов. Всего к IX веку насчитывалось более двух десятков крупных городов. Северные русские земли, как цепь крепостей вдоль реки Волхов: Любша, Ладога, Алаборг, Холопий городок и другие варяги называли Гардарикой (страной городов) [15].

К началу IX века вблизи истока Волхова возникло укрепленное Рюриково городище, служившее резиденцией будущих новгородских князей, а в первой половине X века в земле словен был построен Великий Новгород, ставший крупным политическим, ремесленным и торговым центром средневековой Руси.

Все эти свидетельства о существовании городов и укреплений на севере в бассейне Волхова дали основание ряду ученых (А.А.Шахматов, С.Ф. Платонов, В.В. Бартольд, О. Прицак, К. Цукерман, Д.А. Мачинский и другим) высказать гипотезу о существовании не позднее конца VIII века на этой территории самостоятельного политического объединения – Русский каганат [16].

Единственное описание Русского каганата как политической и территориальной структуры приводят в своих сочинениях арабо-персидские географы (Ибн-Русте, Гардизи, Марвази, Худуд аль-алам и другие). Они сообщают, что русы отличаются от славян и обитают на острове, а их правитель называется хаканом и что: «Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булгар и там продают. Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян» [17].

Арабские средневековые авторы сообщают о трех племенных союзах восточных славян, существовавших накануне образования Древнерусского государства: Куявия (Куйаба), Славия и Артания (Арсания) [18].

Славия отождествляется с ильменскими словенами, а город Слав – с гипотетическим предшественником Новгорода (возможно, Ладогой). Славия описывается как наиболее удалённая группа русов, вместе с Куйабой и Артанией поддерживающая широкие международные торговые связи, в частности с мусульманским Востоком. В описании Ибн Хаукаля она названа главной по отношению к двум остальным.

Куявия описывается как город, ведущий оживлённую торговлю с Востоком и являющийся центром той группы русов, которая располагалась ближе всего к Булгару. Имя самой группы не называется. Подобно двум другим центрам русов данная группа возглавлялась собственным царём. По общему признанию этот топоним идентифицируется с Киевом, хотя Г.Ф. Корзухина и Д.А. Мачинский локализуют его значительно севернее: в месте, впадения Нерли в Клязьму [19].

Местоположение Артании большинством современных исследователей определяется в районе Ростова Великого. Основным доказательством этой версии является наличие богатого археологического материала в пунктах Волжского торгового пути Северо-Восточной Руси.

Перечень вывозимых из Артании товаров также указывает на северное её расположение: «вывозят шкуры чёрных соболей (леопардов) и чёрных лисиц и свинец (или олово)» [20].

Древняя Русь вышла на международную арену всемирной истории с похода Руси на Царьград в 860 году и с этого момента, согласно «Повести временных лет», «стала прозываться Русская земля». По-видимому, в этом походе принимали участие разные племена Древней Руси, объединённые, согласно арабским источникам, вокруг трёх политических центров: Куявии, Славии и Артании [21].

Таким образом, с большой вероятностью можно предполагать, что как минимум два из трех крупных племенных объединений восточных славян, в которые, по-видимому, входили и финно-угры, занимали северо-западную (Славия) и северо-восточную (Артания) части Европейского Севера. Появление таких центров свидетельствовало о возникновении новых внутриплеменных отношений в организации восточных славян и северных финно-угров, которые создали предпосылки для появления у них государства. Однако эти местные княжения были мало друг с другом связаны, соперничали между собой, и потому не могли противостоять мощным внешним силам: хазарам и варягам.

1. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси: XI - начало XII века. М., 1978. С. 25-31.

2. Агеева Р.А. «Русь, чудь и вси языци... // Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 86-115

3. Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

4. Коновалова И.Г. Русский Север глазами средневековых арабов // Прометей: историко-библиографический альманах. М., 1990. Т. 16. С. 299-301.

5. Лебедев Г.С. Скандобалтика и Русь в историко-культурном процессе раннего средневековья Европы (VIII—XI вв.) // Европа – Азия: Проблемы этнокультурных контактов. К 300летию Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С. 7-23.

6. Евсеев В.Я. Исторические основы карело-финского эпоса. М.; Л., 1957. Кн. 1. С. 134-137, 144, 156-161; История северного крестьянства. Т. 1. Архангельск, 1984. С. 57.

7. *Кайсаров А.С., Глинка Г.А., Рыбаков Б.А.* Мифы древних славян. Велесова книга / Сост. А.И. Баженова, В.И. Вардугин. Саратов, 1993.
8. Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 438-442.
9. *Кочуркина С.И.* Корела и Русь. Л., 1986. С. 40-44.
10. *Петрухин В.Я.* Мифы финно-угров. М., 2005. С. 1-83.
11. История Коми с древнейших времен до начала XX века. Т. 1. Сыктывкар, 2004. С. 51-54.
12. *Седов В.В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 268.
13. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865-1869. Т. 1-3 (репринт: М., 1994).
14. *Дубов И.В.* Великий Волжский путь. Л., 1989.
15. *Джаксон Т.Н.* Austr í Gǫrðum: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001. Глава 4.
16. Русский каганат [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Русский_каганат&oldid=62964954 (дата обращения 25.07.2014).
17. *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение / Под ред. В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнина. М., 1965. С. 397-399.
18. Возможно, Русский каганат, а также Славия Куявия и Артания в трудах арабских географов означают одни и те же протогосударственные образования восточных славян и финно-угров.
19. *Корзухина Г.Ф.* Русские клады. М., 1954. С. 34.
20. *Новосельцев А.П.* Указ. Соч. С. 411-412.
21. *Вернадский Г.В.* Древняя Русь. М., 1999. Гл. VIII; *Иловайский Д.В.* Начало Руси. М., 2006. С. 71, 332.

ДВЕ СТОРОНЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Г.А. Лепин

Архангельский центр Русского географического общества, Архангельск,
lepin.gennagij@yandex.ru

Когда говорят о Соловецком монастыре, вспоминается жуткая монастырская тюрьма и ее жертвы. Но была и другая сторона деятельности Соловецкого монастыря – военная, которая связана с героической борьбой поморов против иноземных захватчиков.

Соловецкий архипелаг лежит в северной части Онежской губы Белого моря, между Карельским Поморьем и Летним берегом Онежского полуострова. Он состоит из шести крупных и множества мелких островов. Сотни пресных озер, покрывающих его поверхность, изобилуют рыбой, как и окружающее море. Леса богаты грибами и ягодами. (Рис. 1).

Рис. 1. Фрагмент карты (из архива Г.А. Лепина)

«О первых, древних, этапах освоения архипелага — рассказывают сотни разнообразных археологических памятников. Специалисты различают первобытные стоянки и камнеобрабатывающие мастерские, каменные лабиринты и святилища, могильники и сейды — священные камни средневековых саамов» [1].

Примерно с XII в. берега Белого моря становятся местом пребывания русского человека, встречая на своем пути редкие финские племена. В это время Соловки превращаются в сезонное пристанище для рыбаков и охотников за морским зверем.

В 1429 году два первых монаха-поселенца появляются на отдаленных Соловецких островах [2]. Преподобный Савватий (рис 2), учившийся монашескому ремеслу у св. Кирилла Белозерского, ученика самого преподобного Сергия Радонежского, и преподобный Герман, молодой инок, только начинающий свой путь. После кончины Савватия, Герман привел на Соловки нового сопостника — преподобного Зосиму (рис 3), вокруг которого и начал складываться монастырь.

«Развивая бурную колонизаторскую деятельность, он превратился к концу следующего столетия в богатейшего северорусского феодала и крупного оптового купца. Свыше двух столетий — с XVI века до 60-х годов XVIII века — Соловецкий монастырь являлся почти самостоятельным государством внутри большой Русской державы. Имея свою населенную территорию, на которой действовали собственные законы и обычаи, он содержал войско, береговые и островные укрепления, судил своих подданных. Из-под юрисдикции монастыря изымались только уголовные дела» [3].

Уже к концу XV в. Соловецкий монастырь превратился в духовный центр христианского Поморья и начал проводить миссионерскую работу среди туземцев.

Монастырь расположен на перешейке между Святым озером и бухтой Благополучия на Большом Соловецком острове. До того, как был построен современный каменный монастырь, в XV - начале XVI в, выстроены деревянные церкви (Преображенская, Никольская и Успенская), а также трапезная.

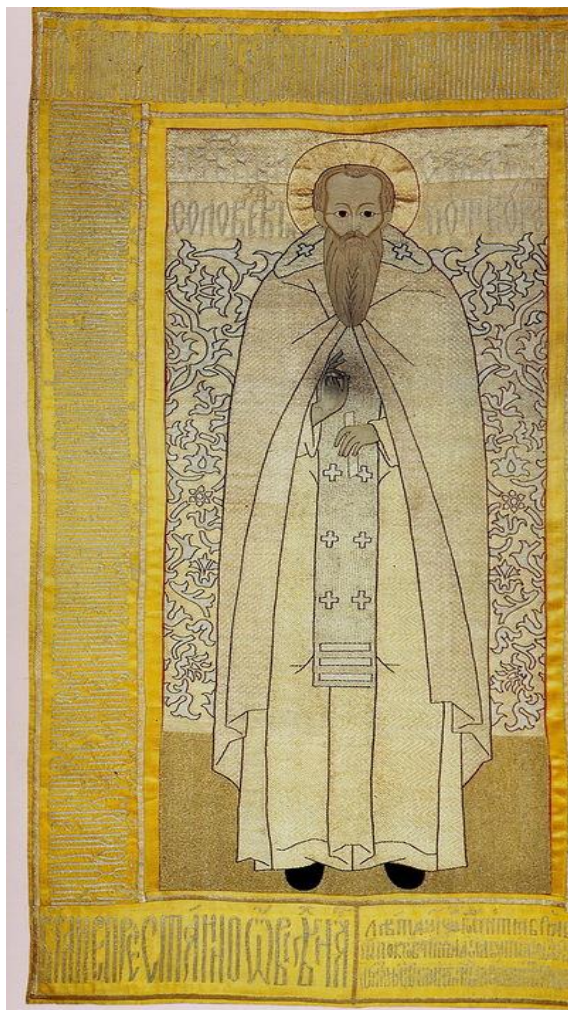

Рис. 2. Преподобный Савватий
Соловецкий 1660 г.
Соловки (из фондов СГИАПМЗ)

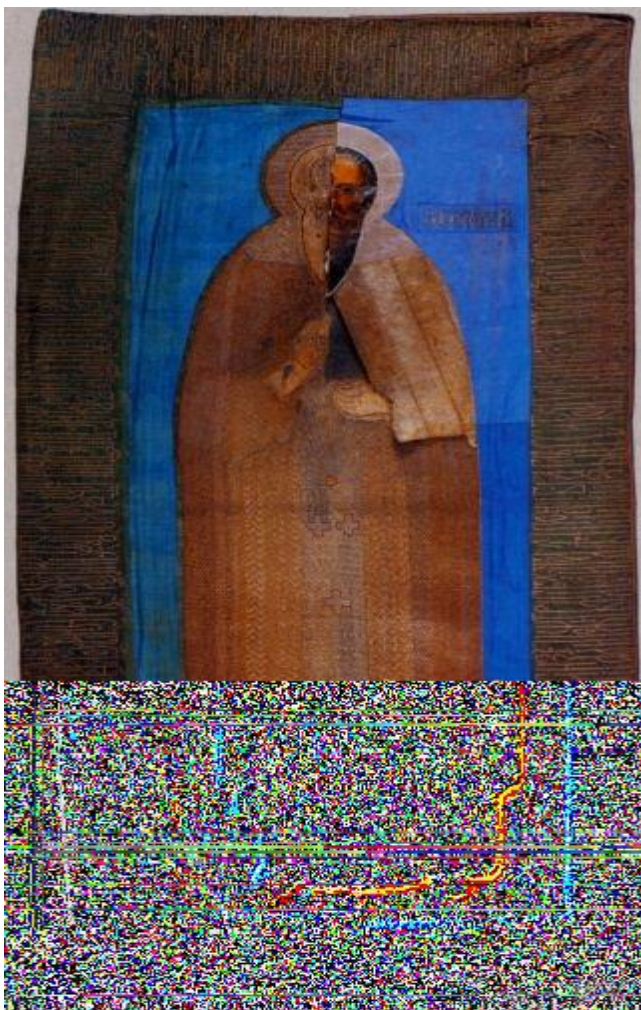

Рис. 3. Преподобный Зосима Соловецкий
Соловки (из фондов СГИАПМЗ)

«Одним из основных занятий Соловецкого монастыря в XVI— XVII вв. было солеварение, широко распространившееся на Севере с XII века. На 50 монастырских соляных варницах было занято в отдельные годы более 800 постоянных рабочих и 300 временных [4]. «В конце XVI века монастырь ежегодно продавал около 100 тыс. пудов соли, а в первой половине XVII века вывозил на внутренние рынки 130—140 тыс. пудов соли в год. В первой половине XVII века монастырь получал за пуд соли 10—11 коп., а с конца

XVII в. — начала XVIII в. в связи с введением соляной пошлины средняя цена на пуд соли поднялась до 15—16 коп. Выручка от соляной продажи шла на покупку хлеба. В XVI—XVII вв. монастырь расходовал в год более 10 тыс. четвертей хлеба (40 тыс. пудов). Соловецкие настоятели не без гордости заявляли, что монастырь «питается соляными промыслами» Местом продажи соли и покупки хлеба была Вологда. Основной торговой магистралью являлась Двинско-Сухонская речная система» [5].

«В XVI—XVIII вв. Соловецкий монастырь был политическим центром края, а его настоятель — большой силой на Европейском Севере России, способной возглавить оборону государственных и соловецких границ» [6].

Общерусскую славу обитель приобрела когда ее возглавил игумен Филипп (Колычев) — неутомимый молитвенник, богослов, строитель и изобретатель. «Твердо известно, что в июле 1546 г. он окончательно утвердился на игуменстве, а настоятель Алексей отошел в мир иной» [7].

При нем в монастыре был окончательно установлен общежитийный устав, заведены книгописание, иконописание и другие ремесла, начато каменное строительство, на островах были проведены дороги и каналы между озерами, устроена валунная гавань для морских судов. С этого времени монастырь становится духовной, культурной и хозяйственной столицей Русского Севера (Рис. 4).

«Летом 1566 г. «хозяин Соловков» сойдет с игуменства, чтобы взойти на митрополию». «Будучи избран митрополитом Московским и всея Руси, резко выступил против кровавой опричнины Ивана Грозного, был сослан и принял мученическую кончину» [8].

Рис. 4. Последние минуты митрополита Филиппа. 1898 г. Соловки (из фондов СГИАПМЗ).

Архимандриты в Соловецком монастыре назначались непосредственно царём и патриархом. В конце XVIII в. он стал ставропигиальным, т. е. непосредственно подчинявшимся Синоду.

Владея Карельско-Мурманским побережьем, монастырь, естественно, вынужден был строить крепости, содержать гарнизоны в острогах всего Поморья и защищать свои материковые владения подобно собственнику в эксплуататорском обществе. Защита обширной северной окраины страны составляла, поэтому, важнейшую заботу и неотъемлемую обязанность духовного вельможи. «Вот почему,— пишет С. Ф. Платонов,— Соловецкому монастырю пришлось, кроме частновладельческих прав и обязанностей, принять на свой страх и кошт долю чисто правительственных функций» [9].

Политическая обстановка вынуждала монастырь строить укрепления на островах и в прибрежной полосе, иметь оружие, содержать войско, то есть заниматься военной стратегией.

«Русское правительство понимало, что северная окраина нуждается в военной помощи, и оказывало ее. В 1578 году построен был вокруг Соловецкого монастыря деревянный острог (стена) с башнями. Присланный царем воевода М. Озеров расставил на нем 9 пушек и пищали, нанял для защиты кремля 95 стрельцов, вооружил их ручницами и распределил по местам. Стрельцы содержались на «отчете монастыря» и поступили под начальство игумена. С этого времени Соловецкий монастырь приобретает значение пограничной военной крепости» [10].

«Особое внимание привлекают два самых острых периода в военной биографии Соловецкого города: годы польско-шведской интервенции в начале XVII века и годы Крымской войны, когда Соловецкие острова закрывали вход в Онежскую губу Белого моря, преграждали путь к городам Кемь, Онеге и Сумскому посаду (ныне город Беломорск), Именно поэтому англо-французские захватчики обрушили основной и самый мощный на Севере удар на Соловецкий монастырь» [11].

«В 1594 году для инспектирования строительства Соловецкого кремля приехал на Соловки воевода Иван Яхонтов «с прочими начальственными особами». Под его наблюдением, в том же году, то есть спустя 10 лет со времени начала работ, возведение каменной ограды было завершено» [12].

«Всю инженерную работу по созданию колоссального сооружения проделал соловецкий постриженник Трифон, уроженец Ненокского посада. По чертежам и планам монаха-зодчего сложили стену из местных диких камней разной величины: в основании ограды встречаются валуны до 6 метров длины и до 1,5 метров ширины, на верхние ряды, на 8—9-метровую высоту поднимали камни полутонного веса. Неотесанные глыбы булыжника строители искусно подгоняли друг к другу. Неизбежные при такой кладке пустые места заполнялись мелким камнем и кирпичным щебнем, связанным известковым раствором.

Соловецкий кремль имеет форму неправильного пятиугольника (Рис. 5), вытянувшегося с севера на юг. Циклопическая гранитная ограда пересекается 8 огромными башнями (из них по углам 5 круглых «глухих» и по сторонам 3 четырехугольных «проезжих») и имеет такое же количество ворот. Высота башен до шатра 14—15 метров» Башни выступают далеко за линию стен. Это давало возможность огнем из башенных амбразур перекрывать подступы к ограде на всем ее протяжении» [13].

Рис. 5. Кремль (монастырь)... Соловки (из фондов СГИАПМЗ).

«Конец XVII века в жизни Соловецкого монастыря отмечен антиправительственным восстанием 1668—1676 гг. (Рис. 6).

Соловецкому восстанию предшествовали 20-летнее пассивное сопротивление, мирная оппозиция аристократической верхушки монастыря (соборных старцев) против Никона и его церковной реформы, в которую с конца 50-х годов была втянута рядовая братия (черные старцы). С лета 1668 года в Соловецком монастыре началось открытое вооруженное восстание народных масс против феодализма, церковных и правительственных властей. Период вооруженной борьбы, составивший целых 8 лет, можно разделить на два этапа. Первый продолжался до 1671 года. Это было время вооруженной борьбы соловчан под лозунгом «за старую веру», время окончательного размежевания сторонников и противников вооруженных методов действий. На втором этапе (1671 —1676 гг.) к руководству движением приходят участники крестьянской войны С.Т. Разина. Под их влиянием восставшие массы порывают с религиозными лозунгами» [14].

Рис. 6. Вооружённые восстания в России ("соловецкое сидение") 1668–1678 гг.
Соловки (из фондов СГИАПМЗ).

«Разгром Соловецкого монастыря произошел в январе 1676 года». «Соловецкий монастырь не был взят штурмом. Его предали изменники-монахи. Монах-перебежчик Феоктист провел в монастырь тайным ходом, что под сушилкой у Белой башни, отряд стрельцов. Через открытые ими башенные ворота в крепость ворвались главные силы И. Мещеринова. Восставшие были захвачены врасплох» [15].

«В 1702 г. от Соловецких островов Петр I отправился с флотом к пристани монастырской деревни Нюхча, что на морском берегу. Отсюда с двумя яхтами и пятью батальонами гвардии Петр пошел прямо на город Повенец к Онежскому озеру – дорогой, получившей наименование «осударевой (государевой) дороги. Из Онежского озера рекою Свирь фрегаты и преображенцы вошли в Ладожское озеро, где войска Шереметева дрались со шведами. Ударившие по врагу с тыла свежие русские силы решили исход сражения. Шведская флотилия в Ладожском озере была истреблена. В октябре 1702 года пал Нотебург (древний новгородский Орешек), затем Ниеншанц. Все течение Невы оказалось в руках России и основан город Санкт-Петербург» [16].

«6 июля 1854 г., в разгар Крымской войны (Рис. 7), два шестидесятипушечных фрегата, «Бриск» и «Миранда», приблизились к Соловецкому монастырю. Два сигнальных выстрела с корабля были восприняты как начало боевых действий.

В завязавшейся перестрелке одно из ядер попало в английский фрегат и, повредив его, заставило уйти за мыс. Столь дерзкий ответ возмутил англичан. Интенсивный обстрел обители продолжался около 9 часов, по ней было выпущено примерно тысяча восемьсот ядер и бомб, которых, по признанию английского капитана, хватило бы для разрушения нескольких городов. Превосходство англичан вооружении оказалось бессильным перед мужеством и смекалкой защитников, мощью крепостных стен. К вечеру яростное сопротивление защитников заставило английские суда отойти от монастыря» [17].

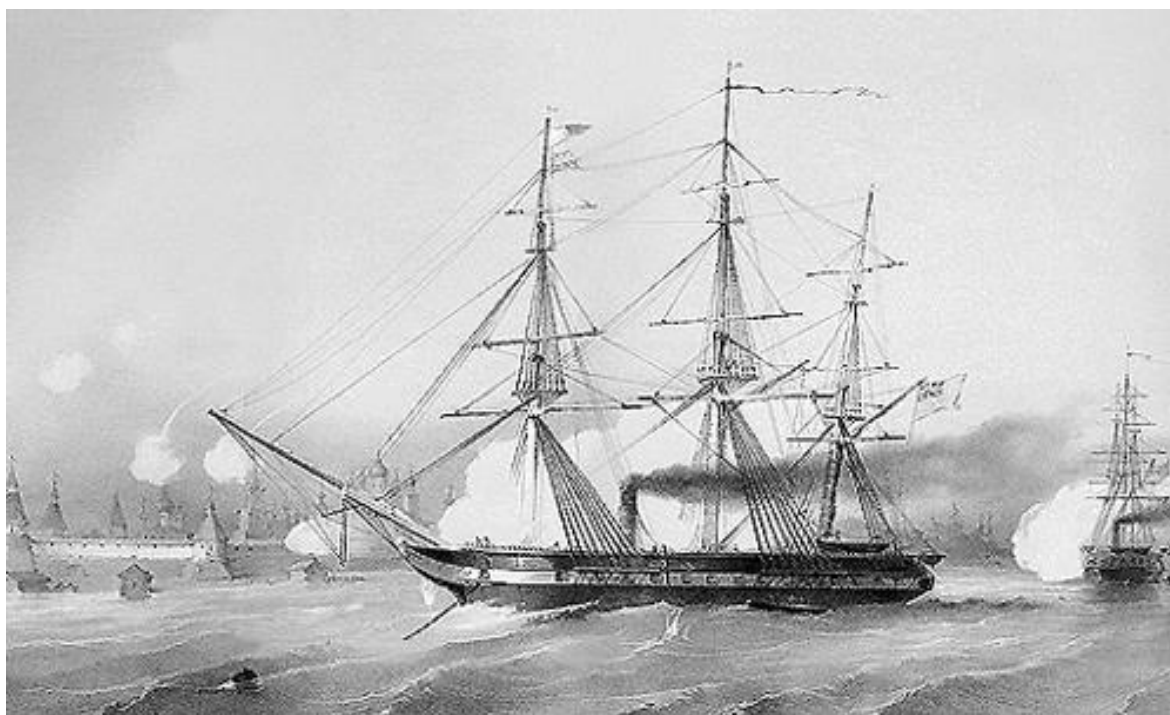

Рис. 7. Бомбардирование Соловецкого монастыря двумя британскими пароходами. 1868 г. Соловки (из фондов СГИАПМЗ).

С XVIII столетия в монастырь стали поступать заключенные по решению Синода и Тайной канцелярии. Кто только не томился в специально построенном здесь остроге: раскольники, скопцы, расстриги, пьяницы, вольнодумцы.

В целом, за все время существования тюрьмы, количество заключенных было невелико и лишь немногим превышало триста человек. Большинство из них были осуждены за религиозные преступления. Однако суровые условия содержания ссыльных оставляли за монастырем славу жестокой тюрьмы, и это резко противоречило назначению и самому образу «святой обители». Только в 1903 году соловецкая тюрьма была упразднена. И все же, спустя 20 лет, уже в советские годы, история соловецкой тюрьмы приобрела новое, еще более трагическое продолжение.

Уже в 1920 году на островах располагался лагерь принудительных работ, который вместе с конвоем насчитывал триста пятьдесят человек. Это был один из первых исправительно-трудовых лагерей послереволюционной России. В 1923 году на островах организуется новое карательное учреждение значительно большего масштаба – Соловецкие лагеря особого назначения (СЛОН). В начале 1937 года они были преобразованы в Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН). Трагический смысл аббревиатуры последнего названия сполна отразили условия содержания заключенных. Изогранные

издевательства, пытки, физическое уничтожение тысяч людей придали самому слову – Соловки – зловещее звучание (Рис. 8). На протяжении почти двух десятилетий, до 1939 года, сотни тысяч заключенных плотно заполняли помещения кремля и отдаленных скитов. Осужденные жили в старых землянках, душных бараках, едва отапливаемых монастырских зданиях. Первыми на Соловки были сосланы политические противники – эсеры, меньшевики, анархисты, белогвардейцы, попадали сюда и уголовники, значительным был контингент лиц духовного звания. Политзаключенные пытались держаться сплоченно, требовали создания нормальных условия содержания. Однако администрация лагеря обычно с равнодушием относилась к протестам и постепенно ужесточала режим. В начале 30-х годов на острова для «перековки» стали привозить раскулаченных крестьян, членов религиозных сект, творческую интеллигенцию. Обвиненные во «вредительстве», «контрреволюционной агитации» и прочих надуманных преступлениях, они жестоко страдали от тяжелых физических работ на лесоповале, торфоразработках, прокладке дорог. Во второй половине 30-х годов, с ростом в стране репрессий, на острова попадают многие ученые, старые партийные кадры, работники Коминтерна, работники НКВД, эмигранты, деятели культуры» [18].

Рис. 8. Соловецкий лагерь особого назначения. 6 июня 1923 г.
Соловки (из фондов СГИАПМЗ).

«В период Великой Отечественной войны в стенах монастыря располагался учебный отряд Северного флота. Известная Соловецкая школа юнг подготовила для фронта тысячи юных моряков, специалистов в различных областях военно-морского дела» [19] (Рис. 9).

После войны Соловецкие острова продолжали оставаться в ведении Министерства обороны. В период до середины 1960-х гг. соловецким памятникам был нанесен огромный ущерб. Здания произвольно перестраивались, просто разбирались на дрова.

В 60-е гг. XX в. началось восстановление памятников архипелага. В 1967 г. открылся музей, действующий и по сей день.

За первые пятьсот лет своего существования Соловецкий монастырь дал Церкви множество святых и подвижников благочестия, обогатил русскую культуру первоклассными памятниками архитектуры, иконописи и литературы, а хозяйственную и морскую практику Поморья — ценнейшим опытом и разнообразными техническими новинками. В XX-й век обитель входила как крупнейший паломнический центр, имеющий свой флот, учебные заведения, разветвленную хозяйственную структуру.

«Во главе Соловецкого подвижничества сияют, подобно лучезарным звездам, преподобные отцы Савватий, Зосима и Герман, Анзерских чудотворцев Елеазара и Иова, а также святителя Филиппа, митрополита Московского и всея Руси, который, почти 30 лет прожив в Соловецком монастыре — 18 из них в качестве настоятеля, много сделал для его укрепления и процветания. Став митрополитом, святитель Филипп смело выступил против злодеяний опричнины и принял мученическую кончину. Из соловецких пострижеников вышли два патриарха — Иоасаф I (1634—1641) и Никон (1652— 1658), шесть митрополитов, несколько архиепископов и епископов, множество подвижников, прославившихся святостью и чудотворениями, а также видные исторические деятели Авраамий Палицын, Александр Булатников и др. Монастырь много сделал для просвещения язычников на далеких окраинах России. Одним из самых первых выдающихся подвижников Крайнего Севера был блаженный Феодорит Кольский. Соловецкий пострижник архимандрит Феодорит за свою долгую 90-летнюю жизнь просветил евангельским словом и привел к христианству тысячи лопарей (саамов). Большой заслугой Соловецкого монастыря было распространение в Поморье грамотности и ремесленных знаний» [20].

Рис. 9. В музее. Стенд, посвященный юнгам Северного флота. Соловки (из фондов СГИАПМЗ)

В 1990 г. началось возрождение монастыря. Сейчас на Соловках помимо монастыря и музея находится небольшой поселок, в котором проживают около 800 жителей. В туристический сезон (три летних месяца) население Соловков увеличивается в несколько раз, поток паломников и туристов с каждым годом возрастает (Рис. 10).

Рис. 10. 2006 г. Соловецкий монастырь (из архива Г.А. Лепина)

Соловецкие острова

Г.А. Лепин

Где Белое море, холодное море,
Где льдами увенчан Онежский залив,
Стоят острова, наслаждаясь покоем,
Свой взгляд далеко на восход устремив.

Им солнечный лик долгожданный так дорог,
Со шведами битвы остались в былом,
Английских обстрелов развеялся порох,
Эскадра врага не прошла напролом!

Соловецкие острова,
Натерпелись вы, настрадались.
Но растаяла мгла едва –
Звёзды ясные показались!

Смотрят тихо они с небес.
И в молитвах сердца раскрыты -
Помним всё, что случилось здесь,
Ни мгновение не забыто!

И звон колокольный летел по округе -
Велик монастырь на кусочке земли!
И тысячи гулких трепещущих звуков
Народ с упоением к вере вели.

Савватия дело и подвиг Филиппа
Склоняют и ныне в поклоне людей.
Монашеский путь именами усыпан,
Их шепчут уста под мерцанье свечей.

Спустились, как коршуны, черные годы –
Закрыт монастырь. Появилась тюрьма.
Здесь узникам снилась ночами свобода,
Здесь саваном их укрывала зима.

А после – война. С соловецкого берега
Шли юнги отважно на Северный флот.
И лишь в девяностые прошлого века
Молва пронеслась: вновь обитель живёт!

-
1. Мартынов А.Я. К истории исследования соловецких древностей. Примечания //Археология и археография Беломорья. Соловки, 1984; его же: Соловецкие археологические памятники 3-го тысячелетия до н.э. — XVII в. Литература // Поморская энциклопедия. Архангельск, 2001. С. 379.
 2. В одной из последних работ, посвященных памятникам культуры Соловецких островов, Лихачев Д.С. ставит под сомнение время основания монастыря, относя его ко второй половине 30-х годов XV столетия. См.: Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980, С. 12-13.
 3. Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья. Северо-Западное книжное издательство, 1975. С. 3.
 4. Розен Б. Северная соль. Архангельск, 1957. С. 36.
 5. Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья. Северо-Западное книжное издательство, 1975. С. 4.
 6. Там же. С. 8.
 7. Дмитрий Володихин. Митрополит Филипп. М. 2009. С. 58.
 8. Там же. С. 58.
 9. Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в смутное время). М., Государственное социально-экономическое издательство, 1937, стр. 6.
 10. Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья. Северо-Западное книжное издательство, 1975. С. 19
 11. Там же. С. 9.
 12. Летописец Соловецкий. ГИМ. Собрание Хлудова. № 184. С. 46-47.
 13. Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья... С. 32-33.
 14. Там же. С. 67-68.
 15. Там же. С. 72.
 16. Там же. С. 84.
 17. Скопин В.В. На Соловецких островах. М. 1991. С. 27.
 18. Там же. С. 30-32.
 19. Там же. С. 32.
 20. Соловки. История. Летопись возрождения. К 20-летию возрождения Соловецкого монастыря. М., 2010. С. 12

ПЛАВАНИЯ РИЧАРДА ЧЕНСЕЛЛОРА В МОСКОВИЮ

В.В. Лисниченко, Н.Б. Лисниченко

Институт судостроения и морской арктической техники САФУ им. М.В. Ломоносова,
Северодвинск, lisnichenko_v_n@mail.ru

В 1493 году португальский мореплаватель Христофор Колумб открыл «западный» путь в Индию. В первой половине XVI века южноамериканское золото и серебро обеспечили Испании на какой-то период процветание и могущество. Для Англии – извечного соперника Испании – сложилась опасная ситуация, требовавшая срочного поиска альтернативного решения. Таким решением могло стать получение доступа к богатствам Индии и Китая. Если могущество испанской короны опиралось на золотые рудники Южной Америки, то Индии суждено было стать жемчужиной британской короны. Другие европейские государства также включаются в эту гонку за сокровищами Востока.

Поиск новых путей на восток приводят многих мореплавателей в холодные северные воды. В сочинении посла Римской империи в Москве А.Герберштейна, изданном в Венеции в 1550 году, говорится, что в Китай можно попасть по воде, если проплыть морем из Европы к устью Оби и потом подняться вверх по реке до «китайских» озер, а там и Индия недалеко. Английские мореплаватели первыми попытались пройти этим путем.

В Англии по инициативе Себастьяна Кабота создается «Общество купцов, искателей открытия стран, земель, островов, государств и владений неизвестных и доселе не посещаемых морским путем». При поддержке этого общества в плавание для поиска северо-восточного морского пути снаряжается экспедиция.

20 мая 1553 года из Гринвича, провожаемая королевским советом, придворными и огромной толпой горожан, в море вышла экспедиция, состоящая из трех кораблей. Во главе экспедиции стоял сэр Хьюг Виллоуби, назначенный на эту должность «вследствии его хороших личных качеств, а также выдающейся ловкости в военных делах». Сэр Виллоуби командовал судном «Буона Сперанца» («Благая Надежда») водоизмещением 120 тонн с командой 38 человек.

«Эдуард Буонавентура» («Эдуард Благое Предприятие») был самым большим кораблем экспедиции, он имел водоизмещение около 160 тонн и 54 человека команды, а командовал им Ричард Ченслер¹. «Буона Конфиденция» («Благое Упование») под командованием Дерфорта имела водоизмещение всего около 90 тонн и экипаж в 24 человека. Вот с такими скромными силами англичане решили достичь Китая и Индии.

Король Эдуард VI выдал экспедиции лицензию на открытие чужих стран. Экспедиция была снабжена грамотой, написанной на латинском, греческом и других языках, в ней говорилось, что единственной целью экспедиции является открытие новых стран и установление с ними торговых связей.

24 июля 1553 года экспедиция достигла берегов Норвегии и двинулась на северо-восток вдоль скандинавского побережья.

В первых числах августа корабли разметало бурей, «Эдуард Буонавентура» под командованием Ченслера потерял своих спутников и зашел в Белое море, к концу августа он достиг устья Северной Двины.

Холмогорские выборные головы Филипп Родионов и Фофан Макаров докладывали «... Великому князю в Москве о приходе от Аглицкого короля Едварта посла Рыцерта и с ним гостей». Царь Иван Грозный приказал доставить к нему англичан, с почестями принял их, и согласился с предложением Ченслера об установлении постоянной торговли между Англией и Россией.

Судьба экипажей двух других английских кораблей сложилась трагично. Сэр Виллоуби согласно ранее достигнутой договоренности в течение месяца двигался в заданном направлении и вел свои корабли на северо-восток, но затем корабли повернули обратно и вынуждены были зимовать в конце сентября в одной из бухт на северном берегу

Кольского полуострова. Во время зимовки все англичане погибли от голода и цинги. На следующий год «заморские корелы» принесли в Холмогоры «чуждую весть»: «Нашли-де они на Мурманском море два корабля: стоят на якорях в становищах, а люди на них мертвы, а товаров на них – сказывали – много».

Очевидно, что руководство экспедицией не было готово к зимовке и не представляло всех ее опасностей, иначе сэр Виллоуби мог беспрепятственно увести корабли обратно в Англию, ведь в конце сентября море у мурманских берегов еще не замерзает. А может быть, он до конца не терял надежду дождаться вестей о пропавшем корабле Ченслера.

Ричард Ченслер был известен в Англии как выдающийся навигатор, изобретатель и мастер по навигационным инструментам, а также как человек исключительного благородства и настойчивости.

Первое плавание его на Русский Север закончилось абсолютным триумфом – он сумел установить морское сообщение с Московским государством, был очень хорошо принят Иваном Грозным и сумел договориться о начале взаимовыгодной торговли.

Омрачила успех предприятия гибель от холода и цинги экипажей двух других кораблей экспедиции. «Буона Сперанца» («Благая Надежда») и «Буона Конфиденция» («Благое Упование»), оставшиеся на зимовку в устье реки Варзины, превратились в плавучие могилы – их экипажи во главе с руководителем экспедиции сэром Виллоуби замерзли во время полярной ночи.

Обращает на себя внимание весьма знаковая деталь. «Заморские корелы» сообщают о найденных кораблях ... в Холмогоры. Раз они «заморские», т.е. иностранные, значит это не подданные Московского царства, почему они не сообщили о находке своим собственным властям? Ведь найдены были корабли у берегов Кольского полуострова, в приграничной области, до Холмогор очень далеко, чтобы известить о находке, нужно обогнуть Кольский полуостров, пройти Белое море и подняться по Северной Двине до Холмогор. Это говорит о двух вещах. Первое – между поморами и коренными жителями Скандинавии были хорошие доверительные отношения, и второе – Холмогоры были таким центром сосредоточения силы и богатства, поэтому «заморские» корелы считали, что английские корабли имеют к ним самое прямое отношение и поспешили сообщить о находке.

Ещё один интересный момент – корабли несколько месяцев простояли во льду с мёртвыми экипажами на борту, но никто из местных жителей – ни поморы, ни корелы не взяли ничего из груза, хотя и внимательно его обследовали.

В апреле 1555 году Ричард Ченслер предпринимает второе путешествие в Московию. На этот раз он отправляется на двух кораблях - на «Эдуарде Буонавентуре» и «Филиппе и Марии», на борту находятся сменные экипажи для «Буона Сперанца» и «Буона Конфиденции». В Холмогорах англичане сгрузили мешки редкого тогда в России товара – сахара и тюки отличного «лондонского» сукна. На товары эти сразу же возник огромный спрос.

Загрузившись в Холмогорах пушниной, медом, льном, ворванью, англичане дождались, когда из Нокуевского залива были приведены «Буона Сперанца» и «Буона Конфиденция», укомплектовали их новыми экипажами и подготовили к плаванию. Решено было на этих судах вернуть на родину тела сэра Виллоуби и его спутников. Скорбный и зловещий груз - 62 мертвых моряка через два года после своей гибели должны были вернуться на родину. Таким образом, на обратном пути состав эскадры Ченслера удвоился – приходили в Холмогоры на двух кораблях, а возвращались уже на четырех.

На английских кораблях в Лондон отправлялось и великое русское посольство. Возглавлял его вологодский дворянин Осип Григорьевич Непея, человек не очень знатный, но умный, образованный и богатый. С ним отправились холмогорские купцы Фофан Макаров и Михайло Григорьев. В английских документах названы также другие имена: Исаак Иващенко, Дмитрий Ермолай, Семен Ерофей, Степан, Лука, Андрей, Фома.

20 июля 1556 года эскадра покинула Холмогоры и ... исчезла без следа на несколько месяцев, как будто груз мертвецов затянул ее корабли на дно. Путь от Холмогор до Лондона

обычно занимает месяц-полтора. Однако только через три месяца одному из кораблей эскадры – «Филиппу и Марии» - удалось достичь берегов Англии. Оказалось, что когда корабли Ченслера огибали северную оконечность Норвегии, разразился чудовищный по силе шторм. «Буона Конфиденция» была выброшена на скалы у Торндхейма и раскололась, большая часть экипажа погибла. «Филипп и Мария» и «Буона Сперанца» были выброшены на берег, получив сравнительно небольшие повреждения. Только флагманский корабль Ричарда Ченслера «Эдуард Буонавентура» с русским посольством на борту сумел выдержать удары стихии и избежать гибели на прибрежных скалах.

«Филиппу и Марии» позднее удалось сняться с камней у Торндхейма и в октябре добраться до Англии, однако оказалось, что флагманский корабль Ченслера на родину так и не вернулся. Судьба «Эдуарда Буонавентуры» некоторое время оставалась неизвестной

Позднее стали известны подробности последнего плавания Ченслера. Встречный ветер был настолько сильным и постоянным, что «Эдуард Буонавентура» не мог пробиться к берегам Англии. Плавание стало принимать какой-то зловещий оттенок. Почти три месяца борьбы с непогодой вынудили Ченслера отклониться севернее. Только в ноябре 1556 года, спустя 4 месяца после выхода из Холмогор, перед Ченслером открылось побережье Шотландии. Корабль зашел в бухту Питслиго, чтобы запастись пресной водой, но налетевший шквал сорвал его с якорей и разбил о скалы. В момент гибели корабля Ченслер проявил себя человеком мужественным, умеющим превыше всего ставить интересы своего государства. Он решил любой ценой спасти русских послов. На корабле осталась единственная шлюпка, в которую он посадил Непею и его свиту, нескольким матросам приказал сесть на весла, а сам встал к рулю. Возможно, он мог бы спастись, если бы заполнил шлюпку не пассажирами, а своими матросами, и приказал взяться за каждое весло нескольким морякам, однако чувство долга преодолело инстинкт самосохранения.

Огромная волна бросила шлюпку на скалы, люди оказались в бушующем море, погиб Ченслер, погиб его сын, английские гребцы, но посол Непея и часть его свиты были спасены. Из находившихся в шлюпке шестнадцати русских до берега сумели добраться девять человек.

Ричард Ченслер (Ричард Чанселлор) исполнил свой долг перед Россией и Англией, до конца выполнив взятые на себя обязательства ценою своей жизни и жизни своего сына. Впоследствии это стало одной из неписанных традиций британского флота, когда многие капитаны, делая выбор между долгом и жизнью, выбирали долг.

Во многих российских источниках говорится, что англичане приняли русское посольство просто великолепно, но практически нигде не говорится, что произошло с Непеей и холмогорскими купцами сразу же после крушения.

Избитые о камни, нахлебавшиеся соленой воды и дрожащие от холода на пронизывающем ветру, лежали русские послы на берегу, а к ним бежали и скакали на лошадях шотландцы из ближайшей деревни. Они собрали выброшенные волнами подарки русского царя, схватили и ограбили полуживого Непею и его спутников, сорвав с них дорогие одежды, и утащили их в замок, где поместили в подземелье. Согласно «береговому праву» все, что выкидывало море, они считали своим, в том числе их добычей становились и люди². Только пока еще не определились, кто попал к ним в руки – знатные господа, за которых можно было получить богатый выкуп или простые мореходы, которых можно продать в рабство на какой-нибудь идущий в Вест-Индию корабль.

Шотландцы так и не поняли, что за пленники им достались (сказался языковой барьер) и продержали Непею со свитою в подземелье больше четырех месяцев. В начале 1557 года до Эдинбурга, а затем и до Лондона дошла весть о гибели капитана Ченслера и о судьбе послов. На поиски русских из столицы была снаряжена специальная экспедиция. Шотландские мародеры возрадовались. Они потребовали от англичан заплатить за русских громадный выкуп. Англичане проявили твердость и предупредили, что начнут большую войну против Шотландии. Ради вызволения из плена девяти холмогорцев и вологжан Англия

готова была обрушиться на Шотландию всею своей воинской мощью. Мелким прибрежным шотландским кланам пришлось уступить. Непею и его свиту выпустили из заточения.

Очевидно, что англичане плохо представляли, в каких условиях содержалось русское посольство в подвалах шотландского замка. Они подготовили русским грандиозную встречу. 27 февраля в двенадцати милях от Лондона русский посол был встречен с большим почетом восемнадцатью видными купцами. Первая встреча буквально поразила англичан – исхудавшие, еле живые, покрытые язвами грязные оборванцы мало походили на важных особ. Английские купцы быстро поняли, что в таком виде посольство нельзя представлять королеве и стали делать дорогие подарки. Преимущественно надарили парадные одежды, лечили и откармливали московских послов. На следующий день русских принял лорд-виконт Монтегю в сопровождении ста сорока членов Московской Торговой Компании и свиты, состоящей из виднейших аристократов Англии. Начались многочисленные праздники и приемы. Послов подкормили и как следует приодели. Осип Непея дважды встречался с королевой Англии, вел успешные переговоры и вернулся в Россию с грамотой, адресованной Ивану Грозному. Английская королева послала царю подарки – «двух лютых зверей» (львов), воинские доспехи и дорогие атласные ткани с золотым шитьем. Так, благодаря Ричарду Ченслеру, успешно закончилось первое русское посольство в Англию, послужившее установлению добрососедских отношений между двумя странами.

Мы очень разные с гордыми сынами туманного Альбиона, но нас связывает общая история и общие герои.

Один из таких героев – Ричард Чанселлор, отдавший свою жизнь во имя долга. Пусть для англичан он будет человеком, который, по их мнению, «открыл» Московию, для нас он останется отважным капитаном, ценой своей жизни и жизни своего сына спасший доверившихся ему людей.

1. Архангельский Север в документах истории (с древнейших времен до 1917 года): Хрестоматия / Общ. Ред. А.А. Куратова. Архангельск, 2004.

2. Булатов В.Н. Русский Север. Книга третья: Поморье (XVI - начало XVIII в.). Архангельск, 1999.

3. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

4. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991.

5. Куратов А.А. Историография истории и культуры Архангельского Севера. Вологда, 1989.

6. Поморская мозаика / Лисниченко В.В., Лисниченко Н.Б. Архангельск, 2009.

7. Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993.

8. Экология помора / Лисниченко В.В., Лисниченко Н.Б. Архангельск, 2007.

Комментарии

¹Ченслер – под таким именем знают на севере этого мореплавателя. В российских источниках различных лет обычно употребляется транскрипция «Ченслер», «Ченслор», «Чанслер», однако в энциклопедии «Британника» и в английских публикациях последних десятилетий приводится более точная транскрипция – Чанселлор.

Именно таково его настоящее имя – Ричард Чанселлор.

Не сочтите это за неуважение, но позвольте, пока называть его так, как принято в отечественной историографии – Ченслером.

² «Береговое братство» русских поморов имело свои неписанные своды законов – «правильники» (от слова «правило»). В «Устьянском правильнике» говорилось: «В пустых берегах, в станowych избушках, где оследиться привелось, оставлять хлебов, муки и, по силе, всякого припасу на произволящих людей. По изможенью печь поправить, дров собрать и наколоть. И огнивцев, и кудельки оставить. Что здесь о терящем человеке попечаловал, то о тебе в ином месте люди вдвое порадеют». Можно сравнить, как «радели» о потерпевших кораблекрушение поморы Русского Севера и жители шотландского побережья.

ПОМОРСКИЙ КОМПАС-МАТКА НА ЭКСПОЗИЦИИ «М.В. ЛОМОНОСОВ И АКАДЕМИЯ НАУК XVIII в.» МАЭ РАН

Е.М. Лупанова

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, lupanova@kunstkamera.ru

Тема поморской навигации – одна из центральных тем творчества К.П. Гемп. Её публикация «Книги мореходной с означением мест сколько от одного до другого расстояния и приметы становищам» ввела в оборот важнейший источник по истории русского допетровского флота, а подробное предисловие является примером ее скрупулезной источниковедческой и научно-исследовательской работы [1].

Эта публикация была данью памяти мужественным и отважным поморским морякам, истории освоения пути в Европу из Архангельска, изучения и картирования Белого моря. К.П. Гемп убедительно показала, что северные моряки владели навигацией, передавая накапливавшийся годами опыт и знания из поколения в поколение.

Для М.В. Ломоносова знания основы навигации, приметы, по которым поморы умели предсказывать погоду, умение оснастить парусное судно стали базой, на основе которой начиналось формирование его отношения к миру. С детства он усваивал поморские секреты определения курса судна [2]. Пытливый ум гения стремился узнать больше о море и суше, о движущих силах, источниках энергии, причинах различных явлений. Эти стремления гнали юношу из родного края в далекую Москву... Впоследствии он не раз подчеркивал роль поморов в освоении морских путей, при том, что высокая активность диктовалась не волей государства, а частной инициативой [3]. В юности он прекрасно запомнил особенности Северного Ледовитого океана и господствующих в нем течений, что нашло отражение в его работе «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским Океаном в восточную Индию» [4].

Экспозиция «М.В. Ломоносов и Академия наук XVIII в.» в МАЭ РАН построена по хронологическому биографическому принципу. Соответственно, первая витрина посвящена краю, в котором будущий великий ученый провел детские и отроческие годы. Здесь представлены традиционные предметы быта поморов начала XVIII в. и рядом с ними – модель новоманерного гукора «Св. Михаил», судна построенного и содержавшегося отцом семейства Василием Дорофеевичем. Для своего времени это было самое крупное частновладельческое судно на Белом море. На нём артель ходила на промысел, перевозила рыбу и соль. С гукором связаны первые опыты практических наблюдений и юного Михаила [5].

В этой же витрине в нашем музее можно увидеть и компас-матку – научный навигационный инструмент, довольно широко использовавшийся поморскими моряками уже в XVI-XVII в. Первое письменное упоминание использования поморами компаса-матки относится к 1597 г. [6]. Это компас, сделанный из моржовой кости, токарной работы. На этикетке можно прочесть, что компас голландский, однако использование кости в качестве материала имело на Русском Севере широкое распространение. Холмогорские резчики по кости славились далеко за пределами своего края. Голландцы же, если и использовали кость, то для декоративных изделий. В России же кость традиционно использовалась и для изготовления предметов утилитарного назначения, примеры которых можно увидеть на нашей экспозиции – игольник, гребень, шкатулка. Разумеется, это были дорогие предметы, не предназначавшиеся для использования в скромном крестьянском или рыбацком доме, но тем не менее, они имели распространение и предназначались для повседневного использования, а не только как украшения. С большой долей вероятности можно говорить о том, что компас русского происхождения. Известно, что жители Русского Севера сами изготавливали навигационные приборы, были знакомы с западноевропейскими трудами по

мореплаванию, они же прекрасно владели искусством изготовления предметов из кости. В Холмогорах существовали мастерские, в которых изготавливали компасы-матки [7]. Соответственно, атрибуция компаса как голландского является ошибочной. Компас на нашей экспозиции не имеет картушки, на нем отсутствуют обозначения сторон света и градусные деления. По всей видимости, предполагалось расположение компаса на основании, на котором размечены стороны света по аналогии с другим экспонатом нашего музея.

Еще один костяной компас, также, по-видимому, имеющий северно-русское происхождение находится в фондах отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. Это компас из слоновой кости, врезанный в центр деревянного диска с компасной коробкой в виде цилиндрического углубления. Шкала вокруг коробки на 24 румба (дважды от 1 до 12). Каждый румб разделен штрихами на 4 части и точками на 8 частей.

Использование компаса и мореходная культура поморов нашли отражение в пословицах: «Море горе, а без него вдвое», «Кто на Мурмане не бывал, тот и горя не видал, богу не маливался» [8]. Ряд пословиц касается непосредственно компаса матки: «В море стрелка – не безделка», «Квочка цыпляют, матка суда водит», «Матка водит, судно ходит». Известно было и о влиянии северных сияний на показания компаса: «Матка на пазури дурит», – говорили северные моряки.

Поморскую матку не часто можно видеть в музейных собраниях. Известно, что такой экспонат есть в коллекциях Национального музея республики Карелия в Петрозаводске, в Беломорском районном краеведческом музее «Беломорские петроглифы».

Наряду с компасом поморы использовали для навигации угломерные инструменты. Пример угломерного инструмента поморских моряков рубежа XVII-XVIII вв. можно видеть на экспозиции Архангельского областного краеведческого музея. С помощью этого инструмента определяли широту во время морских переходов.

Изучение поморских навигационных инструментов в музейных собраниях, поиск и введение в научный оборот новых артефактов являются важной научно-исследовательской задачей и продолжением дела К.П. Гемп.

1. Гемп К.П. Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия. Л., 1980.

2. Морозов А.А. Ломоносов. М., 1961.

3. Перевалов В.А. Ломоносов и Арктика. Из истории географических открытий. М.; Л., 1949. С. 13.

4. Распопов О.М., Мещеряков В.В. Первые определения элементов магнитного поля Земли на территории России // История наук о земле. 2010. Т. 4. № 4. С. 39.

5. Ломоносов М.В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским Океаном в восточную Индию // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. М.; Л., 1952. С. 417-498.

6. Морозов А.А. Родина Ломоносова. Архангельск, 1975. С. 261.

7. Распопов О.М., Мещеряков В.В. Магнитные определения на российской территории в XVII-XVIII веках // История наук о земле. 2011. Т. 4. № 1. С. 9-10.

8. Ульянов И.М. Страна Поморья. 1984.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ АМБУРСКОГО СКИТА В СВЕТЕ ПУБЛИКАЦИИ В КНИГЕ К.П. ГЕМП «СКАЗ О БЕЛОМОРЬЕ»

Е.Ф. Луцковская

Северодвинский городской краеведческий музей, Северодвинск, lokallor@atnet.ru

Настоящая статья посвящена исследовательской работе сотрудников Северодвинского городского краеведческого музея по изучению истории Амбурского старообрядческого скита, а контекстом, основным смысловым фоном этого служит публикация Ксении Петровны Гемп в книге «Сказ о Беломорье», где она делится своими воспоминаниями и впечатлениями о посещении поморских старообрядческих поселений в период с 1903 по 1916 гг.

В советские атеистические времена изучением истории старообрядческих скитов в окрестностях г. Северодвинска, духовной, хозяйственной, культурной жизни староверов не занимались. По этой тематике не было каких-либо серьёзных трудов и публикаций. По известным причинам Северодвинск тогда был закрытым городом, и в его истории было много «белых пятен» и запретных тем. К её изучению мы приступили только в начале XXI в.

В те годы эта книга Гемп была одним из немногих доступных советских источников по краеведению, в которой целый раздел «В памяти поморской» был посвящен старообрядчеству на Русском Севере. По сути, К.П. Гемп для нас была первооткрывателем этой темы. За свою долгую и интересную жизнь она совершила достаточно много поездок в различные места поморского Севера, при этом сохранив массу ярких впечатлений.

К.П. Гемп вспоминает: «Посчастливилось мне, я побывала в 11 скитах. В Амбурском женском ските, лежавшем близь тракта между деревней Рикасиха и деревней Кудьмой, я бывала три раза» [1]. Известно, что впервые Ксения Петровна побывала в Рикасихе и в Амбурском скиту в девятилетнем возрасте вместе с бабушкой и сёстрами, в 1903 г. [2]. Детские впечатления – самые яркие, запоминающиеся надолго. Большое шестинедельное путешествие: встреча с Белым морем, деревнями и селами поморов, первое знакомство с их бытом и культурой [см. фотографию 1].

Фото 1. Архангельская губерния. Амбургский скит. Молитвенный дом. 1906 г. (Фото В.А. Плотникова. Фотоархив института истории материальной культуры РАН. НЕГ. 0635-19).

О двух других поездках, состоявшихся в 1913 и 1916 гг., в книге рассказывается более подробно. К тому времени скиты прекратили свою деятельность, или, как пишет К.П. Гемп «изжили себя». В дальнейшем, они были переименованы в выселки с прежними названиями. В те годы Гемп удалось посетить деревню Большую Короду (бывший Большекородский скит), Пертозерский и Амбурский выселки. Она интересно и живописно передаёт саму атмосферу путешествия, рассказы очевидцев, многочисленные встречи с разными людьми, интересные истории, личные впечатления, фиксирует их быт, одежду, речь и выступает как этнограф. Гемп не была исследователем истории старообрядчества на Севере. Но её воспоминания, опубликованные спустя 70 лет после посещения бывших скитов, интересны и сегодня.

Между первым путешествием К.П. Гемп и первой этнографической экспедицией Северодвинского музея [3] в Амбурские прошло почти 100 лет! Наше практическое знакомство с этим удивительным местом состоялось в 2002 г. К тому времени постоянных жителей поселения уже не было. Да и сам хутор Амбурский Кудьмозерского сельсовета решением исполнительного комитета Архангельского областного Совета депутатов трудящихся за № 174 от 9 апреля 1975 г. был исключен из учётных данных населённых пунктов Архангельской области [4]. В последующие годы музеем были организованы экспедиции на Пертозеро, в деревни Белое и Корода. Это места расположения бывших старообрядческих скитов. Нами были пройдены те же самые маршруты, которые описала в своей книге К.П. Гемп.

Началась кропотливая работа по поиску и сбору информации. В ходе изучения темы были использованы документы Государственного архива Архангельской области, Северодвинского городского архива, архива Белозерского административного округа, а также материалы, собранные автором в результате работы этнографических и городских экспедиций в период с 2002 по 2013 гг. Систематическая собирательская и исследовательская деятельность дала свои результаты. Было проведено 15 полевых исследований, в ходе которых выявлено и опрошено 42 информатора 1919-1960 годов рождения, 36 человек стали сдатчиками предметов в фонды нашего музея. Сформировалась целая амбурская коллекция, которая стала составной частью музейного собрания. В её состав входит 658 предметов, в том числе 490 основного и 168 научно-вспомогательного фонда. И тот факт, что с небольшой по площади территории в начале XXI в. было собрано более 600 различных предметов музейного значения, само по себе в настоящее время уникально!

После первой экспедиции в Амбурские, её участник, фотокорреспондент газеты «Северный рабочий», Владимир Владимирович Бербенец, вдохновлённый походом и книгой К.П. Гемп, подготовил и опубликовал большой фоторепортаж под названием «Амбурский экстрим» [5]. В нём рассказывалось о состоявшейся экспедиции, её маршруте, интересных местах, встречающихся на пути, новой жизни в «закрытом» поселении. Основная историческая информация об Амбурском ските была почерпнута из книги К.П. Гемп. За экспедицией музея последовал поход группы старообрядцев из Архангельска [6], стали появляться многочисленные статьи в местной печати. Это место стало привлекать внимание большого количества людей.

Мне бы хотелось остановиться здесь на некоторых аспектах исследования истории Амбурского скита в свете публикации о нём в книге «Сказ о Беломорье» и рассказать о результатах проведённой работы по установлению времени основания скита, его статуса и дорогах к нему.

В книге К.П. Гемп говорится, что «первоначально скит был заложен на Пинеге близ Красногорского монастыря. После его «разорения» в первой половине прошлого века часть скитниц ушла в Кудьму. Освоившись и заручившись поддержкой единоверцев, они поставили молельню-часовню, укрыли в ней принесённые с собой старые книги, иконы и весь обрядовый обиход. Постепенно поставили жильё. Возник скит» [2, С. 203-204].

Точную дату основания Амбурского скита установить не удалось. Во многих просмотренных мною архивных документах достаточно часто встречается фраза:

«Существует с незапамятных времен» [7]. Работая с документами в Государственном архиве Архангельской области, удалось обнаружить другую точку зрения об основании Амбурского скита. В рапорте священника Кудьмозерского прихода Василия Михайловича Батурина епископу Архангельскому и Холмогорскому от 5 января 1892 г. говорится, что по устным преданиям, местность, где находилась Кудьмозерская деревня, служила инокам Николо-Корельского монастыря, ведущим отшельническую жизнь. Это место было пригодно для разработки пахотной земли и рыбной ловли. Лесные озера славились обилием рыбы. В древности сюда были поселены жители, подведомственные монастырю, и со временем образовалось большое селение. Иноки, которые предпочитали отшельническую жизнь, отселялись еще дальше по озерам, в том числе обживали район Амбурских озер.

После Соловецкого восстания (1668 – 1676) многие монахи, уstraшенные гонениями, бежали из монастыря и расселились по всему Поморью. Здесь можно было скрыться в диких, пустынных лесах, окруженных труднопроходимыми болотами. Они унесли с собой из Соловецкого монастыря святые иконы и книги. В их числе была местночтимая икона Святителя Николая, позже хранившаяся в Амбурской часовне.

После Петровских времен преследования раскольников продолжались. «Тогда, укрывавшиеся в разных местностях собрались в одно и образовали, небольшое селение на северном берегу небольшого Амбурского озера, построили небольшую моленну, к коим начали селиться из разных местностей Архангельской губернии ревнители старой веры. Отсюда образовался раскольнический поселок вроде скита с таковым же уставом» [8].

Если обратить внимание на рапорт священника В.М. Батурина, уроженца Пертозерского скита, где он излагает на основании устных преданий исторические сведения об обстоятельствах основания скита, можно предположить, что жизнь в этом месте зародилась ещё до раскола.

Первое упоминание этого поселения, по найденным нами источникам, датируется 1791 г. [9], а с учётом дела бродяги Дмитрия Маркова, который родился в Амбурском ските, примерно в 1764 г. [10], эта дата уходит в середину XVIII в. Судя же по найденным в Амбурских монетах, самая старая из которых относится к 1730 г. [11], жизнь там уже была.

В пользу этой версии говорит и наличие соловецких икон в амбурской моленной. Так, Валентина Евгеньевна Ольгская, председатель совета ветеранов предприятия «Звездочка», активная туристка походов выходного дня 1960-х гг., рассказывала о том, что в моленной «иконы были очень богатые, старинные, говорили, что из иконостаса Соловецкого монастыря» [12]. Тринадцать икон XVII – XIX вв. из амбурской моленной были вывезены одним из жителей г. Северодвинска в период с 1965 по 1969 гг., а затем переданы в 1982 г. в фонды Соловецкого музея-заповедника [13]. Среди них несколько икон с изображением Соловецких чудотворцев, что говорит о большом авторитете монастыря и его святынь в старообрядческой среде.

В книге К.П. Гемп Амбурский скит назван женским. Однако, в архивных документах встречаются самые различные вариации написания этого топонима: Амбурская (Анбурская, Амбургская) пустынь, Амбурский раскольнический скит, Амбурский скит, Амбурское сельбище, Амбурское озеро, Амбурский посёлок, Амбургский выселок, деревня Амбурски, хутор Амбурский и т. д. И ни разу в этих названиях не упоминалось слово женский. Если провести анализ списков наличного населения скита на протяжении конца XVIII – XIX вв., то можно сказать, что, наряду с женским, там проживало и мужское население. Это подтверждается цифрами в представленной ниже таблице (см. таблицу 1).

Таблица 1.

	Год	мужчин	женщин	Всего
1.	1798 г. [14]	21	69	90
	1814 г. [15]	32	75	107

2.				
3.	1828 г. [16]	24	85	109
4.	1869 г. [17]	8	32	40
5.	1880 г. [18]	5	16	21
6.	1928 г. [19]	26	35	61
7.	1937 г. [20]	2	9	11
8.	1949 г. [21]	3	9	12
9.	1963 г. [22]	1	6	7
10.	1973 г. [23]	1	2	3

Кроме того, среди постоянных обитателей скита в XIX в. можно встретить целые семейства: Кыркаловы, Корельские, Макарьины, Хвиюзовы. Последний, род Хвиюзовых, был одним из самых старинных, известных и многочисленных. Нам удалось найти одного из потомков этого рода, предка семейства по материнской линии, Ивана Михайловича Мамонова (р. 01.11.1928), уроженца д. Новое Лукино под Архангельском, в настоящее время жителя г. Северодвинска, почетного ветерана Севмашпредприятия. Его мать, Павла Григорьевна Хвиюзова (23.02.1898 – 21.12.1978), родилась и до замужества проживала в Амбурском ските. Нам удалось проследить судьбы шести поколений этого рода [24]. На протяжении всей своей жизни Иван Михайлович бережно хранил фамильные реликвии, доставшиеся по наследству от предков. В течение десяти последних лет в фондах музея сформировалась персональная коллекция семей старообрядцев Хвиюзовых – Мамоновых, дарителем которой стал Иван Михайлович. Это около 80 музейных предметов, состоящих как из документальных, так и вещевых памятников. Среди них старопечатные книги, культовые и бытовые предметы, документы и семейные фотографии. Ее хронологические рамки 1581 – 2003 гг. Коллекция пополняется дарителем практически ежегодно. Среди них особую ценность представляют старопечатные книги XVI – XIX веков. Одними из самых старых и уникальных изданий являются Апостол 1597 г. [25] и Острожская Библия 1581 г. типографии К.К. Острожского, печатника Ивана Федорова [26]. И новое поступление 2014 г.: книга «Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелиста Матфея» 1664 г. [27].

Говоря о скитах, нельзя не упомянуть и о дорогах, ведущих к ним. Это симбиоз, два абсолютно неотъемлемых друг от друга понятия. Любой, побывавший в скитах, обязательно будет вспоминать о дорогах. Вот и у К.П. Гемп читаем: «Дорога была плохая, по болоту, с кочки на кочку, по проложенным кое-где дощечкам, по срубленным веткам деревьев и кустов. Жара, тучи комарья, овода, и ноша на санках немалая. Скит открылся весь сразу при самом подходе к нему. На взгорье, за невысокой огородей, на зеленой поляне потемневшие деревянные рубленые избы, часовня, колодец с журавлем, поленицы дров, по траве протоптаны тропки. И ни души. Только назойливый зуд комарья» [2. С. 250].

Трудно с этим не согласиться! Путь её пролегал по кородской тропе. Старая вековая дорога в Амбурские проходила из Архангельска на Рикасиху, затем по Онежскому тракту через деревню Короду. Эта кородская тропа в течение длительного времени была одной из основных, ведущих в Амбурский скит.

Краткое описание трудностей пути, которые пришлось испытать К.П. Гемп при посещении скитов, да и собственный опыт, послужили побудительной причиной для более глубокого изучения этих маршрутов следования. Были найдены документы, позволяющие рассматривать эти дороги не только как средство коммуникации, но и как объекты эстетического восприятия их путешественниками, паломниками, официальными лицами. К примеру, интересные описания маршрутов оставили старший чиновник Особых поручений Иван Васильевич Сосновский, впоследствии Архангельский губернатор (1908 – 1911), секретарь Архангельской епархиальной церковно-археологической комиссии Кассиан Любарский, Вера Сергеевна Гагарина (урождённая Арсеньева) – дочь дипломата, литератор и педагог. А вот как характеризовал эту дорогу в 1920 г. председатель Кудьмозерского волостного исполкома Иван Корельский: «От Лахты до Амбурских и Пертозера мостки в одну мостинку лесом и болотами (летом, а зимой зимняя дорога, расстояние одинаковое). Грунт дороги между Амбурскими и Пертозеро – "болото". Местность по всему региону лесистая, не шире 8 саженьей. По сторонам непроходимое болото, где сам чёрт не пройдет, пересечённая борами отрывными». Каждое из этих повествований – это отдельный интереснейший рассказ путешественников о поездке, об увиденном, о своих впечатлениях [28].

Фото 2. В Амбурские по Кородской тропе (из архива Ю.К. Зажигина. 1960-е гг.).

К сожалению, мне самой не пришлось ни разу пройти этим путём. Эта дорога проходит по более топким местам, бревна, проложенные когда-то, сгнили и затонули (см. фотографию 2)². В настоящее время в основном используется маршрут вдоль речки Иной с Онежского тракта, проходящий через дачные кооперативы лесом, борами, болотами, по тропе, натопанной вновь в восьмидесятые годы прошлого столетия жителями Северодвинска, постоянно посещающими Амбурские. Но также как и прежде, за новой «дорогой» следят постоянно.

Неумолимо бежит время. Своим чередом сменяют друг друга поколения, меняют свой облик и места, где ранее были скиты. Я не раз бывала в Амбурских и мне уже трудно представить, где и как ходили «важешные боярыни в темных сарафанах с белыми рукавами, платках "в распуск" [29], как писал о них К. Любарский. Всё сильно изменилось. Практически все названные бывшие скиты в настоящее время являются нежилыми, а оставшиеся дома в летний период используются как дачи. К примеру, на Пертозере сохранились некоторые фрагменты поселения, а из построек только одна банька конца XIX

в. В д. Белое остались немногочисленные потомки прежде живших здесь семейств: Шишовы и Батурины, в свое время переехавшие сюда из Пертозера. В бывшей деревне Корода осталось 7 старых домов, а из коренных жителей – один человек. В Амбурских дома последних жителей в 1970-е гг. были приобретены туристами походов выходного дня.

Сейчас уже понятно, что потерян целый культурный пласт поморского старообрядчества: обычаи, быт, предметы обихода и т. д. Поэтому письменное наследие К.П. Гемп, где отражены её воспоминания о скитах, в настоящее время представляют собой большую историческую ценность, позволяющую нам понять и представить, как всё это было когда-то. Я думаю, что факты, события, и само время, прекрасно описанное К.П. Гемп, и в будущем побудит к действию достаточное количество пытливых умов, настоящих патриотов, которые захотят исследовать, изучать родной край, свою малую родину.

-
1. ГААО. Ф. 5952. Оп. 1. Д. 58. Л. 6.
 2. *Гемп К.П.* Сказ о Беломорье. Архангельск, 1983. С. 9.
 3. Состав участников экспедиции 2002 г.: В.В. Бербенец, фотокорреспондент газеты «Северный рабочий», Л.Ф. Добрынин, волонтер, Е.Ф. Луцковская, главный хранитель СГКМ, руководитель экспедиции, Т.Н. Поздеева, научный сотрудник СГКМ.
 4. Северодвинский городской архив (далее – СГА). Ф. 12. Оп. 1. Д. 913. Л. 187, 188, 191.
 5. *Бербенец В.* Амбурский экстрим: Да здравствует энтузиазм «ненормальных»! // Северный рабочий. 2002. 13 июня. С. 1, 3.
 6. *Губницын А.* Амбурский экстрим-2 // Северный рабочий. 2002. 5 сентября. С. 1, 2.
 7. ГААО. Ф. 38. Оп. 1. Т. 5. Д. 172. Л. 3.
 8. ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 824. Л. 1, 1 об.
 9. Архангельские епархиальные ведомости. 1900. № 10, 30 мая. С. 1-13.
 10. ГААО. Ф. 4. Оп. 6. Т. 2. Д. 588.
 11. Северодвинский городской краеведческий музей (далее – СГКМ) КП – 15625.
 12. СГКМ. Научный архив. Дневник экспедиции в Амбурские. 2002-2006 г. Информант Ольгская В.Е. Запись 2006 г.
 13. Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник. Научный архив. Акт приема № 221 от 10.12.1982 г. Сведения об иконах были зафиксированы сдатчиком.
 14. ГААО. Ф. 428. Оп. 4. Д. 2. Л. 13.
 15. ГААО. Ф. 29. Т. 1. Оп. 1. Д. 37.
 16. ГААО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 682.
 17. ГААО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 98.
 18. ГААО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 638.
 19. СГКМ НВФ 1141.
 20. Архив Белозерского административного округа (далее – АБАО). Похозяйственная книга № 5 основных производственных показателей единоличников и выполнения ими обязательств перед государством за 1937 г.
 21. Там же. Похозяйственная книга «Д. Амбурские. Лахта. Волость на 1949 г.».
 22. Там же. Похозяйственная книга «Пос. Пихталы и д. Амбурские на 1961, 1962, 1963 гг.».
 23. Там же. Похозяйственная книга № 10. «Д. Таборы, Амбурские. 1973-1975 гг.»
 24. *Луцковская Е.* Род Хвиюзовых из Амбурского старообрядческого скита. // Материалы VIII межрегиональных общественно-научных, историко-краеведческих Романовских чтений. Пос. Октябрьский, 2013 г. (В печати).
 25. СГКМ КП – 16673.
 26. СГКМ КП – 16859.
 27. СГКМ КП – 22429.
 28. *Луцковская Е.* Дорога в Амбурский скит как средство коммуникации и как объект эстетического восприятия. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы развития транспортной инфраструктуры северных территорий». Котлас, 2014. (В печати).
 29. ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 80. Л. 28 об.

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ВЕТВИ РОДА МИНЕЙКО В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Л.Д. Попова

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, popova.ld@yandex.ru

Минейко, по свидетельству К.П. Гемп, – старинный литовский графский род, который к началу XVI века разделился на две ветви – Минейко и Нечитайло. В семейном архиве К.П. Гемп хранилось «Извлечение» из шляхетских книг Литовско-Виленской губернии, датированное 1799 годом (сама же дворянская книга была создана в 1643 году). В нем содержится родословная семьи Минейко, герб Гоздава: рыцарский шлем, знамена, доспехи. Это так называемое «Извлечение» Ксения Петровна показывала автору данной работы, Б. Клейну, В.А. Волынской. От нее же известны и сведения о родословной Минейко, которые Б. Клейн и В.А. Волынская опубликовали в разных изданиях [2–4]. Об отдельных представителях рода написано много, мы приводим некоторые новые данные. Для полноты изложения отдельные сведения родословной повторяются. Цель данной работы – свести поколенную Минейко в единое историко-культурное пространство и, выделив в нем деятельность ярких представителей рода, показать, что «заданная ему историческая задача, которую он призван решать» (П. Флоренский) выполнена. На их примере наглядно видно, как те или иные повороты истории круто меняли судьбы, но «собственное место в роде и собственную задачу» они выполнили, этим увеличили значение своего рода, не потеряли связь семей, сохранились в истории и культуре нашего края, России.

Юзеф Минейко, из дворян, римско-католического вероисповедания. Окончил Кальварийское уездное училище. В 1826 году поступил на службу канцеляристом в Виленскую римско-католическую духовную консисторию. В 1838 году был определен в штат Виленского дворянского депутатского собрания помощником столоначальника, служил в этой должности до марта 1844 года.

Ж. Марта Шадурская, дворянка.

Их дети: Герард-Адам, Иван, две дочери-близнецы.

I поколение

Герард-Адам Юзефович (Иосифович, Осипович)

Минейко, уроженец Литовско-Виленской губернии (23.10(4.11).1832, Вильно, ныне Вильнюс, Литва – 19(31).08.1889, Архангельск), известный ученый-статист, заслуженный педагог, общественный деятель стал родоначальником архангельской ветви Минейко.

Окончил Виленскую гимназию (1851), юридический факультет Московского университета со степенью кандидата (1855). Согласно воле российского императора Николая I, было предписано «не определять никого из уроженцев западных губерний, кроме только исповедовавших православную веру, на службу в эти губернии до выслуги десяти лет в великороссийских губерниях»; но ко времени окончания Герардом Минейко университета Николай I умер, что позволило молодому дворянину самовольно отправиться в город Лиду Виленской губернии, где он преподавал историю и географию в дворянском училище «без прав действительной службы». 31

мая 1856 года власти предписали ему покинуть Лиду и отправиться в Архангельск [2, 136–137].

В Архангельске Минейко преподавал в губернской мужской гимназии российское законодательство, географию, историю и другие предметы, с 1877 года стал инспектором гимназии. В 1862 году он утвержден выборным членом попечительского совета Мариинского женского училища, в котором преподавал историю (1864), в 1864 году (19 ноября) избран товарищем председателя Архангельского губернского статистического комитета и находился на этой должности 25 лет. Одновременно Герард Минейко занимался научными исследованиями, исполнял общественные обязанности.

В 1871–1883 годах Герард Иосифович избирался гласным городской думы. В 1872 получил звание заслуженного преподавателя. Минейко был почетным членом Архангельского губернского статистического комитета (1884), почетным членом Общества архангельских врачей (1884). После его смерти в память об общественной деятельности «на пользу Северного края» при гимназии была учреждена стипендия имени Г.И. Минейко для поощрения лучших учащихся гимназии.

Как ученый Герард Иосифович занимался разработкой статистики: создал новую систему собирания и обработки данных. Результатом этой огромной работы явился капитальный труд «Статистическое описание сельского населения и его промышленности в Архангельской губернии» (1894), получивший мировое признание. Другой его большой работой стала «Сельская поземельная община Архангельской губернии», выдержавшая 3 выпуска: в 1882, 1884, 1886. Большое научное значение имеют две работы Минейко, по мнению В.А. Волинской, единственные в своем роде в то время: «О выдающихся особенностях смертности г. Архангельска» (1885) и «О выдающихся особенностях смертности и рождаемости сельского населения Архангельской губернии с 1866 по 1875 год в связи с его приростом» (1890). Более подробная информация о Г.И. Минейко с характеристикой содержится в статьях В.А. Волинской [4]. Известны его содержательные публичные выступления: речь, произнесенная в память о столетнем юбилее книги Адама Смита «Богатство народов»; слово о М.В. Ломоносове в столетнюю годовщину со дня смерти ученого. Также Герард Минейко участвовал в мероприятиях по увековечению его памяти – открытии Ломоносовского сельского училища, косторезной школы, памятника, учреждении Ломоносовской стипендии при гимназии для бесплатного обучения одного из крестьянских детей и многом др. [4]

В 1863 году Г.И. Минейко женился на дочери инженер-полковника Иванова Александре Петровне. В семье было пятеро детей – Мария, Александр, Петр – отец Ксении Петровны Гемп, близнецы Роман и Иосиф.

II поколение

Незаурядным человеком была и Мария Герардовна (1864–1942). Она владела книжным магазином. В 1908 году власти, обнаружив там нелегальные книги, привлекли её к судебной ответственности.

Её муж, Александр Петрович Шашковский (1859–1917), был преподавателем Архангельской мужской гимназии. Он поддерживал дружеские связи с преподавателями гимназии Райляном и Острогорским. Был восприемником при рождении сына Фомы Родионовича Райляна (1892) и сына Острогорского Евгения Алексеевича Острогорского (1891) [6, с. 273, 279].

Их дети: Надежда, Наталья.

Александр Герардович (1866, по другим сведениям 1867–1930).

Ж. Мария Сергеевна.

Петр Герардович (1868, по другим сведениям 1869–1930).

Роман Герардович (1870, по другим сведениям 1873–?).

Ж. Екатерина.

Иосиф Герардович (1870, по другим сведениям 1873–1918) [3].

Из второго поколения архангельской ветви Минейко особенно выделяется **Петр Герардович** (10.08.1868–19.02.1920) – отец Ксении Петровны Гемп, дворянин, инженер Архангельского порта, коллежский советник, один из основателей общества изучения Русского Севера (1908) и член обществ «вспомоществования» учащимся во 2-й Архангельской гимназии (1911), нуждающимся учащимся в Архангельском императора Петра I низшем механико-техническом училище, а также общества попечения о благоустройстве города Архангельска и Северо-Двинского общества охоты [6], фотографического общества (1914) [1]. Окончив Архангельскую гимназию, поступил в Санкт-Петербургский университет на физико-математический факультет. После его окончания в 1892 году с дипломом I степени и Петербургского практического технологического института был призван на военную службу, но по освидетельствовании вскоре освобожден от неё. Некоторое время работал в Санкт-Петербургском институте. Приказом министерства путей сообщения от 10 марта 1898 года был

определен штатным инженером IX класса и производителем изысканий и исследований по Архангельскому порту. В 1899 году он исполнял обязанности вначале младшего, затем старшего производителя работ и в конце 1899 года был назначен инженер-технологом в чине коллежского секретаря «со старшинством». В 1902 году (8 марта) по Высочайшему докладу министерства путей сообщения, П.Г. Минейко присвоено звание инженера путей сообщения. Приказом по главному управлению торговли мореплавания и портов от 14 июля 1903 года он был переведен на службу в главное управление штатным инженером IX класса, с оставлением его страшим производителем работ Архангельского порта (с 16 июня 1903 года). В 1904 году высочайшим приказом по гражданскому ведомству Минейко произведен за выслугу лет в титулярные советники со старшинством (январь), в том же году произведен также за выслугу лет в коллежские асессоры (сентябрь). В 1905–1907 годах на основании указания министерства торговли и промышленности назывался штатным инженером. В 1908 году (7 июня) году произведен за выслугу лет в надворные советники (со старшинством). 5 апреля 1909 года приказом министерства торговли и промышленности назначен производителем работ Архангельского порта и заместителем начальника работ того же порта «с оставлением штатным инженером того же класса» [8]. В 1913 году утвержден архитектором-строителем Архангельской 2-й женской гимназии (Ольгинской), также принимал большое участие в разработке программы строительства и составлении сметы [9]. Он же вел и технический надзор за строительными работами. В октябре 1916 года Минейко доложил комиссии об окончании всех работ по постройке здания.

В 1914 году приказом по ведомству министерства торговли и промышленности от 6 октября инженер VII класса П.Г. Минейко произведен из надворных советников в коллежские советники «со старшинством» [9].

В 1915 году в Архангельске учреждается должность главного инженера портов Беломорского района, которую 28 июня 1916 года занял инженер V класса П.Г. Минейко «с поручением ему заведования технико-строительной частью в Архангельском порте» [10].

Награжден орденом Св. Станислава 3 степени (1907), в 1916 году «за особые труды по обстоятельствам военного времени» он награждается орденом Св. Владимира 4 степени [11]. Кроме своей основной работы, П.Г. Минейко преподавал в Техническом училище имени Петра I предмет устройства машин (1899–1906) [12]. В 1907 году здание училища сгорело. В 1913 году Петр Герардович взял подряд и произвел ремонт здания [13]. Он создавал и проекты. Так, в 1910 году им был составлен проект укрепления фундамента колокольни

Успенской церкви г. Архангельска: подготовил смету, планы, техническую записку. В этом же году на Соловках в бухте Благополучия по его проекту построили первую на Белом море гидроэлектростанцию, а в 1911 году был построен эллинг на Соломбальской судовой верфи. В этом же году по проекту П.Г. Минейко был построен каменный футляр над домом Петра I, перенесенного из Новодвинской крепости и поставленного на береговой площади, почти напротив Свято-Троицкого кафедрального собора.

5 июля 1892 году Петр Герардович вступил в брак с дочерью коллежского регистратора Двойникова Надеждою Михайловною [14].

По поводу смерти П.Г. Минейко имеются разные сведения: согласно данным В.И. Смирнова, он умер от тифа в большевистской тюрьме в Сибири [16], а В.А. Волынская пишет, что был убит накануне вступления в Архангельск частей Красной Армии [5].

Надежда Михайловна (8(20)03.1871, по другим сведениям 1870 – 17.06.1921, по другим сведениям 1920), потомственная дворянка, пианистка. Окончила Мариинскую архангельскую гимназию и музыкальную школу, Петербургскую консерваторию и курсы сестер милосердия. В марте 1920 года как член женского патриотического союза была осуждена на 6 месяцев принудительных работ, приговорена к высшей мере наказания – расстрелу, затем смертный приговор был заменен 10 годами принудительных работ в лагере. По сведениям К.П. Петровны, в 1923 году, вспомнив, что Надежда Михайловна была сестрой милосердия, её перевели в Холмогорский концлагерь на ликвидацию тифа. Там она и умерла от тифа 17 июня 1921 года. В 1992 году была реабилитирована [15].

Их дети: Владимир, Ксения, Вера, Екатерина, Александра [3].

Слева направо: Вера Минейко, Наталья Шашковская, Владимир Минейко, Ксения Минейко, Надежда Шашковская. Архангельск, июль 1912 г. Фото Я. Лейцингера

III поколение

Владимир Петрович (1893–1921).

Ксения Петровна (1894–1998).

М. Алексей Германович Гемп (1893–1977).

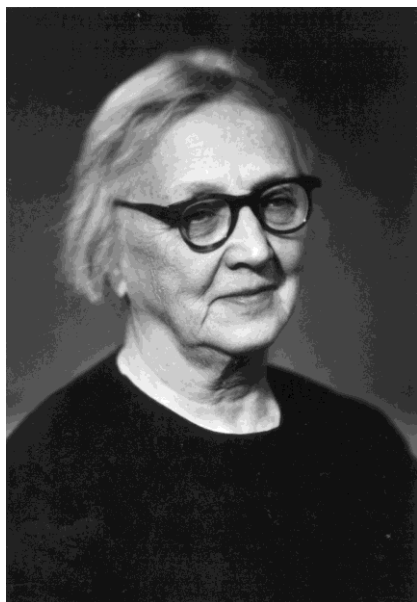
Вера Петровна (1896–1983, по другим сведениям 1897–1971).

М. Олег Константинович Шнейдер (?–1922).

Екатерина Петровна (1900–1984).

Александра Петровна (1902–?).

М. Алексей Дмитриевич Сироткин (?–1945) [3].

Ксения Петровна (17(5).12.1894, Санкт-Петербург – 3.02.1998, Архангельск), ученый-биолог, альголог, географ, историк-краевед, палеограф, этнограф и фольклорист; почетный гражданин Архангельска (1984), почетный член Географического общества СССР (1975) и Всесоюзного Пушкинского общества. Окончила архангельскую Мариинскую женскую гимназию (1912), Высшие женские курсы (Бестужевские, 1917). С 1925 года работала в институте промышленных изысканий в Архангельске. Изучала морские водоросли, разрабатывала способы их промышленного применения, исследовала запасы водорослей в Белом, Баренцевом, Балтийском и Черном морях. В годы войны в блокадном Ленинграде организовала производство витаминных питательных масс из водорослей. Ксения Петровна тянулась и к гуманитарным наукам. Поступила в Петербургский университет, где слушала лекции Е.В. Тарле, Б.Д. Грекова, И.А. Бодуэна де Куртене. Ксения Минейко

получила предложение остаться при кафедре, но вернулась в Архангельск, где вела педагогическую деятельность и одновременно работала в Институте промышленных изысканий: возглавляла лабораторию по изучению водорослей, что имело большое значение для науки. Она работала на Балтике, вела исследования еще и Карском море, в Тихом океане, побывала в Китае.

Ксения Петровна, будучи гуманитарием по образованию, изучала этнографию, интересовалась историей, краеведением Русского Севера. Ей пришлось оценивать Холмогорскую библиотеку, разбирать и описывать архивы Соловецкого монастыря, Выговской старообрядческой пустыни. К.П. Гемп опубликовала найденную ею (1911) рукописную лоцию конца XVIII – начала XIX века – «Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия» (Л., 1980). Кроме того, необходимо назвать её публикацию «Сказ о Беломорье» (1983), уникальность которой оценили Федор Абрамов и Д.С. Лихачёв, а также позднее и расширенное издание «Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений» (2004). В этом издании опубликован список всех трудов Ксении Петровны.

К.П. Гемп много лет являлась ученым секретарем Архангельского отделения Всесоюзного географического общества, которое избрало её Почетным членом, была консультантом многосерийных телевизионных фильмов «Россия молодая», «Михайло Ломоносов», «Матвеева радость» и др.

Награждена медалью «За оборону Ленинграда» (1944), орденом Трудового Красного Знамени (1963), в 1984 году ей присвоено звание Почетного гражданина города Архангельска. В день своего столетия Ксения Петровна была награждена медалью академика Е.Н. Павловского, серебряной пушкинской медалью; стала почетным доктором ПГУ и СГМУ.

Её мужем был Алексей Германович Гемп (1(13).08.1893, Орел – 31.01.1977, Архангельск), декан исторического факультета Архангельского педагогического института

имени М.В. Ломоносова. Их сын Игорь (20.12.1918–20.10.1942) погиб на Сталинградской земле.

Мы рассказали лишь о нескольких представителях разных поколений архангельской ветви Минейко, которые поражают высоким творческим потенциалом. Никогда не забывала Ксения Петровна своих предков, ей принадлежали слова: «Нам завещано было: не теряйте родственную связь с людьми, с землей, откуда вышли предки». В 1960-е годы она посетила белорусский городок Лиду, Вильнюс, преподнесла в дар музею Адама Мицкевича первое издание «Дзядов» из личного собрания Герарда Иосифовича Минейко. Самой же Ксенией Петровной и её мужем передано в Пушкинский дом – Институт русской литературы Академии наук, где имеется «фонд Гемп» около двухсот старинных рукописей и редких книг из семейной библиотеки, которую основал Герард Иосифович и в которой впоследствии насчитывалось свыше 80 тыс. томов. Одна из книг его библиотеки на немецком языке хранится в Архангельской областной библиотеке имени Добролюбова.

-
1. Архангельск. 1914. № 148.
 2. Клейн Б. Семейный портрет // Неман. 1986. № 4. С. 126-143.
 3. Волынская В.А. Двое из архангельского рода // Белый пароход. 1994.
 4. Волынская В.А. «Он был идеалистом в лучшем значении этого слова» // Россия. СНГ. Мир. 29 мая 1998; *Её же*. Герард Минейко: жизнь и деятельность // Русский Север в документах архива. Архангельск, 1998. С. 90-96.
 5. Волынская В.А. Ксения Петровна Гемп // Тр. XI съезда Русского географического общества. Т. 7: Краеведение и краеведы: материалы науч. конф., посвящ. 105-летию со дня рождения К.П. Гемп. СПб., 2000. С. 3–9.
 6. Метрические книги Воскресенской церкви Архангельска // Северные родословия: сб. статей Северного ИРО. Вып. 1. Архангельск, 2002.
 7. ГААО. Ф. 1. Оп. 7. Д. 268. Л. 467а-467к.
 8. ГААО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1114. Л. 128-132.
 9. ГААО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1114. Л. 128-132.
 10. ГААО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 18, 21, 22, 33, 78.
 11. ГААО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1114. Л. 131.
 12. ГААО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 300. Л. 4об.; Памятная книжка Архангельской губернии на 1909 год. Архангельск, 1909.
 13. ГААО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 581. Л. 2; Ф. 123. Оп. 1. Д. 300. Л. 1 об.
 14. ГААО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1114. Л. 129.
 15. Овсянкин Е.И. «Дело об Архангельском патриотическом женском союзе» (Из истории семьи К.П. Гемп) // Тр. XI съезда Русского географического общества. Т. 7: Краеведение и краеведы: материалы науч. конф., посвящ. 105-летию со дня рождения К.П. Гемп. СПб., 2000. С. 226–231.
 16. Смирнов В.И. Город Архангельск в начале 30-х годов XX столетия. Архангельск, 1992. С. 12.

Комментарий

Фото Минейко. Из книги Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М.: Архангельск, 2004.

Фото К.П. Гемп. Из личного архива Е.В. Демидовой.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП СТРОИТЕЛЬСТВА ВОЛОГОДСКО-АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ НА СРЕДНЕМ СТРОИТЕЛЬНОМ УЧАСТКЕ: ИЗ АРХИВНОГО ДЕЛА ПРИСТАВА ТРЕТЬЕГО СТАНА КАРГОПОЛЬСКОГО УЕЗДА

В.А. Сметанин

Архангельский центр Русского географического общества,
Архангельск, vlasy51@yandex.ru

120 лет назад на Европейском Севере России развернулось грандиозное строительство железной дороги Вологда-Архангельск протяжённостью 600 вёрст. Она прошла тремя губерниями – Вологодской, Олонецкой и Архангельской и оказала огромное влияние на развитие Архангельского Севера, на жизнь миллионов людей и стала органической частью их повседневного быта. Острая нужда в этой дороге подтвердилась уже в начале Первой мировой войны, 100-летие начала которой отмечается в нынешнем году, когда все пути на запад были отрезаны линией фронта, и Архангельск остался единственным в Европе российским морским портом, не заблокированным противником. Тогда Вологодско-Архангельская железная дорога стала для России буквально «дорогой жизни» [1].

Старт этой стройке был дан в Петергофе 11 июня 1894 года [2], когда император Александр III подписал проект 6-го дополнения к Уставу Общества Московско-Ярославской железной дороги, которым предусматривалось строительство узкоколейной линии в один путь от Вологды до Архангельска по кратчайшему направлению. Само же общество переименовывалось в Общество Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, председателем которого был известный промышленник и меценат С.И. Мамонтов.

В Олонецкой губернии трасса дороги в 170 вёрст проходила по 8-ми лесным казённым дачам трёх лесничеств Каргопольского уезда: Ряговского, Мошенского и Лепшинского [3]. 1 июля 1894 года начались изыскания и прокладка трассы [4]. О начавшихся работах по изысканию железнодорожного пути между Архангельском и Вологдой каргопольский уездный исправник Евгений Александрович Кюн известил пристава III стана Алексея Алексеевича Троицкого в начале июля 1894 года. А через месяц, в начале августа, в Мелентьевскую волость Каргопольского уезда прибыла изыскательная партия в составе четырёх человек: начальника - поручика полевых инженерных войск Павла Ивановича Панкова, его помощника - студента Института путей сообщения Александра Александровича Аминдорфа, десятников - Осипа Гайдукова и Василия Груздева для исследования прямой железнодорожной линии [5]. В Каргопольском уезде был организован Средний строительный участок, возглавляемый инженером Константином Константиновичем Руиным, управление которого расположилось в городе Каргополе.

Строящая линия железной дороги прошла в стороне от густонаселённых мест Каргопольского уезда в 25 и более верстах. Трасса дороги затронула лишь земельные наделы крестьян Вохтомского, Нименгского, Шожемского, Лелемского, Шалякушского и Лепшинского сельских обществ четырёх восточных волостей Каргопольского уезда: Мелентьевской, Андреевской, Фатьяновской и Большесторонской. На юго-востоке Каргопольского уезда почти все деревни Вохтомского сельского общества Мелентьевской волости оказались вблизи к линии железной дороги, и лишь одна деревня Завондышская лежала от неё в 8 верстах. Далее на север в Нименгском обществе Андреевской волости большая часть деревень находились в 4-10 верстах от строящейся линии, 2 деревни, составлявшие Шожемское сельское общество Фатьяновской волости, - в 15 верстах. На северо-востоке уезда 70 вёрст участка линии прошли по Большесторонской волости, входившей во II стан уезда. Все 6 деревень Лелемского сельского общества этой волости располагались в 5-6 верстах от трассы строящейся линии, 2 деревни, составляющие Шалякушское общество, оказались у трассы в 1-1,5 верстах и из двух десятков деревень

Лепшинского сельского общества ближайшими к линии оказались лишь две деревни: Сергоручей в 9 верстах и Нефёдовская в 15 верстах.

Мелентьевская, Андреевская и Фатьяновская волости входили в III-й стан Каргопольского уезда, по которому трасса железной дороги пролегла на протяжении 100 вёрст, поэтому приставу III-го стана А.А. Троицкому было поручено поддерживать порядок в пределах этих волостей и среди рабочих, занятых на строительстве дороги. Для усиления наблюдения за порядком среди рабочих исправник разрешил ему поочерёдно вызывать урядников на линию строящейся дороги из других полицейских участков стана.

С наступлением зимы на Среднем строительном участке развернулись работы по расчистке от леса трассы линии шириной в 30 сажен. В пределах Андреевской волости работы начались 10 декабря 1894 года, в первый день на разрубку трассы вышли около 100 человек. Одновременно началась и постройка изб для рабочих у трассы дороги. К концу декабря на Среднем участке уже работало около 700 человек, в основном, крестьяне из Пудожского уезда, а также крестьяне из волостей Каргопольского уезда, но только тех, по которым прошла трасса строящейся дороги. Пристав доносил исправнику, что в пределах крестьянских наделов подрядчики работ А. Кожин и каргопольский купец Григорий Серков приступили к работам, не уведомив местных волостных старшин и не предъявив документы на право рубки леса в крестьянских наделах, чем вызвали их недоумение и протест. Плата рабочему «на своих харчах» составляла всего 40 копеек в день, а на хозяйских – лишь 1 рубль в неделю. «...Цены крайне низки и работают только бедняки, коим нужны деньги на уплату податей» - сообщал 14 декабря 1894 года пристав уездному исправнику [6]. Для сравнения, подённая плата зимой 1895 года в Андреевской волости на своём содержании составляла: печника и стекольщика 50-70 коп, плотника 60-80 коп, кузнеца и пильщика 70-90 коп, столяра и портного 60 коп – 1 рубль [7].

С началом работ на линии строящейся железной дороги для наблюдения за порядком среди рабочих пристав Троицкий вызвал из Воезерской волости урядника 3-го участка А. Лупанова на 1-й участок в деревню Андреевскую с полным вооружением. Уряднику 2-го участка из Фатьяновской волости Николаю Гринькову было поручено принять в заведывание дополнительно полицейский участок Лупанова. Одновременно ему предписывалось чаще бывать в Шожемском сельском обществе, крестьяне которого работали на линии железной дороги около Шожемозера, для наблюдения за ними и рабочими других местностей, куда они выходили в нерабочие дни [8].

Трасса строящейся дороги в пределах III-го стана от Южного строительного участка до крестьянских земель Лелемского сельского общества Большесторонской волости была разделена на 10 десятивёрстных участков, и за каждым участком был закреплён десятник. В пределах Мелентьевской волости на 1-м участке от южной границы уезда десятником был Иконников, а далее по порядку - Роспопов (изба в 12 верстах от деревни Куфтыревской), Василий Степанов Лёвушкин (изба около деревни Грехнев пал), Яков Денисов (изба в 10 верстах от деревни Завондышье). В пределах Андреевской волости на 5-м участке десятником был Исаков (изба в 15 верстах от озера Долгое), на 6-м участке - Томилов (изба в 7 верстах от деревни Андреевской), и далее по порядку: Щипин (изба в 4-х верстах от деревни Яковлевской), Поташев (изба около озера Лещёво в 12 верстах от деревни Андреевской), Иван Галашев (изба в 25 верстах от деревни Яковлевской). В пределах Фатьяновской волости находился 10-й участок, десятником которого был Рыков (изба на речке Шожме в 17 верстах от деревень Кондратовской и Демидовской Шожемского сельского общества) [9]. Первоначально рабочие размещались в крестьянских домах в близи стоящих к линии деревнях, и для них вдоль трассы строящейся железной дороги возводились избы, одна от другой в десяти верстах. К концу декабря избы были готовы, на каждом участке по одной. Однако в построенных из сырого леса избах было «чрезвычайно свежо и холодно», а поэтому рабочие заболели и, получив расчёт, уходили домой.

Рабочие на линию железной дороги всё прибывали, а помещений для их размещения не хватало. Так, на 6-м участке в одной избе были помещены 115 человек. Люди в избу не

вмещались, и им приходилось проводить ночи, сидя на земле. О построенных на линии избах пристав в еженедельной записке уездному исправнику писал, что они не отвечают своему назначению - тесны, сыры и холодны. Рабочие начинали роптать, они были недовольны также и питанием - приварка не хватало, пищу не проваривали, хлеб был плохого качества и сырой. На 5-м участке «... вода берётся из болота в устроенных колодцах, - докладывал 16 января 1895 года урядник Лупанов, – прежде построенная изба для вмещения рабочих весьма неудобна, вследствие того, что в избе страшная сырость и духота, со стен и потолка течь, стены избы покрыты толстым слоем плесени». Рабочие поголовно страдали поносом и кашлем, так как контроль со стороны администрации стройки за санитарным состоянием жилых помещений и прилегающих к ним территорий отсутствовал. 19 января 1895 года на 2-м участке рабочие избили артельного повара Илью Фёдорова Горюнова за плохо приготовленную кашу, а на другой день около 100 человек, оставив работу, пришли в деревню Куфтыревскую к старшему десятнику Тумакову и подрядчику Лёхову. Подрядчик, улаживая конфликт, выставил рабочим угощение и водку, и вынужден был выдать им на день хлеба, а на приварок говядину и рыбу. Только после этого рабочие артели успокоились и 21 января рано утром вышли на работу [10].

С началом работ на линии пристав Троицкий потребовал от подрядчиков Серкова и Кожина, чтобы они немедленно подобрали квартиры под приёмные покои для больных рабочих. Такие покои должны были быть открыты в деревнях Куфтыревской или соседней с ней, а также в деревнях Завондышье, Долгозерье, Хвостихе, Яковлевской и одной из деревень Шожмы, где «могли бы тотчас помещаемы рабочие, ушибленные или заболевшие на линии работ». Он предложил на первое время для оказания врачебной помощи рабочим линии привлекать местных фельдшеров. От подрядчиков пристав потребовал немедленного уведомления местных урядников обо всех несчастных случаях и заболеваниях рабочих на линии. Однако подрядчик Серков с этим не спешил, целый месяц потребовался ему для подбора удобного помещения для приёмного покоя. Наконец, 10 января 1895 года компрагентом Серковым была нанята квартира для приёмного покоя в деревне Яковлевской Андреевской волости в доме крестьянина Самойла Каширина. В ней до присылки фельдшера от казны наблюдение за больными и заболевающими рабочими выполнял местный фельдшер Петров. Больные же среди рабочих появились значительно раньше. 25 декабря 1894 года десятник Кожина Томилов сообщил о первом больном пудожском мещанине Алексее Фёдорове Чубинове, помещённом в деревне Хвостихе в доме крестьянской вдовы Устины Фёдоровой. Урядник Андреев сообщал приставу о том, что на 7-м участке десятник Щипин заявил о многих рабочих - пудожан, жаловавших на боль в животе, а 9 крестьян из Пудожского уезда, находящихся на квартире в деревне Бурачихе, не вышли на работу и попросили об оказании им медицинской помощи. В той же деревне лежал крестьянин Авдеевской волости Пудожского уезда Пётр Карзин с ушибленной топором ногой также без всякой медицинской помощи [11]. 22 января 1895 года урядник А. Лупанов доносил приставу, что помещения для больных в деревнях Андреевской и Хвостихе так и не были открыты. В январе прибыл фельдшер от Общества железной дороги и остановился в деревне Яковлевской Андреевской волости. В этой деревне им были открыты аптека и помещение для больных и заболеваемых. Больные рабочие 5-го и 6-го участков направлялись за 20-30 вёрст в деревню Яковлевскую к фельдшеру для помещения их в больничку при аптеке. 12 января на 7-м участке в местности под названием «Ольховец» упавшим деревом ушибло крестьянина деревни Устьяновской Фатьяновской волости Ефима Амбросова, 63 лет, у которого по освидетельствованию фельдшером Козловым оказался перелом бедренной части левой ноги. Больной находился в деревне Яковлевской в доме крестьянина Ивана Лисицына, в котором с 11 января 1895 года была открыта больница от компании Вологодско-Архангельской железной дороги [12]. На 6-ом участке при разрубке трассы 13 января ударило «покосной елью» по плечу крестьянина деревни Кузьминской Андреевской волости Василья Спирина, однако удар был не сильным и Спирин продолжил работу [13].

Уже в конце декабря 1894 года начались ссоры между местной молодёжью и рабочими линии на вечёрках в деревнях Яковлевской и Заручевской Андреевской волости. Пристав спрашивал у исправника разрешения запретить в этих деревнях «беседы, из-за коих происходили драки и шум в означенных деревнях». Урядник Лупанов докладывал, что в Новый год в деревню Андреевскую выходило 10 человек рабочих из 5-го участка и из них некоторые были пьяны, но праздник прошёл спокойно.

Пристав Троицкий предписывал урядникам неусыпно наблюдать за порядком среди рабочих на линии железной дороги, а все возникающие недоразумения как предупреждать, так и своевременно устранять: «Вы должны быть с рабочими вежливыми, то есть терпеливо выслушивать их просьбы и, не горячася, разъяснять им их недоразумения». От урядников он требовал, чтобы они о происходящем на работах сообщали подробно, ни чего не скрывая, и спрашивали у него о том, в чём они сами сомневались или затруднялись. Троицкий наставлял: «...Вообще быть всегда во всём аккуратным и всегда помнить, что теперь от Вас требуется особенной деятельности и внимания к исполнению служебных обязанностей урядника».

Рис. 1. Забивка свай ручными бабами при устройстве временной дороги по глубокому болоту, зима 1894-1895 года. Фото П.Ю. Майера.

Работы по разрубке трассы стремительно набирали обороты. К концу января 1895 года на Среднем участке в пределах III-го стана Каргопольского уезда уже работало 2500 рабочих (рис. 1). В феврале в каждом бараке размещалось до 200 человек. Рабочие линии жаловались приставу Троицкому на подрядчика Кожина, задерживавшего им выдачу платы за выполненные работы. Пристав, сообщая об этом уездному исправнику Кюну, в свою очередь, просил его вмешаться и предупредить подрядчиков Кожина и Серкова, чтобы они расчёты с рабочими производили «со всей аккуратностью и своевременно». Однако поток жалоб на подрядчика Кожина за задержку рабочим заработной платы всё нарастал. Отдельные рабочие уходили в Каргополь за причитающимися им деньгами. Действия подрядчика вызывали всё усиливающийся ропот и недовольство, и вынуждали крестьян преждевременно покидать стройку, но на их место прибывали новые рабочие.

После праздника Пасхи работы на трассе линии возобновились, рабочие приступили к сжиганию порубочных остатков и подготовке к приёму рабочих на земляные работы. Крестьяне, близ лежащих к линии сельских обществ рубили новые бараки для рабочих, строили ледники и кладовые для провизии. Весной из-за таяния снега сообщение по линии между бараками прекратилось.

10 апреля 1895 года в Мелентьевскую волость от подрядчика Кобрин приехал казённый десятник по земельным работам Осип Кондратьев Бегунов. Он сообщил, что к 10 мая для производства земляных работ на линию придут около 500 рабочих из разных губерний. Для них десятник подыскал квартиры в нежилых домах деревни Фоминской Мелентьевской волости у крестьян Дмитрия Малашева, Ивана Кишкина и Фёдора Аристовых. Под постой рабочих им нанимались и полевые гумна. Местные жители выражали опасения в отношении пожарной безопасности в подражаемых помещениях. В волостное правление поступило заявление крестьянина деревни Куфтыревской Василия Данилова Латкина. Он жаловался на своего бывшего соседа Ивана Богданова, сдавшего в аренду свой старый дом и сарай Бегунову под пекарню на 1895 год. Дом Латкина находился в трёх саженьях от дома Богданова и крестьянин опасался, что от продолжительной топки печей может произойти пожар. В связи с этим он запрашивал волостное правление о правомерности аренды дома без согласия соседей. Дело усугублялось ещё тем, что хозяин в доме не жил и привёл своё хозяйство «в полное расстройство и запустение». Волостной старшина Вьялкин передал заявление Латкина на рассмотрение полицейскому уряднику Аристову. На запрос урядника пристав Троицкий запретил устраивать пекарню в доме Богданова во избежание пожара. Он разъяснил, что все деревянные строения, в которых нужен продолжительный огонь, должны быть расположены вне усадьбы. Пристав приказал уряднику объявить под подписку это распоряжение Бегунову и крестьянину Ивану Богданову, а в случае их не подчинения составить соответствующий протокол. Относительно же найма крестьянских домов, нежилых помещений и хозяйственных построек под жильё он дал также разъяснение, что это законом не запрещалось. Однако данные квартиры и помещения должны были быть приспособлены к размещению в них людей. Там должны соблюдаться все правила, как в отношении сохранения здоровья людей, так и в пожарном отношении. Они должны быть просторны, теплы, сухи, иметь достаточно света. На случай пожара помещения должны круглосуточно охраняться караульным, иметь свободные выходы, а двери открываться на улицу.

О беспорядках и произвольных действиях должностных лиц, ведущих строительство дороги, поступающих с мест, пререканиях между администрацией Среднего строительного участка и местной полицией, крайне неудовлетворительном состоянии санитарной части дороги, недостатке медицинского персонала олонёцкий губернатор камергер Демидов дошёл до сведения министра путей сообщения князя М. И. Хилкова. Все поднятые губернатором вопросы Общество поручило срочно расследовать инспектору Вологодско-Архангельской линии статскому советнику Э. И. Альбрехту.

С 8 мая 1895 года на Средний строительный участок дороги стали прибывать партии землекопов из Тверской, Смоленской, Гомельской, Витебской и других губерний. К 10 мая в Вохтому прибыло около 600 землекопов, а к концу мая в Мелентьевской и Андреевской волостях их уже было около 2000 человек. Из-за холодной погоды рабочие в Вохтомском сельском обществе размещались в крестьянских избах деревень Фоминской и Куфтыревской. 21 мая по случаю праздника Троицына дня рабочим выдали деньги. Первый праздничный день показал приставу Троицкому, что прибывший из разных губерний рабочий люд был крайне буйного характера и убедил его в том, что для поддержания порядка среди рабочих необходимо увеличить число урядников в Вохтоме по крайней мере до трёх человек. Кроме того, в помощь им в дни праздников для поддержания порядка требовалось назначать по несколько человек из числа полицейских десятских и сотских.

Пристав Троицкий счёл нужным довести до сведения уездного исправника о том, что в деревне Яковлевской Андреевской волости братьями Серковыми открывалось трактирное

заведение для рабочих железной дороги, открытие которого вблизи линии (в 4-х верстах), как он считал, крайне нежелательно [14].

Не прошло и месяца после прибытия в Вохтому первых землекопов, как на участке подрядчика Раевского, около деревень Грехнев Пал и Фоминской Мелентьевской волости вспыхнула стачка рабочих [15]. 2 июня, работавшие на 230-й версте рабочие в количестве 500 человек не вышли на работу. Кроме того, они силой и угрозами заставили уйти с работы ещё 100 человек. Забастовщики отказались работать по причине невыдачи им подрядчиком Кобриным рабочих книжек и обещанных по условию денег. Рано утром 4 июня сюда водным путём прибыл пристав Троицкий. В деревне было тихо, рабочие спали. Выслушав доклад жандармского унтер-офицера Захарова о начавшихся беспорядках, он удостоверился, что предварительные сведения о них записаны в протоколах и посланы как судебному следователю, так и губернскому товарищу прокурора. Затем он с урядниками Аристовым и Елисеевым пошёл по квартирам рабочих для выслушивания объяснений о причинах не выхода их на работу. Пристав просил рабочих успокоиться и выйти на работы, обещая им, что их дело будет разобрано по справедливости соответствующими властями. Однако рабочие не соглашались, заявляя, что они на работы не пойдут до тех пор, пока им не будут выданы рабочие книжки и подъёмные деньги. Большинство из опрашиваемых рабочих выражали полное недоверие подрядчику Кобрину. К вечеру 4 июня беспокойство рабочих начало усиливаться, особенно в связи с приездом инспектора Э.И. Альбрехта. Видя это, пристав приказал приказчику Дьячкову закрыть винную лавку. В телефонограмме, направленной в каргопольское полицейское управление, сообщалось о том, что: «Беспорядки среди рабочих усиливаются, советов и увещаний не слушают. Подстрекателей арестовать опасно, так как можно увеличить беспорядки. Нужно увеличить немедленно полицейскую силу. Питейную лавку закрыл. Пристав Троицкий». Пристав и урядники всё время находились среди рабочих, собравшихся в деревне Куфтыревской и у деревни на мосту через реку Вохтомицу, уговаривая рабочих успокоиться и продолжить работы. В 11 часов вечера в деревню приехал инспектор Альбрехт. На другой день несколько рабочих вышли на работы, а продолжавшие бастовать землекопы собрались у квартиры конторы Кобрина. Они дерзко и грубо предъявляли требования подрядчику, угрожая ему и служащим конторы. Видя это, Троицкий прекратил уговоры и в резкой форме потребовал от рабочих разойтись по квартирам. Он пригрозил им, что не подчинившихся его требованию удалит от конторы силами полицейских десятских и сотских. Это возымело действие, после полудня рабочие начали получать приготовленные рабочие книжки и давать слово о выходе на работы. К пяти часам книжки получили и дали слово выйти на работы 200 человек, за что штрейкбрехерам угрожали рабочие из Витебской губернии. На следующий день более 200 рабочих вышли на работу. Остальные 400 человек продолжили стачку, на советы и увещания отвечали то же, что и раньше. Несмотря на это, пристав и урядники в разных пунктах скопления рабочих продолжали успокаивать их, советуя выйти на работы. Одновременно пристав приказал урядникам и сотским, вызванным со всей Мелентьевской волости и частично с Андреевской волости следить за забастовщиками и не разрешать им контактировать с рабочими, работающими на линии, и влиять на них. Вечером стало известно, что не вышедшие на работы рабочие собрались идти в Каргополь к земскому исправнику. Для этого они решили ночью силой взять на дорогу хлеб из кладовой стройки, расположенной вдали от жилых строений. Чтобы не допустить самоуправства рабочих становой пристав сделал распоряжение уряднику Аристову собрать в деревне Куфтыревской десятских и всю ночь охранять кладовую с хлебом. Крестьяне в деревнях Грехнев Пал, Куфтыревской, Фоминской и Мелентьев Пал усилили ночные караулы в каждой деревне до 5 человек, не разрешая собираться рабочим на улицах толпами. К полночи в Вохтому прибыл уездный исправник Е. А. Кюн из Воезерской волости, где он находился по служебным делам. 7 июня сюда же прибыл губернский прокурор Покровский. В связи с беспорядками на линии строящейся дороги срочно выехал из Петрозаводска в Каргополь и олонецкий губернатор Демидов. О чём говорили с рабочими и что обещали им инспектор строящейся дороги Альбрехт,

каргопольский исправник Кюн и губернский прокурор Покровский неизвестно. Известно, что телефонограммой пристав сообщал в Каргополь, что рабочие начинают успокаиваться и «нужно думать, что беспорядки прекратятся». Тем не менее, 8 июня около 100 рабочих ушли через деревню Дор и Рягово в Каргополь. В тот же день жандармом Захаровым были арестованы и отправлены в Каргополь землекопы - крестьяне Кондратий Родионов, Иван Яковлев и рядовой Иван Лукьянов. Также были отправлены в Каргополь рабочие Антон Киварич, Станислав Егоров, Антон Егоров и Игнатий Пухов. Они были высланы из Вохтомы, как главные крикуны среди рабочих. В деле также фигурируют рабочие из Смоленской губернии Назар Дорофеев Дорофеев, Евсей Степанов, Архип Тимофеев, Михаил Зубов, Степан Николаев Епишнин и Франц Петров Тывол. Тогда же 9 июня сгорел барак на реке Коноше, однако, как показало расследование, пожар не был связан со стачкой и произошёл от неосторожного обращения с огнём служащих на железной дороге. Стачка встряхнула власти и администрацию стройки и побудила их больше внимания обращать на жалобы и нужды строителей дороги. Пристав Троицкий беспорядки на линии объяснял недобросовестным отношением подрядчика Кобрин к рабочим, главным образом, не выполнением им договорных обязательств и произвольным и незаконным изменением условий договора.

В конце того же месяца в деревне Куфтыревской произошли ещё два случая, потребовавшие вмешательства полиции. В Иванов день 25 июня у конторы Кобрин собралось большое число рабочих с линии железной дороги. В конторе до позднего вечера производились расчёты с рабочими. Около полуночи хозяин, сдававший дом в аренду под контору, Степан Иванов Дьячков, будучи в нетрезвом состоянии, поскакал с приказчиком строящейся железной дороги Осипом Бегуновым. Бегунов дубовой линейкой ударил по голове хозяина дома, попав острой кромкой. Дьячков упал на пол, кровь из головы пошла ручьём. Вызванный в контору местный фельдшер Матвеев оказал ему медицинскую помощь.

Перед Петровым днём 29 июня в той же деревне весь день до вечера около винной лавки конторы Кобрин и мелочных лавочек толпились рабочие с линии, строящейся железной дороги. Собралось не менее 250 землекопов в основном с пунктов Коноши, Семёновского ручья, Норменьги и даже Вондыши. После открытия винной лавки трое выпивших землекопов, прогуливаясь по улице деревни, зашли в дом к крестьянину Фёдору Васильеву Дьячкову и попросили продать им молока, но за молоко не заплатили, затеяв ссору. Видя такое дело, хозяин поспешил вытолкать их в сени, а оттуда на улицу и затворил за ними ворота. Что сказал хозяин вслед рабочим неизвестно, только уходя, один из рабочих запустил поленом в окно дома крестьянина и разломал стекольную раму до основания. Не ожидая прибытия урядника на место происшествия, рабочие поспешили скрыться на своих пунктах.

Уже в феврале 1895 года было открыто телефонное сообщение между Каргополем и Нименгской станцией, находящейся в Андреевской волости, а в апреле того же года телефонная линия соединила с Каргополем Шожму и Вохтому. В архивном деле имеется ряд документов, свидетельствующих о порче крестьянами телефонной линии на строящейся железной дороге, о похищении ими изоляторов, крючьев и проводов. 14 апреля 1895 года в приватном письме производитель работ 10-й дистанции П.И. Панков писал приставу Троицкому, что около деревни Яковлевской Андреевской волости постоянно происходит умышленное перекручивание телефонных проводов, вследствие чего аппараты не работают. Подозрение падает на крестьян близ лежащих деревень. Он просил оказать содействие к прекращению указанных беспорядков, поскольку данный вопрос, поставленный официально, может иметь весьма печальные последствия для виновных, ибо для железнодорожных телеграфов применялось то же уложение о наказаниях, что и для правительственной связи [16]. Урядник Андреев через сотских и десятских предупредил крестьян, что они за порчу телефонных линий будут строго преследоваться.

Через месяц 11 мая 1895 года унтер-офицер корпуса жандармов Шашалин сообщал приставу Троицкому, что из заявления агентов усматривается, что жители, прилегающих к строящейся железной дороге и телефонным линиям деревень враждебно относятся «к сим разрешённым правительством учреждениям», производят похищение различных принадлежностей: изоляторов, крючьев и проводов, делают покушение на порчу и повреждение телефонных проводов, приводящих к прекращению связи. Частью делается это умышленно, а частью без определённой цели и незнанию неприятных последствий. Он также просил поставить в известность жителей упомянутых селений, что их действия подлежат строгой ответственности [17].

Из ежемесячной служебной записки приставу уездному исправнику следует, что в мае 1895 года земляные работы шли успешно. В Нименске полотно дороги отсыпалось от Шенкурского тракта в обе стороны, и к июню было отсыпано уже около одной версты. От Вохтомского погоста насыпь велась на юг для соединения с Южным строительным участком, здесь к концу мая было отсыпано около 5 вёрст дороги.

Усилия полиции по обеспечению строителей дороги медицинским обслуживанием к лету 1895 года увенчались успехом. Были открыты приёмные покои, которые разместились в крестьянских домах в деревнях: Большой Стороне, Шожме Фатьяновской волости, Яковлевской Андреевской волости и Куфтыревской Мелентьевской волости. При каждом приёмном покое находился один или два фельдшера. Кроме них были приглашены земские врачи Каргопольского уезда Лобниз и Маслов, они заведовали приёмными покоями - первый Куфтыревским и Нименгским, а второй - Лелемским. На остальных приёмных покоях и вообще общий надзор за медицинским персоналом от железной дороги осуществлял врач Пиотковский [18]. Также на лето железнодорожной администрацией были приглашены 3 студента-медика 5-го курса: в Шалакушке Семён Самойлович Берлянд (он же Шома Берлянд) из Московского университета, в Шожме Иван Васильевич Каляпин из Казанского университета и в деревне Яковлевской Аркадий Владимирович Владимиров из Московского университета.

В июне 1895 года особым распоряжением олонёцкого губернатора приставу Троицкому был вверен полицейский надзор во всех волостях, прилегающих к линии Вологодско-Архангельской железной дороги в пределах Каргопольского уезда, Большесторонская волость была переведена из II-го стана в III-й стан. Одновременно с этим Волосовская волость - из I-го стана перешла во II-й, а Калитинская и Лодыгинская волости - из III-го стана в I-й [19].

Летом и осенью 1895 года пристав Троицкий занимался вопросами, связанными с отчуждением крестьянских земель под строящуюся железную дорогу в соответствии с Высочайшим указом от 24 апреля 1895 года. В конце июня 1895 года он выезжал в Шалакуши для разбора конфликта, происшедшего между крестьянами Большесторонского сельского общества и производителем работ 4-й дистанции железной дороги Виклюндом. Там крестьяне запретили брать песок, понадобившийся ему для производства кирпича. Песок был найден им в карьерах у деревни Большой Стороны, которые подлежали отчуждению под железную дорогу в местности болотистой и не представлявшей для крестьян никакой ценности. Тем не менее, они потребовали объяснить им, на каком основании возится из их наделов песок, но разъяснить крестьянам этого никто не смог. Поэтому, собравшись толпой, крестьяне с криком и шумом остановили лошадь, везущую песок, и грубо потребовали от возчика объяснить, на каком основании возится песок с их земли. При этом находился и сельский староста, который поддерживал требования крестьян. Полицейский урядник Орлов и жандармский унтер-офицер Юрьев советовали крестьянам не кричать, но толково не смогли ответить на их вопросы. Подрядчиком крестьянином деревни Сорокинской Архангельской волости Каргопольского уезда Харёвым, изготавливавшим кирпич, лошадь была распряжена, им же был и срыт песок с телеги. Убедившись, что взял не выгодный подряд по выделке кирпича для линии железной дороги, он старался всеми мерами уклониться от него и искал только случая оставить работы и даже по слухам сам

подстрекал крестьян, чтобы они запретили ему возить песок. Крестьянам, собранным вечером 30 июня, пристав объяснил, что имеется Высочайший указ о принудительном отчуждении под строящуюся дорогу и нужных дорожных построек земли по сторонам железной дороги. При этом он посоветовал крестьянам не делать того, чего они хорошо не понимают, а спрашивать у своего начальства и, если считают действия железнодорожной администрации не правильными, то подавать жалобу надлежащему начальству. Крестьяне пообещали приставу, что больше не будут препятствовать работам. Производителю работ Виклюнду Троицкий посоветовал «по возможности снисходить крестьянам, так как они люди невежественные, малоразвитые и при том крайне не доверчивые». На что тот в свою очередь пообещал «полное снисхождение крестьянам и помощь как-то: давать им преимущества перед другими людьми при найме их на работы и снисхождение требованиям в работах» [20].

В начале августа 1895 года пристав опять побывал в Шалакушах. На основании Высочайшего указа по установленному порядку им была произведена опись земель крестьян Малосторонского сельского общества, отходящих под строящуюся железную дорогу принудительным способом. Согласно предъявленного агентом железной дороги Поповым плана по оси линии будущей железной дороги отчуждалась крестьянская земля от реки Моши на протяжении 675 сажен площадью 19 десятин 1685 квадратных сажен. В эту площадь вошла и земля «Каскоостров», которую крестьяне общества не желали уступать и отказались подписывать опись, о чём приставом был составлен акт. По окончании описи крестьянам было объявлено, что они не должны препятствовать администрации возведению на ней построек и брать землю для карьеров дороги [21].

Крестьяне Шожемского и Вохтомского сельских обществ дали подписки о добровольной уступке земель под линию Вологодско-Архангельской железной дороги, но на своих сходах они запросили за землю весьма высокую цену. И как писал пристав исправнику в еженедельной записке нужно полагать, что о цене земель администрация дороги с крестьянами к соглашению не придёт, и нужно будет отчуждать земли принудительным способом. Исправлялись также планы земель и крестьян Андреевской волости, отходящих под линию дороги. Однако в зимнее время производить опись земли было невозможно, так как она находилась под снегом, и не могла быть осмотрена. Пристав Троицкий просил каргопольского исправника опись земель крестьян Андреевской волости отложить до наступления весны [22].

Рис. 2. 350-я верста. Железный мост через реку Лепшу, 1896 год.
Фото П.Ю Майера.

Для поддержания порядка и жандармского полицейского надзора уже в конце февраля 1895 года на строящуюся дорогу начальник Московского жандармского полицейского управления железных дорог командировал трёх унтер-офицеров. На Средний участок в Мелентьевскую волость прибыл жандармский унтер-офицер Захаров. В мае того же года на линию строящейся дороги добавили 37 унтер-офицеров, а также трёх вахмистров и трёх начальников отделений. Из них были сформированы три жандармские отделения: Вологодское, Нименгское и Архангельское. На Среднем строительном участке в Нименгское отделение начальником был назначен ротмистр Дебели, штаб-квартира которого находилась в Андреевской волости на станции Нименгской.

Уже в конце первого года строительство железной дороги переходило в следующую фазу. 7 и 8 ноября 1895 года главный инженер стройки Чоколов и инженер Ренке находились в пределах Каргопольского уезда для осмотра мест, предполагаемых для сооружения мостов (рис. 2) и станционных зданий. До торжественного открытия дороги оставалось два с половиной года, а до начала «правильного» движения по ней три с половиной года напряжённого труда десятков тысяч людей.

-
1. *Сметанин В.А.* Савва Мамонтов: «Я был богат, но я всё отдал...» // Авангард, 2001. 28 ноября.
 2. Все даты в настоящей статье даны по старому стилю. В XIX разница составляет «отставание» в 12 дней по сравнению с современным календарём.
 3. Краткое статистико-экономическое описание линий широкой и узкой колеи Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги. СПб., 1901. С. 158.
 4. *Сметанин В.А.* «Дорога Мамонтова» (историко-архитектурный очерк). Архангельск, 2002. С. 8.
 5. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1064. Оп. 1. Д. 122. Л. 6-7.
 6. Там же. Л. 12.
 7. Там же. Д. 133. Л. 5.
 8. Там же. Д. 122. Л. 34
 9. Там же. Л. 20-21.
 10. *Сметанин В.А.* Начальный этап строительства железной дороги в Мелентьевской волости: из архивного дела пристава III стана Каргопольского уезда // Северная железная дорога и развитие прилегающих территорий: материалы межрегион. Научн.-практ. конф.: пос. Коноша Архангельской обл., 22-23 октября 2008 года, Коноша, 2009. С. 41-51.
 11. ГААО. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 122. Л. 34.
 12. Там же. Л. 39.
 13. Там же. Л. 37.
 14. Там же. Л. 64.
 15. *Сметанин В.А.* Начальный этап строительства железной дороги в Мелентьевской волости: из архивного дела пристава III стана Каргопольского уезда // Северная железная дорога и развитие прилегающих территорий: материалы межрегион. Научн.-практ. конф.: пос. Коноша Архангельской обл., 22-23 октября 2008 года, Коноша, 2009. С. 41-51.
 16. ГААО. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 122. Л. 53.
 17. Там же. Л. 106.
 18. Там же. Л. 109.
 19. Там же. Л. 86.
 20. Там же. Л. 92-93.
 21. Там же. Л. 114.
 22. Там же. Л. 118.

ЖИВОЙ ДУШЕ И ПАМЯТИ ПОМОРСКОЙ СТАРИНЫ: АВТОГРАФЫ НА КНИГАХ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ К.П. ГЕМП

И.А. Смирнова

Архангельская областная научная библиотека имени Н.А. Добролюбова
Архангельск, ira-neglupova@yandex.ru

«Ксения Петровна Гемп, Федор Алексеевич Абрамов, Дмитрий Сергеевич Лихачев – Память народа, История, Слово, Культура – люди, духовный мир, творческая энергия которых будет примером и для потомков наших, а не только для современников» [1], – писал в своем письме К.П. Гемп писатель и журналист Виктор Федорович Толкачев. Трудно не согласиться с высказыванием, зная, что каждый из них привнес в российскую культуру и науку. В нашей статье речь пойдет об одном из упоминаемых в этом ряду замечательных людей – поморке Ксении Петровне Гемп. В качестве заголовка просились трогательные слова из автографа В.Ф. Толкачева, оставленного на подаренной им этой удивительной женщине книге: «*Живой душе и памяти поморской старины и Севера...*». Более подробно об этом и других автографах на книгах из собрания К.П. Гемп речь пойдет ниже.

Слово «автограф» – сложение греч. *autos* «сам» и *graphō* «пишу». В буквальном смысле – «собственноручная подпись». Изначально под автографом понимался текст, принадлежащий самому автору, рукопись, черновик. В этом значении научный интерес автограф получает к концу XIX в. как важное средство определения авторства и установления исходного текста [8]. С течением времени автограф становится малым литературным жанром («Надпись на иллюминацию» М.В. Ломоносова). Еще одно значение слова «автограф» – надпись на предмете. Однако в этом значении мы можем понимать под автографом и владельческую запись, и подпись, и дарственную надпись. Автографы могут быть также наградными или читательскими. В таком случае более применимо к употреблению слово «инскрипт» (от лат. *inscriptum* – надпись, заглавие) – рукописная дарственная надпись на книге, грампластинке, оттиске, портрете, фотографии, антикварном предмете [7]. Нас в статье будут интересовать книжные инскрипты.

В 1998 г. Архангельская областная библиотека им. Н.А. Добролюбова стала обладательницей удивительной библиотеки К.П. Гемп в объеме около 3000 экземпляров различных изданий. Особый интерес в этом собрании представляют книги с автографами, которые составили отдельную коллекцию. Исследователи коллекции автографов пришли к выводу, что это замечательное наследие должно быть открыто и доступно любому, кому дорога память о великой женщине, кто интересуется историей своей страны и родного края. С этой целью и в рамках мероприятий, посвященных 120-летию Ксении Петровны Гемп, планируется издание каталога «Автографы на книгах в собрании Ксении Петровны Гемп» [10].

Методика составления каталога требовала работы с каждым экземпляром книги из коллекции. Мы обнаружили, что многие надписи были оставлены на титульном листе книги. Это объясняется тем, что титульный лист несет информативную нагрузку о произведении, чем сразу привлекает внимание читателя. К данным о книге прибавляются и важные для дарителя и получателя слова дарственной надписи, создавая вторичный текст, что делает титульный лист более интересным, а саму книгу особенной. Часть автографов помещалась на форзаце книг, когда даритель хотел выделить и отделить свою надпись, создать собственный диалог между ним и получателем.

Следующим этапом работы стало описание выявленных и отобранных автографов. Важным элементом описания является информация о дарителе. Источниками информации стали материалы местных СМИ, Интернета, архивные материалы. Эта исследовательская работа продолжается до сих пор.

В каталоге воспроизводится более 100 значимых книжных инскриптов. Количество автографов одного автора колеблется от 1 до 5. Каждое изображение автографа сопровождается его описанием. При первом упоминании даются справки о дарителе и других называемых лицах. Автографы сгруппированы в тематические рубрики: надписи от известных представителей культуры, науки или искусства, от коллег и друзей, автографы с пожеланиями и благодарностями, коллективные автографы.

Материалом исследования в данной работе являются наиболее интересные из включенных в каталог дарственных надписей, адресованных К.П. Гемп, которые раскрывают адресата как личность. Предмет исследования – образ Ксении Петровны, запечатленный в автографах на книгах из ее собрания.

17 декабря 2014 г. исполняется 120 лет со дня рождения Ксении Петровны Гемп. Имя ее хорошо известно далеко за пределами Архангельского Севера. Выпускница исторического отделения Высших женских (Бестужевских) курсов, почетный доктор Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Северного государственного медицинского университета (ныне САФУ им. М.В. Ломоносова), почетный член Русского географического общества и Ломоносовского фонда, она более чем за 60-летнюю профессиональную деятельность определила развитие многих направлений альгологии, исторического краеведения, фольклора в XX в. К.П. Гемп общалась с выдающимися людьми: учеными, историками и писателями. Историю этих отношений, интересные подробности жизни известной архангелогородки открывают и автографы, оставленные на книгах из коллекции К.П. Гемп.

Дарственные надписи несут в себе короткую, но уникальную информацию, расшифровывая которую мы узнаем подробности биографий как автора, так и получателя, а нередко можем прочувствовать эпоху, в которую они жили. Особенно интересной и полной будет эта информация, если вкуче рассматривать авторские надписи, адресованные одному лицу, как в нашем случае. «Если авторские дарственные надписи – углубление представлений о творческой индивидуальности, то по надписям на книгах, сделанных одному адресату разными авторами, можно судить об этом адресате. Надписи такого рода сочетаются в общую характеристику человека», – писал Л. Озеров [9]. Рассмотрим, какую характеристику дают анализируемые нами инскрипты самой Ксении Петровне Гемп.

На титульном листе книги Виктора Толкачева «Звени, Тиньган» оставлена надпись: *«Живой душе и памяти поморской старины и Севера - Ксении Петровне Гемп с низким земным поклоном. В. Толкачев. 3-4 апреля 1983. г. Архангельск»*. Это дарственная надпись автора книги. Виктор Федорович Толкачев – краевед, писатель, журналист. Его жизнь, начавшаяся на Украине, в дальнейшем оказалась тесно связана с Заполярьем. Он был радистом-метеорологом полярной станции на острове Колгуев, собственным корреспондентом газеты «Советская Россия» в Нарьян-Маре, работал в газете «Нарьяна вындер» собственным корреспондентом «Правды Севера», инженером геолого-разведочной экспедиции, радиожурналистом. В 1969-м был участником лыжного перехода из Нарьян-Мара в Архангельск [6]. Только он, пропитанный Севером, автор таких книг как «Звени, Тиньган» (1982), «Через снега и годы» (1984), «Закон капкана» (2004), мог сделать такое поэтичное, вобравшее в себя самые яркие грани души, судьбы и творчества Гемп, описание этой удивительной женщины. Имя Ксении Петровны стало нарицательным. Для северян она является олицетворением «памяти поморской старины». В других авторских надписях на книгах ее называют «блистательным знатоком архангельского Севера», «первейшим краеведом Беломорья», «путеводной звездой по Северу», «энтузиастом изучения Севера». Такие лестные определения вполне оправданы. Север притягивал К.П. Гемп, она впитывала, как губка, живое слово поморов, браталась с духом суровой природы и бережно хранила историю родных земель. И Север был благодарен своей дочери: ей открывались тайны Белого моря, красоты поморской земли и предания Русского Севера.

Многие авторские надписи говорят о тонкой и доброй душе К.П. Гемп. Примером этому может служить надпись, сделанная на форзаце книги С.С. Воркова «Ложусь на боевой

курс»: *«Ксении Петровне и Алексею Германовичу Гемп на добрую память о встрече с Вами, дорогие архангелогородцы - люди удивительной и большой душевной красоты. С уважением С. Ворков 4. 08. 71»*. Сергей Степанович Ворков – командир гвардейского эскадренного миноносца «Сообразительный», славного своими подвигами в годы Великой Отечественной войны [2]. Сам обладавший выдающимися личными качествами С.С. Ворков ценил в других людях честность, ум и трудолюбие. Ему близка была по духу К.П. Гемп, он также собирал по крупицам информацию о Севере, и, особенно, о Белом море. В письмах К.П. Гемп контр-адмирал рассказывает о своей работе над книгами о Севере и море и просит прислать материалы, которыми она располагала. И после памятной встречи, когда он обогатил библиотеку семьи Гемп своей захватывающей и правдивой книгой, они продолжают обмен своими появляющимися в печати произведениями. Но никогда Ворков уже не забудет «чудесных рассказов о Белом море» [4], которые услышал от Гемп в ее гостеприимной квартирке и которые вспоминал в письмах. В памятной надписи на подаренной книге он говорит о членах этой семьи как о жителях Архангельска, которые, как и другие северяне, обладают «большой душевной красотой». «Человеком большой и доброй души» назвал также Ксению Петровну известный архангельский журналист и писатель Борис Семенович Пономарев в своем автографе.

Ксения Петровна Гемп была человеком, радушно принимавшим гостей, делившимся не только своим кровом, но и любой информацией, любыми знаниями, которыми обладала. Часть инскриптов нашей коллекции подтверждают это. Например, в дарственной записи, сделанной на обложке книги Геннадия Павловича Попова «Ногою твердой стать при море ... Штрихи к портрету Архангельского порта» автор пишет *«Ксении Петровне Гемп (Минейко). С чувством глубочайшей признательности за всё, что я встретил в Вашей тогда небольшой, но удивительно гостеприимной квартире на набережной Северной Двины. Подобные встречи запоминаются на всю жизнь. От Вашего давнего почитателя и автора. Г. Попов. 28. 06. 1992»*. Небольшая квартира в Архангельске на набережной Северной Двины, д. 100 была местом, где встречались люди разных профессий, разных стран и разных судеб, объединенных свиданием со светлым человеком – К.П. Гемп. Геннадий Павлович очень дорожил субботними встречами в ее квартире № 70, где шли научные споры, обсуждались книги и просто встречались близкие по духу люди. Он гордится знакомством с К.П. Гемп, с которой его связывали общие интересы. Историк-краевед Г.П. Попов также занимается изучением истории Архангельска. Он является автором более 200 статей и книг по истории Архангельского Севера. За большой личный вклад в изучение истории Архангельска Г.П. Попов, как и К.П. Гемп, удостоен звания «Почетного гражданина города Архангельска». В 2003 г. историк-писатель был награжден премией им. К.П. Гемп [1]. О доме К.П. Гемп вспоминают и другие авторы автографов. Борис Михайлович Зубакин, поэт, археолог, скульптор, художник и краевед, которого сама Ксения Петровна называла «мастером в докладах об искусстве и особенно о народной живописи» и «бессребреником» [5], оставил ей такую памятную надпись: *«В самый чуткий культурный в крае сём - дом - К.П. Гемп и А.Г. Гемп. С сердечным глубоким уважением автор»*. Все, кто бывал в гостях у семьи Гемп, помнят захватывающие разговоры, особую атмосферу дома и одухотворенное лицо хозяйки.

Многие дарственные надписи немногословны, но содержат теплые нотки благодарности за помощь в работе, за поддержку, просто за то, что живет на Севере удивительная женщина, обладающая энциклопедическими знаниями. Содержательный автограф оставил Игорь Николаевич Чесноков, штурман и журналист, на форзаце своего романа «Гавань благополучия» (1986): *«Ксении Петровне Гемп, замечательной северянке, учёному, патриотке, чей неоценимый опыт, обширнейшие знания, богатейшая культура помогают молодому поколению воспевать по мере сил Север и его людей - от автора - с огромным уважением, почтением и благодарностью. 17. 10. 86 г. И. Чесноков»*. Автор надписи обращает внимание на неоценимый вклад Ксении Гемп в сохранение и передачу знаний о Севере, широта которых была безграничной. Писатель Илья Яковлевич Бражнин, в произведениях которого Север и северяне нашли особое отражение, в автографе выразил

признательность чете Гемп за умение «заразить» любовью к Северу любого: *«Знатокам Севера - Ксении Петровне, Алексею Германовичу Гемп. Вы не только живёте на Севере, но и Север живёт у Вас в сердцах. И вы очень много сделали, чтобы и другим сердцам привить этот суровый и прекрасный край, в том числе и я глубоко признателен Вам за это. Бражнин. Ленинград. 22. IX. 1972».*

Таким образом, среди изданий библиотеки К.П. Гемп были выявлены книги, представляющие не только библиографическую ценность, но и являющиеся интересным биографическим источником. Этот факт способствовал активизации работы по исследованию коллекции книг К.П. Гемп, результатом которой, в т.ч., станет издание каталога «Автографы на книгах в собрании Ксении Петровны Гемп». Мы выяснили, что книжные инскрипты разных авторов, посвященные одному человеку, могут в совокупности расширить и существенно дополнить известные сведения о жизненной и творческой судьбе адресата. Многие автографы на книгах из собрания К.П. Гемп содержат информацию о владелице как ученом, как человеке, как поморке. Ксения Петровна предстает в них знатоком Севера, человеком необъятной души, радушной хозяйкой и умной женщиной. Работа над собранием К.П. Гемп не окончена. Впереди нас ждут новые открытия и дальнейшее знакомство с нашей замечательной землячкой.

-
1. Ашиток Л. Геннадий Попов: потихоньку обрастаю ракушками // Архангельск. 2010, №. 81-82.
 2. Ворков Сергей Степанович [Электронный ресурс]. - URL: <http://35batory.ru/ru/search-defenders/ourmemory/182-2014-04-18-02-28-39.ht> (дата обращения 13.08.2014).
 3. ГААО. Ф. 5952. Оп. 1. Д. 107. Л. 65.
 4. ГААО. Ф. 5952. Оп. 1. Д. 94. Л. 63.
 5. Дойков Ю. Архангельские тени. (По архивам ФСБ). Т. I (1908-1942). Архангельск, 2008. С. 473.
 6. Доморощенин С. Поход на Север Виктора Толкачева // Правда Севера. 2007. №. 141. С. 4.
 7. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М., 2006. Т. 1.
 8. Книга: Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 16.
 9. Озеров Л. Надпись на книге / Встречи с книгой. М., 1979. С. 243.
 10. Седова Г.Е. Библиотека К.П. Гемп. Изучение. Обеспечение сохранности и доступности // Книжные собрания Русского Севера: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Архангельск, 2001. С. 166-170.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В.Г. Трофименко

Государственный архив Архангельской области, Архангельск, basitro@yandex.ru

Экологическое мышление традиционно считается одной из характерных черт постиндустриального общества. Рубеж XIX-XX вв., как правило, изображается в историографии как пик индустриального развития России, время хищнического отношения к природным и людским ресурсам, когда общество не рассматривало проблемы возможной утраты природных богатств и условий их восстановления. В данном исследовании автор пытается найти в документах эпохи и публикациях местной краеведческой печати элементы экологического мышления и свидетельства внимания как простого народа так и региональной интеллигенции к проблемам природопользования.

Мы живем в то время, когда уровень общественного развития определяется, в числе прочих параметров, и его отношением к природе, способам эксплуатации ограниченных (и неограниченных) ресурсов, взглядом на соотношение цены ресурсов и последствием их добычи «любой ценой». Нам очевидно, что так было не всегда. В эпоху усиленного

индустриального развития, а таковые «скачкообразные» индустриальные периоды происходили в нашей стране дважды за последние полтора столетия, бережное, или хотя бы разумное, отношение к ресурсам отходило на второй план, уступая место чрезмерной эксплуатации национального достояния. Главный вопрос исследования, результаты которого излагаются в данном докладе, заключался в том, каким образом на эту эксплуатацию реагировали различные слои населения.

Русские поморы, не одно столетие осваивавшие северные биоресурсы, удачно встроились в экосистему полярных морей. Их экологическое мышление было сформировано долгим опытом промысловой деятельности, самой жизнью в экстремальных условиях. Об этом подробно рассказано в книге В.В. и Н.Б. Лисниченко «Экология помора» [1]. Мы же приведем в данном исследовании один красноречивый пример, позволяющий сравнить экологическое мышление поморов и пришлых колонистов, оказавшихся на Севере в результате потрясений начала прошлого столетия.

Этот документ, являющийся протоколом собрания граждан села Княжегубы, Ковдской волости Кемского уезда Архангельской губернии, состоявшегося 10 сентября 1917 года, сохранился в фонде Архангельского губернского правительственного комиссара. Суть сложившейся ситуации была в следующем: местное население, 40 человек поморов, обсуждали появление в заливе рыбаков-конкурентов.

Приезжие рыболовы-латыши Генрих Филипп и несколько его товарищей производили лов сельди внутри и на выходе Княжегубского залива, расставляя свои сети поперек ее, «совершенно не считаясь с мнениями и исконно существующими, испытанными на практике правилами лова местных рыбопромышленников». Между тем, означенным выше способом лова, т.е. постановкой сетей поперек заливов, они приносили поморам «величайший вред», а именно: «перегораживая заливы сетями, не пропускали зверя в таковые без которого по открытой воде лов сельди быть не может». В доказательство своих слов местные жители приводили следующие положения: «как известно, морские звери: - белуга, нерпа и т.п. питаются рыбой; причем первая – преимущественно сельдями. Достать сельдь белуга может только тогда, когда последняя держится грудно, большими партиями; поэтому ее вынуждает собирать, сбивать таковую в груды. В открытом море, на глубине, такая операция для нее вовсе не представляется возможной, а потому она всеми мерами старается прижать ее к берегам; главным образом в заливы. При чем в заливы она идет и гонит сельдь только тогда, когда вход в них совершенно свободен. Считаем не лишним заметить, что она очень боится преград и не только таких «стен», как образуют сети названных выше рыбаков, а даже пустого каната. Если она попадает случайно под канат, дотрагивается до него спиной, то моментально же поворачивается и уходит в море, не возвращаясь очень долгое время в заливы. Очень также боится стрельбы, шуму и крику; поэтому сохранение тишины и спокойствия во время лова является для нас законом. Вернемся к тому, что белуга, прижимая сельдь к берегам, дает нам возможность брать ее неводами без труда и брать довольно большими партиями, даже тысячей и больше бочонков сразу, тогда как поперечными (спускальными) сетями – какие имеют латыши – никогда нельзя этого сделать. Если детально разобраться, то более существенный лов, тот лов, который действительно может дать поддержку для Государства, остро нуждающегося в данный момент в рыбе – есть лов неводами, а ни как ни такими сетями, как ловят латыши. Почему, - потому что как сказано выше, в присутствии зверя мы достаем сельдь тысячами бочонков сразу; бывали случаи, что в один день залавливаем 3-5 тысяч бочонков, а в течении осени 50-70 тысяч бочонков и более, тогда как латыши своими сетями улавливают 2-3 тысячи штук и, в продолжения периода осеннего лова, мы более чем уверены, как бы хорошо селедка ни ловилась, они более сотни-двух бочонков никогда не выловят» [2].

В одном этом отрывке – глубокое понимание законов природы, в которой человек и животный мир сосуществуют. Иными словами – у человека и белуги был симбиоз. Они совместно регулировали экосистему, забирая излишек сельди, и все были, условно говоря, «довольны». Белуга загоняла рыбу в губу, где получала свое, человек давал ей возможность

приблизиться к берегу и тоже получал свое. Но пришли чужаки и разрушили цепочку – и белуга и поморы остались без рыбы.

Не хуже местного крестьянства своеобразную экологическую науку понимали и монастыри. Что и не удивительно – ведь монахи, в большинстве своем, были крестьянами по происхождению.

Для иллюстрации данного положения можно привести пример Красногорского Богородицкого монастыря, находившегося в Пинежском уезде. Монастырь владел рыболовной речкой Соялкой, притоком Пинеги, но не просто владел и эксплуатировал. В фонде монастыря сохранилось свидетельство заботы монастырского начальства об этом природном объекте. Так, по условию от 5 февраля 1913 года крестьяне Степан Петрович Вальков и Николай Лукич Зыков обязались «очистить всю речку Соялку от заездок, причем колья обязались вырубить до основания и весь мусор от заездок убрать, чтобы не попало в реку в большую воду и никак не сваливать на крестьянские пожни. Затем имеющиеся забитые колья также вырубить и убрать. За всю очистку по длине реки и в ширину от берега до берега они выговорили за работу 80 руб.» [3].

Понимали монахи, что один раз засоришь речку – и более уже ничего не выловишь в ней, ни рыбы, ни раков.

Местная научная интеллигенция, организованная в рамках «Архангельского общества изучения Русского Севера» (АОИРС), тоже определенным образом выражала свое экологическое мышление на страницах печатного органа этой организации – «Известий АОИРС». Этот журнал выходил в свет в 1909-1919 годах, в год издавалось 24 номера, в которых освещалась история и современность обширного края, охватывающего территорию от Северного Ледовитого океана до Волго-Окского междуречья и от границ Финляндии до Уральских гор. В состав общества к моменту начала издания журнала входило 406 членов, проживавших, в основном, в трех губерниях Севера: Архангельской, Вологодской и Олонецкой.

Среди основных вопросов, обсуждаемых на страницах журнала, и представляющих интерес в контексте данного исследования, можно выделить такие, как использование лесных ресурсов края, начало разработки нефтяных промыслов в бассейне реки Печоры, колонизацию незаселенных пространств Севера жителями из центральных областей России, вопросы организации рыбных и звериных промыслов.

При проведении исследования главная роль отводилась такому методу, как контент-анализ содержания журнала. Этот метод позволил выявить общее отношение руководителей и членов общества к той или иной экологической проблеме.

Проблемой, привлекавшей наибольшее внимание членов общества, была тема развития промысла рыбы и морских млекопитающих, особенно в районе Кольского полуострова. В работах членов общества прослеживается осознание ограниченности морских ресурсов, сравниваются способы их освоения поморами и норвежскими рыбопромышленниками.

Особый интерес к освоению рыбных богатств Арктики следует отметить в материалах периода Первой мировой войны. Так, в 1915 году «Известия АОИРС» публикуют сразу несколько статей и заметок, свидетельствующих о понимании нерациональности использования биоресурсов. Кир Козмин в своем «Историческом обзоре Мурманского берега» пишет, что в связи с усилением привилегий русскому населению Мурмана, «должны быть отменены таковые для иностранцев, которые, как показывает история колонизации Мурмана, только хищнически эксплуатировали русский берег» [4]. Другой корреспондент общества, Алексей Жилинский, сравнивает подход к акульему промыслу иностранных и российских рыбаков: «В то время, как за границей утилизируется акулий жир, мясо, из шкуры выделяется шагрень, у нас, в лучшем случае, вырезается только печень акулы, а все остальное... просто обратно бросается в море, а сам промысел на эту хищную, прожорливую породу нисколько не привлекает русских предпринимателей» [5].

«Известия АОИРС» также регулярно публиковали отчеты с различных рыбопромышленных съездов, в организации которых активное участие принимали члены общества. Особую обеспокоенность рыбопромышленников и представителей местной интеллигенции вызывало ухудшение состояния промысла семги. Как сообщали корреспонденты журнала с рыбопромышленного съезда в Сумском посаде, «промысел этот падает, и падение его, по мнению промышленников, происходит, главным образом, вследствие засорения рек возникающими при них лесопильными заводами». Участники съезда ходатайствовали перед правительством «об ограничении сплава неокоренного леса сроком до 15 августа, после какого срока сплав не должен производиться, а также воспретить спуск отбросов салотопен и всевозможных нечистот в воду, так как это и является главной причиной уменьшения рыбы» [6].

Вопрос развития лесной отрасли также интересовал местных авторов, неоднократно отмечавших, что леса вырубаются «бестолково», однако редко предлагавших какую-либо альтернативу такому способу эксплуатации одного из главных ресурсов региона.

В 1911 году в журнале вышла статья «Лесное дело», в которой отмечалось, что «наряду с недостатком эксплуатации лесных запасов – нельзя закрывать глаза и на другую крайность – на хищническую эксплуатацию их... И сельские общества и отдельные подворные владельцы в большинстве случаев отдают свои лесные наделы на сруб, на чисто, подрядчикам за бесценок». Анонимный автор статьи называет такое положение дел «безвыгодным истреблением» [7]. К счастью, такое отношение к лесным богатствам наблюдалось не повсеместно.

В 1910 году Сумским посадским общественным управлением «в целях охранения поморских лесов от опустошительных вырубок из лесопромышленниками, было возбуждено ходатайство перед Государственной Думой о воспреещении вырубки лесов ближе 50-ти верстной полосы от берега Белого моря». В 1913 году это «движение в пользу охранения лесов приняло новое направление». Общее собрание Поморского отдела АОИРС «высказалось за обложение сбором с каждого сплаваемого лесопромышленниками по поморским рекам бревна в пользу особого поморского фонда на развитие Беломорского промыслового флота». Сторонники этого обложения надеялись, что это постановление легко будет провести в жизнь, так как многие лесопромышленники сами пойдут навстречу этому пожеланию [8].

В то же время возможность развития нефтяного промысла и добычи полезных ископаемых скорее приветствовалась на местном уровне, нежели вызывала опасения. Главным вопросом, который обсуждался в связи с предстоящим освоением различных ископаемых, был вопрос наиболее выгодного и быстрого пути их доставки до потребителя.

Что касается ущерба, который мог быть нанесен окружающей среде в результате массовой (как предполагалось) колонизации необжитых территорий, то он и вовсе не учитывался исследователями. Северные земли воспринимались не как территории со сложившимся экологическим балансом, который мог быть разрушен при неумелой эксплуатации, а как «кладовая», которую можно и нужно было использовать в целях обеспечения жизни поселенцев.

1. Лисниченко В.В. Экология помора / В.В. Лисниченко, Н.Б. Лисниченко. Архангельск, 2007.

2. ГААО. Ф. 2104. Оп. 1. Д. 63. Л. 67-68.

3. ГААО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 424. Л. 20.

4. Козмин К. Исторический обзор Мурманского берега // Известия АОИРС. № 1. 1915. С. 5.

5. Жилинский А. Акулий промысел на Мурмане // Там же. С. 8.

6. Рыбопромышленный съезд в Суме // Там же. № 2. 1915. С. 45.

7. Лесное дело // Там же. 1911. № 3. С. 224.

8. Охрана Беломорских лесов // Там же. 1913. № 1. С. 40-41/

РЯДОМ С ДОРОГИМИ РЕЛИКВИЯМИ

П.Л. Фефилов

Союз художников России, Комсомольск-на-Амуре,

К.П. Гемп (1894-1998)

24 марта 1982 года, будучи в отпуске я был в гостях у старейшего архангельского краеведа Ксении Петровны Гемп в её уютной квартире, являющейся одновременно её творческой лабораторией, расположенной на набережной Северной Двины. Для меня это был последний вечер перед большой поездкой по Заполярью, в которую отправлялся на следующий день.

План был таков. Доехать до посёлка «Полярные зори», где меня ожидал двоюродный брат, подготовив лыжи, автомобиль «Ниву». Остальное – тёплую одежду, фотоаппаратуру, этюдник, рюкзак – всё вёз из Комсомольска. Первоначально в поездку собирались трое, ещё должен был ехать с нами один инженер, но по ряду причин ехать пришлось двоим. Подготовившись, мы выехали из «Полярных зорь» до Мурманска, проехали по побережью Баренцева моря, вернулись в Оленегорск, затем в Мончегорск, далее в Апатиты и Кировск. Вернувшись в «Полярные зори», спустились южнее до Кандалакши, затем в Карелию по Карельскому берегу Белого моря до деревни

Ковда. Затем, вернувшись в Кандалакшу, по Терскому берегу Белого моря мы шли на лыжах до пос. Умба. Цель поездки-экспедиции – сбор материалов об архитектурных памятниках, запись рисунков, этюдов сбор материалов о севере, знакомство с поморами, материалами, проверка собственной оснастки. Конечная точка маршрута – село Варзуга на Терском берегу Белого моря.

В беседе с Ксенией Петровной выявились интересные подробности о Варзуге, она меня предупредила посмотреть материалы об Александре Яковлевне Ефименко, которую считала уроженкой Кузомени.

Читаем материал Мурманского областного музея. Александра Яковлевна Ефименко (девичья фамилия Ставровская) 1848–1918 г., уроженка села Варзуги, была первой женщиной в России, получившей звание доктора истории.

Во второй половине 19 века исторические исследования А.Я. Ефименко приобрели широкую известность. Её труды хорошо знал В.И. Ленин и пользовался ими, когда работал над книгой «Развитие капитализма в России». В этом же музее выставлен капитальный труд А. Ефименко – «Исследование народной жизни» (выпуск первый), «Обычное право», «Брак крестьянской женщины», «Семейные разделы», «Трудовое начало», «Субъективизм в обычном праве», «Землевладение на Севере» (Издание В.И. Калнерова. М., 1884).

Позднее, спрашиваю в городском музее Кандалакши: что вы знаете о Ефименко? Получаю ответ: о ней у нас материалов нет. В материалах Архангельского музея уточняю этот факт – действительно уроженка Кузомени. Подробно рассматриваю в музее карту Архангельской области и к своему удивлению нахожу сразу две Кузомени. Одна на Терском берегу, другая – на реке Пинеге. Тут меня охватывает полное недоумение. Два одинаковых исторических названия в одной области? Попросил пригласить старшего научного сотрудника музея. Вышел пожилой мужчина, подвёл меня к подробной карте и рассказал,

В ответ я получил вырезки из газет севера о К. П. Гемп, заботливо собранные мамой, а также приписку: «...Ксению Петровну ты должен помнить. Это очень известная личность в нашем городе. Мне как-то мама сказала: «Вспомни, почти на всех премьерах в театре, на которых мы бывали, она сидела в партере. И в последнее время, хоть и редко, но она бывает в театре. Но ходит с двумя костылями. Говорят, серьезно поломала ногу».

...В феврале 1981 года я был в отпуске в Архангельске. К нам в гости пришла подруга моей сестры Зоя Антипина. Как раз в этот момент мы разговаривали об одной из статей, в которой рассказывалось о К.П. Гемп. Мы беседовали, а Зоя вдруг спросила меня: «А ты что хочешь к ней попасть? Это не просто, она у нас человек очень занятой... Но если хочешь, я перезвоню и устрою визит к ней».

Что вело меня к этой женщине?! Простое любопытство, желание познакомиться с интересным человеком? И не просто интересным, а известным, о котором ходят легенды? Сразу скажу: «Нет!»

Была у меня заветная мечта, рожденная здесь же, на Севере. Только тремя годами раньше. В мае 1978 года мне пришлось путешествовать по притоку Северной Двины – реке Пинеге. Проехал на разных видах речного транспорта около 700 километров по реке и четыре недели прожил на Соловецких островах и Белом море. По Пинеге осуществлялся «северный завоз». Транспортные суда пытались доставить по большой воде в самые отдаленные участки области необходимые грузы. С июня начинался сплав леса, а он препятствовал судоходству. В этой поездке я сделал много рисунков, писал акварели, снимал на цветные слайды деревянное зодчество Севера. Но главное, что меня заинтересовало – забытое, исчезнувшее городище Кеврола, основанное в 13 веке и имевшее в прошлом важное значение форпоста Северной Руси. В этом поселении жили мои деды и прадеды. Так вот, я надеялся, что К.П. Гемп поможет в моих изысканиях.

И вот я на набережной Северной Двины, где живет Ксения Петровна. Звоню. Жду несколько минут.

Тихонько открылась дверь, и передо мной – худенькая, совсем седая, но симпатичная женщина. В этот год ей было 86 лет.

Я зашел в большую темноватую комнату с письменным столом, стоящим посередине. Большие стеллажи книг, множество бумаг на столе.... И что поразило – множество географических карт! На одной из стен в глубине комнаты – изображение Соловецкого монастыря и рядом – небольшая фотография мужа Ксении Петровны – историка, крупного педагога Алексея Германовича Гемп.

После небольшой паузы я начал разговор на интересующую меня тему.

- Да, – утвердительно сказала Ксения Петровна. – Много встречала интересного о Кевроле. Тут же достала большую по формату книгу,

- Вот, к примеру, – пояснила хозяйка дома, – Кеврола выделяла 19 каменщиков на строительство гостиного двора в Архангельске. Судя по численности, в 17 веке Кеврола стояла на уровне больших городов, таких, как Вологда, Ростов Великий, Вятка. Так что значение Кевролы было действительно велико! Она связывалась дорогой с Пустоозерском, впоследствии исчезнувшем совершенно. Тогда еще было сошное обложение, тут были значительные пашенные земли. Тогда еще наши предки совсем не знали картофеля, выращивали в основном репу, рожь, ячмень...

Наша беседа была прервана. Зазвенел звонок. Я открыл дверь невысокому молодому мужчине с темной бородкой. Чувствовалось, что в этом доме он не впервые. Хозяйка извинилась и начала разговор с посетителем – старшим научным сотрудником Архангельского краеведческого музея.

Они говорили о реставрации гостиного двора в Архангельске (теперь гостиный двор стремятся привести в порядок и сделать на его основе краеведческий музей). Речь шла о расположении ранее неизвестных, а так же существующих ныне построек. Ксения Петровна уверенно наносила их на план.

- Вот, начертила, – после некоторого молчания сказала она – теперь только надо обвести эскиз тушью. Очертания будут точными. Не нашла только, что такое полисады. В Указе Петра о них говорится: «Установить полисады!» Делались, видимо, такие сооружения. Пока о них ничего не могу сказать. Поищу.

Ксения Петровна продолжала, обращаясь к научному сотруднику в несколько повелительном тоне:

- А Вы проверьте, кстати, на каком судне в 1913 году уходил Вилькицкий? Кто и на каких судах были капитанами? Что забирали суда с Новой Земли в августе 1913 года? Поинтересуйтесь!... Если везли пушнину, значит, она проходила через таможенную. Посмотрите материалы таможен. Пожалуйста, проверьте все эти данные...

На этом разговор закончился. Молодой человек выложил небольшой сверток из портфеля и оставил его на столе Ксении Петровны. Когда он ушел, она спросила: - Угадайте, что мне принесли?

Развернула сверток, а там... обыкновенное хозяйственное мыло(!)

- Мыла нет. Перебой. Стирать нечем. А то вот как-то ходила, просила справку, чтобы как диабетика разрешили мне получать молоко. Хотя бы два литра в неделю. Справку не дали. Ходить далеко не могу, костыли мешают.

Сижу в темноте. Перегорели лампочки. Я ведь пишу ночами. Если Вам не трудно, снимите, пожалуйста, плафон, - попросила Ксения Петровна.

Я поднялся. Тут же заменил лампочки.

Какая проза, думалось мне. Не балует зачастую жизнь таких увлеченных людей, занятых нужным, нелегким и, я бы даже сказал, героическим трудом. Все мы должны уметь проявлять милосердие.

Спросил, кто из близких ей помогает в житейских вопросах.

- Помощники есть, - ответила Ксения Петровна.

- Приходит студентка пединститута с исторического факультета, приходят бывшие сослуживцы. Всё время помогают соседи.

Потом мы говорили о приемниках.

- У меня последователей много. Они и пишут мне, и приезжают, присылают на рецензию свои работы. Недавно приходил со своей рукописью один старейший полярный капитан, написавший книгу о зверобойном промысле... Я всегда и везде стремлюсь соединить усилия ищущих и заинтересованных людей. Я даю им адреса, чтобы они быстрее находили друг друга, и в этом вижу одну из главных своих задач. Люди должны больше общаться... Здесь, на дому, занимаюсь обучением на практике чтению старинных книг. Ходят ко мне заниматься 5-6 человек, в основном, работники музеев областного архива и других учреждений. Уверена, что это надо людям!

На столе Ксении Петровны, стоящем посередине комнаты, как на большом интеллектуальном конвейере рождаются новые задумки. Тут же твердым и устойчивым почерком она пишет новые книги и статьи. В доме К.П. Гемп бывали многие кинорежиссеры, постановщики фильмов, писатели, моряки, капитаны известных судов, историки, журналисты, исследователи разных научных направлений. Ее новые разработки и замыслы охотно изучают, обсуждают, по ним обмениваются мнениями.

- Все мое богатство, - книги, - доверительно продолжала разговор Ксения Петровна. - И ничего другого мне не надо. В них – мой мир. Мир страшно интересный и неизученный. Кстати, как Вы думаете, много ли северян плавало на Дальнем Востоке, по дальневосточным морям? Не интересовались ли Вы таким вопросом? Однажды в архиве я нашла списки экспедиционного корпуса Витуса Беринга. С ним ушли в экспедицию и многие поморы, архангельские моряки. Впоследствии я подготовила материал в газету. Его напечатали... А после – ко мне была тысяча звонков такого содержания: «Откуда Вы все это выкопали? Откуда взяли?» Ответила, конечно. Словом, получился большой переполох. Так неожиданно... И это можно понять, ведь и теперь многие исторические факты и материалы все еще мало изучены.

Я смотрел на свою собеседницу, бесконечно задавая сам себе один и тот же вопрос: «Откуда у нее такая духовная сила?» Спрашивал и восхищался ее глубокой эрудицией, систематике знаний.

В ее комнате – длинные деревянные ящики каталогов. Карточки, карточки, скрепленные канцелярскими скрепками. А в них – выдержки из прочитанного, найденного, встреченного в походах и странствиях. Мне подумалось, что Ксения Петровна и сегодня находится в путешествии. Она имеет счастливую особенность уплывать в прошлые века, в дальние страны, северные моря. Она разберется в любом морском знаке любой страны, по символу (рисунку в древней книге) она точно определит, к какому веку принадлежит тот или другой литературный памятник.

На ее столе – свежий номер газеты «Юманите». Ксения Петровна свободно владеет тремя языками. Немецкий, французский, английский помогают ей глубже понимать первоисточники, разговаривать и переводить без посторонней помощи. И не случайно она является почетным доктором биологических наук Пекинского университета. Этот титул ей присвоен в 1961 году после проведения, совместно с китайскими учеными, исследований в области биологии морских растений.

В своей книге «Чем живем, кормимся» известный писатель Федор Абрамов писал: «С Белым морем К.П. Гемп впервые встретилась еще в детстве, и с тех пор она уже не расставалась с ним. Долгие и долгие годы, возглавляя Архангельскую водорослевую лабораторию, она вдоль и поперек избороздила это крутое, своенравное море – на судах, на парусниках, на рыбацких лодках. Белое море Ксения Петровна читает, как книгу. Она хорошо знает его переменчивый характер, ей ведомы все ветры и подветерья (а их – с добрый десяток, а то и больше), она может, что называется, на зубок перечислить все острова и островки, все отмели и кошки – а их сотни тысячи. Но, конечно, с особой, покоряющей силой пишет она о поморах – об этом удивительном племени бесстрашных и многотерпеливых людей, выкованных суровым морем. Да и по образу своему простая и аскетичная, по складу характера она и сама сродни поморке».

Интересно и мнение заведующего лабораторией одного из научно-исследовательских институтов А.Л. Паршевникова. Он рассказывал: «Ксению Петровну знают у нас как выдающегося знатока Севера, человека большой воли, ума. Она поистине – кладезь знаний и народного опыта».

Примечателен также такой факт: одна из лаборанток, работающая вместе с К.П. Гемп, подсчитала, что Ксения Петровна побывала в 184 пунктах Беломорья (часть – в детстве, часть – в зрелом возрасте), наездила по водному бассейну 3600 километров. В общей сложности, она участвовала в 36 экспедициях, во время которых проводила научную работу.

На ее памяти весь двадцатый век, все его важнейшие события и потрясения. Современница их, она лично знала выдающихся полярников Г.Я. Седова, В.А. Русанова, Р.Л. Самойловича, много лет была дружна с президентом Новой Земли Ильей Константиновичем Вылко, знаменитым ледовым капитаном Владимиром Ивановичем Ворониным. Историк, географ, альголог (специалист по морским водорослям), этнограф, палеограф, краевед, литературовед и писательница – это лишь неполный перечень профессий Ксении Петровны.

Наша беседа о Севере, его культуре, истории завершилось показом выполненных мною гравюр об архитектурных памятниках Соловецкого монастыря.

- На Соловецких островах я проработала весь 1914 год, - изучала архитектуру, рукописи этого древнерусского памятника. Некоторое время исследовательская работа, обмеры построек проводились под руководством молодого тогда ученого – историка Б. Д. Грекова, впоследствии академика, выдающегося советского историка...

Его рукописи тех лет хранятся в архивах. Кстати, многие ученые ссылаются на материалы, написанные К.П. Гемп еще в те далекие годы. Восемь лет назад издательством «Искусство» издана блестяще иллюстрированная книга, в которой имеются ссылки на ее разработки. Книга называется «Архитектурно – художественные памятники Соловецких островов» и начинается статьей Д. С. Лихачева «Соловки в истории русской культуры».

- Я жила в монастыре, когда он еще работал в полную силу. Иногда возмущаюсь, когда читаю в литературе, что у монахов были запущены архивы, был беспорядок и неразбериха. На Соловках была прекрасная библиотека, и архив был великолепным. В нем хранились рукописные подлинники книг. Скажу больше, - продолжала Ксения Петровна, - заведующим архивом Соловецкого монастыря был отец Иннокентий. Любопытно, что ранее служил на крейсере «Варяг», был заместителем командира Руднева. Блестяще образованный. Порядок соблюдал всегда идеальный.

В Ксении Петровне поражает глубина знаний, масштабность ее исследований, их разноплановость. Но об этом – в следующей главе.

ИСТОКИ

- Что Вас привело к Пушкину? – спрашиваю я у Ксении Петровны Гемп. – Почему вы взялись так глубоко изучать жизнь и творчество этого поэта?

- С молодости он – мой любимый поэт. Я считала своим долгом, ещё учась в Петербургском университете, как можно больше знать о Пушкине. Изучала, в каких домах бывал он. Делала фотографии этих домов, прибавляла сведения о том, у кого в гостях бывал А.С. Пушкин, с кем встречался в том или ином доме, какие стихи читал. И так – по всему Петербургу. Начала собирать журналы и книги прижизненных изданий поэта. За годы коллекционирования этих источников, очень много собралось удачно скомплектованного материала.

- Пушкин – это моё дыхание! – продолжала Ксения Петровна, - вот видите томики его стихов? Недавно пришли знакомые и подзадорили меня: сколько стихотворений Пушкина я знаю наизусть. Они открывали книги и следили за текстом, а я читала... И прочла 68 стихотворений на память!

Позже, в газете «Ленинградская правда» от 7 марта 1987 года в статье «Три её жизни», я прочёл о том, что из Архангельска Ксения Петровна привезла свой очередной дар Географическому обществу – около семисот изданных в прошлом и в начале этого века открыток, на которых города России, типы населения страны, железнодорожные мосты, русские корабли, сражавшиеся в Порт-Артуре и на Цусиме, ледоколы... Богатейший царский подарок!

Чем больше я разговаривал и встречался с К.П. Гемп, тем чаще задавался вопросом: где истоки её образованности, такого жадного интереса к тому, что происходит вокруг, к жизни, к знаниям? Разговор об этом, видимо, стоит начать издалека...

«Дом Минейко» был одним из культурных центров старого Архангельска. Большой, двухэтажный с круглым балконом и небольшой башенкой наверху, он стоял на пересечении тогдашних Соборной и Псковской ныне улице Чумбарова – Лучинского. Теперь дома нет. В моей небольшой коллекции собственных графических листов старого Архангельска сохранилось его изображение. А несколько лет назад я видел графический лист архангельских художников Таргонских, на котором был изображён всё тот же дом. Время... Оно беспощадно. И только гравюры сохранили о прошлом добрую память...

Родословная семьи Минейко берёт своё начало в Литовско-Виленской губернии. Копия герба, рыцарский шлем, изображение доспехов, печать, датированная 1799 годом и ещё сохранившая следы воска – всё это, оставленное в наследство от деда, бережно сохранено Ксенией Петровной Гемп, девичья фамилия которой – Минейко. Об этих реликвиях писал и Борис Клейн в своём исследовании под названием «Фамильный портрет». Он рассказывал о двух ветвях фамилии Минейко. Одна из них в середине прошлого столетия ушла корнями в Грецию, а другая – в Архангельск. Сама по себе история судеб человеческих удивительна. Тем более, что она напрямую связана с фамилией Минейко.

Архангельский краевед Михаил Данилов в 1984 году опубликовал в журнале «Нева» статью о Ксении Петровне Гемп, упомянув в ней фамилию Минейко. В этом же году произошло другое, казалось бы, ничем не связанное с предыдущим, событие: визит в

Польскую народную республику лидера правящей партии Всегреческого социалистического движения Андреаса Папандреу. Мировая печать рассказывала о премьер-министре не только как о государственном деятеле, но и отмечала его значительные научные заслуги. А. Папандреу было присвоено звание почётного доктора Ягеллонского университета. А на торжественной церемонии в Кракове он сказал в своей речи, что этот визит вызывает у него особое волнение, поскольку напоминает о прошлом его семьи, о Зигмунде Минейко.

На этот факт и обратил внимание Борис Клейн. Он подробно исследовал две фамильные ветви и установил их истоки: двоюродных братьев Зигмунда и Герарда Минейко. В журнале «Неман» подробно рассказывается о том, каким образом, пройдя аресты, тюрьмы, сибирскую каторгу, примкнув к подпольной революционной деятельности, Зигмунд обрёл вторую родину – Грецию. Исходя из этого, стал очевидным факт, что Зигмунд и Герард Минейко являются для А. Папандреу и К.П. Гемп дедушками.

Её дед по отцовской линии – Герард Иосифович Минейко – был выслан царским правительством в Архангельск вскоре после окончания Московского университета. В 1864 году он принял на себя обязанности помощника председателя Архангельского губернского статистического комитета. Одновременно преподавал в гимназии историю. Его ученица Александра Яковлевна Ефименко-Ставровская впоследствии станет первой русской женщиной, получившей степень доктора исторических наук, соавтором научных работ Г. И. Минейко, преподавателем истории в Петербургском университете. У неё будет учиться Ксения Петровна Гемп.

В 1874 году Г. Минейко опубликовал свой капитальный труд – «Статистическое описание сельского населения и его промышленности в Архангельской губернии». Эта работа стала событием общероссийского значения, вызвала многочисленные отклики в журнале «Дело», в газете «Неделя» и других изданиях. Интересен и тот факт, что издания Архангельского статистического комитета интересовали и Карла Маркса. Это видно из его перечня, который Маркс назвал «Русское в моей библиотеке». Учёные установили, что в тексте брошюры, составленной из докладов Г. Минейко и озаглавленной «Сельская поземельная община в Архангельской губернии», сохранились исправления нескольких дат, сделанные рукой К. Маркса. Это говорит о многом. Ведь, хотя Г. Минейко и не был марксистом, не принадлежал и к революционерам – народникам, но в меру своих возможностей он всегда старался говорить правду о положении народа.

Отец Ксении Петровны – Пётр Герардович Минейко – был разносторонне образованным человеком, знал языки, постоянно занимался самообразованием, окончил три высших учебных заведения, был главным инженером по строительству портов Белого и Баренцева морей. Увозя своих детей к морю, он первым заложил и укрепил интерес к нему своей дочери. В их доме часто звучала музыка (мать – Надежда Михайловна – в своё время окончила Петербургскую консерваторию). В библиотеке отца и деда насчитывалось около 83 тысяч томов, родители всячески поощряли стремление детей к самообразованию. Как впоследствии покажет сама жизнь, Ксения Петровна станет продолжателем традиций своей семьи.

Дом Минейко был открыт для многих известных людей того времени. Когда город жил подготовкой к полярным экспедициям 1912 года, к отцу Ксении Петровны часто приходил Владимир Александрович Русанов. Бывал здесь и Георгий Яковлевич Седов, готовивший экспедицию на судне «Святой Фока». Она слушала блестящее выступление Седова о планах его экспедиции на заседании руководителей Архангельского общества по изучению русского Севера, председателем которого некоторое время был её отец. Она хорошо помнит и проводы экспедиции Г.Я. Седова. А её дружба с женой исследователя Верой Валерьяновной Седовой продолжалась до самых последних дней жизни Веры Валерьяновны. Глубоко одинокая, она провела свои последние дни в маленькой комнатухе города на Неве. Сейчас мало что известно о дружбе этих двух замечательных женщин. А сколько важных, ранее неизвестных фактов она могла бы привнести для более широкого освещения истории полярных исследований!

- Вы знаете, я и сегодня прекрасно помню Георгия Яковлевича в белом морском мундире. Слышу его красивый баритон и даже интонации, с которыми он произносил свои блестящие речи.

Рассказы Ксении Петровны поистине перешагивают время. Слушаешь её, и словно сам становишься участником тех событий.

В другой раз она вспоминала приезд в их дом В.А. Русанова со своей женой – француженкой Жульеттой Жан. Это была очень образованная молодая женщина. И не просто образованная, она имела степень доктора наук. Русанов звал её Юленькой.

- И вот однажды Владимир Александрович попросил меня показать своей жене Архангельск. Перед этим я предупредила Жульетту, что покажу ей нечто такое, чего она не увидит ни в одном другом городе. У нас была двухколесная тележка. Запрягли лошадь, и я повезла Жульетту по городу, в Смольный Буян. Многие и сейчас не знают, что это такое и почему так называется? Так вот, мы увидели неповторимое зрелище этого смольного базара. Раньше северяне плотами сплавляли бочки со смолой и тут, на Смольном Буяне, вытаскивали их на берег. Тут же продавали, тут же пили водку после удачной продажи. После Парижа Смольный Буян был интересен для моей гостьи.

Окончив гимназию с медалью, Ксения Минейко приедет в Петербург и поступит учиться на Высшие женские (Бестужевские) курсы при Петербургском университете, на историко-филологическом факультете. Чуть позже Ксения станет самостоятельно посещать биологический факультет университета. Её учителями станут ведущие учёные того времени: по русской истории – А.Я. Ефименко и Я.Л. Барсков, по всеобщей истории – Е.В. Тарле, по палеографии – Б.Д. Греков, по сравнительному языкознанию – Бодуен де Куртене. «Тогда же, будучи курсисткой, Ксения Минейко начнёт преподавать в школах семнадцатого Петроградского попечительства для детей беженцев и продолжит преподавание после окончания курсов в 1917 году. Здесь, в Петрограде, она встретила Февральскую и Великую Октябрьскую революции, вместе с другими видела В.И. Ленина на Финляндском вокзале. Незабываемы эти годы. Очистительный ветер революции, молодость, поиски самой себя, своей судьбы, встречи с интересными людьми... Она слушала Шаляпина, Маяковского» - так писал в своей статье «Архангельск. Ксении Петровне...» Михаил Данилов, размышляя над интереснейшей судьбой этой женщины:

«Действительно. Истоки и судьба Ксении Петровны Гемп удивительны. Они тесно переплетены с историей народа, своей Родины. Иначе не могло и быть...

В 1918 году Ксения Петровна приехала в Архангельск, чтобы никогда уж больше не уезжать...»

СКАЗ О БЕЛОМОРЬЕ

В Северо-Западном книжном издательстве вышла книга «Сказ о Беломорье», посвященная 400-летию города Архангельска, которое отмечалось в 1984 году. Автор книги — Ксения Петровна Гемп, известный биолог моря, историк, краевед, почетный член Географического общества СССР, фольклорист и этнограф, человек, увлечённый поиском культурных ценностей народов Севера.

В небольшом предисловии, представляя читателю книгу, недавно ушедший от нас писатель Федор Абрамов отмечает: «К какому жанру отнести книгу К.П. Гемп? К воспоминаниям? К этнографическим очеркам? В книге бездна этнографического материала. И все-таки это не воспоминания, не записи этнографа. Это свободный, раскованный рассказ человека, который выступает в самых разнообразных ипостасях: то как неутомимая, более чем с пятидесятилетним стажем труженица моря, то как ученый биолог, то как историк и географ, то как этнограф и фольклорист. И поэтому таким богатством содержания и красок отличается эта книга. Книга, которая, не сомневаюсь, будет с живейшим интересом встречена самым широким читателем».

К.П. Гемп перечисляет участников поисковой экспедиции

В другом предисловии к этой же книге известный историк, академик Д. С. Лихачев пишет: «Книг о Русском Севере не так много. Есть книги о северном деревянном зодчестве, о северных ремеслах, о северном фольклоре, но о Севере как таковом, о мужественных и простых северянах, никогда не испытывавших на себе гнетущей унизости крепостного права и сохранивших во всей своей манере работать, держаться, общаться друг с другом уважение к человеку, — таких книг почти нет. Поэтому я с радостью рекомендую книгу Ксении Петровны Гемп советскому читателю. Это замечательная книга. Одна из самых патриотических, но безо всякой патриотической патетики, преисполненная любви и уважения к людям нашего Севера».

В книге всего десять глав, и начинается она с краткой историко-географической характеристики Поморья — Поморской «справы». Очень подробно рассказывает автор о поморских харчах, о том, какую пищу готовили заранее к мореплаванию, к зверобойным промыслам, к дальним экспедициям на Грумант. Особое место в книге отведено Соловецкой поморской твердыни, имевшей в свое время оборонное значение для России. Автор делится своими личными наблюдениями о сказительницах Марии Дмитриевне Кривополеновой и Марфе Семеновне Крюковой, простых крестьянках, которые внесли большой вклад в народную культуру Севера. Они во многом могут служить примером и теперь для нынешних поколений.

Поморские разговоры, ожиданьица, плачи матерей, невест о погибших в море — все это совершенно новая, малоизученная область поморской народной культуры. Автор уделяет внимание «поморской памяти», преданиям старины глубокой, уже пережившим столетия. Автор предоставляет читателю материалы из своей собирательной практики, из своего личного архива, почти не ссылаясь на опубликованные ранее источники.

Изучая историю края, не торопясь, настойчиво, много десятилетий автор пишет энциклопедию Севера, и ей, как никому другому, удалось тонкие нити повествования как бы «прошнуровать» эпизодами истории, примерами, преданиями в буквальном смысле через четыре-пять столетий!

Проследивая духовное родство поморов с суровой природой, высказываясь по поводу «духа северян», их духовных качеств, гордой силы, доброжелательности этих людей, их достоинств, думается о том, насколько бы обогатилась наша советская культура, если бы такие книги были написаны об освоении Урала, Сибири, Забайкалья, нашего Дальнего Востока.

В данном случае К.П. Гемп ведет очень важную, подвижническую исследовательскую работу о своем крае - Беломорье, что, несомненно, является пионерной деятельностью для нашей культуры, науки, нашей современной истории.

АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВНА ЕФИМЕНКО – ПРЕПОДАВТЕЛЬ КСЕНИИ МИНЕЙКО НА ВЫСШИХ ЖЕНСКИХ (БЕСТУЖЕВСКИХ) КУРСАХ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

О.В. Чуракова

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
Архангельск, ochurakova@yandex.ru

Накануне Первой мировой войны в Санкт-Петербурге на Высших женских (Бестужевских) курсах судьба свела двух северянок: почетного доктора российской истории, профессора Александру Яковлевну Ефименко и Ксению Минейко – будущую долгожительницу, почетного гражданина города Архангельска. Александра Яковлевна преподавала на ВЖК историю Руси, а Ксения Минейко с 1912 по 1916 гг. была слушательницей историко-филологического отделения самого известного в России учебного заведения для девушек.

Творческое наследие профессора Александры Яковлевны Ефименко хорошо известно историкам, краоведам, этнографам [1, 2, 3] (возможно, в меньшей степени – ее труды, написанные на украинском языке); достаточно неплохо изучена её биография [4, 5]. Но гораздо менее исследована преподавательская деятельность Александры Яковлевны, замечательного педагога, последовательницы К.Д. Ушинского и Л.Н. Толстого.

Следует вспомнить основные вехи в судьбе А.Я. Ставровской (Ефименко), чтобы понять то, как сумела она – первой в стране! – достичь звания почетного доктора российской истории, получить должность профессора, что в Российской империи для женщины было явлением исключительным (на присвоение ей ученого звания понадобилось высочайшее одобрение).

Александра Ставровская родилась 18 (30) апреля 1848 года в селе Варзуга Архангельской губернии (ныне Мурманской области) в семье чиновника. Семья Ставровских переехала в Архангельск, и Саша обучалась в женском училище для благородных девиц. Учащейся старших классов Александра начала преподавательскую деятельность: работала домашней учительницей. После окончания училища А. Ставровская преподавала в Холмогорах, где познакомилась с политссыльным Петром Саввичем Ефименко и в 1870 году вышла за него замуж. П.С. Ефименко в ссылке занимался историей и этнографией русского Севера, за что был удостоен золотой медали Российского географического общества. Поскольку закон запрещал жене политического ссыльного заниматься преподавательской деятельностью, Александра вынуждена была уволиться со службы и начала помогать мужу в его исследованиях. Всю последующую жизнь А.Я. Ефименко вела научные изыскания в области истории и этнографии России и Украины.

Первый период деятельности А.Я.Ефименко относится к жизни на севере и изучению экономического, социального и правового положения народов севера России [1]. Как отмечал историк С.Ф. Платонов, её увлекала «исключительная наклонность великорусского племени к коллективизму, его способность к творчеству в сфере общественных форм» [6]. Сама она вспоминала, что «не убоюсь на два года всецело погрузиться в изучение архивных документов, чтобы почерпнуть ... знание у самых его источников» [6]. Результатом работы стал труд А.Я. Ефименко «Крестьянское землевладение на крайнем севере», впервые опубликованный в журнале «Русская Мысль» за 1882 год и вошедший затем в сборник её статей «Исследование народной жизни. Обычное Право».

В 1870-х годах семья Ефименко переехала на Украину и до начала XX века продолжается украинский период творчества Александры Яковлевны. Она и здесь начинает с изучения источников: штудировать сборники документов «Архив Юго-Западной России», «Акты Южной и Западной России», «Акты Виленской археографической комиссии», «Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край». В 1880-1890 гг. выходят труды А.Я. Ефименко по этнографии и истории Южной Руси и Малороссии

(топоним «Украина» использовать было запрещено). Это статьи: «Копные суды в Левобережной Украине» (1885-88 гг.), «Архиерейский подарок» (1888), «Два наместника» (1889), «Двенадцать пунктов Вельяминова» (1889), «Бедствия евреев в Южной Руси XIX века» (1889), «Турбаевская катастрофа» (1891), «Малорусское дворянство и его судьба» (1891), «Очерки истории Правобережной Украины» (1894—1895) и ряд других в журналах «Киевская старина», «Неделя», «Слово», «Детское чтение». В 1892 г. она публикует монографию «Дворищное землевладение в Южной Руси». Итогом данного периода творчества Александры Яковлевны стал двухтомник «Южная Русь» [7]. Кстати, гонорар за этот сборник А.Я. Ефименко передала украинским студентам, учившимся в столичных вузах, несмотря на то, что её семья, по отзывам друзей, жила всегда очень скромно.

Большое влияние на А. Ефименко и её постижение украинской истории и культуры оказал Владимир Бонифатьевич Антонович, глава киевской школы украинских историков, археолог, историограф, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук. Александра Яковлевна примкнула к его школе украинских историографов. Кроме того, Александра Яковлевна не только изучала историю и культуру Украины, но и активно выступала за присвоение украинскому языку официального статуса, что шло в разрез с государственной политикой русификации окраин. С 1874 года в начальных народных школах обучение должно было вестись на русском языке. В 1876 г. последовал печально знаменитый Эмский указ императора Александр II, в котором он запретил ввозить в Россию литературу на «малороссийском наречии», печатать книги и даже тексты песен (и исполнять их публично), ставить спектакли на украинском языке. В ответ на «лингвистическую» дискриминацию Александра Яковлевна отреагировала статьей в защиту украинской интеллигенции «По поводу украинофильства». Такое смелое выступление было чревато последствиями: в 1876-1880 гг. ученых и педагогов увольняли за научные труды по украиноведению. В 1888 году Александр III запретил употреблять украинский язык в официальных учреждениях и крестить младенцев украинскими именами. В 1892 было запрещено переводить книги с украинского языка на русский, а в последующие годы цензура изъясла из текстов такие слова, как «казак», «москаль», «Украина», «украинский», «Сич» («Сечь»), «Запорожье» и пр.

Попытки украинской интеллигенции отстаивать позиции национальной идентичности были тщетны. Ректор Киевского университета вынужден был отказать 1400 студентам, требовавшим открытия кафедры украиноведения с украинским языком преподавания. Более того, в 1905-1912 гг. министерство народного просвещения Российской империи закрывало частные гимназии, отстраняло от должности директоров и преподавателей учебных заведений за попытки ввести в преподавании любые аспекты, связанные с украинской историей и культурой. В 1910 были запрещены все украинские культурные общества и клубы. Вероятно, эта политика была направлена, прежде всего, против деятельности антимосковских «Просвитов», - данные общества были окончательно закрыты в 1910-1914 гг. в большинстве городов Украины.

Тем не менее, в подобных условиях, А.Я. Ефименко продолжала изучать украинскую историю, этнографию, право, публиковать работы с весьма смелым содержанием. Сегодняшние историки Украины чтят вклад А.Я. Ефименко в изучение их истории. О творческой судьбе Александры Яковлевны написаны монографии П. Марковым, В. Смолием, защищено диссертационное исследование О.Ф. Скакун «Исторические взгляды Ефименко» [7]; наследие Ефименко отмечено в книгах, посвященных знаменитым харьковчанам (Ю. Тараненко), украинкам (С. Пивовар) и украинцам (И. Шаров). Исследователи ее творчества отмечают примеры «блестящего использования архивных материалов» [5], то, как Александра Яковлевна «успешно использовала историко-сравнительный метод» и другие научные приемы в своих изысканиях [7]. Современные историографы подчеркивают актуальность и востребованность работ профессора А.Я. Ефименко [8].

В конце XIX века Александра Яковлевна Ефименко была уже признанным авторитетом в кругу историков и этнографов. На археологическом съезде в Вильне в 1893 году коллеги «внушительной овацией» приветствовали её доклад и её саму как «выдающуюся русскую женщину, уже составившую себе громкое имя в науке» [6]. В 1896 году Александра Ефименко заняла первое место в конкурсе на лучший учебник по истории Украины [2]. Спустя столетие (в 1990 году) «История украинского народа» А.Я. Ефименко была переиздана киевским издательством «Лыбидь» в библиотечной серии «Памятники исторической мысли Украины».

С 1907 А.Я. Ефименко с семьей переезжает в Санкт-Петербург по приглашению руководства Высших женских курсов, более известных как Бестужевские. В этот, петербургский, период жизни Александра Яковлевна занимается научной деятельностью и преподает: читает лекции, ведет семинарии, занимается со студентками индивидуально. Кроме того, несмотря на запрет правительства, Александра Яковлевна ведет кружок украинского языка; по её инициативе на курсах создается библиотека книг на украинском. Мало кто из курсисток знал, что эти годы были чрезвычайно тяжелые для семьи Ефименко. Они пережили финансовые трудности, болезни Александры Яковлевны и Петра Саввича. Трагедией в жизни Ефименко были потери близких: ещё на Украине к ней умерли две дочери, а 1908 году в Санкт-Петербурге - муж-соратник. Но Александра Ефименко продолжала вести исследования по истории и этнографии народов России и Украины. Написанный ею «Элементарный учебник русской истории» выдержал семь изданий.

В 1910 году Александра Ефименко получила от Харьковского университета степень доктора истории, а совет Высших женских курсов в Санкт-Петербурге избрал ее профессором. Александра Яковлевна стала первой женщиной, получившей степень русского доктора истории *honoris causa* [9]. Большинству её коллег – преподавательницам ВЖК присуждали докторские степени европейские университеты [10].

Известный историк С.Ф. Платонов с восхищением писал о своей коллеге (он преподавал на ВЖК, а затем руководил курсами), как об «одной из самых выдающихся русских женщин нашего времени». Сергей Федорович отмечал, что А. Ефименко – «ученая труженица, вся жизнь которой была положена на служение народу путем любовного, сочувственного изучения его быта и его «внутренней правды». Профессор Платонов подчеркивал, что Александра Яковлевна «от природы была одарена не только идеалистическим темпераментом, но и трезвым, даже холодным, сильным умом юридической складки и в то же время художественным чутьем и литературным талантом», что «жизнь выработала в ней привычку к сдержанности и замкнутости на людях, а ее природа, богатая и сильная, сказывалась в ее трудах богатством бытовых картин, художественного изображения, силою анализа и редкою объективностью суждений» [6].

В судьбе женского высшего образования в начале XX века происходили перемены: в 1911 году был принят законопроект «Об испытании лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений». Данный закон открывал женщинам доступ к получению равноценного с мужчинами диплома и возможности занимать преподавательские должности в вузах, получать научные степени. Высшей точкой борьбы за доступ женщин к полноценному образованию стал Первый Всероссийский съезд по женскому образованию (декабрь 1912 г. – январь 1913 гг.). Доклад Александры Яковлевны Ефименко «Из личных наблюдений и впечатлений» на съезде был одним из самых блестящих. В нём не только прослеживаются её взгляды на развитие женского образования, но и анализируется то, что в современных исследованиях называется «гендерной идентичностью» [11].

В частности, А.Я. Ефименко отмечала в своем, что «никто уже не сомневается, что женщина не может ограничиться грамотностью или даже гимназией, а при возможности должна идти и на высшие курсы». Тем не менее, её интересовал «щекотливый» вопрос: «нужно ли и даже возможно ли для женской молодежи высшее образование в той его глубине и объеме, как оно предлагается молодежи мужской...нет ли в природных свойствах

интеллекта обоих полов чего-либо, исключающего возможность их уравнивания на почве высшего образования?» Александра Яковлевна оспаривает мнение о том, что «курсистка по сравнению со студентом, добросовестнее, исполнительнее, аккуратнее, но проявляет меньше оригинальности, инициативы, творчества» и аргументирует свое мнение: «наблюдая даже ту элементарную научную работу женщин, с какой я имела дело, я видела, что это не «дамское рукоделье» - ядовитое выражение одного глубокоуважаемого коллеги, – т. е. не механическое воспроизведение данного образца». Более того, профессор Ефименко полагает, что «преобладание синтеза и дедукции составляет отличительное свойство женского ума по сравнению с умом мужским. Интуиция, значение которой так широко намечается современными философскими течениями, есть, конечно, в гораздо большей степени свойство женской духовной организации, чем мужской».

Несмотря на столь высокую оценку природной одаренности женщин, Александра Яковлевна выразила обеспокоенность тем, что «в женской духовной природе есть ... дефект, мешающий женщине проявлять себя в области интеллектуальной работы. Это...- «недостаток инициативы». Ей недостает энергии внутреннего побуждения ставить себе внешние цели в социальной среде и настойчиво преследовать эти цели». Профессор Ефименко высказывала убеждение, что «современная женщина вся полна устремлением в таинственную даль будущего...ее душа трепещет предчувствием грядущего» и видела «облик иной женщины, – женщины, полной веры в свои силы и готовности утверждать себя в мире». Будучи умудренной опытом, Ефименко предостерегает это «новую женщину»: не стоит брать «из настоящего тех черт, которые составляют обратную сторону преимуществ мужской психологии - честолюбия, властолюбия, карьеризма» [11]. Данные рассуждения вполне созвучны нынешним научным дискурсам.

Одной из студенток-бестужевки, о которых шла речь в докладе А.Я. Ефименко на съезде по женскому образованию, стала в 1912 году Ксения Минейко. До поступления на Высшие женские курсы Ксения получила образование в Архангельской Мариинской гимназии (в этом же учебном заведении, где училась А.Я. Ефименко), окончив ее с серебряной медалью. На первых курсах историко-филологического отделения, куда поступила Ксения Минейко, преподавала Александра Яковлевна Ефименко. Как отмечают биографы А.Я. Ефименко, «на лекции её собиралась многочисленная аудитория, привлекаемая эмоциональностью и яркостью изложения материала, оригинальностью идей, концепций учёного, логичностью и убедительностью выводов [5]. Подробное описание преподавательской манеры Ефименко содержится в воспоминаниях Екатерины Николаевны Чеховой (она училась на курсах в 1909-1915 гг., – примерно в одно время с К.П. Минейко).

Е.Н. Чехова пишет в своих мемуарах: «Помню впечатление от первой лекции. На кафедру поднимается скромная пожилая женщина в темном платье. Поднимается осторожно, почти ощупью: она плохо видит. Гладко причесана. Простое русское лицо с чуть косящими глазами, с умной и тонкой усмешкой... Начинает говорить медленно, негромко, с едва заметным северным оканьем, которое так красочно оттеняет старинный язык документов... [12,]. Весьма интересно описывает Екатерина Чехова и стиль общения педагога с курсистками: «Александра Яковлевна загружала нас литературой... Она учила нас думать и больше всего ценила самостоятельную мысль. Я чувствовала коренное различие ее метода с методом других профессоров...это было соотношение методики Ушинского, глубоко продуманной и проверенной системы, и педагогических приемов Яснополянской школы Л. Н. Толстого». «Александра Яковлевна советовала нам изучать параллельно в западной истории те же проблемы,...придавала большое значение сравнительному методу». Кроме того, профессор Ефименко рекомендовала студентам «заниматься историей Польши и польским языком», помогала осваивать запрещенный украинский. Как свидетельствует Чехова, Александра Яковлевна уделяла особое внимание индивидуальным занятиям: «Можно было задержать ее после занятий или тут же сговориться, когда зайти к ней...для беседы». Студенты дорожили этими «драгоценными часами». Очень важны сведения курсисток о личных качествах их преподавателя: «А.Я. Ефименко во всем шла нам

навстречу. Например, я не могла найти книг, нужных мне по специальному... вопросу, она, не раздумывая, написала записку в БАН с просьбой выдавать мне по ее абонементу и под ее ответственность». «Александра Яковлевна была очень чутким и добрым человеком. У нее часто возникали с людьми крепкие и глубокие связи. Жизнь ее была нелегкой - бедность, горе, много забот, много трудных дум. Она хорошо понимала людей и помогала им», - вспоминает Е. Чехова и делает вывод: «Через всю жизнь она пронесла молодую горячую душу. Весь свой многообразный, часто горький, опыт она пережила творчески, и душа ее не одряхла, а расцвела в мудром, свежем и сильномприятии жизни» [12, с. 191].

В эти же годы на ВЖК преподавали такие маститые ученые как И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, С.Л. Франк, С.Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Б.Д. Греков, А. В. Карташев и первые женщины – педагоги высшей школы: О.А. Добиаш-Рожественская, М.А. Островская, С.И. Протасова, Е.Н. Щепкина и др. [10].

Положение и курсисток, и профессорско-преподавательского состава бестужевских курсов ухудшилось во время Первой мировой войны [13], но, тем не менее, никто из педагогов не покинул свой пост. Так, А.Я. Ефименко, по-прежнему, читала в осеннем семестре курс «Киевская Русь», в весеннем - «Русско-Литовское государство», вела семинарий «Западно-русские братства», «Формы русского землевладения» (и с таким же названием просеминарий). Жила А.Я. Ефименко на Петроградской стороне, на пересечении Малого проспекта и улицы Ораниенбаумской в доме № 47/17. События революций и начавшейся гражданской войны заставили многих преподавателей и слушательниц ВЖК покинуть Петроград. В 1918 году Александра Ефименко уже жила на хуторе Любочки с дочерью Татьяной (поэтессой), преподавала в сельской школе, писала очерки и учебник по истории молодой страны Украины для средней и начальной школ. Профессора Ефименко беспокоило то, что «подданные вновь народившейся державы совершенно не знают своей истории» [5]. Когда учебные пособия вышли, их автора уже не было в живых. В декабре 1918 года А.Я. Ефименко написала свою последнюю статью «Письма с хутора». В ночь с 17 на 18 декабря 1918 года Александра и Татьяна Ефименко были убиты за то, что они не выдали прятавшихся в их доме дочерей Харьковского губернского старосты (представителя гетманской власти).

Александра Яковлевна была противницей революционной и гражданской борьбы, полагая, что надо «миром и согласием, никого не оскорбляя, без борьбы добиваться улучшения положения». «Миром і ладом» с окружающими и самой собой прожила жизнь историк, этнограф, педагог А.Я. Ефименко.

¹ Ефименко А.Я. Словарь местных наречий Архангельской губернии. СПб., 1870; Ефименко А.Я. Артели Архангельской губернии // Сборник материалов об России. СПб., 1873. Вып.1; Ефименко А.Я. Народные юридические обычаи у лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии // Записки РГО. СПб., 1878. Т.8; Ефименко А.Я. Крестьянское землевладение на Крайнем Севере (Исторический очерк) // Русская мысль. 1892. Кн. 4-5. 1883., кн. 6-7; Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Вып 1: Обычное право. М., 1884; Ефименко А.Я. Народные воззрения на брак // Знание. 1876. № 1 и др.

² Ефименко А.Я. История украинского народа. СПб. 1906.

³ Ефименко А.Я. Южная Русь (в 2-х тт.). СПб., 1905.

⁴ Катречко. Первая в России // Летописец Севера. Историко-краеведческий сборник. Архангельск, 1990. С. 131-148.

⁵ Смолий А.В. Александра Яковлевна Ефименко // Город. Люди. Время. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://balakliets.kharkov.ua/stranitsy-biografii/efimenko-aleksandra-iakovlevna> (дата обращения: 13. 04. 2014); Смолий В.А. А. Я. Ефименко: очерк жизни и научного творчества // Ефименко А.Я. История украинского народа. Киев, 1990. С. 403-426.

⁶ Платонов С.Ф. Александра Яковлевна Ефименко: Некролог // Дела и дни. 1920. Кн.1. С.617-618. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://qwerqus.narod.ru/efimenko_bio.htm (дата обращения: 10. 05. 2014).

⁷ Скакун О.Ф. Исторические взгляды Ефименко. Харьков, 1968.

⁸ Свиначенко Н.О. Соціально-економічні проблеми у дослідженнях О.Я. Єфименко [Эл. ресурс]. –

Режим доступа: [//Http:nauka.hnpu.edu.ua/sites/default/files/fahovi%20vudannia/2009/statti%20istoria%20geografia%2031/44.html](http://nauka.hnpu.edu.ua/sites/default/files/fahovi%20vudannia/2009/statti%20istoria%20geografia%2031/44.html) (дата обращения: 10. 06. 2014).

- ⁹ Минеева Т.А. «Наука для всех одна...» (женщины-историки в России второй половины XIX в. // Женская история и современные гендерные роли / под ред. Н.Л. Пушкаревой и др. М., 2010. С. 328.
- ¹⁰ Справочная книжка для слушательниц ВЖК на 1916-1917 академический год. Пг., 1916.
- ¹¹ Труды Всероссийского съезда по образованию женщин. В 2 т., Том 1, СПб., 1914. С. 22-24. Речь А.Я. Ефименко на I Всероссийском съезде по образованию женщин в наиболее полном виде опубликована в журнале «Известия Русского Севера». 2011. № 5. С. 22-24.
- ¹² Чехова Е.Н. Воспоминания о женщинах-профессорах. Александра Яковлевна Ефименко// Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878-1918 гг.). Л., 1965. С.191-194.
- ¹³ Слушательницы Петроградских Высших женских (бестужевских) курсов на втором году войны. Пг. 1916.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ АРКТИЧЕСКИХ МЕТЕОСТАНЦИЙ В 1920-1930 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ АРКТИКА»)

А.Ф. Чурсанова

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
Архангельск, chursanova.a@yandex.ru

Арктика — это особый регион мира, который всегда притягивал людей своими природными тайнами, манил к себе путешественников, а в последние столетия стал привлекателен благодаря богатству своих недр и в силу геополитических факторов.

XX век открыл новый этап в истории освоения Арктики. Начавшаяся мировая война приостановила этот процесс, но уже в 20-е годы молодое советское правительство поставило задачу укрепления экономического и военно-стратегического положения государства на северных границах. В 1921 году В. И. Ленин подписал декрет об образовании Плавучего морского научного института, который должен исследовать Северный Ледовитый океан и прилегающие к РСФСР побережья Европы и Азии. В институте создавались биологическое, гидрологическое, метеорологическое и геологическое отделения. [1, с. 161-163]. В деле освоения новых полярных акваторий в 20-30-е годы стояла важная задача - обеспечить переход от периодических экспедиций к стационарным работам в Арктике. Для этого необходимо было расширить сеть полярных станций. В дореволюционной России было организовано всего около 8 метеостанций в Арктике. В 1877 году была создана первая русская полярная станция Малые Кармакулы на островах Новой Земли, вторая — в дельте Лены, на острове Сагастырь. В 1906 г. открылась станция в Дудинке (на реке Енисей), в 1913 г. — в Югорском Шаре (Карское море), в 1914 г. — Марре-Сале (полуостров Ямал) и на мысе Болванский Нос (остров Вайгач), в 1915 г. — на острове Диксон, и в 1916 г. — на мысе Дежнева.

В 20-е годы XX века сеть полярных станций значительно расширилась. В 1923 году была построена первая полярная станция с мощной геофизической лабораторией в проливе Маточкин Шар на Новой Земле. В 1929 году появилась станция на Земле Франца-Иосифа (эта территория была включена в состав Советской России в 1926 году); осенью 1931 года была сооружена радиостанция на Мысе Желания - самой северной оконечности Новой Земли, а спустя год - «полярка» на мысе Челюскина на Таймыре [2, с. 21]. От программы полярной станции и характера наблюдений зависело то, какой на станции был персонал[3]. В 20-30 е-г. на станциях появляются смешанные коллективы, что позволяет рассматривать данную тему в точки зрения гендерных исследований [4].

В 30-х годах Арктика становится частью общего социалистического строительства Советского Союза: «...вся наша работа в Арктике была и есть суровая и радостная борьба за победу социализма, частью которого является дело «скорейшего превращения арктических

пустынь в великий Северный морской путь нашей великой социалистической родины» [5, с. 19]. В пятилетнем плане (1933-1937), появился раздел «Освоение Советской Арктики».

Обширный круг северных проблем должна была охватить мощная организация, созданная на правах министерства в 1932 году - Управление «Главсевморпуть». Она имела жесткую структуру центральной организации во главе с начальником, без которого не принималось ни одно решение. Первым начальником «Главсевморпути» (1932-1938 гг.) стал известный полярный исследователь О.Ю. Шмидт.

Организация бытовой стороны жизни станций и различного рода культурных мероприятий полностью возлагалась на Политуправление Главсевморпути, которое обязано было следить за поставкой продовольствия и медикаментов на станции, за жилищно-бытовыми условиями полярников. Для успешной работы полярных станций были важны не только техническая оснащенность и научная составляющая подготовки исследовательских работ, но и организация бытовой обстановки, психологическая совместимость и многие другие факторы, проявляющаяся в повседневной жизни полярников и полярниц. До сих пор сравнительно малоизученными остаются такие аспекты, как особенности быта, организация праздников, психогигиена и гендерная специфика коллективов полярников. В журнале «Советская Арктика» в отчетах полярных станций можно найти описания повседневной жизни полярных станций, проследить особенности культурно-просветительской деятельности на них.

Весьма важно, какие люди попадали на работу в Арктике. Во-первых, это были хорошо подготовленные профессионалы. В 1933-1935 гг. открылись курсы метеорологов-наблюдателей, аэрологов и гидрологов, синоптиков при Всесоюзном Арктическом институте, при гидрографическом вузе Главсевморпути и др. За 3 года на этих курсах было подготовлено 180 научных сотрудников-наблюдателей. В 1933-34 гг. были организованы курсы переквалификации радистов и механиков радиостанций [6, с. 14]. С марта 1936 года открылись курсы водолазов, начали работать кружки кочегаров, машинистов, рулевых [7, с. 122]. Кроме того, кадры подбирались по состоянию здоровья. Каждый кандидат на зимовку должен был пройти осмотр в 7 медицинских кабинетах. Не допускались неврастеники, люди с сердечными, легочными, зубными и венерическими заболеваниями. Многие полярные станции снабжались медицинским персоналом. В 30-х годах на острове Диксон и в бухте Тикси появились первые в Арктике больницы — коечные стационары. 19 врачебных точек были снабжены горным солнцем (по всей видимости, оборудованными площадками по типу солярия), медикаментами и хирургическим оборудованием. Но в основном медицинские специалисты занимались профилактикой и предупреждением болезней, а не лечебной практикой, так как каждый зимовщик был обязан раз в месяц проходить медицинский осмотр.

Как известно, бич всех полярных экспедиций - цинга. Решающую роль здесь играет правильный режим питания. В целях профилактики врачи составляли меню на каждый день. В него обязательно должны были входить свежие овощи, томат-паста, лимоны или хотя бы лимонный сок. Многие фрукты и овощи закапывались в снег, что обеспечивало их сохранность в течение года [6, с. 14-17].

Вопросами питания занимался полярников занимался Московский Институт инженеров общественного питания - учебное заведение, которое вырабатывало необходимые концентраты для Севера. В Институте изготавливались брикеты щей и борща из свежих овощей, горохового супа, мясные и рыбные котлеты в порошке, витаминные сухари, бисквиты, конфеты и витамины. Институт искал новые способы получения и сохранения витамина «С»: применял пчелиную пыльцу, изготавливал варенье из черной смородины (консервировал ее в сыром виде). Также арктическим меню занимался Институт народного питания. Он разрабатывал нормы питания для экспедиций, режим питания для людей, длительное время живущих в Арктике. Витаминный отдел Института народного питания выработал концентраты и препараты витамина «С», которыми обогащались конфеты, сухари

и другие пищевые изделия, которые легко можно было перевозить на дальние расстояния [8, с. 102].

С переходом к стационарным методам исследования Арктики необходимым стало решение жилищной проблемы. Суровые климатические условия требовали постройки домов из качественной древесины. Первые зимовщики зачастую жили в палатках. В начале 30-х гг. не существовало единого типа жилых зданий, дома строились в спешке, в 1932 году на полярных станциях было возведено 11,7 тыс. кубометров жилой площади, но качество строений не удовлетворяло элементарным требованиям. Например, каменные дома в Маре-Сале и на Югорском Шаре дали трещину из-за холода. Температура в этих домах доходила до минус 20 градусов, наращивание льда - до 30-40 сантиметров. Дома по типу «Свиньиная» - круглые постройки - также оказалась неприемлемыми для условий Арктики, так как сохранение прочности круглых стен оказалось делом трудным [6, с. 18].

Зачастую неудачно выбирали место для постройки жилплощади. Так, в 1926 году на о. Врангель был собран дом на склоне небольшого берегового холма. Обычно к середине зимы дом превращался в глубокий подвал, у дверей выкапывались высокие лестницы, а для окон рыли туннели, чтобы дать доступ свету и воздуху. Зимовщики зачастую не пользовались дверями, а ходили через чердачное окно. Во время длительной пурги им приходилось подолгу сидеть в комнате и дышать спертым и загрязненным от газов керосиновых ламп воздухом [9, с. 101-102].

В 1935 году были разработаны проекты построения новой жилплощади по единым планам и схемам. На всех островах возводились прочные рубленые деревянные дома из бруса толщиной 18-30 см с кирпичными печами. Снаружи их обшивали тесом, а внутри покрывали штукатуркой. Такие здания не требовали долгой сборки, в них хорошо сохранялся определенный тепловой режим. Обычно такой дом строился на 4, 7, 10, 15 или 20 человек, в комнатах размещалось по 2 человека.

Отдельные помещения отводились для столовой; кухни с плитой, шкафом для выпечки хлеба и «коробкой» для нагрева воды; теплой уборной (что важно для здоровья женщин) [10, с. 19]. Рядом с жилищем строились бани и продовольственные склады. Полярники стремились создать домашний уют в жилых помещениях - в Политуправление Главсевморпути часто шли письма с различными просьбами: привезти линолеумом, осветительные приборы, мебель и др. Полярники сами утепляли стены опилком, весной очищали территорию от мусора [11, с. 65]. Иногда метеорологи и синоптики «переквалифицировались» в плотников и маляров. В «Советской Арктике» сообщалось, например, что «комсомолка Семенцова взялась проконопатить дом обсерватории», «старший метеоролог и радист принялись настилать пол жилого дома, ставить косяки и подгонять двери к комнатам», «комсомолы-радисты и научные работники решили отделать красный уголок» [12, с. 59-60]. Подобным образом зимовщики заботились о благоустройстве и уюте своего временного места жительства.

Для решения продовольственной программы и профилактики цинги в строящихся полярных районах в теплицах и парниках круглый год выращивался зеленый лук, огурцы, помидоры, редис и другие овощи. Регулярная охота обеспечивала полярников свежим мясом и птицей. Однако возникали проблемы с доставкой на острова целого ряда элементарных вещей. Например, на Игарке имелись запасы лаврового листа и корицы на 15 лет, а многие промышленные товары (зубной порошок, щетки и др.) находились в дефиците [13, с. 22].

За снабжение полярных станций отвечало отдельное ведомство - Арктикснаб, на страницах периодической печати часто отмечается небрежность и халатность его деятельности. Например, для зимовки на о. Таймыр в 1937 году на корабль «Русанов» «погрузили живой скот, но забыли отпустить необходимое количество сена, - в результате скот исхудал, потерял в весе». Были жалобы: «в комплекты теплого белья кладут рубашки шестого размера, а кальсоны - третьего, в меховых изделиях мех полупрелый, в таком...обмундировании при морозе 20-30 градусов можно обморозиться...».

Снабжение станций зависело и от обстановки в арктических морях. Например, в 1937 году пароход «Унжа» зимовать во льдах. Работникам станции пришлось растягивать на всю зиму небольшие запасы, которые доставил им «Русанов» [14, с. 62].

Помимо материального снабжения уделялось внимание культурному времяпровождению и отдыху. На каждой станции имела библиотека с политической, социально-экономической, технической литературой и беллетристикой. В «Советской Арктике» отмечалось, что «как бы ни была мала станция, даже если на ней всего 3-4 зимовщика, книг на ней не менее, чем на 400-500 руб.» [6, с. 17]. Разумеется, не допускалось никакой «вредоносной» литературы, иногда в отчетах специально указывалось, какие книги зимовщики читали в тот или иной вечер. Среди них были: «Петр Первый» Толстого, «Южный полюс» Амундсена, «Разин Степан» Чапыгина, «Что партия требует от коммуниста» Ярославского, «Свет погас» Киплинга, «Три цвета времени» Виноградова, «Одноэтажная Америка» Ильфа и Петрова, «Технические рецепты по всем отраслям производства» и др. [15, с. 42].

На всех станциях регулярно работали политические и общеобразовательные кружки, а также кружки по повышению общего образования и ликбезу. Особенно активной их деятельность была во время полярной ночи. Так, в бухте Тихой научные работники читали лекции и проводили беседы. Были созданы кружок по истории партии, политграмоты, кружок ленинизма, санкружок, математический и музыкальный кружки [16, с. 101].

На полярной станции о. Белый Ольга Комова вела кружок по изучению иностранного языка: полярники пытались беседовать на английском языке, читать и переводить романы. «Советская Арктика» отмечала, что *«в результате годичной работы старший радиотехник К. К. Сурмач, радиотехники Москвин, Антонов и Кульбацкий... научились читать и переводить английский текст»* [17, с. 98]. На острове Диксон работал кружок по изучению Конституции и «Положения о выборах в Верховный Совет» и драмкружок, который репетировал в 1938 году пьесу «Родина», *«которая будет поставлена в октябрьские торжества»*. [15, с. 40].

В конце июля 1937 года на полярной станции мыс Шмидта открылся краеведческий уголок. Научные работники сделали для уголка около 30 красочных таблиц, характеризующих климат; гербарий главнейших растений; чучела птиц; образцы горных пород и фотографии, рисующие быт и промыслы местного населения. Основной задачей работников краеведческого уголка являлась организация и руководство краеведческой работой среди местного населения и учеников ближайших школ [18, с. 98].

Не чувствовали себя полярники и оторванными от внешнего мира. В 1938 в связи с нарастанием фашистской угрозы и событиями в Испании, Китае, Чехословакии, молодежь, в том числе девушки, осваивали военное дело, стрельбу из малокалиберной винтовки. Регулярно проводились тренировки на лыжах на дистанции 5-10 км, занятия по ориентировке в арктических условиях, езде по карте и компасу и др. [19, с. 25-26]. На всех станциях устанавливались широкоэвещательные радиоприемники. В бухте Тихой трансляционный радиоузел с наушниками имелся в каждой комнате [16, с. 101]. *«Четыре раза в день слушаем радиоизвестия непосредственно из Москвы. Слышимость прекрасная. Знаем все основные события по Советскому Союзу и за границей»*, - сообщали зимовщики [20, с. 88].

Выпускалась на станциях и стенгазета или печатные органы, на страницах которых освещалась деятельность, достижения или промахи работников. Так, на о. Диксон выходили стенгазеты «Полярная стройка», «За полярную связь» и «Портостроитель». Местные художники рисовали карикатуры на лодырей и отстающих. Выпускалась юмористической газета «Подзатыльник» - прототип «Крокодила» - подмечавшая ряд недостатков в жизни острова [21, с. 26].

Каждая станция снабжалась патефоном с пластинками и различными музыкальными инструментами: гитарами, балалайками, баянами, иногда даже имелось пианино. Популярными у зимовщиков были настольные игры (шахматы, шашки, домино, бильярд),

часто устраивались различные турниры и соревнования. Организовывались вечера самодеятельности, товарищеские ужины с танцами. Приветствовалось занятие спортом: волейбол, катание на лыжах или коньках. На о. Диксон даже имеется набор фехтовальных принадлежностей, боксерское оборудование [6, с. 17].

Особую культурно-просветительскую роль в Арктике играли театры. Деятельность Заполярного театра можно считать феноменом советской культуры, когда столичные актеры добровольно отправлялись в рискованный рейс и играли в своеобразных условиях. «Сцена» зачастую располагалась в скромной по размерам кают-компании зимовщиков. Изобретательные участники Заполярного театра собирали у работников Диксона зеркала и устраивали «своеобразный агрегат из зеркал», преломляющий солнечные лучи и усиливающий свет на сцене [22, с. 109].

Первый советский заполярный театр Политуправления Главсевморпути по маршруту: Красноярск – Игарка – остров Диксон — выехал из Москвы в мае 1935 года. В репертуар театра входили классические и советские пьесы: Мольер «Тартюф», Гольдони «Трактивица», Островский «Без вины виноватые», Арбузов «Шестеро любимых» и др. Помимо сценической работы, театр занимался организацией массовых культурных мероприятий, праздников, гуляний, лекций, бесед, громких чтот, конкурсов, организацией вечеров отдыха и развлечений (танцы, песни, игры). Труппа состояла из 10 мужчин и 4 женщин - артистов всех московских театров.

Таким образом, в 30-е годы происходило не только открытие новых полярных станций, но и обустройство старых. Постепенно заполярные территории (Шпицберген, Диксон) превращались в настоящие города советского типа. Управление Главсевморпути стремилось поддерживать стремление зимовщиков создать максимально домашние условия в пределах Арктики, от этого зависела эффективность их работы. В полярных широтах на человека действует ряд психогенных факторов: ограниченное пространство, постоянный холод, сырость, темнота на протяжении зимовки, не слишком разнообразная еда. Кроме того, постоянная угроза для жизни, информационный и сенсорный голод, групповая изоляция, невозможность уединения порождали постоянное психическое напряжение.

На всех зимовщиков отрицательно сказывалась полярная ночь. Это выражалось в падении уровня работоспособности и внутренней дисциплинированности, в росте неряшливого отношения к себе и вещам. Устройство интерьера, организация праздников и вечеров самодеятельности, наличие качественной литературы, музыки, кинофильмов — все это становилось своего рода мерами защиты от разрушающих психику факторов и поддержания благоприятного психологического климата в коллективе. Именно на советских полярных станциях были найдены лучшие средства борьбы с эмоциональным голодом — юмор, шутки, розыгрыши, карикатуры.

В рамках культурно-просветительной политики советского государства обязательными были политзанятия, как и на любом производстве на Большой Земле. Очень важную роль в утолении информационного голода играло на полярных станциях радио. Слушая новости, полярники ощущали связь с внешним миром, что смягчало постоянное чувство оторванности. Разумеется, благоприятное психологическое воздействие оказывали письма от близких и родных, что является отдельной темой изучения.

Важно было и то, что наряду с мужчинами, в Арктике стали работать и женщины: это были жены полярников, ученые, врачи и учителя. Они привносили свою специфику в повседневность полярников, но благотворно влияло на возможность жить продолжительное время в суровых условиях Арктики.

Благодаря деятельности полярных метеостанций в 20-30-е гг. XX века в освоении Арктики был сделан огромный шаг и решена главная задача — бесперебойно стал действовать Северный морской путь.

-
1. Булатов В.Н. Русский Север. Книга пятая: Ворота в Арктику. Архангельск, 2001.
 2. Корякин В.С. Челюскинская эпопея. М, 2011.

3. *Сашенков Е.П.* Полярная почта. М, 1975. [Эл. ресурс]. — Режим доступа: <http://www.fmus.ru/article02/Pol/contents.html>(дата обращения 16. 05. 2014).
4. *Здравомыслова Е., Темкина А.* «История и современность: гендерный порядок в России» // «Гендер для «чайников»». М, 2006.
5. *Бергавинов С.А.* Существо работы политотделов // Советская Арктика. 1935. № 1.
6. *Карбатов В.П.* Полярные станции в 1935 году // Там же. № 4.
7. Хроника. Подготовка кадров // Там же. 1936. № 4.
8. *Караваева Т.* Проблема питания в Арктике // Там же. 1938. № 6.
9. *Минаев А.И.* Полярная ночь // Там же. 1936. № 1.
10. *Ремов В.А.* Постройка зданий полярных станций // Там же. 1935. № 4.
11. *Поблодзинский Л.* На мысе Стерлегова // Там же. 1939. № 1.
12. *Васильев П.* Полярная станция в бухте Тикси // Там же. 1940. № 1.
13. На приеме в Кремле // Там же. 1936. № 3.
14. В чем нуждаются полярные станции (по радио с зимовок) // Там же. 1938. № 2.
15. День полярных станций (отчеты) // Там же. 1938. № 1.
16. *Битрих И.Ф.* Два года в бухте Тихой // Там же. 1937. № 2.
17. *Савельев А.А.* Опыт лучших полярных станций передать всем зимовщикам // Там же. 1937. № 3.
18. *Кузнецов М.* От слов к делу // Там же. 1938. № 8.
19. *Смирнов А.* Молодежь острова Диксона овладевает военным делом // Там же. 1938. № 10-11.
20. Как мы живем и работаем. Остров Уединения // Там же. № 6.
21. *Светаков А.В.* Наша зимовка // Там же. 1935. № 5.
22. *Державин М.* Театры в Арктике // Там же. 1938. № 6.
23. *Бочаров М.Н.* Игарка // Там же. 1936. № 6.

ПОСЛЕВЕНЧАЛЬНЫЙ ЦИКЛ ОБРЯДОВ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ АРХАНГЕЛЬСКОГО СЕВЕРА В КОНЦЕ XIX – XX ВВ.: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

А.А. Чухина

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Архангельск

Повсеместно на Архангельском Севере жених и невеста к венцу ехали отдельно: как правило, жених с тысяцким, а невеста со сватьей/божаткой. Только в каргопольском обряде существовал наряду с указанным другой вариант – невеста с женихом с самого начала едут рядом, жених на коленях у товарища, невеста – у подружки [9, с. 59].

После совершения священником обряда венчания невесте тут же в церкви заплетали волосы в две косы. Этот момент был характерен так же для всей исследуемой территории, кроме Каргопольского уезда, где волосы невесте переплетали уже во время свадебного стола [7, с. 3]. Здесь этому действию придавалось гораздо большее значение, чем в других регионах. Происходит этот обряд так. Угол, где сидели новобрачные завешивали большим платком. Жена тысяцкого надевала кокошник на молодую. Сваха расплетала у нее косу и заплетала две косы там же за занавеской. [17, с. 35].

Родители жениха и невесты не ездили в церковь, потому что "считалось грехом быть при венчании своих детей" [6, с. 357]. В некоторых источниках упоминается так же что к венцу не должны были ездить подружки невесты (Пинежский, Шенкурский уезды) [23, с. 71; 11, с. 10].

Во время венчания существовали приметы, пытавшиеся предугадать будущую жизнь, например, "когда жених и невеста пойдут к налою, и когда кто-нибудь из них первый станет правой ногой на подножие, то это знак того, что тот всю жизнь будет первенствовать над

другим"; "у кого из брачующихся во время венчания свечи сгорят более чем у другого, тот из них прежде умрет" [14, с. 3].

Из церкви новобрачные ехали уже вместе, причем в каргопольской традиции "молодой князь сидит непременно на коленях молодой жены. Сиденьем на коленях выражается понятие о жене, как о рабе, которая безапелляционно должна переносить произвол своего господина" [6, с. 356].

Приезд молодых от венца в дом молодого сопровождался весьма сходными магическими и ритуальными действиями. Во время продвижения свадебного поезда жгли соломой, паклю, смоляные бочки, стреляли солью, бумагой, холостыми зарядами. В шенкурской традиции молодая должна была кланяться всю дорогу от церкви до дома независимо от того встречался ли кто-нибудь на пути [11, с. 35].

Молодых в сених или на повети (Пинега) встречали родители молодого, при этом свекровь могла быть в вывернутой наизнанку шубе или медвежьей шкуре (Поморье), присутствующие обсыпали молодых житом, в среднем и верхнем течении Пинеги свекровь давала молодой в руку узелок, где завязано жито и шерсть от овец, чтоб жилось богато [13, с. 77].

В Поморье приезд молодых от венца имел особое название – *приводно* [1, с. 4]. Термином *приводно* обозначались вышеуказанные действия по приезде молодых от венца (встреча молодых, обсыпание житом, благословление и т. д.); на остальных территориях особого терминологического обозначения этих актов не существовало. На большинстве поморских берегов *приводно* длилось недолго и обычно заканчивалось небольшим отдыхом молодых в отдельной комнате перед свадебным пиром.

Свадебный пир назывался в Поморье по – разному: *почесье* (Зимний берег); *большой обед, общий стол* (Поморский берег, Летний берег); *приводный стол* (Онежский берег). Обязательными актами здесь являлись вывод и открывание молодицы, одаривание молодицей своей новой родни (вторые *дары*) и ношение ею *чарки*. Открывание молодицы, как правило, совершал отец жениха или тысяцкий: держа в руке специальный пирог или хлебец, он приподнимал пирогом конец платка, которым она была накрыта, потом захватывал его и трижды обводил вокруг голов молодых. Дары раздавались молодицей в середине или конце свадебного пира, ей помогали ее дружки – *рожники*, причем иногда свекровь тут же надевала обновки и показывала всем присутствующим. Через некоторое время после раздачи даров молодица ходила с чаркой, поднося ее по очереди участникам свадьбы со стороны мужа и его родственникам, а те, выпив чарку, клали на поднос деньги [2, с. 128-129].

Традиции населения нижнего течения Пинеги были очень похожими на поморские. Сначала идет открывание молодицы, это делает мать жениха, которая "берет хлеба краюху, каравай, завертывает с угла в невестину гомульку, скидывает и берет себе". Это происходит во время застолья – *молодин стол*. В конце *молодина стола* невеста одаривает родню мужа, "сватья из сундуков достает на поднос ложит подарок и передает молодке. Та с поклоном подает и в первый раз называет свекра батюшкой, свекровку - матушкой" [24, с. 79]. Затем молодых уводили спать примерно на час. Эти действия сопровождались обрядовым смехом – "пьяные свадебники идут молодых будить с оханьем. Подойдут к двери стучат, а сами дверь держат. Наконец, молодых выпускают. Это называется "молода выходит со списниками" (списники – полотенца – *А. Ч.*). Молодая берет сколько у ней есть списников и стоит рядом с мужем посередине полу и держит зеркало в руках. А гости все моются, проходят, наряжаются перед этим зеркалом (другие сажей вымажутся). Сколько тут смеху". После этого продолжался свадебный пир, который теперь назывался *большой стол*. В конце молодка всех пивом угощает, "каждый как выпьет ставит стакан обратно на поднос и в стакан деньги спускает. Молодка из стакана деньги вынимает и мужу в карман спускает" [24, с. 80].

В сурско – карпогорском варианте был несколько изменен порядок обрядовых действий. Перед тем, как выйти за общий стол, невеста раздает подарки новой родне,

кланяясь каждому в ноги и приговаривая: "Не осудите, наше дело небогато". К столу молодая выходит вся закрытая шалью. После трески, рыбы и каши муж раскрывает ее, и свекор благословляет их обоих хлебом, как перед венцом у невесты [8, с. 142]. Обряда ношения невестой чарки в верхне и среднепинежском обряде не было зафиксировано.

Терминологическое обозначение свадебного пира в кулойском обряде было аналогично нижнепинежскому – *большой стол*. По наблюдениям О. Э. Озаровской пинежская свадьба от кулойской отличается специфическим скоморошным тоном. В ее архиве содержатся свидетельства жителей с. Карьеполье: "Как пинежане запоют эти свои дерзные песни или охоть начнут, так мы своих коней запрягаем и разъезжаемся. Сносить этого не можем" [24, с. 126].

В мезенском обряде после приезда молодых от венца и благословения их родителями, при котором они становятся на оленью шкуру, было чаепитие, на котором дружки подносят молодым и всем гостям по рюмке вина, при этом каждый из гостей должен был подойти к молодым, поклониться, поздравить с законным браком и выпить. Затем следовал ужин, который носил название *приводной стол*. Во время ужина дружки перед каждым блюдом подавали рюмки по две вина, а молодые вставали, кланялись и просили кушать [26, с. 355]. Здесь одаривание происходило не невестой родственников жениха, а родители жениха во время благословления дарили невесте какой-нибудь подарок [5, с. 132].

В мезенском, нижнепинежском и кулойском локальных вариантах в этот момент происходили особые ритуальные действия с так называемым *местом*, то есть постелью невесты, которое в отличие от других территорий здесь выделялось из всего приданого. Так, например, в великодворской свадьбе когда привезут приданое невесты "молодину постель все сторят вниз, а молодого, хоть худую, не мудру поверх лепят. Потом женки на молодоино место лезут и катаются, пихаются: - Тебе не надо – ты двойней носишь. – Ты бесплодна. – У тебя девок много. – Вот, ты, Марья с парнями, падай, падай!" [24, с. 84].

В нижнем течении Северной Двины свадебный пир в доме жениха так же назывался *приводный стол* [5, с. 114]. Во время свадебного стола невеста "раздавала сдарье", то есть дарила подарки родственникам жениха [12, с. 163]. Ритуальное ношение молодой чарки здесь несколько отличалось от того, что мы наблюдали в поморском и нижнепинежском обрядах. Так в Усть – Пинеге данное обрядовое действие было максимально приближено к последним: невеста ходила с подносом, вином и рюмкой. Подходила к кому-нибудь из гостей и в это время исполнялась особая песня. Те, к кому обращались должны одаривать. Обычно клали на поднос деньги. Так невеста должна была обойти всех [19, с. 5-6]. В Емецке, например, это действие имело другой смысл, хотя текст песни был идентичен усть – пинежскому. Здесь те, кому подносилась чарка (подносила не обязательно невеста) должны были поцеловаться [20, с. 22-23].

В селениях среднего течения Северной Двины наблюдалась следующая последовательность в проведении послевенчальных обрядов: "По приезде в дом жениха закрытую невесту сажают за стол. Гости тоже размещаются за столом по чинам и рангам. Мать жениха идет за стол и становится рядом с молодой. Та трижды ей земно кланяется, знаменуя сим безусловное подчинение в будущем. Свекровь после этого снимает с молодой платок и трижды целует ее, как свою богоданную дочь. Присутствующие в избе односельчане – соседи с виновников торжества – свата и сватья – требуют угощения. Сват угощает всегда мужчин нюхательным табаком, а сватья – женщин сочными. Молодая начинает раздавать подарки родне мужа. Последний вручает ей стакан и наполняет его вином. Свекровь накрывает стакан подарком (рубашкой, платком и т. д.), а молодая с поклоном подает его сначала отцу мужа – свекру. Тот принимает стакан, снимает подарок, крестится, поздравляет молодых с законным браком и, выпив, отдает его обратно. В благодарность за подарок он полагает в стакан серебряную монету. Таким же образом получают подарки и все другие родственники" [10, с. 894]. Все эти действия, то есть свадебный пир объединялись на данной территории под названием – *прииздины* [21, с. 47].

Для нижней и верхней Ваги обязательными действиями для рассматриваемого периода свадебного обряда были открывание молодой и одаривание невестой родни жениха: "Скрывание молодой делается так: когда приедут из церкви молодые супруги и пройдут за стол, тогда мать молодого супруга снимает шаль с головы молодой и сильно кланяется сватовцу, говоря: "Спасибо тебе, сватовец, ты ездил не гористо, вывез добристо!" Дарят, прежде всего священника, если он есть, и дарят так: наливают стакан пива, в который полагают какой-либо платок и подносят все это священнику и просят принять. Священник, приняв дары и выпив стакан пива, должен отдарить молодую (потому что подносит она) положить в стакан какую – либо монету. Так же подносят подарки отцу, матери, братьям и сестрам молодого [5, с. 110]. "До общего столования свекор снимает доселе покрывавший новобрачную головной платок и, обнесши кругом голов молодых три раза, один против солнца и два по солнцу, отдает новобрачному сыну, который кладет себе в пазуху. В заключение молодой наливают, а молодая вместе с дарами подносит от своего состояния свекру и свекрови пиво и водку; после сего возвращаются к столу. Тут происходит широкий, веселый и дружный пир" [3, с. 18] (Вельский уезд). В источниках указывается, что свадебный пир в шенкурской традиции назывался *свадьба* [4, с. 6], а в вельской - *радошный* или *почесный стол* [3, с.18]. Жених и невеста в этих районах (как впрочем, и повсеместно на исследуемой территории) за общим столом практически ничего не едят. В верховьях Ваги они "закусывают до общего стола" [3, с. 18], а в низовьях после общего обеда "идут в шомушу и обедают с одной тарелки, одной ложкой, одним стаканом" [11, с. 37].

Особенности рассматриваемого этапа свадебного обряда по реке Вычегде заключались в следующем: перед приездом молодых от венца ворота в доме жениха запирали, только после того как дружка прочтет "Отче наш" ворота отпирали [15 с.4]; в начале свадебного застолья еду закрывали полотенцами: "Ярушников нарежут, шанег всяких напекут разных: шанег морковных, картожных, сырных накладывают – накладывают и всё полотенцами закроют. Хоть как исти хошь, а не трогай. Потом тысячкой прочитат "Отче наш..." и вскроют, и едят, и угощаются. Невеста всё стоит молится. Как придут с угощением – невеста поклонилась. Всё стояла кланялась" [22, с. 62].

Свадебный пир, а вместе с ним и брачная группа обрядов, заканчивалась уводом молодых спать. На некоторых берегах Белого моря (Поморский, Карельский) [2, с. 129] и в нижнем течении Пинеги [8, с. 157-158] молодых уводили спать не на всю ночь, а на короткое время от 10 минут до 2 часов. Сохранились отдельные ритуалы при приготовлении для молодых постели и при уводе их спать. Так повсеместно постель готовилась в не отапливаемой (холодной) комнате или клетки. В связи с осмыслением особой важности этого акта в народном сознании молодых вели спать самые умудренные или близкие им люди, например, это мог быть сторож (колдун) (Шенкурский уезд) [5, с. 97], мать жениха и сватья (Мезенский уезд) [18, с. 48] или крестная мать невесты (п. Кулой) [25, с. 4]. Повсеместно молодая в знак покорности снимала у мужа сапоги, за что получала деньги. В Поморье молодая просилась к супругу в постель "в товарищи": "Возьми меня в товарищи!" (называет супруга по имени и отчеству) и кланяется. "Рад товарищу" – супруг принимает ее на брачное ложе" [16, с. 102]. В Поморье [2, с. 130] и на Пинеге [8, с. 147] в или под кровать подкладывали дрова, камни, кирпичи, чучело ребенка. В Каргопольском уезде, с этой же целью – обеспечить деторождение в семье, на брачную постель стелили несколько настильников, "молодые должны были поспать на всех простынях, тогда у них будет много детей" [7, с. 3].

Кроме того, по поведению супругов в этот момент можно было предсказать их дальнейшие взаимоотношения: "Когда новобрачные в первый раз останутся в своей комнате вдвоем, то один из них, вероятно начнет какой-нибудь разговор и кто первый начнет говорить в это время тот непременно будет всю жизнь первый же и заговаривать с своей половиною. Знатоки этого дела стараются друг друга перемолчать или прибегают к таким способам, по которым один из них непременно заговорит" [14, с. 4].

1. Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН Ф. 40. Оп. 1. Д. № 15.
2. *Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья в XX – начале XIX вв. Л., 1983.
3. *Воронов П.* Вельские свадебные обряды и причеты // Этнографический сборник. Вып. 5, 1862.
4. *Добрынин Ф.* Свадебные и кунные песни в ближайших к г. Шенкурску деревнях. Архангельск, 1901.
5. *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1877. Ч. 1.
6. *Ильинский В.* Свадебные обычаи в Ряговском приходе Каргопольского уезда // Олонецкий сборник: материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. 1894. Вып. 3.
7. Каргопольская свадьба – Каргопольский краеведческий музей. 1992. С. 3.
8. *Колпакова Н.П.* Свадебный обряд на реке Пинеге // Крестьянское искусство СССР. Вып. 2: Искусство Севера. Л., 1928.
9. *Минлос Ф.* Свадебный обряд Каргополя // Живая старина. 1995. № 2 .
10. *Мокеев П.* Песни Северо-двинских крестьян // Известия АОИРС. 1913. № 19.
11. *Молчанов Н.А.* Крестьянские свадьбы в южной части Шенкурского уезда // Памятная книжка Архангельской губернии на 1907 год. Архангельск, 1907.
12. Народное творчество Северной Двины. Архангельск, 1966 .
13. Обрядовая поэзия Пинежья: материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области в 1970–1972 гг. // под ред. Н.И. Савушкиной. М., 1980.
14. Приметы в Холмогорах // Архангельские губернские ведомости. 1849. № 31.
15. Свадебный обряд на реке Вычегде // Маяк 4 июня 1974.
16. Сельские свадьбы Архангельской губернии // Русский эпос. М., 1848.
17. *Соколов И.* Увод девиц и некоторые свадебные обычаи в Каргопольском уезде // Олонецкий сборник. Вып. 1. Петрозаводск, 1875–1876.
18. *Тонков В.* Свадебные песни и обряды г. Мезени. Казань, 1931.
19. Фольклорный архив Северного Арктического федерального университета им. М. В. Ломоносова. П. 364. Оп. 3.
20. Там же. П. 339. Оп. 3.
21. Там же. П. 344. Оп. 3.
22. Там же. П. 325. Оп. 3.
23. Фольклорный фонд Рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН. Колл. 12. П. 7.
24. Там же. Колл. 266. П. 9.
25. *Шевкуленко Н.* Город Мезень // Всемирный путешественник. Сентябрь 1873.

РИСК ЗДОРОВЬЮ НАСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ, СВЯЗАННЫЙ С ВОЗДЕЙСТВИЕМ ХИМИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Т.Н. Унгурияну

Управление Роспотребнадзора по Архангельской области,
Архангельск, unguryanu_tn@mail.ru

С целью анализа общих тенденций в развитии методологии оценки риска и полученных с ее помощью результатов проведен обзор 21 опубликованной работы за период с 2006 по 2013 годы, посвященных оценке риска здоровью населения в городах Архангельской, Вологодской, Новгородской областей и в г. Санкт-Петербурге.

Обобщая наиболее характерные величины канцерогенных рисков для населения в городской среде, полученные авторами по целому ряду городов Северо-Запада России, можно выделить 4 группы городов по степени канцерогенной опасности от химических канцерогенов согласно Руководству (Р 2.1.10.1920-04) [16]. К первой группе отнесены города, население которых подвергается неприемлемому канцерогенному риску (более 1×10^{-6}

³). В эту группу вошли Санкт-Петербург и Новодвинск (табл. 1), где высокие уровни канцерогенного риска формируются за счет пищевых продуктов.

Во вторую группу по уровню канцерогенного риска были включены города, где население подвергается неприемлемому риску в диапазоне более 1×10^{-4} , но менее 1×10^{-3} . В эту группу были включены города Великий Устюг, Санкт-Петербург и Сокол. В гг. Великий Устюг и Санкт-Петербург повышенные уровни канцерогенного риска обусловлены экспозицией детского населения к канцерогенам пищевых продуктов. Во всех изучаемых городах приоритетным канцерогеном, загрязняющим пищевые продукты, является мышьяк, вклад которого в уровень суммарного канцерогенного риска колеблется от 45% до 99%.

В соответствии с литературными данными, различные соединения мышьяка имеют разную степень токсичности. В пищевых продуктах мышьяк может присутствовать в разных формах, не обязательно токсичных. Токсичные свойства мышьяка относятся к его неорганическим формам. По данным эпидемиологических исследований неорганический мышьяк при ингаляционной и пероральной экспозиции увеличивает частоту возникновения рака органов дыхания, печени, кожи, органов пищеварения, мочевого пузыря, почек, предстательной железы.

В российских санитарных правилах и нормах, касающихся гигиенических требований безопасности пищевых продуктов мышьяк нормируется суммарно без разделения на органическую и неорганическую формы. Из-за отсутствия дифференцированного подхода к нормированию мышьяка в пищевых продуктах невозможно оценить уровни содержания его токсической формы. Ситуация осложняется и тем, что лабораторные методы исследования не всегда позволяют определять органический и неорганический мышьяк в различных средах, поэтому происходит переоценка канцерогенного риска за счет содержания мышьяка.

Кроме пищевых продуктов, высокий уровень канцерогенного риска в городах Великий Устюг и Сокол формируется канцерогенными веществами, загрязняющими питьевую воду. Основным источником водоснабжения на территории Вологодской области являются поверхностные воды, покрывающие около 96% потребности общего водопотребления. Исследования, выполненные в разные временные периоды, показали, что канцерогенный риск химического загрязнения питьевой воды в целом на территории Вологодской области по данным мониторинговых исследований составил $4,1 \times 10^{-4}$ для совокупного населения и $2,27 \times 10^{-4}$ для взрослого населения [5, 6]. В Великом Устюге и Соколе уровни канцерогенного риска для детского населения составили $7,92 \times 10^{-4}$ и $5,0 \times 10^{-4}$ соответственно [3, 11]. Наибольший вклад в уровни канцерогенного риска на территории Вологодской области вносит мышьяк (50-80%), в Великом Устюге канцерогенный риск на 57,5% формируется за счет ЛГУВ.

Третья группа городов по уровню канцерогенного риска включает территории, на которых население подвергается допустимому риску, то есть верхней границе приемлемого риска – 1×10^{-4} и менее. В эту группу вошли города Санкт-Петербург, Великий Устюг, Архангельск и Новодвинск. Основной средой, формирующей допустимый канцерогенный риск во всех городах, является атмосферный воздух. К числу приоритетных канцерогенов атмосферного воздуха, вносящих наибольший вклад в формирование канцерогенного риска среди населения городов, по данным выполненных исследований относятся формальдегид, бензол, шестивалентный хром, зола углей, сажа, бенз(а)пирен, ацетальдегид, эпихлоргидрин, свинец.

Анализ результатов исследований оценки многосредового канцерогенного риска здоровью населения показал, что в городах Великом Устюге и Соколе при одновременном воздействии канцерогенов атмосферного воздуха, питьевой воды и пищевых продуктов, приоритетными воздействующими средами являются питьевая вода и пищевые продукты (86%), в г. Череповце – атмосферный воздух [3, 4, 11]. Самый высокий уровень канцерогенного риска при воздействии канцерогенов атмосферного воздуха и питьевой воды получен в исследовании Окуловского Г.Н. с соавт. [13], которые показали неприемлемый риск развития злокачественных новообразований в Великом Устюге среди детского и

взрослого населения ($2,79 \times 10^{-2}$ и $6,07 \times 10^{-3}$ соответственно). Однако в исследовании, выполненном также в Великом Устюге, но значительно раньше [11], оцененный риск здоровью детского населения при воздействии канцерогенов атмосферного воздуха, питьевой воды и продуктов питания был неприемлемым, но существенно меньшим ($1,18 \times 10^{-3}$), чем в исследовании Окуловского Г.Н. с соавт. [13]. Показано, что в число приоритетных факторов риска при комплексном воздействии на детское население Великого Устюга входит загрязнение питьевой воды и продуктов питания, их доля в пероральном поступлении составила 85,7% от суммарного канцерогенного риска.

В работе Кузнецовой с соавт. [4], выполненной в городе Череповце, установлено, что при комплексном воздействии веществ с продуктами питания, питьевой водой и атмосферным воздухом суммарный канцерогенный риск для населения составляет $2,5 \times 10^{-4}$. В число приоритетных факторов риска при комплексном воздействии входит загрязнение питьевой воды и продуктов питания, доля которых при пероральном поступлении составляет 62,5% от суммарного канцерогенного риска. Вклад загрязнения атмосферного воздуха в суммарный уровень риска при ингаляционном пути оказался 37,5%.

В г. Новодвинске диапазон общего канцерогенного риска при многосредовом воздействии канцерогенов всех сред может варьировать от настораживающего ($TCR = 2,7 \times 10^{-4}$) до высокого уровня ($TCR = 4,8 \times 10^{-3}$). И если, настораживающий общий канцерогенный риск обусловлен преимущественно формальдегидом атмосферного воздуха (85%), то высокий уровень общего канцерогенного риска может быть связан, главным образом, с неорганической формой мышьяка в пищевых продуктах (94%).

Большое число работ посвящено оценке риска неканцерогенных эффектов от воздействия химических веществ, загрязняющих атмосферный воздух и питьевую воду. К числу приоритетных химических веществ атмосферного воздуха, обладающих общетоксическим действием в г. Санкт-Петербурге относятся диоксид азота, взвешенные частицы, марганец, оксид меди [10], в г. Новодвинске – взвешенные частицы, хлор и диоксид хлора, сероводород, метилмеркаптан, диоксид азота, формальдегид [18], в г. Череповце – формальдегид, бенз(а)пирен, взвешенные частицы [14]. По значениям индексов опасности наибольшему неблагоприятному действию при ингаляционной экспозиции химических веществ на всех территориях подвергаются органы дыхания. Кроме того, аэрогенные поллютанты вызывают повышенный риск развития общетоксических эффектов со стороны иммунной, нервной, сердечно-сосудистой систем и системы крови.

В литературе, посвященной аэрогенному неканцерогенному риску, значительное внимание уделяется оценке ущербов здоровью населения, обусловленных загрязнением атмосферного воздуха взвешенными частицами. В городах Новгородской области оценен популяционный риск влияния взвешенных частиц. В г. Великий Новгород загрязнение атмосферного воздуха взвешенными частицами обуславливает 749 дополнительных случаев заболеваний органов дыхания среди всего населения города в год, в г. Боровичи – 137 случаев, в г. Старая Русса – 80 случаев [15].

Популяционный риск влияния общей фракции взвешенных частиц в г. Новодвинске составляет 10 случаев дополнительной смерти в год среди населения города от всех причин, исключая внешние причины. Ущерб, связанный со смертностью от болезней органов кровообращения составляет 4 случая или 1,4%, а от болезней органов дыхания – 2 случая или 5,4%. Атрибутивное число обращений по поводу обструктивных болезней легких среди общей популяции, обусловленное влиянием взвешенных частиц, составляет 15 случаев в год или 3% [21].

Химические вещества, загрязняющие питьевую воду, в городах Вологде, Череповце и Соколе вызывают повышенный риск развития общетоксических эффектов со стороны нервной системы, органов пищеварения, печени, почек и кожи. Приоритетными токсикантами питьевой воды, оказывающими неблагоприятное воздействие на критические органы и системы в этих городах являются мышьяк, трихлорэтилен, хлор, бор [1, 3, 7, 13, 17].

Таблица 1

Группировка территорий Северо-Западного федерального округа по уровню
индивидуального канцерогенного риска от химических веществ

Территория	Среда	Период	Группа	Вклад	Авторы
Индивидуальный канцерогенный риск более 1×10^{-3}					
Санкт-Петербург	Продукты	2010	Взрослые	Мышьяк (70,2%), ГХЦГ (14,3%), кадмий (5,6%), ПХБ (5,5%), свинец (4,2%)	[9]
Новодвинск	Продукты	2003-2009	Взрослые	Мышьяк (99%)	[19]
Индивидуальный канцерогенный риск 1×10^{-4}-1×10^{-3}					
Великий Устюг	Продукты	—	Дети	Мышьяк (45,3%), линдан (19,7%), ПХБ (13,6%), бериллий (13%), ДДТ (5,1%), БП (2,3%)	[11]
	Вода	—	Дети	ЛГУВ (57,5%), хром VI (30%), мышьяк (12,6%)	[11]
Санкт-Петербург	Продукты	2010	Дети	Мышьяк (84,7%), ГХЦГ (15,3%)	[9]
	Воздух	2006-2011	Все	Формальдегид (64%), бензол (33%)	[10]
Сокол	Вода	2004-2009	Взрослые, дети	Мышьяк (50%), 1,2-дихлорэтан (30%)	[3]
Индивидуальный канцерогенный риск 1×10^{-5}-1×10^{-4}					
Санкт-Петербург	Вода	2005-2009	Взрослые, дети	Мышьяк (78,5%)	[22]
	Воздух	2005	Все	Формальдегид, бензол	[12]
	Почва	2009-2011	Дети	БП (75%), хром (10%), мышьяк (7,5%), свинец (6,5%)	[10]
Великий Устюг	Воздух	2009-2011	Взрослые, дети	Сажа, формальдегид, ацетальдегид, бензол, БП, эпихлогидрин, свинец, этилбензол	[11] [13]
Архангельск	Воздух	2010-2012	Все	Хром (82,3%), формальдегид (17,1%)	[2]
Новодвинск	Воздух	2005-2010	Все	Формальдегид (94%)	[18]
	Вода	2006-2009	Все	Хлороформ (98%)	[20]

Различный вклад сред показан в формировании неканцерогенного риска для детей и взрослых в исследовании Лим Т.Е. с соавт. [8] в Санкт-Петербурге. Авторы установили, что основной вклад в уровни суммарного многосредового неканцерогенного риска для детей вносят химические вещества, загрязняющие пищевые продукты (51%), атмосферный воздух (35,91%) и питьевую воду (13,53%). Для взрослых основной вклад в уровни суммарного многосредового неканцерогенного риска вносят химические вещества, загрязняющие атмосферный воздух (49,4%), пищевые продукты (43%) и питьевую воду (7,6%).

Анализ индексов опасности выполненный в г. Новодвинске [21], при многосредовой и кумулятивной экспозиции химических веществ на уровне медианных концентраций показал, что наибольшему риску развития общетоксических эффектов у всех групп населения подвергаются органы дыхания. Ведущей средой, оказывающей неблагоприятное действие на дыхательную систему, является атмосферный воздух (100%). Основной вклад в риск

развития патологии со стороны органов дыхания принадлежит формальдегиду (36%), взвешенным частицам (16%), диоксиду азота (10%), хлору и диоксиду хлора (15%), сероводороду (8%) и метилмеркаптану (6%). Высокий риск развития общетоксических эффектов со стороны иммунной системы выявлен для детей в возрастной группе 1–6 лет и нарастающий риск – для детей в возрастной группе 7–17 лет и взрослого населения. Основной вклад в риск развития неканцерогенных эффектов вносят химические вещества, загрязняющие атмосферный воздух (формальдегид и бенз(а)пирен) и пищевые продукты (мышьяк) – 84% и 15% соответственно.

Таким образом, население в крупных и монопромышленных городах Северо-Запада России подвергается повышенному риску развития канцерогенных и общетоксических эффектов, при воздействии химических веществ, загрязняющих окружающую среду. Наибольшие уровни риска установлены при многосредовом воздействии химических поллютантов. По значениям индексов опасности наибольшему неблагоприятному действию при ингаляционной экспозиции химических веществ на всех территориях подвергаются органы дыхания.

1. *Воробьева Л.В.* Формирование риска для здоровья населения в условиях централизованного хозяйственно-питьевого водоснабжения / Л.В. Воробьева, Б.В. Лимин, А.Е. Опарин, И.А. Кузнецова, И.О. Мясников // Материалы XI Всероссийского съезда гигиенистов и санитарных врачей: сб. статей. Том II. / под ред. акад. РАМН Г.Г. Онищенко, акад. РАМН А.И. Потапова. – Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2012. – С. 62 – 64.

2. *Зайцева Н.В.* Изучение здоровья населения, проживающего в зоне влияния крупного промышленного предприятия с применением оценки риска и эпидемиологических методов исследования / Н.В. Зайцева, Д.М. Шляпников, П.З. Шур, В.Б. Алексеев, Т.Н. Унгуриан, Р.В. Бузинов // Экология человека. – 2013. – № 12. – С. 33 – 39.

3. *Карлова Т.В.* Выявление приоритетных факторов риска загрязнения атмосферного воздуха и питьевой воды на территории малых городов Российской Федерации / Т.В. Карлова // Фундаментальные и прикладные аспекты анализа риска здоровью населения: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. молодых ученых и специалистов Роспотребнадзора / под общ.ред. акад. РАМН Г.Г. Онищенко, акад. РАМН Н.В. Зайцевой. – Пермь: Книжный формат, 2012. – Т.1 – С. 267–270.

4. *Кузнецова И.А.* Многосредовой риск для здоровья населения от воздействия химических веществ окружающей среды на примере города Череповца / И.А. Кузнецова, Т.И. Фигурина, Л.Ш. Петрова, Л.И. Иванникова // Материалы XI Всероссийского съезда гигиенистов и санитарных врачей: сб. статей. Том I. / под ред. акад. РАМН Г.Г. Онищенко, акад. РАМН А.И. Потапова. – Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2012. – С. 535 – 537.

5. *Кузнецова И.А.* Пути и механизм управления проблемой обеспечения населения Вологодской области питьевой воды с использованием методологии оценки риска / И.А. Кузнецова, Т.И. Фигурина, Карлова Т.В., Шадрина С.Ю., Кострова Н.В. // Гигиенические и медико-профилактические технологии управления рисками здоровью населения в промышленно развитых регионах: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ.ред. акад. РАМН Г.Г. Онищенко, чл.-корр. РАМН Н.В. Зайцевой. – Пермь: Книжный формат, 2010. – С. 246 – 249.

6. *Кузнецова И.А.* Пути обеспечения населения Вологодской области безопасной питьевой водой с использованием методологии оценки риска / И.А. Кузнецова, Т.И. Фигурина, С.Ю. Шадрина // Гигиена и санитария. – 2011. – № 1. – С. 48.

7. *Кузнецова И.А.* Хозяйственно-питьевое водоснабжение населения Вологодской области / И.А. Кузнецова, Т.И. Фигурина, Т.В. Карлова, С.Ю. Шадрина // Материалы XI Всероссийского съезда гигиенистов и санитарных врачей: сб. статей. Том II. / под ред. акад. РАМН Г.Г. Онищенко, акад. РАМН А.И. Потапова. – Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2012. – С. 151 – 154.

8. *Лим Т.Е.* Многосредовой риск для здоровья детского и взрослого населения от воздействия химических веществ / Т.Е. Лим, И.А. Воецкий, Е.В. Шутова, С.Т. Ярошевский // Материалы XI Всероссийского съезда гигиенистов и санитарных врачей: сб. статей. Том I. / под ред. акад. РАМН Г.Г. Онищенко, акад. РАМН А.И. Потапова. – Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2012. – С. 555 – 558.

9. *Лим Т.Е.* Оценки риска от воздействия химических веществ, загрязняющих пищевые продукты, для здоровья населения (на примере г.Санкт-Петербург) / Т.Е. Лим, И.А. Воецкий, Е.В. Шутова, С.Т. Ярошевский // Фундаментальные и прикладные аспекты анализа риска здоровью населения: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. молодых ученых и специалистов Роспотребнадзора / под общ.ред. акад. РАМН Г.Г. Онищенко, акад. РАМН Н.В. Зайцевой. – Пермь: Книжный формат, 2012. – Т.1 – С. 377–381.

10. *Лим Т.Е., Недре А.Ю., Недре Ю.А.* Подходы к оценке риска для здоровья населения при ингаляционном воздействии химических веществ, загрязняющих атмосферный воздух на территории

эксплуатации крупных автомагистралей Санкт-Петербурга / Актуальные направления развития социально-гигиенического мониторинга и анализа риска здоровью: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. академика РАМН Г.Г. Онищенко, академика РАМН Н.В. Зайцевой. – Пермь: Книжный формат, 2013. – С. 227 – 231.

11. *Маймулов В.Г.* Система мероприятий по предупреждению и уменьшению возникновения экологически зависимых заболеваний / В.Г. Маймулов, Б.В. Лимин, Т.В. Карлова, А.В. Скальный, Т.С. Чернякина, И.А. Кузнецова, И.В. Поздняков, А.Н. Кузнецов // Гигиена и санитария. – 2007. – № 6. – С. 14 – 16.

12. *Маймулов В.Г.* Состояние окружающей среды в Санкт-Петербурге и ее влияние на состояние здоровья детского населения / В.Г. Маймулов, С.В. Нагорный, Н.А. Пацюк, В.А. Петрашевич, Т.С. Чернякин, А.В. Суворова // Экология человека, гигиена и медицина окружающей среды на рубеже веков: состояние и перспективы развития: материалы Всероссийской науч. конф., посвященной 75-летию образования ГУ НИИ ЭЧ и ГОС / под ред. акад. РАМН Ю.А. Рахманина. – М.: Типография МГУ, 2006. – С.344 – 350.

13. *Окуловский Г.Н.* Оценка риска для здоровья населения города Великий Устюг за 2011 год при воздействии загрязнений атмосферного воздуха химическими веществами / Г.Н. Окуловский, Т.В. Карлова, А.Н. Кузнецов, Ю.Л. Яловая // Материалы XI Всероссийского съезда гигиенистов и санитарных врачей: сб. статей. Том I. / под ред. акад. РАМН Г.Г. Онищенко, акад. РАМН А.И. Потапова. – Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2012. – С. 614 – 618.

14. *Петрова Л.Ш., Моторина О.Н., Иванникова Л.И.* Многосредовой риск для здоровья населения от воздействия химических веществ окружающей среды на примере г. Череповца Вологодской области / Фундаментальные и прикладные аспекты анализа риска здоровью населения: материалы Всероссийской научно-практической интернет-конференции молодых ученых и специалистов Роспотребнадзора / под ред. акад. РАН Г.Г. Онищенко, акад. РАН Н.В. Зайцевой. – Пермь: Книжный формат, 2013. – С. 85 – 87.

15. *Росоловский А.П., Жиликов А.М., Нагорная Н.В., Карачева Т.А., Федосенко М.А.* О роли пылевого фактора загрязнения атмосферного воздуха в формировании риска возникновения болезней органов дыхания среди населения Новгородской области / Актуальные направления развития социально-гигиенического мониторинга и анализа риска здоровью: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. академика РАМН Г.Г. Онищенко, академика РАМН Н.В. Зайцевой. – Пермь: Книжный формат, 2013. – С. 265 – 269.

16. Руководство по оценке риска для здоровья населения при воздействии химических веществ, загрязняющих окружающую среду. Р 2.1.10.1920-04 – М.: Федеральный центр Госсанэпиднадзора Минздрава России, 2004. – 143 с.

17. *Славнухина Л.В.* Региональные проблемы обеспечения гигиенической надежности питьевого водопользования / Л.В. Славнухина, Е.И. Якуничева, Н.В. Воронкова // Материалы XI Всероссийского съезда гигиенистов и санитарных врачей: сб. статей. Том II. / под ред. акад. РАМН Г.Г. Онищенко, акад. РАМН А.И. Потапова. – Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2012. – С. 243 – 246.

18. *Унгурияну Т.Н.* Риск для здоровья населения от химических веществ, загрязняющих атмосферный воздух, в городе с развитой целлюлозно-бумажной промышленностью / Т.Н. Унгурияну, С.М. Новиков, Р.В. Бузинов, А.Б. Гудков // Гигиена и санитария. – 2010. – № 4. – С. 21 – 24.

19. *Унгурияну Т.Н.* Оценка химической опасности пищевых продуктов для здоровья населения / Т.Н. Унгурияну // Экология человека. – 2010. – № 12. – С. 10 – 17.

20. *Унгурияну Т.Н.* Риск для здоровья населения при комплексном действии веществ, загрязняющих питьевую воду / Т.Н. Унгурияну // Экология человека. – 2011. – № 3. – С. 14–20.

21. *Унгурияну Т.Н.* Методические проблемы оценки и управления многосредовым риском здоровью населения в городе с развитой целлюлозно-бумажной промышленностью. Автореферат дисс... д.м.н., Москва, 2013. – 42 с.

22. *Фридман К.Б.* Результаты работы по оценке риска для здоровья населения Санкт-Петербурга от воздействия химических веществ, загрязняющих питьевую воду / К.Б. Фридман, Т.Е. Лим, И.А. Воецкий // Гигиенические и медико-профилактические технологии управления рисками здоровью населения: материалы 2-й Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ.ред. акад. РАМН Г.Г. Онищенко, чл.-корр. РАМН Н.В. Зайцевой. – Пермь: Книжный формат, 2011. – С. 179 – 182.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андриянов Владимир Викторович, аспирант кафедры Лесоводства и почвоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, эксперт отдела ООПТ ГКУ АО «Центр по охране окружающей среды», Архангельск.

Бровина Анна Николаевна, магистрант кафедры Лесоводства и почвоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Архангельск.

Бызова Наталья Михайловна, кандидат географических наук, доцент, зав. кафедрой Географии и метеорологии Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, Архангельск.

Брызгалов Виктор Васильевич, действительный член РГО, Архангельский центр Русского географического общества, Архангельск.

Васильев Леонид Юрьевич, кандидат географических наук, председатель Архангельского центра Русского географического общества, Архангельск.

Давыдов Александр Никонович, кандидат исторических наук, заведующий Лабораторией охраняемых природных территорий и экологии культуры Института экологических проблем Севера УрО РАН, Архангельск.

Еремеев Владислав Борисович, инструктор промышленного альпинизма, руководитель направления высотных работ в производственной компании, Русское географическое общество, Московская область.

Еремеева Наталья Владимировна, специалист по обработке и интерпретации материалов дистанционных съемок земной поверхности, Русское географическое общество, Московская область.

Ермолин Борис Васильевич, кандидат географических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Архангельск.

Звягин Сергей Александрович, научный сотрудник Лаборатории охраняемых природных территорий и экологии культуры Института экологических проблем Севера УрО РАН, Архангельск.

Иванцов Андрей Юрьевич, кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Лаборатории докембрийских организмов Палеонтологического института имени А.А. Борисяка РАН, Москва.

Иляхунова Елена Ивановна, пресс-секретарь Северного УГМС, Архангельск.

Кондратов Николай Александрович, кандидат географических наук, доцент Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Архангельск.

Кондрескул Александр Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Политологии и социологии института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Архангельск.

Красовская Татьяна Михайловна, доктор географических наук, профессор Географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва.

Кузнецов Виктор Сергеевич, кандидат географических наук, советник директора Национального парка «Русская Арктика», Архангельск.

Лепин Геннадий Афанасьевич, действительный член РГО, Архангельский центр Русского географического общества, Архангельск.

Лисниченко Валерий Васильевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры Физики и инженерной защиты среды института судостроения и морской арктической техники Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Северодвинск.

Лисниченко Наталья Борисовна, председатель Некоммерческое партнерство «Северодвинское эколого-краеведческое общество «Будущее Поморья», Северодвинск.

Лупанова Евгения Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. (Музей М.В. Ломоносова) Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург.

Луцковская Елена Федоровна, заместитель директора по учетно-хранительской работе Северодвинского городского краеведческого музея, Северодвинск.

Любимов Владимир Алексеевич, старший научный сотрудник Архангельского областного краеведческого музея, Архангельск.

Малков Виктор Николаевич, гидрогеолог I категории ЗАО «Архангельскгеолразведка», Архангельск.

Маслова Наталья Александровна, аспирант кафедры Лесоводства и почвоведения САФУ, старший преподаватель кафедры Геодезии и земельного кадастра Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Архангельск.

Мискевич Игорь Владимирович, доктор географических наук, директор Научно-исследовательского Центра «Викинг», Архангельск.

Мосеев Дмитрий Сергеевич, старший научный сотрудник Научно-исследовательского Центра «Викинг», Архангельск.

Овсянников Олег Владимирович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник РАН, Вюрцбург, (Германия).

Пермиловская Анна Борисовна, доктор культурологии, главный научный сотрудник Института экологических проблем Севера УрО РАН, руководитель НОЦ «Культурное наследие Русского Севера», Архангельск.

Пономарева Ксения Андреевна, ведущий специалист отдела публикаций и использования документов Государственного архива Архангельской области, Архангельск.

Попа Юрий Николаевич, доктор биологических наук, доцент кафедры Экологии Национального авиационного университета, Киев (Украина).

Попова Людмила Дмитриевна, доктор культурологии, профессор кафедры Культурологии и религиоведения института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, президент Северного историко-родословного общества, Архангельск.

Ружников Андрей Валерьевич, заведующий отделом Архангельского областного краеведческого музея, Архангельск.

Сметанин Владислав Александрович, действительный член РГО, Архангельский центр Русского географического общества, Архангельск.

Смирнова Ирина Алексеевна, библиотекарь научно-исследовательской группы ЦКД ОХДФ Архангельской областной научной библиотеки им. Н.А. Добролюбова, Архангельск.

Стецун Владислав Игоревич, студент 5 курса Географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва.

Трофименко Василий Георгиевич, кандидат исторических наук, начальник отдела обеспечения сохранности документов Государственного архива Архангельской области, Архангельск.

Тульская Надежда Игоревна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва.

Унгурияну Татьяна Николаевна, доктор медицинских наук, доцент, главный специалист-эксперт Управления Роспотребнадзора по Архангельской области, Архангельск.

Фефилов Павел Лукич, краевед, член союза художников России, Комсомольск-на-Амуре.

Цветков Василий Фролович, доктор сельскохозяйственных наук, заслуженный лесовод России. профессор кафедры Лесоводства и почвоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Архангельск.

Чуракова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Архангельск.

Чурсанова Анна Федоровна, студентка 5 курса института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, научный руководитель – Чуракова Ольга Владимировна, Архангельск.

Чухина Анастасия Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Архангельск.

Шаврина Елена Васильевна, кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник ФГБУ «Государственный природный заповедник «Пинежский», пос. Пинега Архангельской области.

Шрага Моисей Хаймович, доктор медицинских наук, профессор кафедры Социальной работы Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Архангельск.

Ясински Марек Эдвард, доктор исторических наук, профессор морской археологии, департамент археологии и изучения региона, Норвежский университет науки и технологии, Тронхейм (Норвегия).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Васильев Л.Ю., Иляхунова Е.И. (Архангельск)</i> ПРЕДСЕДАТЕЛИ АРХАНГЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА	3
<i>Бызова Н.М. (Архангельск)</i> СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ЭКСПЕДИЦИЙ «АРКТИЧЕСКИЙ ПЛАВУЧИЙ УНИВЕРСИТЕТ 2014»	12
<i>Андрянов В.В., Цветков В.Ф. (Архангельск)</i> К ИЗУЧЕНИЮ ОЦЕНОК АНТРОГЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛЕСОВ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ	16
<i>Брызгалов В.В. (Архангельск, Россия), Овсянников О.В. (Вюрцбург, Германия), Ясински М.Э. (Тронхейм, Норвегия)</i> ЛОЦИЯ И НАТУРА	22
<i>Брызгалов В.В. (Архангельск, Россия), Овсянников О.В. (Вюрцбург, Германия), Ясински М.Э. (Тронхейм, Норвегия)</i> БЕЛОМОРСКИЕ ЩЕРБОТЫ: «НОВОМАНЕРНЫЕ» СУДА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII СТОЛЕТИЯ	46
<i>Давыдов А.Н. (Архангельск)</i> ЭТНОТОПОНИМИЧЕСКАЯ СРЕДА: ОСТРОВ КОЛГУЕВ НА КАРТАХ XV-XX ВЕКА	67
<i>Еремеев В.Б., Еремеева Н.В. (Московская область)</i> СПЕЛЕО-ВОДОНОСНАЯ СИСТЕМА ИМЕНИ Д.Н. САБУРОВА	103
<i>Ермолин Б.В. (Архангельск)</i> ОХРАНЯЕМЫЕ ТЕРРИТОРИИ РОССИИ В СЕВЕРНОМ ЛЕДОВИТОМ ОКЕАНЕ	111
<i>Звягин С.А. (Архангельск)</i> «ПОМОРСКАЯ ГАВАНЬ» И МОРСКОЕ НАСЛЕДИЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АРХАНГЕЛЬСКОГО СЕВЕРА	116
<i>Иванцов А.Ю. (Москва)</i> MARGARITIFLABELLUM ANATOLII – НОВОЕ ПРОБЛЕМАТИЧЕСКОЕ ИСКОПАЕМОЕ ИЗ ВЕНДСКИХ ОТЛОЖЕНИЙ ЮГО-ВОСТОЧНОГО БЕЛОМОРЬЯ	123
<i>Кондратов Н.А. (Архангельск)</i> БИОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ЗАПАДНОГО СЕКТОРА РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ: СОСТОЯНИЕ ЗАПАСОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ	127
<i>Кондрескул А.М. (Архангельск)</i> ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА В IX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВВ.	133

<i>Красовская Т.М., Стецун В.И., Тульская Н.И. (Москва)</i> ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПРИТУНДРОВЫХ ЛЕСОВ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ	139
<i>Кузнецов В.С. (Архангельск)</i> ЧЕЛОВЕК В АРКТИКЕ	144
<i>Лепин Г.А. (Архангельск)</i> ОТ РУССКОГО СЕВЕРА К РУССКОЙ АМЕРИКЕ	151
<i>Лисниченко В.В., Лисниченко Н.Б.</i> «ЧУЧУНА» И «СИИРТИ» – ЧУКОТСКИЕ «ТЕРРАКИ»	169
<i>Любимов В.А., Брызгалов В.В., Лепин Г.А. (Архангельск)</i> 70 ЛЕТ АРХАНГЕЛЬСКОМУ ЦЕНТРУ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА	175
<i>Малков В.Н. (Архангельск)</i> ЭКЗОГЕННЫЕ ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ	195
<i>Маслова Н.А., Цветков В.Ф. (Архангельск)</i> ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЗЕМЕЛЬ СИЙСКОГО ЛЕСОПАРКА	203
<i>Мискевич Иг. В. (Архангельск)</i> ГИДРОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УСТЬЕВОЙ ОБЛАСТИ РЕКИ ЧЕША В БАРЕНЦЕВОМ МОРЕ	207
<i>Мосеев Д.С. (Архангельск)</i> ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИБРЕЖНЫХ РАСТЕНИЙ ПОЛУОСТРОВА КАНИН	211
<i>Пермиловская А.Б. (Архангельск)</i> РУССКИЙ СЕВЕР В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ	214
<i>Попа Ю.Н. (Киев, Украина)</i> МОЛЧАНОВ А.А. И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЮ ВЗГЛЯДОВ НА РОЛЬ АНТРОПОГЕННОГО ФАКТОРА В БИОГЕОЦЕНОЛОГИИ	223
<i>Ружников А.В. (Архангельск)</i> МИР РЕШИЛ – ОБЩЕСТВО ПРИГОВОРИЛО	225
<i>Сметанин В.А. (Архангельск)</i> ПУТЕШЕСТВИЕ И ПРЕБЫВАНИЕ В АРХАНГЕЛЬСКЕ БУДУЩИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА	230
<i>Трофименко В.Г. (Архангельск)</i> ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ МОНАСТЫРСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВВ. НА ПРИМЕРЕ КРАСНОГОРСКОГО БОГОРОДИЦКОГО МОНАСТЫРЯ	235

<i>Цветков В.Ф., Бровина А.Н. (Архангельск)</i> К ОЦЕНКЕ БИОСФЕРНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛЕСНЫХ ЭКОСИСТЕМ ПРИТУДРОВОЙ ЗОНЫ	241
<i>Чуракова О.В., Чурсанова А.Ф. (Архангельск)</i> ПОИСКИ ПРОПАВШИХ АРКТИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ ВЛАДИМИРА РУСАНОВА, ГЕОРГИЯ СЕДОВА И ГЕОРГИЯ БРУСИЛОВА В 1914-1915 ГГ.	247
<i>Шаврина Е.В. (Пинега)</i> ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕТИ КАРСТОВЫХ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ТЕРРИТОРИИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ	253
<i>Шрага М.Х. (Архангельск)</i> ПЕРВИЧНАЯ МЕДИКО-САНИТАРНУЮ ПОМОЩЬ В ГОРОДАХ АРКТИКИ: УСЛУГА ИЛИ ПОМОЩЬ?	261

ГОД КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Научные чтения, посвященные 120-летию со дня рождения
Ксении Петровны Гемп
«РУССКИЙ СЕВЕР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

<i>Пономарёва К.А. (Архангельск)</i> ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ЛИЧНОГО ФОНДА СЕМЬИ ГЕМП В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ	272
<i>Брызгалов В.В. (Архангельск, Россия), Овсянников О.В. (Вюрцбург, Германия)</i> ЗАМЕТКИ О ПОМОРСКИХ МОРЕХОДАХ И ИХ «КНИГАХ МОРЕХОДНЫХ»	275
<i>Кондрескул А.М. (Архангельск)</i> ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ И ФИННО-УГРЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА НАКАНУНЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА.	285
<i>Лепин Г.А. (Архангельск)</i> ДВЕ СТОРОНЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ	291
<i>Лисниченко В.В., Лисниченко Н.Б. (Северодвинск)</i> ПЛАВАНИЯ РИЧАРДА ЧЕНСЕЛЛОРА В МОСКОВИЮ.	301
<i>Лупанова Е.М. (Санкт-Петербург)</i> ПОМОРСКИЙ КОМПАС-МАТКА НА ЭКСПОЗИЦИИ «М.В. ЛОМОНОСОВ И АКАДЕМИЯ НАУК XVIII В.» МАЭ РАН.	305
<i>Луцковская Е.Ф. (Северодвинск)</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ АМБУРСКОГО СКИТА В СВЕТЕ ПУБЛИКАЦИИ В КНИГЕ К.П. ГЕМП «СКАЗ О БЕЛОМОРЬЕ»	307
<i>Попова Л.Д. (Архангельск)</i> ТРИ ПОКОЛЕНИЯ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ВЕТВИ РОДА МИНЕЙКО В ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ.	313

<i>Сметанин В.А. (Архангельск)</i> НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП СТРОИТЕЛЬСТВА ВОЛОГОДСКО-АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ НА СРЕДНЕМ СТРОИТЕЛЬНОМ УЧАСТКЕ: ИЗ АРХИВНОГО ДЕЛА ПРИСТАВА ТРЕТЬЕГО СТАНА КАРГОПОЛЬСКОГО УЕЗДА	319
<i>Смирнова И.А. (Архангельск)</i> ЖИВОЙ ДУШЕ И ПАМЯТИ ПОМОРСКОЙ СТАРИНЫ: АВТОГРАФЫ НА КНИГАХ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ К.П. ГЕМП.	329
<i>Трофименко В. Г. (Архангельск)</i> ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	332
<i>Фефилов П.Л. (Комсомольск-на-Амуре)</i> РЯДОМ С ДОРОГИМИ РЕЛИКВИЯМИ.	336
<i>Чуракова О.В. (Архангельск)</i> АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВНА ЕФИМЕНКО – ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КСЕНИИ МИНЕЙКО НА ВЫСШИХ ЖЕНСКИХ (БЕСТУЖЕВСКИХ) КУРСАХ В САНКТ- ПЕТЕРБУРГЕ	346
<i>Чурсанова А.Ф. (Архангельск)</i> ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ АРКТИЧЕСКИХ МЕТЕОСТАНЦИЙ В 20-30 ГГ. XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ АРКТИКА)	351
<i>Чухина А.А. (Архангельск)</i> ПОСЛЕВЕНЧАЛЬНЫЙ ЦИКЛ ОБРЯДОВ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ АРХАНГЕЛЬСКОГО СЕВЕРА В КОНЦЕ XIX – XX ВВ.: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	356
<i>Унгурияну Т.Н. (Архангельск)</i> РИСК ЗДОРОВЬЮ НАСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ, СВЯЗАННЫЙ С ВОЗДЕЙСТВИЕМ ХИМИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ	360
СЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	366

Научное издание

ТРУДЫ АРХАНГЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Сборник научных статей

Выпуск 2

Ответственный за выпуск
В.А. Любимов

Отпечатано в полном соответствии
с качеством представленных материалов
с готового оригинала-макета

Подписано в печать 26.11.2014.
Формат 60х80/8. Усл. печ. л. 43,36. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Заказ № 2281. Тираж 220 экз.

ОАО «Соломбальская типография»
163012, г. Архангельск, ул. Добролюбова, 1